КРАСНЫЙ АРХИВ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ТОМ ЧЕТВЕРТЫЙ

4

СОДЕРЖАНИЕ.

Начало войны 1914 г.— Дневник А. А. Половцева.— Переписка В. Коковцева с Э. Нецлиным. — Семейная переписка Романовых. — Нечаев в Алексеевском равелине.—Отзвуки польского восстания 1863 г. — Письма К. П. Победоносцева. — Л. Н. Толстой в Астапове.— Письма Достоевского, Гончарова, Тютчева.—Журнал Салтыкова - Щедрина. — Достоевский в Твери. — Речь Щапова. — К истории манифеста 17 октября и т. д.

ЦЕНТРАРХИВ

1923

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Стр.

Начало войны 1914 г. Поденная запись б. министерства иностранных дел. . 3—62
Дневник А. А. Половцева (окончание) . . . . . 63—128
Переписка В. Н. Коковцева с Эд. Нецлиным. С предисловием *Ф. Ротштейна* . 129—156
Семейная переписка Романовых. С предисловием *М. Покровского* . . . . . 157—221
С. Г. Нечаев в Алексеевском равелине. *П. Щеголев* . . . . . 222—272
Отзвуки польского восстания 1863 г. в центральной России. С предисловием *Б. Козьмина*. . . . . 273—307
Доклад цензора Матвеева о сожженном марксистском сборнике . . . . . 308—316
Письма К. П. Победоносцева к Александру III. С предисловием *В. Ичета*. . 317—337
Из материалов о Л. Н. Толстом:
1) Л. Н. Толстой в Астапове. С предисловием *Вл. Максакова* . . . 338—361
2) Вокруг чествования памяти Л. Н. Толстого. Сообщил *Г. О. Гордон*. 361—364
Два письма Ф. М. Достоевского к М. Н. Каткову. С предисловием *И. Гливенко* 365—375
Два письма И. А. Гончарова к К. Н. и Р. И. Посьет. С предисловием *В. Ф. Переверзева* . . . . . 376—382
Из материалов о Ф. И. Тютчеве. С предисловием *Д. Д. Благого* . . . . . 383—392

ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ АРХИВИСТА.

Несостоявшийся журнал М. Е. Салтыкова-Щедрина „Русская Правда". Сообщил *Ю. Г. Оксман*. . . . . 393—398
К пребыванию Ф. М. Достоевского в г. Твери. Сообщил *В. П. Олисов*. 398—401
Забастовка крепостных суконщиков. Сообщил *Е. Дюбюк*. . . . . 401—405
В 50-х годах. Сообщил *В. К.* . . . . . 405—407
Речь А. П. Щапова после панихиды по убитым в с. Бездне крестьянам. С приложением снимка . . . . . 407—410
Письмо Я. В. Стефановича к В. К. Плеве. Сообщил *П. Шафранов*. 410—411
К истории манифеста 17 октября. *В. Невский* . . . . . 411—417
Революционное движение в войсках во время мировой войны. Сообщил *В. Дзюбинский*. . . . . 417—424
К истории убийства Григория Распутина . . . . . 424—426
Материалы к истории живописи в России. Сообщил *Н. В. Некрасов*. 426—433

УКАЗАТЕЛИ.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ АРХИВ Р. С. Ф. С. Р.

КРАСНЫЙ АРХИВ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ

В. В. Адоратского, В. В. Максакова, В. И. Пичета,
М. Н. Покровского, В. П. Полонского, В. М. Фриче

Том четвертый

1923

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА ПЕТРОГРАД

Гиз. № 4976. Главлит. № 11519. Москва. Напеч. 6.000 экз.

„Мосполиграф". 1-я Образцовая типография, Пятницкая, 71.

НАЧАЛО ВОЙНЫ 1914 г.

ПОДЕННАЯ ЗАПИСЬ Б. МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ

* * *

3/16 июля [1]).

На вечере у графини Клейнмихель итальянский посол спросил барона Шиллинга, как отнесется Россия к выступлению Австрии, если бы последняя решилась предпринять что-нибудь против Сербии. Барон Шиллинг не колеблясь ответил, что Россия не потерпит посягательства со стороны Австрии на целость и независимость Сербии. Маркиз Карлотти заметил, что если, действительно, таково твердое решение России, было бы полезно об этом недвусмысленно заявить в Вене, так как, по его впечатлению, Австрия способна сделать в отношении Сербии непоправимый шаг в расчете на то, что Россия, хотя и будет возражать на словах, все же не решится силою оградить Сербию от посягательств Австро-Венгрии. Между тем, если бы в Вене отдали себе отчет в неизбежности столкновения с Россиею, там, по всем вероятиям, призадумались бы над последствиями слишком решительной противо-сербской политики.

---

[1]) В архиве канцелярии министра иностранных дел хранится поденная запись событий с 3 по 20 июля ст. с. 1914 года. Документы, опубликованные в свое время в русских официальных изданиях и в официальных изданиях других стран, помещены на левой стороне листа с ссылкой на издание; на правой стороне записаны события, происходившие главным образом в Петрограде, приведены телеграммы и другие документы, касающиеся кризиса. Эта часть ведомственного дневника и печатается ниже.

Дневник отпечатан на машинке, и, повидимому, не подвергался окончательной обработке.

В дневнике дается лишь краткое содержание телеграмм, а в некоторых случаях указан лишь номер телеграммы. Поэтому в приложениях дан полный текст упоминаемых телеграмм. Последние расположены, как и в дневнике, в порядке восходящих номеров. Телеграммы за №№ 1488, 1508, 1509, 1521, 1524, 1539, 1540, 1544, 1551, 1554, 1 и 2, 1555, 1582, 1583, 1592, 1601 и 1618 нами не приводятся, как уже опубликованные. (См. «Русско-германские отношения»—«Красный Архив», т. I, стр. 167—188 и «Материалы по истории франко-русских отношений за 1910—1914 г. г.» Изд. Н. К. И. Д, стр. 520.)

В дневнике копии телеграмм Николая II и Вильгельма II сопровождены справками о времени их отправления и получения; эти справки даны в примечаниях. Перевод иностранных документов принадлежит редакции.

Записка бывшего русского посла в Берлине С. Свербеева на французском языке, разделенная и расположенная в дневнике по дням, печатается в том же порядке в русском переводе. Подлинный французский текст дан в приложениях.

Материал подготовлен к печати С. А. Пашуканис.

Ред.

Барон Шиллинг сказал послу, что может самым решительным образом подтвердить ему только что им сказанное о твердом намерении России не допустить ослабления или унижения Сербии, а потому, если настроение в Вене действительно таково, каким посол его только что описал, то барону Шиллингу кажется, что было бы долгом прежде всего союзниц Австро-Венгрии предупредить ее об опасности, к которой ведет ее политика, в виду несомненной решимости России встать на защиту Сербии.

Посол обещал телеграфировать в этом смысле в Рим и попросить итальянское правительство обратить на вышесказанное внимание венского кабинета, но заметил, что, по его мнению, в Вене произвело бы бо́льшее впечатление подобное заявление со стороны самой России, нежели со стороны союзной Италии.

Барон Шиллинг сказал послу, что, напротив того, если с таким заявлением в Вене выступит Россия, это может быть сочтено за ультиматум и обострить положение, тогда как настойчивый совет, преподанный Италией и Германией, т.-е. союзницами, был бы, конечно, более приемлем для Австро-Венгрии.

4/17 июля.

Возвращение из отпуска австро-венгерского посла.

Вернувшийся из отпуска австро-венгерский посол граф Сапари выразил желание возможно скорее увидеть министра. Ему было отвечено, что С. Д. Сазонов, уехавший на несколько дней в деревню, ожидается на следующее утро в Петербурге и готов будет принять посла на другое утро, в 11 час.

5/18 июля.

С. Д. Сазонов возвращался из кратковременной поездки в деревню. Желая возможно скорее поставить его в известность о том, что происходит, до свидания министра с австрийским послом, барон Шиллинг поехал встретить его на вокзал и на пути оттуда в министерство, сообщил ему содержание как полученной накануне из Вены телеграммы Н. Н. Шебеко № 88, так и его разговора с итальянским послом 3-го июля. Министр был озабочен этими известиями и согласился с мнением барона Шиллинга о необходимости предупредить Австрию о решимости России ни в каком случае не допустить посягательства на независимость Сербии. Министр собирался в этом смысле высказаться самым решительным образом перед австро-венгерским послом.

Вскоре по приезде в министерство С. Д. Сазонов принял гр. Сапари, который в самых миролюбивых выражениях говорил о полном отсутствии у Австрии каких-либо намерений обострить свои отношения с Сербией. Его заверения были до такой степени положительными, что вполне успокоили министра, который после этого свидания говорил

барону Шиллингу, что ему не пришлось прибегнуть к угрозам, так как австро-венгерский посол поручился ему за миролюбие своего правительства—«Il a été doux comme un agneau» [1]).

Петербург. 9/22 июля.

Исх. телеграмма в Вену, 4 часа утра, 1475.

Благоволите дружески, но настойчиво указать на опасные последствия выступления Австрии, если оно будет иметь неприемлемый для достоинства Сербии характер. Французскому и английскому послам в Вене поручается преподать советы умеренности.

Сазонов.

10/23 июля.

За обедом, в девятом часу вечера, советник итальянского посольства князь Монтереале сказал К. Е. Бюцову, управлявшему, за отсутствием князя Трубецкого, Ближне-Восточным отделом министерства, что, согласно только что полученным в итальянском посольстве сведениям, Австро-Венгрия должна была в этот день предъявить Сербии совершенно неприемлемый ультиматум. Ни в министерстве иностранных дел, ни во французском и английском посольствах, ни в телеграфном агентстве никаких сведений об этом до поздней ночи не было. Вместе с тем австрийский посол гр Сапари вечером просил по телефону, чтобы министр назначил ему на другой день час для свидания.

11/24 июля.

Рано утром в министерстве иностранных дел получена телеграмма из Белграда, подтверждающая сведение, сообщенное накануне вечером советником итальянского посольства.

Барон Шиллинг тотчас по телефону предупредил послов Извольского и Шебеко о необходимости для них немедленно вернуться к местам служения.

К 10 часам утра приехал из Царского Села С. Д. Сазонов, которому барон Шиллинг тотчас же сообщил все вышесказанное. Известия эти произвели на министра весьма тяжелое впечатление, и он сразу сказал: «C'est la guerre européenne» [2]). Тотчас по телефону был вызван в министерство австро-венгерский посол, в ожидании которого С. Д. Сазонов по телефону же из кабинета барона Шиллинга доложил лично государю императору о предъявленном Австрией Сербии ультиматуме.

---

[1]) «Он был кроток, как ягненок».

[2]) «Это—европейская война».

Его величество воскликнул: «Это возмутительно» и повелел держать его в курсе дальнейшего.

В это время приехал австро-венгерский посол и передал министру копию австро-венгерской ноты Сербии.

Между тем барон Шиллинг по телефону предупредил, от имени министра, военного министра, морского министра и министра финансов о ходе событий и по поручению С. Д. Сазонова просил их непременно прибыть в заседание совета министров. По просьбе адмирала Григоровича барон Шиллинг передал то же самое начальнику морского генерального штаба адмиралу Русину. Министр финансов только что вернулся с доклада у государя, от которого он уже узнал о шаге Австрии в Белграде. Барон Шиллинг указал П. Л. Барку на необходимость на всякий случай безотлагательно изъять сколько можно наших государственных вкладов из Германии.

По телеграфу были немедленно вызваны из отпусков А. А. Нератов, кн. Трубецкой и все чины канцелярии министра и Ближне-Восточного отдела.

Французский посол собрал у себя за завтраком для обмена мнений С. Д. Сазонова, английского посла и румынского посланника. Министр при этом просил названных представителей срочно передать их правительствам его просьбу немедленно выработать сообща с нами план действий. Эта просьба была естественным образом обращена также и к присутствовавшему румынскому посланнику, благодаря чему Румыния оказалась привлеченной к общему делу; для нас было выгодно втянуть ее в дело на нашей стороне, для самой же Румынии было, очевидно, лестно участвовать на равных основаниях в предпринимаемых великими державами дипломатических шагах.

В 3 часа состоялся совет министров, в котором С. Д. Сазонов изложил ход переговоров, вызванных вручением накануне Австро-Венгриею угрожающей ноты Сербии. Совет министров одобрил предложение министра иностранных дел: 1) вместе с другими державами просить Австрию продлить указанный ею срок для ответа Сербии, чтобы дать державам время ознакомиться, согласно предложению самой Австрии, с данными судебного следствия по делу Сараевского убийства и 2) посоветовать Сербии не принимать боя с австро-венгерскими войсками, а, оттянув свои вооруженные силы, обратиться к державам с просьбой рассудить возникший спор. Вместе с тем, была принципиально решена мобилизация 4-х военных округов (Одесского, Киевского, Московского и Казанского), а также обоих флотов (Черноморского и Балтийского), и принятие еще некоторых других военных мер, если того потребуют обстоятельства. При этом было обращено внимание на то, чтобы всякие военные подготовления были бы ясно направлены исключительно на случай столкновения с Австро-Венгрией, и не могли быть истолкованы как недружелюбные действия против Германии.

После заседания совета министров состоялось свидание С. Д. Сазонова с сербским посланником, во время которого министр преподал посланнику советы крайней умеренности в отношении ответа сербского правительства на австрийскую ноту.

В 7 часов к министру иностранных дел приехал германский посол. Он пытал оправдать образ действий Австрии, ссылаясь на то, что следствием по Сараевскому убийству, будто бы, добыты данные, устанавливающие вину сербского правительства. Кроме того, он старался доказать правильность австрийского выступления необходимостью ограждения «монархического принципа». С. Д. Сазонов говорил с графом Пурталесом весьма твердым языком и резко осуждал прием венского кабинета, настаивая на неприемлемости для Сербии врученной ей ноты, а также на неуважении к великим державам, выразившемся в том, что Австро-Венгрия, обратившись к ним, вместе с тем поставила столь короткий срок исполнению своих требований Сербией, что не дала возможности державам рассмотреть дело и дать своевременно свой отзыв.

Видевшие графа Пурталеса по выходе его от министра свидетельствуют, что он был весьма взволнован и не скрывал, что слова С. Д. Сазонова и особенно его твердая решимость дать австрийским требованиям отпор произвели на посла сильное впечатление.

В то время, как у министра был германский посол, в министерство прибыл французский посол, который, не желая встречаться со своим германским сотоварищем, пришел к барону Шиллингу и с ним вместе отправился ждать, чтобы министр освободился, в кабинет товарища министра, через который граф Пурталес не мог пройти. Здесь французский посол развивал мысль, что, несмотря на развернувшиеся события, президент французской республики не должен, по его мнению, ни в чем изменять программы своего путешествия по скандинавским столицам, а спокойно следовать во Францию, как было предположено, с остановками в Стокгольме и Копенгагене. Иначе, по мнению посла, могла бы возникнуть всеобщая паника, так как создалось бы впечатление, что политическое положение признается главою французской республики угрожающим. Между тем, это положение представлялось послу отнюдь не безнадежным. Он основывал свой оптимизм на том предположении, что Германия едва ли решится поддержать Австрию, зная, к каким серьезным последствиям это неминуемо приведет в настоящую минуту. «Jamais nous n'avons été en meilleure posture,—говорил он,—car nous sommes parfaitement d'accord entre nous et ce n'est point là une appréciation d'Ambassadeur, mais nous avons 4 documents récents de très grande importance qui l'attestent» [1]). Барон Шиллинг не без удивления спросил посла, каковы же эти четыре, повидимому, ему

[1]) «Никогда положение наше не было лучше, потому что между нами царит полное согласие, и это не просто суждение посла, а мы имеем 4 очень важных документа последнего времени, которые об этом свидетельствуют».

неизвестных документа столь крупной важности, что перед ними должна остановиться Германия, если бы даже она и хотела начать войну для поддержания своей союзницы Австрии. Оказалось, что таковыми документами г-н Палеолог считал речи, которыми только что обменялись государь император и президент французской республики в Петергофе и на броненосце «France».

Тотчас по уходе графа Пурталеса, французский посол был принят министром, который поставил его в известность о принятых в совете министров решениях, а также о своих разговорах с сербским посланником и германским послом.

Исх. телеграмма в Белград, 1487.

В случае беспомощного положения сербов, им лучше не сопротивляться и обратиться к державам с воззванием.

Сазонов.

Исх. телеграмма в Вену, Берлин, Париж, Лондон, Рим, Бухарест, Белград и Константинополь, 1488.

Австро-Венгрия обратилась к державам только через полсуток по предъявлении ультиматума в Белграде. Мы считаем необходимым, чтобы она продлила срок для ответа Сербии. Если Австрия предоставит державам ознакомиться с данными следствия, последние могли бы преподать Сербии соответствующие советы.

Германскому, французскому, английскому, итальянскому и румынскому правительствам предлагается поддержать наше выступление.

Сазонов.

Копия австро-венгерской ноты Сербии, переданная графом Сапари С. Д. Сазонову в 11 час. утра [1].

Записка, переданная графом Пурталесом С. Д. Сазонову.

Il nous revient de source autoritative que la nouvelle répandue par quelques journaux d'après laquelle la démarche du Gouvernement d'Autriche-Hongrie à Belgrade aurait été faite à l'instigation de l'Allemagne est absolument fausse. Le Gouvernement Allemand n'a pas eu connaissance du texte de la note autrichienne avant qu'elle ait été remise et n'a exercé aucune influence sur son contenu. C'est donc à tort qu'on attribue à l'Allemagne une attitude comminatoire.

L'Allemagne appuie naturellement comme allié de l'Autriche les revendications à son avis légitimes du Cabinet de Vienne contre la Serbie.

Avant tout elle désire comme elle l'a déjà déclaré dès le commencement du différend Austro-Serbe que ce conflit reste localisé.

---

[1]) Текст австрийского ультиматума нами в приложениях не приводится ввиду его широкой известности. *Прим. ред.*

Перевод.

(Из авторитетного источника мы узнали, что распространенное некоторыми газетами известие о том, что выступление австро-венгерского правительства в Белграде явилось якобы результатом подстрекательства со стороны Германии,—совершенно ложно. Германскому правительству не был известен текст австрийской ноты, прежде чем последняя была вручена, и оно не оказывало никакого влияния на ее содержание. Поэтому совершенно напрасно приписывают Германии образ действий, грозящий опасностями.

Как союзница Австрии, Германия, конечно, поддерживает вполне законные, по ее мнению, требования, предъявленные венским кабинетом Сербии.

Как она уже о том заявляла с момента возникновения австро-сербского спора, она желает прежде всего, чтобы конфликт был локализирован.)

12/25 июля.

Приехавший в 9 часов утра из Царского Села министр иностранных дел заехал в министерство только на несколько минут, чтобы ознакомиться с полученными за ночь телеграммами и тотчас вслед за тем выехал в Красное Село, где, под председательством государя императора было созвано совещание министров, имеющих отношение к государственной обороне. На этом совещании были одобрены и получили дальнейшее развитие постановления, выработанные накануне советом министров. Решено пока не объявлять мобилизации, но принять все подготовительные меры для скорейшего ее осуществления в случае надобности.

Днем были получены из Лондона и Парижа сведения, что тамошние австро-венгерские дипломаты подчеркивают разницу между ультиматумом и простой note à terme, каковой, по их словам, и является врученная австрийским посланником в Белграде нота 10-го июля. Основываясь на этом, означенные дипломаты стараются доказать, что даже в случае неудовлетворительного ответа со стороны Сербии, военные действия могут еще не начаться сразу. Под влиянием таких сведений, днем среди иностранных дипломатов в Петербурге, особенно же у французского посла и румынского посланника, заметны более оптимистическое отношение к событиям и надежда на благополучный исход кризиса.

Исх. телеграмма 1489 в Лондон.

Первостепенное значение приобретает положение, которое займет Англия. Англия могла бы оказать умеряющее влияние на Австрию. В случае дальнейшего обострения положения, мы рассчитываем, что Англия станет на защиту европейского равновесия.

Сазонов.

Исх. телеграмма 1494 в Белград и Лондон:

Ввиду положения Англии, война между Сербией и Австрией, может быть, будет предупреждена, если Сербия обратится с просьбой о посредничестве к Англии.

Сазонов.

Исх. телеграмма 1496 в Константинополь, Софию, Бухарест, Афины и Ниш (в Ниш за 1596).

Между Турцией, Болгарией и Австрией происходят переговоры.

Aide — Mémoire remis par l'Ambassadeur de Grande Bretagne le 12/25 Juillet 1914.

The Austro-Hungarian Ambassador in London has been authorized to explain to Sir Edward Grey that the step taken at Belgrade was not an «ultimatum» but a «démarche» with a time limit and that if the Austrian demands were not complied wuth within that limit, the Austro-Hungarian Government would break off diplomatic relations with Servia and begin military preparations, not operations.

His Majesty's Ambassador is instructed by Sir Edward Grey to communicate the above information to the Imperial Minister for Foreign Affairs as soon as possible in case the Austro-Hungarian Government have not made the same explanation at St. Petersburg, as the immediate situation is thereby rendered less acute.

На пам. записке помечено его величеством: «игра слов». Петергоф, 13 июля 1914 г.

Перевод.

(Памятная записка, переданная великобританским послом 12/25 июля 1914 г.

Австро-венгерский посол в Лондоне был уполномочен разъяснить сэру Эдварду Грею, что предпринятый в Белграде шаг был не «ультиматумом», а «выступлением» с указанием срока, и что если требования Австрии не будут выполнены в этот срок, то австро-венгерское правительство прервет с Сербией дипломатические сношения и приступит к военным приготовлениям, но не к операциям.

Посол его величества получил от сэра Эдварда Грея предписание, в случае если бы австро-венгерское правительство не дало тех же разъяснений в С.-Петербурге, довести возможно скорее до сведения императорского министра иностранных дел вышеприведенное сообщение, ввиду того, что таким образом смягчается острота положения данного момента.)

Памятная записка, переданная великобританским послом 12/25 июля 1914 г.

Прилагается в копии [1]).

13/26 июля.

Исх. телеграмма 1504 в Берлин, Вену, Стокгольм, Христианию Копенгаген, Бухарест, Софию и Константинополь.

Предписание сообщать о военных мерах, предпринимаемых в пограничных с нами странах.

Сазонов.

Исх. телеграмма 1505 в Рим, Лондон и Париж.

Полагаем, что Италия могла бы сыграть первенствующую роль, оказав воздействие на Австрию.

Сазонов.

Исх. телеграмма 1506 в Бухарест.

Мы рассчитываем на солидарность Румынии с Сербией и просим румынское правительство высказаться, какое положение оно займет в случае неизбежности конфликта, а также его отношение к возможным поползновениям Болгарии.

Сазонов.

Исх. телеграмма 1508 в Вену, Лондон, Париж и Берлин.

Рассмотрев с австро-венгерским послом 10 требований, предъявленных Сербии, указал, что, помимо неудачной формы, некоторые фактически невыполнимы. Относительно других возможно найти почву для соглашения. Желательно, чтобы австро-венгерский посол был уполномочен войти со мной в частный обмен мыслей для переработки некоторых статей ноты.

Сазонов.

Исх. телеграмма 1509 в Берлин.

Просьба, чтобы германское правительство посоветовало в Вене принять наше предложение.

Сазонов.

Депеша поверенного в делах в Вене: 13/26 июля 1914 г. № 46.

Имею честь представить вашему высокопревосходительству нижеследующее изложение событий, разыгравшихся в Вене между 10 и 12 июля, поскольку к ним причастно было на короткое время вверенное

---

[1]) В подлинном тексте дневника М. И. Д. памятная записка отсутствует. См. в приложениях.

моему управлению посольство. Еще в четверг, утром, ничто не указывало на тот драматический оборот, который приняли события вследствие вручения в тот же вечер сербскому правительству австрийского ультиматума. Толки о предстоявшем в Белграде шаге Австрии продолжались, как и за предшествовавшие тому три недели в обществе и печати, но отнюдь не в смысле какого-либо постепенного возрастания раздражения против Сербии. Попрежнему многочисленных оттенков официозы полемизировали с сербскими газетами, попрежнему оппозиционные наперед высмеивали попытки правительства произвести на Сербию полезное для Австро-Венгрии давление; а еще в среду, вечером, мне пришлось слышать отзыв, исходивший из Ишля, из придворных кругов, что требования, имеющие быть предъявленными в Белграде, составлены не во враждебном духе.—В четверг 10-го июля, около 3-х часов пополудни, получил телеграмму вашего высокопревосходительства от 9-го за № 1475. Не дожидаясь свидания с французским и английским послами, я тотчас же велел справиться у графа Берхтольда, когда он может меня принять. Мне было отвечено, что министр сегодня занят (он, действительно, участвовал в заседании совета министров) и приглашает меня к себе на следующее утро, в 11 часов. Я воспользовался этим сроком, чтобы в тот же вечер обсудить положение с г-ном Дюменом и сэр М. Бунзеном. Оказалось, что оба посла посетили в этот день Балльплац, притом одновременно, около 5 часов, и имели академические беседы с секционшефами: г-н Дюмен с бароном Маккио, сэр М. Бунзен—с графом Форгачем. Характерны ответы этих двух австрийских дипломатов на расспросы послов о том, когда предполагается австро-венгерский шаг в Белграде. Барон Маккио ответил уклончиво, что он последует скоро, вероятно, на следующий же день. Между тем в то самое время, когда он произносил эти слова, барон Гизль уже вручал в Белграде ультиматум. Этого обстоятельства не скрыл от английского посла граф Форгач, который прибавил, что нота (он ее ультиматумом не обозвал) составлена в резких выражениях, «так как иначе с Сербиею говорить нельзя», и что, во всяком случае, она по существу и вполне приемлема, и выполнима.

— Эти известия я тотчас довел до вашего сведения телеграммою (№ 89).

— На другое утро во всех газетах был опубликован полный текст ультиматума. Таким образом, когда я в 11 часов явился к министру иностранных дел, первоначальная цель моего посещения оказалась отстраненной. Содержание моего разговора с графом Берхтольдом изложено в моих телеграммах 11-го июля №№ 90 и 91. Существенная его часть заключается в заявленном мне министром основном мотиве выпада Австрии. «Все решительно,—сказал он,—и первый сам император (а в миролюбии его, особенно в его преклонном возрасте, кто же усомнится?) твердо убеждены, что все-сербская пропаганда подкапывается под самый наш дом, под нашу династию. Терпеть ее дольше—означало бы допустить сознательно развал монархии. Уничтоже-

ние этой пропаганды в корне является делом жизни или смерти для Австро-Венгрии, как великой державы. Нам надо проявить наше великодержавие. Существование Австро-Венгрии необходимо для европейского равновесия; в этом, как я думаю, убеждены и государственные люди в России. Они же не могут желать развала Австро-Венгрии и в интересах сохранения монархического начала». Такие слова в устах графа Берхтольда, вообще не склонного к рассуждениям политико-философского свойства, отражают глубокое убеждение, если и не его самого, то тех лиц, которые ответственны за принятое Австриею решение. Убеждения же эти, в сущности, сводятся к тому, что Сербия со своею националистическою, крайне демократическою, чисто «мирскою» (в смысле противоположения клерикализму) пропагандою является несомненною, действительною угрозою австро-венгерскому строю, покоящемуся на католическом клерикализме и на остатках отживших феодальных начал. Отсюда следует явная необходимость для Австро-Венгрии пресечь в корне эту все возрастающую грозную опасность, притом тогда, когда это еще не поздно, воспользовавшись для этой цели наивыгоднейшим моментом, а таковым был признан настоящий. Только этим можно объяснить несомненную решимость правительства довести дело экзекуции над Сербиею до конца. В этом освещении понятно и отклонение сделанной императорским правительством в субботу 12-го июля в Вене через мое посредство попытки продления срока, предусмотренного австрийским ультиматумом. К подробностям исполненного мною предписания вашего по сему предмету я возвращаться не буду: они изложены в моих телеграммах от 12-го июля №№ 95 и 96 и могут представить отныне лишь интерес эпизодический. Примите и пр.

(*Подп.*) *Кудашев.*

14/27 июля.

Румынский посланник сообщил барону Шиллингу, что в ответ на посланную им в Бухарест по просьбе С. Д. Сазонова телеграмму о желательности присоединения Румынии к представлениям держав в Вене с целью добиться продления срока, поставленного Сербии, Братиано уведомил его, что за краткостью времени он, к сожалению, не мог исполнить означенной просьбы. Вместе с тем, Братиано уведомлял г-на Диаманди о сделанном ему австрийским посланником в Бухаресте заявлении, что Австро-Венгрия не ищет земельных приращений за счет Сербии, и что если ей и придется занять своими войсками сербскую территорию, то это будет лишь временно. Барон Шиллинг возразил, что подобное заявление имеет меньше всего цены в устах Австрии, которая на примере Боснии и Герцеговины показала всему свету, как она понимает временное занятие чужих земель. При этом барон Шиллинг напомнил г-ну Диаманди его же собственные слова, сказанные им барону Шиллингу во время поездки по венгерской тер-

ритории у Предеаля полтора месяца тому назад, а именно, что интересы Сербии и Румынии совершенно тождественны и обязывают Румынию крепко держаться на стороне Сербии в случае посягательства на последнюю со стороны Австро-Венгрии.—Румынский посланник не отказался от этих слов, а, напротив, подтвердил, что он продолжает придерживаться того же мнения, а потому тем более желает, чтобы нынешнее австро-сербское столкновение не дошло бы до войны, так как это поставило бы Румынию в особенно тяжелое положение.

Исх. телеграмма 1514 в Берлин [1].

Исх. телеграмма 1521 в Лондон, Париж, Берлин, Вену и Рим:

Английский посол запросил наше мнение относительно созвания конференции 4-х держав в Лондоне. Я ответил, что если бы наши непосредственные объяснения с венским кабинетом не наладились, я готов принять английское предложение.

Мы полагаем, что умеряющее воздействие в Петербурге невозможно, раз мы идем навстречу всем приемлемым требованиям Австрии.

Сазонов.

Исх. телеграмма 1522 в Константинополь, Софию и Бухарест.

Предписание об извещении командующего Черноморскими силами о всех передвижениях турецких, болгарских и румынских морских сил.

Сазонов.

Исх. телеграмма 1523 в Цетинье.

Черногории надлежит придерживаться выжидательной и примирительной тактики и сообразовать свою политику с сербской.

Сазонов.

Исх. телеграмма 1524 в Париж, Лондон, Вену, Берлин, Рим и Константинополь.

Сербский ответ превышает все наши ожидания своей умеренностью.

Сазонов.

Исх. телеграмма 1525 в Ниш.

Ответная телеграмма государя императора королевичу Александру.

---

[1]) В подлиннике текст телеграммы отсутствует, см. ниже приложения.

15/28 июля.

Французский посол, по поручению своего правительства, заявил министру иностранных дел о полной готовности Франции исполнить, если понадобится, свои союзнические обязательства.

Исх. телеграмма 1528 в Лондон и Париж.

Из бесед с германским послом получается впечатление, что Германия благоприятствует непримиримости Австрии. Желательно воздействие Англии в Берлине.

Исх. 1529 в Париж и Константинополь.

Проверка сведений о покупке Турцией сверхдредноута «Адмирал Того».

Нератов.

Исх. 1533 в Ниш.

Назначение кн. Трубецкого посланником в Сербию.

Исх. 1536 в Бухарест.

Личная.

Исх. 1537 в Константинополь.

Можете объяснить, что нами принимаются общие меры предосторожности.

Сазонов.

Исх. телеграмма 1538 в Лондон, Париж, Вену, Берлин и Рим.

Вследствие объявления Австрией войны Сербии, непосредственные объяснения мои нецелесообразны. Необходимо скорейшее посредничество Англии и приостановка военных действий Австрией, которая может тем временем раздавить Сербию.

Сазонов.

Исх. телеграмма 1539 в Берлин, Париж, Лондон, Вену и Рим.

Вследствие объявления войны Австрией, нами завтра будет объявлена мобилизация 4-х округов. Подтвердите германскому правительству об отсутствии у России наступательных намерений против Германии.

Сазонов.

Исх. телеграмма 1540 в Вену, Париж, Лондон и Рим.

Предписание сообщить об объявлении мобилизации.

Исх. телеграмма 1541 в Бухарест.

Возможность участия Румынии в войне.

Сазонов.

№ 1. Телеграмма императора Вильгельма государю императору [1]. Берлин.

It is with the gravest concern that I hear of the impression which the action of Austria against Servia is creating in Your country. The unscrupulous agitation that has been going on in Servia for years, has resulted in the outrageous crime, to which Archduke Franz Ferdinand fell a victim. The spirit that led Servians to murder their own King and his wife still dominates the country. You will doubtless agree with Me that We both, You and Me, have a common interest, as well as all Sovereigns, to insist that all the persons morally responsible for the dastardly murder should receive their deserved punishment. In this case politics play no part at all.

On the other hand I fully understand how difficult it is for You and Your Government to face the drift of Your public opinion. Therefore with regard to the hearty and tender friendship which binds us both from long ago with firm ties, I am exerting my utmost influence to induce the Austrians to deal straigntly to arrive to a satisfactionary understanding with You. I confidentially hope You will help me in my efforts to smooth over difficulties that may still arise.

Your very sincere and devoted friend and cousin.

Перевод.

(С глубоким сожалением я узнал о впечатлении, произведенном в твоей стране выступлением Австрии против Сербии. Недобросовестная агитация, которая велась в Сербии в продолжении многих лет, завершилась гнусным преступлением, жертвой которого пал эрцгерцог Франц-Фердинанд. Состояние умов, приведшее сербов к убийству их собственного короля и его жены, все еще господствует в стране. Без сомнения, ты согласишься со мной, что наши общие интересы, твои и мои, как и интересы других правителей, заставляют нас настаивать на том, чтобы все лица, морально ответственные за это жестокое

---

[1]) Над телеграммой имеется следующая приписка чернилами:

«Для точного определения времени отправления и получения высочайших телеграмм 28 октября 1915 г. было запрошено главное управление почт и телеграфа. По полученным сведениям, телеграмма императора Вильгельма № 113 из Friedrichshafen'а подана 13/26 июля в 3 часа 15 мин. дня и доставлена государю 14 июля в 8 ч. 10 м. утра».

В заголовке телеграммы, после слова «Берлин» вставлено карандашем: «10 час. 45 мин. по Бел. Книге пополудни». Число опущено. (По немецкой Белой Книге телеграмма послана 28 июля 10. 45 p. m. См. Das Deutsche Weissbuch, стр. 42.)

После текста телеграммы приписано карандашем:

«Не получена ли эта телеграмма государем 16 июля? Ответ был послан днем 16-го. Есть указание на получение государем телеграммы императора Вильгельма 16-го днем, о чем его величество телефонировал С. Д. Сазонову».

убийство, понесли бы заслуженное наказание. В этом случае политика не играет никакой роли.

С другой стороны, я вполне понимаю, как трудно тебе и твоему правительству противостоять силе общественного мнения. Поэтому, принимая во внимание сердечную и нежную дружбу, связывающую нас крепкими узами в продолжение многих лет, я употребляю все свое влияние для того, чтобы заставить австрийцев действовать открыто, чтобы была возможность притти к удовлетворяющему обе стороны соглашению с тобой. Я искренно надеюсь, что ты придешь мне на помощь в моих усилиях сгладить затруднения, которые все еще могут возникнуть.

Твой искренний и преданный друг и кузен.)

№ 2. Телеграмма государя императора императору Вильгельму [1].

Am glad you are back. In this most serious moment I appeal to you to help Me. An ignoble war has been declared to a weak country. The indignation in Russia shared fully by Me is enormous. I foresee that very soon I shall be overwhelmed by the pressure brought upon Me and forced to take extreme measures, which will lead to war. To try and avoid such a calamity as a European war I beg you in the name of our old friendship to do what you can to stop your allies from going too far.

Перевод.

(Рад твоему возвращению. В этот особенно серьезный момент я прибегаю к твоей помощи. Позорная война была объявлена слабой стране. Возмущение в России, вполне разделяемое мною, безмерно. Предвижу, что очень скоро, уступая производящемуся на меня давлению, я буду вынужден принять крайние меры, которые поведут к войне. Стремясь предотвратить такое бедствие, как европейская война, я умоляю тебя во имя нашей старой дружбы сделать все возможное в целях недопущения твоих союзников зайти слишком далеко.)

16/29 июля.

Утром, часов в девять с половиной, германский посол вызвал по телефону барона Шиллинга и сказал, что он желал бы видеть министра, чтобы передать ему «приятное сообщение». Граф Пурталес,

---

[1]) На собственноручной копии этой телеграммы Н. Романова, хранящейся в II Отд. Госархива, поставлена его рукой дата «15 июля 1914 г.».

В дневнике после заголовка телеграммы приписано карандашем: «1 час дня по Б. Книге, но 29 июля?».

И после текста телеграммы чернилами:

«Подана 16/29 июля в Петергофе в 12 час. 29 мин. ночи. № 140».

однако, поспешил прибавить: «Toutefois pas trop d'optimisme» [1]). Барон Шиллинг ответил, что за последнее время мы отвыкли от «приятных» известий из Берлина, и что поэтому министр, конечно, с удовольствием выслушает посла.

В 11 часов С. Д. Сазонов принял графа Пурталеса, который сказал ему, что Германия согласна продолжать делаемые ею попытки, чтобы склонить венский кабинет к уступкам, но просил, чтобы это было сохранено в строгой тайне, так как разглашение подобных намерений германского правительства могло бы создать впечатление, будто взгляды Австрии и Германии в настоящем случае не вполне согласны. Кроме того, посол настойчиво просил, чтобы преждевременной мобилизацией у нас не было создано препятствие к осуществлению Германией желательного воздействия на Вену.

По уходе посла, означенное заявление обсуждалось министром с А. А. Нератовым, бароном Шиллингом и князем Трубецким. При этом ставился вопрос, действительно ли Германия намерена оказать в Вене серьезное воздействие, или порученное графу Пурталесу сообщение рассчитано лишь на то, чтобы, усыпив наше внимание, по возможности отсрочить мобилизацию русской армии и выиграть время для соответственных приготовлений. Общее впечатление было таково, что, если даже допустить искренность в данном случае германского правительства, то все же приходится усомниться в достижимости этим путем практических результатов, так как если Австрия зашла уже столь далеко без содействия или, по крайней мере, потворства Германии, то следует предположить, что влияние последней в Вене сильно упало, а потому и в данную минуту германскому правительству едва ли удастся многого достигнуть.

В 3 часа германский посол вновь приехал к министру и прочел ему телеграмму имперского канцлера, в которой говорилось, что если Россия будет продолжать свои военные приготовления, хотя бы и не приступая к мобилизации, Германия сочтет себя вынужденной мобилизовать и в таком случае последует с ее стороны немедленное нападение. На это сообщение С. Д. Сазонов резко ответил: «Maintenant je n'ai plus de doute sur les vraies causes de l'intransigeance autrichienne» [2]).

Граф Пурталес вскочил со своего места и также резко воскликнул: «Je proteste de toutes mes forces, Mr. le Ministre, contre cette assertion blessante» [3]). Министр сухо возразил, что Германия имеет случай на деле доказать ошибочность высказанного им предположения. Собеседники расстались весьма холодно.

---

[1]) «Однако, не надо быть слишком оптимистичным».

[2]) «Теперь у меня уже нет сомнений относительно истинных причин австрийской несговорчивости».

[3]) «Я всеми силами протестую, г. министр, против этого оскорбительного утверждения».

Вскоре по уходе германского посла, в кабинете министра в присутствии А. А. Нератова и барона Шиллинга позвонил телефон: государь император лично сообщал С. Д. Сазонову, что им только что получена от императора Вильгельма телеграмма с убедительной просьбой не допустить дело до войны. С. Д. Сазонов воспользовался случаем, чтобы тут же доложить его величеству о сделанном ему за несколько минут перед тем заявлении графа Пурталеса и при этом указал на то, как мало согласуются слова германского императора с данным им своему послу поручением. Государь сказал, что он тотчас телеграфирует в Берлин, чтобы получить объяснение означенного противоречия. Его величество разрешил С. Д. Сазонову безотлагательно переговорить с военным министром и начальником генерального штаба по вопросу о нашей мобилизации.

К этому времени получено известие о начале бомбардировки Белграда австрийцами.

Совещание это между тремя поименованными лицами состоялось вскоре после того в кабинете генерал-лейтенанта Янушкевича. В соседней зале находились генерал-квартирмейстер Данилов, генерал Монкевиц и помощник начальника канцелярии министра иностранных дел Н. А. Базили для немедленного приведения в исполнение могущих последовать распоряжений в зависимости от имевшего последовать решения. Последнее ожидалось всеми не без тревоги, так как все знали, насколько важно для нашей боевой готовности, будет ли произведена лишь частичная мобилизация, или сразу общая, так как в первом случае осуществление частичной мобилизации неминуемо затруднило бы переход впоследствии к общей, если бы в таковой все же оказалась необходимость.

По всестороннем обсуждении положения оба министра и начальник генерального штаба пришли к заключению, что, ввиду малого вероятия избежать войны с Германией, необходимо своевременно всячески подготовиться к таковой, а потому нельзя рисковать задержать общую мобилизацию впоследствии, путем выполнения ныне мобилизации частичной. Заключение совещания было тут же доложено по телефону государю императору, который заявил согласие на отдачу соответствующих распоряжений. Известие об этом было встречено с восторгом тесным кругом лиц, которые были посвящены в дело. Тотчас были отправлены телеграммы в Париж и в Лондон для предупреждения правительств о состоявшемся решении.

Одновременно было поручено императорскому послу в Париже передать французскому правительству благодарность за сделанное накануне французским послом заявление. Императорскому послу в Лондоне поручалось обратиться к английскому правительству с настоятельным призывом «не теряя времени» присоединиться к России и Франции, чтобы помешать нарушению европейского равновесия.

Около 11 часов вечера военный министр сообщил по телефону министру иностранных дел, что им получено высочайшее повеление об отмене общей мобилизации.

Около часу ночи германский посол по телефону настоятельно просил министра принять его немедленно, несмотря на позднее ночное время, по настоятельному делу. С. Д. Сазонов, уже легший спать, встал с постели и принял посла, который запросил, не можем ли мы удовлетвориться обещанием Австрии не нарушать целости Сербии. Министр ответил, что этого недостаточно, и на убедительную просьбу посла выработал и передал гр. Пурталесу текст формулы, в которой указывались те условия, на которых Россия была бы согласна остановить свои вооружения.

Днем появились на улицах сначала небольшие, а потом несколько бо́льшие толпы людей, несших царские портреты и национальные флаги с пением гимна и «Спаси, господи, люди твоя». Манифестанты останавливались перед Зимним дворцом, а также перед зданиями военного министерства и министерства иностранных дел.

Третье [1]) свидание германского посла с министром. 2 часа ночи. Глубоко растроганный и взволнованный в виду неизбежности европейской войны, гр. Пурталес настоятельно просил министра формулировать какое-либо предложение, которое он мог бы телеграфировать своему правительству. Министр выработал и передал послу следующую формулу:

«Si l'Autriche, reconnaissant que son conflit avec la Serbie a pris le caractère d'une question d'intérêt européen, se déclare prête à éliminer de son ultimatum les points qui violent le principe de la souveraineté de la Serbie, la Russie s'engage à arrêter tous ses préparatifs militaires» [2]).

Исх. телеграмма 1541 в Бухарест.

Цель нашего возможного выступления против Австрии—не допустить разгрома Сербии. Мы не исключаем возможность выгод для Румынии, если она примет участие в войне против Австрии.

Сазонов.

---

[1]) Второй вариант записи о третьем свидании германского посла с министром приводится в дневнике на правой стороне листа, но без ссылки на то, что это было опубликовано в каком-либо официальном издании.

[2]) «Если Австрия, признавая, что ее конфликт с Сербией принял характер вопроса, имеющего общеевропейское значение, заявит о своей готовности исключить из своего ультиматума пункты, нарушающие принцип суверенитета Сербии, Россия обязуется прекратить все свои военные приготовления».

Исх. телеграмма 1543 в Стокгольм и Бухарест.

Желательно знать, был ли у шведского (румынского) короля прием германского или австрийского посланника.

Сазонов.

Исх. телеграмма 1544 в Берлин, Вену, Рим, Ниш, Лондон, Париж, Бухарест и Константинополь.

Германский посол передал, что Германия продолжает оказывать умеряющее воздействие в Вене. Я сказал послу, что наши военные меры не направлены против Германии и не предрешают наступательных действий против Австрии. Наши военные меры объясняются мобилизацией Австрии. На предложение посла я ответил готовностью продолжать непосредственные переговоры с Веной и указал на готовность прибегнуть к четверной конференции.

Исх. телеграмма 1547 в Лондон, Париж и Ниш.

Сообщение телеграммы № 1544 надлежащим правительствам.

Сазонов.

Исх. телеграмма 1548 в Париж, Лондон, Вену, Берлин, Рим, Константинополь, Бухарест и Ниш.

Ввиду телеграммы Шебеко № 105, всецело предоставляем инициативу Англии.

Сазонов.

Исх. телеграмма 1551 в Лондон и Париж.

Германский посол заявил о решении Германии мобилизовать, если Россия не прекратит вооружений. Нам остается ускорить наши вооружения и считаться с неизбежностью войны.

Сазонов.

Исх. телеграмма 1552 в Берлин и Софию [1].

Сообщение нашими консулами военных сведений.

Сазонов.

№ 3. Телеграмма государя императора императору Вильгельму [2].

Thanks for Your telegram conciliatory and friendly, whereas official message presented today by Your Ambassador to my Minister was

---

[1]) См. в приложениях телеграмму за № 1504.

[2]) После заголовка следует следующая приписка карандашем: «По уведомлению гл. упр. п. и т. отправлена в 8 час. 20 мин. вечера». Под текстом телеграммы приписано чернилами: «Подана 16/29 июля в 8 час. 20 мин. пополудни в Петергофе, № 168».

conveyed in a very different tone. Beg You to explain this divergency. It would be right to give over the Austro-Servian problem to the Hague conference, so as to prevent bloodshed. Trust in your wisdom and friendship.

Перевод.

(Благодарю за примирительную и дружественную телеграмму. Официальное заявление, сделанное сегодня твоим послом моему министру, носило совершенно иной характер. Прошу тебя разъяснить это разногласие. Было бы правильно весь австро-сербский вопрос передать Гаагской конференции, чтобы избежать кровопролития. Доверяюсь твоей мудрости и дружбе.)

№ 4. Телеграмма императора Вильгельма государю императору [1]).

Берлин, 6 час. 35 мин. пополудни. Получена в 9 час. 20 мин. пополудни.

I received Your telegram and share Your wish that peace should be maintained but as I told you I cannot consider Austria's action against Servia as an «ignoble war». Austria knows by experience that Servian promises on paper are wholly unreliable. I understand Austria's action must be judged as trending to have full garantees that the Servian promises shall become real facts. This reasoning of mine is borne out by the statement of the Austrian Cabinet that Austria does not want to make any teritorial conquests at the expense of Servia. I therefore suggest that it would be quite possible for Russia to remain a spectator of the Austro-Servian conflict without involving Europe in the most horrible war she ever witnessed. I think a direct understanding between Your Government and Vienna possible and desirable and as I already telegraphed to You, my Government is continuing its exertions to promote it. Of course military measures on the part of Russia which could de looked upon by Austria as threatening would precipitate a calamity we both wish to avoid and jeopardize my position as mediator which a readily accepted on Your appeal to my friendship and my help.

Перевод.

(Я получил твою телеграмму и разделяю твое желание сохранить мир, но, как я уже говорил тебе в своей первой телеграмме, я не могу рассматривать выступление Австрии против Сербии, как «позорную войну». Австрия по опыту знает, что сербские обещания на бумаге абсолютно не заслуживают доверия. По моему мнению, действия Австрии должны рассматриваться, как желание иметь полную гарантию в том, что сербские обещания претворятся в реальные факты. Это мое мнение основывается на заявлении австрийского кабинета, что Австрия не стремится к каким-либо

---

[1]) Под текстом телеграммы приписано чернилами: «Отправлена 16/29 июля из Neues Palais в 6 час. 35 мин. дня. Доставлена в Петергоф в 9 час. 40 мин. дня. № 65.

территориальным завоеваниям за счет Сербии. Поэтому я считаю вполне возможным для России остаться только зрителем австро-сербского конфликта и не вовлекать Европу в самую ужасную войну, какую ей когда-либо приходилось видеть. Полагаю, что непосредственное соглашение твоего правительства с Веной возможно и желательно, и, как я уже телеграфировал тебе, мое правительство прилагает все усилия к тому, чтобы достигнуть этого соглашения. Конечно, военные приготовления со стороны России, которые могли бы рассматриваться Австрией, как угроза, ускорили бы катастрофу, избежать которой мы оба желаем, и повредили бы моей позиции посредника, которую я охотно взял на себя, когда ты обратился к моей дружбе и помощи.)

Ответ на телеграмму № 2 был послан императором Вильгельмом в 6 час 35 мин. дня и получен его величеством в 9 час. 40 мин. вечера [1]).

№ 5. Телеграмма государя императора императору Вильгельму [2]).

Thank You heartily for Your quick answer. Am sending Tatischeff this evening with instructions. The military measures which have now come into force were decided five days ago for reasons of defence on account of Austria's preparations. I hope from all my heart that these measures wont in any way interfere with your part as mediator, which I greatly value. We need Your strong pressure on Austria to come to an understanding with us.

Перевод.

(Сердечно благодарю тебя за твой скорый ответ. Посылаю сегодня вечером Татищева с инструкциями. Военные приготовления, вошедшие теперь в силу, были решены пять дней тому назад, как мера защиты ввиду приготовлений Австрии. От всего сердца надеюсь, что эти приготовления ни с какой стороны не помешают твоему посредничеству, которое я высоко ценю. Необходимо сильное давление с твоей стороны на Австрию для того, чтобы она пришла к соглашению с нами).

---

[1]) Дальше следует следующая приписка карандашем:
«Эта ответная телеграмма имп. Вильгельма и побудила государя отменить принятое решение о всеобщей мобилизации».

[2]) Под текстом сделаны следующие приписки карандашем: «По Белой Книге эта телеграмма послана 17 июля в 1 час 20 мин. дня» и чернилами: «Подана в Петергофе 17/30 июля в 1 ч. 20 м. ночи. № 174».

(Записка Свербеева.)

Возвратясь [1]) в Берлин в среду 16/29 июля 1914 г., я отправился к французскому послу г. Жюлю Камбону, который сказал мне, что, по его мнению, положение чрезвычайно серьезно и что надежды на мирный исход почти нет. Он прибавил, что, по крайней мере, судя по телеграмме его брата, Поля Камбона, французского посла в Лондоне, после отказа венского кабинета принять более чем примирительный ответ Сербии на австро-венгерский ультиматум, Франции и России была обеспечена фактическая поддержка Англии в случае войны.

Ознакомившись с телеграммой, о которой шла речь, и не найдя ее столь убедительной, как это говорил мой французский коллега, я отправился к сэру Э. Гошену и спросил его, как относится Великобритания к переживаемому Европой острому кризису.

Не получая на мой вопрос точного ответа, я изложил моему английскому коллеге свою точку зрения и прибавил, что, ввиду существующего у Германии убеждения в том, что, в случае вооруженного столкновения между Германией и Австрией, с одной стороны, и Россией и Францией,—с другой, Англия будет придерживаться строгого нейтралитета, тот или иной выход из настоящего положения *всецело зависит от Англии*. Если сэр Эдвард Грей *ясно и категорически заявит* в Берлине, что Великобритания твердо решила действовать совместно с Россией и Францией,—*мир обеспечен*. Английский посол мне ответил, что ему неизвестны намерения его правительства и, несмотря на все приведенные мною в защиту моего мнения аргументы, я не получил от него никакого удовлетворительного ответа.

Первое мое свидание с статс-секретарем состоялось в 5 часов пополудни. Когда я вошел, г. фон-Ягов сказал мне: «Обстоятельства, при которых нам приходится опять встретиться, очень печальны», на что я ответил: «Вы этого желали».

Затем я повторил статс-секретарю мой разговор с г. Циммерманом на следующий день после Сараевского преступления, во время которого я обратил его внимание на то, что Австро-Венгрия не имеет права возлагать на всю Сербию ответственность за убийство эрцгерцога Франца-Фердинанда, убийство, которое было подготовлено *в Австрии австрийским подданным*; что если венский кабинет действительно намерен, как мне это дал понять г. Циммерман, потребовать, чтобы Сербия предприняла расследование в целях установления виновности тех ее подданных, которые якобы причастны к этому преступлению, и наказания виновных,—буде таковые окажутся,—он должен

---

[1]) Записка бывшего русского посла в Берлине С. Свербеева, разделенная и расположенная в дневнике по дням, печатается в русском переводе в том же виде. Подлинный французский текст см. в приложениях.

Заглавие вставлено редакцией.

бы обратиться с этой просьбой не в форме официальной ноты, а в дружеском разговоре с представителем смежного королевства, которое, я в этом не сомневаюсь и, не колеблясь, это утверждаю, проявило бы в этом вопросе полнейшую корректность, тем более, что речь идет и об ее собственных интересах—интересах насущных—притти после своей победоносной войны к соглашению с Австро-Венгрией по всем связующим оба соседние государства экономическим вопросам.

Что касается австрийского ультиматума,—продолжал я,—он был для Сербии *неприемлем*, и Австро-Венгрия это очень хорошо знала, следовательно, она желала войны; сверх того, ей было известно, что Россия не может остаться *безучастной* к этому вооруженному столкновению. Но меня более всего удивляет,—говорил я статс-секретарю,—что Германия, которой этот ультиматум был известен, и которая знала, что мы не можем допустить, чтобы Сербия была *раздавлена* или *ослаблена*, могла его одобрить; повидимому, она также ничего не имеет против войны.

Господин ф.-Ягов ответил, что ему якобы ничего неизвестно об ультиматуме, и что, впрочем, это—вопрос, который касается исключительно Австро-Венгрии и Сербии (сербская пропаганда и убийство эрцгерцога), на что я воскликнул: «В таком случае вы предоставляете полную свободу действий вашей союзнице».

Не отвечая мне на это замечание, статс-секретарь заявил, что монархия Габсбургов не стремится ни к уничтожению соседнего государства, ни к территориальным аннексиям, а думает только о карательной экспедиции. К тому же, сказал он мне, дела Сербии совершенно не касаются России, и он, Ягов, не признает взятой на себя Россией роли официальной покровительницы на Балканах: «в таком случае Германия имела бы такие же права по отношению к малым протестантским государствам, как, например, Швеция»... Само собой разумеется, что я энергично протестовал против этой аргументации, которая собственно *даже не являлась таковой;* что касается территориальных аннексий, прибавил я, возможно, что Австро-Венгрия в данный момент таковых не желает, но я слишком хорошо знаю, как ведутся войны, и какие они могут иметь неожиданные последствия. Я ни на минуту не сомневаюсь в том, что Австрия твердо решила овладеть санджаком, уступки которого в 1898 (1908?) [1]) она до сих пор себе простить не может,—для того, чтобы разъединить Сербию и Черногорию.

Несмотря на то, что австрийский ультиматум был неприемлем,—продолжал я,—Сербия однако согласилась на 8 или 9 пунктов, уди-

---

[1]) Написание подлинника. Повидимому, правильна вторая дата,—1908 г., когда Австрия увела свои войска из Ново-Базарского санджака и, по конвенции с Турцией, заключенной 26 февраля 1909 г., отказалась от прав, предоставленных ей Берлинским трактатом и Константинопольской конвенцией от 26 апреля 1879 г.

вив *всю Европу* своей сговорчивостью. Монархия Габсбургов должна была, в свою очередь, удовлетвориться этим неожиданным ответом.

«Это было невозможно,—ответил мне г. фон-Ягов,—потому что в ответе этом многое было недоговорено и заключавшиеся в нем обещания были неискренни». Я энергично протестовал, заметив, что никто не имеет права сомневаться в искренности Сербии.

Затем я перешел к предложению сэра Э. Грея, которое Германия отклонила,—предложению, имевшему, может быть, некоторые недостатки, но являвшемуся тем не менее средством спасения, потому что оно открывало возможность обсуждений, тогда как предложенные Германией переговоры между кабинетами были бы значительно сложнее. В критические моменты, подобные переживаемому нами, надо пользоваться каждым лучем надежды, потому что время не терпит, и речь идет о минутах, а не о днях и даже не о часах.

«Не отклонила,—ответил мне г. фон-Ягов,—а нашла нецелесообразным; было бы лучше вести переговоры между кабинетами. Впрочем,—прибавил он,—невозможно было, чтобы 4 великие державы образовали ареопаг для того, чтобы судить две другие державы». На что я ему заметил, что, однако, одна из этих великих держав, Россия, на это согласилась, и что опять-таки Австро-Венгрия отказалась принимать участие в предложенной Греем конференции, не желая, по обыкновению, делать уступок. Я прибавил, что при таких условиях положение кажется мне в высшей степени серьезным, грозящим опасными последствиями.

В этот момент г-ну фон-Ягову принесли лист бумаги, который он прочел с «ужасом» и передал мне, спрашивая, верно ли заключавшееся в нем известие: речь шла о нашей мобилизации против Австро-Венгрии, о которой я был уполномочен ему сообщить. Подтверждая это известие, я, согласно полученным мной инструкциям, подчеркнул, что эта мера *не носит характера враждебности по отношению к Германии* и прибавил, что для мобилизации на границе Австрии Россия имеет тем более оснований, что, судя по полученным мной из достоверного источника сведениям, сама монархия Габсбургов делает в Галиции крупные военные приготовления.

Отрицая эти приготовления, г. фон-Ягов сказал мне, что после нашей мобилизации против Австро-Венгрии Германия вынуждена также мобилизовать, что, следовательно, больше ничего нельзя сделать, и что с этого момента дипломаты должны предоставить слово пушкам.

Я не мог скрыть от своего собеседника вызванного этим замечанием удивления, ввиду того, что не далее, как накануне, он сказал Камбону, что наша мобилизация против Австрии не повлечет за собой мобилизации Германии против нас. Г. фон-Ягов ответил мне с большим смущением: «Но, узнав, что Россия приготовляет войска на границе Германии, последняя, конечно, вынуждена мобилизовать с своей стороны».

Я заметил ему, что ничего не знаю относительно нас и сомневаюсь, чтобы эти известия были верны, что же касается Германии, то у меня имеются точные, заслуживающие доверия сведения о том, что она только и делает, что концентрирует свои силы против нас.

Г. фон-Ягов энергично протестовал против этих, якобы совершаемых приготовлений и старался, конечно, безуспешно, уверить меня в том, что возвращены только бывшие в отпуску офицеры и принимавшие участие в маневрах войска. (Занятие Германией Люксембурга стотысячным корпусом на другой же день после объявления войны является блестящим доказательством противного.)

———

17/30 июля.

В десятом часу утра министр иностранных дел говорил по телефону с министром земледелия, при чем оба они были весьма встревожены последовавшей отменой общей мобилизации, вполне сознавая, что это решение грозит поставить Россию в крайне опасное положение в случае обострения отношений с Германией. С. Д. Сазонов посоветовал А. В. Кривошеину испросить приема у государя, чтобы изложить его величеству опасения, вызываемые означенной отменой.

Около 11 часов утра министр иностранных дел вновь встретился с военным министром у начальника генерального штаба. Полученные за ночь известия еще более укрепили всех в убеждении о настоятельной необходимости, не теряя времени, готовиться к серьезной войне. Сообразно с этим министры и начальник штаба попрежнему придерживались мнения, высказанного ими накануне, о необходимости прибегнуть к общей мобилизации. Генерал-адъютант Сухомлинов и генерал Янушкевич вновь старались убедить по телефону государя вернуться ко вчерашнему решению и дозволить приступить к общей мобилизации. Его величество решительно отверг эту просьбу и, наконец, коротко объявил, что прекращает разговор. Генерал Янушкевич, державший в эту минуту в руках телефонную трубку, успел лишь доложить, что министр иностранных дел находится тут же, в кабинете, и просит разрешения сказать государю несколько слов. Последовало некоторое молчание, после которого государь изъявил согласие выслушать министра. С. Д. Сазонов обратился к его величеству с просьбой о приеме в тот же день для неотложного доклада об общем политическом положении. Помолчав, государь спросил: «Вам все равно, если я приму вас одновременно с Татищевым в 3 часа, так как иначе у меня сегодня нет ни одной минуты свободного времени». Министр благодарил государя и сказал, что прибудет в указанный час.

Начальник штаба горячо умолял С. Д. Сазонова непременно убедить государя согласиться на общую мобилизацию ввиду крайней опасности для нас оказаться неготовыми к войне с Германией, если бы обстоятельства потребовали от нас принятия решительных мер

после того, как успех общей мобилизации был бы скомпрометирован предварительным производством частичной мобилизации. Генерал Янушкевич просил министра, чтобы, если ему удастся склонить государя, он тотчас бы об этом передал ему, Янушкевичу, по телефону из Петергофа для принятия немедленно надлежащих мер, так как необходимо будет прежде всего как можно скорее уже начатую частичную мобилизацию превратить во всеобщую и заменить разосланные уже приказания новыми. «После этого,—сказал Янушкевич,—я уйду, сломаю мой телефон и вообще приму все меры, чтобы меня никоим образом нельзя было разыскать для преподания противоположных приказаний в смысле новой отмены общей мобилизации».

По возвращении в министерство С. Д. Сазонов имел свидание с французским послом.

Между тем А. В. Кривошеин уведомил С. Д. Сазонова, что на его ходатайство о высочайшем приеме ему было отвечено, что государь в этот день чересчур занят и принять его не может. При этом, Кривошеин высказал желание повидать С. Д. Сазонова еще до отъезда последнего в Петергоф. Было решено позавтракать вместе у Донона, где в 12 с половиной часов в отдельном кабинете и сошлись А. В. Кривошеин и С. Д. Сазонов вместе с бароном Шиллингом. Настроение было довольно подавленное, и разговор почти исключительно касался необходимости настоять на скорейшей общей мобилизации ввиду становящейся каждому все более ясной неизбежности близкой войны с Германией. А. В. Кривошеин высказывал надежду, что С. Д. Сазонову удастся убедить государя, так как в противном случае, по его словам, мы бы шли на верную катастрофу.

В 2 часа министр иностранных дел выехал с генерал-майором Татищевым в Петергоф, где оба были приняты вместе его величеством в Александринском дворце. В течение почти целого часа министр доказывал, что война стала неизбежной, так как по всему видно, что Германия решила довести дело до столкновения, иначе она не отклоняла бы всех делаемых примирительных предложений и легко могла бы образумить свою союзницу. При таком положении остается лишь делать все, что нужно для того, чтобы встретить войну во всеоружии и при наиболее выгодной для нас обстановке. Поэтому, лучше, не опасаясь вызвать войну нашими к ней приготовлениями, тщательно озаботиться последними, нежели из страха дать повод к войне быть застигнутыми ею врасплох.

Сильное желание государя во что бы то ни стало избежать войны, ужасы которой внушали ему крайнее отвращение, заставляло его величество, в сознании принимаемой им в этот роковой час тяжелой ответственности, искать всевозможных способов для предотвращения надвигавшейся опасности. Сообразно с этим, он долго не соглашался на принятие меры, хотя и необходимой в военном отношении, но которая, как он ясно понимал, могла ускорить развязку в нежелательном смысле.

Напряженность тех чувств, которые в эту минуту переживал государь, выразилась, между прочим, в той необычной ему раздражительности, с которой его величество оборвал генерала Татищева. Последний, все время не принимавший участия в разговоре, сказал во время наступившей минуты молчания: «Да, решить трудно». Государь с неудовольствием резко возразил: «Решать буду я», желая этим положить конец дальнейшему вмешательству генерала в разговор.

Наконец, государь согласился с тем, что при нынешних обстоятельствах было бы наиболее опасным не подготовиться во время к, повидимому, неизбежной войне, и потому дал свое разрешение приступить сразу к общей мобилизации.

С. Д. Сазонов испросил высочайшее соизволение немедленно передать об этом по телефону начальнику генерального штаба и, получив таковое, поспешил в нижний этаж дворца к телефону. Передав высочайшее повеление ожидавшему его с нетерпением генералу Янушкевичу, министр, ссылаясь на утренний разговор, прибавил: «Теперь вы можете сломать телефон».

При этом государь еще надеялся найти способ помешать общей мобилизации быть бесповоротным поводом к войне. С этой целью государь в тот же день в телеграмме к императору Вильгельму по поводу принятого решения торжественно дал слово, что несмотря на означенную мобилизацию [1])

Исх. телеграмма 1554 №№ 1 и 2 в Берлин.

Германский посол спросил, не можем ли мы удовлетвориться обещанием Австрии не нарушать целости Сербии. Я ответил, что этого недостаточно, и на убедительную просьбу посла продиктовал ему наши условия.

Сазонов.

Исх. телеграмма 1555 в Берлин, Париж, Лондон и Вену.

До получения удовлетворительного ответа Австрии мы будем продолжать наши вооружения.

Сазонов.

Исх. телеграмма 1556 в Бухарест.

Мы готовы поддержать присоединение к Румынии Трансильвании.

Сазонов.

Исх. телеграмма 1558 в Лондон.

Касательно строящихся турецких судов в Англии.

Сазонов.

---

[1]) В подлиннике фраза не окончена. Телеграмму Н. Романова см. ниже.

№ 6. Телеграмма императора Вильгельма государю императору [1].

Отпр. 3 час. 52 мин. дня. Получена 5 час. 50 мин. дня.

Best thanks for telegram. It is quite out of question, that My Ambassador's language could have been in contradiction with the tenor of My telegram. Count Pourtales was instructed to draw the attention of Your Government to the danger and grave consequences involved by a mobilisation. I said the same in My telegram to You. Austria has only mobilised against Servia and only a part of her army. If as it is now the case according to the communication by You and Your Government Russia mobilises against Austria, My role as mediator You kindly intrusted Me with and which I accepted at You(r) express prayer will be endangered if not ruined. The whole weight of the decision lies solely on Yours shoulders now who have to bear the responsibility for peace or war.

Перевод.

(Очень благодарен за телеграмму. Не может быть и речи о том, чтобы слова моего посла были в противоречии с содержанием моей телеграммы. Графу Пурталесу было предписано обратить внимание твоего правительства на опасность и серьезные последствия, которые может повлечь за собой мобилизация. То же самое я говорил в моей телеграмме к тебе. Австрия мобилизовала только часть своей армии и только против Сербии. Если, как видно из сообщения твоего и твоего правительства, Россия мобилизуется против Австрии, то моя деятельность в роли посредника, которую ты мне любезно доверил и которую я принял на себя по твоей усиленной просьбе, будет затруднена, если не станет совершенно невозможной. Вопрос о принятии того или другого решения ложится теперь всей своей тяжестью исключительно на тебя и ты несешь ответственность за войну или мир.)

(Записка Свербеева.)

Четверг, 3 часа [2]) Локаль-Анцейгер объявляет мобилизацию Германии (моя шифрованная телеграмма).

3 ч. 10. м. Опровержение бюро Вольфа (моя открытая телеграмма).

3 ч. 15 м. Извинения и опровержение Ягова (моя вторая шифрованная телеграмма).

Вечером, не получив телеграммы № 2, заключавшей наше контрпредложение в ответ на предложение берлинского кабинета, я в по-

---

[1]) Под текстом телеграммы приписано карандашем: «По Белой Книге послана в 1 час ночи», и чернилами: «Подана в Берлине 17/30 июля 1914 г. в 3 час. 52 мин. дня. Доставлена в Петергоф в 6 час. 30 мин. дня. № 633».

[2]) Продолжение записки Свербеева. В подлиннике над словами «3 часа» поставлено карандашем—«2. 30 м.»; над «3 ч. 10 м.»—«2. 40» и над «3 ч. 15 м.»—«2. 45».

ловине одиннадцатого отправился к статс-секретарю, чтобы узнать, что ему известно относительно этого.

Г. фон-Ягов сказал мне, что он получил от графа Пурталеса телеграмму, и, пробежав эту длинную телеграмму, он прочел мне из нее выдержку, заключавшую текст предлагавшейся нами формулы, вполне соответствовавший тому, который был мной получен на следующий день утром.

Я сказал Ягову, что берлинский кабинет должен бы принять наше предложение, которое приемлемо во всех отношениях, тем более, что Сербия, к удивлению, согласилась на 8 или 9 пунктов австро-венгерского ультиматума.

Статс-секретарь ответил, что это невозможно, и что монархия Габсбургов не может *унизиться и нанести удар своему престижу*.

Я возразил, что престиж великой державы не может быть поколеблен подобной уступкой, что мы всячески стараемся сохранить мир, что Германия и Австрия, со своей стороны, не желают ничего для этого сделать и что, после бомбардировки Белграда, являющейся удовлетворением Австрии, последняя должна проявить больше сговорчивости; я прибавил, что положение становится *все более и более опасным*. Все сказанное мною Ягову не изменило его точки зрения.

18/31 июля.

Министр иностранных дел считал желательным во избежание обострения отношений с Германией приступить к общей мобилизации, по возможности, тайно и не объявляя о ней всенародно. Однако оказалось, что это было технически невозможно, и с утра 18-го июля на всех улицах появились объявления на красной бумаге с призывом под знамена.

Это не могло не вызвать волнения среди иностранных представителей, и одним из первых к министру приехал за разъяснениями германский посол. С. Д. Сазонов заявил ему, что принятое императорским правительством решение является лишь мерой предосторожности в виду обнаруживаемой в Берлине и Вене несговорчивости, но что со стороны России не будет сделано ничего непоправимого, и, несмотря на мобилизацию, мир может быть сохранен, если Германия согласится, пока еще не поздно, умеряюще воздействовать на свою союзницу.

Граф Пурталес не скрыл своих опасений насчет того, как отнесутся в Берлине к упомянутой мере.

Записка, переданная 18 июля 1914 г. германским послом товарищу министра иностранных дел А. А. Нератову.

Pour prouver son esprit pacifique ainsi que ses dispositions amicales envers la Russie et se rendant compte de la position difficile dans laquelle se trouve cette dernière en face de l'action de l'Autriche contre

la Serbie, le Gouvernement Allemand a engagé le Cabinet de Vienne à donner au Cabinet de St.-Pétersbourg des assurances qu'il n'a pas l'intention de toucher à l'intégrité torritoriale de la Serbie ni de léser les intérêts légitimes de la Russie.

C'est à la suite des conseils donnés par l'Allemagne à Vienne que l'Autriche a fait une déclaration qui d'après l'avis du Gouvernement Allemand doit suffire pour rassurer la Russie. Une pareille déclaration par laquelle une grande Puissance qui se trouve en état de guerre se lie d'avance les mains pour la conclusion de la paix, doit être considérée comme une très grande concession et comme une preuve d'esprit de conciliation.

La Russie doit se rendre compte qu'en voulant amener l'Autriche à aller au delà de cette déclaration elle lui demande de faire une chose qui n'est plus compatible avec sa dignité et son prestige de grande Puissance. Tout en reprochant à l'Autriche d'empiéter sur les droits de souveraineté de la Serbie, elle veut porter elle-même atteinte aux mêmes droits de l'Autriche.

Le Gouvernement Russe ne devrait pas perdre de vue que le prestige de l'Autriche-Hongrie comme grande puissance est en même temps un *intèrêt Allemand* et que l'on ne peut pas exiger de l'Allemagne d'agir sur l'Autriche dans un sens contraire à ses propres intérêts.

Dans ces conditions, si la Russie insiste sur ses demandes et refuse de reconnaître dans l'intérêt de la paix Européenne la nécessité absolue de localiser le conflit Austro-Serbe, elle doit en même temps se rendre compte de l'extrême gravité de la situation.

Перевод.

(Для того, чтобы доказать свое миролюбие и дружеское расположение к России и сознавая, насколько трудно положение последней ввиду направленных против Сербии действий Австрии, германское правительство предложило венскому кабинету дать петербургскому кабинету заверения в том, что он не посягает на территориальную неприкосновенность Сербии и не имеет намерения нарушить законные интересы России.

Следуя данным Германией в Вене советам, Австрия выступила с декларацией, которой, по мнению германского правительства, достаточно, чтобы успокоить Россию. Подобная декларация, которой находящаяся в состоянии войны великая держава заранее связывает себе руки к моменту заключения мира, должна быть рассматриваема, как очень крупная уступка и как доказательство ее миролюбия.

Россия должна отдать себе отчет в том, что, стремясь заставить Австрию итти далее этой декларации, она просит у нее нечто несовместимое с ее достоинством и престижем великой державы. Упрекая Австрию в том, что последняя нарушает суверенные права Сербии, она сама посягает на те же права Австрии.

Русское правительство не должно бы упускать из виду, что *Германия заинтересована*, в поддержании престижа Австро-Венгрии,

как великой державы, и что нельзя требовать от Германии, чтобы она воздействовала на Австрию в направлении, идущем вразрез с ее собственными интересами.

При этих условиях, если Россия будет настаивать на своих требованиях и откажется признать локализацию австро-сербского конфликта совершенно необходимой в интересах европейского мира, она должна в то же время отдать себе отчет в том, что положение является крайне опасным.)

Исх. телеграмма 1574 в Ниш.

Не считает ли Сербия своевременным соглашение с Болгарией насчет обеспечения военного содействия путем территориальных компенсаций, если бы Сербия получила их в другом месте.

Сазонов.

Исх. 1576 в Константинополь.

На наш запрос о военных приготовлениях Турции Фахрэддин отозвался неведением и запросил о военных приготовлениях на Кавказе. Мы объяснили ему, что эти меры не должны беспокоить Турцию.

Сазонов.

Исх. телеграмма 1579 в Бухарест.

Личная.

Исх. телеграмма 1583 в Париж, Лондон, Берлин, Вену и Рим.

На предложение английского правительства я ответил согласием внести некоторые изменения в предложенную мною вчера германскому послу формулу.

Сазонов.

Исх. телеграмма 1582 в Париж, Лондон, Берлин, Вену и Рим.

Formule amendée conformément à la proposition anglaise [1]: следует текст формулы.

Исх. телеграмма 1587 в Ниш.

Открытие Сербии кредита в 20 миллионов фр

Исх. телеграмма 1589 в Лондон и Париж.

Я просил великобританского посла передать Грею признательность за дружественный и твердый тон Англии.

Сазонов

---

[1]) «Формула, измененная согласно английскому предложению».

Исх. телеграмма 1592 в Берлин, Вену, Париж, Лондон и Рим.

Посетивший меня австрийский посол сообщил о согласии своего правительства вступить в обсуждение ультиматума. Я обратил внимание посла на предпочтительность ведения переговоров в Лондоне при участии великих держав. Весьма желательно, чтобы Австрия прекратила военные действия на сербской территории. *Сазонов.*

№ 7. Телеграмма государя императора императору Вильгельму [1].

Петергоф.

I thank You heartily for Your mediation which begins to give one hope that all may yet end peacefully. It is technically impossible to stop our military preparations which were obligatory owing to Austria's mobilisation. We are far from wishing war. As long as the negotiations with Austria on Servia's account are taking place, My troops shall not make any provocative actions. I give You My solemn word for this. I put all my trust in God's mercy and hope in Your successful mediation in Vienna for the welfare of our countries and for the peace of Europe.

Перевод.

(Сердечно благодарен тебе за твое посредничество, которое начинает подавать надежду на мирный исход кризиса. По техническим условиям невозможно приостановить наши военные приготовления, которые явились неизбежным последствием мобилизации Австрии. Мы далеки от того, чтобы желать войны. Пока будут длиться переговоры с Австрией по сербскому вопросу, мои войска не предпримут никаких вызывающих действий. Даю тебе в этом мое слово. Я верю в божье милосердие и надеюсь на успешность твоего посредничества в Вене на пользу наших государств и европейского мира.)

№ 8. Телеграмма императора Вильгельма государю императору [2].

Берлин, Нейес Палэ 2 час. 15 мин. дня.
Получена в Петергофе в 5 ч. 35 мин. дня.
His Majesty the Czar.

On Your appeal to My friendship and Your call for assistance I began to mediate between Your and the Austro-Hungarian Government. While this action was still proceeding Your troops were mobilised against

---

[1]) Под текстом телеграммы приписано чернилами: «Подана 18/31 июля в Петергофе в 2 час. 55 мин. дня.»
Передана в Берлин в 3 ч. 28 мин. дня. № 189».

[2]) Под текстом телеграммы приписано чернилами: Подана Neues Palais 18/31 июля в 2 час. 15 м. дня. Доставлена в Петергофе в 5 ч. 15 м. дня. № 148».

Austro-Hungary My Ally thereby as I have already pointed out to You My mediation has been made allmost illusory. I nevertheless have continued my action I now receive authentic news of serious preparations for war on My eastern frontier. Responsibility for the safety of My Empire forces preventive measures of defence upon Me. In my endeavours to maintain the peace of the world I have gone to the utmost limit possible. The responsibility for the disaster which is now threatening the whole civilized world will not be laid at My door. In this moment it still lies in Your power to avert it. Nobody is threatening the honour of power of Russia, who can well afford to await the result of My mediation. My friendship for You and Your Empire transmitted to Me by My Grandfather on His deathbed has always been sacred to Me and I have honestly often backed up Russia when she was in serious trouble especially in the last war. The peace of Europe may still be maintained by You if Russie will agree to stop the military measures which must threaten Germany and Austro-Hungary.

Перевод.

(Вследствие твоего обращения к моей дружбе и твоей просьбы о помощи, я выступил в роли посредника между твоим и австро-венгерским правительством. В то время, когда еще шли переговоры, твои войска были мобилизованы против Австро-Венгрии, моей союзницы, благодаря чему, как я уже тебе указал, мое посредничество стало почти призрачным. Тем не менее, я продолжал действовать, а теперь получил достоверные известия о серьезных приготовлениях к войне на моей восточной границе. Ответственность за безопасность моей империи вынуждает меня принять предварительные меры защиты. В моих усилиях сохранить всеобщий мир я дошел до возможных пределов, и ответственность за бедствие, угрожающее всему цивилизованному миру, падет не на меня. В настоящий момент все еще в твоей власти предотвратить его. Никто не угрожает могуществу и чести России, и она свободно может выждать результатов моего посредничества. Моя дружба к тебе и твоему государству, завещанная мне дедом на смертном одре, всегда была для меня священна, и я не раз честно поддерживал Россию в моменты серьезных затруднений, в особенности во время последней войны. Европейский мир все еще может быть сохранен тобой, если только Россия согласится приостановить военные приготовления, угрожающие Германии и Австро-Венгрии.)

(Записка С. Свербеева.)

На другой день, в пятницу, в 10 час. утра, я возобновил с статс-секретарем этот разговор, стараясь всячески убедить его принять нашу формулу и воздействовать на венский кабинет в том смысле, чтобы последний отказался от тех пунктов своего ультиматума, которые нарушают суверенитет Сербии; я прибавил, что никакое продле-

ние переговоров, идущее на пользу только Австрии, *недопустимо*, и что если, как я вижу, в то время, как мы употребляем все усилия, чтобы избежать европейской войны, ни Германия, ни ее союзница не желают делать уступок (они отклонили предложение Грея, и Германия не хочет принимать нашей формулы),—*война неизбежна*.

Я встретил упорное сопротивление со стороны статс-секретаря, который дал мне тот же ответ, что и накануне,—ответ, убедивший меня в бесполезности всяких дальнейших переговоров.

В 2 часа дня г. фон-Ягов просил меня заехать к нему и, на основании телеграммы графа Пурталеса, сообщил мне о нашей общей мобилизации, прибавив, что *после этого сделать уже ничего нельзя*, что императорское и королевское правительство вынуждено тотчас же объявить отечество в опасности и отдать приказ об общей мобилизации в Германии.

Я выразил некоторое сомнение в достоверности этого известия (нашей общей мобилизации), так как не получил об этом никакого прямого извещения.

Ягов опять заговорил об обмене телеграммами между нашими государями и сказал, что император Вильгельм, якобы, принял по просьбе императора, моего августейшего монарха, роль посредника и даже телеграфировал императору Франц-Иосифу. «И в этот-то момент вы мобилизуете всю свою армию»,—сказал мне статс-секретарь.

Я ответил, как и прежде, что, не будучи осведомлен об обмене телеграммами между нашими государями, я не могу о нем говорить, что я вижу, напротив, что Германия ничего не желает сделать ради мира; что касается телеграммы императора Вильгельма императору Францу-Иосифу, я был удивлен тем, что г. фон-Ягов не сказал мне о ней раньше, и спросил, известно ли о ней в С.-Петербурге. Он ответил, что «полагает» (?) что да, из телеграммы императора Вильгельма к императору, моему августейшему монарху.

(Во время всех наших предшествовавших разговоров статс-секретарь давал мне понять, что берлинский кабинет не может использовать своего влияния в Вене в целях создания у австро-венгерского правительства более примирительного настроения).

Когда мы расставались, г. фон Ягов повторил, что после нашей мобилизации положение является безнадежным, на что я ответил, что, как оптимист по природе, я никогда не говорю «кончено», прежде чем наступит конец, но что, откровенно говоря, я не вижу, что можно бы еще сделать, чтобы избежать войны.

В 3 часа—торжественный въезд императора Вильгельма со всей императорской фамилией в Берлин; речь его величества с балкона, в которой он заявляет, что его вынуждают вести войну.

В 11 часов вечера мне приносят листок, заключающий предъявленный России ультиматум,—эти листки раздавались на улицах.

19 июля/1 августа.

В пятом часу граф Пурталес, вызвав по телефону барона Шиллинга, сказал, что ему необходимо безотлагательно видеть министра. Барон Шиллинг ответил, что С. Д. Сазонов в настоящую минуту находится в совете министров на Елагином острове, и обещал тотчас уведомить посла, как только министр вернется. Это и было сделано в начале седьмого часа, и граф Пурталес вскоре приехал в министерство. Предупрежденный об этом, С. Д. Сазонов не обольщал себя никакими надеждами и сказал барону Шиллингу: «Он, вероятно, привезет мне объявление войны».

Войдя в кабинет министра, германский посол спросил, согласно ли императорское правительство дать на вчерашнюю его ноту благоприятный ответ. Министр ответил отрицательно, прибавив, что хотя объявленная общая мобилизация не может быть отменена, Россия не отказывается продолжать переговоры в видах изыскания мирного выхода из создавшегося положения. Граф Пурталес, уже приехавший весьма озабоченным, стал выказывать признаки возрастающего волнения. Вынув из кармана сложенную бумагу, он еще раз поставил министру тот же вопрос, подчеркнув тяжелые последствия, к которым должен повести отказ России согласиться на требования Германии об отмене мобилизации. С. Д. Сазонов твердо и спокойно подтвердил еще раз только что данный им ответ. Все больше волнуясь, посол поставил в третий раз тот же вопрос, и министр еще раз сказал ему, что у него нет другого ответа: «Je n'ai pas d'autre réponse à vous donner» [1]). Посол, глубоко растроганный, задыхаясь, с трудом выговорил: «En ce cas, monsieur le Ministre, je suis chargé par mon Gouvernement de Vous remettre cette note» [2]), и дрожащими руками он передал С. Д. Сазонову ноту с объявлением войны, которая, как оказалось впоследствии, содержала в себе 2 варианта, по оплошности германского посольства в Петербурге соединенные в одном тексте. Эта подробность, впрочем, была замечена лишь впоследствии, так как в самую минуту передачи ноты суть германского заявления была столь ясна, что не в словах было дело.

Разговор между послом и министром происходил стоя в большом кабинете, и после вручения ноты граф Пурталес, потерявший всякое самообладание, отошел к окну (первому от угла) и, взявшись за голову, заплакал, говоря: «Je n'aurais jamais cru que je quitterai Pétersbourg dans ces conditions» [3]). При этом он обнял министра и ушел, прося сообщить в посольство о распоряжениях, которые будут от-

---

[1]) «Я не могу дать вам другого ответа».

[2]) «В таком случае, господин министр, я уполномочен моим правительством передать вам эту ноту».

[3]) «Никогда бы я не поверил, что покину Петербург при таких обстоятельствах».

даны в отношении его отъезда, так как сам он в эту минуту был более неспособен ни о чем говорить.

Вызвав к себе немедленно А. А. Нератова и барона Шиллинга, министр сообщил о только что состоявшемся разговоре и поручил тотчас оповестить об этом кого следует в то время, как он сам по телефону доложил обо всем государю императору.

Барон Шиллинг поспешил со своей стороны протелефонировать председателю совета министров, военному и морскому министрам, министру финансов, а также французскому и английскому послам. Вместе с тем, были отправлены соответствующие телеграммы нашим представителям за границу с уведомлением о последовавшем объявлении нам войны Германиею.

В это время к барону Шиллингу пришел баварский посланник барон Грунелиус, который, видимо, был очень огорчен всем случившимся и весьма недоволен необходимостью покинуть Петербург. Он сказал барону Шиллингу: «Je viens Vous voir pour Vous demander ce que je dois faire. Je n'ai pas d'instructions spéciales de mon Gouvernement, mais je crois que je dois suivre l'Ambassade d'Allemagne. C'est bien triste et bien ennuyeux, tout ce qui se passe. Croyez-Vous que je doive voir le Ministre? Je pense qu'il doit être très occupé en ce moment-ci et qu'il vaut mieux ne pas le déranger. Vous voudrez bien lui dire combien je suis désolé de tous ces événements» [1]).

Барон Грунелиус просил уведомить его о том, что будет решено касательно отъезда германского посольства, к которому он считал своим долгом присоединиться.

По сношении с военными властями, министерством путей сообщения и департаментом полиции (последнее по части вопроса о пропуске за границу лиц, долженствовавших сопровождать германское посольство), было решено предоставить германскому послу с составом посольства, консулами, баварским посланником и около 80 человек германских подданных отдельный поезд на другое утро, в 8 часов, с финляндского вокзала для следования через Швецию в Германию. Об этом барон Шиллинг известил секретаря посольства барона Притвица, которому было поручено графом Пурталесом заняться этим вопросом. Со своей стороны, министерство иностранных дел поручило чиновнику особых поручений Радкевичу наблюдение за точным выполнением предположенных мер, а также сопровождение на вокзал отъезжающего посла.

---

[1]) «Я пришел спросить у вас, что мне делать. Я не имею специальных инструкций от моего правительства, но полагаю, что я должен следовать за германским посольством. Все происходящее очень печально и очень неприятно. Считаете ли вы, что я должен видеться с министром? Я думаю, что в настоящий момент он должен быть очень занят, и что лучше его не беспокоить. Прошу вас сказать ему, что я в отчаянии от всего случившегося».

Исх. телеграмма 1601 в Париж, Лондон, Берлин и Рим.

В полночь германский посол заявил мне, что если через 12 часов мы не приступим к демобилизации, не только против Германии, но и против Австрии, германское правительство отдаст приказ о мобилизации. На мой вопрос, равносильно ли это войне, посол ответил, что нет, но что мы к ней чрезвычайно близки.

Сазонов.

Исх. телеграмма 1603 в Стокгольм.

Узнаем, что король заявил германскому посланнику, что в случае европейской войны Швеция станет на сторону тройственного союза.

Сазонов.

Исх. телеграмма 1604 в С.-Себастьян.

О принятии русских и сербских подданных в Германии и Австрии под защиту испанских представителей.

Сазонов.

Исх. телеграмма 1618 императорским представителям заграницей.

Германия только что нам объявила войну.

Сазонов.

Исх. телеграмма 1622 в Вену.

До сих пор мы остаемся в сношениях с Австрией.

Сазонов.

Исх. телеграмма 1624 в Вену [1]).

Исх. телеграмма 1627 в Париж и Лондон.

Германия явно стремится переложить на нас ответственность за разрыв. Государь император своим словом обязался перед германским императором, что не примет вызывающих действий, пока продолжаются переговоры с Австрией. После такого ручательства Германия не имела права сомневаться, что мы примем всякий мирный выход, совместный с достоинством и независимостью Сербии.

Сазонов.

№ 9. Телеграмма государя императора императору Вильгельму [2]).

J received Your telegram. Understand You are obliged to mobilise, but wish to have the same guarantee from You, as I gave You, that the

---

[1]) В тексте содержание телеграммы отсутствует. См. текст телеграммы в приложениях.

[2]) Под текстом телеграммы приписано чернилами: «Подана 19 июля/1 августа в Петергофе, в 2 час. 6 мин. дня. Передана в Берлин в 2 ч. 47 мин. дня. № 203».

measures *do not* mean war and that we shall continue negotiating for the benefit of our countries and universal peace dear to all our hearts. Our long proved friendship must succeed with God's help in avoiding bloodshed. Anxiously, full of confidence await Your answer.

Перевод.

(Я получил твою телеграмму. Понимаю, что ты должен мобилизовать свои войска, но желаю иметь с твоей стороны такие же гарантии, какие я дал тебе, т.-е. что эти военные приготовления *не* означают войны, и что мы будем продолжать переговоры ради благополучия наших государств и всеобщего мира, дорогого для всех нас. Наша долго испытанная дружба должна с божьей помощью предотвратить кровопролитие. С нетерпением и надеждой жду твоего ответа.)

(Записка С. Свербеева.)

Суббота. Общая мобилизация в Германии (армии и флота) и объявление войны России.

№ 10. Телеграмма императора Вильгельма на высочайшее имя, доставленная министру иностранных дел ночью с 19 на 20 июля 1914 г. [1])

По мнению тотчас вызваного по телефону германского посла, эта телеграмма была, вероятно, отправлена *до* объявления войны.

Берлин, Отправлена 10 час. 45 мин. пополудни.

Получена в 1 час. 15 мин. пополуночи.

Thanks for Your telegram. I yesterday pointed out to Your Government the way by which alone war may be avoided although I requested an answer for noon today, no telegram from My Ambassador conveying an answer from Your Government has reached Me as yet. I therefore have been obliged to mobilize My army. Immediate, affirmative, clear and unmistakable answer from Your Government is the only way to avoid endless misery. Until J have received this answer alas I am unable to discuss the subject of Your telegram. As a matter of fact I must request You to immediately order Your troops on no account to commit the slightest act of trespassing over our frontiers.

Перевод.

(Благодарю за твою телеграмму. Вчера я указал твоему правительству единственный путь, которым можно избежать войны. Несмотря на то, что я требовал ответа сегодня к полудню, я еще до сих

[1]) Под текстом телеграммы приписано чернилами: «Подана 19 июля — 1 августа из Берлина в 10 час. 45 мин. дня. Доставлена в Петергоф в 1 час 55 мин. ночи. № 3055».

пор не получил от моего посла телеграммы, содержащей ответ твоего правительства. Ввиду этого я был принужден мобилизовать свою армию. Немедленный, утвердительный, ясный и точный ответ от твоего правительства—единственный путь избежать неисчислимых бедствий. До получения этого ответа я не могу обсуждать вопроса, поставленного твоей телеграммой. Во всяком случае, я должен просить тебя немедленно отдать приказ твоим войскам ни в каком случае не переходить нашей границы.)

---

20 июля/2 августа.

Lettre du Comte de Pourtalès au Ministre des Affaires Etrangères. Dimanche $4^1/_2$ du matin.

Mon cher Ministre,

Pour toute éventualité je veux encore expédier le télégramme ci-joint à Berlin. Veuillez en prendre connaissance et me faire savoir, s'il rend la situation. J'envoie le télégramme en clair. Si Vous trouvez bon de l'expédier Vous même du Ministère, faites-le. Sans cela renvoyez le moi tout de suite avec Votre approbation.

Votre sincèrement dévoué

(signé) Pourtalès.

Перевод

(Письмо графа Нурталеса министру иностранных дел.

Воскресенье $4^1/_2$ ч. утра.

Дорогой Министр,

На всякий случай я хочу еще отправить в Берлин прилагаемую телеграмму. Благоволите с ней ознакомиться и сообщить мне, верно ли она рисует положение. Я посылаю телеграмму не шифрованной. Если вы найдете желательным послать ее из министерства, то сделайте это. В противном случае возвратите мне ее тотчас при вашем одобрении.

Искренне вам преданный

(подп.) *Нурталес.*)

(Записка С. Свербеева.)

В воскресенье в $10^1/_2$ час. утра чиновник министерства иностранных дел привез мне паспорта и сказал, что мой поезд отправляется через Вержболово.

В 11 часов—сообщается что ее величество императрица не могла доехать до Вержболова (?) и что мой поезд будет направлен также другим путем—но еще неизвестно каким.

Днем—известие о занятии Люксембурга стотысячным армейским корпусом (8 корпус), который уже был мобилизован ранее.

После речи императора Вильгельма в пятницу, в $6^1/_4$ часов по полудни, всякие дальнейшие переговоры являлись излишними.

С. Свербеев.

ПРИЛОЖЕНИЯ.

Секретная телеграмма г-на министра послу в Вене.

С. Петербург 9/22 июля 1914 г. № 1475.

По доходящим сюда слухам, Австрия, повидимому, готовится выступить в Белграде с разными требованиями в связи с Сараевскими событиями. Благоволите дружески, но настойчиво указать министру иностранных дел на опасные последствия, к которым может повести подобное выступление, если оно будет иметь неприемлемый для достоинства Сербии характер. Из моих объяснений с французским министром иностранных дел явствует, что и Франция, весьма озабоченная оборотом, который могут принять австро-сербские отношения, не склонна допустить неоправдываемого обстоятельствами унижения Сербии. Французскому послу в Вене поручается преподать австро-венгерскому правительству советы умеренности. По нашим сведениям, в Лондоне также очень осуждают приписываемое Австрии намерение создать международные затруднения на упомянутой почве, и великобританское правительство также поручает своему представителю в Вене высказаться в этом смысле. Я еще не теряю надежды, что благоразумие одержит верх в Вене над воинственными течениями, и что заблаговременные предупреждения со стороны великих держав еще удержат Австрию от непоправимых мероприятий. Прежде чем обратиться к графу Берхтольду по сему поводу, благоволите сговориться с вашими французским и английским сотоварищами, но имейте в виду, что во избежание нежелательного обострения вопроса выступления Ваши не должны быть ни совместными, ни одновременными.

Сазонов.

Секретная телеграмма поверенному в делах в Белграде.

11/24 июля 1914 года, № 1487.

Срочно. Лично. Прошу расшифровать лично. Если беспомощное положение Сербии действительно таково, что не оставляет никакого сомнения на счет исхода вооруженной борьбы ее с Австрией, было бы, пожалуй, лучше, чтобы сербы, в случае вторжения австрийцев, вовсе не пытались оказывать последним сопротивления, а отступив и пре-

доставив врагу занять без боя территорию, обратились к державам с воззванием. В последнем, указав на свое тяжелое положение после войны, во время которой они своею умеренностью заслужили признательность Европы, сербы могли бы сослаться на невозможность для них выдержать неравную борьбу и просить заступничества держав, основанного на чувстве справедливости.

Сазонов.

Секретная телеграмма министра иностранных дел на имя посла в Лондоне.

С. Петербург, 12/25 июля 1914 года № 1489.

При нынешнем обороте дел первостепенное значение приобретает то положение, которое займет Англия. Пока есть еще возможность предотвратить европейскую войну, Англии легче, нежели другим державам, оказать умеряющее влияние на Австрию, так как в Вене ее считают наиболее беспристрастной и потому к ее голосу более склонны прислушиваться. К сожалению, по имеющимся у нас сведениям, Австрия накануне своего выступления в Белграде считала себя в праве надеяться, что ее требования не встретят со стороны Англии возражений, и этим расчетом до известной степени было обусловлено ее решение. Поэтому весьма желательно, чтобы Англия ясно и твердо дала понять, что она осуждает неоправдываемый обстоятельствами и крайне опасный для европейского мира образ действий Австрии, тем более, что последняя легко могла добиться мирными способами удовлетворения тех ее требований, которые юридически обоснованы и совместимы с достоинством Сербии.

В случае дальнейшего обострения положения, могущего вызвать соответствующие действия великих держав, мы рассчитываем, что Англия не замедлит определенно встать на сторону России и Франции, чтобы поддержать то равновесие в Европе, за которое она постоянно выступала и в прошлом, и которое в случае торжества Австрии будет, несомненно, нарушено.

Сазонов.

Секретная телеграмма министра иностранных дел поверенному в делах в Белграде.

12 июля 1914 года № 1494.

Срочно.

Ввиду особого положения Англии, беспристрастие которой в настоящем вопросе вне всяких сомнений, война между Австрией и Сербией, быть может, могла бы быть еще предупреждена, если бы сербское правительство обратилось с просьбой о посредничестве к английскому правительству, и если бы последнее приняло на себя эту роль. Вы могли бы переговорить об этом с Пашичем и подать ему эту мысль.

Сазонов.

Послу в Лондоне.

Я телеграфирую в Белград:—текст телеграммы. В случае подобного обращения сербов в Лондон, благоволите энергично его поддержать.

Сазонов.

Секретная телеграмма министра иностранных дел послу в Константинополе и посланникам в Софии, Бухаресте и поверенному в делах в Афинах.

12 июля 1914 года № 1496.

Из секретного, внушающего доверие источника явствует, что между Турцией, Болгарией и Австрией происходят, повидимому, какие-то переговоры касательно возможного участия первых двух стран в готовящемся конфликте. Благоволите по возможности проверить эти сведения и тщательно следить за означенным вопросом.

Продолжение для Бухареста и Афин.

Доверительно обратив на это внимание правительства, при коем вы аккредитованы.

Сазонов.

Aide-mémoire.

A telegram in the following sense has been sent to His Majesty's Representative at Belgrade:

Sir E. Grey has urged on the German Ambassador in London that military action should not be precipitated by Austria.

It appears to Sir E. Grey that it is clearly incumbent on Servia to express to Austria her concern and regrets that those implicated in the recent murder of the Arch-Duke should include any servians holding official rank however subordinate, and she should certainly promise to give the fullest satisfaction in the event of this charge being proved. The Servian reply must for the rest be framed to meet the requirements of Servian interests.

Sir E. Grey is not in a position to know whether on the expiry of the time limit military action by Austria would be averted by anything less than the unconditional acceptance of her demands. It appears to him that the only chance is not to offer a blank refusal to these demands but before the time limit expires to accept as many of them as possible.

His Majesty's Representative at Belgrade has been instructed to consult with his Russian and French Colleagues as to the advisability of communicating the above considerations to the Servian Government.

The Servian Minister in London has urgently pressed Sir E. Grey to give some indication of the views of His Majesty's Government, but without being acquainted with the action being taken at Belgrade by the French and Russian Governments, Sir E. Grey does not like to un-

dertake the responsibility of advising the Servian Government even to the extent indicated above and certainly not any further.

St. Petersbourg, July 12/25, 1914.

Перевод.

(Памятная записка.

Телеграмма следующего содержания была послана представителю его величества в Белграде:

Сэр Э. Грей настоятельно указал германскому послу в Лондоне на то, что Австрия не должна спешно приступать к военным действиям.

Сэр Э. Грей полагает, что Сербия, несомненно, должна выразить Австрии свое сочувствие и свои сожаления в том, что в числе причастных к убийству эрцгерцога лиц были люди, занимавшие официальные должности, хотя бы и низшие, и, конечно, должна обещать дать удовлетворение в том случае, если это обвинение будет доказано. Во всем остальном ответ должен соответствовать интересам Сербии.

Сэр Э. Грей не знает, можно ли по истечении срока избежать военных действий со стороны Австрии чем-либо, кроме безусловного принятия ее требований. Ему кажется, что, только не отвергая прямо всех этих требований, а приняв до истечения срока возможно большее число их, удастся, может быть, этого достигнуть.

Представитель его величества в Белграде получил инструкции переговорить со своими русским и французским коллегами о том, насколько желательно сообщить вышеприведенные соображения сербскому правительству.

Сербский посланник в Лондоне спешно просил сэра Э. Грея дать некоторые указания в связи с мнением правительства его величества, но не будучи осведомлен о действиях, предпринятых в Белграде французским и русским правительствами, сэр Э. Грей не находит возможным принимать на себя ответственность, давая Сербии советы даже в пределах вышесказанного, а тем более итти в этом отношении еще дальше.

С. Петербург 12/25 июля 1914 г.)

Секретная телеграмма министра иностранных дел представителям в Вене, в Стокгольме, в Бухаресте, в Константинополе, в Христиании, в Копенгагене [1]:

Отправлена 13 июля 1914 г. за № 1504.

Благоволите сообщать по телеграфу все имеющиеся сведения о пополнении и передвижениях сухопутных войск, вооружениях и

---

[1]) Эта телеграмма отправлена представителям в Берлине и Софии 16/29 июля 1914 г. за № 1552 с нижеследующей вставкой для Софии:

—после подчеркнутого (курсива) прибавить: «*и в Болгарии и Турции*».

передвижениях морских сил и вообще военных мерах *в пограничных с нами странах*. Вам вместе с тем поручается вменить всем подведомственным вам консульствам передавать по телеграфу в министерство все имеющиеся у них сведения по тому же предмету.

Сазонов.

Секретная телеграмма министра иностранных дел послу в Риме.

Сообщается в Лондон и Париж.

13 июля 1914 года № 1505.

Срочная.

Полагаем, что Италия могла бы сыграть первостепенную роль в деле обеспечения мира, если бы оказала должное воздействие на Австрию и заняла бы определенное отрицательное положение к конфликту, ибо последний не может остаться локализованным. Было бы желательно, чтобы Вы сами от себя высказали убеждение в невозможности для России не притти на помощь Сербии.

Сазонов.

Секретная телеграмма министра иностранных дел посланнику в Бухаресте.

13 июля 1914 года № 1506.

Срочно. Доверительно.

Прошу вас объясниться с Братиано в следующем смысле.

Мы делаем все возможное, чтобы предотвратить австро-сербский конфликт. Сербия, с своей стороны, выказывает всю возможную примирительность, насколько это совместимо с ее достоинством.

Если однако наши усилия окажутся тщетными, нам едва ли удастся остаться нейтральными и предоставить Сербию собственной участи. Полагаем, что все симпатии и надежды на будущее должны указать Румынии солидарность ее интересов с Сербией. Если Австрия обрушивается сегодня на Сербию с обвинением в ирредентизме, то завтра та же участь постигнет Румынию, или ей придется самой отказаться навсегда от осуществления национального идеала.

Ввиду этого нам необходимо заранее знать, какое положение занять [1]) Румынии, если конфликт окажется неизбежным, а также отношение ее к возможным со стороны Болгарии поползновениям использовать австро-сербское столкновение.

Сазонов.

---

[1]) Текст подлинника.

Секретная телеграмма министра иностранных дел поверенному в делах в Берлине.

14/27 июля 1914 года за № 1514.

Благоволите секретно передать миссиям в Германии к исполнению предписание, заключающееся в телеграмме № 1504.

Сазонов.

Секретная телеграмма министра иностранных дел представителям в Константинополе, в Софии, Бухаресте.

14 июля 1914 г. за № 1522.

Благоволите одновременно с сообщением в министерство иностранных дел доставлять также непосредственно командующему Черноморскими морскими силами в Севастополь по телеграфу все сведения о вооружениях и передвижениях морских сил Турции, Болгарии и Румынии и вообще о военно-морском положении в районе Черного моря. Вам вместе с тем поручается вменить то же в обязанность подведомственным вам консульствам.

Сазонов.

Секретная телеграмма министра иностранных дел посланнику в Цетинье.

14 июля 1914 года № 1523.

Ваша телеграмма № 68 получена.

Для вашего сведения и руководства.—Россия преподала Сербии совет не сходить с примирительной позиции, выказывая готовность удовлетворить требования Австрии в той мере, какая совместима с независимостью Сербии. Сербское правительство, повидимому, вполне усвоило себе сознание необходимости такого образа действия. Пока есть надежда, что попытки России и других держав приведут к благоприятному результату, Черногории надлежит придерживаться той же выжидательной и примирительной тактики.

Если однако Австрия выкажет непримиримость и обрушится на Сербию, Россия не останется равнодушной к ее участи.

Полагаем, что, более чем когда-либо, Черногории необходимо сообразовать свою политику с сербской в общем для них деле. Этим обусловливается отношение России к Черногории в будущем.

Сазонов.

Секретная телеграмма поверенному в делах в Белграде.

14 июля 1914 года № 1525.

Veuillez transmettre à s. a. le prince Alexandre réponse suivante de s. m. l'empereur:

En s'adressant à moi dans un moment particulièrement difficile votre altesse royale ne s'est pas trompée sur les sentiments qui

m'animent à son égard et sur ma cordiale sympathie pour le peuple serbe.

La situation actuelle attire ma plus sérieuse attention et mon gouvernement s'applique de toutes ses forces à aplanir les difficultés présentes. Je ne doute point que votre altesse et le gouvernement royal ne veuillent faciliter cette tâche en ne négligeant rien pour arriver à une solution qui, tout en souvegardant la dignité de la Serbie, permette de prévenir les horreurs d'une nouvelle guerre.

Tant qu'il y a le moindre espoir d'éviter une effusion de sang, tous nos efforts doivent tendre vers ce but. Si, malgré notre plus sincère désir, nous n'y réussissons pas, votre altesse peut être assurée qu'en aucun cas la Russie ne se désintéressera du sort de la Serbie.

Перевод.

(Благоволите передать е. в. принцу Александру следующий ответ е. в. императора:

Обращаясь ко мне в особенно трудный момент, ваше королевское высочество не ошиблось относительно питаемых мной к нему чувств и моей сердечной симпатии к сербскому народу.

Мной обращено самое серьезное внимание на положение данного момента, и мое правительство прилагает все усилия к тому, чтобы устранить существующие затруднения. Я не сомневаюсь в том, что ваше высочество и королевское правительство стремятся облегчить эту задачу и сделают все возможное, чтобы найти выход, который, не нанося ущерба достоинству Сербии, дал бы возможность предотвратить ужасы новой войны.

Пока есть хотя бы малейшая надежда избежать кровопролития, все наши усилия должны быть направлены к этой цели. Если бы, вопреки нашему искреннейшему желанию, нам это не удалось, ваше высочество может быть уверено, что Россия ни в каком случае не останется безучастной к судьбе Сербии).

Секретная телеграмма министра иностранных дел послу в Лондоне. Сообщается послу в Париже.

15 июля 1914 года № 1528.

Из бесед с германским послом у меня складывается впечатление, что Германия скорее благоприятствует непримиримости Австрии. Берлинский кабинет, который мог бы остановить все развитие кризиса, не проявляет, видимо, никакого воздействия на свою союзницу. Здешний посол находит ответ Сербии неудовлетворительным.

Считаю весьма тревожным такое положение Германии и полагаю, что Англия могла бы лучше других держав предпринять шаги в Берлине для соответствующего воздействия. Несомненно, ключ положения в Берлине.

Сазонов.

Секретная телеграмма посланнику в Бухаресте [1]).

С. Петербург 15/28 июля 1914 года № 1536.

Срочно. Лично.

Прошу расшифровать лично. Из весьма доверительного источника узнаем, будто румынский посланник в Берлине, ссылаясь на поручение от короля и, повидимому, от Братиано, просил Ягова держать его в курсе всего происходящего, чтобы Румыния, в случае войны, в которую была бы втянута Россия, могла бы подготовить общественное мнение и принять военные меры. Бельдиман будто бы заявил, что если Румыния получит уверенность, что Болгария не нападет на нее с тыла, то Румыния в таком случае будет иметь возможность обратить все свои силы против России. Мы бы не хотели верить подобным сведениям, так как, если бы они оправдались, они обличили бы Румынию в беспримерном коварстве. Все же благоволите тщательно проверить это и срочно телеграфировать.

Сазонов.

Секретная телеграмма министра иностранных дел послу в Константинополе.

15 июля 1914 года № 1537.

Ваша телеграмма № 569 получена.

Можете доверительно объяснить турецким министрам, что нами принимаются общие меры предосторожности, ввиду того, что общие осложнения могут коснуться и некоторых балканских государств.

Сазонов.

Секретная телеграмма министра иностранных дел послу в Лондоне.

Сообщается в Париж, Берлин, Вену, Рим.

15 июля 1914 года № 1538.

Получил телеграмму из Лондона № 211 и ссылаюсь на свою телеграмму № 1521.

Вследствие объявления Австрией войны Сербии непосредственные объяснения мои с австрийским послом, очевидно, нецелесообразны. Необходимо скорейшее воздействие Англии с целью посредничества и немедленная приостановка военных действий Австрии против Сербии. Иначе посредничество послужит лишь предлогом для оттяжки разрешения вопроса и даст возможность Австрии тем временем совершенно раздавить Сербию.

Сазонов.

---

[1]) На подлиннике условный знак-пометка П. Романова синим карандашем.

Секретная телеграмма министра иностранных дел посланнику в Бухаресте.

16 июля 1914 года № 1541.

Ваша телеграмма № 169 получена.

Прошу вас передать Братиано следующее:

В случае фактического вооруженного столкновения Австрии с Сербией, нами предусматривается наше вступление, дабы не допустить разгрома последней. В этом будет заключаться цель нашей войны с Австрией, если таковая окажется неизбежной.

Ответив таким образом на вопросы, поставленные Братиано, благоволите поставить ему в свою очередь категорический вопрос об отношении, которое занято будет Румыниею, при чем можете дать понять ему, что нами не исключается возможность выгод для Румынии, если она примет участие в войне против Австрии вместе с нами. Мы хотели бы знать, каковы виды на этот счет самого румынского правительства.

Сазонов.

Секретная телеграмма посланникам в Стокгольме и Бухаресте.

16/29 июля 1914 г. за № 1543.

Для проверки некоторых сведений было бы желательно знать, был ли в прошлую субботу 12-го июля в Стокгольме (Синае) какой-нибудь прием, на котором король мог говорить с германским посланником, а австрийский посланник мог видеть принцев и местных государственных людей.

Шиллинг.

Секретная телеграмма министра иностранных дел послам в Париже и Лондоне и поверенному в делах в Сербии.

16 июля 1914 года № 1547.

Срочная.

Ссылаюсь на мою телеграмму № 1544.

Прошу вас содержание этой телеграммы довести доверительно до сведения правительства, при коем вы аккредитованы.

Сазонов.

Секретная телеграмма министра иностранных дел послам в Париже и Лондоне.

Сообщается в Вену, Рим, Берлин, Константинополь, Ниш и Бухарест.

16 июля 1914 года № 1548.

Ссылаюсь на мою телеграмму № 1544:

Когда я беседовал с германским послом, мною не была еще получена телеграмма Шебеко № 105, из коей явствует, что венский кабинет

отклоняет обмен мнений между нами. Ввиду этого всецело предоставляем Англии инициативу тех шагов, которые она признает целесообразными.

Сазонов.

Секретная телеграмма министра иностранных дел посланнику в Бухаресте.

17 июля 1914 года № 1556.

Ваша телеграмма № 170 получена. Ссылаюсь на мои телеграммы №№ 1536 и 1341.

Весьма доверительно. Если считаете возможным приступить к более конкретному определению выгод, на которые может рассчитывать Румыния в случае участия в войне против Австрии, можете определенно заявить Братиано, что мы готовы поддержать присоединение к Румынии Трансильвании.

Сазонов.

Секретная телеграмма министра иностранных дел послу в Лондоне.

17 июля 1914 года за № 1558.

При настоящем положении для нас представляется в высшей степени важным, чтобы Турция не получила строящихся для нее в Англии двух дредноутов «Рио-Жанейро» и «Решад». Постройка этих кораблей настолько подвинута вперед, что первый из них сможет двинуться в Турцию в течение ближайших недель, а второй в течение ближайших месяцев. Благоволите указать английскому правительству на огромное значение для нас этого вопроса и энергично настоять на задержании этих двух кораблей в Англии.

Сазонов.

Секретная телеграмма министра иностранных дел поверенному в делах в Сербии.

18 июля 1914 года № 1574.

Доверительно осведомитесь у сербского правительства, не считает ли оно своевременным нащупать почву, быть может, через наше посредство, о соглашении с Болгарией насчет не только обеспечения действительного ее нейтралитета, но и военного содействия путем территориальных компенсаций в случае, если бы Сербия получила их в другом месте.

Сазонов.

Секретная телеграмма министра иностранных дел послу в Константинополе.

18 июля 1914 года № 1576.

Ваше письмо от 14 июля получено.

На наш запрос о военных приготовлениях Турции, Фахреддин отозвался неведением и запросил в свою очередь о военных пригото-

влениях на Кавказе. Мы объяснили ему, что в настоящее время принимаются повсеместно известные меры, но что они ни в чем не должны беспокоить Турцию, и от последней зависит, чтобы мы оставались с нею в наилучших отношениях.

Сазонов.

Секретная телеграмма посланнику в Бухаресте [1].

С. Петербург 18/31 июля 1914 г. № 1579.

Лично.

Весьма доверительно. Имеем положительные данные, указывающие на возможность даже вооруженного выступлений Румынии вместе с Австрией против нас. Не подавая вида, что наше доверие поколеблено, благоволите быть готовым ко всяким случайностям и обеспечить сохранность секретных архивов, своевременно переслав их в Одессу. По некоторым признакам, повидимому, есть еще возможность обеспечить нам невмешательство, а может быть, даже и открытый переход Румынии на нашу сторону путем обещания с нашей стороны соответствующего вознаграждения. В качестве последнего мы были бы согласны обещать нашу поддержку к приобретению Румынией Трансильвании. Благоволите осторожно выяснить этот вопрос и телеграфировать нам ваши соображения по сему поводу.

Сазонов.

Секретная телеграмма министра иностранных дел поверенному в делах в Нише.

18 июля 1914 года № 1587.

Ваша телеграмма № 253 получена.

Здешний сербский посланник передал нам просьбу Пашича об открытии кредита в 20 миллионов франков на три месяца, каковую просьбу наш министр финансов согласен удовлетворить.

Сазонов.

Секретная телеграмма министра иностранных дел послу в Лондоне.

Сообщается в Париж.

18 июля 1914 года № 1589.

Я просил великобританского посла передать Грею выражение самой искренней признательности за дружественный и твердый тон, усвоенный им в переговорах с Германией и Австрией, благодаря чему не утрачена еще надежда на мирный выход из нынешнего положения.

Я просил его также передать английскому министру, что я полагаю, что только в Лондоне переговоры имеют шансы на какой-либо успех, облегчая Австрии необходимость компромисса.

Сазонов.

---

[1]) На подлиннике условный знак-пометка И. Романова синим карандашем

Секретная телеграмма министра иностранных дел посланнику в Стокгольме.

Отправлена 19 июля 1914 г. за № 1603.

Для вашего личного сведения. Из весьма доверительного источника узнаем, что король заявил германскому посланнику, что, в случае европейской войны, Швеция станет на сторону тройственного союза.

Сазонов.

Секретная телеграмма министра иностранных дел послу в Мадриде.

Отправлена 19/VII 1914 г. за № 1604.

На случай разрыва у нас дипломатических сношений с Германией и Австрией благоволите передать испанскому правительству просьбу поручить своим представителям в названных странах принять на себя, если понадобится, защиту русских интересов, а также порученных нам интересов сербских.

Сазонов.

Секретная телеграмма министра иностранных дел послу в Вене.

Послана 19 июля 1914 г. № 1622.

В случае, если наступит разрыв сношений также между нами и Австрией, вы должны будете выехать сюда со всем составом посольства, попросив вашего испанского сотоварища принять на себя защиту наших интересов в Австро-Венгрии. До сих пор однако мы еще не получали соответствующего заявления от австрийского посла, а потому остаемся в сношениях с Австрией.

Секретная телеграмма министра иностранных дел послу в Вене.

Отправлена 20/VII—2/VIII 1914 г. за № 1624.

Благоволите предложить советнику посольства князю Кудашеву по делам службы немедленно приехать в С.-Петербург.

Сазонов.

Секретная телеграмма министра иностранных дел послу в Лондоне.

Сообщается в Париж. 20 июля 1914 года № 1627.

Ваша телеграмма № 226 получена.

Германия явно стремится переложить на нас ответственность за разрыв. Наша общая мобилизация была вызвана громадной ответственностью, которая создалась бы для нас, если бы мы не приняли всех мер предосторожности в то время, как Австрия, ограничиваясь переговорами, носившими характер проволочки, бомбардировала Белград.

Государь император своим словом обязался перед германским императором, что не предпримет никаких вызывающих действий, пока продолжаются переговоры с Австрией. После такого ручательства и после всех доказательств миролюбия России Германия не имела права и не могла сомневаться в нашем утверждении, что примем с радостью всякий мирный выход, совместный [1]) с достоинством и независимостью Сербии. Иной исход был бы совершенно несовместимым с нашим собственным достоинством и, конечно, поколебал бы равновесие Европы, утвердив гегемонию Германии. Этот европейский мировой характер конфликта бесконечно важнее повода, его создавшего.

Сазонов.

(Записка С. Свербеева.)

De retour à Berlin mercredi le 16/29 Juillet 1914, j'allai voir l'Ambassadeur de France, Mr. Jules Cambon, qui me dit que la situation était, à son avis, des plus graves, et l'espoir d'une issue pacifique presque nul.— Il ajouta que du moins, selon un télégramme de son frère, Paul Cambon, Ambassadeur de France à Londres, après le refus du Cabinet de Vienne d'accepter la réponse plus que conciliante de la Serbie à l'ultimatum Austro-Hongrois, l'appui effectif de l'Angleterre dans une guerre était assuré à la France et à la Russie.

Ayant vu le télégramme en question et ne le trouvant pas aussi persuasif que le prétendait mon Collègue de France, j'allai demander à Sir E. Goschen quelle était l'attitude de la Grande Bretagne dans la crise aigüe que l'Europe était en train de traverser.

Ne recevant aucune réponse précise à ma question, j'expliquai mon point de vue à mon Collègue d'Angleterre et j'ajoutai, puisque l'Allemagne était persuadée que l'Angleterre garderait une stricte neutralité dans un conflit armé entre l'Allemagne et l'Autriche-Hongrie d'un côté et la Russie et la France de l'autre, la clef de la situation se trouvait entièrement entre les mains de l'Angleterre. Si Sir E. Grey n'hésitait pas à déclarer nettement et catégoriquement à Berlin que la Grande Bretagne était fermement décidée à marcher avec la Russie et la France, la paix était assurée. L'Ambassadeur d'Angleterre me répondit qu'il ne connaissait pas les intentions de son Gouvernement et, malgré tous les arguments que je produisai à l'appui de mon opinion, je ne reçus de sa part aucune réponse satisfaisante.

Ma première entrevue avec le Secrétaire d'Etat s'effectua à 5 heures de l'après midi. M. de Jagow me dit en me voyant entrer: «Les circonstances dans lesquelles nous nous retrouvons sont bien tristes», à quoi je répondis: «Vous les avez bien voulues».

---

[1]) Текст подлинника.

Je répétai ensuite au Secrétaire d'Etat mon entretien avec M. Zimmermann, au lendemain du crime de Sarajévo, au cours duquel je lui avais fait observer que l'Autriche-Hongrie n'avait pas le droit de mettre au dos de toute la Serbie l'assassinat de l'Archiduc François-Ferdinand, assassinat qui avait été perpétré en Autriche par un sujet Autrichien; que si le Cabinet de Vienne avait effectivement l'intention, ainsi que me le faisait comprendre M. Zimmermann, d'exiger que la Serbie ouvre une enquête afin d'établir les culpabilités de ceux de ses sujets qui avaient soi-disant participé à ce crime et de punir les coupables—, s'il s'en trouvait,—il devrait adresser cette demande non par une note officielle, mais en faire l'objet d'un entretien amical avec les Représentants du Royaume limitrophe, qui, je n'en doute pas et je n'hésite même pas à le certifier, se serait montré dans cette question de la correction la plus parfaite et cela d'autant plus, qu'il y allait de son propre intérêt—intérêt vital—de se mettre d'accord, après sa guerre victorieuse avec l'Autriche-Hongrie sur toutes les questions d'ordre économique qui liaient les deux états voisins.

Quant à l'ultimatum autrichien, continuai-je, il était inacceptable pour la Serbie et l'Autriche-Hongrie le savait fort bien; par conséquent elle voulait la guerre et elle savait de plus que la Russie ne pouvait rester indifférente à ce conflit armé. Ce qui m'étonne le plus, disai-je au Secrétaire d'Etat, c'est que l'Allemagne, connaissant cet ultimatum et sachant que nous ne pouvions admettre ni l'écrasement, ni l'affaiblissement de la Serbie,—ait pu l'approuver: c'est qu'elle aussi, n'avait paraît-il, rien contre la guerre.

Monsieur de Jagow me répondit qu'il ne savait, soi-disant, rien de l'ultimatum et que d'ailleurs c'était une question qui touchait uniquement l'Autriche-Hongrie et la Serbie (la propagande serbe et l'assassinat de l'Archiduc). A quoi je m'écriai: «En ce cas Vous avez donné carte blanche à Votre Alliée».

Sans me donner de réponse à cette observation, le Secrétaire d'Etat me déclara que la Monarchie des Habsbourg ne voulait ni l'écrasement du Royaume limitrophe, ni d'annexions territoriales, mais qu'elle méditait simplement une expédition punitive. De plus, me dit-il, la Russie n'a rien à voir à la Serbie et lui, Jagow, n'admet pas le rôle de protecteur officiel que la Russie veut s'assumer dans les Balkans:—«en ce cas l'Allemagne aurait tous les mêmes droits vis-à-vis des petits états protestants, comme par exemple, la Suède...» Il va sans dire que je protestai énergiquement contre cette argumentation qui n'en était même pas une; quant aux annexions territoriales, ajoutai-je, l'Autriche-Hongrie peut ne pas les vouloir en ce moment, mais je sais trop bien comment se font les guerres et quelles suites inattendues elles peuvent avoir. Je ne doute pas un moment que l'Autriche était quand-même fermement décidée à s'emparer du Sandjak, dont elle ne

se pardonne pas jusqu'à présent la cession en 1898 (1908?) [1]) — pour mettre fin à la jonction de la Serbie avec le Monténégro.

Malgré que l'ultimatum Autrichien était inacceptable, continuai-je, la Serbie a cependant consenti à 8 ou 9 points, en étonnant l'Europe entière de sa conciliation. La monarchie des Habsbourg devait à son tour se contenter de cette réponse inespérée.

«Elle ne le pouvait,—me répondit M. de Jagow,—parce que cette réponse était pleine de réticences, et les promesses qu'elle contenait n'étaient pas sincères». Je protestai énergiquement en observant qu'on n'avait pas le droit de douter de la sincérité de la Serbie.

Je passai là-dessus à la proposition de S. E. Grey que l'Allemagne avait refusée proposition qui, sans être, peut-être, parfaite, était quand même une planche de salut, car elle permettait de causer, tandis que les pourparlers entre les Cabinets que l'Allemagne avait proposés, étaient de beaucoup plus compliqués. Dans les moments aussi critiques que ceux que l'on traverse il faut profiter de chaque lueur d'espoir, car le temps presse et il s'agit de minutes et non pas de jours, ni même d'heures.

«Pas refusé,—me répondit M. de Jagow,—mais trouvé pas pratique, les négociations du Cabinet à Cabinet l'étaient plus. D'ailleurs, ajouta-t-il, il n'était pas possible que 4 Grandes Puissances se constituent en aréopage pour juger les deux autres»; a quoi je lui observai que l'une de ces Grandes Puissances, la Russie, y avait cependant consenti et que c'est encore l'Autriche-Hongrie qui avait refusé de participer à la conférence proposée par Grey, ne voulant pas, comme toujours, faire de concessions. J'ajoutai que dans ces conditions la situation me paraissait être des plus graves et les suites grosses de dangers.

A ce moment on apporta à M. de Jagow une feuille de papier, qu'il me remit après l'avoir lue avec «consternation» en me demandant si la nouvelle qu'elle contenait était vraie: il s'agissait de notre mobilisation contre l'Autriche-Hongrie que j'étais chargé de lui communiquer. En lui confirmant cette nouvelle, j'appuyai,—ainsi que j'étais chargé de le faire,—que cette mesure n'avait aucune pointe d'hostilité dirigée contre l'Allemagne, et j'ajoutai que la mobilisation aux frontières de l'Autriche était d'autant plus motivée que la Monarchie des Habsburg faisait elle-même, d'après des renseignements dignes de confiance qui m'étaient parvenus, de grands préparatifs militaires en Galicie.

En niant ces préparatifs, M. de Jagow me dit, qu'après notre mobilisation contre l'Autriche-Hongrie, l'Allemagne était aussi obligée de mobiliser, qu'il n'y avait donc plus rien à faire et que les diplomates devaient céder dès ce moment la parole aux canons.

Je n'ai pas pu cacher à mon interlocuteur l'étonnement que me causait cette observation, car la veille encore il avait dit à Cambon que notre mobilisation contre l'Autriche n'aurait pas pour suite celle de

---

[1]) Написание подлинника.

l'Allemagne contre nous. M. de Jagow, très embarrassé, me répondit: «Mais ayant appris que la Russie préparait ses troupes à la frontière de l'Allemagne, cette dernière était bien obligée de mobiliser de son côté».

Je lui observai que ce qui nous concernait nous, je n'en savait rien et je doutais que ces nouvelles fussent exactes, quant à l'Allemagne je le savais pertinemment, d'après des renseignements dignes de foi, elle ne faisait que concentrer ses forces militaires contre nous.

M. de Jagow protestait énergiquement contre ces soi-disant préparatifs et tâcha, sans y réussir évidemment, de me persuader qu'on s'était borné à rappeler les officiers qui étaient en congé et les troupes qui avaient participé aux manoeuvres. (L'occupation du Luxembourg par un corps d'armée de 100.000 hommes, au lendemain de la déclaration de la guerre par l'Allemagne est une preuve éclatante du contraire).

Jeudi, 3 heures. Le «Local Anzeiger» annonçait la mobilisation de l'Allemagne (mon télégramme chiffré).

3 heures 10. Démenti du bureau Wolff (mon télégramme au gclair).

3 heures 15. Excuses et démenti de Jagow (mon second télégramme chiffré).

A 10 heures et demie du soir, n'ayant pas reçu le télégramme № 2, contenant notre contreproposition à celle du Cabinet de Berlin, j'allai chez le Secrétaire d'Etat pour lui demander ce qu'il en savait.

M. de Jagow me dit avoir reçu un télégramme du comte de Pourtalès et après avoir parcouru ce long télégramme, il me lu le passage contenant le texte de la formule, que nous proposions,—texte qui correspondait à celui que je reçus le lendemain matin.

Je dis à Jagow que le Cabinet de Berlin devait accepter notre proposition qui était acceptable sous tous les points de vue et cela d'autant plus que la Serbie avait consenti à l'étonnement à 8 ou 9 points de l'ultimatum austro-hongrois.

Le Secrétaire d'Etat me répondit que c'était impossible et que la Monarchie des Habsbourg ne pouvait pas s'humilier et porter un coup à son prestige.

J'objectai que le prestige d'une grande puissance ne pouvait pas être ébranlé par une concession de ce genre, que nous tâchions de toute manière de maintenir la paix, que l'Allemagne et l'Autriche-Hongrie ne voulaient, de leur côté, rien faire dans ce but et qu'après le bombardement de Belgrade qui était une satisfaction pour l'Autriche, cette dernière devait montrer plus de conciliation, j'ajoutais que la situation devenait de plus en plus grave. Tout ce que je disais à Jagow ne le fit pas changer de manière de voir.

Je repris cet entretien avec le Secrétaire d'Etat le lendemain, Vendredi, à 10 heures du matin en faisant de mon mieux pour le convaincre d'accepter notre formule et d'agir sur le Cabinet de Vienne afin

qu'il renonce à ceux des points de son ultimatum qui portaient atteinte à la souveraineté de la Serbie; j'ajoutai que toute prolongation des pourparlers ne pouvant profiter qu'à l'Autriche, était inadmissible et que si, comme je le voyais, ni l'Allemagne, ni son Alliée ne voulait faire de concessions (elles refusé [1]) la proposition de Grey et l'Allemagne ne veut pas accepter notre formule), tandis que nous faisons tous nos efforts pour éviter une guerre européenne, la guerre est inévitable.

Je me butai à une obstination absolue du Secrétaire d'Etat, qui me donna la même réponse que la veille,—réponse, qui me convainquait que toute négociation ultérieure était inutile.

A 2 heures de l'après midi M. de Jagow me pria de passer chez lui et me communiqua, sur un télégramme du Comt de Pourtalès, la nouvelle de notre mobilisation générale, en ajoutant qu'après cela il n'y avait plus rien à faire, que le Gouvernement Impérial et Royal était obligé de déclarer dès ce moment que la patrie était en danger et d'ordonner la mobilisation générale de l'Allemagne.

J'émis certains doutes sur l'authenticité de cette nouvelle (notre mobilisation générale), n'ayant aucune communication directe à ce sujet.

Jagow me reparla de l'échange de télégrammes de nos souverains, en me disant que l'Empereur Guillaume avait soi-disant accepté sur la demande de l'Empereur mon Auguste Maître, le rôle de médiateur et qu'il avait même envoyé un télégramme à l'Empereur François Joseph: «Et c'est à ce moment là que Vous mobilisez toute Votre armée», me dit le Secrétaire d'Etat.

Je répondis, ainsi que je l'avais déjà fait précédemment, que l'échange des télégrammes entre Nos Souverains m'étant inconnu, je ne pouvais en parler; que je voyais au contraire que l'Allemagne ne voulait rien faire pour la paix;—quant au télégramme de l'Empereur Guillaume à l'Empereur François-Joseph, j'étais étonné que M. de Jagow ne m'en ait pas parlé avant et je le demandais si on en avait connaissance à St. Pétersbourg. Il me répondit qu'il «supposait» (?) que oui, et cela par un télégramme de l'Empereur Guillaume à l'Empereur mon Auguste Souverain.

(Le Secrétaire d'Etat me faisait comprendre durant tous nos entretiens précédents, que le Cabinet de Berlin ne pouvait user de son influence à Vienne dans le but d'incliner le Gouvernement Austro-Hongrois à des idées plus conciliantes.)

Au moment où je le quittais, M. de Jagow me répéta que la situation était sans espoir après notre mobilisation à quoi je répondis qu'étant optimiste de nature je ne disais jamais «fini» avant la fin, mais que franchement je ne voyais pas trop ce que l'on pouvait faire pour éviter la guerre.

---

[1]) Написание подлинника, повидимому пропущено слово «ont».

A 3 heures entrée solennelle de l'Empereur Guillaume avec toute la famille Impériale à Berlin; discours de Sa Majesté du balcon, disant qu'on Lui imposait la guerre.

Le soir à 11 heures on m'apporta une feuille contenant l'ultimatum à la Russie—feuilles qu'on distribuait dans la rue.

Samedi, mobilisation générale Allemande (armée et flotte) et déclaration de la guerre à la Russie.

Dimanche matin à 10 heures et demie un employé du département des Affaires Etrangères m'apporta les passeports, en me disant que mon train se dirigeait sur Vergbolovo.

Dimanche matin à 11 heures — information que Sa Majesté l'Impératrice ne pouvait pas parvenir à Vergbolovo (?) et que mon train à moi prendrait aussi une autre direction,—laquelle on ne le savait pas encore.

Dans la journée—nouvelle de l'occupation du Luxembourg par un corps d'armée de 100.000 hommes (8-ième corps), dont la mobilisation avait déjà été faite avant.

A partir du discours de l'Empereur Guillaume Vendredi 6 heures et quart p. m. toute négociation ultérieure était superflue.

(signé) S. Sverbéeff.

Дневник А. А. Половцева.

1905 г. [1]).

Сентябрь.

15 сентября.

В 8 час. утра возвращается Витте, успешно заключивший мир с Японией. Первый его визит был графу Сольскому, который рассказывал мне, что Витте приехал в весьма удрученном и нервном состоянии. Его положение в Портсмуте было так тяжело, что он иногда рыдал по ночам, будучи приведен в столь великое нервное расстройство. По его словам, он достиг успеха потому, что основал свою политику на господствовавших в американском народе чувствах. Он начал с того, что уступил Японии все то, что общественное в Америке мнение почитало подлежавшим уступке, но когда остался неразрешенным один вопрос о трехмиллиардной контрибуции, то американцы стали кричать, что со стороны японцев недостойно итти из-за денег на кровопролитие. Такое мнение в Америке сделалось до того господствовавшим, что Рузвельт перестал поддерживать необходимость уплаты контрибуции и даже написал микадо, что его дальнейшее упрямство лишит Японию поддержки со стороны и американской нации и со стороны его самого, Рузвельта. Такое заявление имело последствием отказ Японии от своего денежного требования.

В течение трех дней после заключения мира Витте не получал от государя никакого уведомления, а затем получил довольно сухую телеграмму, за которой последовали телеграммы более приветливые.

Такое сообщение согласно с тем, что записано мною в этом дневнике относительно разговора государя с американским послом Мейером и последствиях этого разговора.

16 сентября.

Витте вызван в Биорке, где плавает император с своим семейством. Ему выслана яхта «Стрела», чтобы туда его доставить.

17 сентября.

Витте пожалован в графы. Это известие очень волнует петербургскую публику, не исключая моих товарищей по государственному

---

[1]) Дневник А. А. Половцева за 1901—1903 г.г. см. «Красный Архив» т. III, стр. 75—172.

совету, собравшихся в так называемое «совещание Сольского» для обсуждения на этот раз порядка выборов в члены думы мужиков, населяющих Сибирь.

18 сентября.

Воскресенье. Осматриваю недавно оконченный устройством Зоологический музей Академии Наук. Все сделано превосходно и содержится в примерной чистоте и порядке.

Вечером занимаюсь с Шмеманом проектом об учреждении кабинета и объединения министерской деятельности, необходимость коей чувствуется теперь ввиду появления на свет госуд. думы и отвергавшейся до сих пор приверженцами безответственного насилия бюрократии.

19 сентября.

Заезжаю к новому графу. Рассказывает, что в проезд его через Париж Рувье просил его при свидании с германским императором постараться уладить марокканский раздор между Францией и Германией. Витте сначала отказался вмешиваться в дело, русским правительством ему не порученное, тем более, что у него не было с собою шифра, но когда вслед за тем к нему явился германский посол Радолин и сообщил ему всю переписку по марокканскому вопросу, а Бюлов уведомил его, что приедет из Баден-Бадена в Берлин для свидания с ним, то Витте решился взяться за это дело. Бюлов, объясняя сущность раздора с Францией, дал понять Витте, что все могло бы уладиться, если бы не военная партия, противящаяся соглашению,чего лица, окружающие императора, не решаются ему говорить. Вильгельм принял Витте чрезвычайно любезно в своем охотничьем замке близ Эйдкунена. Целое утро разговор шел о Японии и Америке, но в конце этой беседы и после того, как Витте получил от императора в подарок его портрет, он нашел возможность заговорить о марокканском деле, которое он изложил в новом для императора свете. Вильгельм слушал его очень внимательно, и когда Витте кончил свою речь, то Вильгельм сказал ему: «Вы совершенно правы, я с Вами соглашаюсь»,—а затем взял лист телеграфной бумаги и написал Бюлову депешу с приказанием немедленно покончить с марокканским вопросом.

Витте говорит, что ввиду того, как дела идут в Петербурге, он собирался уехать на зиму в Сицилию, но после оказанной ему милости останется здесь. С большою горячностью говорит о необходимости преобразовать гос. совет, дополнив его состав выборным элементом, и об устройстве кабинета с премьером, которым, как кажется, рассчитывает сделаться.

20 сентября.

В 9 час. вечера собираются у меня А. Сабуров, Голубев, Икскуль, Манухин, Харитонов, Будберг, чтобы поговорить о проекте объединения министров под председательством первого министра.

21 сентября.

В 9 час. вечера у гр. Сольского с тою же целью: Фриш, Манухин, Икскуль, Витте, Голубев, Таганцев, Коковцев, Трепов, А. Сабуров, я. Прежде всего говорит Витте, выставляет серьезность положения.

«Враги правительства,—говорит он,— сплочены и организованы. Дело революции быстро подвигается. Мы находимся сегодня уже в том положении, в коем находилось французское правительство через год после созыва генеральных штатов, и никакого плана, никакой твердости в отпоре революционного движения мы не имеем. Самые невероятные факты совершаются у нас на глазах, а между тем представители правительственной власти смотрят на эти факты, сложа руки и ничего не предпринимая. В Москве собралось самозванное правительство, состоящее из людей, выбранных ими самими. Таких самозванных правительств большое число по всей России; они распространяют анархию, публикуют и рассылают в народ прокламации, угрожают отечеству распадением его, соблазняют массы обещаниями насытить их аппетиты, угрожающие самым элементарным идеалам, лежащим в основе гражданских обществ,—и все это подвигается быстро вперед, не встречая сколько-нибудь организованного со стороны правительства отпора. По моему мнению, прежде всего надлежит объединить власть, министрам принадлежащую. Министры должны быть соединены в одно целое, в один совет, который, имея председателя, обсуждал бы программу долженствующих быть принятыми мер, обязательных для каждого отдельного министра после принятия их советом. Всякое различие мнения должно быть устраняемо в заседаниях совета; министры, несогласные с господствующим мнением председателя, не должны сохранять своих постов. Словом, должен быть учрежден так называемый в других государствах кабинет с председателем, именуемым также первым министром. На обязанности этого председателя должна лежать рекомендация государю лиц, имеющих надлежащие для занятия министерского поста качества и разделяющих политические взгляды, одобренные государем. Дела высшего государственного управления должны оставаться в ведении нынешнего комитета министров в тепершнем его составе.

Второю мерою должно быть преобразование госуд. совета».

На этом месте речь Витте была прервана председателем гр. Сольским, в квартире коего происходило это совещание. Сольский обратился к присутствовавшим с просьбою высказать свое мнение по поводу произнесенных Витте слов. Настало молчание, продолжавшееся несколько минут. Прерывая это молчание, я сказал, что разделяю мнение Витте о необходимости организовать кабинет, но что не соглашаюсь с ним относительно сохранения нынешнего комитета министров.—«По моему мнению, дела, рассматриваемые теперь комитетом, должны быть распределены между другими учреждениями, а именно: госуд. советом, сенатом и отдельными министрами. К разрешению этих дел

нет основания привлекать председателей департаментов государ. совета, на которых эти обязанности были возложены императором Александром I в 1812 г., когда он желал организовать нечто похожее на временное правительство по случаю отъезда его — государя — к армии. В делах, ныне рассматриваемых комитетом, находятся многие, имеющие характер законодательный. Как могут участвовать в них председатели, долженствующие разбирать законодательные дела в гос. совете?»

Витте прерывает меня, заявляя, что он согласен со мною, и что, конечно, большинство дел, рассматриваемых комитетом министров, должно быть передано другим учреждениям, и министры не должны быть обременяемы пустыми делами.

Вслед затем говорит *Таганцев*. Он утверждает, что, проведя несколько месяцев в деревне, он убедился в том, что в провинции никто не верит больше правительству, потому что заявления и обещания правительства не исполняются; не исполняются потому, что местные чиновники всех степеней и рангов руководствуются исключительно своими фантазиями и произволом. Так, например, манифест о свободе совести на деле никакого применения не имеет, и раскольники преследуются попрежнему.

Коковцев опровергает сказанное гр. Витте. Он утверждает, что для объединения министерского управления нам нет надобности прибегать к подражанию иностранному государству. Достаточно будет для достижения этого объединения, не уничтожая личных всеподданнейших докладов министров, предоставить председателю комитета министров присутствовать при всех докладах, кои министры делают государю. Таким образом председатель будет в состоянии наблюдать за тем, чтобы министры действовали в одинаковом между собою направлении. Комитет министров, в тепершнем его виде, желает сохранить неприкосновенным, признавая это необходимым для разрешения дел высшего управления, соглашаясь при этом передать некоторые дела в другие учреждения.

Сольский заявляет, что мнение Витте и Коковцева не противоречивы и могут быть согласованы редакциею. По обыкновению *Фриш* вторит председателю, но Витте категорически утверждает, что между ним и Коковцевым полное разногласие.

После того говорит *Трепов*, выражающийся всегда с большой ясностью, откровенностью и определенностью. Он заявляет, что вследствие отсутствия согласия между министрами он часто находится в полном недоумении о том, чего желает правительство, а вследствие того и в недоумении о том, что ему самому делать надлежит. Признает необходимым как можно скорее установить единство министров с председателем во главе этого совета. Он повторяет то, что сказано было Витте, что революционные силы сплочены, организованы и успешно и быстро подвигаются вперед, что нас ожидает, несомненно, кровопролитный переворот, которому одни полицейские силы, конечно,

не могут противостоять. В пример своего бессилия и беспомощности он приводит, что ему в настоящее время хорошо известна шайка анархистов, которая, израсходовав свои средства, решила ограбить почту, проходящую по степной, открытой со всех сторон дороге. По существующему порядку он будет в состоянии задержать эту шайку только тогда, когда она убьет почтальона и ямщика, почту сопровождающих. На-днях в одном губернском городе было собрание, подражавшее собранию московскому. В нем участвовали три податных инспектора, о чем Трепов уведомил министра финансов, но последний оставил его уведомление без последствий.

На это *Коковцев* возражает, что он не мог уволить этих инспекторов потому, что председательствовавший на собрании предводитель дворянства не подвергся никакому взысканию.

А. Сабуров говорит, что он вполне соглашается с тем, что говорил Витте, но что существует еще другая сторона предлагаемой реформы, а именно — чтобы проектируемый совет министров и кабинет не сделались всесильными, безответственными и бесконтрольными.

Я решаюсь несколько укорительно обратиться к присутствующим, останавливая их внимание на том, что, по заявлению Трепова, над нами висит грозная туча, на нас надвигается гидра, с которою надо бороться; между нами должна итти речь о том, какой инструмент, какое оружие могут быть признаны довольно сильными, крепкими, чтобы одержать победу; вот в чем заключается задача, требующая нашего разрешения.

После нескольких слов, сказанных *Голубевым*, *Сольский* обращается к Витте, прося продолжать начатую им речь.

Витте говорит о необходимости преобразовать гос. совет, утверждая, что совет, вследствие пополнения его лицами, того не заслуживавшими, потерял во всех классах населения всякое к себе уважение. Во дни, протекшие со дня моего возвращения, я видел многих великих князей, и все они со смехом говорили о государ. совете. По моему мнению, рядом с членами, государем назначенными, должны быть избираемы в одинаковом числе члены совета.

Эти выбранные члены должны быть взяты из среды дворянства, духовенства, купечества и промышленного класса, а равно должны быть допущены делегаты от высших учебных заведений.

24 сентября.

Заседания совещания Сольского относительно устройства выборов в государственную думу на Кавказе. Министр внутр. дел Булыгин, внесший представление, настаивает на том, чтобы это представление было рассмотрено. Я утверждаю, что в настоящее время, когда весь Кавказ охвачен революционным пламенем, не должно быть и речи об устройстве там выборов в госуд. думу. Меня поддерживает Шванебах. Витте, в душе своей согласный со мною, не хочет делать неприятности Воронцову, предлагает потребовать от наместника до-

полнительных сведений, указав ему на многочисленные замечания, кои в это заседание сыплются от большинства членов.

По окончании заседания захожу к Витте в его кабинет председателя комитета министров и выслушиваю от него следующий любопытный рассказ о его поездке в Америку:

«После первого заседания я телеграфировал государю, что Камура представил мне такие-то требования, и что я на эти требования отвечал то-то. Эта телеграмма весьма не понравилась в Петергофе, где не ожидали, что я буду давать ответы, не испросив указаний. Неприятное впечатление смягчилось тем, что я прибавил, что никакой надежды на мир не имею. Такое мнение я высказал и впоследствии, и это привело меня к успешному результату. С самого начала переговоров Рузвельт не переставал писать мне письма на ту тему, что Россия должна уступить Сахалин и заплатить трехмиллиардную контрибуцию. Я отвечал на эти письма сначала мягко, но потом более и более резко, так что, наконец, Рузвельт отозвался обо мне, что я impertinent, так и обратился чрез американского посла в Петербурге Мейера к государю. Между тем переговоры привели к соглашению по всем главным вопросам; оставался вопрос денежный и вопрос о Сахалине, который Япония требовала целиком, а Россия уступала лишь наполовину. Между тем американское общественное мнение, имеющие огромное значение в глазах тамошнего правительства, было сначала весьма враждебно к России, но когда Россия уступила во всех главных вопросах, и оставался лишь один денежный вопрос, то общественное мнение поворотилось против Японии, готовой проливать кровь исключительно из-за денежных барышей. Такое общественное настроение сделалось до того сильным, что политические друзья Рузвельта, восемь сенаторов в различных штатах, стали писать ему письма с предварением, что общественное мнение угрожает повернуться против него и его переизбрания в президенты, если переговоры не окончатся миром. Тогда Рузвельт переменил фронт и стал требовать от микадо, чтобы он отказался от трех миллиардов и половины Сахалина. Микадо созвал свой тайный совет, на котором 5 человек (Ито и его друзья) были за мир, а 9 за войну. Микадо согласился с пятью. Телеграмма об этом была послана Камуре чрез министра иностранных дел, но Камура отказался ее исполнить, покуда не получил приказания от самого микадо. Вследствие возникшей поэтому проволочки наш император несколько гневно телеграфировал Витте, чтобы он оканчивал переговоры и немедленно выезжал из Портсмута. Так как согласие микадо было получено, то Витте отвечал в Петергоф так: «Повеление вашего величества исполнено, переговоры кончены, мирный договор мною подписан, и я немедленно выезжаю». На такую телеграмму он от государя в течение трех дней не получал известия. На четвертый день ему было телеграфировано: «Сердечно благодарю Вас за успешное исполнение возложенного на Вас поручения». Затем никаких сношений до прибытия Витте в Бьоркэ, где ему оказан любезный прием и даже отданы военные почести.

26 сентября.

Собрание у Сольского для обсуждения проекта об объединении министерства.

Коковцев настаивает на необходимости сохранить комитет министров, несмотря на учреждение совета министров.

Витте, а потом я оспариваем это.

А. Сабуров поддерживает Коковцева на том основании, что учреждаемый нами совет министров, не имея ответственности пред палатою, как в других странах, сделается полновластным и деспотичным.

Я утверждаю, что придача пяти председателей гос. совета и пяти лиц, заведующих второстепенными управлениями, не изменит положения.

Спор между *Витте* и *Коковцевым* делается острым в вопросе о том, должен ли председатель совета министров заведывать каким-либо министерством, или может быть просто председателем, как того желает Коковцев, который и остается один при своем мнении.

Все остальные полагают, что председатель может управлять или не управлять министерством, но в последнем случае должен иметь титул министра без портфеля, чтобы являться в гос. думу и в гос. совет и отстаивать мнения кабинета.

28 сентября.

Собрание у Сольского. Снова выступает *Коковцев*, и на этот раз с успехом. Он отстаивает необходимость сохранения существующего ныне комитета министров, несмотря на учреждение совета министров. По непонятным для меня закулисным побуждениям *Витте*, согласившийся первоначально со мною, переходит на сторону Коковцева, и параграф о том, что комитет должен сохраниться лишь на время, исключается из мемории. Я подчиняюсь распоряжению председателя, который имеет право исключить из предметов обсуждения тот или другой вопрос, но заявляю, что не изменяю высказанного мною мнения.

Постановляют, что комитет сохраняется для всех дел, кои не перейдут от него к совету, вновь создаваемому, т.-е. ко всем делам, в коих нарушается закон и нарушение это покрывается высочайшим повелением. Точно так же сохраняются личные всеподданнейшие доклады по предметам, не относящимся до других министров, с тем, чтобы о содержании таких докладов было сообщаемо совету министров!

Весьма бурное заявление со стороны Витте возбуждает его желание, чтобы в меморию об учреждении совета министров было включено постановление об упразднении комитета под председательством Горемыкина для изучения крестьянского вопроса и высшего совещания для направления аграрной политики, также под его председательством. Оба учреждения созданы 6 мая по происках Горемыкина с одновременным уничтожением совещания об улучшении сельского хозяйства, которое состояло под председательством Витте. То была

месть Горемыкина за то, что Витте отнял у него портфель министра внутренних дел и назначил на его место злосчастного Сипягина. В решительной, предложенной Витте, форме Сольский не решается удовлетворить желание Витте, а обещает представить об этом государю особый доклад. Витте справедливо утверждает, что студенческие сходки и рабочие стачки ничтожны сравнительно с надвигающеюся на нас крестьянскою пугачевщиною, а что для предотвращения ее всего лучше, тотчас по собрании Думы, передать ей крестьянский вопрос в форме тех обширных материалов, кои были собраны состоявшею под председательством его, Витте, сельско-хозяйственною комиссией. Несомненно, такое распоряжение создаст пьедестал для памятника Витте, но сомневаюсь, чтобы вышел толк из такого обсуждения.

Между прочим, Витте рассказывает, что к нему на-днях приехал прямо с доклада государя Шванебах и привез составленный им проект поселить в Сибири часть армии, сражавшейся в Манчжурии. Высочайше повелено внести дело в комитет министров, тогда как оно подлежит рассмотрению гос. совета, и вопреки закона никакого предварительного сношения с другими министрами не сделано.

На это Коковцев рассказывает, что морской министр Бирилев лучше распоряжается. Уехав с государем кататься в шкерах, он присылает оттуда распоряжения и уведомления самого разнообразного свойства, основываясь на уполномочиях, им от государя полученных. Коковцев требует копии с таких уполномочий, но никогда их не получает.

29 сентября.

Последнее частное у Сольского собрание. Коковцев опять защищает необходимость сохранения для министров права личного доклада по делам, не касающимся других министров, с тем, что лично докладывающий министр будет сообщать совету копии со своих докладов, — он же настаивает на необходимости сохранить всецело, комитет министров в теперешнем его виде. К моему удивлению, Витте внезапно переходит на его сторону. Сольский, приверженец компромиссов и недомолвок, предлагает исключить параграф, устанавливающий уничтожение комитета министров. Все с ним соглашаются, но я заявляю ему, что признаю за ним, как министром, право подвергать или не подвергать обсуждению тот или иной вопрос, но что не изменяю своего мнения о необходимости уничтожить комитет министров ныне же.

30 сентября.

Заседание финансового комитета у Сольского, на которое не еду, потому что докладывается ходатайство богословского общества о необходимости пособить из гос. банка для расчета с рабочими вследствие созданных войною денежных затруднений. Коковцев представляет лживые донесения начальника уральского горного округа о

том, что будто бы для окончания производящихся там работ нужно еще четыре миллиона, вследствие чего комитет и отказывает в просимом пособии.

Октябрь.

1 октября.

Заезжает Витте. Крайне мрачно настроен. Положение ужасно, почти безнадежно. Спасти может только диктатор, но где его взять. Отвечаю, что его нужно взять из стоящих иерархически во второй линии, но по личным достоинствам значительно превосходящих Линевича и Куропаткина, как, напр., Зарубаев и Самсонов.

3 октября.

В совещании Сольского слушается представление Булыгина о разрешении прессе во время выборов свободно говорить и о государств. думе и о кандидатах для избрания в члены.

Граф Витте горячо защищает это мероприятие, как необходимое, чтобы убедить население в искренности правительства относительно деятельности думы, тем более, что такая свобода существует во всех конституционных государствах. После издания рескрипта 12-го декабря население было разочаровано тем, что правительство вслед за данными обещаниями реформ как бы пожелало не исполнять своих обещаний и как будто отнимало одною рукою то, что было даровано другою. Так, например, вслед за обещанием полной свободы совести, о чем состоялся манифест, редактированный в комитете министров под его, Витте, председательством, назначена была комиссия для определения порядка исполнения этого манифеста; председателем комиссии назначен гр. Игнатьев, убеждения коего совершенно противоположны взглядам его — Витте. Необходимо убедить население, что правительство пойдет дальше в полном согласии с думою. Отсутствие такого убеждения в народе поведет непременно к великим бедствиям. Поэтому считает необходимым не только принять предложения Булыгина, но еще и предпослать им предисловие с выражением взгляда правительства на необходимость освобождения прессы в настоящем случае.

Таганцев считал бы необходимым не относить такого заявления исключительно ко времени избрания членов думы, а сделать такое заявление относящимся вообще ко взглядам правительства.

Кобеко, председатель комиссии о свободе печати, удостоверяет, что выработанный комиссией проект не представляет ничего нового, а воскрешает лишь закон 1864 г., по которому административной власти предоставляется право задерживать всякое вновь появившееся печатное произведение и передавать прокурорской власти дальнейшее преследование. Такое заявление, конечно, не имеет ничего общего с представлением Булыгина.

Коковцев переносит вопрос в более широкую сферу. Он обращает внимание на ту необузданность, которая отличает теперь всю русскую прессу, и удивляется, что со стороны правит-ва не принимается тех мер, кои указаны в законе, а именно — сообщение судебной власти для подвергнутия законами установленному наказанию.

Сольский, в качестве председателя, старается ограничить прения пределами Булыгинского представления.

Фриш указывает на то, что в новом уголовном уложении на все, о чем идет речь, существуют подробные правила, но, к сожалению, уголовное уложение не введено в действие.

Мин. юстиц. Манухин весьма слабо защищает судебное ведомство, обвиняемое в бездеятельности.

Игнатьев полагает, что существующих законов достаточно, если только их применять для всякого проступка издателей; что современная разнузданность журналистики такова, что нет надобности расширять ее свободу, и что поэтому он не считает возможным принять предложения Булыгина, а соглашается с мнением, высказанным пред тем Победоносцевым о том, что никаких мер в этом отношении принимать не следует.

После краткого перерыва представление Булыгина утверждается совещанием.

Затем приступают к обсуждению проекта об объединении министров и установлении должности первого министра.

Витте повторяет бóльшую часть того, что им было сказано в частном на дому у Сольского собрании, заканчивая свою речь тем, что не следует ожидать от объединенного министерства полного переворота в ходе правительственных дел, а лишь улучшения канцелярского делопроизводства. Такое заключение вытекает из того, что кабинет будет организован далеко не так, как в западных конституционных государствах. При этом он намекает на то, что первому министру не дается тех прав, кои должны бы были ему принадлежать, и что вообще сегодня трудно предугадать, какою появится дума, а следовательно, и какие будут ее отношения к совету министров.

Герард довольно неудачно приводит справку о борьбе Бисмарка с прусским парламентом в 60-тых годах, как бы в доказательство того, что кабинет, несогласный с парламентом, может рассчитывать на поддержку народа.

Коковцев в продолжительной речи расточает похвалы идее объединения, которую, как кажется, представляет себе в виде какого-то присутственного места (с докладами, протоколами и т. п.). Опасение, что объединение будет больше внешнее, Коковцев отклоняет тем, что всякий раз, когда произойдет в совете разногласие, не согласившиеся с премьером министры будут увольняемы, и таким образом рядом увольнений будет достигаться объединение, которое из механического будет переходить в химическое.

Верховский очень остроумно оспаривает, чтобы не сказать осмеивает, заявление Коковцева, доказывая, что предлагаемый им образ действий никогда не поведет к тому объединению, которое желательно для создания твердой правительственной власти.

Гр. Игнатьев указывает на необходимость уничтожения всяких других комитетов и совещаний, ныне существующих, имея предметами ведомства дела, долженствующие перейти в заведывание совета министров, начиная с самого комитета министров.

Гр. Сольский заявляет, что это, несомненно, так, но что это должно совершиться постепенно, по мере передачи дел, заведуемых этими комитетами, в другие учреждения.

Я выражаю желание, чтоб такое рассмотрение и такая передача последовали без потери времени и, во всяком случае, до созыва думы, так как в противном случае дума станет разбирать эти вопросы, при чем возникнут горячие прения и нападки на правительство, допускавшее подобный порядок вещей.

4 октября.

Продолжается рассмотрение проекта о совете министров.

Витте повторяет то, что мы слышали уже на частных у Сольского совещаниях, а именно, что нужно сильное правительство, чтобы бороться с анархиею; что необходимо внушить обществу уверенность, что правительство не будет продолжать давать одною рукой, а отнимать другою рукою, как, напр., по вопросу о свободе совести состоялось постановление в комитете министров под председательством его, Витте, и тотчас вслед затем назначена комиссия под председательством гр. Игнатьева, убеждения коего, как всем известно, совершенно противоположны убеждениям Витте. Говорится это по адресу Победоносцева, который сидит рядом с Витте.

Начинаются горячие и продолжительные прения о том, можно ли в тексте закона о совете министров сказать, что взамен совета, учрежденного в 1861 г., ныне учреждается совет министров, в коем, в случае отсутствия государя, председательствует назначенное им лицо, коему присваивается название «первого министра». Против этого первого министра восстают многие, утверждая, что в отсутствии палаты и создающегося в ней большинства первый министр будет визирем, ограничивающим самодержавие. На это возражают, что ограничение самодержавия не может иметь места там, где самодержец может во всякое время уволить первого министра.

Много говорят о том, как достигнуть единства в совете министров.

Коковцев наивно утверждает, что «механическое» между министрами единство достигается тем, что при каждом разномнении кого-либо из членов с мнением первого министра член этот будет увольняем, и таким образом постепенно механическое единство обратится в «химическое».

Ему опять очень остроумно отвечает *Верховский*, обвиняя говоривших в недостатке прямоты и искренности.

Так как прения ведутся довольно сбивчиво и снова возвращаются к вопросу об отмене или неотмене совета 1861 г., то я высказываю мнение, что двух советов министров существовать не может, что для достижения цели, к которой стремятся при учреждении нового совета— создания крепкой правительственной власти — надо сохранить один совет без допущения в него иных лиц, кроме министров, а что касается ныне существующего государева совета, то, конечно, государю можно советоваться с кем ему будет угодно и всякая его воля, после совещания или без всякого совещания выраженная, будет для нас священна, но что формальное существование тепершнего совета рядом с тем, который ныне созидается, ослабит его, не поможет достигнуть крепкого правительства.

Такое смелое заявление вызывает глубокое молчание.

В конце заседания пересматривается еще раз проект закона о частных собраниях.

6 октября.

Обедают: кн. Салтыкова, Всеволожский, Куракин. Крупная новость: новая графиня Витте после многолетнего ожидания была принята в Петергофе императрицею Александрою Федоровной. Кн. Николай Долгорукий назначен комендантом императорской главной квартиры на место Олсуфьева, переселяющегося в Москву и получающего заведывание тамошними дворцами.

Сходки, стачки, всякие толпливые сборища продолжаются и умножаются.

На-днях недальновидный министр путей сообщения кн. Хилков вызвал в Петербург представителей главных линий железных дорог для обсуждения проекта пенсионной кассы. Когда лица эти собрались, то кн. Хилков выслал им чиновника Покотилова, чтобы председательствовать. Съехавшиеся не только прогнали этого председателя, но даже заперли его в соседнюю комнату, а затем [выбрали] председателя из среды своей, сделали ряд постановлений о бездарных, бестолковых и эгоистичных распоряжениях кн. Хилкова.

9 октября.

Старший сын в. к. Владимира Александровича Кирилл Владимирович женился на своей двоюродной сестре дочери в. к. Марии Александровны, находившейся сначала за герцогом Гессен-Дармштадтским, братом императрицы Александры Федоровны. За таковой проступок высочайше повелено лишить Кирилла Владимировича флигель-адъютантского звания, исключить из службы и даже первоначально приказано отнять великокняжеское достоинство; но, как говорят, такого разжалования не последовало вследствие настояний морского министра Бирилева, который доказал государю, что такое суровое наказание могло бы быть наложено лишь за государственное преступление, тогда как здесь может итти речь лишь о нарушении дисциплины.

В. к. Алексей Александрович втихомолку уехал за границу и остановился в Гомбурге. Ему сопутствовала актриса балета. Так как в Гомбурге находился германский император, то в. к. Алексей Александрович просил его быть принятым, но император отвечал, что принять его не может и отдать ему визит, вследствие его сожительства. Из Парижа, где Алексей Александрович имеет квартиру и где купил дом для балета, ему дали знать, чтобы он не приезжал, потому что может подвергнуться на улице освистанию толпы.

Исходящие из Москвы железные дороги, за исключением Петербургской, подверглись стачкам со стороны служащих, так что всякое по ним движение прекращено.

Говорят, что Витте, собираясь быть первым министром, вошел в сношение с вожаками революционных партий, чтобы избегнуть на первых же порах созыва г. думы противодействия их самому факту существования думы. По его мнению, надо итти к полному конституционному порядку и с первого же дня обращаться с думой, как второю палатою, приступив не медля к реформе гос. совета, по типу первой, старшей палаты.

11 октября.

Вторник. В 9 ч. вечера собрание на квартире у Сольского для обсуждения проекта преобразования гос. совета.

Витте настаивает на необходимости преобразовать совет и иметь его готовым ко дню созыва думы. По его мнению надо ввести выборный элемент, так, чтобы половина членов попрежнему назначалась государем, а другая половина избиралась населением. Конечно, в основе устройства совета должна лежать мысль о привлечении представителей лучших, высших стремлений, людей выдающихся и независимых, но сделать это весьма трудно, особливо в виду краткости остающегося для сего времени: в виду сего предлагается возложить на выборщиков в думу избрание и членов совета.

Гр. Пален восстает против такого порядка, невиданного и неслыханного ни в каком государстве.

Герард, твердо изучивший прусскую конституцию, цитирует ее почти целиком.

Чихачев вместе с Паленом настаивает на необходимости военною силою прекратить беспорядки, прежде чем делать какие-либо реформы, являющиеся теперь уступками пред буйствами толпы.

Фриш повторяет то, что говорят другие, желая представить это как бы своим измышлением.

Сольский старается всех мирить, что оказывается категорически невозможным.

12 октября.

В Мариинском дворце последнее заседание для обсуждения проекта объединения министров. Вследствие заявления государственного контролера Лобко о том, что он не считает возможным вклю-

чать гос. контролера в число министров, составляющих совет и подчиненных первому министру, *Витте* отвечает ему грозною речью: «Заявляю, что ни в каком государстве не существует контролера, занимающегося не наблюдением за правильностью счетоводства, а критикою всех остальных министров под предлогом наблюдения за счетоводством».

Лобко заявляет, что это не верно, и прения принимают резкий характер.

Коковцев опять возвращается к заявленной им мысли о механическом слиянии министров в одно твердое целое!..

Гр. Игнатьев и *Стишинский* упорствуют в том, что первый министр будет у нас верховным визирем. На графа Ламздорфа нападает *Верховский* с требованием, чтобы назначение дипломатических агентов подвергалось обсуждению совета министров. На пространное изложение Верховского Ламздорф дважды отвечает словами: «это будет неудобно».

Витте вступается за безгласного своего друга и в длинной речи дельно возражает Верховскому.

Я забыл сказать, что в начале заседания *Сольский* прочитывает записку, полученную им от государя с требованием как возможно скорее покончить с этим делом. Вследствие сего Сольский тотчас по окончании заседания телеграфирует государю, что его повеление исполнено.

13 октября.

После нашего обсуждения вопроса о советской реформе Витте написал государю, что Чихачев настаивал на суровом усмирении беспорядков и что может быть государь выберет в первые министры Чихачева, коего взгляды расходятся со взглядами его, Витте.

Чихачев был вызван государем в Петергоф. На мой вопрос, каким он нашел государя, Чихачев сказал мне, что ничего особенного он не заметил, исключая того, что государь сказал ему, между прочим, что готов дать конституцию.

В этот же день вечером Витте получил от государя телеграмму, поручавшую ему собрать под своим председательством министров с тем, чтобы объединить их энергически действовать против крамолы.

14 октября.

В 9 ч. веч. на квартире у Сольского. Вторичное обсуждение предположений относительно реформы гос. совета. В ожидании приезда гр. Витте садятся за обычный, покрытый зеленым сукном стол, но жданный гость не появляется, не прислав даже извинения. Вследствие того более важные параграфы остаются без обсуждения. В продолжительный антракт между прениями я заявляю мысли о необходимости учредить наподобие французского conseil d'état нечто в роде отдельного от других коллегий кодификационного присутствия, на кото-

рое и возложить обязанность редактировать подробно законы, кои будут постановляться госуд. думою, гос. советом, а равно постановления совета министров, имеющие предметом как внесение в думу законодательных проектов, так и разъяснения применения законов и административных, циркулярных обязательных постановлений. Предложение мое принимается единодушно присутствующими.

15 октября.

Пустое заседание в д-те законов. Ожидают волнений. По улицам двигаются многочисленные конные и пешие патрули.

16 октября.

Узнаю, что в Петергофе идут интриги против назначения Витте. Подозреваю в том Игнатьева. Государь вызывал Горемыкина, чтобы расспросить его, в каком положении будет находится его землеустроительный комитет, который, между тем, совещание Сольского единодушно посягает уничтожить. Вероятно, чтобы утешить Горемыкина, государь предлагает графу Витте взять Горемыкина в мин. внутр. дел!? Разумеется, Витте должен был отказать в продолжительной, как говорят, четырехчасовой беседе, которую он имел вчера с царем. Ко всему этому примешивается великий князь Николай Николаевич, который прискакал на перекладных из Тулы (из-за железнодор. стачки) и настаивает на самых энергических мерах против стачечников.

17 октября.

Узнаю, что в субботу в Петергофе было совещание. Под председательством государя заседали: Витте, вел. кн. Николай Николаевич, Рихтер и Фредерикс. Обсуждались условия, поставленные Витте для принятия должности первого министра. Великий князь Николай Николаевич, получив, как говорят, более подробные сведения об анархии, сильно поддерживал Витте, так что после 4-часовых прений условия Витте были приняты; но в воскресенье Витте получил в Петербурге телеграмму от Фредерикса с уведомлением, что представленный от Витте манифест подписан государем, но с некоторыми незначительными изменениями, по всей вероятности, внушенными Горемыкиным. Витте немедленно возвратился в Петергоф и объявил, что не допускает возможности какого бы то ни было изменения, вследствие чего манифест был подписан в первоначальном виде. Как слышно— Таганцев отказался от предложенного ему портфеля министра нар. просвещ.; на место Коковцева будет, вероятно, назначен Тимирязев. Обер-прокурором свят. синода, на место Победоносцева, назначается кн. Алексей Оболенский.

18 октября.

В «Правит. Вестнике» напечатан манифест, выражающий намерение государя положить конец смуте, и, как средство к тому, учреждение объединенного министерства и назначение Витте первым министром. Здесь же объявляется, что гос. дума увеличится гласными, которых будет предоставлено избрать классам населения, не получившим доселе представительства, а также,—что на будущее время никакой закон не будет издаваться без предварительного одобрения думы. Этими последними словами категорически дарується конституция.

Одновременно с манифестом печатается всеподданнейший доклад Витте, довольно пространно излагающий его взгляд на необходимость дальнейших реформ и вообще начал, на коих должно быть основано управление. Обнародование этих документов принято петербургским населением весьма радостно. Толпы народа с криками «ура» расхаживают по улицам, и в особенности перед Зимним дворцом собирается многотысячная масса людей. В противоположность им ходят толпы с красными знаменами, ведомые преимущественно студентами, произносившими зажигательные речи. В 3 часа в Мариинском дворце молебен с прочтением манифеста. Вчера вечером, во время заседания городской думы, получен ею корректурный лист газеты с текстом манифеста. По предложению председателя Красовского—телеграмма государю с выражением благодарности царю свободного народа.

19 октября.

В «Правит. Вестнике» объявлено об увольнении Победоносцева от должности обер-прокурора синода и ген. Глазова от должности министра нар. просвещения. Этим начинается объединение министерства. На место Победоносцева будет назначен кн. Алексей Оболенский. Пост министра просвещения был предложен профессору Таганцеву, который от него отказался.

По улицам, несмотря на дождливую погоду, двигаются многочисленные толпы, одна часть коих носит трехцветное знамя, другая—знамя красное. Между теми и другими происходят столкновения, оканчивающиеся даже убийствами. В Технологическом институте заперлась толпа, отказавшаяся очистить здание института, которое и было окружено войсками. Из одного из окон была выброшена бомба, которая убила шесть солдат Семеновского полка. Товарищи их бросились в институт и арестовали четырех евреев, виновников преступления. Узнавши об этом, анархическая толпа, собравшаяся на Невском проспекте, пошла на выручку этих убийц. На Загородном проспекте она встречена была отрядом Семеновского полка, который преградил ей дальнейшее шествие; но толпа не послушалась воспрещения итти дальше, пренебрегла предварением, что будет употреблена военная сила, и вслед затем был дан залп, сопровождавшийся человеческими

жертвами. При этом был убит приват-доцент Тарле [1]), предводитель этой шайки, известный тем, что за последние годы читал в университете лекции о революциях, происшедших в различных государствах.

В $3^1/_2$ часа торжественное заседание в сенате, где я не бывал 23 года. Чтение манифеста, молебен, подписание адреса, представляемого государю.

Узнаю, что изменение в первоначальном проекте манифеста, представленного графом Витте, имело предметом исключение из текста дарование прав евреям. Объяснение по этому предмету было возложено на кн. Николая Оболенского, в чем он и успел.

20 октября.

Вчера заехал к Рихтеру, который рассказывает следующее: в пятницу вечером он получил приглашение ехать в Петергоф на пароходе, отходившем из Петербурга в $8^1/_2$ ч. утра. Вместе с ним ехал в. к. Николай Николаевич, который принял очень горячее участие в совещании, под председательством государя происходившем, отстаивая всецело заявления и требования, предъявленные гр. Витте, который с большой откровенностью настаивал на том, что о самодержавии больше не может быть речи, и что необходимо категорически дать конституцию. Четвертый член собрания, министр двора Фредерикс, молчал и скорее был свидетелем, чем участником. Витте хотел ограничиться опубликованием его всеподданнейшего доклада, долженствовавшего получить высочайшее утверждение и содержать изложение перемены в политике и в государственном строе. Рихтер настоял на том, чтобы подобное заявление исходило от имени государя и имело форму манифеста. Прения были продолжительны и, в конце концов, привели к удовлетворению всех требований Витте. На обратном пути в Петербург все поместились на одном пароходе. Разговаривая с своими спутниками, Рихтер сказал, что из Петергофа по телефону вызваны к государю барон Будберг, главноуправляющий канцелярией прошений, и Горемыкин. Известие это очень встревожило графа Витте. И действительно, как оказалось, лица эти были вызваны для участия в изменении редакции манифеста, по инициативе Витте составленного.

21 октября.

Торжественное заседание в общем собрании госуд. совета. Председатель Сольский говорит со свойственною ему плавностью длинную речь и в заключение предлагает послать императору телеграмму с выражением наших чувств. Роон просит дополнить телеграмму упоминанием о том, что гос. совет надеется трудиться при участии представителей выборного элемента. Поправка эта принимается присутствующими.

Обед в издыхающем новом клубе.

---

[1]) Записанный Половцевым слух об убийстве Тарле, как известно, оказался неверным.

22 октября.

Ужасные известия со всех сторон. Финляндия в полной революции. В Иркутске чернь провозгласила временное правительство, от которого город был освобожден войсками, присланными из Харбина Линевичем. Во всех углах России льется кровь. Против последнего движения, созданного рабочими и так называемою интеллигенциею, начинает выступать мужицкая контр-революция, отвергающая ограничение царской власти и желающая верить в распространяемый анархистами слух, что господа ограничили власть царя за то, что он хотел отдать их землю крестьянам.

23 октября.

Анархисты должны были сегодня с большой торжественностью хоронить своих товарищей, погибших в последних схватках с войсками, но отменили задуманную церемонию вследствие приказа Трепова, который, как слышно, намерен покинуть свой пост, не считая возможным продолжать службу, потому что Витте слишком податлив и уступчив пред мятежниками.

Навещаю разбитого параличом гр. Орлова-Давыдова, который лежит в постели, окруженный иконами и ярко освещенным портретом императрицы Марии Федоровны.

24 октября.

Гр. Пален рассказывает со слов покойного гр. Рейтерна следующее. Пред коронациею имп. Александра III бывший в то время министром внутр. дел гр. Игнатьев предложил государю земский собор в Москве. Для обсуждения этого предложения было собрано совещание у государя в Гатчине. Перед открытием заседания государь позвал к себе в кабинет Рейтерна и просил его высказать свое мнение относительно проекта Игнатьева. Рейтерн отвечал, что земский собор можно собрать только в том случае, если вслед затем предполагается дать представительное правительство, так как одним собором ограничиться будет невозможно. Вслед затем взошли другие приглашенные: Игнатьев, Победоносцев, Островский. Государь начал заседание с того, что обратился к Игнатьеву с вопросом о том, считает ли он, что за собором должно последовать установление народного представительства. Игнатьев отвечал отрицательно. На что государь возразил, что в письме своем Игнатьев указывал ему на необходимость такого хода событий. Игнатьев заявил, что он этого не писал, но государь пошел в соседнюю комнату и принес оттуда письмо Игнатьева, категорически говорившее о народном представительстве. Понятен исход подобного совещания. Когда Рейтерн уходил, то Игнатьев был удержан на некоторое время в кабинете государя, а вслед за тем, уезжая вместе с Рейтерном, сказал ему: «Je suis congédié».

26 октября.

Разговор с Алексеем Оболенским: Витте в больших трудностях для составления кабинета. Теперь ведет переговоры с представителями

московской партии, предлагает Гучкову министерство промышленности и торговли, Шипову—госуд. контроль, кн. Трубецкому—м-во нар. просвещения. Необходимо расширить требования для выборов в думу. Допустить специальные выборы рабочих, адвокатов, окончивших курс в высших заведениях и т. п.—равнозначительно ниспровержению всякого порядка. Оболенский предлагает территориальные выборы без всякого ценза, полагая, что крестьяне выберут преимущественно лучших землевладельцев. Это кажется мне сомнительным. Трепов покидает место генерал-губернатора и министра полиции, почитая, что его участие будет вредить кабинету. В. к. Николай Николаевич назначается на место в. к. Владимира Александровича и будет энергически бороться с какими бы то ни было беспорядками.

Завтракает у нас посланник в Копенгагене Извольский. Рассказывает главные черты своего пребывания посланником в Японии. У него на глазах создавались армия и флот, предназначавшиеся для войны с Россией. Обо всех таковых приготовлениях Извольский писал министру иностранных дел Ламздорфу, который не обращал на его донесение внимания, полагая, что это составляет обязанность военного агента, а между тем военным агентом был Ванновский, попавший на эту должность исключительно потому, что он был племянником военного министра. Ванновский ничего не сообщал Извольскому на том основании, что военные приготовления не касаются дипломата, так что Извольскому приходилось собирать эти сведения от военных агентов иностранных держав и преимущественно Франции. Сам Ванновский утверждал и в разговорах, и в своих донесениях правительству, что войска Японии не заслуживают никакого внимания и будут уничтожены при первой с нами схватке. В 1904 г. Извольский посылал в Петербург предложенные Японией самые умеренные условия для заключения мирного договора, но условия эти были неоднократно отвергаемы государем, а у ничтожного Ламздорфа не доставало мужества ни для того, чтобы настаивать на их принятии, ни для того, чтобы серьезно просить об увольнении от должности. Настоящего, твердого, разумного правительства в России не было, и вот причина наших бедствий и на войне, и теперь, после войны.

Товарищ госуд. контролера Философов, прекрасный в нравственном и умственном отношении человек, взятый мною на службу в госуд. канцелярию вскоре после окончания им университетского курса, сообщает мне, что Лобко, испросив у государя свою отставку, просил о назначении Философова членом госуд. совета. Государь изъявил на то свое согласие и поручил Лобко сообщить о том Сольскому, который возразил, что уже и так число членов совета достигает 115, когда, по новому проекту учреждения совета, число назначенных государем членов не должно превосходить ста. Вследствие такого сообщения я отправляюсь к Алексею Оболенскому, который говорит мне, что Витте намерен предложить Философову место государственного контролера, если от него откажется москвич Шипов, коему оно предложено.

На другой день, свидевшись с Философовым, вполне одобряю его намерение настаивать на том, чтобы должность госуд. контролера была выделена из «кабинета», а сверх того советую Философову непременно ознаменовать свою деятельность в должности гос. контр. устройством счетной палаты (cour des comtes) на существующем в европейских государствах порядке. Философов вполне со мною согласен и, по получении вслед затем предложения Витте, ставит ему оба эти условия, кои Витте и принимает.

27 октября.

Узнаю, что по ходатайству Сольского государь подписал указ о назначении Коковцева председателем д-та экономии госуд. совета, но Витте, узнав о том, написал государю письмо, заявляя, что ни он, ни министры, составляющие председательствуемый им совет, не будут ездить на заседания в председательствуемый Коковцевым департамент, вследствие чего назначение было заменено чином действительного тайного советника.

28 октября.

Зайдя к Палену, нахожу его в горячем разговоре с Шидловским о том, что по поводу имеющего рассматриваться в общем собрании совета представления о сложении с крестьян 20 мил. выкупных платежей следовало бы сложить всю остающуюся непогашенной до ныне сумму в 70 мил. и сделать это именно теперь, чтобы оказать милость крестьянам, почитающим себя обиженными манифестом 17 октября, а тем самым расположить их в пользу правительства до наступления выборов, равно как и избегнуть того, чтобы такая щедрота оказана была не государем, а имеющею собраться Думою. Пален и Шидловский просят меня переговорить об этом с Витте.

30 октября.

В 6 ч. вечера у Витте. Застаю его с видом весьма усталым и озабоченным. Передаю ему высказанные Паленом и Шидловским мысли относительно сложения всей суммы числящихся сегодня платежей. Витте отвечает, что он на это не может согласиться, не нарушив равновесия бюджета; что такое представление в гос. совет вызовет сильные нападки и прежде всего со стороны Коковцева. Сократив до возможности свой визит, удаляюсь.

Ноябрь.

4 ноября.

В среду заходит покинувший пост министра земледелия Шванебах. По его мнению, нас ожидают ужасные катастрофы. Витте намеревается число выборщиков в госуд. думу, прибавив избирателей от фабричных рабочих, от лиц, получивших высшее образование, от лиц, обладающих городским цензом [заменить] втрое меньшим [большим?], чем первоначально предполагалось для гос. думы. Таким образом, число избирателей в Петербурге вместо теперешней цифры

6.000 достигнет 130.000. Все они с наступлением выборов будут иметь право собраний для обсуждения вопросов, до выборов касающихся. Начнется буйство беспредельное, которое может окончиться разгромом, разграблением города. Витте силится найти поддержку в какой-нибудь части революционной партии, но вместо того более и более попадает в зависимость от людей, в коих надеется найти опору. Положение не только тревожное, но угрожающее.

Александр Оболенский рассказывает, что по приглашению брата своего Алексея ездил к Витте и успел убедить его отказаться от редакции проектированного им манифеста, в коем прямо говорилось, что крестьяне нуждаются в земле, и что государь заботится о том, чтобы им таковую доставить.

В четверг появляется манифест, написанный Витте в смысле, совершенно противоположном тому, что он мне говорил во вторник. Еду в этот день в Царское Село, чтобы навестить великого князя Владимира Александровича. Нахожу его постаревшим на десять лет со дня последнего нашего свидания. Рассказывает следующее: недавно старший сын его Кирилл приехал из-за границы и объявил родителям и государю, что женился на своей двоюродной сестре, дочери в. к. Марии Александровны, разведенной жене герцога Гессен-Дармштадского, родного брата императрицы Александры Федоровны. В ответ на такое сообщение император прислал к в. к. Владимиру министра императорского двора барона Фредерикса объявить, что Кирилл Владимирович лишается звания флигель-адъютанта, морского чина и велико-княжеского достоинства, с приказанием выехать из России в 24 часа. В минуту отъезда Кирилла из Царского Села фельдъегерь привез ему еще приказание не возвращаться более в Россию никогда.

Владимир Александрович ничего не отвечал на такое послание, но, встретив на железнодорожной станции приехавшего вскоре вслед затем германского принца и проводив его в Петергоф к государю, он воспользовался этим случаем, чтобы объявить государю, что так как сын его Кирилл был опозорен, то он, Владимир, как отец опозоренного сына, не считает возможным оставаться на службе и просит отставки. Несмотря на убеждения государя не настаивать на таком решении, Владимир Александрович остался при своем заявлении. Прошло три недели без всякого ответа, несмотря на то, что в. к. послал военному министру формальное прошение об отставке. Через три недели он получил от государя весьма сухую записку с уведомлением, что отставка ему дана, и что на место его главнокомандующим войсками петербургского округа назначен в. к. Николай Николаевич.

5 ноября.

Заседание для рассмотрения проекта преобразования госуд. совета. *Витте* произносит блестящую речь, заявляя, что для подавления революции недостает войска, которое находится в Манчьжурии и затруднено в обратном шествии препятствиями, воздвигнутыми на Си-

бирской железной дороге. Первому подвигающемуся обратно в Европ. Россию корпусу, состоящему под командою генерала Плеве, приходится штыками очищать путь и оставлять бо́льшую часть своих солдат на линии, чтобы обеспечить следующим за ним корпусам беспрепятственный проход, так что из восьми полков, корпус составляющих, он приведет домой лишь два полка. При таких обстоятельствах Витте должен искать опоры в умеренной партии населения, и вся его надежда сосредоточивается на госуд. думе. Витте весьма однако сомневается, чтобы удалось ее созвать. Тирания демагогии, по мнению Витте, должна скоро сделаться невыносимою для населения.

7 ноября.

Еще заседание о реформе совета. Приходится слушать невероятные наивности. Витте хочет созвать выборное собрание, долженствующее составлять вторую половину гос. совета. Он думает, что одно то, что явятся люди, избранные населением, достаточно будет, чтобы служить опорою правительству. Полное пренебрежение к условиям таких выборов, ценз ничтожный, гарантии независимости никакой. Это будет вторая госуд. дума с примесью старых чиновников и генералов. Спорят о ничтожных подробностях, но главных сторон не видят и не понимают. У меня сердце щемит при мысли о том, какая пошлая толпа наполнит изящные залы, мною для русского парламента некогда устроенные.

9 ноября.

Приезжают ко мне московский губ. предводитель дворянства кн. Трубецкой и петербургский—граф Гудович, чтобы посоветоваться о том, как ходатайствовать в совещании Сольского о предоставлении дворянству избирать своих представителей в будущий состав госуд. совета. Сообщаю им, что я уже делал без успеха подобное заявление в последнее заседание «совещания» и советую ехать с ходатайством к Сольскому, а также и к Палену.

Навещаю Победоносцева, которого застаю в весьма мрачном настроении, горько осуждающего все, что около нас происходит. Я соглашаюсь с ним во многом, но утверждаю, что теперешние наши несчастия созданы главным образом самим правительством, в котором за последние два царствования все более и более укреплялось убеждение, что многомиллионным народом можно управлять чиновниками, представителями безграничного произвола, распространяющегося на все отрасли человеческого существования. Развивая эту мысль, я заканчиваю тем, что все поголовно почитают его, Победоносцева, виновником наших теперешних несчастий, потому что он отговорил Александра III отказаться от исполнения подписанного его отцом и им самим акта о допущении в среду госуд. совета сорока представителей земства для заявлений о нуждах провинции и участия в законодательстве. Слова мои очень задевают Победоносцева. Он утверждает, что никогда не видал этого акта, несмотря на то, что цесаревич Александр дважды при-

казывал Лорис-Меликову показать этот акт ему, Победоносцеву. На мое предположение, что осуществление тогдашнего предположения, по всей вероятности, постепенно развивая участие выборных в трудах правительства [предотвратило], бы теперешние бедствия наши и, быть может, даже спасло бы нас от несчастной японской войны, Победоносцев возражает, что весь проект Абазы и Лорис-Меликова имел целью отдать власть в их руки. Можно было бы прибавить, что, по мнению Победоносцева, власть должна была перейти в его руки, что впрочем и произошло на несчастие России.

Посылаю государю три новых тома моего биографического словаря на буквы О, П, Ч.

11 ноября.

Еще заседание совещания гр. Сольского о реформе гос. совета. Предлагаю среднюю меру относительно власти совета, заключающуюся в том, чтобы первый отказ совета согласиться с думою не отнимал у последней права возобновлять свое постановление в следующую сессию; при чем вторичное постановление думы могло бы получить силу закона в случае согласия верховной власти даже и при несогласии совета.

Витте, отвергавший в последнем заседании значение совета, внезапно заявляет, что совет должен иметь во всем одинаковые с думою права. Такое заявление делает излишним мое старание спасти компромиссом хоть часть советской власти.

Рассматривается вопрос о допущении в думу представителей дворянства. С первого слова чиновники оказывают поголовное сопротивление. После речей *Алексея Оболенского и Палена* оппозиция ослабевает, но гр. *И. И. Толстой*, новый министр народного просвещения, начинает доказывать, что заявление, представленное графу Сольскому московскими и петербургскими губ. предводителями, не подкрепленное ходатайствами губ. дворянских собраний, не может служить основанием для включения в число членов гос. совета представителей от дворянства. Я ему возражаю, что ни о каких ходатайствах не может быть речи; что все проектируемые ныне изменения начертаны советом без каких бы то ни было с чьей-либо стороны ходатайств, а потому нет основания делать в этом отношении исключение для дворян.

В заключение решают допустить в совет двенадцать членов от дворянства.

17 ноября.

Вечером приезжает ко мне Пален, по просьбе коего отправляюсь вместе с ним к Андрею Сабурову, чтобы уговориться относительно совещания у государя, на которое мы все трое получили приглашение. Пален, со слов Витте, сообщает, что предметом совещания будет обсуждение недостаточно энергической деятельности судебной власти в преследовании политических преступников.

18 ноября.

Члены совета министров с присоединением членов гос. совета: Палена, Фриша, Сабурова, Голубева и меня отправляются в Царское Село по царской ветке с экстренным поездом. С царскосельской станции в придворных каретах достигаем Александровского дворца. Чрез многочисленные залы достигаем угловой гостиной, во всю длину коей поставлен покрытый зеленым сукном стол. По стенам висят картины: одна, кажется, Невиля, изображает тянущийся вереницей конный полк с песельниками, другая—портрет царствующей императрицы, третья—портрет Марии Антуанеты с ее детьми. Сопоставление этих двух портретов во дни теперешней смуты нельзя признать удачным. У одного из окон стоят ширмы, в коих вставлены четыре медальона гобеленовских ковров. Медальоны эти куплены мною в Париже у известного продавца ковров Бракенье. Они изображают монограмму $\frac{\text{А. Р.}}{\text{II}}$ Предполагая, что эти ковры заказаны были для кресел, предназначавшихся для императора Петра II, я купил их и подарил ныне царствующему императору. Предположение мое подтвердилось виденным мною у Юсупова в Москве портретом Петра II с изображением такого кресла. В 3 ч. ровно взошел император и, обойдя присутствующих, пожимая каждому из них руку, сел на председательское место и обратился к нам с краткою речью, весьма гладко произнесенною, в которой высказал ту мысль, что, в теперешнее смутное время, правительство, желая по возможности избегать насильственных мер, рассчитывает прежде всего на содействие судебной власти, но, к сожалению, не находит в ней поддержки. Судебные следователи не обнаруживают виновных, прокурорская власть не находит поводов к обвинению, сами суды часто оправдывают лиц, очевидно, виновных, и даже встречаются случаи, когда во всех этих лицах высказывается не только равнодушие, но симпатия к политическим преступникам. Обращаясь к лицам, сегодня призванным, и в особенности к юристам, членам гос. совета, государь просит высказать ему с полною откровенностью, что могло бы быть сделано для достижения успешного правительству со стороны судебной власти содействия.

Пален с большой горячностью и полной искренностью соглашается с тем, что следственная часть плоха, что таковою она была и в то время, когда он, Пален, был министром юстиции, т.-е. почти сорок лет тому назад; что помогать следователям должна полиция, но она еще хуже, чем следователи, и требует коренного изменения. Относительно прокуроров Пален думает, что деятельность их во многом зависит от воздействия на них ген. прокурора.

Фриш долго, пространно говорит об уголовных законах, об их применении, о том, когда и какие законы были изданы, цитирует даты, тексты и т. п., но вся эта болтовня направлена лишь к тому, чтобы выставить в блестящем свете его познания, его опытность и пр., но не

убеждает в том никого, не доказывает ничего и наводит лишь на собрание туман и тоску.

Витте говорит довольно сдержанно, настаивая на том, что правительство не находит поддержки в судебной власти, которая освобождает политических преступников от всякого преследования. Он настаивает на том, что прокуратура сделалась бы более энергичною, если бы министр юстиции побуждал ее к тому.

Министр внутр. дел *Дурново* говорит в том же смысле, но гораздо решительнее, резче. Он упоминает о забастовке в подчиненном ему почтово-телеграфном ведомстве, заявляя, что никаких уступок забастовщикам не сделает.

Андрей Сабуров, испытанный криминалист, говорит мягко и возлагает надежду на успокоение в зависимости от созыва государственной думы.

Министр юстиции *Манухин* произносит длинную речь, весьма красноречиво защищая чинов суд. ведомства от возводимых на них обвинений. Манухин признает недостатки деятельности суд. следователей, исходящие из неудовлетворительности самого учреждения, но категорически отвергает справедливость и даже достоверность фактов, выставляемых против чинов прокуратуры и суда. Люди эти получают нищенское содержание, число их не отвечает обширности, многочисленности взваливаемых на них дел. Необходимо и умножить судебный персонал, и усилить присвоенные ему оклады. Бывший министр юстиции Муравьев в своем представлении исчислял эту прибавку к нынешнему ежегодному расходу в 9 миллионов, а ему, Манухину, удалось после продолжительных у министра финансов Коковцева ходатайств получить лишь ... р.

Гр. *Пален* полагает, что вместе с увеличением содержания суд. чинов необходимо усилить полицию и ее средства.

Голубев в добавление ко всему сказанному считает полезным пересмотреть устав угол. судопроизводства и сократить некоторые ныне существующие для действий прокуроров и судей сроки.

Я заключаю из всего мною слышанного, что улучшение теперешнего порядка необходимо, и что средства к улучшению заключаются в том, чтобы найти лучших людей и умножить ими ряды служащих в суд. ведомстве. Эта задача для министра юстиции достижимее, чем для других министров, потому что в свое сорокалетнее существование применение судебных уставов выработало в судебном сословии нравы, взгляды, служебную и житейскую практику для многочисленной группы людей, среди коих министр юстиции и может найти опытных и честных деятелей; конечно, материальное положение людей сих должно быть обеспечено совсем иначе, чем сегодня, так как от этих отцов семейства нельзя требовать аскетического самопожертвования. К этому, разумеется, должно прибавить, что направление, даваемое высшею властью министра юстиции, может и должно придавать его подчинен-

ным, и в особенности лицам прокур. надзора, энергию и силу, недостаток коих чувствуется.

После сего Витте, Пален, Дурново говорили вторично все в том же смысле. Заседание кончилось почти в семь часов; государь еще раз обошел всех присутствовавших, пожимая каждому руку. Меня почему-то он поблагодарил за то, что я говорил, правда, довольно продолжительную речь. Я извинился за присылку в теперешнее суетливое время трех толстых вновь вышедших томов моего биографического словаря. Он отвечал, что этот словарь никогда его не покидает, и прибавил, что не успел еще прочитать рекомендованные мною биографии князя Потемкина-Таврического.

В 9 часов заседание финансового комитета у Сольского.

22 ноября.

Вследствие полученного Сольским от государя письма, в коем выражается повеление, чтобы постановления совета министров восходили на высочайшее утверждение через госуд. совет, при чем высказывается мысль, что таким путем дела *получат законный и твердый ход*, собираемся в общее собрание гос. совета для рассмотрения проекта временных правил относительно повременных печатных изданий, достигнувших после манифеста 17-го октября необузданной наглости.

Вследствие высказанного государем желания, чтобы дело это было рассмотрено в одно заседание, сидим с 1 ч. до $7^1/_2$ и исполняем возложенную на нас задачу. Поправки, сделанные советом, многочисленны и принимаются кабинетом беспрекословно. Рельефный инцидент возбуждается гр. Паленом. Он предлагает, чтобы частное обвинение журнальной редакции в клевете могло быть предъявляемо не в месте нахождения редакции, а в месте получения оскорбленным журнального листка, содержащего клевету. Такой порядок введен три года тому назад в Германии, и Пален справедливо ожидает, что такое правило во многих случаях обуздает бесцеремонную ложь журналистов. Юристы, и во главе их Фриш, Таганцев, Манухин, восстают против предложения Палена и не принимают его серьезно. Председатель Сольский равным образом не придает делу важности, но тем не менее приказывает отбирать голоса. К общему удивлению, с Паленом соглашаются 59 членов, а против него 13. Сольский, видя такую неудачу, не объявляя результата баллотирования, прерывает заседание в пользу чаепития.

В антракте Сольский и Витте тщетно стараются уговорить Палена отступить от своего предложения. По возобновлении заседания Сольский заявляет, [что] вопрос должен бы быть предложен в более выработанной форме, и спрашивает министра юстиции, сколько понадобилось бы времени для такой обработки. Манухин отвечает, что на это необходимо три или четыре недели. Тогда Сольский приказывает вновь отобрать голоса. Пален встает и, обращаясь к Сольскому, весьма громко говорит: «Ваше сиятельство, я присутствую в совете 38 лет и

никогда еще ничего подобного не видал». Другие члены его поддерживают, и Сольский должен взять назад свое предложение. Витте заявляет, что совет министров соглашается с Паленом.

24 ноября.

Еду в Царское Село навестить великого князя Владимира Александровича. Нахожу его в весьма угнетенном и унылом состоянии. Сообщает, что имел объяснение с императрицей Александрой Федоровной все по этому несчастному делу Кирилловой свадьбы; что сегодня приглашен в первый раз обедать у их величеств, что не получает писем от в. княгини (которая преспокойно веселится в Париже); что его адъютант Татищев (весьма милый человек) назначен состоять при германском императоре; описывает свою невеселую жизнь, наполненную чтением и прогулками; глубоко горюет о положении отечества, сознавая весь его ужас.

Возвращаясь, встречаю государева библиотекаря Щеглова, который сообщает о некоторых вновь сделанных им в семейном архиве открытиях.

25 ноября.

В ночь со среды на четверг произошло поблизости от нас на Большой Морской в казарме флотских экипажей следующее:

Помещавшийся в этой казарме 14 флотский экипаж в виду чрезвычайной его распущенности решено было перевести в Кронштадт, где применяется военное положение. Матросы этого экипажа наотрез отказались исполнить такое приказание. Тогда в три часа ночи казарма была окружена Семеновским, Измайловским и Стрелковым полками с пулеметами под командою в. к. Николая Николаевича. Главные зачинщики были арестованы. В числе их оказались один студент, а другой участник редакции газеты «Новая Жизнь». Всего матросов было около шестисот, и их перевезли на баржах в Кронштадт. Сегодня возвратился адмирал Дубасов.

1906 г.

Январь.

30 января.

Возвращаемся из Монте-Карло, где провели шесть недель.

По приезде нахожу положение дел хуже, чем мог ожидать. Витте, в качестве председателя кабинета, царствует, и после побед, одержанных в Москве Дубасовым, перебросился из нерешительности и слабости в крутые меры, главным виновником коих, впрочем, Дурново. На вопрос мой: как смотрит Витте на положение? он отвечает мне, что события доказали, что 1) Россия прежде всего остается верною монархическому началу, 2) что можно вполне полагаться на верность армии.

Этот взгляд, очевидно, служит основою новой его политики.

Февраль.

14 февраля.

У государя в Царском Селе совещание для рассмотрения проекта преобразования государственного совета в верхнюю палату и согласное с сим изменение учрежденной государственной думы. Собираемся в Большом дворце и размещаемся в зале, стены коего покрыты картинами, около большого стола в нижеуказанном порядке [1]).

Государь, как всегда, открывает заседание краткою, но хорошо сказанною речью. Первый, возбудивший жаркие прения, вопрос заключался в том, следует ли непременно установить равенство числа назначенных правительством и выборных членов совета.

Игнатьев, *Дурново*, *Стишинский* желают не устанавливать этого правила, а первоначально назначить равное число, но с тем, чтобы впоследствии, если бы представилась необходимость иметь большинство голосов для отвергнутого постановления думы, то государь мог бы умножить число членов совета.

Я, разумеется, говорю против такого предложения, настаивая на том, что уже и теперь в населении раздаются жалобы на то, что правительство не держит своих обещаний, а если будет принято предложение Игнатьева, то, несомненно, думе будет угрожать полное ничтожество. Заключаю напоминанием о том, что думу 6-го августа уже пришлось

---

[1]) В тексте рисунок с обозначением мест присутствовавших на совещании.

переделывать 17 октября и в день нашего заседания. Если принять мнение Игнатьева, то, конечно, и государственный совет, сегодня реформируемый, придется также переделывать. Какое же доверие должно внушать населению такое шаткое законодательство? Меня отлично поддерживают *Верховский и Александр Оболенский*.

Второй, возбудивший горячие споры, вопрос относился к тому, должно ли непременно собирать одновременно думу и совет? Большинство почитало такое требование излишним.

Витте доказывает, что такое требование сократит, стеснит деятельность законодательных палат.

Пален опасался, что, при отсутствии условия одновременности, правительство вздумает довольствоваться одною думою, не созывая совета.

Я думал напротив, что в случае отсутствия думы, законодательные постановления кабинета могли бы восходить к государю через Совет, хотя бы обладавший одним совещательным голосом.

Государь согласился с большинством.

Третий вопрос—допущение публики в залы заседаний—возбудил горячие споры, но был разрешен положительно.

Заседание длилось от двух до семи часов, с кратким перерывом для чаепития, но не вставая со стула.

15 февраля.

Продолжительное заседание в общем собрании государственного совета, посвященное рассмотрению дополнительных правил к закону о свободе печати. Витте и Дурново настаивают в особенности на пресечении злоупотребления гравюрами, посвященными карикатурам, направленным против государя и наивысших представителей власти.

16 февраля.

Второе заседание у государя в Царском Селе.

Витте начинает с того, что возвращается к отвергнутому перед тем предложению Алексея Оболенского о том, чтобы, в случае несогласия государственного совета с государственной думою, последней предоставлено было право представлять государю императору состоявшееся в ней постановление.

Оболенский предлагал, чтобы в случае вторичного рассмотрения дела думою, постановление ее, большинством $^2/_3$ голосов состоявшееся, не подлежало более внесению в государственный совет.

Витте, не отстаивая такого крайнего правила, ограничивался тем, чтобы дело рассматривалось вновь и следовало законному течению.

Пален, *Дурново*, *Верховский*, *Коковцев* энергически восстают против предложения Витте.

Я говорю в том же смысле, как и они, настаивая на том, что такое замаскированное всесилие думы равнозначительно уничтожению совета. Забавно, что Витте основывал свою речь на том, что необходимо

устранить всякое средостение между царем и народом, утверждая, что никакой конституции государь не давал, так как никакой присяги не приносил, а что просто установил такой порядок законодательства и управления, который считал наилучшим и который ежечасно снова изменить может.

После двухчасовых прений государь делает перерыв, сопровождаемый чаепитием. В это время около него находятся Пален и я.

Пален говорит ему: «Мне 76 лет, я скоро умру и не вижу последствий того, ежели бы предлагаемая мера была принята, но заверяю вас, что это была бы гибель монархического начала. А говорить, что вы не дали конституции, значит куртизанить. Вы дали конституцию и должны ее сохранить. До сих пор мы погибали от всесилия бюрократии, а с принятием предлагаемой меры потонем в демагогическом всесилии». Государь после этого краткого обмена мыслей показывает мне портфель кн. Лобанова, оставшийся в вагоне, где он скончался, портфель, который государь сохранил с находившимися в нем бумагами. Одну из таких бумаг государь достает и показывает мне. Это написанный рукою Лобанова доклад по дипломатическому вопросу.

По возобновлении заседания государь, садясь на свое председательское кресло, объявляет, что он соглашается с мнением большинства, иначе говоря, отвергает заявление Витте.

Продолжительные прения возбуждает заявление Витте о необходимости уничтожить комитет финансов. Я напоминаю о том, что этот комитет был создан Александром I для секретного обсуждения главнейших финансовых мер, а лишь впоследствии перестал быть секретным и стал обсуждать разные ходатайства и иные несметные расходы. Такое изменение и расширение компетентности комитета финансов произведено самим Витте, который, быв министром финансов, находил удобным прикрываться посторонним авторитетом, сегодня ему ненужным. Моя мысль была сохранить комитет для секретных, т.-е. неофициальных совещаний, но Витте и Верховский пошли войною на комитет, который предположено уничтожить, хотя и не договорено вполне.

В конце заседания я обращаю внимание на то, что [при] вновь созидаемых учреждениях: думе, гос. совете, совете министров,—министры, когда будет итти речь о их представлениях, должны будут редактировать законопроекты и самые законы, должны будут иметь для сего людей, обладающих специальными и техническими сведениями, а также опытностью. Говорю, что сегодня нельзя импровизировать такое учреждение, как французский conseil d'état, но что необходимо иметь это в виду и впоследствии издать нечто в этом роде.

В момент откланивания, государь подходит ко мне и спрашивает меня, можно ли назначить собрание Исторического общества. Я отвечаю, что к этому представляются некоторые трудности, потому что главные деятели перемерли, типографии бастуют, и печатание томов нашего издания подвигается медленно, но что я прошу несколько дней, чтобы обдумать, как поступить и исполнить желание его величества.

17 февраля.

Скучное заседание соединенных департаментов о том, в каких размерах допустить немецкий язык в частных учебных заведениях Прибалтийского края. Захожу к в. к. Владимиру Александровичу, который уезжает завтра в Канну, чтобы привезти оттуда свою супругу, уже три месяца там проживающую, несмотря на тяжелую, перенесенную здесь в. князем в это время болезнь.

19 февраля.

Отдаю визит Ермолову, который сообщает, что пишет книгу, направленную против господствующего взгляда на современный так называемый аграрный вопрос. Ермолов разделяет мой взгляд на то, что аграрного вопроса не должно существовать, что, после того, как с крестьян скинуты выкупные платежи и, значит, земля принадлежит им в полную собственность, правительство не должно более вмешиваться в их взаимные поземельные отношения; им должна быть предоставлена полная свобода действий и труда, пускай создадутся богатые и бедные, и могущая между ними возникнуть борьба, оставляя в стороне правительство, укрепит его положение в противоположность теперешнему порядку, умножит русскую производительность, иначе говоря, обогатит ныне ежедневно беднеющую Русь.

Заходит ко мне эфемерный московский генерал-губернатор П. П. Дурново. Рассказывает, как после четырхмесячного генерал-губернаторства приехал 19 октября в Петербург и имел свидание с министром внутр. дел П. Н. Дурново для испрошения усиления своей власти. П. Н. Дурново ответил ему, что об этом он должен просить государя. 22 октября он имел аудиенцию у государя, который в течение двух часов внимательно выслушивал его и даже записывал его требования. По возвращении домой Дурново нашел бумагу, подписанную министром внутр. дел 19 октября и уведомлявшую его, П. П. Дурново, что он уволен от генерал-губернаторских обязанностей.

Март.

4 марта.

Еду в Царское Село к государю. В 2 часа принимает меня в своем кабинете в Александровском дворце. Речь идет о годичном собрании Исторического Общества. Заявляю, что за смертью в последние годы главных сотрудников нет значительных материалов для прочтения в заседании; что Ключевский, на которого я рассчитывал, отказался приехать из Москвы; что Платонов обещал поговорить о первых годах царствования Михаила Федоровича, а Мышлаевский о состоянии русского войска в конце царствования Алексея Михайловича; что Ламздорф сообщил краткую записку о критике, которой подверглись мероприятия Петра Великого тотчас после его смерти и притом со стороны главнейших его сотрудников. Настаиваю на трудности вести дело при полном равнодушии, чтобы не сказать нерасположении, к

нему общества. И наш сборник, и мой словарь почитаются реакционными и не только не встречают сочувствия в печати, но и не раскупаются почти вовсе. Утешаться можно лишь тем, что эти 134 тома установили верный, правдивый взгляд на нашу историю.

Я перехожу к записке об уничтожении чинов, которая была передана государю Рихтером, а прислана мною ему из Монте-Карло вовсе не для представления его величеству. При этом рассказываю государю мое отношение к этому делу приблизительно так: по назначении меня государственным секретарем 1 января 1883 г. я находился в большой милости у государя. Между прочим, я назначен был членом комитета об упорядочении чинопроизводства. В первое же заседание я объявил председателю комитета Танееву, что чины следует не упорядочить, а упразднить, ограничась табелью должностей. Комитет со мною согласился, и в этом смысле был написан журнал, который заслужил полное одобрение государя. Каханов и я занялись составлением законопроекта, в основе коего лежало упразднение чинов и замена их классными должностями. По окончании проекта я, не полагая никаких надежд на Танеева, предложил внести дело в госуд. совет,. где надеялся, в качестве госуд. секретаря, чего-нибудь достигнуть; но все министры, исключая Шестакова (морского) и гр. Воронцова-Дашкова, оказали сильное сопротивление. Я пошел к государю (Александру III) и доложил ему о том. Он отвечал мне: «Не обращайте никакого внимания; если вы останетесь одни при своем мнении, то я соглашусь с вами». На это я отвечал, что никогда не решусь поставить государя в противоречие со всеми его министрами. Дело это я отложил, надеясь найти удобное время, чтобы его провести, но такого времени не представилось. При назначении Воронцова председателем наградного комитета я передал дело ему, но он прислал мне бумагу, написанную его делопроизводителем Кривенко, в совершенно противоположном смысле тому, что говорил Воронцов прежде. Затем сочинили какой-то комитет, в котором дело и лежит доселе, когда протекло 23 года с того времени, когда я возбудил этот вопрос.

Сознавая трудность быстрого принятия этой меры, я предлагал государю не стесняться чинами в своих назначениях и начать такой образ действия теперь же, при назначении членов госуд. совета, кои таким образом уничтожили бы повод к обвинению совета в том, что он будет сборищем чиновников, кои задушат госуд. думу.

Государь одобрил такой взгляд, но сказал только, что привести его в действие будет очень трудно.

От государя захожу к генералу Трепову, коего застаю весьма мрачно настроенным и ожидающим великих анархических бедствий.

9 марта.

В $8^1/_2$ часов отправляюсь в Царское Село по императорской жел.-дор. ветке, в сопровождении своих сочленов Исторического Общества, числом 15. Собираются в Александровском дворце, в угловой гости-

ной, где на стенах висят два портрета: один—царствующей императрицы, а другой—Марии Антуанеты. Прохожу в коридор, по коему император должен притти. В одну из дверей, выходящих в этот коридор, выносят стол, на коем их величества только что отобедали. Тут, на расстоянии нескольких шагов, стоят часовые: придворный араб (со множеством медалей), скороход с высокой шапкою, украшенной перьями, дежурный камердинер, дежурный гоф-фурьер; проходят туда и назад простые лакеи. Через несколько минут выходит государь в мундире стрелкового батальона, надетом на красную рубашку с высоким воротом. Я успеваю доложить его величеству, что Победоносцев, бывший вице-председатель, не приехал и отказывается от этой должности и что совет предлагает на его место Куломзина. По выходе в гостиную государь обходит всех присутствующих, здороваясь и пожимая всем руки. Затем я читаю отчет о деятельности Общества, напоминаю об умерших членах и их трудах. После того Платонов представляет очерк первых лет царствования Михаила Федоровича и приписывает малоуспешность этого царствования неудачному выбору людей, окружавших царя, взятых преимущественно [из] сподвижников Тушинского вора. Так как по окончании этой лекции настало молчание, то я поспешил сказать, что сообщение весьма интересно, а вслед за мною государь спросил, откуда эти сведения почерпнуты. Платонов отвечал: из подлинных исторических актов.

После Платонова генерал Мышлаевский рассказал, как в конце царствования Алексея Михайловича русская армия была наполнена иностранными генералами и офицерами, признанными в отечестве негодными. Число таковых в 1676 г. насчитывалось в Москве до 950.

Потом Куломзин прочитал записку о критике петровских реформ сотрудниками только что умершего преобразователя. Записка составлена по приказанию Ламздорфа чиновниками госуд. архива, заимствована из журналов верховного тайного совета и снабжена заключительным послесловием, которое, по убеждению мудрого министра иностранных дел, должно сопровождать всякий архивный документ!?

Я прочитал письмо королевы Гортензии к императору Александру I, не имеющее в себе ничего примечательного, кроме характерной оценки адресата.

В двенадцатом часу уезжаем тем же путем. Перед отъездом государь напоминает, что в прошлом году заседания не было, а я извиняюсь в том, сваливая всю вину на подагру, удержавшую меня на берегу Средиземного моря.

11 марта.

В 3 часа были государем вызваны в Царское Село по телефону: Пален, Голубев, Шванебах и Коковцев (последнего приглашение не достигло). Первым трем государь предъявил представленный ему журнал комитета финансов, который возбуждал в нем сомнение. Жур-

нал этот, составленный по предложению Витте, отменял теперешний порядок рассмотрения дел в комитете и вводил комитет в ряд присутственных мест, с твердо определенным кругом предметов ведомства. Государь передал этот журнал Палену с поручением передать его Сольскому для пересмотра этого вопроса в новом заседании комитета.

13 марта, в понедельник, состоялось это вторичное заседание, в котором я участвовал. Началось с речи Витте, который настаивал на том, что важнейший теперь вопрос должен иметь предметом заключение займа, так как за 1905 год у нас дефицит в 188 мил., в 1906 г. необходимо израсходовать 488 мил. на ликвидацию войны, и что этот расход должен быть произведен до открытия думою своей деятельности, которая может прежде всего направиться на исследование причин войны, размеров произведенных войною расходов и т. д. После такого заявления Витте вынул из кармана телеграмму, только что полученную им от Фальера, с уведомлением, что заем возможен лишь в том случае, если русское правительство категорическим актом [заявит], что оно имеет право заключать займы без участия в том думы, до тех пор, пока она не собралась. Комитет постановил: вопрос этот выделить из прежнего журнала, и требование французского правительства удовлетворить в форме указа, адресованного на имя министра финансов.

Переходя к обсуждению устава финансового комитета, Витте и Коковцев настаивают на необходимости издания такого устава (доселе не существовавшего), в виду вновь созданных учреждений и в особенности думы и совета министров, когда, после разрешения думою займа, подробности заключения этого займа должны будут рассматриваться советом министров, составленным из невежественных в финансах членов совета, вследствие чего полезно будет предварительное в фин. комитете рассмотрение таких подробностей. Пален и я настаиваем на том, что в учреждении госуд. думы необходимо упомянуть о ее правах по разрешению займа, а не ограничиваться упоминанием об этом вскользь в уставе фин. комитета. Остаемся в меньшинстве.

18 марта.

В департаменте законов с присоединением прочих департаментов докладывается под моим председательством представление Витте о том, чтобы после состоявшегося сложения с крестьян выкупных платежей предоставить каждому желающему требовать выделения в его собственность состоявшего в его владении земельного надела. *Витте* утверждает, что предлагаемая им мера необходима не только в экономическом, но и политическом отношении, что приведение ее в действие положит предел угрожающим великими бедствиями аграрным беспорядкам. Оппонентами выступают защитники общественного владения: прежде всего, П. П. Семенов—бывший секретарь Я. И. Ростовцева!—Игнатьев, Стишинский, Горемыкин и пр. Все они утверждают, что такое дело должно непременно быть предоставлено думе, где его будут

обсуждать сами крестьяне. На это Витте заявляет, что ему хорошо известно, какие элементы войдут в думу, что масса крестьян, кои туда появятся, будут заняты одною мыслью, одним требованием—получить откуда бы то ни было прибавку земли, что крестьянскою массою будут руководить всякие авантюристы, кои, обещав им земные блага, поведут их куда угодно. Вот почему желательно до появления думы установить возможность независимой, отдельной, личной, единичной поземельной собственности. Большинство 21 против 17 отказывается от рассмотрения внесенного Витте проекта, о чем я весьма сожалею.

Приехавший из Финляндии Герард рассказывает следующее: вызванный три месяца тому назад государем, он категорически отказался от принятия места финляндского ген.-губернатора, но государь столь усиленно настаивал, что Герард согласился.

После двухмесячного пребывания в Финляндии Герард приехал в Петербург с представлением о назначении комитета для выработки правил об имеющем собраться сейме. При этом Герард представил список лиц, долженствовавших составить этот комитет.

Государь оставил список у себя и затем назначил совсем других лиц, с председателем Фришем, который был душою тех драконовских постановлений, кои произвели финляндскую смуту. Герард подал просьбу об увольнении от должности генерал-губернатора.

30 марта.

В 9 час. вечера в Мариинском дворце под председательством Сольского совещание относительно необходимости пополнить госуд. совет новыми членами в виду предстоящей его реформы. Присутствуют: Витте, Фриш, Чихачев, Голубев, Икскуль и я.

Сольский заявляет мысль о необходимости сохранить хоть часть ныне заседающих в совете членов, удалив тех, кои неспособны принимать участие в прениях. Для достижения сего предполагается установить, что на каждый год государь назначает членов присутствующих и членов неприсутствующих, подобно тому, как это делается в сенате.

Чихачев заявляет, что он считает установление такого образа действий обидным для членов совета, кои должны быть назначаемы пожизненно и не должны быть лишаемы участия в занятиях совета ,иначе как по судебному приговору за совершенные ими преступления. На это прочие члены возражают, что назначенные государем члены совета должны составлять не только контингент, представляющий элемент уравновешивания либеральной выборной группы, но еще и противодействующую увлечениям гос. думы силу. Для достижения таких целей должно по возможности привлечь в ряды правительственных чинов людей, способных говорить, полемизировать, возражать против заявлений и нападок со стороны и думы, и правительственных чинов.

Витте утверждает, что, по его мнению, из теперешних 85 членов, заседающих в общем собрании, не более 15 способны произносить речи, а потому удаление значительного числа немо заседающих в совете

необходимо. По сделанному им подсчету, из теперешнего состава нельзя сохранить более 60. Согласно сему, Витте представляет набросанный им список кандидатов.

Я заявляю, что, по моему мнению, надо иметь в виду нелишенное некоторого основания распространившееся в обществе обвинение против правительства в том, что преобладание в гос. совете бюрократического элемента будет парализовать деятельность гос. думы, и что поэтому полезно было бы назначить членов совета не из чиновников, а из людей, преследовавших другие карьеры, и прежде из таких, кои принимали участие в общественном движении последнего времени. Такие люди, по моему мнению, должны быть известны председателю совета министров.

Витте говорит, что таких людей он не знает.

Голубев обращает внимание на то, что выборы в члены совета производятся выборщиками, т.-е. такими лицами, кои могли сами, по мнению общества, попасть, в члены совета. Таких лиц насчитывается 82, а потому изучение составляющих эту цифру людей дало бы материал для избрания в члены совета.

Витте берется изучить этот список, но затем читает имена тех, кои, по его мнению, подходили бы под требования избрания. Прежде всего он называет профессоров: Ключевского, Сергеевича, против коих никто не возражает, киевского профессора Бударова (неизвестный присутствующим), Пихно — редактор газеты «Киевлянин», прежде либерал, а ныне консерватор, женившийся вторым браком на дочери своей первой жены. Витте настаивает на том, что это обстоятельство никакого значения не имеет. Витте упоминает еще о трех или четырех одесских, казанских, петербургских профессорах, включая даже и проф. дух. академии, но Сольский, а за ним другие настаивают на том, что профессоров довольно уже и без того. Не отступая от мысли, что для совета всего важнее иметь говорунов, Витте называет адвокатов: Плевако и Арсеньева. Совещание их не отвергает, но сомневается в том, чтобы государь согласился на назначение Плевако. Имя Стасюлевича (ред. «Вестника Европы») принимается одобрительно. Имя Скальковского отвергается единогласно и громогласно. Переходя к сенаторам, Витте называет Лукьянова,

Я присовокупляю Евреинова, который принимается. *Витте* настаивает на назначении Милютина, которое отвергается всеми. *Сольский* предлагает Соломона, директора лицея, который также отвергается. Говорят о Кони, но останавливаются перед тем, что он будет говорить не для совета, а для газет и их читателей; о Гучкове, который желателен, но едва ли примет.

Таким образом составляется список приблизительно в 20 человек, после чего начинается разговор об отношениях между думою и советом, а главное о том, чего следует ожидать от думы.

Витте говорит, что дума будет враждебна к правительству, и что такая враждебность есть последствие политики министра вн. дел

Дурново. «До московских событий,—говорит Витте,—я пользовался доверием государя и достигал того, чего желал, хотя иногда с большим трудом. Так, например, мне стоило большого труда добиться того, чтобы в Москву был послан Семеновский полк, которого требовал Дубасов. После московского успеха Дурново стал принимать жестокие, излишние, часто ничем не оправдывавшиеся меры. Никакие мои протесты, никакие ходатайства ни к чему не служили,—государь всегда держал сторону Дурново. Мое положение делалось с каждым днем более и более затруднительным. Я не мог заявлять о моем несогласии с мерами Дурново. Меня ругали и продолжают ругать революционеры, в то же время ругали и продолжают ругать консерваторы. Со дня собрания думы я должен выйти в отставку, потому что я не могу защищать перед нею действий Дурново, не могу еще и потому, что нервы мои совсем расстроены, я не сплю более 2-х часов, я не могу вскрыть письма без дрожания рук; явясь в думу, я могу там сойти с ума или выкинуть какую-нибудь глупость. Я должен удалиться куда-нибудь на покой. Если меня спросят, кто должен быть моим преемником, то я рекомендовал бы Акимова, министра юстиции, или Философова, гос. контролера, который—выходящий из ряду человек».

На этом совещание кончилось, и мы разошлись после полуночи.

В среду, 29 марта, граф Пален получил от государя записку с поручением составить проект церемониала открытия гос. думы. Он немедленно написал, что желал бы выслушать словесные от государя указания, вследствие чего и был вызван в Царское Село, где нашел еще и Икскуля. Оказалось, что государь считал возможным открыть думу без его присутствия, а затем принять членов думы у себя, в роде того, как он принимает чиновников. Пален заявил государю, что почти во всех конституционных государствах государь открывает законодательную сессию, принимая обе палаты у себя во дворце и произнося речь с высоты трона, что поэтому, по мнению Палена, государь должен принять госуд. совет и гос. думу в Зимнем дворце. Пален считал необходимым, чтобы приему предшествовал торжественный въезд в город. Государь на это, повидимому, согласился.

Апрель.

1 апреля.

В 9 час. вечера на квартире у Сольского заседание комитета финансов для обсуждения вопроса о новом займе, вследствие полученной из Парижа депеши от Коковцева. Витте повествует ход переговоров приблизительно так: в феврале месяце им был вызван из Парижа директор банка de Paris et des Pays-Bas по имени Нестле [Нецлин]. Во избежание толков он был помещен в Царскосельском дворце в. к. Владимира Александровича и после нескольких свиданий с Витте увез приблизительно установленные условия. Но окончательное соглашение встретило ряд неожиданных препятствий, главным из коих, конечно, было

революционное в России движение. После достигнутого Дубасовым московского усмирения, дело стало двигаться, но внезапная перемена французского министерства и уход Рувье, весьма преданного русскому правительству, затормозили успех. По наущению англичан и русских революционеров французский кабинет стал требовать доказательств, что русский император имеет право заключить заем, не дожидаясь сбора думы и ее санкции. По счастью, французы приняли за достаточное доказательство выданное на эту тему профессором Мартенсом удостоверение. Вслед затем стряслась новая беда — алжезирасские переговоры все затягивались, и к довершению несчастья глупый посланник наш в Париже Нелидов выкинул невероятную пошлость. Получив от Ламздорфа депешу, указывавшую ему образ действий, коему надлежало следовать, Нелидов прежде даже сообщения этой депеши мин. ин. дел показал ее сотруднику французской газеты Temps, который поспешил огласить содержание ее в своей газете. При этом он сообщил лишь первую часть этой депеши, касавшуюся нашего содействия Франции, и умолчал о второй части, исполненной благопожелательных фраз по адресу Германии, не имевших, впрочем, серьезного значения. Император Вильгельм разбесился и запретил подписку на наш заем в Германии, запретил даже немецким банкирам участвовать в происходивших по сему предмету в Лондоне переговорах и этим уменьшил наш заем на 500 мил. франков. Несмотря на все это, удалось занять $2^1/_4$ миллиарда франков. Я забыл упомянуть еще, что наши революционеры послали в Париж депутацию хлопотать об отказе со стороны Франции. Во главе этой депутации стояли князь Павел Долгорукий и гр. Нессельроде.

6 апреля.

Совещание в Мариинском дворце об окончательной редакции «учреждения» госуд. совета. Витте заявляет, что необходимо включать в текст, что государь имеет право спросить совета у гос. совета в чрезвычайных событиях. Ему отвечают, что отныне гос. совет делается исключительно законодательною палатою, а не совещательным органом. Я один поддерживаю мнение этого несимпатичного и враждебного в отношении меня человека, поддерживаю потому, что, по моему мнению, в случае распущения думы могут настать такие обстоятельства, кои потребуют чрезвычайных мероприятий, кои в глазах страны будут приняты с большим доверием, если будут поддержаны авторитетом гос. совета, а не кабинетом, составленным из ничтожных людей, в роде тех, кои составляют его ныне.

Я поддерживаю еще мысль о необходимости учредить нечто в роде французского conseil d'état для редактирования как законопроектов, так и законов в окончательной форме. Предлагаю на первое время учредить такую коллегию в гос. канцелярии. Все соглашаются со мною в необходимости такого учреждения, но никто не решается его создать. Нерешительность и вялость свойственны бездарности!

8 апреля.

Последнее заседание департамента законов. Продолжается семь часов: с часу до восьми. Выздоровевший Фриш отлично знает докладываемые дела и удивляет меня своею неутомимостью.

10 апреля.

Общее собрание госуд. совета. Узнаю кое-какие подробности о бывшем накануне в Царском Селе совещании, на которое я, вследствие вражды составлявшего список Витте, не был приглашен. Продолжалось обсуждение проекта «основных законов». Всего более говорили и спорили о первой статье нынешнего первого тома свода законов, именующей императора монархом «неограниченным». Накануне заседания государь принимал Горемыкина, который убеждал его оставить неприкосновенными теперешние основные законы, доколе не выяснится характер и деятельность думы, а затем изменить основные законы согласно обстоятельствам. Заседание началось с того, что государь заявил, что его предки дорожили сохранением титула «неограниченный», что в настоящее время он получает многочисленные адресы различных групп населения, просящих о сохранении неприкосновенным самодержавия, и потому он встречает сомнения относительно уничтожения слова «неограниченный». Горемыкин с безграничным низкопоклонством отстаивал вышеприведенное, накануне заявленное им мнение. Граф Пален настаивал на необходимости категорически разрешить этот вопрос и исключить не имеющее более места слово: «неограниченный». Вслед за ним в. к. Николай Николаевич заявил, что государь в манифесте 17-го октября добровольно отказался от неограниченности своих прав, и что в настоящее [время] не может быть сомнения о том, что слово «неограниченный» должно быть уничтожено. В. к. Владимир Александрович поддержал заявленное Николаем Николаевичем мнение, и государь после нескольких минут молчаливого размышления с ними согласился.

Нашлись куртизаны, кои утверждали, что государь имеет право не только издать ныне новые основные законы, но и изменять их по своему усмотрению. Более честные люди утверждали, что он должен иметь лишь инициативу в возбуждении вопросов об изменении основных законов, но это самое изменение должно совершаться лишь в установленном законами порядке.

Возвратились члены совещания из Царского Села в Петербург в четвертом часу ночи.

15 апреля.

Захожу утром к в. к. Владимиру Александровичу. Одновременно со мной входит гос. секретарь барон Икскуль для прочтения журнала заседания, состоявшегося под председательством Владимира Александровича, для обсуждения изменений в учреждении об импер. фамилии, вызываемых новыми законодательными установлениями. Членами заседания были в. князья Константин Константинович, Николай Нико-

лаевич, Александр Михайлович и Андрей Владимирович. Всех их заботит необеспеченность их положения, вследствие несоблюдения закона 5 апреля 1797 г., установленного императором Павлом. За последние годы были по приказанию императоров Александра III и ныне царствующего Николая II взяты значительные суммы из удельного фонда, так, напр.: куплено Мургабское имение, принадлежащее царствующему императору, обошедшееся в несколько миллионов; во время японской войны взято два миллиона, кои от имени императрицы Александры Федоровны будто бы пожертвованы на воспомоществование пострадавшим воинам, но в действительности на это израсходован лишь один миллион, а второй оставлен в распоряжении императрицы, устраивающей на эти деньги больницу и что-то в роде школы для кормилиц; на днях управляющий уделами князь Кочубей получил приказание купить за два с половиною миллиона имение, оставшееся после в. к. Сергея Александровича, заплоченное им один миллион (sic), не приносившее никакого дохода и завещанное им в. к. Елизавете Федоровне.

В. к. Александр Михайлович настаивал на том, что в. князья менее обеспечены теперь в своих правах, чем остальные подданные.

Министр двора, барон Фредерикс, нравственно прекрасный, но весьма невежественный человек, имел неосторожность заявить на этом заседании, что государь имеет право распоряжаться удельным достоянием по своему усмотрению.

Разговаривая обо всем этом с вел. кн., я настаивал на необходимости устроить семейный совет из грех старейших членов семейства, с присоединением одного или двух заслуженных, обладающих юридическим образованием сановников, для того, чтобы служить посредствующею между императором и императорской фамилией инстанцией.

Заседание общего собрания гос. совета. Торопливо разрешаются 45 дел, в виду быстро приближающегося появления гос. думы.

16 апреля.

Совещание гр. Сольского. Оставляются без внимания несколько ходатайств об умножении числа членов думы разрешением избирать таковых предоставлением такового права выбора просящим о том городам и местностям.

17 апреля.

Последнее заседание общего собрания госуд. совета в дореформенном составе. Председательствует гр. Сольский, присутствуют 85 членов. По секрету сообщают другу другу, что Витте уволен от должности премьера. Заседание продолжается с 2-х до $7^1/_2$ часов; разрешается более сорока дел, при чем многие серьезные, как, например, сокращение срока военной службы, проходят без всяких споров, а другие ничтожные, как, напр., дарование прав московскому лицею цесаревича Николая, возбуждают горячие и продолжительные прения.

В конце заседания гр. Сольский передает высочайшую благодарность за понесенные советом труды, на что члены отвечают благодарственною государю телеграммой. Затем гр. Пален обращается к Сольскому, заявляя ему внушенное членам уважение к его заслугам в 39-летнее в совете служение, коего он, Пален, был свидетелем в течение 38 лет. Постановляют послать телеграмму старейшему из членов совета гр. Милютину, состоящему в этой должности 45 лет.

По предложению принца Александра Петровича Ольденбургского во время заседания снимают с нас фотографию на память потомству.

18 апреля.

Отставка Витте от премьерства дело решенное. Он написал государю письмо, выставляя невозможность для него отстаивать действия Дурново, отличавшиеся излишнею и часто бесполезною жестокостью. Государь отвечал письмом, выражавшим согласие на испрашиваемое увольнение.

20 апреля.

В совещании «графа Сольского» обсужда[ются] мероприятия относительно Финляндии. Я настаиваю на несвоевременности их. Напоминаю, что Финляндия досталась нам как последствие Тильзитского мира и Эрфуртского свидания, в совокупности с Венским конгрессом, возведших Россию на высшую степень могущества; что настоящее наше положение совсем иное, и прибавлять усложнения к великому числу ныне существующих было бы весьма неосторожно.

Решают ограничиться учреждением в Петербурге комитета, составленного из финляндцев, избранных финляндским сенатом, и русских, назначенных государем, для того, чтобы высказывать перед ним свое мнение о представляемых на государево утверждение касающихся Финляндии, могущих затрогивать русские интересы, мероприятиях.

Посылаю государю пришедший мне в голову проект речи, которую ему придется произнести при созыве гос. думы и гос. совета. Проект этот таков:

«Изволением божественного промысла приял я наследие предков моих, под скипетром коих создалась великая, могущественная Россия. Постоянно прилагая усилия свои к неуклонно успешному и в будущем ходу государственной и народной жизни отечества, я убедился, что участие в законодательной деятельности избранных населением тружеников, близкое их знакомство с нуждами народными благотворно повлияют на совершенство законов, эту основу благополучия для всякой страны.

Ныне в собравшихся передо мною членах госуд. совета и госуд. думы я приветствую начало осуществления моего пожелания, я вижу залог успешного ведения столь многочисленных миллионов людей по пути нравственного усовершенствования, связанного с улучшением материального их быта.

Молю бога о ниспослании вам неослабевающих для вершения трудов ваших сил, да настанет время, когда родина воздаст должную хвалу за усовершенствования в существовании ее, содействием вашим произведенные.

Да будет России навсегда памятен сегоднешний день».

Проект этот я послал при записке, просившей о безусловном сокрытии моего имени.

22 апреля.

В гос. совете чтение журналов последнего заседания; последнее собрание в прелестной ротонде Мариинского дворца.

Обедают у нас: в. к. Владимир Александрович, супруги Шиповы, супруги Юсуповы, супруги Шаховские, Сабуров, гос. секретарь Икскуль, гр. Толь, дочь Бобринская. Разумеется, только и разговоров, что предстоящее открытие думы.

24 апреля.

Получается известие о покушении на Дубасова.

Известию этому аплодировали в собрании партии народной свободы люди, требующие от правительства уничтожения смертной казни.

25 апреля.

В залах Мариинского дворца раут. Приглашены теперешние члены государственного совета и вновь избранные согласно новому закону. Большинство последних, против неосновательных ожиданий правительства, оказываются не революционерами, а весьма благомыслящими людьми. Я подхожу ко всякому из них, коего не знаю, называю себя и начинаю разговаривать. Вся толпа съехавшихся весьма оживлена. Председатель Сольский, не могущий двигаться без больших усилий, не встает с кресла. В конце двенадцатого часа все разъезжаются.

Новый кабинет окончательно составлен: председатель — Горемыкин человек неглупый, честный, без особых выдающихся достоинств, несколько поверхностный, не особенно усидчивый в работе, почитающийся специалистом крестьянского дела, потому что долго служил в крестьянских учреждениях Царства Польского, а затем обер-прокурором сенатского департамента, ведающего крестьянские дела. Потерял пост министра внутренних дел по проискам Витте и отмщающий ему сегодня тем, что занимает его место премьер-министра. Министром иностранных дел назначен Извольский, замечательный по уму и способностям, на место постыдного, бездарнейшего Ламздорфа, виновника наших политических бедствий. Министром финансов—Коковцев, ярый чиновник с ограниченными способностями, но искусно достигающий личных своих целей при помощи неумолкаемой болтовни, испещренной громкими, закругленными фразами. В бытность его в прошлом году в Москве на съезде заводчиков он получил от них прозвище «граммофон», а в бытность в Париже для заключения займа, когда он вышел от Рувье, с коим имел деловое совещание, то последний сказал вновь входившему к нему посетителю: «Voilà un

homme, comme nous n'en avons pas en France. Il a parlé sans s'arrêter pendant une heure, sans rien dire du tout»*) .Министром юстиции Щегловитов, очень даровитый, сравнительно молодой профессор, бывший обер-прокурор сената, а теперь товарищ министра. Министром народного просвещения—Кауфман, хорошо мне известный, так как я взял его на службу вскоре после окончания им лицейского курса. Он сопровождал меня во время сенаторской ревизии, а затем был взят мною в гос. канцелярию, откуда по моей рекомендации перешел товарищем гр. Протасова, главноуправляющего учреждениями императрицы Марии. Кауфман нравственно прекрасный, бесспорно даровитый человек, доказавший свою энергичность, трудясь в качестве одного из главных деятелей Красного Креста в последнюю войну.

Министром путей сообщения назначен Шауфус — бездарный чиновник, на место выдающегося своими взглядами, опытностью и распоряжениями Немешаева, удаление коего принесет чувствительные потери. Министром внутренних дел назначен саратовский губернатор Столыпин, коего все хвалят, но о коем ничего сказать не имею. Он заменяет Дурново, который своею энергиею принес, несомненно, большую пользу делу подавления революции. Он не собирался уходить, но новый кабинет не пожелал нести за действия его ответственность перед новою думою. Дурново уволен с любезным рескриптом, званием статс-секретаря и (как говорят) подарком 200 тыс. рублей.

27 апреля.

К часу приезжаю в Зимний дворец с подъезда бывшего госуд. совета и прохожу в эрмитажный павильон, где собираются члены реформированного госуд. совета. Отсюда нас вскоре проводят через Романовскую портретную галлерею в Георгиевский тронный зал. По правую сторону от трона становится госуд. совет, а по левую члены думы. Большее число из них одеты в черные сюртуки, рабочие и крестьяне в высоких сапогах и нередко в серых армяках, значительное меньшинство во фраках и белых галстуках. Возле думцев, ближе к трону, становятся сенаторы, облеченные в красные мундиры. Возле госуд. совета почетные опекуны, статс-секретари, государева свита, а за нею в самой глубине зала, на устроенном для сего возвышении, помещается дипломатический корпус. В $1^3/_4$ входит император, предшествуемый первыми чинами двора, а за ним обе императрицы и многочисленные великие князья. Что касается великих княгинь, то они проходят внутренними комнатами и через дверь, по правую сторону трона находящуюся, входят на возвышение, для них устроенное, где к ним присоединяются обе императрицы, после того, как оканчивается отслуженный в середине комнаты молебен, и государь медленным шагом поднимается к трону и садится на него. На одной из ручек трона наброшена мантия, по одну сторону стоит генерал Роон, держащий госу-

*) Вот человек, каких не встречается во Франции. Он говорил без умолку в течение часу, ничего не сказав по существу.

дарственный меч, по другую—граф Игнатьев, держащий государственное знамя; на четырех табуретах разложены: корона, скипетр, держава и государственная печать. Все эти госуд. регалии хранятся в Москве, в оружейной палате, откуда и привезены для настоящего торжества. По водворении тишины государь читает поданную ему министром императорского двора речь, читает очень внятно. Речь эту, по словам Горемыкина, государь написал сам, заимствовав многое из нескольких представленных ему проектов. Тотчас после чтения раздаются звуки военного оркестра, играющего народный гимн «боже царя храни», а благомыслящая часть присутствующих начинает кричать «ура», препятствуя тем г.г. Петрункевичу, Родичеву и т. п. исполнить приписываемое им намерение отвечать государю на его речь. Процессия медленным шагом возвращается во внутренние покои, и вся церемония совершается и оканчивается с чрезвычайным достоинством и успехом. Успеху этому, впрочем, содействовала превосходная, жаркая, солнечная погода и множество войск, расположенных на площадях и окружающих дворец улицах.

Государь вслед затем возвратился на пароходе в Петергоф, а членов думы на четырех пароходах отвезли в Таврический дворец.

28 апреля.

В 2 часа первое заседание нового государственного совета в здании, принадлежащем петербургскому дворянству, на углу Михайловской улицы и Михайловской площади. Залы Мариинского дворца оказываются не довольно просторными, и потому, в ожидании постройки нового зала для помещения верхней палаты, она будет собираться на Михайловской площади. По требованию председателя Сольского правительственные члены являются в мундирах, а выборные, мундиров не имеющие, во фраках и белых галстуках. Церемония начинается с молебна, отслуживаемого петербургским митрополитом, который вслед затем усаживается среди членов совета. После молебна прочитываются государственным секретарем высочайшие указы, имеющие отношение к устройству совета. Затем Сольский прочитывает слабейшим голосом речь, событию приличествующую, но которой никто не слышит. Вслед за сим начинается подписывание членами присяги. Подписывание это длится чрезвычайно; между тем Сольскому приходят сообщить, что кн. Кугушев собирается заявить о необходимости включить в предполагаемый ответный на государеву речь адрес требование о даровании амнистии всем политическим преступникам. Перепуганный таким неожиданным сообщением Сольский немедленно объявляет заседание закрытым и приглашает Палена, Рихтера, П. П. Дурново (?), кн. Трубецкого (московского предводителя дворянства), Шипова, барона Корфа, меня для обсуждения того, что следует делать. Прения самые бестолковые, самые путаные. Решают собрать совет в полном составе для разрешения вопроса об адресе. Вечером еду по пригла-

шению Трубецкого на председательствуемое им собрание членов гос. совета (по преимуществу выборных).

Заседание происходит в одной из комнат, смежных с большою залою дворянского собрания. Толкуют о том, что должно быть сказано в ответном на государеву речь адресе. Всего более говорится об амнистии, которую требуют некоторые члены и во главе их кн. Кугушев. Большинство за амнистию, но не распространяя ее на уголовные преступления. Трубецкой председательствует очень дурно или, правильнее говоря, совсем не председательствует; всякий говорит, что ему вздумается, и ни к каким заключениям совещание не приходит,

29 апреля.

В Мариинском дворце Пален и я собираем около тридцати членов совета, преимущественно из выборных, для обсуждения вопроса об адресе. Председательствую я. Отставной министр внутренних дел Дурново в обстоятельной и длинной речи рассказывает, какое влияние на революцию имела амнистия, и настаивает на том, что новая амнистия должна иметь те же последствия. Большинство присутствующих поддерживают его мнение, и только четверо, связанных своими заявлениями в заседании, происходившем накануне, сохраняют за собою право окончательно высказать свое мнение.

30 апреля.

В 2 часа в Мариинском дворце частное заседание всех членов совета. Председателем выбирают опять Трубецкого, и вследствие того прения расползаются безрезультатно во все стороны. Витте, под предлогом обсуждения вопроса об амнистии, представляет оправдание своей политики, никого ни в чем не убеждая. П. П. Дурново, с свойственною ему тусклостью речи, вступает в прения. Кн. Косаткин бросает ему в лицо упрек в том, что он, будучи московским генерал-губернатором, вступил в переговоры с толпою крамольников, несших красные флаги. Шипов возобновляет свое предложение о ходатайствовании перед государем об изменении только что изданных им основных законов, а также о том, чтобы министры избирались из среды господствующего в госуд. думе большинства. Проф. Багалей бездарно и бестолково выставляет ряд требований, кои, по его мнению, совет должен заявить государю в ответ на его речь. Все это длится до 6 часов; результатов не достигается никаких, и продолжение заседания отлагается на следующий день.

Май.

1 мая.

Частное заседание всех членов Госуд. Совета в Мариинском дворце. Все тот же вопрос об амнистии и все то же вялое председательствование Трубецкого. Блестящая, полная не только таланта, но глубокого, горячего патриотического чувства речь Ф. Д. Самарина, отвергающего

мысль об амнистии. Речь прерывается и заканчивается аплодисментами и одобрительными возгласами слушателей. После перерыва Витте, внезапно переменив фронт, заявляет, что он не понимает цели собрания, и что если бы он знал, что заседание будет безрезультатно, т.-е., что не произойдет голосования, то не приехал бы на это заседание. (Он забывает о том, что говорил и делал накануне.) Я возражаю, что заседание полезно, как средство для сближения между выборными и коронными; что голосование не может иметь места без вреда для предстоящего публичного собрания. Председатель ставит вопрос о том, голосовать или не голосовать. Большинство отвечает отрицательно.

Ораторы левой стороны отказываются говорить. Заседание закрывается. Витте достигает цели.

Годичный обед в новом клубе, где чувствуешь себя все более и более не на месте. Старые приятели перемерли и заменены военною молодежью.

2 мая.

Вечернее собрание у Гончарова. Собираются противники «амнистии». Пален, два брата Игнатьевых, Шамшин, Косаткин, Ромер, Екшапар, Струков, Нарышкин, Пантелеев, несколько выборных членов, фамилии коих мне неизвестны. Заседание длится до второго часа ночи.

3 мая.

Скучнейшее, безжизненное заседание совета под председательством Фриша, растерянного внезапностью, нечиновничьей атмосферой, в которой он внезапно очутился. Сольский сидит в стороне, как будто он приехал на театральное представление. Цель заседания—избрание членов в три комиссии: 1) для написания адреса, 2) для написания наказа, 3) для проверки правильности выборов. Избрание предлагается листами, а подсчет избранных до того глупо сложный, что, продержав нас в ожиданиях более двух часов, Фриш объявляет, что он убеждается, что это продлится до ночи, а потому распускает собрание до 9 часов вечера.

Расходящиеся члены смеются над председателем, которому оказались необходимыми столь продолжительные мозговые усилия, чтобы убедиться в таком простом факте. Вечерние газеты помещают сообщение, что заседание было скучно до того, что бронзовая статуя императрицы Екатерины II начала зевать. В десятом часу съезжаются вновь и проводят время в избрании членов в три комиссии: а) для написания адреса государю, б) для проверки выборов, в) для составления наказа.

4 мая.

В час собирается у меня заседание членов-консерваторов для одобрения адреса, написанного и исправленного Самариным, с опущением требования амнистии, лежащего в основе адреса, составленного

большинством членов комиссии согласно требованию большинства членов совета. Вечером, в $8^1/_2$ ч. заседание совета, продолжающееся до $2^1/_2$ ночи, в зале Дворянского собрания.

5 мая.

Голосование. Большинство голосов отвергает адрес, составленный Самариным и поддерживаемый 47-ю членами. Когда переходят к рассмотрению адреса большинства по параграфам, то Самарин предлагает поправку, заключающуюся в том, чтобы амнистию, составляющую спорный пункт, распространить не только на либералов, перешедших законные пределы, но и на монархистов, увлекшихся защитою своих убеждений до нарушения законного порядка.

Шипов отвергает такое предложение, как не согласное с смыслом предлагаемого его единомышленниками адреса. Манухин, бывший министр юстиции, утверждает, что такого представления не существует. Бывший тульский губернский предводитель дворянства Арсеньев рассказывает, как он был свидетелем того, что толпа с красными флагами, распевая революционные песни, встретила толпу, несшую портрет государя и распевавшую: «Спаси, господи, люди твоя»; как между обеими группами произошла схватка, окончившаяся избиением революционеров и судебным преследованием для монархистов, коим едва ли можно отказать в распространении на них амнистии. Предложенную Самариным поправку предлагают баллотировать и, по требованию либералов, в форме переклички всех присутствующих. Этим путем они полагали запугать баллотирующих, но, к их удивлению, на их стороне оказывается 48 голосов, а на нашей 88.

6 мая.

Рождение императора. В 9 ч. утра отправляюсь по экстренному поезду в Петергоф. Из членов госуд. совета приглашены лишь статс-секретари, числящиеся как бы равными в чине с ген.-адъютантами. По приезде в Старый дворец вижу человека во фраке и белом галстуке, одиночно блуждающего по гостиным. Оказывается, что это— Муромцев, председатель госуд. думы. При выходе в церковь он проходит на первый план лиц, стоящих за императорской фамилией, и не отступает на шаг от Фриша, в гос. совете председательствующего. После обедни приносятся поздравления, т.-е. поклон и пожатие руки императора, поклон и рукоцелование императриц. Порядок шествия таков: придворные дамы, статс-секретари и министры, председатель государственной думы, первые чины двора, государева свита, прочее офицерство. Завтракают в большом Петровском зале за круглыми столами с букетами цветов посреди каждого стола. Сижу возле графини Бенкендорф: умна, злоречива, словоохотлива, смеется до упаду. Витте, с которым я больше двух месяцев не разговариваю, подходит ко мне, выражая желание приехать ко мне. Я ему отвечаю, что опасаюсь, что его убьют, но он отвечает, что не боится более этого, и настаивает на необходимости меня видеть. Опять какая-нибудь проделка. Знакомлюсь

с Зарубаевым и Даниловым—маньчжурскими героями. Возвращаюсь опять с Паленом. Его позвали после завтрака в малую гостиную, куда императорские величества, к сожалению, удалились вместо того, чтобы разговаривать со своими гостями, и здесь государь выразил ему благодарность за то, что Пален настоял на необходимости открыть сессию новых законодательных палат торжественным приемом и тронным приветствием. Благодарность эта знаменательна тем, что со времени Ходынского несчастья в течение одиннадцати лет Пален был в немилости за то, что, произведя следствие, указал на виновных, заслуживавших наказания. С нами в вагоне граф Шереметьев, который сокрушается о всем происходящем и отказывается ездить в госуд. совет. Вслед за приездом домой, приезжает к нам Зарубаев. Се—человек. Ум, энергия, сдержанность, прямота, не говоря о мужестве, прозорливости и многих качествах, отличающих полководца

7 мая.

Узнаю, что прошлою осенью возбуждение в гвардейских полках против революционеров сделалось до того сильным, что полковые командиры, собравшись у петербургского градоначальника, предварили его об угрожающей опасности военной контр-революции. Градоначальник уведомил об этом главнокомандующего петербургским военным округом в. к. Николая Николаевича, который собрал полковых командиров и убеждал их не допускать восстания, обещая, что он первый станет во главу движения, когда увидит в том необходимость. Вслед затем Ник. Ник. поехал к Витте объяснить ему опасность положения. Немедленно вслед затем начались аресты и энергические меры, прекратившие разражавшуюся революцию.

8 мая.

Продолжительное, скучное заседание в Мариинском дворце, под председательством Голубева. Комиссия, избранная для начертания наказа, по чиновничьему обычаю, переворачивает каждую запятую, тогда как для столь нового учреждения невозможно все предвидеть, а следует начертить главные линии, предоставив жизни их заполнить, тем более, что наказ не закон, а может быть изменен ежечасно самим советом.

9 мая.

Один из бесчисленных праздников, обедняющих русскую землю. По приглашению Юсуповых обедал с ними и великим князем Владимиром Александровичем с Мариею Павловною в помещении нового клуба. Пиршество протекает нескладно.

10 мая.

Второе заседание комиссии о наказе. Горячие споры о комиссиях. Чиновники никак не могут понять необходимость учреждения комиссии о торговле и промышленности. Тимирязев тщетно силится доказать эту необходимость.

В «Правит. Вестнике» напечатан указ об увольнении Сольского от обязанности председателя госуд. совета. Он, наконец, понял, что эта должность ему не по силам. Витте всеми силами добивается попасть в председатели или хотя бы в вице-председатели. Всеобщая к нему ненависть и особливо вражда Горемыкина, вероятно, помешают этому новому для России бедствию.

11 мая.

Навещаю Сольского, который, повидимому, доволен, но друзья дома утверждают, что графиня горюет о том, что лишается надежды быть статс-дамою.

Визит Извольскому, которого застаю за ежедневным изготовлением посылаемой государю пачки полученных за сутки донесений иностранных агентов. Депеши эти возвращаются в тот же день, в 9 час. вечера. Посылка эта сопровождается запискою, до известной степени предотвращающей непредвиденные и подчас опасные резолюции.

Обедают граф Бенкендорф со своею графинею, М. М. Голицын, Сабуров, Платон Оболенский. Петергоф и гос. дума с многочисленными характерными анекдотами сосредоточивают на себе разговор.

12 мая.

Заседание комиссии о начертании советского наказа. Горячие прения из-за пустяков. Надо торопиться, чтобы совет мог заседать, а между тем конца нельзя предвидеть. Вечером заседание у Гончарова. Решительно отказываюсь от председательства. Игнатьев выступает с требованием, чтобы адрес, редактированный Самариным и изложенный в форме особого мнения, был подписан всеми голосовавшими (хотя и тайною подачею голосов), а затем представлен председателю государственного совета для включения в протокол и представления государю. Я заявляю, что нахожу это несогласным с учреждением государственного совета, допускающим представление лишь мнения большинства, а не меньшинства. Меня поддерживают Пален, Шамшин и сам председательствующий Гончаров, так что предложение Игнатьева, желавшего главным образом довести до сведения государя о своих верноподданических чувствах, [отклоняется]. Рассуждают о письме Трубецкого к Фришу с выражением желания, чтобы допущены были частные заседания всего государственного совета для выработки программы занятий и изучения вопросов, кои надлежит поставить на очередь. Решают письмо Трубецкого игнорировать, а для установления хода занятий избрать бюро, долженствующее на будущее время следить за тем, что говорят в Думе, и сообразно с этим направлять занятия членов группы.

13 мая.

В государственной думе первый министр Горемыкин произносит речь, которая, содержа программу кабинета, должна служить ответом на дерзкий адрес, представленный государю императору думою.

Речь Горемыкина безупречна. Возражения, представленные вожаками думы, возмутительны по своей грубости.

14 мая.

Ожидают беспорядков и держат наготове военные силы, но предосторожности оказываются излишними. Отдаю визит митрополиту в Александро-Невской лавре.

15 мая.

Заседание комиссии. Продолжительные прения о пустяках. Председатель Голубев прекрасный человек, но постоянно вмешивается в споры, вместо чем руководить ими. Заходит новый гос. контролер Шванебах, который со времени своего назначения гораздо менее мрачно смотрит на события.

16 мая.

В Мариинском дворце, по просьбе гос. секретаря Икскуля, председательствую в совещании архитекторов, рассуждающих о том, как поместить гос. совет. Принимают мою мысль о постройке отдельного здания во дворе. Поручают архитектору сделать согласно с этим эскиз.

17 мая.

Опять заседание комиссии о наказе. Дело подвигается очень медленно. Много говорят члены, а еще более председатель. В заседание не является Куломзин, уведомивший, что его здоровье требует деревенского отдохновения. В действительности он получил приказание уехать за слишком горячее поддержание требования политической амнистии, включенное в адрес государю, советом представленный.

18 мая.

Получаю известие о стачке рабочих на Сосьвинском горном заводе.

19 мая.

В госуд. думе Стишинский и Гурко говорят речи против принятого думою проекта о наделении крестьянам земли с нарушением права собственности. Речь Гурко чрезвычайно замечательна по талантливости оратора.

В заседании нашей комиссии обсуждаются права председателя в отношении злоупотребляющих словом ораторов. Я отстаиваю авторитет председателя и достигаю некоторого результата. Ходит слух, что зловредный Сольский уговорил государя назначить председателем совета Коковцева. Если слух этот подтвердится, то не миновать большому скандалу.

25 мая.

Вчера окончилось обсуждение проекта наказа. госуд. совету. Председателем совета назначен Фриш, о канцелярских достоинствах коего я неоднократно здесь упоминал. Вице-председателем назначен

Голубев, имеющий огромные достоинства: трудолюбие, добросовестность, юридические познания, терпение. Как председатель, он слишком говорлив, что отчасти объясняется его вне председательствования молчаливостью и одиночеством. О широте воззрения, об избытке чувства, о художественности слова, захватывающего душу, объятую внезапным впечатлением, не будет и следа.

26 мая.

Заседание совета для выслушания заключения комиссии о правильности выборов в члены совета. Утверждаются все. Прения лишь по вопросу о выборах профессоров, в коих участвовали профессора, иностранные подданные. Председателем 1-го д-та совета на место Голубева назначен Андрей Сабуров, почтеннейший во всех отношениях, благороднейший человек.

27 мая.

Стишинский приезжает ко мне за сведением о честности товарища министра Никитина. Эти сведения он мог бы получить от весьма многих.

28 мая.

У Извольского. Жалуется на недостаток людей. О Ламздорфе, его креатурах и созданных им порядках—говорить стыдно. Правительства не существует. Кабинет Горемыкина—сходбище ничтожных людей, которые ожидают событий, но не в состоянии ни их предвидеть, ни их направлять. Кабинет решил единогласно предать суду 14 членов думы, подписавших призывающее к беспорядку воззвание. Меморию, о сем написанную, послали к подписи государю, который, по счастью, ее задержал. Между тем назначили председателем 1-го департамента Сабурова, который доказал, что для предания суду нет законного основания. Тогда кабинет отказался от своего постановления.

30 мая.

В 2 часа заседание комитета финансов на квартире у графа Сольского, в небольшом доме на Гагаринской улице, рядом с мраморным домом, построенным гр. Кушелевым-Безбородко, а ныне принадлежащем княгине Юрьевской. Предмет обсуждения: поддержание банка, устроенного русским правительством в Тегеране, для поддержания нашего влияния и в особенности нашей торговли с Персиею. Коковцев, с свойственным ему павлиньим чванством, высказывает много общих мест и закругленных фраз, довольно бессодержательных. Извольский обращает внимание на то, что мы стараемся установить союз с Англией, и что наша политика в Персии должна с этим сообразоваться. Сабуров справедливо замечает, что в таком случае мы должны отказаться от претензии запрещать Персии строить иные железные дороги, кроме тех, кои будут служить ввозу наших товаров. Шване-

бах поддерживает справедливость такого взгляда. В заключение соглашаются с тем, чтобы продолжать прежнюю политику сообразно теперешним средствам, но никак не рассчитывая на то, что попытка эта может быть продолжительна. Заключение довольно наивно и недальновидно. Вечером в Мариинском дворце совещание с архитекторами. Настаиваю на том, чтобы строить дворец для верхней палаты отдельным павильоном в саду.

31 мая.

Мне сегодня стукнуло 74 года. С 2-х до $5^1/_2$ заседание совета в рисовальном училище. Результаты превосходят ожидания во всех отношениях.

Июнь.

4 июня.

В 2 часа—у Горемыкина (премьера) в бывшем кочубеевском дворце, а в последние годы жилище двух избиенных министров внутренних дел (Сипягина и Плеве). Горемыкин очень обескуражен, проклинает Витте, который манифестом 17-го октября и законом 2-го декабря собрал не палату депутатов, а грязные подонки населения, сплотившиеся в разбойничью шайку. Теперь не остается ничего иного, как распустить думу, затем созвать ее вновь, повлияв всеми возможными средствами на выборы, а если и это не поможет, то вновь распустить думу и издать новый избирательный закон. Горемыкин решился приняться за энергические меры, начиная с прессы.

Все это легко сказать!

Оправданием такому образу действий может служить сделанное мне на-днях Зарубаевым заявление, что он может отвечать за армию еще три месяца, но не более.

7 июня.

Во время бытности барона Модеста Корфа госуд. секретарем, в государственном совете рассматривалось перешедшее из сената за разногласием дело о майорате. Одною из споривших сторон был родственник Корфа, против коего, и не без основания, высказывалось большинство и сенаторов, и членов совета. Из числа последних лишь двое заявили мнение в пользу Корфа. Мнения совета были изложены гос. секретарем Корфом так, что император Николай согласился с двумя членами против всех остальных. Князь Васильчиков, бывший в то время председателем совета, при первой возможности отделался от б. Корфа, назначив его членом государственного совета и заменив его Бахтиным. Граф К. И. Пален, рассказывавший мне это, слышал все здесь написанное от своего дяди гр. Петра Петровича Палена, состоявшего в большой дружбе с Васильчиковым.

8 июня.

Еду в государственную думу. Слушаю речи министра внутр. дел Столыпина и мин. юстиции Щегловитова. Отвечают им крайне дерзко члены думы кн. Урусов, Винавер, Набоков. Выношу тяжелое

впечатление. Дума ничего более, как сборище жадных искателей своего личного благополучия. Все зиждется на достижении эгоистических в разных смыслах целей. О бескорыстном стремлении к осуществлению высших идеалов нет речи. Бедная Россия должна отсюда [ожидать] великих бед.

9 июня.

Приехавшая в Петербург после продолжительного пребывания в Петергофе Е. А. Нарышкина, пользующаяся особым расположением их величеств, рассказывала мне, что в частных разговорах с императрицею и императором она часто слышала от первой, что переживаемое ими время тяжело, как всякое время великих преобразований, но обещает счастливые годы ее сыну, а от второго,—что он сделал все, что считал возможным, но что теперь считает необходимым предаться терпению.

13 июня.

Посещаю Сольского, который уезжает в Баден-Баден. На вопрос его: кто виноват в наших теперешних политических несчастиях, я категорически отвечаю: Александр III, который по вступлении на престол, вследствие назиданий Победоносцева, Каткова и К°, отверг утвержденное и отцом его, и им самим предложение созвать представителей земства для сотрудничества с госуд. советом, и, будучи человеком ограниченного ума и упрямого характера, стал коверкать законодательство Александра II, не понимая, что делает. Сына своего не воспитал, так что он, вступив на престол, под влиянием отцовских креатур, продолжал действовать в их смысле, что и не могло не привести нас к теперешнему ужасному положению.

Сольский соглашается с таким взглядом и вспоминает, что за несколько дней до смерти императора Александра II было созвано у наследника в Аничковском дворце совещание под его председательством. Решено было принять проект, представленный Лорис-Меликовым, поручив ему доложить этот проект государю, который утвердил этот доклад в воскресенье утром, за два часа до своей смерти. В. к. Константин Николаевич рассказывал Сольскому, что после смерти императора, он, в. к. Константин Николаевич, перечитывая аккуратно веденный им дневник, нашел, что 4 апреля 1866 года он докладывал своему брату о необходимости введения представительного правления, что государь выразил на это согласие, и обрадованный Константин Николаевич поехал председательствовать в госуд. совете, куда вскоре вслед затем приехали герцог Николай Максимиллианович Лейхтенбергский и сестра его, принцесса Баденская, сообщить, что в государя стреляли.

Навещаю Дубасова в приобретенном и устроенном им доме на Сергиевской улице. Рассказывает чудесное его спасение; уезжает отдохнуть за границею; сообщает, что видел Горемыкина и министра

внутр. дел. Столыпина. В принципе решено распущение думы, но полагают, что надо дать ей время утратить всякое к себе уважение. В этом смысле подана государю записка от «кабинета» министров.

17 июня.

Вечером заседание «правой» у Гончарова. Обсуждается вопрос о том, как отнестись к полученному от «партии центра» приглашению вступить в их среду, при чем сообщена их программа. Различие этой программы от нашей заключается в том, что устанавливается «дальнейшее развитие конституционных учреждений» в противность основным законам, а также равноправие не только различных территорий, но еще и отдельных племен, территорий не имеющих, т.-е. евреев. Этих двух пунктов «правая» не принимает, соглашаясь во всем остальном действовать заодно с «центром». Предлагают изложить согласно сему программу для сообщения ее «центру». Я решительно восстаю против такого писания и настаиваю на том, что довольно словесного по сему предмету объяснения. Со мною соглашаются присутствующие. Кн. Косаткин и гр. Олсуфьев настаивают на том, что совет не может продолжать своего постыдного бездействия, а необходимо должен приступить к разработке законов и тем выставить свое превосходство перед думою, занимающеюся исключительно пересыпанными бранью запросами. Снискав репутацию деловитости, совет окажет услуги правительству в случае распущения думы. Мнение это не лишено основания.

Июль.

5 июля.

Бесконечное чтение советских дел, многочисленность и продолжительность советских заседаний, слабость зрения,—все это, вместе взятое, оправдывает допускаемые мною на этих страницах пробелы; а между тем события, и притом ужасные, ежедневно надвигаются одно за другим. Газеты испещрены известиями о грабежах, захватах, убийствах; госуд. дума претендует играть роль национального конвента, а нисколько не законодательной палаты. Она рассылает во все стороны своих агентов, чтобы организовать вооруженное восстание. Она требует увольнения нынешнего горемыкинского кабинета и замены его министрами, взятыми из думской среды. Правительство ни на какие энергические меры не решается; армия развращается до того, что ближайший к государю Преображенский полк переходит на сторону революционеров; по улицам затруднительно ходить вследствие преследований и нападений безработных и так называемых хулиганов; со всех сторон скопляются грозные во всех отношениях тучи.

6 июля.

Заседание госуд. совета. Выборы членов постоянных комиссий. Несмотря на мой отказ, меня избирают в финансовую комиссию. Ходят дурные слухи о прениях государственной думы, которая намере-

вается издать манифест чуть не об уничтожении монархического правления. Члены думы разъезжают по всей России и возбуждают население к вооруженному восстанию.

7 июля.

Вечернее собрание у Гончарова для выслушания отчета о заседании комиссии по вопросу об отмене смертной казни. В комиссии мнения разделились: профессор Вернадский один отстаивал целиком постановление думы, семь человек сохраняли смертную казнь в редких случаях, а четыре члена—Гончаров, Самарин, Нарышкин, Косаткин—всецело отвергали проект думы. Самарин читает весьма талантливо пространно и обстоятельно изложенное им свое мнение. В собрании подвергается обсуждению лишь один вопрос: следует ли сохранить смертную казнь для людей, покушающихся на жизнь членов императорской фамилии. На сделанный мне по сему вопрос я отвечал, что «такое сохранение будет понижением царственного величия». Гончаров и его единомышленники решаются высказать свое мнение так что отмена смертной казни в этом случае уместна, но в виду теперешних обстоятельств ныне последовать не должна.

9 июля.

Появляется указ о распущении думы. В ожидании беспорядков Петербург наполняется войсками, но беспорядков никаких не происходит. Депутаты в значительном числе (около 200) уезжают в Выборг, откуда издают манифест, вызывающий народ на сопротивление правительству.

10 июля.

Захожу к Горемыкину, от которого узнаю, что распущение думы последовало по его представлению, но увольнение его самого от обязанностей председателя совета министров было совершенно неожиданно, точно так же, как увольнение Стишинского от обязанностей министра земледелия и кн. Ширинского-Шихматова от обязанностей обер-прокурора синода.

Зашедший к Горемыкину одновременно со мною министр финансов Коковцев рассказывает, что, вследствие влиятельных настояний ген. Трепова, государь решился образовать кабинет из к.-д. думской партии. Окончательные об этом переговоры велись с профессором Милюковым, который пожелал привлечь в состав министерства и поляков, во главе коих стоял гр. Иосиф Потоцкий. Совещание по сему предмету последовало в одном из смежных с думою ресторанов. На поставленный Милюкову вопрос о том, какая была бы его программа, он отвечал: «наша программа вам известна: амнистия, отмена смертной казни, равноправие».—«А аграрный вопрос?»—спросил Потоцкий. «Это для нас вопрос политический, а не социальный»,—отвечал Милюков. «Какими средствами,—спросил Потоцкий,—вы будете достигать своих целей? Ведь, вероятно, вы начали бы с того, что уволили бы всех нынешних генерал-губернаторов, губернаторов, жандармов, полицей-

мейстеров, военачальников?» «Конечно»,—отвечал Милюков,—но ведь можно будет набрать других». «Но в таком случае это будут исполнители новых насильственных мероприятий, а не защитники свободы».— «Да, но уж хотя бы и один день, да мой день!»

Последние слова были доведены до сведения его императорского величества, что и спасло Россию от горестного нового эксперимента.

Вечером собрание членов союза защиты неприкосновенности поземельной собственности (на Моховой в политическом клубе). Председательствовал князь Васильчиков. Много безрезультатной болтовни.

Я забыл упомянуть, что Горемыкин рассказал мне, что по его докладу государем назначено было для гос. совета вакантное время по 1 октября, но что, когда об исполнении этого высочайшего повеления было сообщено Фришу, то он заявил, что откажется от председательствования в совете, если вакантное для совета время не будет продолжено до 20 февраля, что и было сделано по докладу Столыпина.

12 июля.

Вечернее собрание у Гончарова, который предлагает собравшимся членам «правой» составить программу того, что правительство должно сделать. Я заявляю, что прежде следовало бы спросить премьера, примет ли он такое заявление, а потому и не соглашаюсь с предложением Гончарова.

13 июля.

Еду к в. к. Михаилу Николаевичу завтракать на его дачу Михайловское. Вот уже три года, как он разбит параличем и не владеет ни левою рукою, ни левой ногою, говорит с трудом, но в мыслях и словах не сбивается. За столом присутствуют три сына: Николай—умный, злослов[ливый] и ничем серьезным не занимающийся, Георгий—только и думающий, как бы зашибить копейку, назначенный заведующим музеем имп. Александра III и творящий там величайшие пошлости, Сергей—выходящий из ряду своим трудолюбием на поприще артиллериста, заслуживший полное сочувствие и одобрение своих сотоварищей, исполняет номинально возложенные на отца обязанности генерал-фельдцейхмейстера. Тут же супруга Георгия Михайловича, дочь греческого короля, довольно вульгарная и обыкновенная во всех отношениях женщина, и ее приятельница. Обе они, сидя по обеим сторонам хозяина дома, не перестают болтать по-гречески, что я нахожу довольно неуместным. После завтрака в. к. зовет меня к себе в кабинет, где мы вспоминаем прошлое и вздыхаем о настоящем. От в. к. заезжаю в Петергоф. Захожу к Трепову, которому излагаю свой взгляд на теперешнее положение. Настаиваю на том, что необходимо немедленно взяться за крестьянский поземельный вопрос и от имени государя прежде всего объявить крестьянам, что за уничтожением выкупных платежей каждый член общины делается полным собственником своего надела. Таковое установление должно установить полное

право собственности, которое сделается оплотом против революции. Одновременно необходимо при посредстве крестьянского банка облегчить крестьянам приобретение земель, облегчить фактами, а не одними проектами и канцелярскими разглагольствованиями, и, в-третьих, облегчить переселение, которое нам желательно не только с точки зрения крестьянского благоденствия, но и политического закрепления за Россией ее окраин, особливо восточных. Выслушав меня, Трепов отвечал, что государь вполне разделяет эти мысли. Я настаивал на том, что их необходимо привести в исполнение.

От Трепова заезжаю к министру двора барону Фредериксу, которому говорю приблизительно то же самое и выслушиваю то же самое.

Кончаю свой объезд посещением внука Оболенского, жена коего, гр. Бобринская, должна на-днях родить.

14 июля.

Не еду в заседание у Гончарова, где за отсутствием предмета занятий вздумали обсуждать те советы, которые следует преподать правительству. Тщетно стараюсь доказать членам «правой» неуместность такого образа действий. Гораздо разумнее поступает «центр», ведомый поляками и по внушению последних заявивший «кабинету», что готов принять участие во всяких законодательных проектах, кои пожелают поручить ему, центру.

21 июля.

Захожу к Шванебаху, который прочитывает мне превосходно написанное им письмо государю, с изложением теперешнего положения, требующего непременно принятия энергических мер.

В $2^1/_2$ часа в Мариинском дворце заседание комитета финансов, для обсуждения представления министра финансов Коковцева о выпуске билетов казначейства на номинальную сумму 50 мил. для пособления голодающим вследствие сильного неурожая в центре и на востоке России. Столыпин говорит очень умеренно и прилично. Его товарищ, Гурко, хотя и чересчур развязен в своих внешних формах, тем не менее весьма дельно излагает тягость наступающего бедствия.

23 июля.

Петербург наполнен войсками. По улицам ходят многочисленные патрули. Большинство фабрик и заводов забастовало. Ночью были в разных частях города значительные пожары. Обещанная думою общая забастовка, однако, не состоялась, тем не менее повсеместные грабежи и убийства принимают страшные размеры.

24 июля.

Наднях у министра двора барона Фредерикса был обед, на который приглашены были почти все главнейшие служащие, а именно: гофмаршал граф Бенкендорф, командующий конвоем князь Трубецкой, комендант Трепов, помощник начальника походной канцелярии князь Орлов, обер-шталмейстер Гринвальд и мой двоюродный брат

Половцев. Кроме двух последних, служивших в кавалергардах, все остальные из конногвардейцев. Из числа последних недоставало еще: Николая Долгорукого, Николая Оболенского, Александра Мейендорфа, находящегося в отпуску. Между кавалергардами и конногвардейцами существовало при дворе корпоративное соревнование, которое в нынешнее царствование дает перевес вторым.

25 июля.

Заезжаю к в. к. Николаю Михаиловичу, который отделал себе квартиру в отцовском дворце, во вкусе empire. По обыкновению, говорит много, зло, преувеличенно. Между прочим, рассказывает, что их величества проводят вечера то у одной, то у другой из черногорок,— у Станы в Знаменском или у Милицы в Сергиевском. У первой занимаются спиритизмом, а у второй в какую-то расположенную в саду башню им приводят всяких самых разношерстых людей.

На-днях Стана написала обер-прокурору синода Ширинскому-Шихматову записку, уведомляя его, что хотя государь и разрешил по его докладу отпуск четырем архиереям, но что после того разрешил ей уведомить об-прок., что, по ее ходатайству, он берет разрешение назад.

26 июля.

Еду с Извольским в близкий сердцу моему архив госуд. совета. Извольский желал бы поместить в нем госуд. архив, находящийся ныне в жалком помещении нижнего этажа министерства иностранных дел. Сообщаю ему, что именно для этого мною построена вторая часть здания, выходящая на Зимнюю Канаву. Желаю ему успеха, но весьма в том сомневаюсь.

31 июля.

После беспрерывной теплой, солнечной в течение трех месяцев погоды, внезапно настает холод и дождь. На улице видны лишь забастовавшие рабочие, да пешие и конные патрули, ни одного сколько-нибудь щеголеватого экипажа не встречается; газеты наполнены известиями о повсеместных грабежах и убийствах. Прошло две недели со дня распущения думы, и новый кабинет еще ничем не заявил о своих намерениях; а между тем следовало поспешить дать понять народу, что правительство не только не потеряло, но, напротив, много выиграло удалением негодяев, думу наполнявших. Следовало бы как можно скорее выступить от лица государя в земельном, относительно крестьян, вопросе, прекратив канцелярские обещания и чиновничьи переписки. В Петергофе не отдают себе отчета о положении, в коем находятся. Постоянные колебания, противоречащие одно другому распоряжения, нерешительность, недоверчивость, сеансы мистицизма у этих двух злосчастных для России черногорок,—вот в чем проходит время, вот что заставляет забывать о существовании императорской власти, что придает храбрость угнетающим наше несчастное отечество врагам порядка и мирного успеха.

Прохворав несколько дней и заплатив дань моей мучительнице-подагре, выезжаю подышать свежим воздухом, если можно назвать свежим петербургский воздух, и навещаю графа Николая Игнатьева, только-что возвратившегося из деревни. Игнатьев рассказывает, что был у государя и уговорил его дать ход американским предпринимателям, предлагающим без всяких со стороны правительства пособий построить железную дорогу для соединения Владивостока с Россией, минуя Маньчжурскую территорию.

Август.

1 августа.

Город полон рассказом о том, что на вчерашнем маневрировании в Красном Селе двух полков около командовавшего маневром в. к. Николая Николаевича прожужжали три пули, якобы по небрежности попавшие в ружья стрелявшего холостыми зарядами, если не ошибаюсь, Измайловского полка.

7 августа.

В последние четыре дня в Красном Селе производились маневры, в весьма, впрочем, ограниченных размерах. Государь и императрица для присутствования на них выезжали из Царского Села. Все прошло благополучно. Местность была усеяна полицейскими в самых разнообразных костюмах. Государь, переезжая по своему усмотрению с места на место, очутился на одном пункте, на котором полиция не ожидала его появления. Тут ближайшие из лиц его свиты выдвинулись так, чтобы предотвратить возможность приближения какой бы то ни было неизвестной личности.

Мой внук Оболенский, участвовавший в качестве вольноопределяющегося в уланском полку, будучи отряжен на разведки, наткнулся на неприятельский патруль и, избегая плена, среди ночи поскакал во весь опор и наткнулся на извозчика, которому переломал экипаж, а себе—бедро. На другое утро императрица Александра Федоровна в качестве шефа уланского полка навестила Оболенского, лежавшего в перевязке.

10 августа.

Похороны члена государственного совета Тернера. То был весьма почтенный, скромный, мало одаренный труженик, посвятивший себя исключительно изучению финансовой науки. Он дослужил в министерстве до должности товарища министра, в бытность министром Вышнеградского. О назначении этом говорили, что оно напоминает ту лампаду, которую воры вешают в своем притоне перед образом. Впоследствии Тернер достиг высокой должности члена департамента экономии в госуд. совете, а по назначении Сольского председателем совета Тернер попал в председатели департамента экономии. Ничего выдающегося, блестящего Тернер никогда не представлял, но пользовался вполне заслуженным уважением лиц, его знавших.

1908 г.

Март.

5 марта.

За болезнью Сольского мне приходится председательствовать в комитете финансов, заседающем у меня на квартире. Присутствуют: Витте, Коковцев, Голубев, Шванебах, Сабуров, Харитонов. Рассматриваются два дела, внесенные Коковцевым: первое—о несостоятельности банкира Полякова, второе—о прекращении выпуска шестипроцентных билетов для выкупа крестьянами земель.

По первому делу *Голубев* настаивает на том, [что] уже в 1901 г. несостоятельность Полякова признана финансовым комитетом, но к исполнению такого постановления не сделано ровно ничего. Сверх того, принадлежащие Полякову банки не сохранили и четверти своего основного капитала, хотя уменьшение на одну четверть достаточно для объявления несостоятельности. Сверх того, согласно закону, в 1906 г. состоявшемуся, подобные дела не подлежат рассмотрению финансового комитета.

Министр финансов *Коковцев* заявляет, что принятие мнения Голубева должно повлечь за собой огромный крах во всей России, так как должны лопнуть не только три банка, но еще и семьдесят зависящих от них филиальных банковых контор. Прочие члены поддерживают это мнение. Я настаиваю на том, что постановление финансового комитета не должно служить подкреплением или утверждением постановлений совета гос. банка и мнения Коковцева, а лишь заявлением, что комитет с своей стороны не усматривает оснований к подтверждению того или другого мнения. Коковцев краснеет и бесится на то, что нет речи об утверждении его мнения, сводящегося на нуль.

9 марта.

В 6 ч. в Царском Селе у государя для испрашивания приказаний относительно годичного собрания Историч. Общества. Прием крайне любезный, доходящий до того, что хозяин дома сам достает из-под стола по неловкости моей уроненные очки. После одобрения всего мною доложенного об Историческом Обществе, разговариваем о думе, о необходимости прибегнуть к каким-либо мероприятиям, разграничивающим законы от административных, хотя и утвержденных верховной властью, мер. Государь вполне согласен.

11 марта.

В 8 ч. вечера отправляюсь по императорской железнодорожной ветке в Царское Село на годичное собрание Исторического Общества. Заседание начинается ровно в 9 ч. в угловом зале Александровского дворца под председательством государя, по правую сторону коего сидят в. к. Владимир Александрович и Николай Михайлович, а по левую я в качестве председателя общества. В зале висят: на одной стороне портрет царствующей императрицы, а на другой портрет королевы Марии-Антуанеты?!

Секретарь Чечулин читает отчет о деятельности Общества, Платонов—записку о существовавшем в до-петровской России обычае обмениваться частыми письмами, генерал Мышлаевский на основании найденных в Сухаревой башне документов излагает порядок, установленный Петром, для составления армий или, правильнее, для выбора и выдвинутия способных и отодвинутия бездарных людей, в. к. Николай Михайлович читает три письма императрицы Елизаветы Алексеевны, преисполненные и доблестных чувств, и справедливой оценки окружающих ее людей.

Заседание кончается в 11 ч., и в 12 не без устали достигаю Большой Морской.

Апрель.

18 апреля.

В 6 ч. вечера еду в Ц. Село по экстренному поезду на императорской железнодорожной ветке. Со станции до Царскосельского старого дворца собираются лица, приглашенные к парадному обеденному столу по случаю приезда шведского короля, прибывшего для присутствования на праздновании свадьбы сына с дочерью в. к. Павла Александровича.

В $7^1/_2$ часов, по выходе императорской фамилии с многочисленными иностранными, принадлежащими к царствующим семействам гостями, садятся за обеденный стол, накрытый в большом зале. Стол накрыт покоем. Всего приглашенных около трехсот. Государь и король говорят речи о значении союза обоих государств. Зал очень красиво освещен множеством электрических огней. К сожалению, сгоревший потолок заменен очень плохою картиною. По окончании обеда все переходят в соседнюю комнату, где их величества делают что называется «cercle», т.-е. разговаривают с более или менее избранными из числа присутствующих. В частности шведскому королю представляются министры с председателем совета министров во главе. Церемония эта довольно продолжительна. Ровно в полночь достигаю своего жилища. В вагоне сижу с генералом Поливановым и министром нар. просвещения Шварцем, которые расточают мне любезности, говоря о нашем рисовальном училище. Именующий себя министром промышленности и торговли Шипов убегает от разговора на эту тему.

20 апреля.

Поездом в 1 ч. 30 м. еду в Ц. Село, чтобы участвовать в праздновании бракосочетания великой княжны Марии Павловны с шведским принцем Вильгельмом. В вагоне встречаю П. Н. Дурново, который, пробыв короткое время министром внутренних дел, своею энергиею положил конец почтовой стачке и тем самым содействовал прекращению революции, или, как было принято говорить, освободительному движению. Дурново жалуется на то, что после увольнения от обязанности мин. вн. дел он в течение двух лет не видал императора.

На царскосельской станции усаживаюсь в ямскую карету, коих значительное число было выписано из Москвы для приглашенных ко двору. Достигнув большого дворца, отправляюсь прямо в церковь, где уже собран дипломатический корпус. В три часа вступает императорская фамилия, и начинается весьма продолжительная церковная церемония, после которой в том же торжественном порядке отправляются в верхний этаж, где совершается, впрочем, довольно быстро, церемония лютеранского бракосочетания. Чтобы отдохнуть после столь продолжительного стояния на ногах, я отправляюсь к себе на дачу, где мне удается поспать часа полтора. В $7^1/_2$ ч. парадный обед в большом зале, начинающийся с того, что митрополит читает молитву. Мне приходится [сидеть] подле священника, начальствующего над всем придворным духовенством и отправляющего церковную службу в домашней церкви государя в Александровском дворце. С другой стороны возле меня сидит жена шведского посланника, ни в каком отношении из себя ничего особенного не представляющая, но не выказывающая никаких дурных чувств. После обеда все присутствующие рассыпаются по многочисленным залам дворца. В одиннадцатом часу, когда большой зал освобождается от загромождавших его столов, церемониймейстеры приглашают в него вернуться и расположиться вдоль стен так, чтобы в середине комнаты осталось пустое пространство, в котором русское царское семейство и все многочисленные иностранные принцы и принцессы исполняют танец, именуемый «польский», под звуки музыки, заимствованной из оперы «Жизнь за царя»; так как все танцующие, или, скорее шествующие, и мужчины, и женщины одеты в весьма богатые и притом разнообразные костюмы, то все это в связи с прекрасною архитектурою, сильным освещением представляет очень красивое, художественное зрелище. В 12 часу разъезжаются по домам.

22 апреля.

Вторник вечером в Мариинском дворце председатель Акимов собирает 22 члена для предварительного обсуждения вопроса о том, что удобнее: обсуждать ли бюджетные сметы обеих палат одновременно, целиком или по одиночке. Все признают последний способ предпочтительным.

23 апреля.

В 9 ч. утра снова отправляюсь в Царское Село поздравлять императрицу Александру Феодоровну по случаю ее именин. Продолжительная обедня с прекрасным пением хора придворных певчих! После обеда принесение поздравлений. Посредине одной из зал стоят: обе императрицы и среди них император; поздравители целуют руку у каждой из императриц и жмут руку императору. Вдовствующая императрица, весьма нерасположенная ко мне, спрашивает меня: Comment vont vos jambes? (Как ваши ноги?) На что я отвечаю: très bien, Madame; je n'ai qu'à les remercier de m'avoir rendu possible mon pelerinage d'aujourd'hui. (Прекрасно, Ваше Величество, они дали мне возможность совершить мое сегодняшнее путешествие, за что я им благодарна.) Завтракают в Большом зале за небольшим круглым столом. Я сижу возле фрейлины Тютчевой, надзирающей за двумя старшими девочками. Говоря о четырехлетнем наследнике, она рассказывает, что этот ребенок отличается большою твердостью воли. На-днях он попросил Тютчеву отпустить на прогулку с ним двух старших его сестер. Тютчева отвечала ему, что согласна, но под условием, чтобы они не опоздали к уроку в 4 часа.—Я вам это обещаю, отвечал ребенок, а вы знаете, что я держу свои обещания. Если они вздумают опаздывать, то я их прогоню.

24 апреля.

В 8 часов отправляемся в Царское Село, где серия празднеств оканчивается вокальным концертом в большом зале. Выбор музыки хорош, но голоса плохие, толпа огромная, все празднество со включением и ужина тянется весьма долго; трудности для достижения кареты, а потом вагона—великие. Приезжаем домой на Морскую в $3^1/_2$ часа, порядочно усталые.

25 апреля.

Министр финансов, произнося речь в думе, сказал: «Слава богу, у нас нет парламента». Эта фраза вызвала со стороны членов думы резкие возражения и возбудила сильные толки в городе.

26 апреля.

Сижу в своем богословском правлении, где назначенные управляющим госуд. банком Тимашевым администраторы творят невероятные дела. Вечер у Гончарова на собрании правой фракции. Генерал Унтербергер очень хорошо говорит о постройке Амурской жел. дороги. Хозяин дома и председатель, по обыкновению, неумолкаемо излагает свои обильные, но не блестящие воззрения и изложения фактов.

27 апреля.

Празднование у Долгоруких свадьбы младшей их дочери с Кочубеем, одним из трех сыновей давно умершего милого Василия Арка-

диевича, смягчавшего тяжелые для меня часы, проведенные мною в Киеве, во время моей сенаторской ревизии. На свадьбе присутствует вдовствующая императрица Мария Феодоровна. Галерная улица, в коей находится дом Долгоруких, наполнена конными вооруженными жандармами. Заехав к Палену, встречаю у него Горемыкина, который, вспоминая проведенные им в должности министра внутр. дел дни, между прочим, рассказывает, как 12 октября 1905 г., во время сильно распространившейся стачки, он, Горемыкин, получил приказание явиться к государю в Петергоф на следующий день в 6 ч. вечера. На другое утро он послал взять место в железнодорожном поезде, но получил в ответ уведомление, что никакие поезда не ходят. Тогда он обратился к морскому министру с просьбой [дать] для той же цели пароход. Отсюда Горемыкину равным образом было отвечено, что никакого парохода ему дать невозможно. Не видя другого средства, Горемыкин нанял ямскую четверку и отправился в карете по Петергофскому шоссе. Путешествие было невеселое; дорога была в дурном состоянии, а проезжая мимо Путиловского завода, пришлось переносить брань рабочих и даже кидание камней. По прибытии в Александрию, после допроса, сделанного Горемыкину дежурным на гауптвахте офицером, он в сопровождении этого офицера добрался до домика, обитаемого императором и императрицею. Все встречавшиеся Горемыкину придворные слуги выражали ему удивление о том, как он мог добраться до Петергофа. После разговора с государем Горемыкин пошел к Трепову, который стал укорять его за то, что он уговаривает государя оказывать твердое сопротивление, в виду той опасности, коей государь подвергался. Свою настойчивость Горемыкин оправдывал тем, что, по его мнению, государь находился в полной безопасности, потому что хотя революционеры и объявили, что они шестидесятитысячною толпою пойдут для разгрома в Петергоф, но в Петергофе находилось два заслуживающих доверия полка, а в Петербург была по требованию Горемыкина отдана одна кавалерийская дивизия и две артиллерийские батареи, кои в случае движения толпы должны были устремиться на толпу с тылу, и, таким образом, с обоих концов пути между Петербургом и Петергофом был бы открыт смертельный для толпы огонь.

28 апреля.

Обычный завтрак с Боткиным и Котовым, представителями интересов рисовального училища.

30 апреля.

Весьма продолжительное, хотя и пустословное заседание госуд. совета. Свадьба моей старшей внучки Екатерины с Миклашевским, офицером кавалергардского полка, коего все без исключения очень хвалят.

Май.

1 мая.

Годичный обед в новом клубе, куда отправляюсь для того, чтобы не оставить в. к. Владимира Александровича в толпе молодежи. Юсупов произносит заздравные тосты и речи; мне приходится ему отвечать.

2 мая.

Сижу целый день дома за советскими делами.

3 мая.

Скучные визиты. Обед и партия бриджа. В числе приглашенных американский посол Гидель.

4 мая.

Обед с дочерью Бобринского, которая в четырнадцать месяцев выдала замуж своих трех дочерей. Вечер с П. С. Елачичем за советскими делами.

5 мая.

Кончаю чтение пятого тома переписки Петра Великого. Что за радость видеть, что бывают на земном шаре такие люди!

6 мая.

В 9 ч. в парадном мундире отправляюсь в Царское Село. В вагоне Андрей (мой двоюродный брат) читает мне произнесенную накануне Столыпиным в думе речь об отношениях наших к Финляндии. Встретив его во дворце, весьма искренно поздравляю его с успехом во всех отношениях. После обедни поздравления празднующего день своего рождения императора. Завтракаю возле умной и приятной собеседницы графини Олсуфьевой. На обратном пути в вагоне с Владимиром Треповым толкуем о необходимости освободиться от гончаровской тирании. В 8 часов парадный обед у в. к. Владимира Александровича в честь испанского инфанта. После обеда балалаечный концерт.

В этот день мой двоюродный брат Андрей Петрович назначается флигель-адъютантом. Он служит в военно-походной канцелярии, и его начальник, министр императорского двора барон Фредерикс, уже два года сряду просил государя о таком назначении, но государь всякий раз отвечал, что он сам определит время такого отличия. 6 мая утром назначен был флигель-адъютантом сын умершего Линевича, и только под вечер, убедясь, что никто ему не повторяет прежнего ходатайства, государь сюрпризом для всех назначил Андрея своим флигель-адъютантом. Выразительная черта характера!

25 мая.

Их величества едут на свидание с английским королем и королевой. Первоначально решено было ехать морем и встретиться с Эдуардом и Александрою в Ревельском порту, где и должны простоять вместе 36 часов. Вследствие дурной погоды и нездоровья императрицы

Александры Феодоровны решено ехать по железной дороге. С собою увозят всех четырех государевых детей, из коих четвертый, наследник престола Алексей, не достигший пятилетнего возраста, отличается чрезвычайною остротою ума. Надних этот ребенок, видя, что часовой не отдает ему чести, подошел к нему и спросил причину неотдания чести. Караульный молчал.—Я вижу,—продолжал ребенок,—что ты знаешь устав, запрещающий часовому разговаривать. Тем не менее, вернувшись домой, он пошел к отцу с жалобою. Император объяснил ему, что часовые держат заряженные ружья и потому не берут на караул.

— Зачем же меня об этом не предуведомили,—сказал наследник.

29 мая.

Вечером в Мариинском дворце генерал Сухотин читает лекцию о необходимости постройки Амурской дороги; после этого чтения члены правой группы собираются в бывшем [зале] д-та законов и постановляют не собираться на будущее время нигде, как в этом зале; одновременно избирают депутацию: Нарышкина, Толя и Шевича, для уведомления об этом Гончарова, с просьбой продолжать свое председательствование.

30 мая.

В совете говорят, что при свидании двух монархов Эдуард обещал нашему императору: а) добиться открытия для нашего флота свободного прохода чрез Дарданеллы, 2) устроить приобретение для нашего флота стоянки и угольной станции в Тихом океане, 3) повлиять на английских банкиров в смысле доставления нам денег, потребных для построения Амурской дороги.

В течение целого дня продолжаются довольно скучные речи. Последнюю пред обедом произносит П. П. Семенов, который внезапно падает под ударом паралича. Очень хорошо говорит Коковцев и несколько слабее обыкновенного Столыпин. Не привыкший к вежливому обращению, наш председатель Акимов очень грубо прекращает речь Пихно, достигшую получасового предела, а членам, заявившим желание, чтобы речь Пихно продолжалась, Акимов отвечает довольно резко, что их возгласы не имеют на него влияния. Корвин-Милевскому, упомянувшему о значительном предстоящем нам на нужды войска расходе, Акимов также воспрещает касаться этого предмета; Милевский сходит с кафедры, заявляя, что привык, чтобы ему диктовали, что писать, но никак не то, что говорить. В вечернем заседании происходит голосование, значительным числом утверждающее постановление думы о постройке Амурской дороги.

Переписка В. Н. Коковцева с Эд. Нецлиным.

Печатаемая в нижеследующем небольшая переписка царского министра финансов Коковцева с одним из виднейших французских финансовых воротил представляет интерес по исторической обстановке, в которой она происходила. Царское правительство, незадолго до этого едва дышавшее на ладон, быстро оправлялось как внутри, так и во вне. Революция была окончательно разбита и даже добита: только что была разогнана первая государственная дума—дума, как ее пышно называли, «народного гнева»—и знаменитое выборгское выступление оппозиции оказалось выстрелом из холостого патрона. Наступал многообещавший столыпинский режим. Одновременно царизм реабилитировался и в международном отношении. Чернила, которыми Витте подписал унизительный договор в Портсмуте, не успели еще обсохнуть, как Англия стала привлекать Россию в свои объятия. Уже в ноябре-декабре предыдущего года стали нащупываться ею основы соглашения со своей старой соперницей по всем вопросам Среднего Востока, а в январе 1906 года на конференции в Алжесирасе русский делегат Касини уже вел определенные переговоры за кулисами со своим английским коллегой Никольсоном при благосклонном участии Франции. В результате России был обеими державами дан колоссальный заем, который, будучи реализован в апреле, накануне самого созыва первой г. думы, сразу поставил реакцию в положение господина по отношению к злополучному российскому парламенту. Героем этого займа, предопределившим, таким образом, дальнейший ход борьбы между царизмом и г. думой, был и Нецлин, который вел с Коковцевым переписку. При свете этого обстоятельства не без пикантности звучит беспокойство этого господина насчет того, как бы перерыв в существовании г. думы не отразился плохо на финансовом кредите русского правительства, а стало быть, и на финансовых операциях французского синдиката по размещению остатков большого займа. Повидимому, в это время носились также с проектом какого-то преобразования государственного банка с помощью иностранных капиталов, и Нецлин выражает опасения, как бы и эта операция не провалилась с разгоном думы. Очевидно, что даже французские банкиры придавали тогда значение думе, как фиговому листочку, прикрывавшему очень уж непривлекательную наготу царского самодержавия. И вот, Нецлин превращается на момент в либерального конституционалиста и рекомендует реформы, даже равноправие евреев, и намекает на необходимость вторичного созыва представительного учреждения.

Читатель с интересом прочтет ответ Коковцева,—в частности, его версию о знаменитом инциденте с Шиповым и другими «общественными деятелями», которых будто бы хотели привлечь к участию во власти. Вспоминается при этом трагикомическая роль Милюковых и Гессенов, обивавших правительственные передние и хлопотавших о кабинете «общественного доверия». Коковцеву ничего не стоило разбить семитофиль-

ские доводы Нецлина и так усердно изобразить себя и русское правительство в роли конституционных правителей, которые не предпримут ни одной финансовой меры без согласия будущей думы, что Нецлин опять перепугался, но уже в обратную сторону: неужели, спрашивает он, русское правительство предоставит г. думе обсуждать французские займы и другие финансовые операции—деликатные материи, которые полагается скрывать от взоров любопытствующих? Сразу весь либерализм и конституционализм парижского банкира точно рукой сняло, и перед читателем встает образ трусливого гешефтмахера, который готов отказаться и от парламента, и от самой декларации прав «великой» революции, только бы обезопасить банкирский куртаж. Но Коковцев успокаивает его, как успокаивает добрый папаша перепугавшегося ребенка: он только шутил,—на деле дума только дает свое академическое согласие, сам же гешефт целиком проводится, как и в других хороших буржуазно-парламентских странах, самим правительством наедине с банкирами. Очевидно, сам Коковцев немного переусердствовал, принимая «конституционные» возражения своего корреспондента всерьез. Зараз он сообщает ему неприятную новость, что в ближайшем будущем русское правительство не собирается обращаться еще раз к иностранному кошельку.

По этой ли причине или по другой, но Нецлин в ответ сообщает своему другу, что он, со своей стороны, собирается уходить от русских дел и приобщиться к американскому рынку, что вызывает у Коковцева выражение искреннего сожаления. Фактически в переписке теперь наступает перерыв, и она возобновляется лишь в 1909 году в связи с финансированием русско-китайского банка. Это, как и предлагавшаяся Нецлиным еще в 1907 году небольшая сделка с русскими патронами, попавшими к японцам при сдаче Порта-Артура, показывает, что свое просвещенное внимание парижский банкир на деле обратил на Дальний Восток,—повидимому, *против* Америки. В самом деле, около этого времени идет большая политическая работа Франции в Японии—подкрепляемая, конечно, финансовыми операциями,—которая, в конечном счете, привела и к политическому примирению с Японией России и заключению между ними трех важных договоров. Говорим: важных, потому что отныне уже существовал четверной союз, группировавшийся вокруг Англии и оправдавший себя во время мировой войны. Главным сюжетом этой части переписки служит однако обида, причиненная Нецлину нашим финансовым ведомством, которое, при заключении нового займа, уплатило ему слишком мало комиссионных. Нецлин горько сетует по поводу такой несправедливости, но на этот раз роли обоих корреспондентов как будто переменились: Коковцев уже пишет в суверенном тоне человека при своем капитале, а Нецлин униженно хнычет, как мелкий проситель. Оно и понятно: Россия, несмотря на кризис, вызванный аннексией Боснии и Герцеговины, была уже опять одной из главных скрипок в европейском концерте, имея на своей стороне сильного дипломатического и финансового союзника в лице Англии, в то время как Франция не вылезала из своей марокканской авантюры (только что произошел новый инцидент в Казабланке) и очень нуждалась в поддержке со стороны России.

Известно, что солнце отражается и в луже. Читатель видит, что и в этих немногих письмах, как будто незначительных по содержанию отражается мировая история.

Ф. Ротштейн.

Переписка В. Н. Коковцева с Эд. Нецлиным[1]).

1.

Эд. Нецлин В. Н. Коковцеву.

Отель Квеленгоф.

Рагац, 28 июля 1906.

Лично.

Господин министр!

Я не хотел докучать вашему превосходительству в только что пережитые нами тяжелые дни и увеличивать бремя ваших занятий. Но так как я с искренним удовлетворением констатирую, что почти по всей линии наступает успокоение, и что события, столь живо нас волновавшие, уже отживают свое время, я чувствую потребность обратиться к вашему превосходительству с этими строками.

Прежде всего позвольте мне еще раз поздравить ваше превосходительство и высказать вам, как сильно меня ободряет и радует то, что и в новом кабинете вы попрежнему занимаете пост министра финансов: факт огромного значения для нас и для всей России. Никакой иной выбор, сделанный его величеством, не мог бы представить лучшей гарантии для установления добрых взаимоотношений между заинтересованными в деле вкладчиками и добросовестной финансовой администрацией страны.

Я, конечно, согласен, что высказанная мною мысль эгоистична, ибо в качестве друга я должен был бы скорее пожелать вам вполне заслуженного вами отдыха.

Я не хочу возвращаться к вопросу о биржевых операциях,— уже разрешенному вами со свойственной вам доброжелательностью,

---

[1]) Печатаемая здесь переписка между б. министром финансов В. Н. Коковцевым и Эд. Нецлиным, главой Bank de Paris et Pays Bas, представителем финансовой группы, через посредство которой заключались русские займы на заграничном рынке, хранится в архиве общей канцелярии министра финансов (2-е отделение V секции Е. Г. А. Ф. в Петрограде) и извлечена из дела № 44 секретарской части за 1906 г. под заглавием: «Переписка с г. Нецлиным». Письма относятся к 1906, 1907 и 1909 г.г. и имеют в виду финансовые операции 1906 и 1909 г.г. Здесь приводится русский перевод этих писем.

позвольте мне лишь выразить вам свою благодарность. Мы можем теперь надеяться, что 1-е августа, день взноса, пройдет вполне благополучно; а раз этот взнос будет произведен правильно, надо полагать, не только не возникнет каких-либо затруднений в вопросах займа, но несмотря на тревожность политического момента, и новая доля будет реализована полностью.

Роспуск думы подействовал на наш рынок, как удар грома, и многочисленным враждебным элементам,—политическим и финансовым,—было нетрудно использовать создавшееся положение в своих целях и создать панику. Но мне кажется, что теперь уже и у нас оценка происшедшего в прошлое воскресенье события мало-по-малу изменяется. Прежде всего,—не произошло ни забастовок, ни беспорядков, ни прочих, обещанных нам ужасов;—напротив,—везде царит полный порядок,—лебединая песня членов думы не встретила отклика. Затем,—и это сильнее всего повлияло на наше общественное мнение, новый кабинет, судя по уже проявленной им тенденции, обещает быть действительно либеральным и, кажется, намерен твердо встать на путь политического прогресса.

Если бы нынешний кабинет решился по собственной инициативе провести в жизнь часть тех политических реформ, в отношении которых предшествующее министерство не могло или не хотело сделать каких-либо уступок думе, предъявлявшей свои необдуманные и неосновательные требования,—я убежден, что это рассеяло бы то недовольство, которое в настоящее время обнаруживается на Западе. Говорилось о равенстве всех подданных перед законом, не исключая и евреев. Несомненно, что эта реформа произвела бы сильнейшее впечатление в наших либеральных кругах. Вашему превосходительству известно, что я отнюдь не питаю нежных чувств к евреям, и уж, конечно, не хотел бы встретить таковые у Вас; тем не менее уравнение их в правах, благодаря которому они могли бы свободно торговать и накоплять себе материальные блага, быстро превратило бы их из «революционеров» в «консерваторов»,—последнее важно в виду их крайней многочисленности. Кроме того, предоставление большей свободы коммерческим способностям евреев—не облегчило бы также и разрешение столь сложной земельной проблемы?

В заключение позвольте мне задать вашему превосходительству несколько вопросов: с точки зрения финансовой организации и фискальной законности приведет ли роспуск думы и назначение срока ее созыва лишь на март будущего года к тем же самым результатам в отношении финансового баланса 1907 года, что и в 1906 году? Будет ли бюджет на 1907 г., по примеру 1906 г., также утвержден и введен в действие волей его величества без участия народного представительства? Предполагается ли применение принципов 1906 года и к тем финансовым операциям, которые в 1907 году могли бы иметь целью лишь реализацию бюджета? И будут ли эти операции также производиться без участия думы в том случае, если

бы они касались не займов, а отчуждения государственной собственности?

Вашему превосходительству известны мои взгляды по этим пунктам, поэтому вы легко уясните себе мои вопросы. Притом, к чему бы ни клонились личные мои желания, я заранее готов к получению отрицательного ответа, по крайней мере на два последние вопроса, ибо, конечно, трудно представить себе, чтобы в течение почти целого года дума была лишена одного из своих существенных прав единственно из-за срока ее созыва.

Прошу ваше превосходительство извинить меня, что я злоупотребляю вашим временем, и принять уверение в моем глубоком уважении и моей почтительной преданности.

Эд. Нецлин.

2.

В. Н. Коковцев Эд. Нецлину [1]).

С.-Петербург, 28 июля (10 августа) 1906 г.

Милостивый государь!

Ваше письмо от 28 июля доставило мне большое удовлетворение. Я не могу не выразить вам живейшей благодарности в особенности за те строки, в которых вам угодно было отметить сохранение мною портфеля министра финансов в новом кабинете г. Столыпина. Меня искренне тронуло дружеское сочувствие, подсказавшее вам, что лучшим для меня, с личной точки зрения, пожеланием было бы пожелание отдыха. Действительно, я остаюсь у власти, единственно подчиняясь высочайшей воле и голосу долга, и, несомненно, предпочел бы в настоящую трудную эпоху не нести тяжелых обязанностей министра финансов. Если что-нибудь может еще мирить меня с этими обязанностями и облегчать их бремя,—так это сделанное вами, представителем первоклассного банкирского дома в Париже и главою синдиката банкиров, которому Россия обязана своим последним займом, столь лестное для меня заверение, что пребывание мое во главе финансовой администрации не лишено значения благоприятного фактора для поддержания доверия к русским финансам.

Я имел случай сообщить вам о намерении правительства привлечь в состав кабинета общественных деятелей. В настоящее время я должен констатировать , что намерение это не имело успеха, несмотря на самое искреннее желание г. Столыпина осуществить его. Не только г. Столыпин, но и государь император входили в сношение с обще-

---

[1]) Здесь приводится русский текст проекта письма, частью писанный на машинке, частью рукою Коковцева, вшитый в дело непосредственно перед «отпуском» на франц. яз. (*Прим. ред.*).

ственными деятелями, уговаривая их принять назначение на министерские посты. Но лица, с которыми велись эти переговоры, не оказались на высоте патриотической задачи, при чем в объяснение своего образа действий они указывали главным образом на то, что, оставаясь частными людьми и отдав свои силы на то, чтобы подготовить общество к восприятию обещанных реформ, они будут полезнее родине, чем на министерских постах, и что с их стороны было бы даже недобросовестно вступать в министерство в такое время, когда надо не изучать, а действовать, не заниматься мирной творческой работой, а вести непосильную для них активную борьбу за сохранение основных устоев русской государственности. «При современных обстоятельствах,—сказал один из них,—честные бюрократы принесут гораздо больше пользы, чем мало подготовленные общественные деятели».

Таким образом, неуспех привлечения общественных деятелей в состав министерства не может быть приписан недостатку желания или энергии со стороны председателя совета министров. Неверным также является и объяснение, даваемое некоторыми органами печати и видящее в этом неуспехе результат скрытого влияния некоторых наиболее консервативных представителей бюрократического режима. Если только может быть речь о действительно влиятельных членах кабинета, то ими было употреблено все усилие к тому, чтобы облегчить вступление общественных деятелей в кабинет министров.

С большим интересом прочел я мысли, высказанные вами по еврейскому вопросу. Вполне разделяя принципиально ваш взгляд, я считаю однако, что корень еврейского вопроса лежит настолько глубоко и вопрос этот сам по себе представляет такую сложность, что даже если бы можно было указать меру, которая сразу превратила бы всех евреев из революционеров в консерваторов, и если бы этою мерою было уравнение их в правах с остальным населением, то все-таки еще не все затруднения были бы устранены. Тем, кто хорошо знаком с положением еврейского вопроса в России, известно, что обвинение евреев в эксплоатации других классов населения имеет своим источником далеко не односторонность или предвзятость взглядов и является далеко не преувеличением. Равным образом, едва ли одним неполноправным положением евреев может быть объяснено их выдающееся участие в революционном движении и нахождение во главе всех революционных организаций и противоправительственных начинаний.

Что касается собственно еврейского равноправия, то мои взгляды по существу этого вопроса вам известны. Вы знаете, что я вовсе не являюсь принципиальным противником уравнения евреев в правах и что по моей инициативе еще осенью 1904 г. были отменены некоторые из лежащих на них ограничений. И в настоящее время, так же, впрочем, как и большинство членов совета министров,—держусь того взгляда, что давно настала пора упразднить большую часть касающихся евреев исключительных постановлений нашего законодатель-

ства. Но едва ли в интересах самих евреев было бы, чтобы эта мера была проведена с последовательностью, доходящею до полного уравнения их в правах с коренным населением России. Есть вопрос, в котором такое равноправие могло бы скорее оказать вред евреям, чем принести пользу,—это вопрос еврейского землевладения. Нельзя забывать, что евреи составляют всего 7 миллионов из числа 140 миллионов общего населения империи. Уравнение их в правах по владению землей восстановило бы против них массу нуждающегося в земле крестьянского населения и на почве укоренившейся розни и эксплоататорского направления деятельности евреев привело бы к неминуемым и весьма гибельным для евреев-землевладельцев столкновениям с крестьянами.

Но, за исключением этого вопроса, с евреев, конечно, должны быть сняты все путы, связывающие ныне их деятельность. В самом непродолжительном времени я вхожу в совет министров с предложением об отмене всяких ограничений для евреев в смысле занятия торговлею и промыслами и стеснительных постановлений относительно участия их в акционерных предприятиях, а также об отмене закона 3—16 мая 1882 г., пользующегося в среде евреев такою печальною известностью и вносящего в эту среду столько раздражения. Я не знаю, согласится ли совет министров на то, чтобы эти меры были проведены, как экстренные, но, с своей стороны, я полагаю, что они могли бы быть утверждены безотлагательно, не ожидая созыва новой думы.

В утвердительном смысле, по моему мнению, должен быть разрешен и вопрос о предоставлении евреям права повсеместного жительства. Но, в виду особой важности и сложности этого вопроса, представлялось бы наиболее правильным, чтобы правительство взяло на себя только его подробную разработку и составление соответствующего законопроекта, который, предварительно внесения его в законодательные учреждения, следовало бы опубликовать с тем, чтобы заблаговременно подготовить и расположить в пользу правительственных предположений общественное мнение.

Это последнее мнение составляет предмет исключительно личного моего взгляда, и я не имел еще возможности обменяться мыслями с моими коллегами, которые, кстати, еще не находятся в полном комплекте.

В заключение считаю долгом ответить на поставленные мне вами в письме вашем вопросы. 1) Порядок составления и утверждения бюджета на 1907 год не был еще предметом обсуждения в совете министров, но совет, несомненно, в самом близком будущем займется этим вопросом, по которому мной в настоящее время составляется особое представление. Не имея возможности сказать, какое решение будет принято советом, я могу однако совершенно определенно сообщить вам мой взгляд, который я положу в основание моего представления. Взгляд этот заключается в следующем. Так как новая дума будет собрана в самом начале 1907 г., то и бюджет на этот год должен быть

представлен на рассмотрение как думы, так и государственного совета. До утверждения же нового бюджета обеими палатами должна применяться ст. 74 наших основных законов, которая гласит, что в случае неутверждения нового бюджета к началу сметного периода остается в силе бюджет предыдущего года с теми лишь изменениями, какие обусловливаются исполнением последовавших после ее утверждения узаконений. 2) На основании тех же основных законов новые займы после созыва думы должны будут подлежать разрешению обеих палат. Но если бы государство встретило необходимость в займе до созыва думы, то такой заем, на основании статей 45 и 76 основных законов, мог бы быть разрешен его величеством (par voie de decret) по докладу совета министров. Я надеюсь однако, что мы будем избавлены от необходимости прибегать до открытия думы к займам внешним и ограничимся небольшой внутреннею кредитною операциею для специальной цели оказания помощи населению, постигнутому неурожаем. 3) Я не предвижу никаких отчуждений государственной собственности и при этом ни мало не сомневаюсь, что если бы и возник подобный вопрос, то он будет направлен не иначе, как через посредство народного представительства, и, следовательно, до созыва думы во всяком случае решен не может быть.

Примите и пр. *Коковцев.*

3.

Эд. Нецлин В. Н. Коковцеву.

Отель Катр-Сезон.

Мюнхен. 23 августа 1906 г.

Ваше превосходительство.

Вследствие моих переездов ваше пространное письмо от 28—10 с. г. получено мною с некоторым опозданием. Оно представляет столь значительный интерес, что мне захотелось прежде всего познакомить с содержанием его отдельных отрывков некоторых из моих парижских друзей, и до ответа вам выслушать их впечатления, полагая, что ваше превосходительство, помимо моей, интересуется также и оценками других лиц. Об этих мнениях упомяну своевременно.

Прежде всего, позвольте мне, ваше превосходительство, выразить вам мою глубокую признательность как за то, что вы, среди обременяющей вас работы, все же взяли на себя труд написать мне это письмо, являющееся настоящим документом, так и за оказанное мне вами в такой мере доверие. Не могу выразить вам, как я им глубоко тронут; со своей стороны вновь приношу вам уверения в моей совершеннейшей преданности;—располагайте ею в любую минуту,—я почту это за честь. Чрезвычайный интерес представили для нас ваши сооб-

щения о переговорах относительно образования министерства. Они пролили свет на всю эту путаницу самых разноречивых и часто даже недоброжелательных толков, распространявшихся по всей Европе. Данные вами разъяснения доставили истинное удовлетворение; они внушают доверие ко всей предстоящей деятельности правительства Столыпина. Ваше превосходительство не могло не заметить, что в общественном мнении наступило значительное успокоение,—в скором времени, очевидно, удастся восстановить также и доверие рынка.

В еврейском вопросе я разделяю ваши воззрения. Отнюдь не претендуя на достаточную обоснованность своего суждения в столь обширном и сложном вопросе,—я, по натуре, склонен рассматривать его с известной осторожностью и воздерживаться от слишком быстрых, крайних и бесповоротных решений. Мне бы казалось, что министерству следовало бы как можно скорее, еще до созыва думы, пойти на большие уступки, для того, чтобы этим благим начинанием повлиять на исход выборов; однако я понимаю, что, допуская почти полное уравнение евреев в правах, необходимо, при настоящем положении вещей, исключить право приобретения ими земельной собственности. Было бы крайне желательно, чтобы крестьянин, прежде чем вступать в борьбу на равных началах с еврейскими захватными тенденциями, достиг иного образовательного уровня и в нем почерпнул бы силы, необходимые для самозащиты.

Ваше превосходительство, вы не должны быть удивлены тем, что некоторые из евреев, которым я сообщил ваши взгляды по этому вопросу, отстаивают преимущества полного уравнения в правах, ссылаясь как раз на то, что самый раздел земли и последующее приобретение земельных участков земледельцами могут быть особенно облегчены именно благодаря участию в том евреев, как лучше одаренных в коммерческом отношении. Это сделало бы, по их мнению, возможным применение всякого рода индивидуальных комбинаций там, где правильно и методически действующий механизм земельных банков оказался бы неспособным достичь скорейших результатов в силу своей недостаточной гибкости. Перехожу к вопросам, на которые вы, ваше превосходительство, соизволили мне ответить. Представление бюджета на 1907 год на рассмотрение и утверждение думы и государственного совета, в порядке, указанном вашим превосходительством, с временным применением двенадцатых, должно, как мне кажется, вполне удовлетворить самую крайнюю требовательность. Именно так поступают и парламенты западных либеральных государств. Второй вопрос заставляет меня сильно призадуматься не потому, чтобы он мог затронуть как-нибудь и мои личные интересы, но вследствие важности его для ведения финансовых дел вообще. Ваше превосходительство знает, как банкиры, которые, собственно говоря, могут играть лишь роль посредников, соглашаясь на отсрочку, в виду громадности сумм, ревниво следят за тем, чтобы их действительное обязательство было реализовано в кратчайший срок.

Всякий образ действия, ведущий к продлению срока их действительной ответственности, сделал бы, по моему скромному убеждению, совершенно невозможным проведение серьезных операций. Итак, если, с одной стороны, внесение на обсуждение обоих палат парламента еще не заключенной банкирами-контрагентами сделки является несовместимым с парламентским достоинством, при чем совершенно недопустимо также предварительное разглашение условий таковой сделки в процессе парламентских прений, то, с другой стороны, ответственные контрагенты ни за что не согласились бы считать себя связанными известными обязательствами в течение этого длительного обсуждения. Я уже не говорю о технической компетенции парламента. К сожалению, мне неизвестен текст основных законов, согласно коего «займы должны быть *одобрены*» (approuvés), но не означает ли это одобрение скорее утверждение договора, уже заключенного министерством, с согласия его величества в окончательной форме в силу предварительных его полномочий, вотированных парламентом [1]).

Однако и этот порядок представляет большие неудобства для банкиров, так как они, заключив твердое обязательство, несомненно, не захотят ждать с эмиссией до утверждения; они пожелают произвести эмиссию «независимо от утверждения». Что касается третьего пункта, — он является принципиальным разрешением принципиально же поставленного вопроса. Думаю, что конкретное положение это может быть применено к государственному банку, по поводу коего я уже имел честь беседовать с вашим превосходительством; в этом отношении ответ ваш вполне соответствует моменту, так как в Париже как раз в данное время ходят слухи о предполагающемся преобразовании этого учреждения. Сегодня утром я видел заметку в «Temps», которую я позволю себе приложить к настоящему письму. Я не придаю, конечно, большого значения этому сообщению, которое представляется мне совершенно фантастичным, но самое появление его свидетельствует о том, что мысль эта уже проникла в известные слои общества и подвергалась там обсуждению. Если держаться буквально текста вашего ответа, то не остается ничего иного, как только приготовить к созыву новой думы объяснительную записку с основными положениями. Я был к этому вполне подготовлен, но чем больше я размышляю об этом, подходя к делу вплотную, тем сильнее убеждаюсь в том, что дебатирование проекта этого договора в парламенте с рассмотрением его отдельных составных частей сделало бы невозможным самое заключение договора. Этот случай представляет почти полную аналогию с вопросом о займах, затронутом мною выше. Если по зако-

---

[1]) Я знаю лишь одно недавнее исключение из такого порядка—это конверсия итальянской ренты: договор был внесен полностью на рассмотрение обеих палат парламента накануне выпуска займа, но тогда существовала уверенность в немедленном единогласном его принятии, в одном лишь заседании без прений. Подобной вещи нельзя ожидать от молодого, неопытного парламента.

ну недостаточно простого последующего утверждения уже заключенных соглашений, то, может быть, с немедленной ликвидацией государственного банка можно было бы найти выход из этого положения путем заключения совершенно новой, независимой концессии при участии нового государственного банка. Я не знаю, каковы должны быть в таком случае, согласно закона, взаимные компетенции парламента и правительства, но ведь тогда дело касалось бы не отчуждения, а ликвидации,—положения по существу совершенно различные. Необходимость ликвидации могла бы быть решена просто на основании преимуществ, какие она представляет для заинтересованных в деле вкладчиков; что же касается новой концессии, то даже если она и будет внесена в думу, обсуждение ее, как положения совершенно нового, отвлеченного, представляло бы, вероятно, меньше трудностей, чем определение условий продажи весьма значительных ценностей.

Предоставляю вашему превосходительству судить, имеет ли это соображение некоторый интерес.

В заключение беру на себя смелость присоединить подробный отчет о состоянии последнего взноса по займу, не безъинтересный, как мне кажется, для вашего превосходительства. Сожалею, что не имею новейших подробных данных, но могу прибавить, что по полученному мною последнему телеграфному извещению сумма запоздавших взносов исчисляется в 55.717 обязаций, или 28 миллионов номинального капитала. Следовательно, сумма, подлежащая еще взысканию, не превышает 2-х миллионов рублей.

Примите и т. д *Эд. Нецлин.*

4.

В. Н. Коковцев Эд. Нецлину.

С.-Петербург, 22 августа—4 сентября 1906.

Дорогой господин Нецлин!

Я получил ваш ответ на мое длинное письмо от 28—10 августа и спешу выразить вам, как живо я тронут вашим доверием и теми чувствами преданности, которые вам было угодно высказать мне. Неизменно придавая большое значение вашим суждениям, я вижу в в одном месте вашего письма от 23 августа недоразумение, созданное, вероятно, некоторой неясностью в выражении моей мысли: считаю себя обязанным дать вам кое-какие разъяснения по поводу этой части вашего письма.

Я имею в виду выраженное вами сомнение о возможности заключения финансовых сделок при участии представительных учреждений.

Чтобы осветить вам этот деликатный вопрос, я считаю необходимым прежде всего заметить, что наши основные законы со-

держат условия, которые, конечно, должны выполняться буквально и которыми представляется необходимая свобода действий в дальнейшем. Согласно этим законам, представительные учреждения, дума и государственный совет, в отношении кредитных операций выносят постановления лишь по принципиальному вопросу, касательно самой необходимости того или иного займа; они решают, имеет ли государство нужды, которые не могут быть удовлетворены иначе, как посредством займа. Поскольку этот чисто принципиальный вопрос поставлен и разрешен, роль парламента на этом кончается. Все последующее определяется тем порядком, который существовал и до сих пор: министр финансов решает, в какой именно момент должна быть произведена операция, он подготовляет ее без какого-либо нового контроля, путем переговоров с банкирами; вносит результаты этих переговоров на одобрение финансового комитета и представляет, наконец, мнение комитета на утверждение его величества императора.

Итак, стало быть, нет вмешательства палат ни в переговоры о займах, ни в их заключение именно по той простой причине, что в противном случае, как вам самому было угодно заметить, никакое заключение займа не было бы возможно.

В данный момент,—вам это известно лучше, чем кому-либо,—правительство не имеет намерения обращаться к иностранному кредиту, поэтому вопрос этот имеет в настоящее время чисто-академический характер. Тем не менее я счел полезным выяснить его, в виду его важности и высказанных вами по сему поводу соображений.

Примите и т. д. *Коковцев.*

5.

Эд. Нешлин В. Н. Коковцеву.

Париж, 20 ноября 1906 г.

Доверительно.

Господин министр!

Дружеские отношения, в которых я имею честь находиться с вашим превосходительством, обязывают меня сообщить вам сегодня об одном деловом проекте, над которым я с некоторых пор усиленно работаю и который в настоящее время почти закончен.

Вы, вероятно, уже заметили и так же, как и я, следили за той олительной эволюцией, которая стремится переместить финансовый дентр мира из Лондона в Париж, и вам известны те непреодолимые цричины, которыми вызвано это движение. Кроме того, в Англии, как и во Франции, компетентные круги уже начинают отдавать себе отчет во все более намечающемся перевесе парижского рынка в финансовом отношении. Это положение вещей, в силу которого Франции предстоит

сделаться мировым банкиром, несомненно, требует от нее известной подготовки, и крупные кредитные учреждения, как биржа, должны подвергнуться кое-каким преобразованиям и, чтобы оказаться на высоте предстоящего им в будущем положения, расширить свою организацию.

В виду создавшихся условий, Парижский банк считает своевременным, впервые с момента его основания — 40 лет тому назад, — приступить к увеличению своего капитала, который до настоящего времени пополнялся исключительно резервным капиталом.

Вслед затем мы предполагаем приступить к выполнению упомянутого мною в начале письма проекта; последний состоит в создании в Париже крупного частного банка с основным капиталом в 50 миллионов франков, предназначенным исключительно для работы с Северо-Американскими Соединенными Штатами. Сфера его деятельности будет совершенно неограниченна; она может захватывать как область торговли, так равно и промышленности.

Основателями-пайщиками этого предприятия будут: т/д. Кун-Лёб и К° в Нью-Йорке, наши лондонские друзья, société Général в Париже и пр. и пр. Вашему же покорному слуге предложено принять на себя председательство в правлении. Конечно, нельзя сказать, чтобы меня не пугала эта перспектива чрезмерной работы, беспокойства и ответственности, и я смогу справиться с этими обязанностями, лишь освободившись предварительно от некоторой части других, выполняемых мною до сего времени.

Считаю, однако, долгом уверить ваше превосходительство, что, каковы бы ни были мои будущие занятия, преданность моя делам вашего государства останется неизменной. В любое время и при всяких обстоятельствах я сочту за честь предоставить себя к услугам русского правительства и откликнуться на ваше первое же ко мне обращение. Этим положением я обусловил свое согласие на вступление в новое предприятие, о чем считаю необходимым довести до сведения вашего превосходительства.

Примите и пр. *Эд. Нецлин.*

6.

Эд. Нецлин В. Н. Коковцеву.

Париж, 20 ноября 1906 г.

Доверительно.

Ваше превосходительство!

1906 г., бывший столь тягостным для России, близится к концу. Бросая взгляд на прошлое, я с искренней радостью констатирую, что после того, как 3 или 4 месяца тому назад неурядица достигла своего

кульминационного пункта, во всех областях наступило несомненное улучшение. Поворот этот позволяет видеть 1907 год в более обнадеживающем свете, хотя, несомненно, и он принесет свою долю новых забот и всяческих затруднений, требующих своего разрешения. В надежде на то, что ваше превосходительство попрежнему соблаговолит оказывать мне честь своим доверием, я намерен коснуться здесь исключительно лишь финансового вопроса в тех скромных размерах, какими может быть определено мое предстоящее в этих делах участие. Из финансовой проблемы я коснусь лишь сверхсметных расходов, ибо сам бюджет так восхитительно составлен, что даже в самые трудные времена он способен давать излишки, какие неизвестны бюджетам других стран.

Так как ваше превосходительство, несомненно, должно было в общих чертах наметить план обыкновенного и чрезвычайного бюджетов на предстоящий год, я буду особенно польщен и признателен вам, если бы вы могли сообщить мне при случае некоторые сведения о тех путях и средствах, которые вы намерены избрать, чтобы справиться с чрезвычайным бюджетом,—если бы средства эти представляли прямой или косвенный интерес для нашего французского рынка. Во избежание переписки по этому вопросу, я в любую минуту был бы готов проехать в Кельн или Брюссель для выяснения вопроса с одним из представителей вашей канцелярии, если бы ваше превосходительство сочло этот способ наиболее для себя удобным.

Я позволяю себе указать вам на возможность такого способа, ибо вспоминаю при этом соглашение с г. Пуанкаре,—в подобном случае, несомненно, пришлось бы действовать совершенно исключительным образом, требующим длительной подготовки. В соответствии с приведенными соображениями следует упомянуть о состоянии нашего рынка по отношению к 5% займу 1906 г. При совершении эмиссии я высказал вашему превосходительству свое предположение, что окончательное распределение французской доли (tranche française) при нормальных условиях потребует от 8 до 10 месяцев; результаты, достигнутые до сего дня, в условиях, более чем ненормальных, убеждают меня в том, что я был бы недалек от истины, не будь событий конца июня и вызванных ими последствий. Значительной задержкой нашего распределения мы обязаны исключительно упомянутым мною политическим событиям, но отнюдь не исчезновению денег из обращения, — обстоятельство обнаружившееся с конца лета во всем мире, за исключением Франции, у нас же и по сию пору не играющее никакой роли. Я полагаю, что в настоящее время из наших 1.200 миллионов около четверти находится в более или менее спекулятивных руках; однако качество их держателей чрезвычайно улучшилось после последовательной фильтровки, произведенной в течение лета, и я спешу прибавить, что данное положение вещей не внушает мне никакого беспокойства. Эмиссионные банки, вероятно, не согласятся с подобным взглядом на вещи; они захотят придерживаться более точных разгра-

ничений, не лишенных некоторого основания, я же становлюсь в данном случае на обобщающую точку зрения и под нераспределенной частью разумею все то, что еще не перешло в руки капиталистов для твердого держания.

Принимая во внимание пережитые нами обстоятельства, я считаю достигнутый результат высоко удовлетворительным и осмеливаюсь вновь высказать предположение, что если не произойдет каких-либо неблагоприятных для нас политических событий или общего кризиса, наступление коего я не предусматриваю, распределение будет правильно закончено в течение предстоящего лета. До этого времени могущие происходить спекулятивные операции не принесут какого-либо вреда, — как раз напротив: они послужат лишним стимулом к распределению и дадут возможность тем из капиталистов, которые изменили бы свое решение, свободно осуществить свои планы.

Примите и пр. *Эд. Нецлин.*

7.

В. Н. Коковцев Эд. Нецлину.

С.-Петербург, 14—27 ноября 1906 г.

Доверительно.

Мой дорогой друг!

Я получил два ваших последних письма в один день и потому отвечаю на оба одним письмом. Нужно ли говорить, как искренно я приветствую вас по поводу сообщаемого мне вами важного проекта, и сколь сердечны мои пожелания успеха и процветания возникающему предприятию.

Тем не менее я не могу утаить от вас некоторого сожаления, которое я испытываю оттого, что предприятие это предназначено исключительно для работы с чуждой мне страной, в то время как моя собственная, больше чем всякая иная, нуждается в свободных капиталах и представляет собой обширное поле для производительной деятельности под условием правильной организации таковой и проведения ее под руководством умелых и энергичных людей.

Правда, это чувство сожаления несколько смягчается вашим уверением, что независимо от любимых ваших занятий в будущем преданность ваша интересам моей страны останется прежней, и что при всяких обстоятельствах, требующих вашего содействия, интересы эти найдут в вашем лице убежденного и ревностного защитника.

Выраженное мною вам сожаление относится не столько к вопросам финансов и кредита страны, сколько к интересам промышленности, которая именно в настоящее время заслуживала бы исключительного

внимания вашей столицы, все более и более превращающейся в истинный резервуар мирового богатства. Будем надеяться, что Заатлантическая Республика оставит все же место и для Российской Империи (l'Empire des Tsars), и мы не будем вынуждены пользоваться капиталами, не имеющими отношения к вам. Что касается вашего второго письма, то, несмотря на все мое желание информировать вас, я не имел возможность дать вам немедленно более или менее обстоятельного ответа на поднятый вами вопрос.

Вы знаете мое обыкновение — говорить лишь то, за что я могу поручиться, и потому вы поймете и по всей вероятности одобрите, что я предпочитаю ответить вам лишь тогда, когда теперешние мои гипотезы сменятся уверенностью.

Составление бюджета на 1907 год в настоящее время идет хорошо, но есть несколько важных вопросов, главным образом относящихся к расходам военного ведомства, а также связанных с ликвидацией войны с Японией, которые еще настолько неопределенны, что нам понадобится, по крайней мере, от 4-х до 5 недель для окончательного их выяснения.

Вы знаете, что правительство решило внести бюджет 1907 года на рассмотрение думы и государственного совета; для периода же, предшествующего голосованию бюджета обеими палатами, временно принять систему двенадцатых, определяющихся бюджетом 1906 года.

При таких условиях, чем больше мы задержим составление бюджета, тем более он приблизится к действительности и тем менее неожиданностей доставит нам его выполнение.

Тем не менее я могу теперь же формулировать два положения, имеющих значение для тех, кто может по справедливости оценить состояние наших финансов и нашего кредита, — положения, имеющие за собой достаточную вероятность: 1) Не выходя из области предположений, — хотя и достаточно обоснованных, — я думаю, что бюджет 1906 г. не оставит после себя наследия в виде расходов, покрытие коих пришлось бы возложить на 1907 год. Судя по тому, как идет поступление доходов, давших до 1 октября (через 10 — 12 дней я буду располагать данными за октябрь месяц), сверх бюджетных предположений, избыток в 126 миллионов рублей, учитывая притом все расходы вплоть до последних дней, — я надеюсь, что все расходы 1906 года, включая сюда и погашение наших бон и вспомоществование населению пораженных неурожаем местностей, будут покрыты средствами, имеющимися ныне в распоряжении казначейства, и теми, поступление коих ожидается к 1-му января 1907 года.

Если в расчетах моих и имеется какая-нибудь ошибка, таковая, вероятно, выразится лишь в небольшой сравнительно цифре, а потому она может иметь лишь второстепенное значение.

Излагаемые вам мною предположения в достаточной мере объяснят вам, почему я постоянно заявляю, что слухи о переговорах относительно нового займа, это — плод праздного воображения тех, кому

неприятен факт, что на горизонте нашей политической жизни не появляется новых темных пятен.

2) Я принимаю все зависящие от меня меры, чтобы составить обыкновенный бюджет на 1907 год без дефицита, — надеюсь, что это мне удастся.

Вы, вероятно, заметите мне по этому поводу, что все это само собою разумеется, и что вам непонятно, почему достижение этого результата сопряжено с какими бы то ни было усилиями. Прежде чем это сделать, я просил бы вас принять в соображение, что ваш покорный слуга находится в исключительно неблагоприятных условиях, которых отнюдь не знает его более счастливый французский коллега. Я должен составлять бюджет, имея в виду ряд новых расходов, утвержденных в законодательном порядке, еще до думы, которые сохранят и впредь законную силу.

Кроме того, правительство приступает к выполнению обширной земельной программы, которая, при всей моей скупости, потребует в будущем году отпуска значительных кредитов.

Не забудьте также, что колоссальный заем этого года должен обременить бюджет 1907 года суммой в 45 миллионов рублей для уплаты процентов и погашения займа.

Что же касается доходов, как источника покрытия этих расходов, то в этом отношении мы находимся в крайне неблагоприятных условиях. Нам приходится довольствоваться существующими ныне доходами, и мы не можем рассчитывать на новые источники доходов и в будущем году. Я, конечно, позаботился о выработке проектов, вводящих некоторые новые налоги, и часть этих проектов уже была внесена мною в думу до ее роспуска. Остальные же проекты будут внесены в думу после ее открытия. Но мы не сможем воспользоваться ими в 1907 году. Мы не можем предвидеть, когда именно будут рассмотрены думой мои предложения; нельзя рассчитывать, чтобы проектируемые налоги были введены ранее 1908 г.

Таким образом, вы поймете, что, говоря о трудностях составления бездефицитного обыкновенного бюджета, я разумел дело не столь простое, каким оно могло показаться.

Во всяком случае, достижение желаемого результата доставит мне чувство действительного удовлетворения.

Что касается чрезвычайных расходов, то можно считать более или менее установленными две статьи; именно — оказание помощи населению, пострадавшему от неурожая, потребует кредита в 50 миллионов, столько же потребует и начатая уже постройка железнодорожных линий.

Остается установить чрезвычайные расходы по военному ведомству, размера коих я еще себе не представляю, но которые, конечно, не будут иметь ничего общего с расходами, предусмотренными бюджетом 1906 года. Это ведомство имеет очень резонный проект, состоящий в выработке общей схемы всех расходов, необходимых для проведения

реформ и улучшений, требующихся для приведения армии и оборонительных способностей страны в надлежащее состояние, — схему эту предположено внести отдельно от бюджета 1907 г. на рассмотрение думы, с указанием срока, в пределах которого все должно быть выполнено.

Таким образом, бюджет на 1907 г. будет или совсем освобожден от этих расходов, или ему придется иметь в виду лишь незначительную часть таковых, и то с целью не терять времени при организации дела, имеющего величайшее значение для обороны страны.

Вот все, что я могу пока вам сказать. Прошу вас дружески отнестись ко всему сообщаемому мною, предназначенному для вас лично, а также сообщить мне ваше заключение по поводу моих видов и действий.

Примите и пр. *Коковцев.*

Эд. Нецлин В. Н. Коковцеву.

Париж, 4 декабря 1906 г.

Ваше превосходительство!

Ваше уважаемое письмо от 14/27 ноября доставило мне большое удовлетворение, — оно служит новым доказательством вашего благосклонного ко мне доверия; кроме того, оно подтверждает то положение вещей, которое, принимая во внимание пережитые империей в 1906 г. исключительно тяжелые обстоятельства, я не могу охарактеризовать иначе как весьма успокоительным. Я был так захвачен этим блестящим изложением, что счел возможным несколько нарушить сделанную вами пометку «лично» и показал его кое-кому из очень немногих, видных личностей, на которых я вполне полагаюсь; с радостью сообщаю вашему превосходительству, что впечатление, вынесенное ими при этом, было в высшей степени благоприятным. Конечно, при тех многочисленных и непредвиденных крупных расходах, с которыми пришлось иметь дело вашему превосходительству, свести баланс 1906 г., не завещая долга следующему году,—это своего рода tour de force. Этот результат заслуживает восхищения всех друзей России. Но что мне доставило еще большее удовлетворение, — это сделанные вами в общих чертах предположения на предстоящий год.

Конечно, я не отдавал себе ясного отчета в трудностях, возникающих для вас при составлении обыкновенного бюджета. Я не предвидел иного увеличения расходов, кроме возросших платежей по государственному долгу, вследствие нашего займа, и новых расходов в связи с земельным вопросом, — увеличение, которое может быть покрыто повышением доходов; последнее можно рассматривать, как уже достигнутое в максимальной степени.

Если принять в расчет ряд дополнительных кредитов, на которые вы ссылаетесь, то это лишь делает еще более значительной вашу за-

слугу в сведении баланса, в успехе которого я не сомневаюсь. Что касается чрезвычайного бюджета 1907 г., средства и потребности коего мне были совершенно неизвестны, — о нем я, наоборот, не мог думать без некоторого беспокойства. То, что вы изволили мне сообщить по этому поводу, меня совершенно успокоило, ибо какая-нибудь сотня миллионов, с прибавлением даже первых, очень умеренных расходов по проведению плана реорганизации военного дела, вероятно, не выведет вас за пределы внутреннего займа, без необходимости обращаться ко внешнему кредиту. Воздержание от обращения к иностранным рынкам в течение 1907 года имело бы бесспорно благотворное значение для престижа русских финансов и сильнее всяких аргументов содействовало бы восстановлению прежнего доверия к вашим национальным фондам. Кроме того, я думаю, что, в случае непредвиденной необходимости, принимая во внимание, что все выпуски текущего года будут погашены, вашему превосходительству будут предоставлены всевозможные льготы для помещения государственных облигаций.

Примите и проч. *Эд. Нецлин.*

Эд. Нецлин В. Н. Коковцеву.

73, Бульвар Haussmann, Париж, 18 октября 1907 г.

Ваше превосходительство!

Беру на себя смелость сообщить непосредственно вашему превосходительству о предложении, полученном мною сегодня утром из Японии.

Позвольте прежде всего дать некоторые пояснения. Три месяца тому назад Парижский банк и Крезо с одобрения нашего правительства решили отправить в Японию комиссию из финансистов и инженеров, чтобы ознакомиться с проектами устройства коммерческого порта, предназначенного главным образом для подвоза угля, и вместе с тем ориентироваться в делах, затрогивающих интересы банка. Глава комиссии—одно из виднейших должностных лиц Парижского банка,— я придаю большое значение его суждениям. Завязав сношения с влиятельными лицами страны, как официальными, так и частными, мой доверенный сообщает мне о полученном им от уполномоченного на то лица очень конфиденциальном предложении следующего характера. После сдачи Порт-Артура японцы будто бы нашли в эвакуированных магазинах пятьдесят миллионов патронов для пехотных ружей, находящихся и теперь в употреблении. Японцы полагают, что русское правительство было бы склонно выкупить эти запасы, для выработки коих потребовалось бы продолжительное время. Но по вполне понятным соображениям щекотливого характера они не хотели бы вступать в непосредственные переговоры, почему и обратились к нашему представителю. Мне известно, что цена была бы не высока, значительно

ниже стоимости производства, хотя патроны, как утверждают, — в прекрасном состоянии. Я не сомневаюсь, что предложение это, исходящее, как мне сказано, из вполне авторитетного источника, может заинтересовать русское правительство. Во всяком случае, я счел своим долгом сообщить о нем; при этом я решил, что лучше всего представить его на усмотрение вашего превосходительства. В случае надобности в дальнейшем я всецело к услугам вашего превосходительства, и был бы вам признателен, если бы вы соизволили дать мне в ближайшее же время принципиальный ответ, так как меня просили возможно скорее телеграфировать, принят ли этот запрос к рассмотрению. Продающие обязались ждать до получения ответа.

Примите и проч. *Эд. Нецлин.*

Телеграмма В. Н. Коковцева Эд. Нецлину.

Нецлин. Париж.

Я получил ваше письмо от 18 октября. Прошу вас отклонить японское предложение, в виду того, что русское правительство не может его принять.

Коковцев.

Эд. Нецлин В. Н. Коковцеву.

Лично.

73, Бульвар Haussmann, Париж, 11 февр. 1909 г.

Ваше превосходительство!

Я не хотел нарушать вашего кратковременного отдыха своими письмами, ни отрывать вас от неотложных занятий, накопившихся ко времени возвращения вашего превосходительства в С.-Петербург. Но, рассчитывая уехать послезавтра на некоторое время, я позволяю себе до моего отъезда обратиться к вам с этими строками частного характера. Я чувствую себя порядочно утомленным от этой кампании, затянувшейся далеко за нормальные пределы и часто подвергавшей испытанию мою энергию. Я рассчитываю отдохнуть в Греции, проехав через Рим, с расчетом вернуться в Париж к 15 или 20 марта, затем я думаю ненадолго появиться в вашей столице, чтобы засвидетельствовать почтение вашему превосходительству и переговорить с г-м Путиловым относительно Русско-Китайского банка. Последняя стадия наших переговоров оправдала мои предположения, которые я уже имел честь высказать вашему превосходительству. Срок эмиссии и цена ее оказались именно теми, которые я еще раньше указал вашему превосходительству. В вопросе скидки г. Давыдов поступил с нами не вполне хорошо, и мы, скрепя сердце, вынуждаемые обстоятельствами, должны были пойти на последнюю уступку, сознавая, что

нам будет чрезвычайно трудно возместить надлежащим образом расходы синдиката. Правда, что до войны скидка была несколько ниже $3^3/_4{}^0/_0$, но в то время организация еще не столь разрослась и не обходилась в то, во что обходится теперь. Комиссионный процент при биржевых операциях равнялся еще недавно лишь $^1/_2{}^0/_0$, но надо также признать то, что машина далеко не была тогда в состоянии так работать, как работает теперь. Поэтому я думаю, что если бы этой эмиссии было суждено стать последней, то г. Давыдов мог бы гордиться успехами переговоров, но так как я хотел бы, чтобы тесная дружба, связывающая наши страны, продолжалась на долгие времена, и думаю, что в дальнейшем нам предстоят еще другие операции, я считал бы необходимым поддерживать общее довольство и не допускать охлаждения интереса, столь необходимого для совершения больших дел. Во всем остальном, если не иметь в виду этого частного соображения, г. Давыдов завоевал живейшие симпатии во всех кругах.

Что касается самой эмиссии, она причиняла нам минутами сильное беспокойство и немало хлопот, не политического, но финансового и главным образом технического характера. Проведение этой операции, как вашему превосходительству известно, требовало особой осторожности вследствие предоставленных для бон льгот и необходимости использовать эту льготность почти в полном объеме. Она и была использована на $95^0/_0$. Спекулятивные круги имели более чем достаточно времени для скупки бон и такого поднятия их стоимости, которое принудило нас сохранять первоначальную премию в течение всего подписного периода. Отсюда произошло огромное и ни с чем не сообразное сосредоточение бон в руках ни мало не заинтересованных в их удержании. Пришлось их выкупать с премией, и раз синдикат оказался, таким образом, держателем такого огромного количества бумаг стоимостью на $2^0/_0$ превышающей выпускную, то встает вопрос, что с ними делать; задача тем более трудная, что премия тотчас же по прекращении подписки упала до нуля. Если бы мы продолжали их удерживать, это сделалось бы известным и послужило бы поощрением уже начавшейся было игры на понижение. В интересах рынка, поддержания доверия к эмиссии и в особенности к русскому кредиту пришлось включить количество этих бумаг в распределение между подписчиками по выпускной цене, что причинило большой убыток синдикату, так как произведенная им скидка оказалась значительно ниже нормы. Вследствие этой вынужденности, достигнутое в последний момент г. Давыдовым изменение условий и стало для нас особенно чувствительным. Но принятая нами мера (т.-е. распределение купленных бумаг) оказалась спасительной и последствия ее показали скорее даже, чем я мог рассчитывать, что мы поступили правильно, пожертвовав собой. Что касается качества подписчиков, иначе говоря распределения займа, оно оказалось удовлетворительным благодаря особой системе поощрения мелких покупателей, вообще составляющих у нас лучшую клиентуру.

Огромная подписка с уплатой наличными, давшая более полутора миллиарда, — лишь кажущийся успех; по-моему же, это скорее неудобство, выявленное этой операцией с большей наглядностью, чем предыдущими. Люди, мобилизующие такое количество миллионов, что сравнительно легко во Франции, не держат у себя бумаг, они постепенно распродают все скопившиеся у них с премией, сообразно своим представлениям о размерах выгоды. Для них это просто временное помещение капитала, и мы должны стремиться в будущем к искоренению этой неправильности, лишь вносящей путаницу в практический результат. Во время самой подписки мы не раз тревожно задавали себе вопрос, — не наблюдается ли среди настоящей клиентуры русских фондов известной вялости; такое создалось впечатление непосредственно по закрытии подписки, — но я счастлив сообщить вашему превосходительству, что таковой по-моему нет, хотя я и не считаю возможным скрыть от вас, что вообще замечается понижение интереса, и в определенных кругах тенденция к открытию кампании на понижение проявляется сильнее, чем в предыдущих случаях. После этого положение значительно улучшилось, благодаря наличию денег, и теперь оно может быть признано вполне удовлетворительным. В настоящее время продажа в разные руки достигает в среднем 75% из общей суммы в 1.220 миллионов, и так как на этот раз последующая продажа выгодна (так как она может производиться в любой момент с учетом только 2%), то мы можем считать эту часть окончательно распределенной. По причине, только что мною приведенной, в общем количестве еще непроданных бумаг есть часть, которая не должна находиться исключительно в спекулятивных руках, несмотря на то, что рынок полон главным образом скупленными бумагами. Итак, общий результат представляется мне очень удовлетворительным, и нынешний курс рынка оправдывает наши предположения, благоприятствуя также котировке русских бумаг.

Надеюсь, что мое сообщение доставит такое же удовлетворение и вашему превосходительству, и вы соблаговолите признать, что не легко было провести это дело через все подводные камни, встречавшиеся на пути.

Прошу принять и т. д. *Эд. Нецлин.*

В. Н. Коковцев Эд. Нецлину.

Лично.

С.-Петербург, 12/25 февр. 1909 г.

Мой дорогой друг!

Я не ответил тотчас же на ваше письмо от 11 февраля, зная, что меня отделяют 3 или 4 недели от момента вашего возвращения в Париж после столь заслуженного вами отдыха в солнечных странах. Строго говоря, я мог бы написать вам еще позднее с тем расчетом,

чтобы мое письмо дошло в Париж в день вашего возвращения, но я предпочитаю не откладывать своего ответа до этого дня и теперь же под непосредственным впечатлением изложить вам все пережитое мною в связи с только что завершенным нами делом. В одной из моих последних телеграмм я сообщил вам, сколь я счастлив завершением операции; как хорошо я понимал трудность вашей роли в данном деле, отдавая себе отчет в том, что вы сделали для того, чтобы мы, вопреки всем препятствиям, могли бы достичь окончательного результата, хотя результат этот, кажется, не удовлетворяет ни тех, ни других.

В указанных обстоятельствах я счел своим долгом с полной откровенностью сообщить вам те впечатления, под властью коих я живу уже месяц со времени подписания договора.

Вы и ваши друзья, повидимому, не удовлетворены и как будто имеете претензию на г. Давыдова за то, что он настоял на уменьшении скидки на четверть процента, — факт, из коего вы выводите дурные предзнаменования на будущее, предполагая не без основания, что еще не один раз нам придется прибегать к нашим добрым отношениям и что для предстоящих еще операций необходимо сохранение общего довольства.

По справедливости, прошу вас не иметь какой-либо злобы на моего сотрудника г. Давыдова, действовавшего лишь согласно моих инструкций, и считать одного меня ответственным. Благоволите вспомнить, что до отъезда г. Давыдова в Париж я телеграфировал вам, предлагая три альтернативы: 1) фиксация выпускной цены в $89^1/_2{}^0/_0$ с сохранением скидки в $4^0/_0$; 2) понижение выпускной цены до $89^0/_0$ с уменьшением комиссии до $3^1/_2{}^0/_0$ или 3) равномерное распределение разницы между выпускной ценой и размером комиссии. Вы избрали последнюю комбинацию. Поэтому прошу вас устранить всякую досаду по этому поводу.

Если кто-либо и в праве сохранить не слишком розовые воспоминания, то уж это скорее я. Еще в то время, как наши переговоры находились в последней стадии, я уже сообщал вам, что русское общественное мнение было подготовлено к более благоприятным условиям и не одобрило бы тех условий, на принятии которых вы настаивали. С сожалением констатирую, что, как показало последующее, предположения мои оправдались сверх всякого ожидания.

Не буду уж говорить об органах оппозиционной печати, высказывающихся по вопросу о займе с особой резкостью; посылаю вам лишь три статьи «Нового Времени»,—газеты, как вам известно, направления крайне умеренного и почти всегда ко мне благоволившей. Велите перевести эти статьи, прочтите их внимательно и сообщите мне, не было бы ли по-вашему хорошо, чтобы в одной из серьезных французских газет появилась обстоятельная критика этих статей, опровергающая их несправедливые и ложные утверждения.

Ко времени вашего возвращения я пришлю вам перевод объяснения, представленного мною бюджетной комиссии вследствие ее

запроса по поводу займа, которое, как мне кажется, можно было бы использовать для статьи; опубликование этого объяснения я считаю совершенно необходимым как для вас и французского общества, так и для меня. Личный свой интерес я ставлю на последнее место, не потому что я был равнодушен к направленным против меня нападкам, но просто по той причине, что не в силах дать ума тем, у кого его нет.

Статьи эти, должен признаться, мне повредили. Конечно, они пока еще не поколебали моего положения, так как уверен, что я еще не лишен счастья пользоваться полным доверием моего государя, но факт останется фактом. «Новое Время» считается газетой консервативной, и ее отрицательное отношение внушает даже умеренным людям мысль о том, что условия займа крайне невыгодны для России и что, уступая тяжелыми требованиям французского рынка, министр, руководящий финансовой политикой, не сумел или не смог защитить интересов страны. Должен откровенно признаться вам, что наиболее едкие замечания нашей печати как раз направлены против размера комиссии. Ни общественное мнение, ни печать не верят моим утверждениям, что действительные расходы по займу столь значительны, как мы с вами знаем; они не понимают, как могут одни только расходы по эмиссии превышать одну четверть процента; особенно их удивляет сумма издержек в части, предназначенной для выкупа бон казначейства, и они отказываются допустить, чтобы Россия должна была бы оплачивать по вынужденной цене с добавлением комиссии премию за боны, которую ей не пришлось бы выплачивать при расчете наличными. Я сообщаю вам все это единственно для того, чтобы вы знали, какое существует различие в оценке условий нашего займа нашим общественным мнением и прессой, с одной стороны, и моей личной точкой зрения, с другой; последняя, как вы знаете, лишь незначительно отклоняется от внушенной мне вами. Досаднее же всего во всем этом деле то, что я лишен возможности в качестве решающего аргумента сослаться на политическое положение в Европе, заставляющее жить целые месяцы в постоянной тревоге, не зная, что принесет завтрашний день.

Вот, дорогой друг, мало радостные мысли, которые я счел долгом вам сообщить для вашего личного о них суждения. Совесть моя спокойна, и, продолжая видеть политическое положение в том же свете, что и раньше, я нахожу, что это хорошо, что мы покончим с нашей операцией. Я вообще склонен придерживаться изречения: одно—«я держу в руках» стоит двух — «ты будешь это иметь», тем более, что вторая часть его, т.-е. два «ты будешь иметь», по меньшей мере сомнительна.

Распределение займа, судя по котировке, представляется мне удовлетворительным, я желал бы только, чтобы не было больших скачков. Я не был бы доволен ни сильным понижением, ожидать которого у нас нет никакого основания, ни слишком поспешным повышением,

которое доказало бы, что выпускная цена слишком низка. Констатируя удовлетворительность положения я, однако, огорчен тем обстоятельством, что все мои усилия и наша оживленная переписка, иногда даже очень живая и тревожная, в конце концов, привели лишь к тому досадному результату, что операция эта никому не угодила. Будем надеяться, что истина восторжествует, и что вскоре все поймут и признают, что мы совершили дело не слишком плохое для русского кредита. Не могу закончить этого письма, не выразив вам, как я буду счастлив увидеть вас здесь в ближайшее время.

Надеюсь, что ничто не помешает вам в исполнении вашего плана— приезда в нашу столицу.

Пока же примите и пр. *Коковцев.*

В. Н. Коковцев Эд. Нецлину.

С.-Петербург, 7/20 марта 1909 г.

Мой дорогой друг!

В дополнение к моему письму от 11/24 февраля, которое, надеюсь, дошло до вас, посылаю вам в этом же конверте текст объяснений, представленных мною в бюджетную комиссию по вопросу последнего займа на случай, если бы вы нашли в нем что-нибудь пригодное для статьи, о которой я говорил вам в моем последнем письме.

Радуюсь за вас, что вам удалось оторваться от дел и отправиться отдохнуть вдали от волнений, шума, толков и обязанностей, в мирных краях, среди остатков иной цивилизации. Надеюсь, что вы не отказались от своего намерения приехать на несколько дней в С.-Петербург и что мы вскоре будем иметь удовольствие вас видеть.

Прошу вас, дорогой друг, верить моим наилучшим чувствам.

Коковцев.

Эд. Нецлин В. Н. Коковцеву.

Лично.

Париж, 2 апреля 1909. Бульвар Haussmann.

Ваше превосходительство!

Вернувшись в Париж несколько дней тому назад, я спешу поблагодарить вас за ваши письма от 12/25 февраля и 7/20 марта и извиниться за долгое запоздание, причина которого известна вашему превосходительству.

Принимая близко к сердцу мотивы, вызвавшие первое из ваших сообщений, я не хотел откладывать до моего возвращения в Париж исполнения вашего желания относительно помещения на столбцах одной из наших больших газет руководящей статьи, представляющей в истинном свете наше последнее дело; поэтому я сообщил нашей дирекции ваши указания, вместе со статьями, подлежащими переводу. Дирекция, ознакомившись с измышлениями «Нового Времени», переговорила с одним из компетентных в этих вопросах редакторов, но они должны были признать, что ввиду тревожности политического положения, колеблющегося со дня-на-день между самыми оптимистическими надеждами и самым крайним пессимизмом, не представлялось возможным, за отсутствием сколько-нибудь устойчивых данных, сделать определенные выводы. Они нашли более удобным подождать разрешения кризиса и моего возвращения. Таким образом, от появления статей, на которые нам следовало бы ссылаться при их опровержении, мы в настоящее время отделены более чем двухмесячным промежутком. Признаюсь, что и я нахожу крайне затруднительным и мало уместным возвращаться к столь отдаленным событиям. Кроме того, я учитываю здесь и другое затруднение, которое, я убежден, и вы, ваше превосходительство, также признаете основательным.

Статьи, о которых идет речь, с одной стороны, и наша финансовая пресса, с другой, говорят, так сказать, на разных языках; статьи эти допускают такие ереси, что попытки опровергать их в нашей прессе перед публикой, знакомой с операциями, совершающимися на глазах у всех и всем хорошо известными, показались бы ребяческими.

Взвесив все хорошенько, я решил, что, раздувая пепел в Париже, при отсутствии какого-нибудь нового повода для обсуждения этого вопроса, мы допустили бы ошибку. Я хотел бы знать, разделяет ли ваше превосходительство этот взгляд с точки зрения теперешнего состояния петербургского общественного мнения.

Я рассчитывал осуществить свое намерение явиться засвидетельствовать вам свое почтение в первой половине этого месяца, но меня задержало обилие накопившейся здесь работы, а также, несомненно, для вас понятное желание — провести праздник Пасхи с г-жей Нецлин. Кроме того, и г. Путилов, с которым мне необходимо повидаться, чтобы переговорить с ним о делах Русско-Китайского банка, предупредил меня, что его не будет в С.-Петербурге до 20 текущего месяца по новому стилю. Таким образом, я думаю выехать в субботу 17 и быть в С-Петербурге 19 или 20, если я могу рассчитывать на то, что мой приезд в эти дни не слишком потревожит вас среди поглощающих вас занятий.

В ожидании удовольствия посетить вас, прошу ваше превосходительство принять... и т. д.

Эд. Нецлин.

В. Н. Коковцев Зд. Нецлину.

Лично.

С.-Петербург, 21 сентября (4 октября) 1909.

№ 6615.

Дорогой друг!

Уже давно я не давал вам о себе знать, так как был очень занят эти последние месяцы, да и не было ничего выдающегося, что дало бы повод писать вам.

Вы знаете через г. Давыдова мое отношение к вопросу о слиянии Русско-Китайского и Сибирского банков, и мне нечего возвращаться к этому делу.

Я пишу вам сегодня с целью прежде всего сообщить вам кое-какие данные о сметных предположениях на будущий год, — данные, обычно интересующие французское общественное мнение и имеющие известное влияние на наш кредит.

Положение уже достаточно выяснилось, так что я могу преждевременным догадкам русских и иностранных газет, которые вам уже, вероятно, известны, противопоставить более точные данные об условиях, в которых мы представляем на рассмотрение палат проект бюджета на 1910 год.

Хотя казначейство не располагает новыми поступлениями, если не считать незначительной суммы (5 миллионов), которую должен дать новый налог, вотированный в этом году, а также увеличения акциза на табак, которое, впрочем, если принять во внимание условия сбора этих поступлений, скажется лишь на бюджете 1911 года — и, следовательно, в 1910 году мы сможем рассчитывать лишь на прежние источники дохода, — однако, мы могли составить обыкновенный бюджет без дефицита и даже с некоторым излишком над расходами по тем же статьям, приблизительно в сумме 25,5 миллионов. Сравнивая бюджет 1909 года с проектом бюджета на 1910 год, можно с удовлетворением констатировать, что согласно наших предположений увеличение доходов превысит приращение расходов. Таким образом исчезнет несоответствие между возрастанием обыкновенных расходов и доходов, на которое не без основания поспешила указать критика.

Вот, между прочим, некоторые цифры, на основании которых вы можете судить о положении. Мы предвидим на будущий год увеличение доходов по сравнению с 1909 г. в 77 миллионов рублей, в то время, как увеличение обыкновенных расходов исчисляется только в 60 миллионов. Хотя увеличение доходов в 77 миллионов я должен признать значительным, все же можно надеяться, что благодаря превосходному урожаю и подъему, наблюдающемуся в некоторых отраслях промышленности, мы не будем обмануты в своих расчетах. Что касается чрезвычайного бюджета, он выражается в цифрах, менее значительных, чем в 1909 году. Мы предполагаем ассигновать на по-

стройку железных дорог 54 миллиона, вместо 59-ти 1909 года, на обновление военного снаряжения — 50 миллионов вместо 64-х, кроме того 5 миллионов на разные прочие расходы. Для покрытия этих чрезвычайных расходов мы располагаем 10 миллионами чрезвычайных доходов и предполагаемым лишком обыкновенного бюджета: остается, стало быть, около 85 миллионов, которые должны быть добыты посредством кредитных операций. Может случиться, что дума и государственный совет увеличат предполагаемую цифру доходов и уменьшат цифру расходов; может также случиться, что благодаря поступлениям в казначейство в конце года образуются суммы, которые нашими палатами будут также включены в бюджет. В таком случае уменьшилась бы цифра, подлежащая получению путем кредита. Считая, что вам полезно ознакомиться с этими исчислениями, я сообщаю их вам, прежде чем они станут достоянием публики.

Благоволите и т. д. *Коковцев*.

Семейная переписка Романовых.

Центрархив издает здесь последнюю серию писем Николая и Александры Федоровны, хронологически группирующуюся около роковых для них моментов: убийства Распутина и февральской революции. И то, и другое застало их врасплох: убийству Распутина А. Ф. не хотела в первую минуту верить (письмо от 17 декабря 1916 года). Охранное отделение уже в январе докладывало, что «политический момент напоминает канун 1905 года»,—а императрица еще 25 февраля писала: «это *хулиганское* движение, мальчишки и девчонки бегают и кричат, что у них нет хлеба,—просто для того, чтобы создать возбуждение, и рабочие, которые мешают другим работать. Если бы погода была очень холодная, они все, вероятно, сидели бы по домам. Но это все пройдет и успокоится, если только *Дума* будет хорошо вести себя»...

Между тем уже ранее января династия была фактически обезглавлена, ибо ее фактическим главой был в эти последние месяцы, конечно, не Николай, а убитый 17 декабря ст. ст. «старец». Убийство Распутина отнюдь не было «взрывом негодования», как хотели его инсценировать Пуришкевич и К-о. Это был необходимый предварительный шаг к государственному перевороту, для непосредственного осуществления которого были предназначены ген. Крымов и его офицерская банда. Заговорщики прекрасно понимали, что убить Николая одного значило только понапрасну «грех на душу взять». Пока оставалась в живых фурия Царского Села с вдохновлявшим ее хитрым сибирским колдуном, самодержавие было еще более, чем боеспособно. Напротив, убрав «божьего человека», можно было сэкономить два других убийства—растерявшийся Николай, вероятно, обнаружил бы такую же мягкотелость, как 2 марта, а его яростная супруга без Распутина была слишком глупа, чтобы стоило ее опасаться.

Бешеный характер Александры Федоровны как будто нарочно перед революцией показал себя во всей красе. «Кнут», «кулак» и тому подобные, слишком мужские даже для Николая средства воздействия, так и сыплются с ее дамского пера. Вот два-три образчика—из массы. 22 февраля она писала мужу: «Кажется, дела поправляются—только, дорогой, будь тверд, покажи властную руку, вот что надо русским. Ты никогда не упускал случая показать любовь и доброту,—дай им теперь почувствовать порой свой кулак. Они сами просят этого—сколь многие недавно говорили мне: «нам нужен кнут». Это странно, но такова славянская натура—величайшая твердость, жестокость даже — и горячая любовь. С тех пор как они стали теперь «чувствовать» тебя и *Калинина* [1]), они начали успокаиваться. Они должны научиться бояться тебя—любви одной мало». А уже 24-го: «Я надеюсь,

[1]) Протопопова. —*М. П.*

что *Кедринского* [1]) из *Думы* повесят за его ужасную речь — это необходимо (военный закон, военное время), и это будет примером. Все жаждут и умоляют тебя проявить твердость». Раньше она была несколько более милостива: «Спокойно и с чистой совестью перед всей Россией я бы сослала Львова в Сибирь (так делалось и за гораздо менее важные проступки), отняла бы чин у *Самарина* (он подписал эту московскую бумагу), — *Милюкова Гучкова и Поливанова*—тоже в Сибирь. Теперь война, и в такое время внутренняя война есть высшая измена. Отчего ты не смотришь на это дело так, я право не могу понять». (Письмо от 14 декабря 1916 года.) Но смысл вечного припева всегда один и тот же: «Будь Петром Великим, Иваном Грозным, императором Павлом—сокруши их всех» (там же).

Но от нее шел только темперамент—ум был у Распутина. Печатаемая переписка лишний раз подтверждает, насколько убиравшие Распутина перед переворотом были, с точки зрения своей стратегии, правы. Александра Федоровна не видела революции даже 25 февраля,—«старец» предвидел ее за много месяцев. Еще в начале декабря императрица писала мужу: «Наш Друг говорит, *«что пришла смута, которая должна была быть в России во время или после войны, и если наш (ты) не взял бы места Ник. Ник., то летел бы с престола теперь»*. Вероятно, вполне правильна была и последняя мысль: Николай «большой» вполне способен был возглавить переворот против Николая «маленького», если бы к моменту созревания заговора он был на месте.

Сибирский крестьянин командовал над слабовольной и слабоумной четой по своего рода «естественному праву». Если и он не мог спасти Романовых, то потому, что одной «русской смекалки» было мало, чтобы справиться с невообразимо трудным положением, созданным войной. Тут нужно было государственного человека,—а единственный, которым располагала империя к началу войны, умер еще в 1915 году, к великой радости Николая...

М. Покровский.

ОТ РЕДАКЦИИ.

Печатаемые ниже письма представляют собой часть обширной переписки Николая и Александры Романовых, охватывающей период с конца 80-х г.г. прошлого столетия по 7 марта 1917 года. Переписка эта хранится в Госархиве РСФСР, и вскором времени будет выпущена Центрархивом отдельным изданием в 4-х т. т. (третий том уже вышел в свет).

При печатании писем Александры Романовой сохранена их нумерация (№№ 631—653; письмо № 649, отправленное в дни революции, вероятно, пропало в пути; письма Николая Романова не нумерованы). Перевод большей части писем и телеграмм с английского языка, на котором они написаны, сделан С. Г. Займовским. К сожалению, ко времени печатания «Переписки» в распоряжение редакции «Красного Архива» еще не поступили телеграммы Александры Федоровны за 1917 г. Русские слова, встречающиеся в тексте, печатаются курсивом, подчеркнутые слова и выражения—в разбивку. К «Переписке» прилагается в конце тома объяснительный указатель имен, встречающихся в тексте. Не удалось расшифровать только около полудесятка кличек, под которыми б. императрица скрыла несколько лиц в мартовских письмах 1917 года, как напр., «Красная Шапка», «Цветущий» и др.

Текст «Переписки» подготовил к печати А. А. Сергеев.

---

[1]) Вероятно, Керенского.—*М. П.*

Переписка Николая Романова с Александрой Федоровной.

№ 631. *Царское Село. 4 декабря 1916 г.*

Прощай, бесценный и ненаглядный мой! Как нестерпимо отпускать тебя—больнее чем когда-либо—после тех тяжелых дней, которые мы провели в борьбе! Но господь, который весь любовь и милосердие, помог, и наступил уже поворот к лучшему. Еще немного терпенья и глубочайшей веры в молитвы и помощь нашего Друга [1]), и все пойдет хорошо! Я глубоко убеждена, что близятся великие и прекрасные дни для твоего царствования и России. Только сохрани бодрость духа, не поддавайся влиянию сплетен и писем — проходи мимо них, как мимо чего-то нечистого, о чем лучше немедленно забыть. Покажи всем, что ты властелин, и твоя воля будет исполнена. Миновало время великой снисходительности и мягкости—теперь наступает твое царство воли и мощи! Они будут принуждены склониться пред тобой и слушаться твоих приказов, и работать так, как ты хочешь и с кем ты назначишь. Их следует научить повиновению. Смысл этого слова им чужд: ты их избаловал своей добротой и всепрощением. Почему меня ненавидят? Потому, что им известно, что у меня сильная воля и что когда я убеждена в правоте чего-нибудь (и если меня благословил *Гр.*) [2]), то я не меняю мнения, и это невыносимо для них. Но это—дурные люди. Вспомни слова m-r Филиппа, когда он подарил мне икону с колокольчиком. Так как ты очень снисходителен, доверчив и мягок, то мне надлежит исполнять роль твоего колокола, чтобы люди с дурными намерениями не могли ко мне приблизиться, а я предостерегала бы тебя. Кто боится меня, не глядит мне в глаза, и кто замышляет недоброе—те не любят меня. Вспомни о «черных» [3]), затем об Орлове и Дрентельне—Витте—*Коковцеве—Трепове* (я тоже это чувствую)—*Макарове—Кауфмане—Софье Ивановне—Мари—Сандре Оболенской* и т. д. Хорошие же люди,

---

[1]) Григорий Распутин.

[2]) Он же.

[3]) Вел. княг. Анастасия и Милица Николаевны, урожденные княжны черногорские; первая—жена вел. кн. Николая Николаевича, вторая—вел. кн. Петра Николаевича.

честно и чистосердечно преданные тебе, любят меня: посмотри на простой народ и на военных, хорошее и дурное духовенство—все это так ясно, а потому это не огорчает меня больше так, как когда я была моложе. Но когда люди позволяют себе писать тебе или мне гнусные, дерзкие письма,—ты должен карать. А. [1]) рассказала мне относительно *Балашева* (я никогда не любила этого человека).

Теперь я понимаю, почему ты так ужасно поздно лег спать, и почему я испытывала такую тоску и тревогу, поджидая тебя. Пожалуйста, милый, вели Фредериксу написать ему строгий *выговор* (он и *Ник(олай) Мих(айлович)* и *Вас(ильчиков)* заодно в клубе). У него такое высокое придворное звание, и он смеет писать, когда его о том не просят! И это не в первый раз—в былые дни, я помню, он поступал так же. Разорви это письмо, и дай твердый отпор. Вели *Воейк(ову)* напомнить об этом старику—такой щелчок будет чрезвычайно полезен самодовольному члену Государственного Совета. Мы не можем позволять, чтоб нас топтали. Твердость прежде всего!—Теперь, когда ты назначил сына *Трепова* адъютантом, ты тем более можешь настаивать на том, чтоб он работал вместе с *Протопоповым*—он должен доказать свою благодарность.—Не забудь воспретить *Гурко* болтать и вмешиваться в политику—это погубило *Никол(ашу)* и *Алекс(еева)*. Последнему бог послал болезнь, очевидно, с целью спасти тебя от человека, который сбился с пути и приносил вред тем, что слушался дурных писем и людей, вместо того, чтобы следовать твоим указаниям относительно войны, а также и за его упрямство. Его тоже восстановили против меня—сказанное им старику *Иванову* служит тому доказательством.

Но все это скоро минует. Все начинает проясняться, как и погода, что служит хорошим предзнаменованием, помни.

И наш дорогой Друг так усердно молится за тебя—близость божьего человека придает силу, веру и надежду, в которых так велика потребность. А иные не могут понять твоего великого спокойствия и потому думают, что ты не понимаешь, и стараются тебя нервировать, запугивать, уязвлять. Но им это скоро надоест. Если дорогая матушка станет тебе писать, помни, что за ее спиной стоят the Michels [2]), не обращай внимания и не принимай этого близко к сердцу. Слава богу, ее здесь нет, но добрые люди находят способы писать и пакостить.—Дела начинают налаживаться—сон нашего Друга так знаменателен! Милый, побывай у иконы *Могилевской* божьей матери—ты там обретешь мир и крепость. Загляни туда после чая, перед приемом, — возьми туда Бэби [3]) с собой—там так покойно, и вы можете там поставить свечи. Пусть народ видит, что ты—царь-христианин,—не смущайся,—такой пример принесет пользу другим.

---

[1]) Аня—Анна Алекс. Вырубова, фаворитка царской семьи и друг Распутина.
[2]) Михайловичи? Вел. князья Ник. Мих., Сергей Мих. и др.?
[3]) Наследник Алексей Николаевич.

Как-то пройдут эти одинокие ночи? Не могу себе этого представить. Как отрадно было крепко держать тебя в объятиях—это утишало боль души и сердца, я старалась вкладывать в ласки всю свою безграничную любовь, молитвы, веру и крепость! Ты мне невыразимо дорог, супруг мой любимый! Я разделяю твои горести и радости и готова за тебя умереть. Благослови, боже, тебя и мое сокровище—Бэби! Крепко вас целую. В минуту грусти пойди в комнату Бэби и спокойно посиди там немножко с милыми людьми, его окружающими. Поцелуй любимую детку—у тебя на душе станет теплее и спокойнее. Всю мою любовь отдаю тебе, солнце жизни моей.—Спи спокойно, душой и сердцем я с тобой, мои молитвы витают над тобой. Бог и святая дева н и к о г д а не покинут тебя!

Навеки всецело

Твоя.

Телеграмма № 22.

Царское Село—Бологое. 4 дек. 1916 г.
20 ч. 4 м.—20 ч. 40 м.

Его величеству.

Очень скучаем. Мысли вместе, молитвы—крепко вас обоих целуем. Спите хорошо. Была у *Знамени* [1]), принимала; будем вечером в лазарете. Господь с вами. Все хорошо, нежное спасибо маленькому за письмо [2]).

Аликс.

В поезде. 4 декабря 1916 г.

Нежно любимая душка Солнышко,

Не читал твоего письма, так как люблю это делать в постели перед сном. Но я заранее благодарю тебя за всю любовь и доброту, которая излита там. Я сдам это письмо в Тосно и надеюсь, что оно дойдет до тебя сегодня вечером.

Да, эти дни, проведенные вместе, были тяжелы — но т о л ь к о благодаря тебе я их перенес более или менее спокойно. Ты такая сильная и выносливая—восхищаюсь тобою более, чем могу выразить. Прости, если я был не в духе или несдержан, иногда настроение должно прорваться!

Конечно, было бы счастьем, если бы мы могли оставаться вместе все это трудное время. Но теперь я твердо верю, что самое тяжелое позади, и что не будет уже так трудно, как раньше. А затем я намереваюсь стать резким и ядовитым.

---

[1]) Знаменская церковь в Царском Селе.

[2]) Телеграмма на русском языке.

Бог даст, наша разлука не будет долгой. В мыслях я всегда с т о б о ю, никогда не сомневайся в этом.

От всего любящего сердца обнимаю тебя и девочек. Будь здорова и тверда, моя дорогая птичка, моя единственная и мое все!

Спи спокойно и сладко.

Твой навеки
старый муженек
Ники.

Передай ей [1]) мой привет.

Телеграмма № 23.

Царское Село—ст. Смоленск. 5 дек. 1916 г.
9 ч. 55 м.—10 ч. 30 м.

Его величеству.

Страшно обрадована дорогим неожиданным письмом. Горячо благодарю. Спала так себе. 5 градусов. Так пусто. Все крепко вас обнимаем. Храни бог [2]).

Аликс.

Телеграмма № 163.

Смоленск Алекс. ж. д.—Царское село. 5 декабря 1916 г.
11 ч. 35 м.—12 ч. 6 м.

Ее величеству.

Оба благодарим за дорогие письма. Едем хорошо. Погода светлая. 1° мороза. Нежно обнимаем.

Ники.

№ 632. *Ц. Село. 5 декабря 1916 г.*

Дорогой мой,

Из глубины моей любящей души шлю тебе самые горячие, сердечные пожелания ко дню твоих именин и благословляю тебя. Да будет Николай угодник особенно близок к тебе и да хранит он тебя! Солнышко желает тебе всего, чего только может тебе пожелать преданное, любящее сердце. Крепости, стойкости, непоколебимой решимости, спокойствия, мира, успеха, больше солнца—и, наконец, отдыха и счастья после твоей трудной, тяжелой борьбы! Мысленно крепко при-

---

[1]) А. А. Вырубовой.
[2]) Телеграмма на русском языке.

жимаю тебя к сердцу и кладу твою милую усталую голову на мою грудь. Вместе с пламенем свечей, мои молитвы о тебе устремляются ввысь. Вечером пойду в церковь, и завтра также. (Наши придворные будут там приносить поздравления после обедни.)—Как тебя отблагодарить за неожиданную, г л у б о к у ю радость, доставленную твоим милым письмом—оно, как теплый солнечный луч, согрело мое одинокое сердце!—После того, как вы оба уехали, я отправилась к *Знаменью*. Затем приняла *Ильина, Всевол.* из моих *п. складов, Баграт(иона) М. из Дик. Див.* [1])—он постарается повидать тебя в *Ставке*—страшно интересно все, что он рассказывает о подчиненных ему племенах и об *абреках*, которые прекрасно себя ведут.

После обеда пошла в лазарет, чтобы забыться. Благодарю бога, что могла быть тебе хоть сколько-нибудь полезной. Ты тоже, мой дорогой, будь тверд и непоколебим, прояви свою волю словом и делом. Н е п о д ч и н я й с я человеку, подобному *Трепову* (которому ты не можешь доверять, которого ты не уважаешь). Ты сказал свое слово и выдержал борьбу из-за *Протопопова*—и не напрасно же мы столько выстрадали—держись его, будь стоек, не поддавайся, а то не знать нам больше покоя! В будущем они станут еще сильнее к тебе приставать, так как они видят, что им удается добиться твоего согласия путем настойчивого упорства. Так же упорно, как они, т.-е., как *Тр(епов)* и *Родз(янко)* (со всеми злодеями) на одной стороне,—так я в свою очередь стану против них (вместе с святым божьим человеком) на другой.—Не поддерживай их—держись нас, живущих исключительно для тебя, Бэби и России. Милый, верь мне, тебе следует слушаться советов нашего Друга. Он т а к горячо денно и нощно молится за тебя. Он охранял тебя там, где ты был, только Он,—как я в том глубоко убеждена и в чем мне удалось у б е д и т ь Эллу,—и так будет и впредь—и тогда все будет хорошо. В «Les Amis de Dieux» один из божьих старцев говорит, что страна, где божий человек помогает повелителю, никогда не погибнет. Это верно—только нужно слушаться, доверять и спрашивать совета—не думать, что Он чего-нибудь не знает. Бог все Ему открывает. Вот почему люди, которые не постигают Его души, так восхищаются Его удивительным умом—способным все понимать. И когда Он благословляет какое-нибудь начинание—оно удается, и если Он рекомендует людей, то можно быть уверенным, что они хорошие люди. Если же они впоследствии меняются, то это уж не Его вина—но Он меньше ошибается в людях, нежели мы—у Него *жизн. опыт*, благословенный богом. Он умоляет, чтобы скорее сменили *Макарова*—и я вполне с Ним согласна. Я сказала Шт(юрмеру), что он напрасно его рекомендовал; я ему говорила, что это далеко не преданный человек, и что т е п е р ь с а м о е г л а в н о е —найти д е й с т в и т е л ь н о преданных людей, на деле, а не только на словах, и что мы должны за них крепко держаться. Не позволяй

[1]) «Дикой дивизии»—кавказская туземная конная дивизия.

Треп(ову) вводить тебя в заблуждение насчет людей. *Прот(опопов)* и *Шахов(ской)* всецело наши, т.-е., я хочу сказать, беззаветно преданы и любят нас честно и открыто. А также *Добров(ольский)*. Если бы завернул *Ник(олай) Мих(айлович)* (от чего упаси, господи), будь строг и пробери его за его письмо и поведение в городе.—Отсылаю тебе бумагу *Григоровича*, которая была мне доставлена.

В 11 была у *Знаменья* (кот. я теперь люблю больше, чем когда-либо), затем в лазарете—долго там посидела. Сейчас предстоит принять 4 офицеров, затем мы все поедем кататься в санях. Павел будет к чаю, затем *Погул(яев)*, затем церковь, а вечером повидаю нашего Друга, что придаст мне сил. Мой дух бодр, и я живу для тебя, для тебя, для одного тебя — для меня ты все! — Интересно бы знать, сделаешь ли ты смотр Георгиевскому полку. Это было бы так славно—если не 6-го, то в какой нибудь другой день. Даки едет сегодня вечером повидаться с Мисси и, быть может, отвезет всех детей обратно — смотря по обстоятельствам.

Теперь должна кончать. Спи тихо и спокойно, мой ангел. Святая дева да хранит тебя, а *Гр.* молится за тебя и мы все также.

Осыпаю тебя нежнейшими, страстными поцелуями. Жажду быть с тобой и помочь тебе нести твой тяжелый крест.

Бог да благословит и хранит тебя, мой Ники!

Навеки преданная тебе твоя

Женушка.

Надеюсь, что эта книга тебе понравится. Подушки предназначаются для твоего дивана—он такой пустой. Пепельницы—для обеденного стола или поезда.—Я п о с т о я н н о с тобой, принимаю во всем участие—наступают хорошие дни, наступил поворот к свету.

Телеграмма № 1.

Ставка—Царское Село. 5-XII—1916 г.
17 ч. 43 м.—18 ч. 20 м.

Ее величеству.

Прибыли благополучно. Прекрасный, ясный вечер; два градуса мороза. Еще раз сердечно благодарю за дорогое письмо. Надеюсь, чувствуешь себя хорошо. Целуем оба нежно.

Ники.

Телеграмма № 32.

Царское Село—Ставка. 5 дек. 1916 г.
20 ч. 22 м.—22 ч.

Его величеству.

Горячее спасибо за обе телеграммы. Только что вернулась из церкви. Мы все пятеро шлем вам наши самые нежные и горячие пожелания, благословения и поцелуи. Спите хорошо, дорогие.

Аликс.

Телеграмма № 38.

Царское Село—Ставка. 6 дек. 1916 г.
8 ч. 29 м.—10 ч. 10 м.

Его величеству.

Доброго утра, дорогой. Желаю тебе встретить счастливо этот великий день еще много раз. Нежно обнимаю и благословляю. Вчера вечером много думала о тебе. Спокойного, хорошего настроения! Чувствовали тебя с нами. Крепко целую вас обоих.

Аликс.

Телеграмма №-12.

Ставка верх. главн.—Царское Село. 6-го декабря 1916 г.
9 ч. 49 м.—10 ч. 50 м.

Ее величеству.

Сердечно благодарю за пожелания и подарки. Малютка вручил их мне от имени всех вас вчера вечером. Ясная, ветреная погода. В мыслях и молитвах с вами. Нежно обнимаю.

Ники.

Телеграмма № 40.

Царское Село—Ставка. 6 дек. 1916 г.
10 ч. 26 м.—12 ч. 50 м.

Его величеству.

Сегодня старый Танеев празднует двадцатилетие своего управления твоей канцелярией. Не пошлешь ли ты ему телеграмму? После обедни у нас завтракают свои. Сердцем и душою с тобой. Благословляю и целую обоих.

Аликс.

№ 633. *Царское Село. 6 декабря 1916 г.*

Дорогой мой ангел,

Желаю тебе еще много раз счастливо отпраздновать этот день—нежно благословляю и шлю сердечные, горячие пожелания счастья и благополучия! Так грустно, что мы не вместе проводим твои именины—впервые за 22 года! Но для пользы дела ты должен был уехать, а потому я, конечно, и не думаю роптать.

Все покрыто чудным снегом и 5° мороза. Мы вчера покатались в санях, хотя дорога все еще не гладкая.—Б. [1]) явилась, такая досада!

Павел пил с нами чай и был мил. Я телеграфировала тебе относительно папа *Танеева*—20 лет, как он стоит во главе твоей канцелярии. Она [2]) это случайно узнала, так как ему там устраивают большой завтрак. Мы провели вчерашний вечер уютно и мирно в маленьком доме. Милая большая *Лили* тоже пришла туда попозднее, а также и *Муня Головина*. Он [3]) был в хорошем, веселом настроении.—Видно, что Он все время думает о тебе, и что все теперь хорошо пойдет. Он беспокоится по поводу предстоящего приезда туда *Трепова*, боится, что он снова тебя расстроит, привезет ложные сведения, я хочу сказать—новости, и подсунет своих кандидатов.—Возьми кого-нибудь на его место для путей сообщений. Жаль, что ты не одобряешь *Валуева*—это очень честный и верный человек. Затем п о с к о р е е отделайся от *Макарова*, не мешкай (прости меня). Мне лично хотелось бы, чтоб ты взял *Добровольского*—повидимому, история, рассказанная тебе *Треповым*—не верна (есть однофамилец его—тоже сенатор). Посылаю тебе выдержку из газеты, списанную ею [4]), относительно случая, разыгравшегося между *Треповым* и милым *Добровольским*. Он предполагает, что это акт мести.

Но *Калинина*—оставь. Оставь его, дорогой мой! Я знаю, что надоедаю тебе, прости меня, но я ни за что бы этого не делала, если бы не боялась, что ты снова станешь колебаться. Держись своего решения—н е п о д д а в а й с я. Как можно колебаться между этим простым, честным человеком, который так горячо нас любит, и *Треповым*, которому мы не можем доверять, ни уважать, ни любить, а наоборот?—Скажи ему, что этот вопрос исчерпан, что ты з а п р е щ а е ш ь ему вновь касаться его и вести совместную игру с *Родзянко*, который добивается отставки *Протопопова*. Он служит т е б е, а не *Родзянке*, и раз ты сказал, что ты н е с о б и р а е ш ь с я его отставить, он обязан работать с ним. Как он смеет итти тебе наперекор—ударь кулаком по столу! Не уступай (ты говорил, что в конце концов тебе придется это сделать)—будь в л а с т е л и н о м, слушайся твоей стойкой женушки и нашего Друга, доверься нам! Погляди на лица *Калинина* и *Трепова*—ясно видна разница—белое и черное, пусть твоя д у ш а читает вернее.

Снег все падает. Все же мы собираемся покататься и немного подышать свежим воздухом. Супруги Бенкендорфы, Зизи, Иза, *Наст(енька)*, *Трина*, *Аня*, *Ресин* и *Апраксин* завтракали с нами, и мы пили за твое драгоценное здоровье. Павел тоже был в церкви. Солдаты стояли перед церковью и поздравляли нас. Все мысли мои с тобой. Боюсь, что тебе предстоит очень скучный день с массой

---

[1]) М-me Беккер—интимное выражение.
[2]) Вырубова.
[3]) Распутин.
[4]) Вырубовой.

народу, но я надеюсь, что все же тебе удастся погулять, а Бэби—поиграть в лесу. Поздравляю тебя со всеми полковыми праздниками. Старший полковник 4 стрелкового полка поднес нам букеты. Он говорит, что только-что получил 4-й стрелковый полк и скоро уезжает.— А вы детки мои, большой и малый, как я люблю вас, и сказать не могу!

Вечером пойдем в лазарет.—Наш Друг очень доволен нашими девочками. Говорит, что они для своих лет прошли тяжелые *курсы* и что их души заметно развились. Они, действительно, страшно милы и очень хороши теперь с А. Они разделяли с нами все наши переживания—это научило их правильному взгляду на людей, и в жизни это будет для них очень полезно. Малютка также очень много переживает своей маленькой широко-открытой душой. Я никогда не смогу достаточно отблагодарить бога за чудесное счастие, ниспосланное им мне в твоем лице и в них: мы—одно, что так ужасно редко встречается в наши дни—мы тесно связаны друг с другом.

Получила 2 милых телеграммы из Архангельска от монархической партии. Я ответила с помощью нашего Друга, и Он просит тебя непременно позволить, чтобы телеграммы эти были напечатаны. Скажи Фред(ериксу), чтоб он дал им на то разрешение, а также, чтоб поместили первую их телеграмму и мою в «Новом Времени».—Это откроет людям глаза и будет противодействием письму кн. *Вас.* (которым m-me Зизи страшно возмущена и шокирована). Это будет также щелчком для старого гнусного *Балашева*.— Хорошее наступает, и пусть *общество и Дума* видят, что Россия любит твою старую женушку и стоит за нее всем им наперекор.— Зизи очень восхищалась их трогательной телеграммой. Я нарочно ответила самолично.

Так приятно, что идет снег—Николай угодник благословляет моего ненаглядного.—Прощай, мой Солнечный Свет, обожаемый муж, люблю тебя, люблю тебя, жажду твоих поцелуев и ласк, прижимаю тебя к моему горячему сердцу.

Твоя до смерти и навеки.

6-е дек. 1916 г.

Дорогая моя,

Большое спасибо за твое милое, доброе письмо, а также за вчерашние подарочки и за те, которые пришли сегодня с твоим письмом!

Я упивался каждым нежным словом, написанным тобой.

Утром мы, по обыкновению, ходили в церковь, и, возвращаясь, я видел всех офицеров и солдат, выстроенных вдоль нашего пути. Сегодня их праздник, и я их поздравлял.

После этого я принимал штабных, а потом прослушал обычный *доклад*, на этот раз короткий, так как я вчера вечером говорил с *Гурко*.

Мы только что позавтракали.—Здесь чудная погода, масса снегу

и такой легкий, сухой воздух. Путешествие прошло очень хорошо. Мы все в поезде спали бог знает до какого часа. С А. [1]) гулял на каждой станции.

С восхищением прочел «The wall of partition» и почувствовал себя отдохнувшим после такой книги.

Масса телеграмм по обыкновению.

Ольга будет обрадована и удивлена по случаю назначения ее шефом *2-го Кубанск. пластунского батальона*. Я вспомнил, что два из них не имели шефов; я счел правильным дать ей 2-й, а Борису, который их всех там видел, 5-ый бат.

Ну, прощай, моя душка. Да благословит бог тебя и девочек!

Горячо целует тебя твой старый

Ники.

Телеграмма № 33.

Ставка—Царское Село. 6 декабря 1916 г.
22 ч. 17 м.—23 ч. 20 м.

Ее величеству.

От всей души благодарю тебя и детей за письма и игры. Благослови тебя бог. Спи спокойно.

Ники.

№ 634.

Ц. Село. 7 декабря 1916.

Любимый мой!

Ты не можешь себе представить радость Ольги, когда она получила твою телеграмму: она вся покраснела и была не в силах прочесть ее вслух. Она сегодня сама тебе напишет. Горячее спасибо, родной, за такой великолепный сюрприз—ей, да и сестрам, казалось, будто это день ее рожденья. Она тотчас же послала телеграмму своим *пластунам*.

Получил ли ты известия от Кирилла? До сих пор нет ответа на мою телеграмму, отправленную 5-го вечером.

Оказывается, Ирина опять больна, а потому Ксении пришлось отложить предполагавшуюся поездку в Киев. Так грустно за бедную дорогую матушку. Мои Сибиряки поздравляют тебя, а также *Катя Озерова*.

5° мороза. Похоже, словно опять снег пойдет, очень пасмурно.— Увы, мы очень плохо слышали голос Бэби по телефону. У Жильяра голос ниже, а потому лучше доносится. Надеюсь, что ты не слишком утомился и скучал вчера. Начал ли ты снова принимать иодин? Мне думается, это было бы тебе полезно. Я теперь всегда в 11 хожу к *Зна-*

[1]) Алексей Николаевич, наследник.

менью, затем в лазарет, так как там немного раненых, и таким образом успеваю позаняться своими бумагами. Милый, распорядился ли ты, чтобы *Балашеву* был послан *выговор?* Пожалуйста, распорядись об этом, это самое меньшее, что ты можешь сделать!— Осыпаю тебя поцелуями за твое милое письмо. Я не думала, что у тебя найдется время написать. Видела *Коленкина* в госпитале. Он целых 9 месяцев не был в отпуску. Они уже уехали и снова сидят в своих окопах.

Не могу больше писать сегодня, любимый мой ангел.—Только об одном прошу тебя: отложи свидание с *Треповым*—я так боюсь, что он будет приставать к тебе и заставит тебя принять решения, на какие ты в спокойную минуту не пошел бы. Будь тверд насчет *Калинина*, ради нас самих.

Распорядился ли ты о том, чтобы эта чудная телеграмма была напечатана? Она исключительно трогательно составлена и возымеет хорошее действие, как говорит *Танеев* и др.

Благословляю и целую без счета.

Вся твоя *Солнышко*.

Телеграмма № 64.

Царское Село—Ставка. 7 дек. 1916 г.
14 ч. 37 м.—15 ч. 15 м.

Его величеству.

От всего сердца благодарю вас обоих, дорогие, за милые письма. Счастлива ими. Снежок, мягкая погода. После госпиталя едем кататься в санях. Все крепко обнимают.

Аликс.

7 декабря 1916 г.

Мое милое Солнышко,

Бесконечно благодарен за твое милое письмо. Скажу Фред(ериксу) про телеграммы, полученные тобою из *Астрахани* [1]). Этот человек мне часто телеграфирует. Я помню—еще в те времена, когда был жив *Столыпин*,—он посылал мне такие доброжелательные телеграммы. Он же не одобрял речи *Шуваева* и *Григоровича* в *Думе*.

Вчера я был завален телеграммами; так как они не были запрещены, пришло огромное количество. Я еще не кончил отвечать.

Кинематограф был крайне интересен вчера вечером. Мы, наконец, знаем, кто эта «таинственная рука».

Ее кузен и жених, поверишь ли? По этому случаю в театре царило большое возбуждение.

---

[1]) Так в оригинале.

17 дек. все главнокомандующие приезжают сюда на военный совет, так как пора готовить наши планы на будущую весну. Надеюсь, что смогу на следующий день выехать домой!

Будь уверена, моя любимая, что я буду знать, к а к ответить Трепову, когда он явится.

По вечерам я наскоро прочитываю несколько глав твоей английской книги; это очень освежает мозг.

Да благословит бог тебя, родная, и девочек!

Нежно целую вас всех и остаюсь нежно любящий тебя твой муженек

Ники.

Телеграмма № 64.

Ставка верх. главн.—Царское Село. 7 декабря 1916 г. 18 ч. 10 м.—19 ч. 5 м.

Ее величеству.

Очень благодарен за дорогое письмо. Много снегу. 8 гр. мороза. Мысленно вместе. Оба нежно целуем.

Ники.

№ 635. *Ц. Село. 8 декабря 1916 г.*

Солнышко мое любимое,

Представляю себе, как у вас там холодно,—а здесь 5° мороза, днем понижается до 3°. Мы собираемся ехать в Новгород, как я тебе уже говорила. Мы сядем в поезд в субботу с ночи, выедем очень рано, в воскресенье утром будем на месте, пробудем там несколько часов, осмотрим церкви, и думается мне, несколько госпиталей, опять домой, проведя ночь в вагоне, а в понедельник утром прямо из вагона отправимся в лазарет,—таким образом, мы не упустим дела.—Я пошлю за *Ресиным* и все ему скажу. Не помню, кто там губернатором,—на этот раз не стану делать из этого тайны, чтоб увидеть побольше народа. Но я всегда т а к робею без тебя, мой дорогой!—Мой милый старый кн. Голицын (из комитета о наших военнопленных) в восторге от телеграмм из *Астрахани* [1]) и просил, чтоб они были всюду напечатаны. Другой кн. Голицын *(Харьковский)* выступил в Государственном Совете, и совсем не хорошо, а моего поздравляли с этой речью. Он был вне себя и тоже находит, что таких людей следует лишать придворного мундира. Жаль, что ты не хочешь назначить сейчас *Щегловитова*. Он бы сразу тебе доложил об этом (если бы даже не смог остановить речей), и ты мог бы лишить их придворного звания—сейчас никакая строгость не может быть достаточна. *Балашев* заслужил с т р о г о е порицание—не будь снисходителен и слаб—прости меня, милый.—Г о р я ч е е

[1]) Так в оригинале.

спасибо за твое милое письмо, мой дорогой, т а к а я радость получать от тебя вести!

Мы тоже много раз думали, что «таинственной рукой» мог оказаться жених—воображаю всеобщее волнение!—Вновь увидеть тебя здесь будет таким счастьем! Дорогой мой—только поступи у м н о, вели распустить Думу,—с *Треповым* будь тверд, как кремень, и д е р ж и с ь *Калинина*, верного друга.—Получила милые письма от Виктории и Джорджи. Они горячо благодарят за подарки.

А теперь—прощай, мой друг, сокровище мое. Благословляю и целую тебя без конца. Твоя

Женушка.

Будь стоек—будь властелином!

Телеграмма № 70.

Царское Село—Ставка. 8 дек. 1916 г.
16 ч. 15 м.—16 ч. 42 м.

Его величеству.

От всей души благодарю вас обоих за милые письма. Катались в санях. Нежно целую и благословляю.

Аликс.

Телеграмма № 94.

Ставка—Царское Село. 8 декабря 1916 г.
18 ч. 57 м.—19 ч. 25 м.

Ее величеству.

Большое спасибо за дорогие письма и фотографии. Сын генерала Вильямса скончался от болезни. Он едет на неделю в город. Ясный, холодный день. Нежно целую.

Ники.

8 дек. 1916 г.

Дорогая моя,

Горячо благодарю тебя за милое письмо. Я приму Трепова в понедельник 12 дек. Не мучься, моя дорогая. Теперь я спокоен и т в е р д, и знаю, что отвечать. Он приезжает еще и для того, чтобы здесь решить серьезные железнодорожные вопросы с *Гурко*.

Я передал телеграммы Фред(ериксу). Он просил, раньше чем напечатать их, разузнать о человеке, прославщем их. И я нахожу, что это правильнее. Ответ придет через *Калинина*, так что ты от него можешь узнать раньше и там решить.

По счастью, у меня не много бумаг, но за эти дни мне пришлось принять старого «Dudel» (Адлерберга), *Соловово* и *Озерова*. Книга,

присланная тобою, очень изящно издана. Я рад иметь «*Хаджи Мурата*». Да, я могу представить себе дикий восторг Ольги. *Граббе* и все наши казаки тоже были очень взволнованы. Граббе показал мне Ольгин ответ—очень хорошо!

Каждый вечер наслаждаюсь двумя главами «The wall of part.» и скоро кончу.

Теперь у нас настоящая хорошая зима с массой снегу. Должен кончать. Да благословит бог тебя и девочек!

Горячо целую тебя, Солнышко мое, и бесконечно люблю.

Сердечный привет им и А. Поблагодари ее за письмо и подарок.

Всегда твой старый

Ники.

Телеграмма № 71.

Царское Село—Ставка. 8 декабря 1916 г.
22 ч. 15 м.—23 ч.

Его величеству.

Только что узнала, что старый граф запретил напечатать чудную телеграмму. Это безобразие. Считаю необходимым это сделать после того письма. Пожалуйста, распорядись. Спи спокойно. Нежно целую и благословляю.

Аликс.

Телеграмма № 73.

Царское Село—Ставка. 9 декабря 1916 г.
13 ч. 48 м. —14 ч. 8 м.

Его величеству.

Горячее спасибо обоим дорогим. В мыслях и молитвах всегда вместе. Снежок, мягкая погода. Крепко обнимаю.

Аликс.

Телеграмма № 101.

Ставка—Царское Село. 9 декабря 1916 г.
18 ч. 35 м.—19 ч. 15 м.

Ее величеству.

Горячее спасибо. Приказал старому графу дело относительно телеграмм поручить *Калинину*. Ясно, 7 гр. Оба нежно обнимаем.

Ники.

№ 636.

Ц. С. 9 декабря 1916 г.

Мой ангел,

Большое, большое спасибо за твое милое письмо! Я рада, что тебе нравится эта прелестная английская книга—она действует так освежающе среди забот и огорчений этого мира. Мы сегодня вечером повидаемся с нашим Другом, я очень рада. У бедной Ани вчера страшно болела нога, нечто вроде Drachenschuss'a [1]) и ишиаса,—она кричала от боли. Сейчас у нее Б., она сегодня лежит в постели, а потому я не знаю, сможет ли она завтра ехать. Мы берем с собой Настеньку, *Ресина* и *Апраксина*. Девочки ликуют, так как они любят спать в поезде, но мне будет грустно о д н о й. Так мало сплю, когда тебя нет со мною. Жду *Риттиха*. Приняла *Добровольского*—много говорили о Мишиной *Г. Общине* и о сенате.

Бедный генерал Вильямс, страшно огорчена за беднягу! Пожалуйста, кланяйся бельгийцу от меня. Как идут дела в Румынии и в о о б щ е на войне?

Милый мой, прощай. Бог да благословит и сохранит тебя! Нежно тебя целую. Твоя

Женушка.

Получила письмо от Ирэн. Мосси потеряла двух сыновей, а теперь старшая пара близнецов находится в бою.

А. вчера видела *Калинина*. Он ей сказал, что *Трепов* сговорился с *Родзянко* распустить *Думу* с 17-го декабря по 8 января, чтобы депутаты не успели на праздники покинуть *Петроград* и чтобы можно было здесь держать их в руках. Наш Друг и *Калинин* у м о л я ю т тебя распустить *Думу* не позже 14-го, по 1-ое или даже 14-ое февраля, иначе тебе не будет п о к о я, и дело не сдвинется с места. В *Думе* они боятся только одного—продолжительного перерыва, а *Трепов* намеревается тебя п о д д е т ь, говоря, что будет хуже, если эти люди разъедутся по домам и разнесут свои вести. Но наш Друг говорит, что никто не верит депутатам, когда они *поодиночке* у себя дома,—они сильны лишь, когда собираются вместе. Дорогой мой, будь т в е р д и доверься совету нашего Друга—это для т в о е й ж е п о л ь з ы. Все, кто тебя любит, думают, что это правильно. Не слушай ни *Гурко*, ни *Григор(овича)*, если они станут тебя просить о коротком *перерыве*—они не ведают, что творят. Я бы не стала всего этого писать, если бы не б о я л а с ь твоей мягкости и снисходительности, благодаря которым ты всегда готов уступить, если только тебя не поддерживают бедная старая женушка, А. и наш Друг; потому-то лживые и дурные люди ненавидят наше влияние (которое только к добру). *Трепов* был у двоюродного брата *Калинина* (у *Ламздорфа*) и, не зная, что это его родственник, говорил там, что 11-го едет к тебе и будет

[1]) Прострел.

настаивать (нахал какой!) пред тобой на отставке *Протопопова*. Милый, посмотри на их лица—*Трепова и Протопопова*,—разве не очевидно, что лицо этого последнего чище, честнее и правдивее?—Ты з н а е ш ь, что ты прав, — высоко подними голову, прикажи *Трепову* с ним работать. Он не смеет противиться твоему приказу, прикрикни на него. Милый, не приехать ли мне к тебе на денек, чтобы придать тебе мужества и стойкости? Б у д ь в л а с т е л и н о м! Восстают против *Калинина* потому, что он закрыл собрания *союзов*—он был совершенно прав.—Наш Друг говорит, «*что пришла смута, которая должна была быть в России, во время или после войны, и если наш* (ты) *не взял бы места Ник(олая) Ник(олаевича), то летел бы с престола теперь*». Будь бодр: крикуны угомонятся—только распусти *Думу* п о с к о р е е на возможно более д о л г и й срок—верь мне—ты знаешь, что *Трепов* флиртует с *Родзянкой*.—Это всем известно, а от тебя он лукаво скрывает это из политики. Отправься к любимой иконе, наберись там решимости и силы. П о с т о я н н о помни о сновиденьи нашего Друга. Оно весьма, весьма знаменательно для тебя и всех нас.

9-е декабря 1916 г.

Мое возлюбленное Солнышко!

Нежно благодарю тебя за милое письмо. Я очень рад твоему решению посетить Новгород, древнейший город России. Ты будешь чувствовать себя совсем иначе, когда вернешься. Я это всегда замечал после поездок по стране. Губернатор Новгорода превосходный человек, которого я люблю. Его фамилия *Ислявин*. Пожалуйста, передай ему мой поклон.

Надеюсь, m-me Б. не будет тебе мешать или утомлять тебя.

Я переменил день для приема Трепова, назначив на завтра—субботу.

Я намерен быть твердым, резким и нелюбезным.

Благодарю за фотографии,—боюсь, что у меня уже имеются эти же самые. Фред(ерикс) получил письма одновременно от *Врангеля* и *Ларьки Воронцова*. Оба горько жалуются на Мишину жену [1]), не позволяющую им говорить с ним хотя бы об его здоровьи. Судя по тому, что они пишут, доктора, пользовавшие его, настаивали на серьезном лечении и на отдыхе в теплом климате. Если бы он остался подольше в Крыму, это принесло бы ему большую пользу. Но он, а может быть она, желает вернуться в Гатчину, чего доктора не одобряют, и никто из них не может проникнуть к Мише, чтоб ему это объяснить. Поэтому я думаю телеграфировать ему, чтоб он оставался там еще месяц.

Дорогая моя душка, я должен кончить. Да благословит бог тебя и твое путешествие!

Целую нежно и горячо.

Твой старый муженек *Ники*.

---

[1]) Жена вел. кн. Михаила Александровича—гр. Н. С. Брасова.

Телеграмма № 74.

Царское Село—Ставка. 10 декабря 1916 г.
11 ч. 52 м.—13 ч. 45 м.

Его величеству.

8 градусов мороза в первый раз. Скажи Алексею, что я в отчаянии, что он не получит письма сегодня, но уверяю, я позабыла вчера ему написать потому, что очень торопилась. Сегодня в 2 часа здесь открытие его лазарета, который помещался в Военной Академии. В молитвах и мыслях с тобой. Нежно целую.

Аликс.

Телеграмма № 75.

Царское Село—Ставка. 10 дек. 1916 г.
14 ч. 12 м.—15 ч. 25 м.

Его величеству.

Горячо благодарю обоих за милые письма. Прочитай мое сегодня, как только получишь. Пожалуйста, дорогой. Нежно целую и обнимаю. Буду завтра там к службе в соборе. Останусь до 6, так как много лазаретов. Буду думать о тебе.

Аликс.

Телеграмма № 102.

Ставка—Царское Село. 10 декабря 1916 г.
18 ч. 17 м.—19 ч. 5 м.

Ее величеству.

Большое спасибо за письмо. Прочел его с интересом. Алексей понимает, что ты не могла написать. Наилучшие пожелания и благословения твоей поездке.

Ники.

№ 637. *Ц. С. 10 декабря 1916 г.*

Любимый мой,

Мне постоянно приходится писать тебе в невероятной спешке. Пришлось просмотреть кучу докладов Рост(овцева), затем, так как у Ани очень неблагополучно с ногой, три раза была у нее, — принимала массу—прямо нет минуты свободной. Но она надеется ехать с нами сегодня вечером. Сегодня утром впервые 7 градусов. Стало светлее из-за снега, но солнца у нас нет.

Прилагаю к этому письму медальончик, присланный тебе, а также образ на шелку и несколько бумаг, данных *Калининым* для

просмотра, на случай, если *Воейков* не передал тебе копий. На деле *Мануйлова* п р о ш у тебя надписать *«прекратить дело»* и переслать его министру юстиции. *Батюшин*, в руках которого находилось все это дело, теперь сам явился к А. и просил о прекращении этого дела, так как он, наконец, убедился, что это грязная история, поднятая с целью повредить нашему Другу, *Питириму* и др., и во всем этом виноват толстый *Хвостов*. Ген. Алекс(еев) узнал об этом после от *Батюшина*. Иначе—через несколько дней начинается *следствие*—могут снова подняться весьма неприятные разговоры, и снова повторится этот ужасный прошлогодний скандал. *Хвостов* на-днях, при посторонних, сказал, что он сожалеет о том что «чику» (? *Ред.*) не удалось прикончить нашего Друга. И его, увы, увы, не лишили придворного мундира!—Так вот, п о ж а л у й с т а, с е й ч а с ж е, не откладывая, отошли дело *Ман(уйлова) Макар(ову)*, — иначе будет поздно.

Милый, не уволишь ли ты поскорее *Мак(арова)* и не возьмешь ли *Добровольского? Мак(аров)* д е й с т в и т е л ь н о враг (мой безусловно, а потому и твой), не обращай внимания на протесты Трепова. Он, конечно, станет наговаривать на *Добровольского*, так как у него имеются собственные кандидаты, но Добровольский п р е д а н н ы й человек, что очень ценно в наши дни. А почему бы тебе не взять в министры путей сообщения честного *Валуева*, которого мы так хорошо знаем, как честного и преданного человека?

Прилагаю письмо от *Сухомлинова* к нашему Другу. Пожалуйста, прочти его, так как он в нем дает исчерпывающие разъяснения относительно своего дела, которое ты должен вытребовать отсюда, чтоб все это не попало в *Государственный Совет*, иначе бедного *Сухомлинова* нельзя будет спасти. Он так ясно пишет обо всем,—пожалуйста, прочти и прими соответствующие меры. Почему должен пострадать он, а не *Коковцев* (который не хотел давать денег), или Сергей, который, что касается ее [1]), ровно с т о л ь к о ж е виноват.

От всей души благодарю тебя. Сейчас с тобой *Трепов*, и я очень тревожусь. Только что принимала *Калинина*,—он очень рад, что ты получил все бумаги через *Воейкова*, а потому я не стану докучать тебе вторичной посылкой их. Он с т р а ш н о озабочен тем, чтоб ты скорее распустил *Думу* и притом надольше—за 10 лет у них ни разу не было *перерыва*, как этот, т а к о г о к о р о т к о г о,—тогда ничего нельзя успеть сделать.—*Государственный Совет* с о ш е л с у м а, соглашаясь с *Думой* относительно свободной *цензуры*.

У меня голова идет кругом, и я, кажется, пишу вздор.

Только будь тверд, стоек!

Слава богу, в Москве 6 раз закрывали собрания (*Калинин* до 4-х часов утра не отходил от телефона), но здесь *Львову* удалось прочесть воззвание прежде, чем полиция успела их удержать. Как видишь,

---

[1]) Кшесинской, балерины, с которой вел. кн. Сергей Михайлович был в связи.

Калинин работает как следует и р е ш и т е л ь н о и не заигрывает с *Думой*, но исключительно думает о нас.

А теперь нужно отправить это письмо. Сейчас явится *Жевахов*. Завтра передам твой привет *Ислявину*. Эта поездка будет приятным развлеченьем, только мне будет у ж а с н о недоставать тебя. В понедельник ты из-за этой поездки не получишь письма.

Бог да благословит и защитит тебя! Осыпаю тебя поцелуями и нежными ласками.

Навеки твоя *Женушка*.

10 декабря 1916 г.

Любимый ангел мой!

Нежно благодарю за милое письмо. Вчера, катаясь по любимому лесу *Алексея* у старой *Ставки*, мы вошли и минутку молились перед иконой божьей матери. Я доволен, что мы это сделали, раз это было твоим особенным желанием.

Благодарю тебя также за сообщение подробностей беседы *Кал(инина)* с А.

Надеюсь, твоя поездка пройдет благополучно, и Новгород тебе понравится. Я там был раз, летом 1904 г., как раз перед рождением Бэби.

В Румынии дела неважны,—главным образом, по той причине, что наши войска не могут туда добраться из-за скопления беженцев на железных дорогах. В Добрудже нашим войскам пришлось отступить до самого Дуная, так как их было слишком мало, чтобы защищать длинный и редкий фронт.

Около 15-го дек. сосредоточение наших войск будет, надеюсь, более или менее закончено, и, быть может, около Рождества мы начнем наступать. Как видишь, положение там невеселое. Теперь должен кончать, мое сокровище.

Да благословит бог тебя и девочек! Передай мой привет А. и скажи ей, как я жалею, что ей так приходится страдать из-за ноги.

Горячо и нежно целую тебя, Солнышко мое.

Твой старый *Ники*.

Ц. Ставка. 11 дек. 1916 г.

Моя любимая душка,

По случаю воскресенья я не имею времени написать письмо—церковь, *доклад* и большой завтрак! Завтра напишу подробно о моем разговоре с *Трепевым*. Надеюсь, посещение *Новгорода* не утомит тебя! Сегодня тает, что очень неприятно. Да благословит тебя бог, моя птичка. Нежно целую тебя и их [1]).

Твой *Ники*.

[1]) Написано на открытке.

Телеграмма № 77.

Новгород—Ставка. 11 декабря 1916
15 ч. 10 м.—17 ч. 5 м.

Его величеству.

Прелестная поездка. 2-часовая служба в кафедральном соборе, чудно. Потом посетила лазареты и *древняя церковная хранилища* [1]) в доме архиепископа, очень интересно. Завтракаю в своем купэ—устала—и еще предстоит осмотреть массу лазаретов и церквей. *Иоаничик* и *Андрюша* здесь. Нежно целую и благословляю. Губернатор глубоко тронут поклоном.

Аликс.

Телеграмма № 103.

Ставка верховн. главн.—Чудово. 11/XII 1916 г.
18 ч. 40 м.—21 ч. — м.

Ее величеству.

Искренно благодарю за письма и телеграмму. Рад, что довольна осталась *Новгородом*. Надеюсь, не устала, тепло, снег, крепко всех обнимаю.

Ники.

Телеграмма № 78.

Новгород—Ставка. 11 декабря 1916 г.
20 ч. 49 м.—23 ч. 17 м.

Его величеству.

Посетила 5 лазаретов, Татьянинский *приют*, церкви, монастыри. Поговорила с твоим старым отцом *Никодимом* и *старицей*. Чарующее впечатление. Спи спокойно. Сердечно целую.

Аликс.

Телеграмма № 80.

Царское Село—Ставка. 12 декабря 1916 г.
9 ч. 48 м.—11 ч. 15 м.

Его величеству.

По возвращении нашем нашла оба дорогих письма. Сердечно благодарю. Провела ночь в поезде, очень устала и все болит, но впечатление прекрасное, ободряющее. Очень счастлива, что вы были у дорогой иконы. Мы все целуем вас крепко.

Аликс.

---

[1]) Древлехранилище.

Телеграмма № 83

Царское Село—Ставка. 12 дек. 1916 г.
17 ч. 40 м.—18 ч. 55 м.

Крепко благодарю за дорогую открытку. Тепло, снежок. Отдыхала днем, так как очень устала. Буду особенно думать о тебе сегодня вечером. Спи хорошо. Благословения и поцелуи от всех.

Аликс.

№ 638.

Ц. Село. 12 декабря 1916 г.

Любимый мой!

Большое, большое спасибо за твое милое письмо и за открытку. Я о ч е н ь счастлива, что ты съездил помолиться перед дорогим образом—там так покойно—чувствуешь себя отрешенным от всех треволнений в ту минуту, когда изливаешь свою душу и сердце в молитве, обращенной к той, к которой столько людей приходит со всеми своими горестями.—Ну, милый, Новгород был крупным успехом! Хотя было очень утомительно, душа вознеслась так высоко и придала нам всем силы—мне с моим больным сердцем и А. с ее больными ногами. Мы разъезжали, конечно,—сегодня все болит, но стоило того.

Я хочу, чтоб А. и Ольга написали тебе, а *Анастасия*—Бэби, так как каждый опишет по-своему, а я плоха по этой части. Губернатор был безупречен: организовал наши разъезды таким образом, что мы всюду поспевали во-время, и подпускали толпу близко к нам. Какой восхитительный старинный город, только слишком рано стало темнеть. Поедем туда вместе весной, когда там наводнение? Говорят, что тогда бывает еще лучше и можно подъезжать к монастырям на моторных лодках.—Проезжая мимо памятника тысячелетия России, я вспомнила о большой картине, находящейся здесь в Большом Дворце.—Как великолепен *Софийский Собор*! Только, стоя прямо перед ним, нельзя было хорошо его разглядеть. Служба длилась два часа (вместо 4), пели великолепно. Мне было отрадно начать с обедни и помолиться за моих дорогих.—*Иоанчик* и *Андрюша* всюду ходили с нами.—Мы *прикладывались* ко всем святыням. Досадно, что все это пришлось проделать в такой спешке и что нельзя было в достаточной мере отдаться молитве перед каждой святыней и разглядеть все детали. Посылаю Бэби образ, перед которым мы стояли (и сидели). Епископ Арсений при нашем появлении произнес очень трогательное приветственное слово; молодой епископ Алексей оказался чрезвычайно изящным (*лицеист*). Они всюду следовали за нами, в течение всего дня.—Затем, после обедни, длившейся от 10 до 12, мы отправились в лазарет, находящийся рядом с *Епарх.* [1])—через покои епископа, а также в музей сокровищ, собранных из старых церквей три года тому назад. Дивные старинные иконы, ранее находившиеся в разных

[1]) Очевидно Епарх. домом.

церквах, монастырях, заброшенные, покрытые пылью. Их стали очищать, и проглянули дивные свежие краски—очень интересно, и мне бчень хотелось бы в другой раз подробно рассмотреть все это,—тебе оы это тоже понравилось. Затем мы вернулись в наш поезд; солдаты уже ра:ошлись (к счастью).—Я позавтракала на диване. А. в своем купэ. У детей были *И(оаннчик)* и *Андр(юша)*, а также *Ислявин*. Его жена и дочь встретили нас с цветами и поднесли нам от города хлеб-соль. В 2 ч. мы снова поехали в *Земский лазарет*—он совсем небольшой.—Мы всюду раздавали образки.—Оттуда—в *Десятинный* монастырь, где хранятся мощи св. Варвары. Я посидела минутку в комнате игуменьи, а затем попросила, чтоб меня провели к *старице Марии Михайловне* (о ней говорил мне *Жевахов*), и мы прошли к ней пешком по мокрому снегу. Она лежала на кровати в маленькой темной комнатке [1]), а потому мы захватили с собой свечку, чтобы можно было разглядеть друг друга. Ей 107 лет, она носит *вериги* (сейчас они лежат около нее)—обычно она беспрестанно работает, расхаживает, шьет для каторжан и для солдат, притом без очков,—никогда не умывается. Но, разумеется,—никакого дурного запаха или ощущения нечистоплотности,—она седая, у нее милое, тонкое, овальное лицо с прелестными, молодыми, лучистыми глазами, улыбка ее чрезвычайно приятна. Она благословила и поцеловала нас. Тебе она посылает яблоко (пожалуйста—съешь его). Она сказала, что война скоро кончится—*«скажи ему, что мы сыты»*. Мне она сказала *«а ты, красавица—тяжелый крест—не страшись*—(она повторила это несколько раз)—*за то, что ты к нам приехала, будут в России 2 церкви строить* (она повторила это дважды)—*не забывай нас, приезжай опять»*.—Бэби она послала *просфору* (мы слишком торопились и кругом была суета, а то бы я охотно с ней побеседовала), она всем нам дала по образку. Сказала, чтобы мы не беспокоились относительно детей, что они выйдут замуж, остального я не расслышала.—Позабыла, что она сказала девочкам. Я заставила *И*(оаннчика) и *А*(ндрюшу) тоже зайти к ней, и послала к ней также Аню—она, несомненно, напишет тебе об этом. Я благодарю бога за то, что он дал нам ее увидеть.—Это она несколько лет тому назад просила, чтобы сняли копию с большого образа св. девы в *Старой Руссе* и отослали ее тебе. Не хотели этого делать, находя, что образ слишком велик. Затем началась война, она стала настаивать на своем. Желание ее было исполнено, и она сказала, что мы все примем участие в *крестном ходе*. Оно так и вышло, когда этот образ привезли 5-го (?) июля прошлого года *к Феодоровскому Собору*—помнишь? А ты велел хранить образ при 4 *стрелковом полке*. У меня имеется небольшая книжечка с ее жизнеописанием, мне ее дал вчера старый слуга из *Мариинского дворца (ее духовный сын)*.—Она произвела на меня гораздо более умиротворяющее впечатление, нежели старая *Паша из Дивеева*.—Отсюда—в *Юрьевский монастырь* (5 верст

[1]) В подлинном нарисован план комнаты.

от города)—там находится твой старый *Никодим*, он боготворит тебя, молится за тебя и шлет тебе привет.

Думаю, что Ольга подробно пишет тебе обо всем этом.—Окружавшая нас любовь и теплота, ощущение близости к богу и к твоему народу, единство и чистота чувств—все это бесконечно благотворно подействовало на меня, и мы уже обсуждаем поездку в *Тихвин*, монастырь с очень чтимой богоматерью (образ), в четырех часах езды отсюда,—в *Вятку и в Вологду*. Апраксин узнает обо всем.—Сочетание лазаретов со святыми местами будет благотворно.

Так много старинного и исторического в Новгороде, что чувствуешь себя как бы перенесенной в другую эпоху! *Старица* встречает каждого словами: «*радуйся, невеста неневестная*». Мы были в маленьком *приюте* для мальчиков *Татьянинского* комитета—туда привели также маленьких девочек из другого *приюта*. Затем мы отправились в *Дворянское собрание*, где *Дамский Комитет* передал мне 5.000 руб. Ими устроен там лазарет—великолепная огромная палата для солдат; офицеры в соседнем помещении. Мы пили чай, очень мило, жена губернатора и архиепископ сидели около меня—было несколько дам, все уродливые,—его дочь работает сестрой милосердия.—Отсюда мы заехали в *Знаменскую* церковь. Посылаю тебе купленный мною там образ богоматери,—он так хорош! Пожалуйста, повесь его над своей кроватью, у нее такой дивный лик,—и *Невесту Христову*,—которую от нас скрыли, я ее видела в этот же день,—дабы она помогла тебе. Туда же привезли чудотворный образ св. Николая, чтоб мы к нему приложились.—Какой это восхитительный храм!—*Со сводами* (очень крутые лестницы). У нас не хватило времени рассмотреть картину *страшного суда*, на которой были изображены Петр Великий и *Меньшиков*, по приказу Петра.—Наш автомобиль застрял, и толпа вытащила нас. Оттуда мы проехали к крохотной *часовне*, расположенной в саду. Здесь на *печке в просфирной* (несколько лет тому назад) явилась богоматерь. Этот образ остался совершенно нетронутым, он только покрыт стеклом и оправлен драгоценными камнями. Такое сильное благоухание, мы с девочками сразу обратили на это внимание. Всюду я чувствовала с собой вас обоих, и словно за-одно с вами переживала все!

(Напиши А. несколько строк, как бы в благодарность. Это хорошо на нее подействует, так как она так тепло принимала во всем участие—губернатор и *Никодим* были очень милы по отношению к ней).—Оттуда мы снова проехали в *земский* лазарет, куда свезли раненых из всех окружных мест, а также—в *городской*.—На вокзале купечество поднесло мне икону и яблоки. Трубачи местного запасного полка сыграли уланский марш. Уехали в шестом часу, вернулись сюда в 10. 20.—Ночь провели в поезде, с утра отправились в лазарет—сейчас мы отдыхаем—вечером повидаю нашего Друга.—Так славно, покойно и тепло на душе!

Благословляю и целую тебя без конца. Твоя *Солнышко*.

Какая это гнусная канитель с Румынией!

Царск. Ст. 12 дек. 1916 г.

Моя дорогая душка!

Опять ни минуты, чтобы написать длинное письмо. Я только что принимал очень интересного инженера-путейца, вернувшегося из Германии после 2-хлетнего пребывания там. Он был с д-р. Крессон. Он мне много рассказывал, и это он так долго меня задержал. Его имя—Вейнберг, внук еврея.

Я очень рад, что ты довольна виденным в Новгороде. Да благословит тебя бог, мое солнышко!

Нежно целует тебя твой старый

Ники [1]).

Телеграмма № 111.

Ставка верх. главн.—Царское Село. 12 декабря 1916 г. 19 ч. 47 м.—20 ч. 10 м.

Ее величеству.

Благодарю за две телеграммы. Пожалуйста, отдохни день или два, чтобы не свалиться. Мягкая погода. Целуем всех.

Ники.

Телеграмма № 88.

Царское Село—Ставка. 13 декабря 1916 г. 11 ч. 50 м.—12 ч. 15 м.

Его величеству.

Горячо благодарю за открытку. Очень беспокоюсь, не зная подробностей разговора. Помни, прочти снова все, что я писала на прошлой неделе. Отдыхала все утро, так как очень устала. Ясная погода. Крепко целую и благословляю. Будь тверд.

Аликс.

№ 639. *Царское Село. 13 декабря 1916 г.*

Дорогой мой ангел,

Теплое спасибо за твою милую открытку. Я с таким нетерпением жду известия (а у тебя нет времени писать) о твоем разговоре с этим ужасным *Треповым*. Я читала в газетах, что он теперь сказал *Родзянке*, что *Дума* будет распущена 17-го до первой половины января. Имеет ли он право говорить это прежде, чем будет официально объявлено через *Сенат*? Я нахожу, что а б с о л ю т н о нет. Так и надо сказать ему, а *Родзянке* надо бы сделать выговор за то, что он

[1]) Написано на открытке.

позволил напечатать это в газетах. А я так просила сделать это п о с к о р е е и на более долгий срок! Слава богу, что ты, по крайней мере, не назначил числа в январе и можешь созвать их в феврале или совсем не созвать. О н и н е р а б о т а ю т, а Тре(пов) заигрывает с Рода(янко). Всем известно, что они по 2 раза в день встречаются—это *недостойно*. Почему он ладит и старается работать с ним (лгуном) а не с *Протопоповым* (который правдив)?—Это характеризует человека. Старый *Бобринский* ненавидит Треп(ова): он знает их недостатки и так глубоко предан тебе, потому-то Тр(епов) и вышиб его.

Ангел мой, вчера мы обедали с нашим Другом у Ани. Все было так мило, мы рассказывали про наше путешествие, и Он сказал, что мы должны были прямо поехать к тебе, так как доставили бы этим тебе большую радость и «*благодать*», а я боялась помешать тебе! Он у м о л я е т тебя быть т в е р д ы м и властным и не уступать во всем Тр(епову). Ты знаешь г о р а з д о больше, чем этот человек, и все-таки позволяешь ему руководить тобой,—а почему не нашему Другу, который руководит при помощи бога? Вспомни, з а ч т о меня не любят,—ясно, что я права, оставаясь твердой и внушая страх, и ты будь таким,—ты мужчина—только верь больше и крепче в нашего Друга (а не в *Трепова)*.—Он живет для тебя и России. А мы должны передать Бэби сильную страну и и е с м е е м быть слабыми, ради него, иначе ему будет еще труднее царствовать, исправляя наши ошибки и крепко натягивая возжи, которые ты распускаешь. Тебе приходится страдать за ошибки своих царственных предшественников—и одному богу известны твои муки. Да будет твое наследие более легким для Алексея!—У Него твердая воля и своя голова.—Не давай ничему ускользывать из твоих рук и не заставь его возводить все сызнова. Будь тверд. Я, как стена, стою за тобой и не п о д д а м с я—я знаю, Он правильно ведет нас, а ты благосклонно внимаешь такому лживому человеку, как Тр(епов)! Хотя бы во имя любви, которую ты питаешь ко мне и Бэби, не предпринимай важных шагов, не предупредив меня и не переговорив спокойно обо всем. Стала ли бы я так писать, если бы не знала, как легко ты колеблешься и меняешь решения и чего стоит заставить тебя придерживаться своего мнения! Я знаю, что тебе больно, когда я так пишу, и это меня огорчает, но ты, Бэби и Россия с л и ш к о м дороги мне.—Что касается *Сухомлинова и Мануйлова*—я все подготовила для тебя.

А *Добровольский*—верный человек,—поскорее отделайся от *Макарова*, который,—поверь мне, наконец,—д у р н о й человек. Пусть бог даст мне силу убедить тебя—сохранять тебя непреклонным тяжелее, чем переломить ненависть других, которая оставляет меня равнодушной. Я ненавижу упрямство Тр(епова). Многие держали пари в *Думе*, что *Питирим* будет отставлен—теперь он получил крест, они раздавлены и унижены (видишь, что значит, когда ты показываешь себя властелином), и все более и более оказывается правильным, что кн. В(асильчикова) была выслана.—Ты ничего не отвечаешь

относительно *Балашева*. Боюсь, что ты ничего не сделал, а Фредерикс стар и пассивен, когда я не говорю с ним решительным тоном.—Какая ошибка, что *Дума* закрывается не 14-го! Кал(инин) мог бы вернуться к своей работе, и ты увидал бы его и переговорил с ним. Только не отв. министерство, на котором все помешались! Все становится тише и лучше. Только надо чувствовать твою руку. Как давно, уже много лет, люди говорили мне все то же: «Россия любит кнут»! Это в их натуре—нежная любовь, а затем железная рука, карающая и направляющая. Как бы я желала влить свою волю в твои жилы! Пресвятая дева над тобой, за тобой, с тобой, помни чудо—видение нашего Друга!

Скоро наши войска в Румынии будут сильнее.—Тепло и глубокий снег.—Прости за это письмо, но я бы не могла спать эту ночь, мучась за тебя,—не скрывай ничего от меня—я сильна—но слушайся меня, т.-е. нашего Друга, и верь нам во всем. Остерегайся Тр(епова), ты не можешь его любить и уважать. Я страдаю за тебя, как за нежного, мягкосердечного ребенка, которому нужно руководство, а он слушает дурных советчиков, в то время, как божий человек говорит ему, что надо делать. Милый ангел, вернись скорее домой—ах, нельзя, ведь у тебя ген!.. Почему не раньше, не могу понять, почему в тот же день, как и *Дума*—опять странное совпадение!—А *Воейков*—это тоже провалилось?

Ах, дорогой мой, мне надо вставать.—Все утро писала рождественские открытки. Сердце и душа горят тобой—любовь моя безгранична, оттого все, что пишу, кажется резким—прости, верь и пойми—я люблю вас обоих слишком глубоко—плачу о твоих ошибках и радуюсь каждому верному шагу.

Бог да благословит, сохранит, спасет и направит тебя!

Целую тебя без конца. Твоя верная

Женушка.

Пожалуйста, прочти эти бумаги, а также Анины. Если это ложь, лиши *Родзянко* мундира.

13 декабря 1916 г.

Мое возлюбленное Солнышко,

Бесконечно благодарю за твое длинное интересное письмо со множеством подробностей о твоей поездке в Новгород. Ты видела больше, чем я в 1904 г. Конечно, было бы чудесно, если б мы могли поехать туда вместе весной! Спасибо также за образ—я очень рад иметь именно этот. Кирилл заходил сегодня с Н. П. [1]). Они оба завтракали и бредили батальоном и Одессой.

Ну, теперь о *Трепове*. Он был смирен и покорен и не затрагивал имени *Прот(опопова)*. Вероятно, мое лицо было нелюбезно и жестко,

[1]) Саблин.

так как он ерзал на своем стуле,—говорил об американской ноте, о *Думе*, о ближайшем будущем и, конечно, о железных дорогах. Относительно *Думы* он изложил свой план — распустить ее 17-го дек. и созвать 19-го января, чтоб показать им и всей стране, что, несмотря на все сказанное ими, правительство желает работать вместе. Если в январе они начнут путать и мутить, он собирается обрушить на них громы (он вкратце рассказал мне свою речь) и окончательно закрыть *Думу*. Это может произойти на второй или третий день их новогодней сессии! После этого он спросил меня, что думаю я. Я не отрицал логичности его плана, а также одного преимущества, бросившегося мне в глаза, а именно, что если бы все случилось так, как он думает, мы избавились бы от *Думы* недели на две или на три р а н ь ш е, чем я сначала думал (в середине янв. вместо начала февр.).

Итак, я одобрил этот план, но взял с него торжественное обещание держаться его и довести до конца.—Я нарочно пошел помолиться перед иконой божьей матери до этого разговора и после этого почувствовал успокоение.

Вчера был обрадован приездом Павла. Он приходил к чаю, и сегодня будет его доклад.—Сейчас видел *Влад. Ник.* [1]). *Серг. Петр.* [2]) уезжает в Москву. Вчера принял Толя, командира моих *Павлоградских гусар*. Вид у него довольный, но глупее, чем когда-либо.

Должен кончать. Да благословит тебя бог, моя родная, мое сердце и душа!

Целую тебя, девочек и А. Твой старый *Ники*.

Телеграмма № 113.

Ставка—Царское Село. 13 декабря 1916 г.
19 ч. 47 м.—20 ч. 40 м.

Ее величеству.

Сердечно благодарю. Сегодня написал подробно. Счастлив был получить твои иконы. Погода мягкая. Нежно целуем оба.

Ники.

Телеграмма № 94.

Царское Село — Ставка. 14 декабря 1916г.
13 ч. 42 м.—14 ч. 30 м.

Его величеству.

Нежно благодарю вас обоих. Сегодня никуда не двинусь, так как очень устала. Небольшой снег. Благословляю и целую. Мысленно вместе.

Аликс.

---

[1]) Деревенько.
[2]) Боткин.

Телеграмма № 96.

Царское Село—Ставка. 14 дек. 1916 г.
14 ч. 20 м.—17 ч. 40 м.

Его величеству.

Послала тебе копии двух телеграмм, полученных на мое имя. Пожалуйста, обрати особенное внимание и вникни в их правильные слова. Прикажи Фредериксу поблагодарить «тепло» от «нас». Надо поддержать их. Целую и благословляю. Душою всегда вместе.

Аликс.

№ 640. *Царское Село. 14 декабря 1916 г.*

Любимый мой,

7° мороза и глубокий снег. Я опять почти не спала эту ночь, оставалась в постели до завтрака, так как у меня все болит и легкий озноб. Благодарю тебя за милое письмо. Тр(епов) поступил очень неправильно, отсрочив *Думу* с тем, чтобы созвать ее в начале января, в результате чего никто (*Родз.* и все, на кого они рассчитывают) не поедет домой, и все останутся, и в Петрограде все будет бродить и кипеть. Он пришел к тебе со смирением, надеясь этим добиться успеха. Если бы он кричал, по обыкновению, ты бы рассердился и не согласился. Любимый мой, наш Друг просил тебя закрыть ее 14-го, Аня и я писали тебе об этом, и видишь, у них теперь есть время делать *гадости*. Относительно запрещения *союзам* объединяться ты получил вчера бумагу *Калинина* через *Воейкова*. Он также писал Треп(ову), прося, чтобы это происходило при закрытых дверях. *Тр(епов)* не удостоил его ответом. Тогда он написал *Родз(янко)*, который поступил, как Калинин желал — только, конечно, сказал, что это по желанию Калинина—трус Трепов не пожелал взять этого на себя. Как хочешь, Трепов ведет себя теперь, как изменник, и лукав, как кошка,—н е в е р ь ему, он сговаривается во всем с *Родз(янко)*, это слишком хорошо известно. Бумагу, которую я послала тебе вчера, *Родз(янко)* написал сам; он не имеет права печатать и распространять твою беседу; я сомневаюсь, чтобы она была изложена точно, ведь он всегда лжет; если не точно—будь императором, с е й ч а с же лиши его придворного мундира. Н е с п р а ш и в а й совета у Фред(ерикса) или *Тр(епова)*. Они оба напуганы. Старик раньше понял бы необходимость этого, а теперь он стар. Уже распространяли по городу слух (*Дума*), будто дворянство в *Новгороде* не приняло меня, а когда они прочитали, что мы даже пили чай вместе, то были уничтожены. — Насчет *Кауфмана* все очень довольны—видишь, твоя твердость оценена хорошими людьми—легко продолжать, когда начал. Прости, что я мучаю тебя такими письмами,—но прочитай только 2 телеграммы, которые я тебе послала, ты опять увидишь, что говорят «правые» — они обращаются ко

м н е, чтоб я просила тебя. Если ты снова услышишь от *Калинина*, что надо закрыть *Думу*—сделай это, не держись за 17-ое, время—деньги,—мгновенье — золото, и когда упустишь момент—бывает трудно наверстать и поправить. Надеюсь, что неправда, будто *Никол(аша)* приедет к 17-му—раньше все шло прекрасно без *Воронцова*,—наш фронт здесь не имеет ничего общего с Кавказом. Не пускай его, злого гения. Он еще будет вмешиваться в дела и говорить о Васильчиковой. Будь Петром Великим, Иваном Грозным, императором Павлом—сокруши их всех—не смейся, гадкий, я страстно желала бы видеть тебя таким по отношению к этим людям, которые пытаются управлять т о б о ю, тогда как должно быть наоборот. Гр. Бенкендорф была так оскорблена письмом княг. В., что сделала в городе целый ряд визитов пожилым дамам, кн. Lolo, гр. *Воронцовой* etc., и всем им говорила о том, что считает позором то состояние, до которого дошло общество, забывшее все принципы. Она просила их прежде всего строго поговорить с дочерьми, которые говорят и ведут себя ужасно. Повидимому, это произвело впечатление, так как о ней теперь говорят; они видят, что письмо было на самом деле неслыханного содержания, а вовсе не столь очаровательное, как иные стараются уверить. Катуся В. тоже написала мне, но я, прочитав, разорвала его. А вот контраст—телеграмма от «*Союзов Русского Народа*» просит м е н я передать дело тебе. Одни—гнилое, слабое, безнравственное общество, другие—здоровые, благомыслящие, преданные подданные—их-то и надо слушать, их голос—голос России, а вовсе не голос общества или *Думы*. Так ясно видно, где правда; они знают, что *Думу* следует закрыть, а Тр(епов) не хочет слушать их. Если их не слушать, они возьмут дело в свои руки, чтобы спасти тебя, и может невольно выйти больше вреда, чем лишь одно твое простое слово—з а к р ы т ь Д у м у,—но до февраля: если раньше, они все застрянут здесь. Я бы повесила Тр(епова) за его дурные советы—а теперь, после этих бумаг, посланных *Калининым Воейкову* с этими гнусными, г л у б о к о революционными представлениями *выборных* московского *дворянства* и *союзов*, которые обсуждались в *Думе*,—как можно оставлять их хотя бы еще на один день?—Я ненавижу лживого Тр(епова), который делает все, чтобы повредить тебе, будучи защищаем *Макаровым*. Если б мне только заполучить тебя сюда, все сразу стало бы тише, а если бы ты вернулся, как просил Гр., через 5 дней, ты бы привел все в порядок, ты бы положил свою усталую голову на грудь женушки, и Солнышко придала бы тебе силы, и ты бы послушался м е н я, а не Трепова. Бог поможет, я знаю, но ты д о л ж е н быть твердым. Распусти *Думу* сейчас же. Когда ты сказал Трепову: 17-го, ты не знал, что они замышляли.—Спокойно и с чистой совестью перед всей Россией я бы сослала Львова в Сибирь (так делалось и за гораздо менее важные проступки), отняла бы чин у *Самарина* (он подписал эту московскую бумагу), *Милюкова*, *Гучкова* и *Поливанова*—тоже в Сибирь. Теперь в о й н а, и в такое время в н у т р е н н я я в о й н а есть высшая и з м е н а. Отчего

ты не смотришь на это дело так, я право не могу понять. Я только женщина, но душа и мозг говорят мне, что это было бы с п а с е н и е м России—они грешат гораздо больше, чем это когда-либо делали *Сухомлиновы*. Запрети *Брусилову* и пр., когда они явятся касаться каких бы то ни было политических вопросов. Глупец тот, кто хочет ответственного министерства, как писал *Георгий*. Вспомни, даже m-r Филипп сказал, что нельзя давать конституции, так как это будет гибелью России и твоей, и в с е истинно-русские говорят то же.

Несколько месяцев тому назад я сказала *Штюрмеру* о том, что *Шведов* должен быть членом *Гос. Сов.* Назначь его и славного *Маклакова*, они смело будут стоять за нас.—Знаю, что мучаю тебя, ах, разве я не стала бы г о р а з д о, гораздо охотнее писать только письма, полные любви, нежности и ласки, которыми так полно мое сердце! Но мой долг—жены, матери и матери России—обязывает все говорить тебе—с благословения нашего Друга. Дорогой мой, свет моей жизни, если бы ты встретил врага в битве, ты бы н и к о г д а не дрогнул и шел бы вперед, как лев! Будь же им и теперь в битве против маленькой *кучки* негодяев и республиканцев! Будь властелином, и все преклонятся перед тобой!—Не думаешь ли ты, что я испугаюсь—о, нет! Сегодня я удалила офицера из госпиталя М. и А., [1]) за то, что он позволил себе смеяться над нашим путешествием, уверяя, что *Прот(опопов)* подкупал народ, чтоб он принимал нас так хорошо. Женщина-врач, слышавшая это, была в ярости. Ты видишь, Солнышко в своих маленьких делах энергична, а в больших делах—настолько, насколько ты этого желаешь. Мы богом поставлены на трон и должны сохранить его крепким и передать непоколебленным нашему сыну. Если ты будешь это помнить, то не забудешь, что ты властелин, и насколько это легче самодержавному монарху, чем такому, который присягал конституции!

Дорогой мой, послушайся меня, ты знаешь свою старую верную девчурку. «*Не страшись*», сказала *старица*, а потому я пишу *без страха* моему малютке. Ну, девочки просят чаю, они вернулись замерзшие с катанья.—Целую тебя и крепко прижимаю к груди, тоскую по тебе, не могу спать без тебя, благословляю тебя.

Навсегда твоя *Женушка*.

Телеграмма № 114.

Ставка верх. главн.—Царское Село. 14 декабря 1916 г.
19 ч. 1 м.—19 ч. 20 м.

Его величеству.

Большое спасибо за дорогие письма и две телеграммы. Тотчас же приказал ему поблагодарить от нашего имени этих добрых людей. Ясно, 3 гр. мороза. Не утомляйся. Нежно целуем.

Ники.

---

[1]) Марии и Анастасии, дочерей Александры Федоровны.

14 декабря 1916 г.

Дорогая моя,

Нежно благодарю за строгий письменный выговор. Я читал его с улыбкой, потому что ты говоришь, как с ребенком.

Противно иметь дело с человеком, которого не любишь и которому не доверяешь, как Треп(ов). Но раньше всего надо найти ему преемника, а потом вытолкать его—после того, как он сделает грязную работу. Я подразумеваю—дать ему отставку, когда он закроет *Думу*. Пусть вся ответственность и все затруднения падут на его плечи, а не на плечи того, который займет его место.

Посылаю тебе два списка кандидатов, которые он мне оставил, и письмо, присланное им вчера, где он опять возвращается к вопросу о назначении *Макарова* председателем Госуд. Сов.

Рухлов очень хороший, сильный духом и порядочный человек, ненавидящий Коков(цева) и т. п. Ты должна знать, что председатель Гос. Сов. назначается вновь каждый год, а также все члены.

В Румынии нехорошо. Мы послали и все посылаем войска, но им приходится делать длинные переходы (три недели), благодаря отвратительному состоянию железнодорожных путей. Теперь, наконец, решено взять их в наше заведывание.

На 17-е дек. назначен здесь съезд генералов потому, что до этого дня у *Гурко* несколько *совещаний*.

Теперь должен кончать. Да благословит тебя бог, моя душка, мое Солнышко!

Нежно целую тебя и девочек и остаюсь твой «бедный, маленький, безвольный муженек»

Ники.

Телеграмма № 115.

Ставка верх. главн.—Царское Село. 14 декабря 1916 г.
21 ч. 25 м.—22 ч. 12 м.

Ее величеству.

Тотчас исполнил. Бумагу я послал вчера. Спокойной ночи, спи хорошо.

Ники.

Телеграмма № 98.

Царское Село—Ставка. 15 декабря 1916 г.
12 ч. 7 м.—12 ч. 34 м.

Его величеству.

Благодарю от всего сердца за дорогое письмо, прости твое Солнышко. Спасибо за вчерашние телеграммы. Твой чудный *приказ* мне очень понравился. Целую и благословляю. Сильный снег. 6 градусов мороза. Все еще не выхожу.

Аликс.

№ 641. *Царское Село. 15 декабря 1916 г.*

Любимый мой!

Прости меня за резкие письма—девочка вовсе не хочет обижать своего ангела, а пишет только любя. Она иной раз доходит до отчаяния, з н а я, что тебя обманывают и подсовывают неправильные решения. Как могу я быть покойной, когда *Тр(епов)* приезжает к тебе? Ведь ему удается внушать тебе неправильные решения! Только бы удалось найти ему преемника! Но многие говорят, что раз *Мак(арова)* сменят, его положение, в общем, улучшится. Видишь, как он держится за *Макарова* (которого я продолжаю считать лживым по отношению к нам) и хочет, чтобы он был во главе *Гос. Сов.*!—Это уж с л и ш к о м! Назначь решительного (сурового) *Щегл(овитова)*. Он подходящий человек для этого места, он не допустит беспорядков и гнусностей. Я тебе верну бумаги завтра, когда хорошенько просмотрю их. Очень благодарю тебя (также и от имени *Гр.*) за *Мануйлова*. Подумай, милый *Малама* сказал вчера в 5 часов, что от тебя не было бумаги (курьер приехал сегодня рано утром), а потому я должна была телеграфировать. Из этого хотели сделать целую историю, примешав туда разные имена (просто из грязных побуждений), и многие собирались присутствовать на *суде*. Еще раз спасибо, дорогой. Наш Друг был у нее,—я не выходила из дома. Он уже давным-давно не выходит из дому, ходит только сюда. Но вчера Он гулял по улицам с *Муней* к *Казанскому Собору* и *Исаакиевскому*, и ни одного неприятного взгляда, все спокойны. Он говорит, что через 3 или 4 дня дела в Румынии поправятся, и все пойдет лучше.—Как хорош твой *приказ*—только что прочитала его с глубочайшим волнением! Бог да поможет и благословит тебя, дорогой мой! *Не надо* говорить «бедный, старый, безвольный муженек», это убивает меня—прости меня—ты понимаешь, я знаю, меня, и мою безмерную любовь—да, любовь моя? Я так ужасно, ужасно люблю тебя!—Маленький *Кожевников (с Мурмана)* придет к завтраку, а *Н. П.* к чаю. Так можно будет насладиться каждым в отдельности. Пожалуйста, назначь *Н. П.* на яхту к Рождеству, дорогой мой.

Наш Друг говорит, что *Калинин* теперь должен выздороветь. Почему ты сделал его не *М. В. Д.* [1]), а *Исп. Д.* (моя мысль)? Молодой *Риттих*, который только что начал, уже утвержден (к его собственному удивлению).—Спала сегодня ночью только от 4 до 6, опять совсем потеряла сон—мне нужно тебя!!

Солнце хочет выглянуть, очень глубокий снег, 6 гр. мороза. Аня и я хотим причаститься в воскресенье, так как теперь *рожд. пост*,—чтобы получить силу и помощь.—Я рада, что тебе понравилась икона—разве ее лик не прелестен, хотя грустен? Я посылаю *3 лампадки* от себя и детей *Новг. Знам.*, *Влад. Б. М. на печке* и *Старице* вместе с иконой. Съел ли ты ее яблоко?

---

[1]) Министром внутренних дел.

Я очень рада, что ты велел Фредериксу ответить от нас обоих на эти милые телеграммы.

Почему генералы не позволяют посылать в армию «*Р. Знамя*» (небольшая патриотическая газета)? *Дубровин* находит, что это—позор (я согласна),—а читать всякие прокламации им можно? Наши начальники, право, идиоты.

Новый клуб, устроенный *Треповым* (для офицеров etc.), не очень хорош, я разузнала о нем. *Офицеры* нашего *сводн. полка* ходят туда, и все они встречаются там с *Родзянко*, манифестируя и приветствуя его там,—в высшей степени бестактно. Друг мой, *Дубровин* просит повидать меня—можно или нет? Пожалуйста, скажи *Трепову*: *Дума* распущена до начала фев., так как им нужен срок, чтобы доехать домой (будет больше вреда, если они останутся; *Родзянко* и *Трепов* подстроили это вместе)—поверь совету нашего Друга. Даже дети замечают, что дела идут плохо, если мы Его не слушаем, и, наоборот, хорошо, если слушаем. «*Узкая дорога, но надо прямо по ней итти—по-божьему, а не по-человеческому*»—только надо смотреть на все мужественно и с большей верою.

Вот чудо (все говорят): «*Варяг*» пришел раньше других—*шторм 40 балл.*—от Гибралтара до Глазго. Вода не только хлестала сверху, но забиралась внутрь и—увы!—всюду; машины неважны, их надо скорей чинить в Англии. Наш Друг волновался, когда они вышли из *Владивостока*, но они остались целы и невредимы, потому что *Лили* с верой ходила летом в *Верхот(урье)* и *Тобольск* с *Гр.* и *Ан.*—Благословения, любовь, ласки и поцелуи без конца, мой любимый муженек.

Жаль, что телефон так плох. *Твоя.*

Кож(евников) был очень мил и много рассказывал. Надеюсь, что ты увидишь его раньше, чем он поедет обратно. Он приехал с *Адм.* У них было 3 *крушения* на новой линии.—Вероятно, в феврале «Варяг» должен будет отправиться на 5—6 месяцев в Англию для ремонта, так как опасно оставить его так, он стар и ненадежен. Англичане всюду милы, во всех портах помогают, где и как только могут. Бедному мальчику пришлось произносить речи в Англии. Говорит, что *Ден*—прекрасный капитан, всегда спокоен, никогда не теряет головы. Страшная жара летом. Они плыли 5 месяцев. Их так качало (42), что орудия тащились боком по воде. Так приятно видеть его! Он не мог притти в себя от изумления, что *Анаст(асия)* так растолстела и выросла.

15 декабря 1916 г.

Моя любимая,

Нежно благодарю тебя за милое письмо. В нем столько вопросов, что не знаю, как на все ответить. Самый серьезный, касающийся *Воейкова*, я решу, когда вернусь домой. Я считаю безусловно необходимым водворить мир и спокойствие среди всего населения нашей страны.

Эта комбинация с переменами в *Госуд. Сов.* сделает бесконечно много добра в смысле освежения всей атмосферы.

Я только что принимал румынского министра, который привез мне благодарность от Нандо в ответ на мое приветствие ему, в котором я старался подбодрить его. Диаманди—хороший, честный человек, который правильно смотрит на положение. Я рад, что тебе понравился мой *приказ*. Он был написан *Гурко*,—может быть, немного растянуто, но мне трудно было сокращать, так как смысл мог от этого пострадать. В субботу я очень занят с моими генералами и надеюсь отбыть в воскресенье после обеда. Какая радость!

Завтра возвращается наш Багратион-Мухранский из Стокгольма и Копенгагена. Вчера я видел другого *Багратиона*, который с большим оживлением говорил о тебе и о своей великолепной дивизии.

Сегодня хорошая погода, 3° мороза, и я повеселел. Теперь должен проститься с тобой. Да благословит тебя бог, моя драгоценная женушка! Люблю тебя и нежно целую тебя, а также девочек.

Душой и сердцем с тобой.

Неизменно твой

«бедный, маленький, слабовольный муженек»

Ники.

Телеграмма № 117.

Ставка верх. гл.—Царское Село. 15-го декабря 1916 г. 18 ч. 41 м.—19 ч. 4 м.

Ее величеству.

Сердечно благодарю за дорогое письмо. Мысленно всегда вместе. 3 гр. мороза, тихая, прекрасная погода. Рад, что не выходишь. Горячо целую.

Ники.

Телеграмма № 106.

Царское Село—Ставка. 16 дек. 1916 г. 12 ч. 30 м.—13 ч. 25 м.

Его величеству.

10 градусов мороза. Все еще лежу—сердце еще очень расширено. Пожалуйста, обрати внимание на письма К(алинина) и мое. Твои письма запаздывают. Благословляю и целую.

Аликс.

№ 642. *Царское Село. 16-го декабря 1916 г.*

Мое любимое сокровище,

Утром 10° мороза и маленькие розовые тучки! Все покрыто снегом.

Сегодня ночью спала пять часов, такое счастье! *Боткин* появился. Я его не видала два месяца, по крайней мере, так как наизусть знаю, какие лекарства надо принимать, когда сердце слабо. Ну, он дал мне сильнодействующие капли, потому что сердце очень расширено, и, конечно, велел мне лежать, что я и делаю. Сегодня у меня только *Шведов*, а то я все время лежу на диване. Но я все-таки хочу причаститься в воскресенье, если только можно будет, а потому теперь прошу у тебя прощения, мой дорогой, за каждое слово, которое могло огорчить тебя—боюсь, что я бывала резка по временам, но только от отчаянья, бесконечной любви и желания помочь тебе. Прости меня, дорогой. Мне не следовало бы итти, я устала,—но дух мой бодр.

Дела идут лучше, и *Калин(ин)* держал себя великолепно. Я сказала ему, чтоб он открыто написал тебе обо всем—он стеснялся это сделать. Я сказала, что это его долг, раз ты оказываешь ему доверие. Только благодаря ему были предотвращены скандалы в *Думе*. *Трепов* был трусом, *Шуваев* еще хуже (я хотела бы, чтоб *Беляев* был на его месте,—благородный человек, а не такой, который кланяется *Думе* и ищет популярности),—а *Родз(янко)* выслушал письмо *Кал(инина)* и присмирел.—Да благословит его бог—пусть он продолжает быть таким же твердым и смелым, как до сих пор. Напиши ему словечко в благодарность или поощрение, хочешь? И утверди его *М. Вн. Д.* (это мысль твоей женушки, и думаю, что правильная).

Говорили, что ты никогда не будешь стоять за него и *Питир(има)* против всех, а ты встал за него. Хорошо сделал, муженек мой! Одно только беспокоит меня сейчас: *Гр(игорий)* и *Прот(опопов)* просят не созывать *Думу* до февр., чтобы дать им время разъехаться, что более, чем необходимо. Здесь они держатся «группой», составляя ядовитый элемент в городе, а когда они рассеяны по всей стране, никто не обращает на них внимания и не считается с ними.

Вчера вечером у Ольги был комитет, но это продолжалось недолго. *Володя Волх.*, у которого всегда есть для нее в запасе улыбка, избегал ее взгляда и ни разу ей не улыбнулся—видишь, как наши девочки научились наблюдать людей и их лица. Они очень развились духовно, благодаря этим страданиям. Они знают все, что мы испытываем. Это нужно—это их развивает. К счастью, они часто бывают настоящими детьми, но у них понятие и внутреннее чувство не по летам. Как говорит наш Др., они прошли трудные *курсы*.—*Н. П.* пил чай, много рассказывал про *Одессу* и батальон, *Ольгу Евг.* etc. Он наслушался *Петр.*[1]) ужасов и в бешенстве оттого,

[1]) Петроградских.

что никто не защищает меня, что все могут говорить, писать, намекать на скверные вещи про свою государыню и никто не заступается, не делает выговоров, не наказывает, не ссылает, не штрафует этих типов. Только кн. В. пострадала, остальные все, Милюков и т. д. остаются на свободе. Да, не полюбуешься на людей—трусы! Но многие будут вычеркнуты из будущих придворных списков,—они узнают по заключении мира, что значило во время войны не стоять за своего государя! Зачем у нас такая тряпка вместо м(инистра) двора? Он бы должен был составить списки имен и предложить кары за оскорбление твоей супруги. В частной жизни муж не потерпел бы ни одного часа таких нападок на свою жену. Лично я ничуть не беспокоюсь об этом. Когда я была молода, я ужасно страдала от неправды, которую так часто говорили обо мне (о, как часто!), но теперь мирские дела не затрагивают меня глубоко,—я говорю о гнусностях—все это когда-нибудь разъяснится. Только мой муженек должен был бы немножко заступиться за меня, так как многие думают, что тебе это безразлично, и что ты прячешься за меня. Ты не хочешь отвечать о *Балаш(ове)*—почему ты не приказал Фред(ериксу) написать ему построже? Я не подам ему руки, когда мы встретимся, предупреждаю тебя,—я с нетерпением жду случая высказать ему мое возмущение—маленькая змея! Я не взлюбила его с той минуты, как увидала его, и говорила тебе это. Он думает, что высокое придворное звание позволяет ему писать гнусности,—он совершенно недостоин его. Сказал ли ты, что надо лишить придворного звания кн. Голицына? Не мямли, милый, делай все скорее, это—датский пассажирский поезд (sic). Будь живее в делах, вычеркивай виновных из придворных списков и не слушай возражений Фред(ерикса). Он запуган и не понимает, как обращаться с людьми в настоящий момент.

Ну, прости меня, если я поступила неправильно, спросив мнения *Калинина* о присланном тобою списке. Так как мы ему доверяем,—он вчера приходил к ней на $^1/_2$ часа,—я ее просила узнать, что ему известно об этих людях. Он обещал молчать о том, что видел фамилии кандидатов. Только прежде всего просил поскорее уволить *Макар(ова)*, не зачисляя его в Гос. Сов.,—другие тоже не были туда зачислены,—и не обращать внимания на письмо *Тр-ва*. Поверь совету нашего Др., а теперь и *Кал-на* также—он опытен и держит Тр(епова) вполне в своих руках; другие, напр. *Жевахов*, также знают это. Он несколько времени тому назад говорил с *Щегловит(овым)*, который находит, что *Добровольский*, которого он знает, вполне на своем месте. Я думаю, ты поступишь правильно, назначив его. Я знаю, *Добров(ольский)* очень против проекта предполагаемой реорганизации Сената (кажется, получившего согласие Гос. Сов. и теперь представленного на рассмотрение *Думы*). Он говорит, что он будет столь же дурным и левым, как *Дума*, и ненадежным. Он мне это говорил при свидании. Я тогда говорила только о Сенате и Георгиев. комитете. Пошли за *Калининым*, как только приедешь сюда, а

потом за *Добровольским*, для переговоров, и поскорее назначь *Щегловит(ова)*. Он подходящий человек и на этом месте будет стоять за нас и не допустит скандалов. Твой *приказ* произвел на всех прекрасное впечатление—он явился в такой подходящий момент и так ясно показал твои мысли о продолжении войны. Представь себе,—бедная Зизи была очень взволнована: Милюков в своей речи говорил о *Лиле Нарышкиной*, Лихтенш., шпионах etc. и сказал, что она занимала высокую должность при дворе,—смешав ее с m-me Зизи. Бедная старушка слышала, что это попало в провинциальные газетки. К ней прилетели все *Куракины*, и ей пришлось объяснить им все—ее *«надзирательницы»* полны ужаса, генерал в действующей армии,—как мы можем терпеть вокруг себя таких изменников — вечно намеки на меня и моих людей!!.—Она послала за *Сазоновым* (закадычным другом *Мил(юкова)* и велела ему все объяснить и настоять на том, чтоб тот написал в газетах, что был введен в заблуждение. Это появится в *«Речи»*, и теперь она опять успокоилась. Они задевают всех окружающих меня.

Лиля Н. находится в Астории под надзором полиции. Бедный старик *«Щеголь»* умер прошлой ночью. Это лучше для него, потому что он был так болен! Я собираюсь на-днях поймать Ресина и сказать ему, чтоб он обратил внимание на своих офицеров.—*Комар*. был всегда с ними, а он никогда, и полк стал очень плохим и даже левым. С этим полком очень трудно, раз он такой смешанный, а потому требует головы, чтоб держать его в руках и направлять. О них совсем нехорошо отзываются. Солдаты его не любят, потому что он жесток, а офицерами он совсем не занимается. Только что был старик *Шведов*.—Представь себе, когда он сказал *Трепову*, что он будет членом Совета по твоему и по моему желанию, тот отвечал, что его не касаются приказания, данные Шгюрм(еру), и что от тебя он этого не слыхал. Он принес мне список всех членов, и мы можем вместе просмотреть их—вычеркнуть и прибавить новых. Он ненавидит Кауфмана, говорит, что он говорил большие гадости,—вычеркни его.—Надо взять щетку и вымести сор и грязь, и достать новые, чистые щетки для работы.

Горячее спасибо за милое письмо. Бедняжка, ты устанешь завтра—помоги тебе бог. Только военные, и никаких политических вопросов! Все бесятся по поводу твоего *приказа*,—особенно, конечно, поляки. Котенок залез в камин и чихает там.

Я рада, что ты видел *Багратиона*—как интересно все, что касается его дикарей! Не надо говорить «безвольный», а только слабоват и не уверен в себе и чересчур легко доверяется дурным советам.

Ну, благословляю тебя, целую, для меня ты все. Бог да благословит и сохранит тебя!

Навеки твоя надоедливая

Солнышко.

16 декабря 1916 г.

Моя дорогая,

Нежно благодарю тебя за твое милое письмо. Нет, я не сержусь за другое, написанное тобой, я отлично понимаю твое желание помочь мне.

Но изменить день созыва *Думы* (12 янв.) я не могу, так как он уже назначен в указе, который появится в газетах завтра.

Мы съели яблоко *старицы,* и оба нашли его превосходным. Я прочел описание твоего посещения Новгорода в «*Русск. Инв.*», единственной газете, которую читаю, и был очень доволен.

Надеюсь получить возможность уехать в воскресенье, если наше совещание не слишком затянется. Надо обсудить очень много вопросов.

Сегодня за завтраком было множество иностранцев—два румына, трое англичан и один француз. Конечно, все военные. Удивительно, как много иностранных офицеров приезжает в Россию каждые две недели!

Лучше не принимай *Дубров(ина)* теперь.

На-днях я приказал *Воейк(ову)* телеграфировать *Кал(инину)* мое пожелание ему выздороветь. Да, я тоже нахожу, что хорошо его утвердить и сделать министром. Как раз сейчас я просматривал его бумаги и среди них нашел одно из его писем, такое славное, спокойное. Теперь должен кончить. Да благословит бог тебя, моя дорогая женушка, и девочек!

Нежный привет и поцелуи шлет тебе твой «бедный слабовольный муженек»

Ники.

Телеграмма № 107.

Царское Село—Ставка. 16 дек. 1916 г.
17 ч. 50 м.—18 ч. 55 м.

Его величеству.

Горячее спасибо за милые письма. Мысленно всегда вместе. Спи хорошо. Нежно целую и благословляю. Завтра буду много думать о тебе.

Аликс.

Телеграмма № 120.

Ставка—Царское Село. 16 декабря 1916 г.
18 ч. 53 м.—19 ч. 16 м.

Ее величеству.

Сердечно благодарю за дорогое письмо. Усталость, которую ты чувствуешь,—результат твоей поездки. Завтра в 5 ч. начинается заседание с генералами. Холоднее, но ясно.

Целую нежно. *Ники.*

№ 643. *Царское Село. 17 декабря 1916 г.*

Дорогой мой,

Опять очень холодно, и легкий снежок. Эту ночь спала 5 часов, для меня вполне достаточно,—сердце не особенно хорошо и неважное самочувствие. Видишь ли, состояние моего сердца с некоторого времени ухудшилось. Я не давала себе отдыха, хотя имела на то полное право,—но была лишена возможности это сделать.—Мне было необходимо бывать в госпитале, чтобы дать иное направление своим мыслям, приходилось принимать кучу людей—душевная напряженность за эти последние тяжелые месяцы, конечно, должна была отразиться на слабом сердце; эта прелестная поездка в *Новгород* в физическом отношении была очень утомительна—вот старая машина и пришла в негодность. Надеюсь, что мне удастся поправиться хотя бы к предстоящему Рождеству. С самого начала войны я не была на елке—ни в госпитале, ни в манеже.—Сегодня днем более, чем когда-либо, буду думать о тебе—да благословит господь все твои замыслы и планы! Надеюсь, что тебе удастся предварительно помолиться перед образом.—Я заказала всенощную на дому и (хотя это очень глупо) обедню завтра в 9 в *пещерном храме*. А. тоже будет там, и мы затем в 10 часов хотим исповедаться. Еще раз прости за все причиненные мною тебе огорчения и заботы, мой любимый,—весь завтрашний день сердце и душа будут полны тобой. Каков новый генерал, сменивший *Пустовойтенко*? Этому последнему, вероятно, было тяжело покидать тебя—какой это милый, честный и преданный человек!

Посылаю тебе бумагу, в которой изложены некоторые мысли *Сухомлинова* относительно *Думы*,—ты можешь ее просмотреть в поезде. Я не могу понять, почему задуманное *Воейковым* не было исполнено еще 2 недели тому назад, как предполагалось. — А вот еще сплетня: Анина мать сказала ей, что *Кривошеин* и *Игнатьев* осыпают меня благословениями за то, что я в своей телеграмме просила тебя передать все продовольственное дело в руки *Риттиха*. Во всем этом ни слова правды—вот как люди спокойно лгут и не видят в этом никакого греха!

Ты ведь в поезде дочитаешь этот прелестный английский роман?

Какая радость, какая отрада вновь увидеть тебя дома! В подобное время разлука, уверяю тебя, минутами может довести до отчаянья и даже до сумасшествия. Насколько было бы легче все это вместе переносить и обсуждать, вместо этих писем, которые,—увы,—менее действительны, и которые зачастую должны были тебя раздражать, мой бедный, кроткий ангел! Но я должна пытаться быть противоядием к яду, подносимому другими.

Вполне ли избавился Бэби от своего глиста? Он после этого начнет толстеть и больше не будет таким прозрачным—милый мальчик! [1])

[1]) Далее письмо до конца написано карандашем.

Мы сидим все вместе—ты можешь себе представить наши чувства, мысли—наш Друг исчез. Вчера А. видела Его, и Он ей сказал, что Феликс просил Его приехать к нему ночью, что за Ним заедет автомобиль, чтобы Он мог повидать *Ирину*. Автомобиль заехал за ним (военный автомобиль) с двумя штатскими, и Он уехал. Сегодня ночью огромный скандал в *Юсуповском* доме—большое собрание, *Дмитрий*, *Пуришкевич* и т. д.—все пьяные. Полиция слышала выстрелы. *Пуришкевич* выбежал, крича полиции, что наш Друг убит. Полиция приступила к розыску, и тогда следователь вошел в *Юсуповский* дом—он не смел этого сделать раньше, так как там находился Дмитрий. *Градоначальник* послал за Дмитрием. Феликс намеревался сегодня ночью выехать в Крым, я попросила *Калинина* его задержать.

Наш Друг эти дни был в хорошем настроении, но нервен, а также озабочен был из-за Ани, так как *Батюшин* старается собрать улики против Ани. Феликс утверждает, будто он не являлся в дом и никогда не звал Его. Это, повидимому, была западня. Я все еще полагаюсь на божье милосердие, что Его только увезли куда-то. *Калинин* делает все, что только может. А потому я прошу тебя прислать *Воейкова*. Мы, женщины, здесь одни с нашими слабыми головами. Оставляю ее жить здесь, так как они теперь сейчас же примутся за нее. Я не могу и н е х о ч у верить, что Его убили. Да сжалится над нами бог!

Такая отчаянная тревога (я спокойна—не могу этому поверить).

Спасибо тебе за твое милое письмо. Приезжай немедленно—никто не посмеет ее тронуть или что-либо ей сделать, когда ты будешь здесь. Феликс последнее время часто ездил к Нему.

Благословляю и целую.

Солнышко.

Ц. Ставка. 17 дек. 1916 г.

Мой возлюбленный ангел,

Доклад Гурко окончился раньше обыкновенного, так что я пришел домой и сел писать.

Эверт прибыл вчера, и я видел его за обедом. Он выглядит свежее и моложе, чем в апреле. Сегодня приезжают остальные. *Беляев* тоже появился из Румынии; он остается до конца наших заседаний, потом возвращается, чтобы доложить результаты—Нандо и *Сахарову*, а после этого он желает принять участие в войне и командовать дивизией.

Только что получил твое милое, длинное письмо, за которое нежно благодарю. Когда я вернусь, мы вместе изучим все эти списки и решим все эти вопросы. О *Балашеве* я ничего не сказал старому Фред(эрикс)у и об этом ки. Гол(ицыне) тоже, потому что не знаю, кто он, и что он сказал. Ведь я здесь газет не читаю.

Как ты можешь думать, что генералы на военном совете станут обсуждать политические вопросы? Послушал бы я, как кто-нибудь из них затронул бы такую тему в моем присутствии!

Я так счастлив, что вернусь домой и, может быть, пробуду хоть немножко в новом году.

Один поцелуй Бэби утром и один вечером для меня далеко не достаточно—я изголодался по большем.

Итак, это мое последнее письмо. Надеюсь, что ты будешь чувствовать себя крепче и лучше; соблюдай спокой. Да благословит тебя бог, моя родная, Солнышко мое любимое! Нежно целую тебя и наших дорогих девочек.

Неизменно твой старый муженек *Ники.*

Завтра утром буду думать о тебе.

Телеграмма № 110.

Царское Село—Ставка. 17 дек. 1916 г.
16 ч. 37 м.—17 ч. 7 м.

Его величеству. Срочно.

Горячо благодарю за письма. Не можешь ли немедленно прислать *Воейкова*? Нужно его содействие, так как наш Друг исчез с прошлой ночи. Мы еще надеемся на божье милосердие. Замешаны Феликс и Дмитрий.

Аликс.

Телеграмма № 123.

Ставка—Царское Село. 17-XII—1916 г.
20 ч. 5 м.—20 ч. 45 м.

Ее величеству.

Сердечно благодарю. Ужасно, что для Воейкова нет поезда до завтра. Не может ли помочь Калинин? Нежно целую.

Ники.

Телеграмма № 111.

Царское Село—Ставка. 17 дек. 1916 г.
22 ч. 24 м.—23 ч. 10 м.

Его величеству.

К(алинин) делает все возможное. Пока еще ничего не нашли. Ф(еликс), намеревавшийся уехать в Крым, задержан. Так хочу, чтобы ты был здесь. Помоги нам, боже! Спи спокойно. В молитвах и мыслях вместе. Благословляю с безграничной нежностью. *Аликс.*

Телеграмма № 114.

Царское Село—Ставка. 18 декабря 1916 г.
11 ч. 42 м.—12 ч. 55 м.

Его величеству.

Только что причастилась в домовой церкви. Все еще ничего не нашли. Розыски продолжаются. Есть опасение, что эти два мальчика затевают еще нечто ужаснее. Не теряю пока надежды. Такой яркий солнечный день. Надеюсь, что ты выедешь сегодня, мне страшно необходимо твое присутствие. Благословляю и целую.

Аликс.

Телеграмма № 125.

Ставка верх. главн.—Царское Село. 18 декабря 1916 г.
14 ч. 32 м.—15 ч. 12 м.

Ее величеству.

Сердечно благодарю. Выезжаю 4.30. Очень занят эти два дня. Здесь тоже удивительно яркое солнце; 14 гр. мороза. Сейчас последнее заседание. Мысленно с вами.

Нежный привет.

Ники.

Телеграмма № 116.

Царское Село—Ставка. 18 декабря 1916 г.
15 ч.—15 ч. 45 м.

Его величеству. Срочно.

Приказала *Максимовичу* твоим именем запретить Д(митрию) выезжать из дому до твоего возвращения. Д(митрий) хотел видеть меня сегодня, я отказала. Замешан главным образом он. Тело еще не найдено. Когда ты будешь здесь? Целую без конца.

Аликс.

Телеграмма № 0770.

Орша вокз.—Царское Село. 18 декабря 1916 г.
18 ч. 38 м.—19 ч. 32 м.

Ее величеству.

Только сейчас прочел твое письмо. Возмущен и потрясен. В молитвах и мыслях вместе с вами. Приеду завтра в 5 ч. Сильный мороз. Заседание окончилось в 4 ч. Благословляю и целую.

Ники.

Телеграмма № 119.

Царское Село—Малая Вишера. 19 дек. 1916 г. 13 ч. 50 м.—14 ч.

Его величеству. Вслед.

Нежно благодарю за вчерашнюю телеграмму и дорогое письмо, которое днем поздно получила. Нашли в воде. Мысли, молитвы вместе. Мы все крепко вас целуем [1]).

Аликс.

№ 644. *Царское Село. 22 февраля 1917 г.*

Мой драгоценный! С тоской и глубокой тревогой я отпустила тебя одного без нашего милого, нежного Бэби. Какое ужасное время мы теперь переживаем! — Еще тяжелее переносить его в разлуке—нельзя приласкать тебя, когда ты выглядишь таким усталым, измученным. Бог послал тебе воистину страшно тяжелый крест. Мне так страстно хотелось бы помочь тебе нести это бремя! Ты мужественен и терпелив — я всей душой чувствую и страдаю с тобой, г о р а з д о б о л ь ш е, чем могу выразить словами. Что я могу сделать? Только молиться и молиться! Наш дорогой Друг в ином мире тоже молится за тебя—так Он еще ближе к нам. Но все же как хочется услышать Его утешающий и ободряющий голос! Бог поможет, я верю, и ниспошлет великую награду за все, что ты терпишь. Но как долго еще ждать! Кажется, дела поправляются. Только, дорогой, будь тверд, покажи властную руку, вот что надо русским! Ты и и к о г д а не упускал случая показать любовь и доброту,—дай им теперь почувствовать порой свой кулак. Они сами просят этого—сколь многие недавно говорили мне: «нам нужен кнут». Это странно, но такова славянская натура—величайшая твердость, жестокость даже—и горячая любовь. С тех пор как они стали теперь «чувствовать» тебя и *Калинина*, они начали успокаиваться. Они должны научиться бояться тебя—любви одной мало. Ребенок, обожающий своего отца, все же должен бояться разгневать, огорчить или ослушаться его! Надо играть поводами: ослабить их, подтянуть, но пусть всегда чувствуется властная рука. Тогда доброта больше будет цениться, мягкость одну они не понимают. Удивительны людские сердца! И, странно сказать, у людей из высшего общества они не мягки и не отзывчивы. В обращении с ними нужна решительность, особенно теперь. Мне грустно, что мы были не одни во время последнего нашего завтрака, но твои тоже хотели тебя видеть. Бедная крошка Ксения с такими мальчишками, как у нее, и дочерью, вышедшей замуж в эту порочную семью, с таким лживым мужем! [2]) Мне глубоко жаль ее. Столько в мире печали

[1]) Телеграмма на русском языке.

[2]) Речь идет об Ирине Александровне, дочери вел. кн. Александра Михайловича и Ксении Александровны,—жене кн. Ф. Ф. Юсупова, гр. Сумарокова-Эльстон, одного из убийц Распутина.

и горя, великая сердечная скорбь гложет непрерывно! Так хочется покоя и мира, чтоб хоть немножко набраться сил и продолжать бороться и пробиваться по этому тернистому пути к сияющей цели!

Надеюсь, что никаких трений или затруднений у тебя с *Алексеевым* не будет, и что ты о ч е н ь скоро сможешь вернуться. Это во мне говорит не одно только эгоистическое желание. Я знаю слишком хорошо, как «ревущие толпы» ведут себя, когда ты близко. Они еще боятся тебя и должны бояться еще больше, так что, где бы ты ни был, их должен охватывать все тот же трепет. И для министров ты т о ж е т а к а я сила и руководитель! Вернись скорее— ты видишь, я прошу тебя не за себя и даже не ради Бэби—об этом ты сам всегда помнишь. Я понимаю, куда призывает долг, — как раз теперь ты г о р а з д о нужнее здесь, чем там. Так что, как только уладишь дела, пожалуйста, вернись домой дней через десять, пока все не устроится здесь, как надо. Твоя жена—твой оплот—неизменно на страже в тылу. Правда, она немного может сделать, но все хорошие люди знают, что она всегда твоя стойкая опора. Глаза мои болят от слез. Со станции я поеду прямо к *Знаменью*—именно потому, что бывала с тобой там раньше, это успокоит и укрепит меня, и я помолюсь за тебя, мой ангел. О, боже, к а к я люблю тебя! Все больше и больше, глубоко, как море, с безмерной нежностью. Спи спокойно, не кашляй—пусть перемена воздуха поможет тебе совсем оправиться. Да хранят тебя светлые ангелы, Христос да будет с тобой, и пречистая дева да не оставит тебя! Наш Друг поручил нас ее *знамени*. Благословляю тебя, крепко обнимаю и прижимаю твою усталую голову к моей груди. Ах, одиночество грядущих ночей—нет с тобой Солнышка, и нет Солнечного Луча! [1]). Вся наша горячая, пылкая любовь окружает тебя, мой муженек, мой единственный, мое все, свет моей жизни, сокровище, посланное мне всемогущим богом! Чувствуй мои руки, обвивающие тебя, мои губы, нежно прижатые к твоим—вечно вместе, всегда неразлучны. Прощай, моя любовь, возвращайся скорее к твоему старому *Солнышку*.

Пожалуйста, съезди к образу пречистой девы, как только сможешь. Я т а к м н о г о молилась за тебя там.

Телеграмма № 205.

Бологое—Царское Село. 22 февраля 1917 г.
20 ч. 55 м.—21 ч. 17 м.

Ее величеству.

Едем хорошо. Мысленно со всеми. Одиноко и скучно. Очень благодарю за письма. Обнимаю всех. Спокойной ночи.

Ники.

[1]) Солнечный Луч—наследник.

Телеграмма № 1.

Ставка верх. главн.—Царское Село. 23 февраля 1917 г. 15 ч. 40 м.—16 ч. 20 м.

Ее величеству.

Прибыл благополучно. Ясно, холодно, ветрено. Кашляю редко. Чувствую себя опять твердым, но очень одиноким. Сердечно благодарю за телеграммы тебя и Бэби. Мысленно всегда вместе. Тоскую ужасно. Нежно целую всех.

Ники.

№ 645. *Ц. С. 23 февраля 1917 г.*

Мой ангел, любовь моя,

Ну, вот—у Ольги и Алексея корь. У Ольги все лицо покрыто сыпью, у Бэби больше во рту, и кашляет он сильно, и глаза болят. Они лежат в темноте—мы завтракали еще вместе в Игральной. П. В. П. [1]) читает ему, я слышу его голос, я сама на Ольгином диване. Мы все в летних юбках и в белых *халатах*, а если надо принять кого (кто не боится), тогда переодеваемся в платья. Едим в *красной комнате*. Если другим не миновать этого, то я хотела бы, чтоб они захворали скорее. Это веселее для них и не продлится так долго.

Аня может тоже заразиться. Она лежит в постели и кашляет, вчера у нее было 38, а после приема лекарств температура упала. Только что получила твою телеграмму, что ты прибыл благополучно—слава богу! Представляю себе твое ужасное одиночество без милого Бэби—он просил телеграфировать тебе. Ему и Ольге грустно, что они не могут писать тебе—им нельзя утомлять глаз. Все целуют тебя крепко, крепко. Ах, любовь моя, как печально без тебя—как одиноко, как я жажду твоей любви, твоих поцелуев, бесценное сокровище мое, думаю о тебе без конца! Надевай же крестик иногда, если предстоят трудные решения,—он поможет тебе. Ездила в деревню *Алекс.* с Т., М. и А. [2]) в закрытом автомобиле, встретили много матросов и *Кублицкого*, говорила с ним. Он рассказал, что *Хвощинский* видел, как ты проехал.

Ясный, солнечный день, и не очень холодно. Если им будет нехорошо, буду тебе телеграфировать очень часто. Прощай, мой единственный. Господь да благословит и сохранит тебя! Покрываю тебя поцелуями.

Навсегда твоя.

---

[1]) Петр Васильевич Петров, учитель наследника по русскому языку.

[2]) Татьяна, Мария и Анастасия—дочери А. Ф.

Телеграмма № 2.

Ставка—Царское Село. 23 февраля 1917 г.
18 ч. 44 м.—19 ч. 20 м.

Ее величеству.

Какая досада! Так надеялся, что они избегнут кори. Сердечнейший привет всем. Спи спокойно.

Ники.

Ц. Ставка. 23 февр. 1917 г.

Мое возлюбленное Солнышко,

Сердечно благодарю за твое дорогое письмо, которое ты оставила в моем купэ. Я с жадностью прочел его перед отходом ко сну. Мне стало хорошо от него в моем одиночестве после того, как мы два месяца пробыли вместе. Если я не мог слышать твоего нежного голоса, то, по крайней мере, мог утешиться этими строками нежной любви. Я ни разу не выходил, пока мы не приехали сюда. Сегодня я чувствую себя гораздо лучше—хрипоты нет и кашель не так силен.—Был солнечный и холодный день, и меня встретила обычная публика с *Алексеевым* во главе. Он выглядит действительно очень хорошо и на лице выражение спокойствия, какого я давно не видал. Мы с ним хорошо поговорили с полчаса. После этого я привел в порядок свою комнату и получил твою телеграмму о кори Ольги и Бэби. Я не поверил своим глазам—так неожиданна была эта новость. Особенно после его собственной телеграммы, где он говорит, что чувствует себя хорошо. Как бы то ни было, это очень скучно и беспокойно для тебя, моя голубка. Может быть, ты перестанешь принимать такое множество народу? Законный повод—боязнь передать заразу их семьям. В 1-м и 2-м кадетских корпусах количество мальчиков, заболевших корью, все увеличивается. За обедом видел всех иностранных генералов—они были очень огорчены такими печальными новостями. Здесь в доме так спокойно, ни шума, ни возбужденных криков! Я представляю себе, что он спит в своей спальне. Все его маленькие вещи, фотографии и безделушки в образцовом порядке в спальне и в комнате с круглым окном!

Не надо! [1]) С другой стороны, какое счастье, что он не приехал со мной т е п е р ь сюда—для того только, чтобы заболеть и лежать здесь в нашей маленькой спальной! Дай бог, чтоб корь прошла без осложнений, и лучше бы все дети переболели ею сразу!

Мне очень не хватает $^1/_2$ часового пасьянса каждый вечер. В свободное время я здесь опять примусь за домино.—Эта тишина вокруг гнетет, конечно, если нет работы.—Старый *Иванов* был любезен и мил за обедом. Моим другим соседом был сэр Г. Виллиамс, кото-

[1]) Интимное семейное выражение.

рый — в восторге, что видел здесь за последнее время столько соотечественников.

Ты пишешь о том, чтобы быть твердым—повелителем, это совершенно верно. Будь уверена, я не забываю, но вовсе не нужно ежеминутно огрызаться на людей направо и налево. Спокойного резкого замечания или ответа очень часто совершенно достаточно, чтобы указать тому или другому его место.

Ну, дорогая моя, уже поздно. Спокойной ночи, бог да благословит твой сон! Спи спокойно, хоть я и не могу согреть тебя.

24 февр.

Очень пасмурный, ветренный день, идет густой снег, ни признака весны. Только что получил твою телеграмму о здоровьи детей. Я надеюсь, они все схватят на этот раз.

Посылаю тебе и *Алексею* ордена от короля и королевы бельгийских на память о войне. Ты поблагодари ее лучше сама. Вот он обрадуется новому крестику! Бог да сохранит тебя, моя радость! Целую крепко тебя и детей. Мысленно и в молитвах со всеми вами.

Твой муженек

Ники.

Телеграмма № 4.

Ставка—Царское Село. 24 февраля 1917 г.
15 ч. 22 м.—16 ч. 7 м.

Ее величеству.

Большое спасибо за обе телеграммы. Пожалуйста, не переутомись, бегая от одного больного к другому. Поезд опоздал из-за снежной бури. Кашель меньше. Нежнейшие поцелуи всем.

Ники.

Телеграмма № 6.

Ставка—Царское Село. 24 февраля 1917 г.
21 ч. 8 м.—21 ч. 53 м.

Ее величеству.

Сердечно благодарю за милые письма тебя и Татьяну. Передай всем болящим мой самый горячий привет. В мыслях непрестанно вместе. Спи хорошо. Бог да благословит тебя.

Ники.

№ 646. *Царское Село. 24 февр. 1917 г.*

Бесценный мой,

Погода теплее, $4^1/_2$ гр. Вчера были беспорядки на *В(асильевском) острове* и на *Невском*, потому что бедняки брали приступом булочные. Они вдребезги разнесли *Филиппова*, и против них вызывали казаков. Все это я узнала неофициально. Вчера вечером Бэби был весел, я читала ему «Дети Елены» [1]), потом ему читал *П. В. П.* 38.1 в 9; в 6—38.3. У Ольги оба раза 37.7. Вид у нее хуже, изнуренный. Он спал хорошо и теперь у него 37.7. В 10 пошла посидеть с Аней (у нее, вероятно, корь—37.7, сильный кашель, болит горло,—а, может быть, *ангина)*, а потом с *Лили, И. И.* и *Родионовым*, который обедал у нее в корридоре, так как она была в постели.

Итак, наконец, *Варяг* уходит в Англию на 6 месяцев—может быть, сегодня. Она [2]), конечно, молодцом, но видно, как огорчена, разочарована и беспокоится.

Каким страшно одиноким должен был ты чувствовать себя первую ночь! Не могу представить тебя без Бэби, мой бедный, милый ангел!

Я надеюсь, что *Кедринского* [3]) из *Думы* повесят за его ужасную речь—это необходимо (военный закон, военное время), и это будет примером. Все жаждут и умоляют тебя проявить твердость.

Мне хочется, чтобы ты расследовал историю с *Андреем и Кутайсовым* (истинность ее удостоверена, есть артиллерийские офицеры, которые готовы присягнуть по поводу этого). Надо наказать *Андрея* за то, что он осмелился отказать в приеме твоему адъютанту только потому, что тот исполнил свой долг. Ах, если б только Фредерикс был здоровее—это его дело!

Я думаю, *Кутайсов* будет скоро у тебя по делам службы, но я надеюсь, что ты вернешься раньше.

Не забудь написать Джорджи [4]) о Бьюкенене. Не откладывай этого.

Ну, у Ани корь, в 3 у нее было 38.3; у *Татьяны* тоже, и тоже 38.3. *Ал.* и *Ольга*—37.7, 37.9. Я перехожу из комнаты в комнату, от больного к больному. Отправила Марию и Анастасию обратно в их комнаты. М-г Гиббс в *халате* читает *Алексею* в его комнате,—несколько занавесок спущено. У Ольги и Т. совсем темно, так что я пишу у лампы (на диване). Принимала втечение $1^1/_2$ часов бельгийца, спамца, датчанина, перса, испанца, двух японцев, *Корфа*, *Бенкендорфа*, моих двух пажей, Настеньку, которая завтра едет на Кавказ, так как ее сестра очень больна, Изу (не дотрогиваясь до нее) и

---

[1]) Юмористическая повесть Дж. Габбертона.

[2]) Ден, Юлия Алекс. (Лили), жена К. А. Ден, ком. крейсера «Варяг».

[3]) Повидимому, А. Ф. Керенский, член Госуд. Думы.

[4]) Георг V, король английский.

Гротена от *Калинина*. Беспорядки хуже в 10 часов, в 1 меньше—теперь это в руках *Хабалова*. Видела твоего Муфти в 6 час., а также одну даму.

Вышла на минуту поставить свечки за всех вас, мои сокровища,—воздух показался дивным. Марию и Анастасию не могла взять с собой, так как у них (и у *Шуры)* в горле обнаружились определенно подозрительные признаки,—так сказали 4 доктора, так что они остались с Аней. Я отправляюсь к ней утром на час и вечером тоже—целое путешествие в другой конец дома, но меня возят. Она страшно кашляет. Татьяна также,—у нее головная боль. У Ольги на лице сильная сыпь. Бэби большей частью на ногах.

Принимала вчера *Безобразова*. Он крепко надеется, что ты его не забудешь,—я сказала, что, конечно нет, но он должен выждать, чтоб получить хорошее место.

Прости за скучное письмо, но за день столько хлопот и, кроме того, без конца разговоры по телефону. Дети целуют тебя крепко. Бэби целует и спрашивает, как ты себя чувствуешь и что делает *Кулик (смотритель)*. Надо кончать, мое солнышко. Благослови и сохрани тебя бог! Без конца целую тебя. Нежно преданная и горячо любящая твоя старая *Женушка*.

Непременно выясни насчет креста *И. П.* Он обедает сегодня с *Маклаковым*, *Калининым*, *Римским-Корсаковым* и др. у *Бурдюкова*.

Ц. Ставка. 24 февр. 1917 г.

Моя душка, Солнышко милое!

Благодарю сердечно за твое дорогое письмо. Итак, у нас трое детей и Аня лежат в кори! Постарайся, чтобы Мария и Анастасия тоже схватили, так проще и лучше для всех них и для тебя также! И все это случилось как только я уехал, всего только два дня назад! *Сергей Петрович* интересуется, как будет развиваться болезнь. Он находит, что для детей, а особенно для Алексея, абсолютно необходима перемена климата после того, как они выздоровеют — вскоре после Пасхи. На мой вопрос, куда, по его мнению, лучше было бы поехать, он назвал Крым. Он сказал мне, что у него есть сын (я никогда не знал об этом), который схватил корь, и целый год мальчик непрерывно кашлял, пока его не послали на юг, где он совершенно и очень быстро выздоровел. Когда он говорил об этом, у него были слезы на глазах. Действительно, совет великолепный, и каким отдыхом это было бы для тебя! Кроме того, комнаты в Царском надо дезинфицировать, а ты, вероятно, не захочешь переехать в Петергоф,—тогда где же жить?

Мы спокойно обдумаем все это, когда я вернусь, что, как я надеюсь, будет скоро!

Мой мозг отдыхает здесь—ни министров, ни хлопотливых вопросов, требующих обдумывания. Я считаю, что это мне полезно, но только для мозга. Сердце страдает от разлуки. Я ненавижу эту раз-

луку, особенно в такое время! Я буду недолго в отсутствии—по возможности направить все дела здесь, и тогда мой долг будет исполнен.

25 февр.

Сейчас получил твою утреннюю телеграмму. Слава богу, нет осложнений. Первые дни температура всегда высока и спускается медленно к концу. Бедная Аня, представляю, что она чувствует и насколько ей хуже, чем детям!

Сейчас, в 2. 30, перед тем, как отправиться на прогулку, я загляну в монастырь и помолюсь за тебя и за них пречистой деве. Последние снежные бури, окончившиеся вчера, по всем нашим юго-западным ж.-д. линиям поставили армии в критическое положение. Если движение поездов не возобновится тотчас же, то через 3—4 дня в войсках наступит настоящий голод. Ужасно! Прощай, моя любовь, моя дорогая, маленькая женушка. Бог да благословит тебя и детей!

Нежно любящий, твой навеки муженек

Ники.

№ 647. *Царское Село. 25 февр. 1917 г.*

Бесценное, любимое сокровище,

8°, легкий снежок,—пока сплю хорошо, но несказанно тоскую по тебе, любовь моя. Стачки и беспорядки в городе более чем вызывающи (посылаю тебе письмо *Калинина* ко мне. Оно, правда, немногого стоит, так как ты, наверное, получишь более подробный доклад от *градоначальника)*. Это *хулиганское* движение, мальчишки и девчонки бегают и кричат, что у них нет хлеба,—просто для того, чтобы создать возбуждение,—и рабочие, которые мешают другим работать. Если бы погода была очень холодная, они все, вероятно, сидели бы по домам. Но это все пройдет и успокоится, если только *Дума* будет хорошо вести себя. Худших речей не печатают, но я думаю, что за антидинастические речи необходимо немедленно и очень строго наказывать, тем более, что теперь военное время. У меня было чувство, когда ты уезжал, что дела пойдут плохо. Уволь *Батюшина*, вспомни, что *Алексеев* твердо стоит за него. *Бат(юшин)* выбрал себе адъютанта—теперь он полковник, который прежде был очень беден. Его жена принесла ему в приданое 15.000, теперь же он стал очень богат.—Странно! *Батюшин* тоже запугивает людей, заставляет платить ему большие суммы, чтобы не быть высланными (без всякой вины). Отделайся от него, мой дорогой,—я говорю о *Батюшине*,—поскорее. Как ты находишь *Алексеева?* Не возьмешь ли к себе доброго *Головина* вместо нового человека, который не очень тебе нравится? Прежде всего твори свою волю, мой дорогой! Тяжело не быть вместе. Аня шлет привет. Ей хуже всех, она страшно страдает от ужасного кашля и днем и ночью, сыпь внутри так и жжет. Сегодня утром у нее было тоже 38,6, у Ольги—37.6, у Тать-

яны—37.1. Бэби еще спит. Напиши мне привет для Ани—это будет ей приятно. Милая Лили опять приходила, и потом, после того как мы побывали у Ани в 11 часов, сидела со мной и пила чай до отхода поезда. Страшно неприятны приемы: был китаец, португалец с 2 дочерьми, грек, аргентинец с женой. Я надеюсь, что *Бойсман* окажется подходящим для Крыма. Пожалуйста, сходи на минуту к иконе пречистой девы и спокойно помолись—за себя, чтоб прибавилось сил, за наше большое и малое семейство. Брат нашего *Княжевича* умер в Москве, он был заведующим в моем *складе*. Старая m-me *Мин* умерла в городе, но ее похоронят здесь.—Я думаю, Анастасия заразится сегодня, вчера она выглядела подозрительно. Доктора нашли ее горло подозрительным, но температура пока нормальна. *Акилина* ухаживает за Аней, и все доктора тоже.—Сейчас я читаю отчет шведского пастора Неандера, посетившего наших пленных в Германии и Австрии. Теперь он приехал продолжать работу здесь; на той неделе я его приму. Бывший пензенский губернатор генерал *Горяинов* просил его посетить могилу его сына в Фридланде; он был и нашел ее в порядке, на ней березовый крест, сделанный нашими солдатами в одном германском поместьи. Многие там умерли (наши устроили там госпиталь) с 5 авг. до 8 сент. 1914 г. Семейство (*? Ред.*) справлялось о днях рождений и именин, чтобы возложить венки. Потом он был на городском кладбище и нашел там много наших могил и одну с надписью: *Ген.-Майор Маковский, Командир СПБ полка, павший во славу русского оружия на поле брани под Фридл. 2-го июня 1807 г.*

Аня послала за мной, потому что чувствовала себя очень плохо: не могла дышать как следует; так продолжалось от 10½ до 12. Потом я ее успокоила, и она почувствовала себя легче,—просит твоих «чистых молитв»—она все время боится. В час у Бэби было 38.5, у Ольги—38.1, у Татьяны—37.4. Сижу со всеми, сменяю, пишу в темноте на диване Ольги.

Только что поставила свечки у *Знаменья*. Устала после приемов, разговаривала с Апраксиным и *Бойсманом*. Последний говорит, что здесь необходимо иметь настоящий кавалерийский полк, который сразу установил бы порядок, а не запасных, состоящих из петербургского люда. *Гурко* не хочет держать здесь твоих улан, а *Гротен* говорит, что они вполне могли бы разместиться.

Бойсман предлагает, чтобы *Хабалов* взял военные пекарни и пек немедленно хлеб, так как, по словам Бойсмана, здесь достаточно муки. Некоторые булочные также забастовали. Нужно немедленно водворить порядок, день ото-дня становится все хуже. Я велела Б(ойсману) обратиться к *Калинину* и сказать ему, чтоб он поговорил с *Хабаловым* насчет военных пекарен. Завтра воскресенье, и будет еще хуже. Не могу понять, почему не вводят карточной системы, и почему не милитаризуют все фабрики,—тогда не будет беспорядков. Забастовщикам прямо надо сказать, чтоб они не устраивали стачек, иначе их будут посылать на фронт или строго наказывать. Не надо стрельбы, нужно только поддерживать порядок и не пускать их пере-

ходить мосты, как они это делают. Этот продовольственный вопрос может свести с ума. Прости за унылое письмо, но кругом столько докуки.

Целую и благословляю.

Навеки твоя старая *Женушка.*

Никто не чувствует себя особенно плохо. Аня кашляет и страдает больше всех. В с е целуют тебя 1000 раз.

Телеграмма № 8.

Ставка—Царское Село. 25-II—1917 г.
19 ч. 35 м.—20 ч. 20 м.

Ее величеству.

Нежно благодарю за милое письмо. Марию тоже. Мысли мои все время не покидают вас. Холодная, ветреная, серенькая погода. Шлю тебе и больным мой сердечнейший привет.

Ники.

№ 648. *Царское Село. 26 февр. 1917 г.*

Дорогой мой возлюбленный,

Какая радость! В 9 часов сегодня получила твое письмо от 23—24-го. Подумай, как долго оно шло! Еще и еще благодарю за него. Я покрыла его поцелуями и буду еще часто целовать. Я так одинока без тебя, н е с к е м поговорить по душе, так как Аня ужасно страдает: она кашляет, у нее очень высокая температура. Доходило, я думаю, даже до 40. Почти не спит. Сейчас утром уже 39.8. Около нее много сиделок—*Акилина, Федосья Степановна, сестра Татьяна* (из моего поезда), они сменяются по 2, и *Маня* и *Жук*, 4 детских доктора утром, потом *Евгений Сергеевич* и *Владимир Николаевич* от 2 до 3 раз в день; и ее доктор, которого она любит и который ее любит, провел около нее эту ночь. Дети бывают трижды в день, я—дважды. Вечером—Лили, милое существо. Ты знаешь, какая это беспокойная и капризная больная. Но она, действительно, страдает, и теперь, к счастью, пятна начали покрывать все ее лицо и грудь. Это лучше, когда они выходят наружу. Я ходила к *Знаменью* вчера и хочу побывать сегодня. Ходить в церковь в одиночку к службе, когда я так устала и так нужна им, я думаю, не надо. Бог видит мои молитвы и здесь. Дети веселы, Анастасия и Мария называют себя *сиделками*, болтают без умолку и телефонируют направо и налево. Они страшно помогают мне, но я боюсь, что они тоже свалятся. *Жилик* [1]) еще очень слаб и навещает только Бэби. М-г Гиббс с ним. Все эти темные комнаты угнетают, хотя большая комната Бэби со спущенными занавесками все же светлее.

[1]) Ласкательное имя г. Жильяр.

Сегодня я не приму никого, не могу продолжать приемов. Но завтра придется снова. *Бойсман* говорил очень хорошо, только он боится, что *Княжевича* выберут предводителем дворянства—это осложнит дело. Рассказывал мне много о беспорядках в городе (я думаю, больше 200.000 человек). Он находит, что просто не умеют поддержать порядка. Но я писала об этом уже вчера, прости—я глупенькая. Необходимо ввести карточную систему на хлеб (как это теперь в каждой стране), ведь так устроили уже с сахаром, и все спокойны и получают достаточно. У нас же—идиоты. Оболенский этого не желал сделать, хотя Медем и хотел после того, как удалось в Пскове. Один бедный жандармский офицер был убит толпой, и еще несколько человек. Вся беда от этой зевающей публики, хорошо одетых людей, раненых солдат и т. д.—курсисток и проч., которые подстрекают других. *Лили* заговаривает с *извозчиками*, чтобы узнавать новости. Они говорили ей, что к ним пришли студенты и объявили, что если они выедут утром, то их застрелят. Какие испорченные типы! Конечно, *извозчики* и вагоновожатые бастуют. Но они говорят, это не похоже на 95 [1]), потому что все обожают тебя и только хотят хлеба. *Лили* говорила с *Гротеном* вместо меня, так как я не могла оставить Ани. Теперь, наконец, я могу принять свои капли. Какая теплая погода! Досадно, что дети не могут покататься даже в закрытом автомобиле. Милый *Родионов* послал для Ольги, Татьяны и Ани по горшку ландышей от *Экипажа*. Завтрак у стрелков не состоялся, так как полк должен быть наготове на случай тревоги.

Одиночество твое должно быть ужасно—окружающая тишина подавляет моего бедного любимого!

3½. Только что получила твое милое письмо от вчерашнего дня. Сердечно благодарю, мой дорогой. Да, конечно, перемена воздуха поможет после болезни, но в Ливадии будет слишком мучительно и хлопотливо теперь. Ну, хорошо—мы это еще обдумаем потом. Маленькие все время вместе с другими и с Аней—они еще могут заразиться. Татьяна кашляет страшно—37.8, Ольга—39.1, Алексей—39. 6, Аня—40.1. Я только что брала Марию к *Знаменью* поставить свечи, ходили на могилу нашего Друга. Теперь церковь настолько высока, что я могу стать на колени и молиться там спокойно за всех вас, и *дневальный* меня не видит. Мы ходили к *Алекс*. Остановились и разговаривали с М. *Ивановым*, *Хвощинским*, с новыми и с доктором. Мягкая погода, очень солнечно. Я принесла тебе этот кусочек дерева с Его могилы, где я стояла на коленях.

В городе дела вчера были плохи. Произведены аресты 120—130 человек. Главные вожаки и *Лелянов* привлечены к ответственности за речи в *Гор. Думе*. Министры и некоторые правые члены *Думы* совещались вчера вечером (*Калинин* писал в 4 час. утра) о принятии строгих мер, и все они надеются, что завтра все будет спокойно. Те

[1]) Так в подлиннике.

хотели строить баррикады и т. д. В понедельник я читала гнусную прокламацию. Но, мне кажется, все будет хорошо. Солнце светит так ярко, и я ощущала такое спокойствие и мир на Его дорогой могиле! Он умер, чтобы спасти нас. *Бурдюков* настаивает на том, чтоб повидать меня сегодня, а я так надеялась никого не видеть! Настенька уезжает сегодня вечером в *Кисловодск*—там царит Михень, как говорят. Бэби—это одна сплошная сыпь—покрыт ею, как леопард. У Ольги большие плоские пятна, Аня тоже вся покрыта. У всех болят глаза и горло. У Ани было шесть докторов, 2 сестры и *Жук*, Мария и я. Это безумие, но ей это нравится, успокаивает ей нервы. *Беккер* пришла к ней.

Совсем не чувствуется воскресенья.

Надо итти обратно, к ним, в потемки. Благословляю и целую без конца. Дай бог, чтоб морозы прекратились на юге. Мой Романовский поезд сошел с рельс из-за льда близ *Киева*. Бог поможет—это, кажется, уже предел. Вера и упование! Так спокойно от сознания, что ты был у этого дорогого образа. Навеки, дорогой Ники, твоя старая

Солнышко.

Телеграмма № 10.

Ставка верх. гл.—Царское Село. 26 февраля 1917 г. 18 ч. 32 м.—19 ч. 15 м.

Ее величеству.

Нежно благодарю за дорогое письмо,—Анастасию тоже,—и за известия. Рад, что самочувствие их не плохо. Сердечнейший привет всем.

Ники.

Ц. Ставка. 26 февр. 1917 г.

Моя любимая,

Поезда все опять перепутались. Письмо твое вчера пришло после 5 часов. Сегодня же последнее, № 647, пришло как раз перед завтраком. Крепко целую за него. Пожалуйста, не переутомись, бегая между больными.

Видайся чаще с Лили Ден—это хороший, рассудительный друг.

Я был вчера у образа преч. девы и усердно молился за тебя, моя любовь, за милых детей и за нашу страну, а также за Аню. Скажи ей, что я видел ее брошь, приколотую к иконе, и касался ее носом, когда прикладывался.

Вчера вечером был в церкви. Старуха, мать архиерея, благодарила за деньги, которые мы пожертвовали. Сегодня утром во время службы я почувствовал мучительную боль в середине груди, продолжавшуюся $^1/_4$ часа. Я едва выстоял, и лоб мой покрылся каплями пота. Я не понимаю, что это было, потому что сердцебиения у меня не было, но потом оно появилось и прошло сразу, когда я встал на колени перед образом преч. девы.

Если это случится еще раз, скажу об этом *Федорову*. Я надеюсь, что Хабалов сумеет быстро остановить эти уличные беспорядки. *Протопопов* должен дать ему ясные и определенные инструкции. Только бы старый *Голицын* не потерял голову!

Скажи *Алексею*, что *Кулик* и *Глина* здоровы и помнят его.

Да благословит тебя бог, мое сокровище, детей и ее!

Целую всех нежно.

Навеки твой

Ники.

Телеграмма № 11.

Ставка верх. главн.—Царское Село. 26 февраля 1917 г. 21 ч. 20 м.—22 ч. 8 м.

Ее величеству.

Сердечно благодарю за телеграммы. Выезжаю послезавтра. Покончил здесь со всеми важными вопросами. Спи спокойно. Да благословит вас всех бог.

Ники.

Ц. Ставка. 27 февр. 1917г.

Мое сокровище!

Нежно благодарю за твое милое письмо. Это будет моим последним. Как счастлив я при мысли, что увидимся через 2 дня! У меня много дела и потому письмо мое кратко. После вчерашних известий из города я видел здесь много испуганных лиц. К счастью, *Алексеев* спокоен, но полагает, что необходимо назначить очень энергичного человека, чтобы заставить министров работать для разрешения вопросов продовольственного, железнодорожного, угольного и т. д. Это, конечно, совершенно справедливо. Беспорядки в войсках происходят от *роты выздоравливающих*, как я слышал. Удивляюсь, что делает Павел? Он должен был бы держать их в руках. Благослови тебя бог, мое дорогое Солнышко. Крепко целую тебя, детей. Передай ей мой поклон.

Навеки твой

Ники.

Телеграмма № 12.

Ставка верх. главн.—Царское Село. 27 февраля 1917 г. 19 ч. 6 м.—20 ч. 2 м.

Ее величеству.

Сердечно благодарю за письмо. Выезжаю завтра 2.30. Конная гвардия получила приказание немедленно выступить из Нов. [1]) в город [2]). Бог даст, беспорядки в войсках скоро будут прекращены. Всегда с тобой. Сердечный привет всем.

Ники.

---

[1]) Новгорода.

[2]) Петроград.

Телеграмма № 1.

Вязьма—Царское Село. 28 февраля 1917 г.
15 ч.—м.—16 ч. 49 м.

Ее величеству.

Выехал сегодня утром в 5 ч. Мысленно постоянно с тобою. Дивная погода. Надеюсь, что вы себя хорошо чувствуете и спокойны. Много войск послано с фронта. Сердечнейший привет.

Ники.

Телеграмма № 88.

Лихославль—Царское Село. 28 февраля 1917 г.
21 ч. 27 м.—22 ч. 10 м.

Ее величеству.

Благодарю за известие. Рад, что у вас благополучно. Завтра утром надеюсь быть дома. Обнимаю тебя и детей, храни господь.

Ники.

Телеграмма № 23.

Псков—Царское Село. 2 марта 1917 г.
0 ч. 15 м.—12 ч. 55 м.

Ее величеству.

Прибыл сюда к обеду. Надеюсь, здоровье всех лучше и что скоро увидимся. Господь с вами. Крепко обнимаю.

Ники.

№ 650.

2 марта 1917 г.

Мой любимый, бесценный ангел, свет моей жизни,

Мое сердце разрывается от мысли, что ты в полном одиночестве переживаешь все эти муки и волнения, и мы ничего не знаем о тебе, а ты не знаешь ничего о нас. Теперь я посылаю к тебе *Соловьева и Грамотина*, даю каждому по письму и надеюсь, что, по крайней мере, хоть одно дойдет до тебя. Я хотела послать аэроплан, но все люди исчезли. Молодые люди расскажут тебе о б о в с е м , так что мне нечего говорить тебе о положении дел. Все отвратительно, и события развиваются с колоссальной быстротой. Но я твердо верю—и н и ч т о не поколеблет этой веры—все б у д е т хорошо. Особенно с тех пор, как я получила твою телеграмму сегодня утром—первый луч солнца в этом

болоте. Не зная, где ты, я действовала, наконец, через *Ставку*, ибо *Родз(янко)* притворялся, что не знает, почему тебя задержали. Ясно, что они хотят не допустить тебя увидаться со мной прежде, чем ты не подпишешь какую-нибудь бумагу, конституцию или еще какой-нибудь ужас в этом роде. А ты один, не имея за собой армии, пойманный, как мышь в западню, что ты можешь сделать? Это величайшая низость и подлость, неслыханная в истории,—задерживать своего государя. Теперь П. [1]) не может попасть к тебе потому, что Луга захвачена революционерами. Они остановили, захватили и разоружили *Бут.* полк и испортили линию. Может быть, ты покажешься войскам в *Пскове* и в других местах и соберешь их вокруг себя? Если тебя принудят к уступкам, то ты ни в каком случае не обязан их исполнять, потому что они были добыты недостойным способом. Павел, получивший от меня страшнейшую головомойку за то, что ничего не делал с гвардией, старается теперь работать изо всех сил и собирается нас всех спасти благородным и безумным способом: он составил идиотский манифест относительно конституции после войны и т. д. [2]). *Борис* уехал в *Ставку*. Я видела его утром, а вечером того же дня он уехал, ссылаясь на спешный приказ из *Ставки*—чистейшая паника. *Георгий* в *Гатчине*, не дает о себе вестей и не приезжает. Кирилл, Ксения, Миша не могут выбраться из города. Твое маленькое семейство достойно своего отца. Я постепенно рассказала о положении старшим и Корове [3])—раньше они были слишком больны—страшно сильная корь, такой ужасный кашель. Притворяться перед ними было очень мучительно. Бэби я сказала лишь половину. У него 36.1,—такой веселый. Только все в отчаянии, что ты не едешь. *Лили*—ангел, неразлучна, спит в спальне; Мария со мной, мы обе в наших *халатах* и с повязанными головами. Весь день принимаю. *Гротен*—совершенство. *Ресин*—спокоен. Старая чета Бенк(ендорф) ночует в доме, а Апр(аксин) пробирается сюда в штатском. Я пользовалась *Линевичем*, но теперь боюсь, что и его задержали в городе. Никто из наших не может приехать. Сестры, женщины, штатские, раненые проникают к нам. Я могу телефонировать только в Зимний дворец. *Ратаев* ведет себя отлично. Все мы бодры, не подавлены обстоятельствами, только мучаемся за тебя и испытываем невыразимое унижение за тебя, святой страдалец. Всемогущий бог да поможет тебе!

Вчера ночью от 1 до $2^1/_2$ виделась с *Ивановым*, который теперь здесь сидит в своем поезде. Я думала, что он мог бы проехать к тебе через *Дно*, но сможет ли он прорваться? Он надеялся провести твой поезд за своим. Сожгли дом Фред(ерикса), семья его в конно-гвард. госпитале. Взяли Грюнвальда и Штакельберга.—Я должна дать им для передачи тебе бумагу, полученную нами от Н. П. через человека, которого мы

---

[1]) Протопопов.
[2]) См. № 1 журнала «Огонек», 1923 г.
[3]) Вырубовой.

посылали в город. Он тоже не может выбраться—*на учете*. Два течения—*Дума* и революционеры—две змеи, которые, как я надеюсь, отгрызут друг другу головы—это спасло бы положение. Я чувствую, что бог что-нибудь сделает. Какое яркое солнце сегодня, только бы ты был здесь! Одно плохо, что даже *Экип.*[1]) покинул нас сегодня вечером—они совершенно ничего не понимают, в них сидит какой-то микроб. Эта бумага для *Воейк(ова)*—она оскорбит тебя так же, как оскорбила и меня. *Родз(янко)* даже и не упоминает о тебе. Но когда узнают, что тебя не выпустили, войска придут в неистовство и восстанут против всех. Они думают, что Дума хочет быть с тобой и за тебя. Что ж, п у с к а й они водворят порядок и покажут, что они на что-нибудь годятся, но они зажгли слишком большой пожар и как его теперь затушить? Дети лежат спокойно в темноте. Бэби лежит с ними по несколько часов после завтрака и спит. Я проводила все время наверху и там же принимала. Лифт не работает вот уже 4 дня, лопнула труба. Ольга—3.77, Т(атьяна) 37.9, и ухо начинает болеть, Ан(астасия) 37.2—после лекарства (ей дали от головной боли пирамидон). Бэби все еще спит. Аня—36.6. Их болезнь была очень тяжелой. Бог послал ее, конечно, на благо. Все время они были молодцами. Я сейчас выйду поздороваться с солдатами, которые теперь стоят перед домом. Не знаю, что писать, слишком много впечатлений, слишком много надо рассказать. Сердце сильно болит, но я не обращаю внимания,—настроение мое совершенно бодрое и боевое. Только страшно больно за тебя. Надо кончать и приниматься за другое письмо, на случай, если ты не получишь этого, и притом маленькое, чтоб они смогли спрятать его в сапоге или, в случае чего, сжечь. Благослови и сохрани тебя бог, да пошлет он своих ангелов охранять тебя и р у к о в о д и т ь тобой! Всегда неразлучны с тобою. Лили и Аня шлют привет. Мы все целуем, целуем тебя без конца. Бог поможет, поможет, и твоя слава вернется. Это вершина несчастий! Какой ужас для союзников и радость врагам! Я не могу ничего советовать, только будь, дорогой, самим собой. Если придется покориться обстоятельствам, то бог поможет освободиться от них. О, мой святой страдалец! Всегда с тобой неразлучно твоя

Женушка.

Пусть этот образок, который я целовала, принесет тебе мои горячие благословения, силу, помощь. Носи Его[2]) крест, если даже и неудобно, ради м о е г о спокойствия.

Не посылаю образок—без него им легче скомкать бумажку[3]).

---

[1]) Гвардейский экипаж.

[2]) Распутина.

[3]) Листы почтовой бумаги, на которых написаны это и следующие письма, вложены были, повидимому, в конверты размером не больше вершка.

№ 651. *2 марта 1917 г.*

Любимый, драгоценный, свет моей жизни,

Грамотин и *Соловьев* едут с двумя письмами. Надеюсь, что один из них, по крайней мере, доберется до тебя, чтобы передать тебе и получить от тебя вести. Больше всего сводит с ума то, что мы не вместе—зато душой и сердцем более чем когда-либо,—ничто не может разлучить нас, хотя они желают именно этого и потому-то не хотят допустить тебя увидеться со мной, пока ты не подписал их бумаги об *отв. мин.* или конституции. Кошмарно то, что, не имея за собой армии, ты, может быть, вынужден сделать это. Но такое обещание не будет иметь никакой силы, когда власть будет снова в твоих руках. Они подло поймали тебя, как мышь в западню,—вещь, неслыханная в истории. Гнусность и унизительность этого убивают меня. Посланцы ясно обрисуют тебе все положение. Оно слишком сложно, чтобы писать о нем. Я даю крохотные письма, которые можно легко сжечь или спрятать. Но всемогущий бог надо всем, он любит своего *помазанника божия* и спасет тебя и восстановит тебя в твоем праве! Вера моя в это безгранична и непоколебима, и это поддерживает меня. Твоя маленькая семья достойна тебя, держится молодцом и спокойно. Старшие и Корова знают теперь все. Нам приходилось скрывать, пока они были слишком больны—сильный кашель и отчаянно дурное самочувствие. Вот, сегодня утром: О(льга)—37.7, Т(атьяна)—38.9, Анаст(асия) (захворала вчера ночью—38.9)—37.2—от порошка, который дали ей от головной боли и который понизил температуру. Бэби спит, вчера—36.1, А(ня)—36.4, тоже выздоравливает. Все очень слабы и лежат в потемках. Не знать ничего о тебе—это было хуже всего. Сегодня утром меня разбудила твоя телеграмма, и это бальзам для души. Милый старик *Иванов* сидел у меня от 1 до $2^1/_2$ часов ночи, и только постепенно вполне уразумел положение. *Гротен* ведет себя прекрасно. *Рес(ин)*—очень хорошо, постоянно приходит ко мне по поводу всего. Мы не можем добиться ни одного адъютанта—все они *на учете*. Это значит, что они не могут отлучиться. Я послала *Линевича* в город, чтобы он привез сюда приказ,—он вовсе не вернулся. Кирилл ошалел, я думаю: он ходил к *Думе* с *экип(ажем)* и стоит за них. Наши тоже оставили нас (*экип.*), но офицеры вернулись, и я сейчас посылаю за ними. Прости за дикое письмо. Апр(аксин), *Рес(ин)* все время отрывают, и у меня голова кругом идет. *Лили* все время с нами и так мила, спит наверху. Мария со мной. Ал(ексей) и она шлют молитвы и привет и думают только о тебе. *Лили* не желает вернуться к Тити, чтобы не покидать нас. Целую и благословляю без конца. Бог надо всеми и не покинет никогда своих.

Твоя

Женушка.

Ты прочтешь все между строк и почувствуешь.

№ 652. *3-го марта 1917 г.*

Любимый, душа души моей, мой крошка,—ах, как мое сердце обливается кровью за тебя! Схожу с ума, не зная совершенно ничего, кроме самых гнусных *слухов*, которые могут довести человека до безумия. Хотела бы знать, добрались ли до тебя сегодня двое юнцов, которых я отправила к тебе с письмами. Это письмо передаст тебе жена офицера.—Ах, ради бога, хоть строчку! Ничего не знаю о тебе, только раздирающие сердце слухи. Ты, без сомнения, слышишь то же самое.

Всего не скажешь в письме .Жив ли муж Нини?[1]) Ох, наши четверо больных мучаются по-прежнему—только Мария на ногах, спокойна, но моя помощница худеет, не показывая всего, что чувствует.

Мы все держимся по-прежнему, каждый скрывает свою тревогу. Сердце разрывается от боли за тебя, из-за твоего полного одиночества. Я боюсь писать много, так как не знаю, д о й д е т ли мое письмо, не будут ли они обыскивать ее на дороге—до такой степени все сошли с ума. Вечером я с Марией делаю свой обход по подвалам, чтобы повидать всех наших людей,—это очень ободряет. Тетя Ольга и Елена пришли справиться о новостях—очень мило с их стороны. В городе муж Даки [2]) отвратительно себя ведет, хотя и притворяется, будто старается для монарха и родины. Ах, мой ангел, бог над всеми—я живу только безграничной верой в него! Он—наше единственное упование. «*Господь сам милует и спасет их*»—на большой иконе.

У нас был чудный *молебен* и *акафист* перед иконою божией матери, которую принесли в их зеленую спальню, где они все лежали,—это очень ободрило. Поручила их и тебя ее святому попечению. Потом ее пронесли через все комнаты и в комнату Коровы, где была в то время и я. Любовь моя, любовь! Все будет, все должно быть хорошо, я не колеблюсь в вере своей! Ах, мой милый ангел, я так люблю тебя, я всегда с тобою, ночью и днем! Я понимаю, что переживает теперь твое бедное сердце. Бог да смилуется и да ниспошлет тебе силу и мудрость! Он н е о с т а в и т тебя! Он поможет, он вознаградит за эти безумные страдания и за разлуку в такое время, когда так нужно быть вместе! Вчера пришел пакет из Главной Квартиры с картами для тебя. Они хранятся у меня, а также список наград и производств от *Беляева*. Ах, когда же мы будем опять вместе? Теперь мы совершенно отрезаны и оторваны друг от друга! Может быть, их болезнь—спасение, его нельзя перевозить. Не беспокойся за него, мы все будем бороться за наше Красное Солнышко—мы все на своих местах. Полина чувствует себя хорошо и спокойно, хотя страдает неописуемо, живет тоже с ней в доме, как и родители Коровки. *Жилик* опять здоров и верный товарищ. *Сиг* заезжает, когда поездам дают ходить.

---

[1]) Воейков.

[2]) Вел. кн. Кирилл Владимирович.

Они арестовали Цветущего (blooming) и его двух помощников, также Красную Шапку и его помощника—того, который кланяется всегда до земли. *Лизочка* ведет себя хорошо. Ты понимаешь, я не могу писать, как следует,—слишком много лежит на душе и на сердце. Семейство Benoiton целует без конца и страдает за дорогого отца. *Лили* и Корова шлют привет. Солнышко благословляет, молится, держится верой и—ради своего мученика. Она н и в о ч т о не вмешивается, никого не видела из «тех» и никогда об этом не просила, так что не верь, если тебе что скажут. Теперь она только мать при больных детях. Не может ничего сделать из страха повредить, так как не имеет никаких известий от своего милого. Такая солнечная погода, ни облачка,—это значит: верь и надейся. Все кругом черно, как ночь, но бог над всем. Мы не знаем путей его, ни того, как он поможет, но он услышит все молитвы. Я ничего не знаю о войне, живу отрезанная от мира. Постоянно новые, сводящие с ума известия—последнее, что отец [1]) отказался занимать то место, которое он занимал в течение 23 лет. Можно лишиться рассудка, но мы не лишимся; она будет верить в светлое будущее еще здесь, на земле, помни это. Только что был Павел—рассказал мне все. Я в п о л н е понимаю твой поступок, о, мой герой! Я з н а ю, что ты не мог подписать противного тому, в чем ты клялся на своей коронации. Мы в совершенстве знаем друг друга, нам не нужно слов, и, клянусь жизнью, мы увидим тебя снова на твоем престоле вознесенным обратно твоим народом и войсками во славу твоего царства. Ты спас царство своего сына, и страну, и свою святую чистоту, и (И у д а Р у з с к и й) ты будешь коронован самим богом на этой земле, в своей стране.

Обнимаю тебя крепко и никогда не дам им коснуться твоей сияющей души. Целую, целую, целую, благословляю тебя и всегда понимаю тебя.

Женушка.

Телеграмма № 3.

Ставка верх. главн.—Царское Село 4-III—1917 г.
10 ч. 5 м.—11 ч. 58 м.

Ее величеству.

Спасибо, душка. Наконец, получил твою телеграмму этой ночью. Отчаянье проходит. Благослови вас всех господь. Нежно люблю.

Ники.

---

[1]) Николай Романов.

№ 653. *4-III—17 г.*

Дорогой, любимый, сокровище,

Эта дама едет сегодня, вчера она не уехала. Таким образом, я могу написать еще. К а к и м облегчением и радостью было услышать твой милый голос, только слышно было очень плохо, да и подслушивают теперь все разговоры! И твоя милая телеграмма сегодня утром—я телеграфировала тебе вчера вечером около $9^1/_2$ и сегодня утром до часу.— Бэби перегнулся через кровать и просит передать тебе поцелуй. Все четверо лежат в зеленой комнате в темноте. Мария и я пишем, почти ничего не видно, так как занавески спущены. Только этим утром я прочла манифест и потом другой, Михаила. Люди вне себя от отчаяния— они обожают моего ангела. Среди войск начинается движение. Не бойся за Солнышко, она не двинется, она не существует. Но впереди я чувствую и предвижу светлое сияние солнца. Мужем Даки я крайне возмущена. Арестовывают людей направо и налево,—конечно, офицеров. Бог знает, что делается—здесь стрелки выбирают себе командиров и держат себя с ними омерзительно, не отдают чести, курят прямо в лицо офицерам. Не хочу писать всего, что делается—так это отвратительно. *Н. П.* арестован в *Экипаже*, в городе! Моряки приходят забирать прочих. Больные наверху и внизу не знают ничего о твоем решении—боюсь сказать им, да пока и не нужно. *Лили* была ангелом-хранителем и помогает сохранять твердость, мы ни разу не теряли присутствия духа. Любимый мой, ангел дорогой, боюсь думать, что выносишь ты, это сводит меня с ума! О, боже! Конечно, он воздаст сторицей за все твои страдания. Не надо больше писать об этом, невозможно! Как унизили тебя, послав этих двух скотов! [1]) Я не знала, кто это были, до тех пор, пока ты не сказал сам. Я чувствую, что армия восстанет...

Революция в Германии! В(ильгельм) убит, сын ранен. Во всем видно масонское движение.—Теперь у Ан(астасии) темп. 38.6, и пятна выступают все больше. У Ольги *плеврит*, у Коровы тоже. У Т(атьяны) уши лучше. Солнечный Луч чувствует себя лучше, весел. Как мне хотелось бы, чтоб они были вокруг тебя, но сейчас они не могут двинуться, и я сомневаюсь, чтоб когда-нибудь нас куда бы то ни было отпустили. Гиббс видел Эмму, Нини и их мать в одной комнате офицерского госпиталя (английского). Их квартира совершенно уничтожена огнем; старуха очень больна. Красная Шапка все еще в заключении. Я с тобой, любовь моя, — обожаю тебя. Целую и обнимаю так нежно и страстно! Храни и благослови тебя господь ныне и вовеки! Найди кого-нибудь, чтобы передать хоть строчку—есть у тебя какие-нибудь планы теперь?

---

[1]) Речь идет о Шульгине и Гучкове, ездивших к Николаю Романову в Псков с предложением подписать отречение.

Бог с небес пошлет помощь, наступает новая *крестопоклонная*. Обнимаю тебя крепко, крепко. Твоя

Женушка.

Только с е г о д н я у т р о м мы узнали, что все передано М(ише), и Бэби теперь в безопасности—какое облегчение!

Телеграмма № 5.

Ставка верх. главн.—Царское Село. 4-III—1917 г.
18 ч. 40 м.—19 ч. 55 м.

Ее величеству.

Сердечное спасибо за телеграмму. Матушка [1]) приехала на два дня; так уютно, мило; обедаем с нею в поезде. Опять снежная буря. В мыслях и молитвах с вами.

Ники.

Телеграмма № 9.

Ставка—Царское Село. 5 марта 1917 г.
12 ч. 10 м.—22 ч. 28 м.

Ее величеству.

Сердечно благодарю. Матушка целует тебя и детей. Много думает о Солнышке. Очень холодно. В городе, повидимому, спокойнее. Надеюсь, что болящие чувствуют себя лучше. Целую всех нежно.

Ники.

Телеграмма № 12.

Ставка—Царское Село. 5 марта 1917 г.
18 ч. 22 м.—22 ч. 24 м.

Ее величеству.

Спасибо за известия. Старик [2]) ничего не знает о семье. Не можешь ли ты разузнать? Мысленно все время с тобой и детьми. Благослови тебя бог. Спи спокойно. Нежно целую.

Ники.

Телеграмма № 5.

Ставка верх. главн.—Царское Село. 6 марта.
14 ч. 16 м.—7 марта 1917 г.

Ее величеству.

Сердечное спасибо за подробности. Старик с зятем [3]), наконец, уехали в деревню. Здесь совсем спокойно. Провожу большую часть времени с матушкой, которая вместе со мною целует всех вас очень нежно.

Ники.

---

[1]) Имп. Мария Федоровна приехала тогда к Николаю Романову из Киева.
[2]) Министр двора гр. В. Б. Фредерикс.
[3]) В. Н. Воейковым.

С. Г. Нечаев в Алексеевском равелине.

(1873 — 1882).

I.

С. Г. Нечаев, арестованный в Швейцарии и выданный швейцарским правительством, как преступник уголовный, 19 октября 1872 года в 9 час. утра был доставлен в крепость и заключен в Трубецкой бастион. Он внушал такое опасение, что по распоряжению III отделения к нему в камеру был поставлен «подчасок». Только 15 ноября III отделение предложило снять внутренний караул в камере, «так как в этом не предстояло более надобности».

7 декабря комендант крепости был оповещен, что ему надлежит допустить к Нечаеву для производства следствия прокурора московской судебной палаты Манасеина, прокурора московского окружного суда и судебного следователя, прибывших из Москвы. Нечаев обратился с просьбой о разрешении ему свидания с проживающей в Петербурге сестрой его Анной Прибыльской. Прокурор палаты отозвался, что разрешение зависит от III отделения. III отделение в свидании отказало; на отношении коменданта положена резолюция управляющего III отделением: «Переговорив с прокурором, я предложу Нечаеву написать сестре». 19 декабря министр юстиции обратился к испр. должн. шефа жандармов с просьбой распорядиться перевести Нечаева в Москву и сдать его судебному следователю 5 участка г. Москвы колл. секр. Спасскому, так как «дальнейшее производство следствия требует, чтобы он находился в Москве». 22 декабря в $5^1/_2$ ч. дня Сергей Нечаев было взят жандармским майором Ремером для отправки в Москву. Майору было предписано сдать его судебному следователю, но в то же время оставаться в Москве сколько потребуется и иметь наблюдение за Нечаевым и сопровождать его в суд.

23 декабря Ремер уже телеграфировал товарищу шефа жандармов графу Н. В. Левашеву: «Прибыли благополучно, помещение удобное и хорошее». Удобное помещение было приискано в особой камере при Сущевской части. Постоянный надзор за Нечаевым осуществлял генерал Слезкин, начальник Московского жандармского управления. Для охраны Нечаева был выставлен от московского жандармского дивизиона караул: 1 офицер, 1 унтер-офицер и 10 рядовых.

27 декабря генерал Слезкин в частном письме сообщал следующие подробности: «Нечаев здоров, с прокуратурой обращается весьма свободно; на предложение прокурора ему прочесть следственное дело о убийстве Иванова отвечал, что не имеет в этом надобности, не подчиняясь русским законам считает себя к ним лицом индифферентным, но если это уже необходимо, то он готов слушать то, что ему будет прочитано; таким образом судебный следователь исчитал ему дело: в конце-концов было то, что Нечаев отозвался прокурору, что не признает себя виновным в убийстве Иванова и считает себя *только* политическим преступником». Нечаев и не мог и не должен был считать себя уголовным преступником: это была первая из основных идей, определявших его поведение.

Новая сцена разыгралась при вручении Нечаеву обвинительного акта. О ней подробно сообщил бессменный охранитель Нечаева майор Ремер: «28 декабря прокурор здешнего окружного суда, совместно с членом суда, в 4 часа пополудни приезжали в Сущевскую часть, где содержится Нечаев, и вытребовали его в квартиру местного пристава для вручения ему обвинительного акта, но Нечаев означенного акта не принял и не согласился в получении оного выдать расписки, объяснив при этом, что судить его по русским законам не имеют права, так как он политический преступник. На вопрос члена, кого он желает иметь защитником, и если он такого никого не знает, то ему будет назначен судом, отвечал, что он ни в каком защитнике не нуждается и сам защищаться не будет; затем, когда он был отведен в камеру, то обвинительный акт положили к нему на стол, Нечаев взял его со стола и бросил на пол; часовой, находящийся в камере, поднял его, тогда Нечаев закричал: «Что ты хочешь, чтобы я его опять кинул!» На шум явился караульный офицер и просил Нечаева не шуметь, на что он с запальчивостью ответил: «Я ведь сказал, что не возьму обвинительного акта, то к чему же его мне кладут!». В 12 часов ночи прочел обвинительный акт.—Вообще, как во время производства следствия, так равно и теперь держит себя весьма дерзко. Суд над Нечаевым предполагается назначить 8 или 9 января. За Нечаевым имеется самый строгий и неотступный надзор».

III отделение не упускало из сферы своего внимания Нечаева ни на шаг. 5 января граф Левашев заботливо указывал Слезкину, что он должен доставить Нечаева из части в здание судебных установлений ночью с воскресенья на понедельник 8 января и ночью же вывезти после суда обратно в часть, где он должен оставаться под тем же караулом и при том же майоре Ремере. Предполагалось немедленно после суда увезти Нечаева из Москвы, но III отделение забыло, что существует двухнедельный срок для подачи кассационной жалобы. Генерал Слезкин запрашивал поэтому, как ему быть: отправить Нечаева в Петербург сейчас же по объявлении приговора или ожидать особого приказания. На бумаге Слезкина—пометка, свидетельствующая о недоуменном положении: «после этого Нечаев едва ли может

быть доставлен обратно в Петербург немедленно по объявлении вердикта». Это сомнение было разрешено ни много, ни мало... высочайшим повелением оставить Нечаева в Москве в течение апелляционного срока.

Нечаев оставался верен себе в бойкоте судебной власти и доставил ей новое беспокойство 4 января. В этот день «по распоряжению товарища председателя московского окружного суда, частный пристав Сущевской части выдавал содержащемуся в этой части преступнику Нечаеву повестку о вызове его в суд 8 января, к 10 часам утра, и список судей и присяжных заседателей, но Нечаев ни повестки, ни списка не принял, отозвавшись, что к делу, в котором его обвиняют, он относится индифферентно, что с тех пор, как сделался эмигрантом, он не принадлежит к подданству России и не признает русских законов, и что его силой взяли и привезли сюда из Швейцарии, точно так же возьмут силой и привезут в суд». Повестка с надписью о непринятии ее Нечаевым препровождена приставом к товарищу председателя суда, с уведомлением, что Нечаев будет представлен в суд в назначенное время, а список судей и присяжных заседателей оставлен в арестантской камере Нечаева, согласно распоряжению товарища председателя окружного суда.

II.

На суде Нечаев продолжал держаться той же тактики упорного и решительного протеста против суда, отрицания за ним какого-либо права судить его. В свое время в «Правительственном Вестнике», а отсюда и в других газетах помещались стенографические отчеты о заседании, перепечатанные в первом томе известных сборников В. Базилевского-Богучарского.

Отсылая читателей к этому отчету, мы восстановим картину суда на основании другого источника, не менее документального, но зато впервые оглашаемого — жандармских сообщений. Генерал Слезкин в тот же день дал огромную срочную телеграмму с отчетом о процессе и отправил почтой подробное донесение следующего содержания:

«8 января в 12 час. дня открыто было заседание московского окружного суда, под председательством г. Дейер, по делу о убийстве слушателя Петровской академии Иванова мещанином г. Шуи Нечаевым, в сообществе с другими лицами. Преступник Нечаев, введенный в залу заседания жандармами, вошел с наглым видом, держа руки в карманах панталон своих, и тотчас же сел на скамью подсудимых. Когда председатель сделал ему вопрос об имени, то он, вместо ответа, сказал: «Я не признаю этого суда, я эмигрант, не признаю русского императора и здешних законов». Председатель приказал за это удалить Нечаева, и когда жандармы повернули его к двери, вся публика закричала ему несколько раз: «вон»; по выводе Нечаева, председатель пригласил публику к порядку, высказав предостережение, что публика

на суде не судит и если позволит себе еще раз сделать какое-нибудь заявление, то будет удалена из камеры. После этого водворилась тишина, не прерывавшаяся во все заседание.

«По поверке председателем списка присяжных заседателей, был, по его распоряжению, вновь введен Нечаев и на вопрос председателя, не желает ли отвести кого-либо из присяжных заседателей, закричал: «да здравствуют земские законы!», за что тотчас же был снова выведен из залы.

«Затем председатель сказал речь присяжным заседателям, приглашая их, не взирая на выходки подсудимого, успокоиться, отнестись к выходкам этим с презрением и произнести приговор только на основании обстоятельств дела, которые будут представлены им. По окончании этой речи был прочитан обвинительный акт, и затем был снова введен Нечаев, которому г. Дейер предложил вопрос о том: признает ли он себя виновным в убийстве Иванова; на это Нечаев сказал, что преступление, о котором его спрашивают, чисто политического характера... Г. Дейер остановил его, допросил свидетеля, слушателя Петровской академии Мухортова, о башлыке его, найденном на месте убийства, и затем приказал секретарю читать документы из дела об убийстве Иванова, как-то: осмотры местности и трупа, отзыв медицинской конторы и показания осужденных уже по этому делу Успенского, Кузнецова, Прыжова и Николаева, а также и других лиц. Во время этих чтений и вообще в течение заседания Нечаев сидел большею частию задом к судейскому столу, облокачивался, принимал разные небрежные позы, подбоченивался, крутил усы, пощипывал свою бородку и всячески старался высказывать наглость и презрение. Когда же после обвинительной речи прокурора суда г. Жукова председатель спросил Нечаева, не может ли он сказать что-нибудь в свою защиту, то Нечаев ответил: «считаю для себя унизительным отвечать на подобную речь; я уже сказал в Петербурге графу Левашову, что у меня могут отнять жизнь, но честь никогда» и при этом ударил себя в грудь.

«После этого председатель обратился к присяжным заседателям с разъяснением всех обстоятельств дела и когда, перейдя к правам присяжных по произнесению приговора, упомянул о высочайшем манифесте, при котором изданы судебные уставы 1864 года, и привел слова манифеста «да милость царствует в суде», то Нечаев произнес было: «а меня обвиняют без...» [1]), но председатель не дал ему окончить фразы; по окончании же речи председателя Нечаев выразился: «а здесь Шемякин суд», но был удален.

«После этого присяжные заседатели удалились для совещания и чрез несколько минут вынесли обвинительный приговор, который тут же был объявлен введенному в залу суда Нечаеву, и затем председатель,

---

[1]) Нечаев произнес не эти слова, а другие: «а меня бил жандармский офицер». В дальнейшем станет понятным такое извращение действительности.

согласно заключению прокурора, прочитал приговор суда в окончательной форме о том, что Нечаев присужден к лишению всех прав состояния и ссылке в каторжные работы на 20 лет, по прошествии которых—на вечное житье в Сибири. Выслушав этот приговор, Нечаев закричал: «Да здравствует Земский собор, долой деспотизм!», и был выведен из суда, сопровождаемый смехом публики.

«Заседание окончилось в 5 часов пополудни».

Рассказ генерала Слезкина был бы совсем точен, если бы в нем было упомянуто о том, что при первом удалении из зала заседания Нечаев был избит жандармами под руководством и с рукоприкладством поручика Потулова. Нечаев на суде ввернул реплику о побоях как раз во время напутственного слова председателя: после его обращения к сакраментальной фразе: «да царствует милость в судах». Перебивая председателя, Нечаев крикнул: «а меня бил жандармский офицер!». После суда Нечаев обратился с заявлением к графу Левашову и указал на поведение жандармов. Генералу Слезкину, пересылавшему заявление Нечаева, пришлось выкручиваться и дополнительно дать объяснение. Слезкин написал по этому поводу частное письмо управляющему III отделением А. Ф. Шульцу, а затем оправдывался и в официальном донесении, а майор Ремер написал и от себя частное письмо. Но оправдания Ремера как раз и подтверждают заявление Нечаева, придают ему силу. Ремер весьма безграмотно, но довольно живо изобразил сцену, как тащили Нечаева, упиравшегося с необыкновенной энергией. Это описание дает еще лишний штрих для характеристики неукротимого темперамента Нечаева: «Когда Нечаев выводился, вследствие разных неприличных с его стороны выходок, а именно: когда Нечаев был введен в первый раз в залу заседания и начал неистово кричать и делать выходки самого возмутительного свойства, то публика начала кричать: «вон, вон его», и председатель суда приказал его удалить из залы заседания, то два жандарма, при нем находившиеся, взяли его под руки и повели, но встретили со стороны Нечаева весьма сильное сопротивление, так что должны были употребить силу; по выводу же его в коридор, Нечаев бился в руках жандармов, упирался, неистовствовал, кричал, быв при этом в сильном раздражении и волнении, так что он от жандарма, державшего его за левую руку, освободился и тогда при этом находившийся жандармский офицер схватил его обеими руками за руку, но тут Нечаев совершенно вытянул вперед ноги и упорствовал, так что надо было употребить силу, дабы его вести; когда же он был таким образом доведен до залы судебной палаты, где было назначено ему ожидать, то при входе в эту залу в узком проходе между двумя столами Нечаев этим воспользовался, собрал все свои силы и не хотел идти вперед, так что жандармский офицер и жандарм должны были тащить его силой и посадить на скамью лишь только одним толчком сзади. — Нечаев находился в таком раздражении, что даже черты лица его исказились, и он начал ругать жандармов, называя их будочниками николаевских времен,

и, обращаясь к офицеру, крикнул ему: «а ты, палач Мезенцева, вспомнишь меня!».—Тогда я подошел к Нечаеву, велел подать ему воды и старался его успокоить, что мне и удалось, — вот все, что было».

Несомненно, и судившие и нарядившие суд чувствовали известную фальшь, подтасовку в ограничении судебного следствия и потому с особенной охотой подчеркивали неприличие несдержанного поведения Нечаева, несоответствие его дерзкого образа тому представлению о революционере железной воли, которое предшествовало Нечаеву. Консервативная печать — «Московские Ведомости», «Современные Известия», — конечно, только поддерживали такое отношение к Нечаеву. Это надо помнить при чтении статьи в газете Каткова, приводимой нами с целью запечатлеть внешний образ Нечаева, его последнюю маску, с которой он ушел в свое последнее земное убежище — Алексеевский равелин.

«Наступила минута напряженного ожидания. Между приказанием председателя о вводе подсудимого Нечаева и появлением его прошло минут около 10, и это еще более напрягло нервы публики. Наконец, в сопутствии двух жандармов с обнаженными саблями появился подсудимый.

«Вошел он, задравши голову и какой-то неестественною, автоматическою походкой, точно плохой мелодраматический актер. Бледен он был, как труп, и безобразничал нестерпимо. Он, видимо, был страшно взволнован... Войдя, немедленно, точно торопился, сел он на скамью и с вызывающим видом, покручивая усы, подбоченясь, стал взирать на публику.

«Обвиняемому 25 лет, роста он небольшого. Фигурка его пред двумя рослыми и здоровыми жандармами кажется совсем тщедушною. Одет он в люстриновый черный пиджак и брюки, цветом светлее, под пиджаком свежее белье, но под бельем грубая фуфайка. Наружность его не представляет ничего замечательного, — такие лица попадаются довольно часто среди франтоватых мещан. Довольно густые, но не длинные каштановые волосы зачесаны назад; узенькие глубоко провалившиеся глаза, с бегающими зрачками, тоненькие усики с просветом под носом и подкрученными концами, жиденькая бородка, расходящаяся по щекам еще более жиденькими баками. И усики и бородка светлее волос на голове. Профиль довольно правильный, но en face широкий лоб и скуластость делают облик лица квадратным и дают ему вульгарный вид.

«Не успел председатель обратиться к обвиняемому с обычными первыми вопросами суда, как он, неестественно подняв голос и как-то странно жестикулируя левою рукой, точно отбивая темп, объявил, перебивая председателя, что он не признает за русским судом права судить его. Это заявление он повторял потом не раз, сопровождая его разными неуместными выходками, до того надоевшими публике, что ее, наконец, взорвало, и послышались крики: «вон, вон его!». Публика была остановлена строгим замечанием председателя. Это

был единственный раз, что председатель позволил себе возвысить голос и выйти из тона полного спокойствия. Но он несколько раз был принужден приказывать, чтобы подсудимого вывели.

«Во время судебного следствия и чтения показаний неявившихся свидетелей подсудимый сидел молча, аффектируя пренебрежение к суду, повернувшись к нему спиной и п р о н з и т е л ь н о вглядываясь в публику. Когда говорил прокурор, он оттенял некоторые особенно не нравившиеся ему места речи то злобною усмешкой, то закусыванием губ, то как-то странно раскачиваясь и вертясь на скамье. Впрочем, по большей части, он только покручивал усики и бородку, свертывая ее в косичку, поправлял волосы или бесшумно барабанил пальцами по решетке; другою рукой, левою, он подпирал закинутую назад голову, обращенную в сторону публики.

«Когда прокурор кончил свою речь, Нечаев сказал с величайшим эмфазом: «Русское правительство может лишить меня жизни, но честь останется при мне»,—и он ударил себя в грудь».

III.

10 января утром Нечаев потребовал лист бумаги, чтобы писать графу Левашову, в полдень попросил дать еще лист, сказав, «я расписался», и вечером передал майору Ремеру письмо с просьбой «содержания никому не объяснять, а отправить его генералу Слезкину для представления графу». Письмо любопытное по протестующему тону и по яркому исповеданию революционной веры.

«Граф! когда я сидел в крепости, вы желали получить от меня объяснение существенной стороны нашего дела для «смягчения моей участи». Именно поэтому я и отказался дать это объяснение. Теперь, когда участь моя уже решена, я счел бы возможным отчасти удовлетворить ваше желание и восстановить факты в их настоящем виде, опровергнув искажения и ошибки, которыми наполнено следствие г. Чемадурова и обвинительный акт г. Половцева. Слова человека, приговоренного к 20-летней каторге, могут иметь надлежащий вес, и никто не в праве сомневаться, что в них скрывается что-либо, кроме желания восстановить истину. Но в настоящем письме я ограничиваюсь тем, что прошу вас обратить внимание на факт, который вряд ли может соответствовать административной системе даже самой нецивилизованной страны. Факт этот следующий: когда в зале суда раздались рукоплескания публики и председатель решил меня удалить,—меня вытащили сперва в коридор, а потом в пустую залу; здесь жандармский караульный офицер начал бить меня сперва руками в спину, а потом ногой... Это дикое поведение г. офицера было тем возмутительней, что я никогда не оказывал ни малейшего сопротивления жандармам и был всегда хладнокровен и вежлив со всеми. Как ни был я раздражен подобным поступком, тем не менее я не заявил об этом безобразии на

суде, когда снова был введен в залу заседания. Говоря откровенно, меня удержало от этого заявления единственно нежелание бросить слишком невыгодную тень на жандармских офицеров вообще, потому что другие обращались со мной довольно деликатно. Я спросил фамилию палача, он не сказал. Узнать ее, конечно, не трудно, так как этот самый офицер находился в карауле, в Сущевской части, в день приезда моего в Москву, и уже тогда обращался со мной в высшей степени грубо, безобразно, хотя тогда он еще не позволял себе прибегать к кулакам.

«Я не думаю, чтобы какое-либо правительство, как бы оно ни было абсолютно, могло гордиться тем, что имеет своими офицерами рыцарей кулачного права. Я знаю хорошо, что факты, вроде приведенного мною, не составляли исключения лет 5 — 6 тому назад, при вашем предшественнике г. Мезенцеве, но я полагал, что реформы, произведенные за последние три года, как бы они ни были поверхностны, во всяком случае сделали невозможными кулачное самоуправство. Неужели я ошибся?

«Граф, если политические соображения заставили правительство прибегнуть к тому, чтоб взвести на меня, преступника исключительно политического, обвинение в преступлении уголовном, если ваш предшественник г. Мезенцев видел единственную возможность помешать моей деятельности этим ложным обвинением и потому приказал произвесть следствие об убиении Иванова отдельно от следствия о заговоре, чтобы иметь возможность требовать моей экстрадиции от иностранных держав,—во всем этом видна, по крайней мере, цель, желание устранить меня, как «беспокойную личность». Можно удивляться политическому легкомыслию г. Чемадурова, производившего следствие в продолжение 2-х лет и не сумевшего отличить существенное от внешнего, — можно удивляться бестактности г. Половцева, который в своем обвинении представил нелепый катихизис, как образчик убеждений заговорщиков, не обращая внимания на то, что никто из этих заговорщиков не только не был знаком с содержанием катихизиса, но и не мог читать шифр, которым он был напечатан. При всем этом неоспоримо, что если г.г. следователи и г. прокурор не отличались политической дальновидностью, то руководились искренним желанием нанести удар так называемой «революционной гидре», загрязнивши, оклеветавши и уронивши для этого в общественном мнении молодых людей, вздумавших заниматься общественными интересами. Если эта последняя цель не была достигнута, если русское общество не поверило обвинению, а напротив, с большим уважением отнеслось к жертвам политики, не соответствующей духу времени,— то причиной этому уже, конечно, не недостаток усердия г.г. обвинителей. Итак, как ни предосудительны были приемы, употребленные против меня и моих товарищей, как ни мало они достигли цели, все-таки эта цель у правительства была — это желание парализовать деятельность оппозиционных элементов. Но теперь я уже в ваших

руках, лишен возможности продолжать мое дело, осужден за преступление, которого не совершал, приговорен к 20-летней каторге, к высшей мере наказания, возможной по условию с Швейцарией. К чему уже еще бить меня? Зачем это зверское обращение?..

«Я пишу к вам, граф, и позволяю себе думать, что поведение жандармского офицера не получит вашего одобрения. Я надеюсь, что мне не предстоит в будущем подвергаться ряду подобных оскорблений, которые столь же бесцельны, сколько позорны для самих оскорбителей. Я позволяю себе по поводу этого факта высказать вам, граф, несколько общих соображений. Участь моя решена или почти решена, — я иду в Сибирь, в словах моих не может быть ничего, кроме правды, которую вам, вероятно, приходится слышать не часто в вашем высоком положении. Государственный пост, который вы занимаете, дает вам возможность видеть состояние современных дел. Оставляя в стороне мечтателей и приверженцев утопий, нельзя все-таки не сознаться, что Россия теперь — н а к а н у н е п о л и т и ч е с к о г о п е р е в о р о т а. Всегда и всюду в обществе были сторонники известных передовых стремлений более или менее радикального, разрушительного характера, всегда были мелкие конспирации, ничтожные заговоры, — но все это прежде было лишь результатом брожения немногих умов, а потому могло быть подавляемо репрессивными мерами до поры до времени. Теперь дело стоит иначе: в России уже образовались стремления, присущие целому обществу,—стремления гораздо более определенные, более настоятельные и потому более возможные для осуществления. Подобные стремления составляют н е и з б е ж н у ю принадлежность известной степени общественного развития. Как у ребенка, пришедшего в возраст, неизбежно прорезываются зубы, так и у общества, достигнувшего известной степени образованности, неизбежно является потребность политических прав. Правительство, хотя бы оно состояло из гениев, может только немного задержать, затормозить осуществление этих стремлений (и то, рискуя при этом быть низвергнуту и самому), но уничтожить политические идеи, пустившие корни в обществе, оно не в силах. Словом, Россия находится накануне к о н с т и т у ц и о н н о г о переворота. Это ясно для всякого развитого человека, который дает себе труд хотя немного, но внимательно последить за состоянием умов.

«Я не буду здесь предрешать вопрос о том, как свершится эта государственная перестройка, — путем ли исключительно революционным, или по инициативе самого правительства, которое решится отказаться от абсолютизма? Может быть, что т о т ж е, кто заявил по поводу крестьянского вопроса, что «о с в о б о ж д е н и е с в е р х у предпочитает о с в о б о ж д е н и ю с н и з у», возьмет на себя и инициативу переделки государственного устройства, если во-время успеет убедиться, что против силы возрастающего общественного мнения идти нельзя.

«Насколько удобоисполнима правительственная инициатива, это здесь разбирать неуместно. Несомненно только то, что как бы это ни свершилось, это не обойдется без общественных потрясений. Я сын народа! Самая первая и главная цель моя — счастье, благосостояние масс. Зная по опыту жизнь простого класса как в России, так и за границей, я знаю также, что всякое общественное потрясение, какой бы оно исход ни имело, не только вредит интересам высших классов общества, но вместе с тем вначале ложится тяжелым бременем на народ. Если, с одной стороны, Разин и Пугачев отправляли на виселицу дворян в России, а во Франции их отправляли в гильотину, то, с другой стороны, как там, так и здесь массы народа валились под картечью, сожигались селения и пр.; разрушение и истребление — спутники всякого переворота, по крайней мере, из тех, которые нам указывает история, — они с одинаковой силой поражали как высший класс общества, так и толпу. Задача всякого честного правительства состоит в наш бурный век в том, чтобы, при неизбежности общественных волнений, по крайней мере, предотвратить повторение ужасов, подобных тем, которыми сопровождались кровопролитные восстания Разина и Пугачева. А эти ужасы непременно воспоследуют, если не будет положен конец дикому самоуправству и зверским мерам в администрации. Правительство, допуская подобные меры, тем самым кладет семена будущего революционного террора, оно вострит лезвие на свою голову. Когда политические идеи встречают отголосок в самых отдаленных закоулках русской земли, тогда рыцари кулачного права могут оказывать своим усердием самую дурную услугу правительству, — они только усиливают озлобление в среде недовольных и возбуждают и без того весьма разгоряченные страсти.

«Пусть правительство льстит себя надеждой, что еще далеко до бурных дней. Пусть оно изобретает поверхностные реформы и надеется ими усыпить общественное внимание. Общество уже пробудилось и скоро потребует отчета. В России могут быть такие наивные государственные люди, для которых всякое общественное движение представляется результатом конспирации двух или трех десятков агитаторов; могут быть и такие, которые надеются заглушить новые идеи репрессивными мерами, вместо того, чтобы встать под знамя этих идей, руководить обществом по пути прогресса и получать благословения, вместо проклятий. Несомненно, что много еще лиц, в числе заведывающих судьбами великого русского народа, придерживается поговорки Людовика XV:«Après nous le deluge». Но для всех без исключения должно быть ясно, что всякая репрессия вызывает ожесточение, порождает новых врагов, поэтому бесцельное варварство вредно, нелепо, бессмысленно.

«Эмигрант Сергей Нечаев превращенный г. Мезенцевым из политического в уголовного преступника.

«Еду в Сибирь с твердой уверенностью, что скоро миллионы голосов повторят этот крик: «да здравствует Земский собор!».

Сравнивая это заявление Нечаева с аналогичными тюремными исповеданиями революционной веры декабристов, петрашевцев, каракозовцев, необходимо отметить полнейшую независимость тона, отсутствие в какой-либо степени раболепства, свидетельствующего в этих условиях о падении духа, смелый и сильный язык. Чувство собственного достоинства, которым проникнуто заявление Нечаева, выражено в нем без чрезмерных преувеличений и подчеркиваний, отличавших выступление Нечаева на суде. Эта особенность письменного обращения Нечаева к власти бросает свет и на его поведение на суде; явной становится тенденциозность отношения к Нечаеву со стороны прессы и пущенного по билетам в залу суда избранного общества. Этому чувству собственного достоинства Нечаев никогда не изменял, и, несомненно, эта черта его характера действовала на его тюремщиков. Я затрудняюсь указать в жизни революционеров, западных и русских, хоть один пример такой революционной непреклонности и выдержки до конца. Враг существующего порядка, Нечаев не мирился с этим порядком ни в каком положении; мало того, — он кричал о своей непримиримости. Обычно протестовавший до суда революционер на суде как бы смирялся перед церемониальной торжественностью последней жизненной трагедии; с спокойным мужеством встречал (или хотел бы встретить) самый тяжкий приговор, но, отрицая за судом право, редкий революционер заявлял об этом на суде, а если и заявлял, то делал это в большинстве случаев в приемлемых для общественного приличия формах, а не с назойливой настойчивостью Нечаева. Выслушав приговор, революционер, уступая железной неизбежности кары, запасался обычно величайшим терпением. Примеры протеста были (процесс 193), но, повторяю, по длительности, непримиримости революционный протест Нечаева был единственным. Если о поведении Нечаева на суде мы могли судить по опубликованному в свое время стенографическому отчету, то о дальнейшем его поведении мы не знали ровным счетом ничего, и все, что мы рассказываем дальше, впервые становится известным русскому читателю.

IV.

После судебного следствия должна была быть совершена еще одна формальность, тягостная и беспокойная для начальства, — Нечаева надо было предать гражданской казни [1]). Тайно этого сделать было нельзя, следовательно, приходилось опасаться демонстраций со стороны самого Нечаева и зрителей. Избранное-то общество в судебном заседании кричало «вон», а что будет кричать народ в ответ на возгласы Нечаева? Генерала Слезкина сильно беспокоил обряд торговой казни, и он изложил свои сомнения перед III отделением:

---

[1]) Об «обряде публичной казни» — любопытные подробности в книге Н. В. Муравьева: «Из прошлой деятельности», СПБ. 1910, т. I, стр. 1 – 58.

«Судебный приговор над преступником Нечаевым должен быть исполнен по вступлении его в законную силу, на основании 963 ст. уст. угол. суд. с соблюдением изложенного в этой статье порядка, т.-е. позорного поезда с осужденным на площадь, где прочтется ему приговор суда и преступник должен простоять у позорного столба 10 минут. Чтобы устранить большие сборища народа при проследовании преступника Нечаева на место объявления судебного приговора на возвышенных черных дрогах, хотя прокурорский надзор и предполагает сделать публикацию об исполнении сказанного приговора в самый день исполнения его, но мера эта, по мнению моему, не может устранить сборищ народа.

«Вообще, появление на улице позорного поезда с преступником и следование его почти чрез всю Москву по самым людным улицам, как известно, и без предварительной публикации привлекает толпу народа, которая при проезде Нечаева и словах в толпе: «везут преступника Нечаева» может собрать целую массу народа.

«Преступник Нечаев, рассчитывая на сочувствие к нему и его идеям публики, позволил делать весьма дерзкие и преступные выходки во время заседания суда, и нет никакого сомнения, что Нечаев, как пропитанный мыслею, «что Россия теперь накануне политического переворота», будет кричать и обращаться с разными выходками к народу. При громадном же собрании сего последнего, преимущественно из простого класса, выходки Нечаева могут вызвать особое озлобление к нему, а затем и тот беспорядок, который едва ли может быть прекращен обыкновенными мерами.

«О вышеизложенном считаю долгом донести Вашему Превосходительству в тех видах, что не будет ли признано возможным испросить высочайшего соизволения на объявление преступнику Нечаеву судебного приговора каким-либо другим порядком».

Но III отделение не вняло мольбе генерала Слезкина и решило поступить по закону и торговую казнь совершить, но оно решило в то же время, что это публичное выступление Нечаева будет последним, а затем Нечаев должен быть восхищен от зрения зрителей, подобно Елисею пророку от очей учеников. III отделение разработало, доложило царю и получило его одобрение на следующий подробный план дальнейших действий в деле Нечаева.

«Относительно исполнения приговора московского окружного суда над Сергеем Нечаевым и дальнейшего поступления с этим преступником предполагается следующее:

«I. Исполнение приговора или торговая казнь.

Приговор суда обратить к исполнению в один из ближайших дней по вошествии оного в законную силу. Ввиду большого расстояния от Сущевского съезжего дома, где содержится Нечаев, до места исполнения приговора,—Конной площади, перевести его вечером, накануне

дня казни, в ближайший к означенному месту Серпуховский съезжий дом, где учредить жандармский караул.

На рассвете, в восьмом часу утра, вывезти Нечаева, установленным в законе порядком, на площадь, до которой переезд может продолжаться около четверти часа. При конвое, который будет сопровождать дроги, находиться трем барабанщикам и бить поход до приезда дрог с преступником на середину площади, где, вокруг эшафота, расставить заблаговременно обширное карре, оцепленное конвоем и усиленным нарядом от городской полиции и жандармского дивизиона.

Вышеизложенные наружные меры совершенно согласны с общепринятыми в подобных случаях. Во внутреннем же дворе здания Серпуховской части находиться полуэскадрону жандармов.

Опубликование в газетах времени совершения казни последует в то же утро.

II. Дальнейшие распоряжения.

После обряда казни повезти Нечаева обратно в Сущевский съезжий дом не городом, а вдоль Камер-Коллежского вала, в закрытой четырехместной карете, в которой с ним находиться одному офицеру и двум жандармам.

Дабы не подать повода к толкам о неточном исполнении приговора и ввиду того, что в настоящее время каторжники вообще отправляются в три пункта, а именно: в Илецкую защиту, Харьков и Вильну, где существуют каторжные тюрьмы, то отправить Нечаева под жандармским конвоем из Москвы по направлению к Вильне в арестантском вагоне при курьерском поезде до Динабурга, где вагон этот отцепить и ему ожидать курьерского поезда, следующего из-за границы. Этот последний поезд захватит упомянутый вагон и доставит его до Царского Села, а оттуда Нечаев в приготовленном заранее экипаже будет препровожден в С.-Петербургскую крепость».

Этот план действий начальник III отделения сообщил совершенно конфиденциально (20 января, № 141) московскому генерал-губернатору князю В. А. Долгорукову. «Хотя законом установленная обрядность должна быть в точности соблюдена, но дерзкое поведение этого преступника во время судоговорения требует, чтобы исполнение приговора было обставлено мерами, которые предотвратили бы возможность каких-либо обращений Нечаева к толпе с неуместными возгласами и выходками и в то же время не придали бы ему в глазах зрителей преувеличенного значения», — писал граф Шувалов. Изложив известный нам план, граф Шувалов совершенно конфиденциально обманул князя Долгорукова, сообщив ему, что затем Нечаев будет подлежать отправлению, под жандармским конвоем, в каторжную тюрьму в Вильне. Это была ложь в официальном документе, но таковы условия официальной конспирации.

Власти были правы в своих предположениях. Нечаев остался верен раз усвоенной манере поведения и продолжил дело революционного протеста. История приведения в исполнение приговора обстоятельно

изложена в совершенно конфиденциальном письме московского генерал-губернатора графу П. А. Шувалову.

Эта страница жизни Нечаева становится нам известной только из этого письма.

«Вследствие отношения прокурора московского окружного суда, за № 6, о приготовлении всего необходимого для исполнения торговой казни над преступником Сергеем Нечаевым и о назначении для этого дня, 23 января был на основании ст. 93 уст. уголов. судопр. приглашен в Сущевский съезжий дом, где содержался Нечаев, священник тюремного замка для приготовления его к исповеди и св. причащению, но Нечаев отказался от принятия священника, сказав, что он считает это совершенно лишним, и выразил сожаление частному приставу, что он обязан был исполнить это предложение.

«24 января, в 11 часов вечера, преступник Нечаев перевезен из Сущевского в Серпуховский съезжий дом, в карете, в сопровождении сидевших с ним жандармов, майора Ремера, поручика Попова и одного унтер-офицера. Нечаев был покоен, по улицам провоз его никем замечен не был. В Серпуховском съезжем доме он был помещен в отдельной камере, за жандармским караулом.

«Сегодня же, 25 января, в 8 часу утра, по прибытии в серпуховский съезжий дом конвоя и всех лиц, назначенных для публичного объявления приговора преступнику Нечаеву, он был выведен из камеры во двор съезжего дома в арестантской одежде и, взойдя очень бодро на стоявшую у дверей позорную колесницу, сел на скамейку, подпершись в бок руками, и начал осматриваться кругом с таким же нахальством, как делал это на суде. Когда же палач приступил к привязыванию рук его к колеснице, то он закричал, обращаясь к присутствовавшим: «Когда вас повезут на гильотину, то и вас будут вязать ремнями. Я иду в Сибирь и твердо уверен, что миллионы людей сочувствуют мне. Долой царя, долой деспотизм! Да здравствует свобода! Меня, политического преступника, сделали простым убийцею! Позор новому русскому суду; это не суд, а шуллерство!». Дальнейшие слова его были заглушены барабанным боем, при котором колесница двинулась на улицу. Во всю дорогу Нечаев кричал из всех сил, говоря о деспотизме и о свободе русского народа и присовокупляя: «Долой царя, он пьет нашу кровь!»; но слова его были слышны не все, так как во всю дорогу продолжался барабанный бой.

«По прибытии на Конную площадь, Нечаев отказался выслушать напутствие священника и при входе на эшафот закричал: «Тут будет скоро гильотина, тут сложат головы те, которые привезли меня сюда! Небось, сердца бьются; подождите два, три года, все попадете сюда!» Когда же он был привязан к позорному столбу, то во все время кричал из всех сил, оборачиваясь в стороны: «Долой царя! Да здравствует свобода! Да здравствует вольный русский народ!».

«По окончании обряда казни Нечаев молча сошел с эшафота, но, садясь в приготовленную для него карету, закричал кучеру: «пошел!».

Затем, в сопровождении севших с ним жандармских офицеров, тотчас же отправлен в Сущевский съезжий дом.

«На улицах, во время следования колесницы, и на Конной площади было народу немного, и тот находился от эшафота в значительном расстоянии.

«Уведомляя о вышеизложенном, имею честь присовокупить, что в исполнение высочайшей воли, сообщенной мне вашим сиятельством в отношении от 18 сего января, за № 141, при следовании Нечаева на торговую казнь и при самом совершении ее были приняты все предположенные меры предосторожности. Я сам в отдалении присутствовал при совершении этой казни, дабы наблюсти лично, какое впечатление произведет она на народ. Я твердо был уверен, что Нечаев не возбудит в народе никакого к себе сочувствия, напротив, мог опасаться, чтобы общее негодование против него не послужило поводом к каким-либо беспорядкам, в которых могло бы выразиться это негодование, но порядок нигде не был нарушен, хотя дерзкие выходки Нечаева возбудили в присутствовавшем народе общее негодование к преступнику, при чем многие высказывали сожаление, что ему не предстояло более строгого наказания» [1]).

Конечно, еще до получения письма кн. Долгорукова III отделение известилось о совершении обряда из краткой телеграммы кн. Долгорукова, отправленной 25 января, и из подробной, на 150 слов, шифрованной телеграммы генерала Слезкина, посланной 26 января. Разбор последней был доложен Александру II. Прочитав ее, царь положил резолюцию: «После этого мы имели полное право предать его вновь уголовному суду, как политического преступника, но полагаю, что пользы от этого было бы мало и возбудило бы только страсти, и потому осторожнее заключить его навсегда в крепость [2])».

Резолюция царя свидетельствует о том, что и он сознавал некоторую нелепость комедии якобы уголовного суда, если чувствовал необходимость в каком-то новом суде, на какой русское правительство было бы вправе. Но нельзя не отметить низкой ступени развития чувства законности в русском монархе. Нечаев был присужден, как уголовный преступник, к каторжным работам, и, следовательно, должен был быть обращен в обычную уголовную каторгу. Вместо каторги, отбываемой в общей тюрьме, Нечаева отправили в строжайшее одиночное заключение. Нечаев был осужден к срочному наказанию—20-летней каторге, которая на практике сводилась приблизительно к 12—14 годам тюремного общего заключения; вместо этого царь полагает осторожнее заключить его навсегда в крепость [2]).

---

[1]) Протокол исполнения обряда публичной казни над Нечаевым, подписанный товарищем прокурора и помощником секретаря, опубликован в «Красном Архиве», т. I, стр. 280—281.

[2]) Слово «навсегда» подчеркнуто царем.

Перевод Нечаева из Москвы в Петербург был совершон с крайними предосторожностями и в величайшем секрете. III отделение было в беспокойстве и все время по телеграфу инструктировало и наводило справки. 25 января граф П. А. Шувалов телеграфировал Слезкину: «Повторите Ремеру и прочим о неусыпном надзоре за Нечаевым в пути, будет сопротивляться или кричать, разрешаю связать». По утвержденному графом Шуваловым проекту Слезкина, Нечаев должен был быть отправлен в отдельном арестантском вагоне по Смоленской жел. дороге на Смоленск, отсюда почтовым поездом в Витебск, из Витебска с пассажирским в Динабург (Двинск) и из Динабурга с почтовым в Царское Село. Вагон с Нечаевым должен был быть прицеплен к поезду вне Москвы. 26 января в 8 ч. 5 м. утра Ремер с Нечаевым выехали из Москвы. Из Смоленска Ремер телеграфировал в ночь на 27-ое—«прибыл благополучно. Поезд опоздал на два часа, поэтому ночую, далее поеду 8 ч. 45 м. утра, дано знать всюду». Управляющий III отделением А. Ф. Шульц надписал на телеграмме: «Увидим, что будет далее; на всякий случай я предупредил коменданта крепости, что Нечаева привезут, быть может, ночью». 27 января в 1 ч. 30 м. Ремер телеграфировал из Витебска, что он выедет оттуда в 3 часа 50 м. пополудни. «Теперь есть надежда, что Ремер приедет в определенное время в Царское Село», — написал Шульц. 28 января Ремер телеграфировал: «Прибыл благополучно Динабург, откуда выеду сегодня ночью». Из Динабурга вместе с Нечаевым выехал местный жандармский полковник Жидков, который 28-го телеграфировал: «Нечаев привезен с вечерним поездом. Привезу его в Царское в воскресенье половина восьмого вечера».

При чтении этих депеш моментами начинает казаться, что императора не ждали с таким напряженным нетерпением, с каким Нечаева ожидало III отделение.

27 января доверенный чиновник III отделения Филиппеус подготовил коменданта «совершенно секретным» письмом: «Милостивый государь, Николай Дмитриевич. Ввиду существующего, кажется, общего распоряжения, что после девяти часов вечера ворота крепости запираются, долгом считаю покорнейше просить ваше высокопревосходительство отдать приказание, чтобы завтра вечером меня впустили в крепость чрез Невские ворота. Я приеду около 10 часов и несколько минут после моего приезда чрез те же ворота доставят известного арестанта». После подписи следовала приписка по-французски: «Офицер, который вручит это письмо, не посвящен в секрет».

Наконец, тревоге III отделения пришел конец. 28 января в $9^3/_4$ часов вечера Сергей Нечаев был доставлен в крепость вместе с предписанием III отделения (от 26 янв. № 209, по высочайшему повелению), принят комендантом и заключен в каземат № 5 Алексеевского равелина. Об этом радостном для правительства событии комендант, следуя обычаю, рапортовал в тот же день царю (№ 20) и начальнику III отделения (№ 21).

V.

В то время, когда Нечаев начинал новый период своей жизни в Алексеевском равелине, комендантом Петропавловской крепости был генерал-от-кавалерии Николай Дмитриевич Корсаков, старик 74 лет от роду (умер 1 мая 1876 года), а смотрителем равелина был корпуса жандармов майор Игнатий Михайлович Пруссак. Ему было за 50, и в должности он состоял недолго, с 1871 года (умер 19 апреля 1873 года). А под его началом несли караульную службу солдаты из местной инвалидной команды. В момент заключения Нечаева в равелине находился только один заключенный—«таинственный узник» равелина, несчастный Бейдеман, сидевший в номере 15 равелина. [1])

Комендант, конечно, был предварен, да и сам мог догадаться, что к Нечаеву, как преступнику совершенно выдающемуся, должны быть применены меры самого тщательного надзора. Случай был исключительный, небывалый еще в практике равелина, и комендант счел нужным обратиться с нарочитым наставлением к смотрителю Алексеевского равелина майору Пруссаку—и преподать ему следующую инструкцию, конечно, совершенно секретную:

«Заключенного вчера по высочайшему повелению в Алексеевский равелин, лишенного всех прав состояния, б ы в ш е г о м е щ а н и н а г о р о д а Ш у и, С е р г е я Н е ч а е в а [2]), предписываю содержать в отдельном каземате под № 5, под самым бдительным надзором и строжайшею тайною, отнюдь не называя его по фамилии, а просто нумером каземата, в котором он содержится, и расходовать на продовольствие его по 50 коп. в день.

«При чем в дополнение к имеющимся у вас правилам относительно наблюдения за заключенными в равелине считаю долгом подтвердить к точному и неупустительному исполнению

1. Ключи от нумеров арестованных хранить лично при себе.

2. Вход к арестованным утром для уборки, подачи чая, обеда, ужина и во всех других случаях производить не иначе, как в своем личном присутствии.

3. Посещая арестованных, каждый раз обращать особенное внимание на окна, железные решетки, полы и печи и на прочность замка у дверей.

4. При каждом нумере, в котором содержатся арестованные, иметь отдельные посты и, кроме того, к окну последнего доставленного преступника ставить с наружной стороны на ночь часового.

5. Заключенного вчера преступника ни в сад, ни в баню без личного моего приказания не выводить.

---

[1]) О Бейдемане—см. П. Щ е г о л е в: «Таинственный узник», СПБ. 1919 г.

[2]) Набранные разрядкой слова в подлинном предписании тщательно зачеркнуты.

6. Стрижку, в случае надобности, волос производить также с личного моего разрешения в вашем присутствии и непременно одним из людей равелинной команды.

7. Обратить строгое внимание на нравственность и увольнение со двора нижних чинов, отпуская их не иначе, как с соблюдением указанного в инструкции порядка.

«Что же касается лично вас, то я убежден, что, сознавая всю важность занимаемого места и то особенное к вам доверие, вы, конечно, не позволите себе не только выхода без разрешения моего из крепости, но и отлучек из самого равелина, исключая служебных случаев».

Инструкция была затребована в III отделение и по просмотре не встретила возражений.

Но в тот порядок содержания заключенных в равелине, который определялся этой инструкцией, были внесены изменения введением нового института окарауливания. Появление столь прославленного революционера в Алексеевском равелине заставило власти насторожиться и подтянуться. Тот надзор, который был установлен для равелина и осуществлялся часовыми из местной команды, отряженной в равелин, под непосредственным наблюдением смотрителя и его помощника, показался высшему начальству недостаточным, и оно ввело новое звено в ту цепь, которая сковывала заключенного: учредило в равелине институт т. н. присяжных унтер-офицеров. Они были подчинены смотрителю, но им принадлежал прямой и неуклонный надзор и за арестованными, и за теми, кто их караулит, т.-е. часовыми, — в сущности, они наблюдали и за смотрителем [1]).

Присяжные несли суточное дежурство. Дежурный унтер-офицер должен был неотлучно находиться в равелине и помещаться в одной из комнат, в сущности, в камере равелина; поддежурный должен был выходить с арестованными на прогулку и в баню, а остальное время неотлучно пребывать в помещении для команды, находившемся при равелине, и быть наготове заменить дежурного в случае его болезни. Присяжный обязан был смотреть за часовыми и за дневальными, наблюдать чистоту и порядок в доме, следить за действиями арестованных «с большою осторожностью и незаметным для них образом чрез стекла, устроенные в дверях арестантских помещений». Присяжному строжайше запрещено было входить в разговор с арестованными и принимать от них какие-либо заявления. Ключи от камер были у смотрителя, и без смотрителя двери камер не открывались. Инструкция рекомендовала вообще не открывать камеры более трех раз в сутки: утром для уборки, днем для обеда и вечером для вечернего чая. Все эти операции производились в присутствии смотрителя; вывод заклю-

---

[1]) Для Петропавловской крепости наблюдательная команда за внутренним порядком в арестантских помещениях крепости, состоявшая из 12 присяжных унтер-офицеров, была учреждена по высочайшему повелению 23 февраля 1870 года.

ченного на прогулку в сад или в баню производился самим смотрителем при дежурном присяжном. Если в камеру входил кто-либо из лиц, имеющих на то право (шеф жандармов, комендант, доктор, священник), то, кроме смотрителя, их должен был сопровождать и присяжный и оставаться в камере; только получив специальное приказание смотрителя, он мог оставить арестованного и ждать окончания визита за дверью. Вот вкратце обязанности присяжных унтер-офицеров по специально составленной для них инструкции.

Для осуществления жандармского надзора были назначены в марте 1873 года унтер-офицеры: Захар Федоров, Афанасий Мартынов, Александр Александров, Николай Исаков. Последние два прослужили в равелине вплоть до катастрофы, которая разрушила равелин и сломала их личную жизнь.

Для того, чтобы общий очерк условий заключения вышел полным и картина жизни в равелине законченной, к той характеристике уклада заключения, которую дает только что приведенная инструкция, остается добавить немногое.

На заключение в равелине и на освобождение из равелина требовалось специальное высочайшее разрешение. Сношения заключенного с внешним миром обрывались, лишь только он переступал мост, отделявший равелин от остальных помещений крепости. Заключенный должен быть забыть, что за стенами равелина у него оставались друзья, родные. Лишь в исключительных случаях, вызывавшихся нарочитыми соображениями, давались свидания и дозволялась переписка — всякий раз с высочайшего разрешения. Самое употребление письменных принадлежностей позволялось в силу особого разрешения; как правило, они не допускались в камере. Чтение тоже должно было быть разрешено, но для удовлетворения этой потребности существовала библиотека равелина, в которой держались преимущественно книги духовно-нравственного содержания. Правда, давались книги и из библиотеки Трубецкого бастиона, но это делалось не всегда, да и там библиотека долгое время не пополнялась. Вход в камеры равелина, помимо служащих в самом равелине, был дозволен шефу жандармов, коменданту, врачу и священнику, последним двум — «в крайнем случае, с личного приказания коменданта».

VI.

Первый обряд по заключении в равелин — сдача казенных вещей, которые были на Нечаеве, и прием от него собственных — был выполнен на другой же день. Собственных вещей было немного: шапка теплая с бобровым околышем, шляпа летняя поярковая, пальто черного сукна, пиджак, полусапожки, брюки драповые, жилет, рубаха, подштанники, пара запонок к рубашке медных.

На описи вещам собственноручная запись Нечаева: «Читал и нашел верным. № 5».

Казенные вещи, снятые с Нечаева, были препровождены в III отделение при рапорте коменданта. На рапорте пометка: «Уведомить о получении, но вещи передать покуда в денежную кладовую для хранения, не обнаруживая, чьи они». Очевидно, начальство III отделения хотело сохранить пребывание Нечаева в крепости в секрете даже от своих чиновников [1]). Когда был прислан первый, по заключении Нечаева, отчет о денежном расходе по равелину, то отдано было приказание не передавать ведомость, по заведенному порядку, в делопроизводство, ведавшее приходом и расходом, так как на ведомости значилось вместо одного (Бейдемана) два заключенных, и легко было догадаться, кто второй. С этого момента все бумаги по равелину хранились особо секретно непосредственно у управляющего III отделением.

Граф П. А. Шувалов решился на экстраординарную меру, очень огорчившую коменданта крепости. Он потребовал, чтобы подчиненный коменданту смотритель равелина майор Пруссак сделал ему личный доклад о положении Нечаева в ближайшую пятницу и затем еженедельно по пятницам утром представлял ему через управляющего III отделением донесения о состоянии Нечаева. Комендант крепости был крайне встревожен и обижен таким обращением к майору Пруссаку помимо него и имел объяснения с управляющим отделением. От имени графа П. А. Шувалова было написано ему письмо, золотившее пилюлю. Кроме того, комендант был приглашен к графу Шувалову и для личных изъяснений 8 февраля в 4 $^1/_2$ часа дня. В результате объяснений еженедельные записки представлялись не прямо смотрителем, а комендантом [2]).

Такие еженедельные бюллетени о здоровье и времяпровождении Нечаева представлялись в течение длинного ряда лет; А. Ф. Шульц, покидая должность управляющего III отделением, обратился 16 ноября 1876 года с письмом к коменданту крепости барону Е. И. Майделю, в котором просил его «известные письма, которые он в продолжение стольких лет адресовал на имя его, Шульца, совершенно секретно и в собственные руки, посылать впредь на имя товарища шефа жандармов свиты е. в. ген.-майора П. А. Черевина».

В архивных делах сохранилось незначительное количество этих записок; быть может, со временем, с приведением к концу разбора всех разрозненных бумаг и дел архива департамента полиции найдутся и остальные записки. Но и сохранившихся бюллетеней достаточно для того, чтобы оценить и совершенную исключительность отношения русского правительства к Нечаеву и своеобразный высокий

---

[1]) Впоследствии, 27 апреля, вещи были возвращены коменданту.

[2]) Часть записок сохранилась и в оригиналах смотрителя и в воспроизведениях канцелярии коменданта. По большей части, комендант воспризводил рапорты смотрителя буквально или, изменяя немного текст, обычно смягчал его.

интерес этих документов для воссоздания жизни Нечаева в равелине. Мы не можем вспомнить из истории, русской и западной, аналогичного примера столь хронической мемуарной деятельности тюремщиков.

Нельзя сказать, что все эти меры принимались исключительно в целях предупреждения побега. За целость Нечаева ручались крепкие стены, двойные — крепости и равелина, — и начальство могло быть спокойно; отсюда еще никто не убегал. В осторожности начальства было много внимательности, быть может даже с оттенком некоторой боязливости: что же, Нечаев человек отчаянный и на все может решиться! Но чем диктовалось внимание предупредительное, отношение снисходительное, необычное в строе равелинной жизни? Казалось бы, начальство бросило Нечаева в каземат, крепко заперло... чего же больше? Враг раздавлен: об нем можно было бы и забыть! Ведь был же забыт Бейдеман, который и равняться не мог с Нечаевым в ранге активного революционера. Нет, начальство — от смотрителя до шефа жандармов и царя — носилось с Нечаевым, по пятницам имело удовольствие читать бюллетени о его здоровье, заботилось о его чтении, приобретало ему книги, проявляло даже некоторую ревность друг к другу, как было в рассказанном случае обиды коменданта. Объяснения такого отношения могут быть даны только в плоскости построений психологических.

Правительство употребило все силы к тому, чтобы дискредитировать личность Нечаева, представить его человеком ничтожным, бездарным, беспринципным, безнравственным, но про себя оно так не думало: по крайней мере, не думали так, не могли думать так те высшие представители власти, которые приходили в непосредственное соприкосновение с Нечаевым. В боязливом и почтительном изумлении они должны были убедиться в том, что вера Нечаева в свой революционный идеал была безгранична и непоколебима, исключительна до фанатизма. Люди III отделения не верили в православного бога так, как Нечаев верил в русскую революцию: в частности, в судебном своем деле он верил в свою правоту—и эта его вера своей глубиной, громадностью и непреложностью смущала его следователей, судей, высоких тюремщиков — как бы они там ни декламировали о Нечаеве и как бы ни старались от самих себя скрыть такое воздействие фанатической личности, — смущала до такой степени, что они теряли при обращении с Нечаевым свой обычный тон, свою манеру. Правительство в лице III отделения хотело бы только уничтожить Нечаева и не решалось сделать это сразу и окончательно, хотело бы только забыть о нем и боялось отдаться забвению, хотело бы все свои чувства к нему заключить в одном— чувстве презрения, и не могло. В отношениях III отделения к Нечаеву не было спокойствия и выдержки; на протяжении его заточения оно не раз нервничало: уж не заражалось ли оно нервностью Нечаева?От послаблений режима начальство с каким-то сладострастием переходило к ожесточению, к мучительству. Осудив Нечаева, бросив его в крепкие и верные казематы равелина, одержав победу, правительство должно

бы успокоиться и выйти из состояния войны с Нечаевым, но мы можем с полной определенностью утверждать, что оно не прекратило войны и продолжало вести ее с Нечаевым, заточенным, заключенным, и вело ее до самой смерти Нечаева. В безмолвной тишине равелина шла самая подлинная война. Враг был захвачен, связан, но не был побежден, ибо не было в нем тени раскаяния, не было атома признания власти победителя, ни в малейшей доле он не поступился своими убеждениями. III отделение набило руку, работая над живым материалом, над душой и совестью человека; оно считало свою работу конченной не тогда, когда открывало корни и нити, а тогда, когда приводило к раскаянию, к душевному ослаблению своих пленников, пусть только временному, на время следствия, заключения. Сколько их прошло, начиная с декабристов, молодых, пылких, убежденных, и сколько из них, попадая в неволю III отделения, испытывало чувство унижения своего *я*, несло какой-то ущерб своей цельной духовной личности, выходило с каким-то моральным изъяном. Нечаев не изменил своей революционной цельности, и эта непреклонность не могла не раздражать, не волновать специалистов по психологии из III отделения, не вызывать и не питать стремления сломить этого упорного человека. Положение Нечаева было иное: он не считал себя побежденным, ибо так же блистательно, как и на свободе, светило ему солнце грядущей русской революции, и он был готов вести войну в твердой надежде, что победа будет за ним. Этой войною была заполнена вся его жизнь в равелине.

VII.

9 февраля смотритель равелина представил первое донесение следующего содержания:

«Арестованный в доме Алексеевского равелина под № 5 с 2 по 9 февраля вел себя покойно и был вежлив. Встает утром постоянно с 7 и ложится спать вечером около $^1/_2$ 10-го час., кроме 2 февраля, в которое утром встал $^3/_4$ 8-го и лег спать в $11^1/_2$ час. ночи. Спит вообще хорошо.

«В продолжение всего времени днем читает «Военный Сборник» 1869 г., часто ходит по комнате и редко ложится на кровать; в последнее время более стал приветлив, лицом веселее и начал смотреть в глаза, тогда как прежде избегал встреч, отвечал отрывисто, резким тоном, с опущенными глазами и понуренной головой.

«Кроме изложенного, 4 февраля утром обратился к смотрителю Алексеевского равелина с просьбою дать ему клочек бумаги, чернил и перо для написания каталога книг, которые, как выразился, желал бы прочитать, а после обеда объявил: «Я не так утром передал мое желание насчет книг: так как я участвовал прежде в разных изданиях и привык к умственному труду, то прошу испросить позволение снабдить меня нужными книгами с французско-немецко-русским словарем, а равно бумагою, чернилами и пером для литературных занятий; я

очень хорошо понимаю свое положение, может быть, я здесь и жизнь кончу, но все-таки хотелось бы не оставаться без всякого дела; согласитесь, рассудок потерять надобно; будьте добры, попросите коменданта, я уверен, что и III отделение в этом мне не откажет».

«6 февраля, когда был подан обед, снова повторил вышеупомянутую просьбу, дополнив: «Я очень доволен и сознаю, что я не в Турции, а в России, уверяю, что ничего либерального писать не желаю, а хочу заняться чем-либо историческим, потому и прошу материала, иначе с ума сойдешь».

Следующий бюллетень за неделю с 9-го по 16-е февраля не сообщил ничего нового о жизни Нечаева:

«Арестованный в доме Алексеевского равелина под № 5 с 9 по 16 февраля вел себя покойно и вообще вежлив. Регулярно вечером ложится спать в 10 и утром встает в 7 часов, ночи спит хорошо и здоров. Уборка № производится без изменения прежним порядком. Утром в $8^1/_2$ часов—чай, в $12^1/_2$ ч. обед, а в 6 часов вечера—чай; аппетит всегда особенно хорош. Днем и вечером до сна читает «Военный Сборник» за 1870 год, ходит и редко ложится на кровать, — все благополучно» [1]).

И первый, и второй бюллетень были доложены царю.

Все просьбы Нечаева были удовлетворены самым предупредительным образом. Граф Шувалов словесно через коменданта разрешил Нечаеву заниматься литературным трудом. В камеру Нечаева были выданы письменные принадлежности, и III отделение взяло на себя заботы о доставке ему книг.

9 февраля комендант переслал в III отделение написанный Нечаевым следующий список книг, нужных ему для работы: «Словарь Рейфа (часть немецко-русская), Всеобщая история Вебера (пространное издание), Политическая экономия Джона Стюарта Милля, Статистика Кольба, История XIX столетия Гервинуса, История восемнадцатого века Шлоссера, Русская история Соловьева, Histoire de la Revolution Française par Louis Blanc, Histoire de la Revolution de 1870—71 par Jules Clarethie».

Прошла неделя, никакого движения по делу Нечаева не было, и комендант счел нужным обратиться к управляющему III отделением А. Ф. Шульцу с новым побуждением: «Милостивый Государь, Александр Францевич. Вследствие словесного разрешения его сиятельства графа Петра Андреевича на дозволение известному арестанту заниматься литературным трудом, я при отношении от 9 февраля за № 35 препроводил к вашему превосходительству каталог книг, которыми он просит снабдить его для означенной цели. Не получив на это ни уведомления, ни книг, я имею честь покорнейше просить вас, милостивый государь, не признаете ли возможным поставить меня в известность о том, какое по сему предмету последовало распоряжение со

[1]) Мы привели бюллетень в редакции майора Пруссака; в изложении коменданта он вышел короче.

стороны III отделения, присовокупляя, что если будет разрешено выдать книги, то из числа просимых им имеется в библиотеке равелина 16 томов истории России Сергея Соловьева и 5 томов Истории цивилизации Англии Бокля».

Граф Шувалов положил резолюцию: «Известному арестанту могут быть отпущены те книги, которые упоминаются в каталоге, за исключением разве сочинения Louis Blanc, о чем и уведомить ген.-от-кав. Корсакова». Но как же быть с теми книгами, которые были в списке Нечаева и которых не было в библиотеке равелина? На докладной записке с изложением недоумения граф Шувалов написал: «В случае затруднения мы можем выручить, и в этом смысле может быть написан ответ коменданту». 20-го февраля «в этом смысле» было написано коменданту, что он может распорядиться купить для Нечаева нужные ему книги с отнесением их стоимости на сумму, отпускаемую на содержание секретных арестантов.

Пока шла переписка о книгах, птичка показала коготки. Пресытясь, очевидно, чтением «Военного Сборника», Нечаев возвысил свой голос. Произошло первое столкновение, о котором царь и III отделение осведомились из третьего бюллетеня.

«Арестованный в доме Алексеевского равелина под № 5 с 16 по 23 число сего февраля вел себя покойно, читал «Военный Сборник» за 1871 год, все благополучно, кроме 19 числа, в первый день поста, когда был подан ему обед постный, на каковой взглянув, подобно хищному зверю, отозвался дерзким и возвышенным голосом с презрительной улыбкой, — «что это меня хотят приучать к постам и, пожалуй, говеть? Я не признаю никакого божества, ни постов, — у меня своя религия; прошу вас, дайте мне тарелку супу, кусочек мяса, и я буду доволен», — почему в ту же минуту был остановлен, и сделано строжайшее напоминание с тем, если на будущее время позволит себе такой наглый разговор, будет возвышать голос и выражаться дерзко, то к укрощению подобного зачерствелого невежества будут приняты меры. «Что же касается супу и мяса, ты получишь! Но помни, это последняя снисходительность», — после чего совершенно молчалив, держит себя воздержнее и вежлив. 21 вечер постоянно ходил, часто поднимал руки на голову, был задумчив и лег спать только в ½ 2-го часа полуночи» [1]).

Инцидент не получил дальнейшего развития. За это время пришли, наконец, книги, и в представленном 9 марта бюллетене содержались известия утешительного характера: «Известный арестант продолжал вести себя покойно и все более и более осваивался с своим положением,

---

[1]) Мы привели бюллетень в редакции майора Пруссака. В представленном в III отделение отчете комендант значительно смягчил краски, наложенные простодушным майором. Комендант не хотел, чтобы этот инцидент привлек внимание III отделения, и потому дал ему следующее изложение: «Нечаев, взглянув на кушанье, с презрительной улыбкой и возвышенным голосом обратился к смотрителю: «Что это значит? Меня хотят приучить к постам и, пожалуй, к говению? Я должен вам сказать, что не признаю никаких религий, у меня своя вера, прошу

до 8 марта занимался чтением журнала «Русский Вестник», а теперь приступил к рассмотрению переданных ему книг для литературного труда. С вчерашнего числа в комнате его находятся чернила, перо и бумага, появлением которых он очень обрадовался и объявил, что будет писать историю государственного права.

«Письменные принадлежности будут оставаться у него в комнате до сумерок, в это время по окончании чая будут отбираемы и вновь вносимы утром, в 9 часов».

Но безоблачность настроения исчезла, лишь только в равелине появился новый элемент: жандармы. Мы уже упоминали о том, что до появления Нечаева равелин охранялся постоянной командой из нижних чинов крепостного гарнизона; для вящщей уверенности III отделение в дополнение к ним назначило еще также постоянную команду из жандармских унтер-офицеров. Вспомним то впечатление, которое осталось у Нечаева после столкновения с жандармами на суде в Москве, и мы поймем его настроение, о котором сообщал бюллетень за неделю с 9 по 15 марта:

«Известный арестованный с 9-го марта вел себя покойно, был весел и вежлив, 11 же числа, когда утром при уборке комнаты в первый раз вошел к нему дежурный жандармский унтер-офицер, то, видимо, был поражен появлением новой личности.

«После чего сделался задумчив и раздражителен и стал относиться к смотрителю с недоверием. 13 числа вечером объявил, что чувствует себя не совсем хорошо, почему был приглашен к нему доктор, который, не найдя ничего особенного, предложил поставить горчичник и дать касторового масла. 14 числа ничего не ел и не пил чая, из опасения, что его хотят отравить, при чем выразил настоятельное желание видеть коменданта, объявив, что до тех пор, пока не переговорит с ним, не будет принимать никакой пищи.

«Вследствие чего 15 марта утром он был посещен комендантом, которого встретил почтительно и, выслушав с полным доверием и покорностию сделанные ему увещания, успокоился и попрежнему стал принимать пищу и заниматься чтением.

«Доктор Окель, посещавший его в течение этого времени два раза, признал необходимым выводить его по временам на прогулку, почему он при хорошей погоде будет пользоваться таковою в равелинном саду ежедневно около часа».

Но посещение и беседа коменданта, очевидно, не успокоили Нечаева, и очень скоро случилось новое столкновение с новым смотри-

---

дать мне тарелку супу и кусочек мяса и я буду доволен». Затем, после сделанного ему смотрителем замечания быть умеренным в претензиях и выражать свои желания более скромным образом, был подан мясной обед, то он начал извиняться». Таким образом, III отделение не узнало о манере обращения смотрителя, но за то комендант заключил инцидент извинениями Нечаева, о которых смотритель в своем докладе не сообщал ничего.

телем, жандармским майором Бобковым [1]). Из безграмотного донесения сего майора нам не ясны ближайшие поводы к столкновению, но оно было вызвано жизненными интересами Нечаева, ибо в результате он объявил голодовку. Вот что писал Бобков:

«С 28 марта по 4 апреля уборка №, подача чаю, обеда была в обыкновенное время, на прогулку в сад ходили во время хорошей погоды под надлежащим присмотром.

«Сего 1 апреля при подаче обеда в № 5 арестованному, который от него отказался, при входе же моем в № я его спросил: чего он хочет; он начал меня ругать неприличными словами, схватил стул, бросил его в меня, но дежурный жандармский унтер-офицер его не допустил и получил удар по левой руке, на которой образовалась опухоль, и в это время начал произносить разные слова про государя императора,—что меня оклеветали противу государя императора, будто бы я посягал на его жизнь,—меня посадили сюда не для того, чтобы морить с голода, а ожидать конституции, которую обещал государь дать через год, и тогда меня из каземата выпустят.

«С 1 же по 5 апреля не употребляет никакой пищи и ни чая».

Сообщая о новом столкновении Нечаева, комендант в своем докладе в III отделение смягчил опять краски, умолчав, например, о восклицаниях Нечаева по адресу царя, в то же время в объяснение раздражительности комендант сообщил некоторые данные и представил свои извинения.

«Содержащийся в Алексеевском равелине известный преступник,—писал комендант графу Шувалову,—с некоторого времени находится в крайне раздражительном состоянии: он с 1 апреля упорно лишает себя пищи под предлогом недоброкачественности и выражает неудовольствие на смотрителя майора Бобкова, обращаясь к нему с бранью и упреками, что его посадили в заточение с исключительною целью уморить голодом, но что в этом ошибутся, так как он скорее сам покончит с собою. При чем он 1 апреля при входе смотрителя в нумер бросил в него стулом, но жандармский унтер-офицер успел устранить полет оного. Кроме того, пользуясь дозволением заниматься в нумере литературными занятиями, написал записку, наполненную претензиями и преступными выражениями.

«При посещении моем 4 апреля вместе с доктором Окелем означенного преступника я нашел его в утомленном состоянии и с полною претензиею на грубое обращение с ним смотрителя.

«Доведя о сем до сведения вашего сиятельства, имею честь доложить, что претензии преступника на неудовлетворительность пищи не заслуживают никакого внимания, так как таковая готовится из самых свежих продуктов в числе 3 разнообразных блюд, так равно нельзя допустить вероятия и в грубом обращении с ним смотрителя, который, по характеру своему, скорее может быть снисходителен, чем строг».

---

[1]) Майор Прусак в 1873 году умер.

И это столкновение не сопровождалось никакими последствиями для Нечаева. Не следует ли приписать этому столкновению временную замену майора Бобкова капитаном Соболевым? Нельзя выяснить, последовало ли улучшение пищи в ответ на заявление Нечаева об ее недоброкачественности?

Главный интерес и главная поддержка Нечаева в его заключении были книги. Борьбу за книги он вел во все время своего пребывания в равелине и настойчиво требовал от коменданта и III отделения удовлетворения своих просьб о книгах. Он прибегал для этого к недозволенным способам общения с начальством, а именно: на бумаге, выдаваемой ему для литературных работ, Нечаев... о ужас!.. осмеливался писать свои просьбы о книгах. О таком дерзком поступке, с извинениями за его допущение, писал комендант 20 апреля 1873 года: «Содержащийся в Алексеевском равелине арестованный под № 5, воспользовавшись выданною ему по счету бумагою для литературного труда, написал на мое имя прилагаемое у сего заявление о снабжении его, дополнительно к искупленным по первой его просьбе еще новыми книгами, которое и передал состоящему в должности смотрителя капитану Соболеву во время утренней уборки комнаты и подачи чая.

«Препровождая означенное заявление на усмотрение вашего превосходительства, имею честь присовокупить, что мною сделано строгое внушение, чтобы он на будущее время отнюдь не позволял себе без разрешения пользоваться бумагою для написания каких бы то ни было заявлений или просьб, предварив при этом, что в противном случае он будет лишен возможности иметь у себя в нумере письменные принадлежности».

«Незаконное» прошение Нечаева было следующего содержания:

«Г. коменданту Петропавловской крепости. Генерал! Если сочтено, на основании каких-либо соображений, неудобным доставить мне книгу Луи-Блана, «Histoire de la Revolution Française»,—то позвольте просить вас заменить оную следующими сочинениями, допущенными в России:

«Geschichte und Literatur der Staatswissenschaften» von Robert von Mohl.

2. «La guerre et la paix» par Proudhon.

3. «Revue des deux Mondes»—за первую половину 1872 года, в книжках которого помещались мои статьи, весьма нужные мне теперь для работы, мною начатой.

«Мне доставлены только 2, 3 и 5-ый томы «Истории XIX века» Гервинуса; если остальных нет в русском переводе, то для меня все равно, или еще удобнее иметь их на немецком. Это сочинение озаглавлено в оригинале так: «Geschichte des XIX Jahrhunderts».

«Позвольте надеяться, генерал, что эта просьба не встретит отказа, и я не буду лишен возможности продолжать литературный труд, единственно привязывающий меня к жизни, и до окончания которого у меня только и хватит сил дотянуть мое существование.

«У моей сестры должна находиться небольшая библиотека русских и французских книг, оставшихся после меня, когда я отправился в эмиграцию. Так как мне не было дозволено д а ж е и в и д е т ь с я с сестрой, то я не знаю, в целости ли теперь эта библиотека. Неужели окажутся препятствия для того, чтобы навести справки относительно этих книг и доставить их мне, если они целы? Если препятствий нет, то я прошу у вас позволения отправить к сестре маленькую записку касательно этого предмета.

Узник С. Н е ч а е в».

Отношение коменданта было доложено царю. Граф Шувалов предоставил А. Ф. Шульцу разрешить книги по своему усмотрению. Шульц милостиво нашел возможным допустить все книги, а против просьбы о «Revue des deux Mondes» написал: «Я пришлю свои 12 книжек 1872 года».

Соответственное разрешение было отправлено коменданту 27 апреля 1873 года. О дозволении написать сестре, конечно, не было и помину.

Бюллетень от 25 мая гласил: «С содержащимся в Алексеевском равелине под № 5 никаких изменений не произошло, он приступил к чтению доставленных из III отделения собственной е. и. в. канцелярии французских книг».

Таково было начало жизни Нечаева в Алексеевском равелине.

VIII.

Дальше наши источники становятся скудными. Повидимому, скудость сведений соответствует отсутствию каких-либо осложнений. Нечаев сидел тихо, много читал и много писал.

От 1873 года сохранилось еще два известия. 10 мая комендант представил краткий бюллетень: «Содержащийся в Алексеевском равелине известный арестант попрежнему сидит спокойно. 16 сего мая, при выставке зимних рам и для освежения занимавшей (sic!) им комнаты, он перемещен из 5-го в 7-й нумер». Этот бюллетень был переправлен за границу, где был в это время царь и начальник III отделения, и «доложен его величеству» в Штуттгарте.

2 октября угроза наводнения нарушила налаженную жизнь равелина, и комендант доносил главному начальнику III отделения 3 октября (№ 203): «Вчера, по случаю возвышения в р. Неве воды свыше 9 футов и угрожавшей вследствие этого опасности нижним этажам крепостных зданий, содержащиеся в Алексеевском равелине известные вашему сиятельству два арестанта по распоряжению моему, в 10 часов вечера были переведены, под личным наблюдением смотрителя равелина майора Бобкова и караула равелинной команды, каждый порознь, в вновь отстроенное здание Трубецкого бастиона, где они и оставались в отдельных нумерах, под личным наблюдением майора Боб-

кова, людей Алексеевского равелина и жандармских унтер-офицеров, до 6 часов утра сего 3 октября. Долгом считая донести об этом вашему сиятельству, имею честь присовокупить, что означенное перемещение арестованных из Алексеевского равелина в арестантское здание Трубецкого бастиона и обратно в равелин произведено с строжайшею тайною и полным спокойствием».

От 1874 года сохранилось только одно известие—бюллетень от 19 апреля: «С содержащимся в Алексеевском равелине известным арестантом никаких перемен не произошло: он стал вести себя по-прежнему покойно и занимается чтением и письмом». Этому донесению предшествовал все-таки период, когда известный арестант вел себя неспокойно. Бюллетень был доложен царю.

За 1875 год сохранился тоже только один бюллетень от 18 июля: «С содержащимся в Алексеевском равелине известным арестантом никаких перемен не произошло». Но из поданного в январе 1876 года прошения царю мы знаем, что в июне 1875 года III отделение пожелало просмотреть бумаги Нечаева и ознакомиться с образом его мнений, и Нечаев изложил свои политические взгляды для представления Александру II. Это изложение до нас не дошло, и о содержании его мы можем судить, во-первых, из отзыва чиновника, разбиравшего бумаги, во-вторых, из сообщений Нечаева народовольцам в той неподлинной и не всегда соответствующей действительности форме, в какой они печатались в «Вестнике Народной Воли». По отзыву чиновника, письмо Нечаева «не есть изложение политических убеждений автора, каким оно выставляется, а изложение ближайших политических целей, которые автор преследовал, и в сем последнем смысле оно довольно искренне». По сообщению же, появившемуся в «Вестнике Народной Воли», в июле 1875 года комендант «просил Нечаева от имени правительства изложить свой образ мыслей и взгляд на положение русских дел вообще. Нечаев в ответ написал большое письмо царю Александру II, где, указав на главные язвы политического и социального строя России, назвал этот строй отжившим и разлагающимся; он указал неминуемую близость революции, разрушительный характер которой может быть ослаблен только немедленным введением либеральных конституционных учреждений и созванием представителей народа для пересмотра основных законов». Почти так же он излагал содержание своего заявления в том прошении, с которым он обращался к Александру III и которое в «Вестнике Народной Воли» передано не в точной копии, а скорее в пересказе: «В 75 году, когда правительство предложило мне изложить свой взгляд на положение дел, я в подробной записке на высочайшее имя заявил вашему августейшему родителю, что абсолютизм отжил свой век, что все основы неограниченной монархии окончательно расшатаны, и только дарованием конституции державная воля может спасти Россию от ужасов революции. Я говорил, что неотлагаемое введение либеральных представительных учреждений в дорогом отечестве может помешать развитию внутренних смут и дерз-

ких покушений, которые ни перед чем не остановятся. Я говорил, что через несколько лет, может быть, уже будет поздно. Ход событий последнего времени подтвердил мои предположения».

К 1875 году относится один инцидент. О нем совершенно молчат архивные источники, и знаем мы о нем только из сообщений самого Нечаева, воспроизведенных по его письмам в «Вестнике Народной Воли».

«На третий год одиночного заключения в равелине,—читаем в начале этой публикации,—с гнусными предложениями (составить записку для III отделения о составе, численности и средствах революционной партии) приезжал к Нечаеву шеф жандармов генерал Потапов. На этот раз ответом было выражено презрение к правительству в более резкой форме, а когда Потапов стал грозить Нечаеву телесным наказанием, как каторжнику, тогда он в ответ на эти угрозы заклеймил Потапова пощечиной в присутствии коменданта генерала Корсакова, офицеров, жандармов и рядовых: от плюхи по лицу Потапова потекла кровь из носу и изо рта. Нечаева схватили, но не били». В упомянутом прошении к Александру II Нечаев об этом столкновении писал в следующих выражениях: «У меня был другой (кроме Мезенцева) враг, генерал Потапов. Он оскорбил меня на словах, я за это заклеймил его пощечиной. Он имел право меня ненавидеть, но и он не мстил мне...» [1]. Быть может, в словах Нечаева есть некоторая доля преувеличений, но по всей ситуации такое происшествие было возможно. Отсутствие каких-либо указаний о нем в документах дела совершенно понятно: кому же стал бы доносить о нем пострадавший Потапов? Понятно и его решение не мстить Нечаеву, ибо мщение сейчас вслед за происшествием было бы равносильно открытому признанию факта, о котором Потапов, конечно, предпочел бы хранить молчание. Но через некоторое время он мог дать выход своей злобе по иным поводам. Известная доля недоумения все же остается. По рассказу Нечаева, предложению Потапова рассказать о составе революционной партии хронологически предшествовало предложение коменданта, от имени правительства дать изложение политических взглядов. После эффекта, какой вызвало первое предложение, кажется странной решимость коменданта, да и сама целесообразность его обращения к Нечаеву. Но что Нечаев при его характере мог нанести оскорбление действитель-

---

[1]) Любопытно, что редакция «Вестника Народной Воли», т.-е. Тихомиров, хорошо знавший все подробности сношений Нечаева с волей со слов служащего в равелине, отрицает утверждение Нечаева и передает, что он подвергся жестоким побоям за оскорбление Потапова, «во всяком случае он был после этого скован по рукам и ногам и, сверх того, прикован к стене каземата. Все это передали как служащие в равелине, между которыми было несколько свидетелей пощечины, так и сам Нечаев в письмах, ныне уже утраченных». Мы увидим дальше, что наложение оков имело место, но значительно позже и по другому поводу. В этих сообщениях со слов служащих важно только подтверждение инцидента с Потаповым.

но столь высокопоставленному лицу, в этом нет сомнения. А затем те страдания и тяжкие лишения, которым он подвергся в следующем 1876 году, могут служить не прямым, но достаточно убедительным доказательством правильности рассказа Нечаева. Правда, кары, постигшие Нечаева, были как будто вызваны иными обстоятельствами, но тут же надо сказать, что аналогичные обстоятельства ранее не сопровождались подобными результатами [1]).

В начале 1876 года, по тем или иным поводам, тюремный роман Нечаева с русским правительством кончился. III отделение тоже показало свои когти.

IX.

30 января 1876 года исполнилось трехлетие со дня заключения Нечаева в равелине. В этот день он предстаил коменданту обширное прошение на высочайшее имя. С некоторою торжественностью оно было вложено в обложку, на которой Нечаев написал:

«Господину коменданту
Петропавловской крепости
от заключенного в оной
крепости эмигранта
Сергея Нечаева.

«Для представления
на высочайшее имя
прошение».

Само прошение, написанное [2]) аккуратным почерком, без помарок, было следующего содержания:

«Его императорскому величеству
Александру Николаевичу,
государю императору
русского народа.

«Государь,

По истечении т р е х лет одиночного заключения в крепости, со дня приговора, н е з а к о н н о произнесенного надо мной мо-

---

[1]) Подтверждение рассказу Нечаева о пощечине Потапову находим неожиданно в дневнике А. Н. Куропаткина (Красный Архив, т. II, стр. 32). Под 17 февраля 1903 года он записал разговор с Плеве: «Плеве рассказал, что Потапов начал уже быть не в своем уме. Он однажды вошел к Нечаеву в камеру и получил от него пощечину. Что же он сделал? Упал на колени перед Нечаевым и благодарил за науку».—Нельзя не признать Плеве авторитетным свидетелем!

[2]) Текст прошения воспроизводится с буквальной точностью, но без сохранения орфографии. Разрядкой взяты слова подчеркнутые или написанные крупно Нечаевым.

сковским окружным судом, я, эмигрант Сергей Нечаев, не считаю себя вправе оставаться долее в положении выжидательном, и обращаюсь к вашему императорскому величеству, как к высшему авторитету правосудия и законности в государстве абсолютно-монархическом, с формальным прошением о соблаговолении повелеть подвергнуть правильному и беспристрастному судебному пересмотру «дело об убиении студента Иванова».

В основание сего прошения необходимо изложить перед вами, Государь, те важные причины, которые не позволили мне признать себя подсудимым пред представителями юстиции Империи, в начале 1873 г.,—причины, заявление которых не было выслушано от меня московским окружным судом, что и лишило приговор надо мной всякого юридического значения.

Я, эмигрант Нечаев, арестованный в окрестностях города Цюриха в августе 1872 года, до сих пор не знаю, на каких условиях выдало меня швейцарское правительство в руки россиского правосудия.

Я был увезен из цюрихской тюрьмы ночью, неожиданно, без всякого предупреждения и объяснения, неизвестными личностями, на которых даже не было полицейского мундира,—я был увезен из тюрьмы в отсутствие директора местной полиции г. Пфеннингера, в отсутствие всякого представителя швейцарской власти, напутствуемый единственно смотрителем тюрьмы, который отказался дать мне какое-либо объяснение.

Доставленный в цепях в баварский пограничный город Линдау, я объявил начальнику встретивших меня там русских агентов, г. Севастьянскому, что считаю себя жертвой произвола и беззакония, противного основным принципам публичного права,—ибо не знаю, выдала меня Швейцария, или меня «украли из Швейцарии», подобно тому, как некогда граф Орлов похитил из Ливорно несчастную княжну Тараканову.

Привезенный в С.-Петербург, в Петропавловскую крепость, я повторил то же заявление явившемуся ко мне чиновнику III отделения, г. Филиппеусу.

По прошествии двух месяцов, я был вызван из каземата к прибывшим в крепость для производства следствия по делу «об убиении студента Иванова», следователю г. Спасскому и прокурору московского окружного суда. В качестве эмигранта отказавшись давать какие-либо показания по этому делу, как делу, исключительно политическому,—я снова заявил, что правительство швейцарской республики не только не выслушало моих объяснений, но не сообщило мне даже, на каких условиях меня выдало россиской полиции.

Прокурор и следователь, в силу известных им соображений или инструкций, не сочли нужным обратить надлежащее внимание на это крайне важное заявление и не приостановили производства следствия,

хотя для них, как сведущих юристов, должно было быть ясно, что тем самым они лишают дальнейший ход дела и самый судебный процесс всякого юридического основания и легального значения.

Перевезенный, в конце 1872 года, в Москву, я и там, на вопросы следователя и прокурора, отказался давать показания, еще раз заявив, «что считаю выдачу меня швейцарским правительством вопиющей несправедливостью».

В Москве мне было прочитано следователем предписание министра юстиции прокурору московского окружного суда: узнав из оного, что Повелитель «80-ти миллионов ручался своим Императорским словом» (пред швейцарским правительством) за правильность и беспристрастность суда надо мной, я решился уклониться от всякого резкого выхода и держаться твердо почвы исключительно юридической. Поэтому я отказался принять обвинительный акт и воспользоваться правом иметь защитника. Точно так же, несколько дней спустя, в присутствии двух свидетелей и частного пристава Сущевской части, я отказался принять повестку от суда и список присяжных заседателей.

Приведенный в залу заседаний московского окружного суда, я, на первый вопрос председателя, буквально объявил:

— «Я, эмигрант Нечаев, права судить меня за русским судом не признаю и подсудимым себя не считаю; если суду угодно знать причины этого заявления, то я сочту своим долгом их суду объяснить».

Слова мои были покрыты рукоплесканиями присутствовавшей публики, а председатель вместо того, чтобы выслушать мои объяснения, имевшие столь важное юридическое значение, приказал жандармам меня удалить.

Представ вторично пред трибуналом, на вопрос председателя:—«желаю ли я, чтобы меня судили с участием присяжных заседателей?»—я отвечал отказом, и был немедленно вторично удален прежде, чем успел высказать причины, побуждавшие меня отказаться.

Введенный жандармами в третий раз в залу заседания суда, на вопрос председателя: «признаю ли себя виновным в убиении студента Иванова из личной ненависти?»—я возразил:

«Убиение Иванова есть факт чисто политического характера и составляет лишь часть «дела о заговоре», которое разбиралось в суде в Петербурге».

Председатель снова прервал меня, не позволил мне продолжать моих объяснений и снова приказал меня удалить.

Вступив, в четвертый раз, в заседание, на вопрос председателя:—«допускаю ли выслушание свидетелей?»—я отвечал:

«Для меня все равно: я уже имел честь объявить, что права судить меня за вами не признаю и подсудимым себя не считаю».

Так как председатель начал немедленно процедуру приведения единственного свидетеля г. Мухортова к присяге и допроса оному,— то я, Нечаев, не переставал возражать отрицанием права судить меня, до тех пор, пока председатель не произнес категорической фразы: «Ну, так молчите!».

После этих слов, я повернулся спиной к трибуналу и ограничился молчанием, вполне уверенный в отсутствии всякого юридического основания в продолжавшемся судебном разбирательстве. Тем не менее, в конце заключительной речи председателя, я громко объявил московский окружной суд «судом Шемякиным».

На другой день по произнесении надо мной приговора, лишенного, по вышеизложенным причинам, всякого юридического основания и легального значения, я обратился с письмом к Начальнику III отделения собственной Вашего Императорского Величества канцелярии, графу Левашову; в этом письме, говоря о возмутительном поступке со мною московских жандармских офицеров и высказывая несколько общих политических соображений, я не преминул заявить, что «считаю себя преступником политическим, обращенным московским окружным судом в обыкновенного уголовного», что смотрю на себя, как на жертву клеветы и вопиющего беззакония.—То же самое заявление включил я между прочим и в изложение моих политических мнений, составленное мною в июне 1875 года, для представления Вашему Императорскому Величеству, на основании выраженного III отделением желания — ознакомиться с образом моих мыслей посредством просмотра моих бумаг.

Что же касается до обращения в кассационный департамент сената, в форме, установленной для сего русскими судебными уставами, то я, Нечаев, не мог, и не должен был воспользоваться этим правом русского легального протеста, так как выше объясненные, противо-юридические условия выдачи меня швейцарской полицией ставили меня вне области законов Российской империи.— В качестве эмигранта, не признав себя подсудимым пред судом Империи, — я тем менее мог подчиниться формальностям апелляции, указанным в русском кодексе. Я должен был дать объяснения только гласному суду. Суд не выслушал меня, и мне оставалось страдать и ждать, пока мне то позволяло состояние моих физических сил.

Высшие соображения, отчасти указанные мною в изложении моих политических мнений, побудили меня удержаться от всякого иного более резкого выхода, на который давала мне полное право вопиющая несправедливость, на меня обрушившаяся.

От формального же на Высочайшее Имя прошения о пересмотре моего дела я считал своим долгом удержаться в продолжение нескольких лет.

Пока то позволяло мне состояние моего здоровья, я, томясь в неволе и одиночестве, решился выждать известный период времени, достаточно продолжительный для того, чтобы дать возможность представителям швейцарской демократии самим исправить несправедливость своих олигархов:—устранить нарушение основных принципов публичного права, и требованием судебного пересмотра моего дела снять позорное пятно, положенное произволом цюрихской полиции на честь и достоинство республики.

Отрезанный от хода политической жизни, как бы погребенный заживо в келье Петропавловской крепости—я не могу знать, какими софизмами швейцарские олигархи объясняли выдачу меня без суда и следствия тому правительству, против которого я составлял заговор;—не могу знать, какими заявлениями отвечали они на лишенный всякого юридического основания судебный процесс и на н е з а к о н н о произнесенный надо мною приговор. Но тем не менее, трехлетний срок был слишком достаточным для всестороннего рассмотрения дела;—и если представители швейцарского народа и швейцарская демократия вообще не воспользовались им, то и я не могу и не должен оставаться долее в положении выжидательном, какие бы последствия ни произошли от сего для национальной чести и достоинства республики.

Теперь, по прошествии т р е х тяжких лет одиночного заключения, я обращаюсь с прошением о судебном пересмотре моего дела к В а ш е м у И м п е р а т о р с к о м у В е л и ч е с т в у, как высшему авторитету правосудия в Империи, как прямому источнику и блюстителю закона в монархии неограниченной, как законодателю, по мысли которого: «п р а в д а и м и л о с т ь д о л ж н ы ц а р с т в о в а т ь в с у д а х».

Я, Нечаев, теперь, как и тогда, в 1873 году, готов признать себя подсудимым не только пред русским судом, но даже пред судом турецким, или китайским, если только предварительно соблюдены будут все легальные условия, требуемые публичным правом;—если правительство швейцарской республики, на почве которой я был арестован, возьмет на себя прямую юридическую ответственность за правильный исход процесса,—то есть: объявит мне предварительно (в присутствии чиновника русского посольства):—н а к а к и х о с н о в а н и я х и п р и к а к и х у с л о в и я х м е н я в ы д а е т Р о с с и и, и снабдит меня копией с своего решения по этому поводу,—копией, формально засвидетельствованною печатью республики и надлежащими подписями членов правительства.

Излагая сие прошение сообразно с формами, которые обусловливают существенные свойства юридических документов подобного рода,—для более удобного сообщения его, в случае надобности, в кассационный департамент сената,—я остаюсь в уединении каземата, в ожидании решения В а ш и м И м п е р а т о р с к и м В е л и ч е-

ством по этому поводу, с надеждой на возможность правосудия в моем отечестве, во второй половине XIX века.

Узник, в силу беззакония и вопиющего произвола швейцарских олигархов, четвертый год томящийся в келье Петропавловской крепости.

Эмигрант

учитель Сергей Нечаев.

1876 года, января 30-го дня.

P. S. При сем я присовокупляю мою просьбу к Вашему Императорскому Величеству о позволении мне видеться с моими родственниками, с которыми я расстался восемь лет тому назад, и которых не допустили ко мне в 1872 году, когда я был привезен из-за границы в Петербург, в крепость».

На щеголеватой обложке, в которую Нечаев вложил свое прошение, генерал-адъютант Потапов 7-го февраля 1876 года записал следующее решение царя: «Государь император высочайше повелеть соизволил прошение оставить без последствий и воспретить преступнику Нечаеву писать и написанное им до сего времени от него отобрать и рассмотреть, заниматься же чтением книг не возбраняется». Первая часть резолюции находится в прямом несоответствии со второй: выходит так, что прошение Нечаева, как видим, не только не было оставлено без последствий для него, но, наоборот, сопровождалось решительной и тягостной переменой в строе его тюремной жизни: ему запретили писать, и это запрещение осталось в силе уже на все время его заключения в равелине.

7-го же февраля А. Ф. Шульц на словах передал коменданту резолюцию царя для исполнения, а 9 февраля последовало исполнение ее на деле. Об исполнении узнаем из сохранившегося обычного бюллетеня, представленного 14 февраля:«9-го сего февраля у содержащегося в Алексеевском равелине известного преступника во время прогулки в саду отобраны все письменные принадлежности и исписанные им бумаги. При объявлении ему о том по вводе в номер, он с внутренним волнением подчинился такому распоряжению, сказав только с ожесточением: «хорошо»! Затем ночью, около 4-х часов, начал кричать и ругаться, при чем находящеюся у него оловянною кружкою с водою выбил из окна 12 стекол; тогда на него тотчас надели смирительную рубашку и, переведя в другую комнату, привязали к кровати. В таком положении он оставался, пока не успокоился, затем днем его отвязали с кровати, оставив на нем, для лишения свободы рукам, ту же смирительную рубашку, которую под словом, что он не повторит подобного буйства, приказано снять только сегодня утром».

По силе реакции, которую вызвало в Нечаеве запрещение писать, можно судить о всем жизненном значении этой жесточайшей меры.

Реакция Нечаева повлекла новые последствия. В бюллетене 20-го февраля комендант доложил: «Сего числа, в 8 часов утра, на содержащегося в Алексеевском равелине известного арестанта надели ножные и ручные кандалы при полном спокойствии. Затем он переведен в другой номер, в оконной раме которого, с внутренней стороны, устроена железная решетка».

Любопытно, что первый приведенный бюллетень о буйном протесте Нечаева царю не был доложен (на нем имеется пометка Потапова: «к сведению»), а второй был доложен. В следующем бюллетене 27-го февраля комендант сообщил о благодетельном результате закования Нечаева: «Содержащийся в Алексеевском равелине известный арестант, после наложения оков, ведет себя совершенно спокойно». А Потапов положил на этом докладе резолюцию: «иметь в виду».

Некоторое облегчение в положении Нечаева наступило только в мае месяце. За это время произошла смена комендантов: вступил в должность коменданта, вместо заболевшего и умершего 1 мая 1876 г. Н. Д. Корсакова, барон Е. И. Майдель. Барон Е. И. Майдель, повидимому, был самым снисходительным комендантом; по крайней мере, Нечаев, беспощадный в своих отзывах в письмах к народовольцам, помянул добрым словом «уважаемого» барона Майделя. Бюллетень от 14 мая сообщал: «С содержащимся в Алексеевском равелине известным арестантом никаких перемен не произошло. При посещении его вновь назначенным комендантом, генерал-адъютантом бароном Майделем, вел себя довольно сдержанно и, кроме просьбы о дозволении ему прогулки в саду, находящемся в стенах равелина, никакой особой претензии не объявил».

Быть может, к этому косвенному ходатайству барон Майдель присоединил и прямое, словесное, но как бы там ни было, следующая отчетная неделя принесла Нечаеву известное облегчение. 21-го мая бюллетень гласит: «Содержащийся в Алексеевском равелине известный арестант ведет себя спокойно. С него сняты ножные оковы и дозволена прогулка в саду равелина».

Но оковы на руках Нечаева были оставлены: так боялось III отделение его свободных рук.

IX.

Тем временем бумаги Нечаева просматривались в III отделении. Разбор их затянулся, так как бумаг оказалось много. Результаты просмотра изложены в пространной докладной записке, представленной шефу жандармов Потапову и доложенной им царю 24 апреля 1876 года. «Высочайше повелено все рукописи преступника Нечаева уничтожить»,—написал на записке Потапов. А управляющий III отделением А. Ф. Шульц тут же отметил: «Хранить эту записку при деле; бумаги же будут мною сожжены». Так из огромного нечаевского архива,

созданного им в равелине, и не дошло до нас ни одной бумаги. Об этой потере приходится сожалеть в высшей степени, ибо, судя по перечню бумаг и краткому их изложению, сделанному в докладе, мы лишились важного и интересного источника и для истории эпохи, и для истории революционного движения, и для характеристики самого Нечаева. Можно сказать, записка III отделения возбуждает крайнее любопытство, оставляет его совершенно без удовлетворения. Мы не можем определить автора этой записки, но в некоторых литературных вкусах ему нельзя отказать. Интересно, что он, по долгу служебной обязанности призванный хулитель Нечаева, не мог не отдать должное ему: он признает за ним недюжинную натуру, энергию, привычку рассчитывать на себя, полное обладание тем, что он знает, обаятельное действие на тех, кто не справился с положением, подобно ему. Автор, изучивший все высказывания Нечаева по его рукописям, не мог не остановиться с некоторым удивлением перед необычайной твердостью революционных верований Нечаева: полагая, что он преуменьшает авторитет личности Нечаева, автор записки готов признать в нем революционера по темпераменту скорее, чем революционера по убеждению. Очевидным диссонансом звучит провозглашаемое автором записки отрицание той дозы уважения к Нечаеву, в которой нельзя отказать врагу. Это утверждение—явная уступка обстоятельствам. За всеми этими оговорками, нельзя отрицать важного интереса, представляемого запиской анонимного критика из III отделения. Для истории внутренней жизни в равелине записка имеет первоклассное значение. Мы можем определить е ее помощью, чем заполнялись равелинные досуги Нечаева.

Приводим полностью эту записку:

«Рассмотренные бумаги, по содержанию их, следует разделить на четыре разряда.

К п е р в о м у отношу два письма государю императору и первоначальную редакцию одного из них, уже доложенные его величеству. Об них можно сказать, по внимательном их соображении с другими бумагами, что первое письмо не есть изложение политических убеждений автора, каким оно выставляется, а изложение ближайших политических целей, которые автор преследовал, и в сем последнем смысле оно довольно искренне.

Ко в т о р о м у разряду я отношу некоторые публицистически статьи, которые отчасти содержат в себе апологию деятельности автора, как главного двигателя известной политической пропаганды между учащейся молодежью, отчасти личные его думы и впечатления. Об этом отделе, ваше высокопревосходительство, будете вернее судить по некоторым выдержкам. Сюда относятся письма из Лондона о задачах современной демократии, политические думы, впечатления тюремной жизни (Живая Могила) и самая замечательная из всех разобранных статей—о характере движения молодежи в конце 60-х годов.

К т р е т ь е м у разряду относятся беллетристические произве-

дения: 1) отрывки из довольно объемистого романа из времени падения второй империи во Франции, озаглавленного «Жоржетта», 2) отрывки другого романа из быта студенческих кружков, заграничных эмигрантов и русских путешественников за границей, под именем: «Кому будущее», «На водах», интереснее и «Une vieille connaisance», 3) отрывки «Воспоминания о Париже», где рассказываются сцены из падения второй империи, 4) кажется, также относящиеся к роману «Жоржетта» наброски: «В царстве буржуазии»—падение коммуны и «В бельэтаже и мансарде»—приготовление к действию интернационалки, 5) объемистый, но весьма бесцветный отрывок романа «У липован» и 6) маленький отрывок «Школа Миловзорова», где представляется в гнусном виде школа грамотности старинного направления, содержимая дьячком. В этом разряде интереснее других роман «Жоржетта» и отрывки «Кому будущее» и «На водах».

«Жоржетта»—есть история небогатой француженки, которую, несмотря на воспитание в монастыре, влияния старого республиканца—отца и молодого человека, которого она полюбила, сделали республиканкой самого красного оттенка. Ее возлюбленный оказывается одним из главных вождей интернационалки и внушает любовь одной из знатных дам второй империи, в высшей степени развращенной. Вождь интернационалки, после того, как Жоржетта отказалась сделаться его любовницей, впредь до провозглашения республики,—вступает в связь с знатной дамой, а во время осады Парижа делит время между нею и Жоржеттой. В день взятия Парижа Мак-Магоном он убит на баррикаде, а Жоржетта, натерпевшись всяких страданий и унижений, умирает в Версале. На этой канве узорами выступают довольно многочисленные эротические сцены, на которых автор останавливается с особенной любовью, имеющей, кажется, физиологический источник в его летах и одиночном заключении. Кроме того, много экзальтированных социалистических и гуманитарных тирад. Мысль, что любящие друг друга не должны тратить сил на удовлетворение своего чувства, пока они нужны для решения социальных задач, очень горячо и длинно развивается и в этом романе и в отрывке «Кому будущее». Но в последнем героиня, наконец, решает, что энергического человека не расслабят эротические наслаждения, и отправляется к нему в спальню. В обоих романах женщины более высокого общественного положения представлены чудовищами разврата. Картины его в отрывке «На водах», доходят до самого грязного цинизма. Впрочем, цинизм и намеренная площадная грубость отличают язык и «борцов за новые идеи». Если в статьях, отнесенных выше ко второму разряду, нельзя иногда отказать автору в уважении его начитанности и силе мысли, то в беллетристических произведениях поражает полнейшее отсутствие всякого нравственного чувства.

К четвертому разряду относится большая половина разобранных бумаг, которую решусь назвать хламом, ни для кого, кроме автора, не интересным. Это разные выписки, наброски романов, спи-

санные отрывки стихов и прозы, на немецком, французском и английском языке, вокабулы, выписки и resumés разных читанных книг и журнальных статей, перевод статей Маколея: «William Pitt» и «Atterbury», отдельные заметки и т. д. Конечно, все это дает намеки на мнения и наклонности автора, но и те и другие гораздо подробнее и точнее известны из других источников.

Вообще говоря, нельзя назвать автора личностью дюжинной. Всюду сквозит крайняя недостаточность его первоначального образования, но видна изумительная настойчивость и сила воли в той массе сведений, которые он приобрел впоследствии. Эти сведения, это напряжение сил развили в нем в высшей степени все достоинства самоучки: энергию, привычку рассчитывать на себя, полное обладание тем, что он знает, обаятельное действие на тех, кто с той же точкой отправления не могли столько сделать. Но в то же время развились в нем и все недостатки самоучки: презрение ко всему, чего он не знает, отсутствие критики своих сведений, зависть и самая беспощадная ненависть ко всем, кому легко далось то, что им взято с бою, отсутствие чувства меры, неумение отличить софизм от верного вывода, намеренное игнорирование того, что не подходит к желаемым теориям, подозрительность, презрение, ненависть и вражда ко всему, что выше по состоянию, общественному положению, даже по образованности. Даже служение тем же целям, которые преследуются автором, не спасает таких лиц: оно клеймится подозрением в его искренности, где нельзя,—называется тупоумным, дилетантским, и против этих союзников проповедуется подозрение и презрение. Один автор и люди его кружка, одних с ним происхождения и образа мыслей, признаются за слуг народа и за пользующихся народным сочувствием и доверием. Все остальное, выдвигающееся из народа, выставляется, как враги народа, и эра плодотворного развития, мирного и многостороннего, начнется лишь с их уничтожением.

Особенно характерно отношение автора к идее о насильственном перевороте. Неоднократно он ее отвергает, как не созидающую ничего прочного и, напротив, вызывающую реакцию. Но не признает искренности в обращении высших классов к служению народу, считает их помехой, которую надо удалить во что бы то ни стало, признает, что перевороты еще неминуемы и что стройное развитие общественности дело будущего. В то же время считает ненависть одной из нужнейших сил общественного деятеля. Не нахожу возможным во всем этом видеть бессознательное противоречие, а скорее маску умеренности, с которой автор не справился.

Весьма часто люди в положении автора достоинством своего поведения заслуживают уважения тех, которые враждебно относятся к их деятельности и образу мыслей. Подобного чувства уважения не внушает личность автора, насколько она отразилась в его бумагах. Они писаны не для распространения их в публике, между тем он себя рисует окруженным лишениями, которых не испытывал, искренности

в объяснении побудительных причин того или другого действия нет и в помине. Напр., поведение на суде объясняется уважением к достоинству Швейцарии и т. д. Признания прав победителей на самозащищение, что было так нередко между декабристами, в авторе вовсе не заметно. Какое то самоуслаждение в созерцании силы своей ненависти ко всем достаточным людям, намеренное развитие в себе непроверенных в своей основательности и законности, инстинктов, ставящих его во вражду с существующим порядком, почти слепую,— все это черты революционера не по убеждению, а скорее по темпераменту, каким автор сознает себя не без некоторого самодовольства. Может быть, им он обязан частью своего влияния на людей, еще меньше развитых и привычных критически относиться к своим мнениям,— но конечно, эти черты не усилят в беспристрастном человеке уважения к автору—даже того, в котором нельзя отказать даровитому врагу».

X.

1876 и 1877 годы, несомненно, были самыми глухими в тюремной жизни Нечаева. Он влачил существование с оковами на руках. Не имел возможности писать что-либо и каким-либо способом, он мог читать, но книги из библиотеки равелина были давно прочитаны им. Он был абсолютно один в равелине, ибо с другим жильцом равелина Бейдеманом, сидевшим в другом фасе треугольной тюрьмы, он не приходил в соприкосновение, да если бы и мог притти, эти соприкоснования не доставили бы ему утешения, ибо в это время Бейдеман, кажется, потерял рассудок.

Только в декабре 1877 года Нечаеву были развязаны или, вернее, раскованы руки. Шеф жандармов Н. В. Мезенцев, сменивший Потапова, представил царю 1 декабря следующий доклад, подписанный А. Ф. Шульцем: «Два года тому назад, вследствие буйства преступника Сергея Нечаева, комендант с.-петербургской крепости вынужден был надеть Нечаеву ручные и ножные кандалы. Впоследствии, когда Нечаев смирился, то ножные кандалы были сняты. Ныне кандалы, хотя и обшитые кожею, произвели на руках Нечаева язвы, которые, несмотря на лечение, не заживают. В виду сего и во внимание к хорошему поведению Нечаева, совершенно успокоившегося, комендант испрашивает разрешение на освобождение Нечаева и от ручных кандалов. Комендант с.-петербургской крепости не входил по настоящему предмету с письменным представлением, а лично заявил об этом мне».

14-го декабря 1877 г. (№ 4033) III отделение уведомило коменданта о последовавшем высочайшем согласии на снятие ручных кандалов с Нечаева. Осталось таким образом невосстановленной одна льгота. Нечаев вновь не получил права иметь в камере письменных принадлежностей.

Отныне Нечаев поставил две ближайших задачи той напряженной борьбе за существование, которую он вел в стенах равелина: добиться права писать и права читать то, что он хочет.

С чтением дело обстояло так: нам пришлось уже упоминать о том, что незначительная библиотека Алексеевского равелина была прочитана Нечаевым насквозь. Нечаеву давали книги и из библиотеки при Трубецком бастионе, но эта библиотека была также ничтожна и, кроме того, передача книг отчасти имела свои специфические неудобства, ибо книги могли послужить средством сообщения. Так это и было в действительности [1]). Третий книжный источник—журналы, получавшиеся в комендантском управлении; наконец, французские и немецкие книги доставляло Нечаеву III отделение. Конечно, отделение не проявляло сколько-нибудь тщательного внимания к подбору книг: посылало по несколько раз одни и те же книги, посылало совершенно неинтересный для Нечаева хлам и делало все это с большими промежутками. Все это огорчало и приводило в раздражение Нечаева. А тут еще начальство—и равелинское и отделенское—не прочь было приохотить его к духовному чтению. Когда Нечаев просил книг, смотритель равелина предлагал ему книги духовные. И даже III отделение тоже покусилось на стойкость Нечаева и вознамерилось соблазнить его духовным, душеспасительным чтением. На безкнижии и богословие на что-либо полезно: вдруг великий революционер увлечется духовным красноречием и вступит на путь морального исправления—так мнилось III отделению—и вот оно сделало наивный опыт. 28 марта 1878 года (934) комендант получил следующее оригинальное предложение: «Имею честь покорнейше просить ваше в. пр-во не оставить сделать распоряжение, чтобы прилагаемые при сем (в особом пакете) книги духовного содержания были положены незаметным образом в камеру известного вам, м. г., находящегося в Алексеевском равелине арестанта N., и о последствиях этого распоряжения почтить меня уведомлением».

Опыт, конечно, не удался и следующий рапорт коменданта управляющему III отделением дает несколько тонких штрихов к духов-

---

[1]) Немного позже, 5 сентября 1880 года, барон Велио писал коменданту: В Департ. гос. пол. получено сведение, что содержавшаяся в доме предварительного заключения осужденная Ольга Натансон разсказывала, что во время нахождения ее в Петропавловской крепости она узнала, что государственный преступник Нечаев жив и не в Сибири, а содержится в отдельном помещении крепости и что сведение это добыто ею из книг, которые она получала для чтения из крепостной библиотеки.

Вследствие сего имею честь покорнейше просить ваше высокопревосходительство, не изволите ли признать возможным сделать зависящее с вашей, милостивый государь, стороны распоряжение, дабы при выдаче из крепостной библиотеки книг для чтения арестованным было обращаемо кем следует серьезное внимание на различные в них пометки, делаемые заключенными для переговоров между собой, и таковые немедленно уничтожались».

ному облику Нечаева в Алексеевском равелине. Комендант уведомлял 30 марта 1878 года (№ 67).

«Препровожденные книги и брошюры духовного содержания, числом 18, положены в комнату содержащегося в Алексеевском равелине известного арестанта N., вчера утром, во время прогулки его в саду. Когда он возвратился в камеру, то тотчас же обратил внимание на них, так как до того времени у него в комнате на столе находился только один нумер журнала «Русская Старина», и, как бы догадавшись, что книги эти духовного содержания, которые ему незадолго до того были предлагаемы смотрителем и от чтения коих он отказался, стал усиленно ходить по комнате с судорожными движениями, не прикасаясь к книгам.

«Затем, когда смотритель спустя несколько времени вошел к нему в камеру, то N спросил, что вы от себя положили эти книги или вам приказано, и когда майор Филимонов ответил, что положил так себе, в том предположении, что в виду настоящих великих дней он, может быть, и пожелает прочесть их. Тогда N сказал, что все в них написанное, сочинено русскими попами, все знают, что он неверующий и что, наконец, он не желает лицемерить.

«При подаче после того вечернего чая, он был также несколько в возбужденном состоянии, при чем под впечатлением гнева на смотрителя не сделал ему обычного привета «добрый вечер», которым в последнее время всегда его встречал, но книги, сколько смотритель мог заметить, были им просмотрены, так как они лежали не в прежнем порядке».

При Мезенцеве книжный вопрос не получил благоприятного разрешения, и после его смерти барон Е. И. Майдель решил поставить вопрос о чтении заключенных в равелине во всей широте перед новым шефом жандармов А. Р. Дрентельном. 29 ноября 1878 года Майдель обратился к нему со следующим письмом: «Содержащиеся в Алексеевском равелине преступники, при отсутствии письменных и других занятий, все время проводят в чтении книг, вследствие чего они, а в особенности известный преступник, перечитал все имеющиеся в библиотеке Алексеевского равелина книги, так что в настоящее время по необходимости приходится ограничиться выдачею ему не более двух-трех книг в месяц из выписываемых комендатским управлением журналов «Вестник Европы», «Русская Старина» и «Русский Вестник» и то в таком лишь случае, если в них не заключается рассуждений о политических преступлениях, что, конечно, вызывает его к постоянным жалобам.

«Хотя при комендантском управлении крепости имеется еще небольшая библиотека собственно для арестованных в крепости, сформированная из некоторых исторических и учебных книг, повестей, романов и журналов прежних лет, пожертвованных благотворительными лицами, но и она, как не обновляемая новыми книгами, не может удовлетворить его на продолжительное время. Притом же передача из Трубецкого бастиона в Алексеевский равелин и обратно книг,

читаемых политическими арестантами, при их изобретательности наносить неуловимые простым вниманием условленные между ними знаки над буквами, может послужить к преступному переговору и вообще к обнаружению существования в крепости известного преступника. Сознавая существенную потребность для заключенных в равелине в чтении, как единственном развлечении при отсутствии других занятий, я имею честь представить обстоятельство это на усмотрение вашего высокопревосходительства на тот конец, не изволите ли признать возможным возложить на III отделение собственной его и. в. канцелярии доставление в Алексеевский равелин ежемесячно несколько экземпляров книг или периодических журналов за прошедшее время, которые по прочтении арестантами будут комендантским управлением возвращаемы обратно».

На это обращение Майделя последовал ответ лишь через $1^1/_2$ месяца. А. Р. Дрентельн ответил, что из вверенного ему учреждения будут доставляемы по мере надобности книги и журналы и что выдача книг из крепостной библиотеки заключенным в равелине должна быть прекращена (13 января 1879 г.).

Но книжный вопрос не устраивался и после таких разрешений. 6 апреля 1880 года комендант, отсылая просмотренные «известным арестантом» книги, писал Дрентельну: «В виду постоянных в последнее время претензий известного лица на высылку ему старых книг, не имеющих по содержанию никакого интереса, и нередко из читанных им, имею честь просить ваше превосходительство, не изволите ли признать возможным приказать доставлять ему, вследствие убедительной его просьбы, из более новых книг и, если возможно, то каталог, по которому бы он мог выбирать».

Негодование Нечаева росло и вылилось в своеобразные и резкие формы протеста. Надо припомнить, что Нечаеву не давали письменных принадлежностей, и писать он не мог. Как же довести до сведения высшего начальства о чинимых ему обидах? Нечаев придумал совершенно оригинальный способ, о котором комендант доносил управляющему III отделением Никите Кондратьевичу Шмидту 14 апреля 1880 г.

«По передаче содержащемуся в Алексеевском равелине известному арестанту (N. . . .) доставленных в последний раз, при отношении от 10 апреля за № 2864, восьми книг на французском и немецком языках, он на другой же день, т.-е. 12 числа, не читая, возвратил их, объявив, что некоторые из этих книг он уже читал, а остальные настолько бессодержательны, что чтение их было бы для него тяжелым моральным трудом. Под впечатлением преднамеренного, как он себе объясняет, лишения его возможности чтения новых книг и журналов, смотритель равелина вчера утром застал его в слезах, затем в течение целого дня он ничего не ел, и когда подан был ему чай, то серебряною чайною ложкой написал на стене, окрашенной охрою, заявление на имя государя императора, содержание которого смотри-

тель равелина подполковник Филимонов во время вывода его на прогулку в сад списал на бумагу и представил мне.

«Препровождая означенный снимок с написанного сказанным арестантом ложкою на стене вашему превосходительству, имею честь покорнейше просить, не найдете ли возможным, как я уже просил отношением от 6-го текущего апреля за № 82, приказать доставлять ему книги и журналы из более новейших изданий и еще лучше, если бы ваше превосходительство, для устранения всяких с его стороны претензий, приказали выслать ко мне раз навсегда каталог книгам и журналам, имеющимся в библиотеке III отделения собственной е. в. канцелярии, или возможным к приобретению, с тем, чтобы таковой, каждый раз по прочтении им прежних, был предъявляем ему для выбора новых книг».

А вот то прошение, которое списал со стены равелинной камеры смотритель Филимонов:

«Его императорскому величеству государю императору Александру Николаевичу.

Государь.

В конце восьмого года одиночного заключения, III отделение, без всякого с моей стороны повода, лишило меня последнего единственного занятия—чтения новых книг и журналов. Этого занятия не лишал меня даже генерал Мезенцев, мой личный враг, когда он два года терзал меня в цепях. Таким образом III отделение обрекает меня на расслабляющую праздность, на убийственное для рассудка бездействие. Пользуясь упадком моих сил после многолетних тюремных страданий, оно прямо толкает меня на страшную дорогу к сумасшествию или к самоубийству.

Не желая подвергнуться ужасной участи моего несчастного соседа по заключению, безумные вопли которого не дают мне спать по ночам, я уведомляю вас, государь, что III отделение канцелярии вашего величества может лишить меня рассудка только вместе с жизнью, а не иначе.

Вербное воскресенье 1880 г.

С. Нечаев.

Но охрой ли на стене писал Нечаев и не собственной ли кровью? Не из чувства ли деликатности смотритель Филимонов не узнал крови и принял ее за охру, а, быть может, и узнал, да счел неудобным докладывать о подобной неловкости! В письмах к народовольцам из крепости есть указание на то, что одно из заявлений царю Нечаев, действительно, писал кровью.

Нечаев последнюю фразу своего обращения к царю подкрепил и активным делом: он начал голодать, поставив условием прекращения голодовки разрешение читать ему новые книги. Решение Нечаева вызвало большой переполох. Секретарь коменданта, Денежкин

поскакал к Шмидту, власти заволновались, барон Майдель пообещал Нечаеву удовлетворение его просьбы. Обо всем этом узнаем из следующего письма барона Майделя к Шмидту от 18 апреля (№ 91).

«В дополнение личного доклада вашему превосходительству, по поручению моему, секретарем комендантского управления Денежкиным о намерении содержащегося в Алексеевском равелине известного арестанта лишить себя жизни непринятием пищи, имею честь уведомить, что он с воскресенья 13-го числа до утра сего 18-го апреля, оставаясь непреклонным в своем намерении, в час дня, когда по принятому порядку подавался ему на всякий случай обед, лежа в постели, объявил, что будет просить принести ему обед в 3 часа, а теперь просит чаю и молока, последнее из которых и выпил с хлебом.

«Согласие его на принятие пищи он объяснил надеждою получить книги новейших изданий и в особенности журналы текущего времени, прибавив, что жизнь его дорога, потому, что она нужна для общества.

«При чем имею честь возобновить пред вашим превосходительством просьбу о скорейшем доставлении ко мне каталога книгам, по которым бы известный арестант мог выбирать их для чтения, так как я, основываясь на переданном мне секретарем Денежкиным отзыве вашего превосходительства, еще вчера поручил объявить известному арестанту, что ему будет предоставлен более просторный выбор книг, для чего и вышлется III отделением каталог».

Протест Нечаева подействовал, и III отделение на другой же день переправило для Нечаева 10 книг на французском и немецком языках и каталог французских книг.

В связи с протестом Нечаева, надо думать, находится посещение равелина в канун Пасхи (19 апреля) графом Лорис-Меликовым, который был незадолго до того назначен главным начальником верховной распорядительной комиссии. Он обещал Нечаеву новые французские книги, но на просьбу его о записной книжке и карандаше ответил обещанием подумать и дать ответ.

А барон Майдель тем временем придумал компромиссное решение вопроса о письменных принадлежностях. 28 апреля 1880 года (№ 99) он писал Н. К. Шмидту:

«Из числа содержащихся в Алексеевском равелине арестантов двое последние заключенные постоянно обращаются с просьбами о выдаче им письменных принадлежностей, как то: бумаги и чернил, или, вместо последних, карандаша, для записывания заметок при чтении ими книг и вообще умственных развлечений.

«Сообщая о таковой просьбе означенных арестантов вашему превосходительству для соответствующих распоряжений, имею честь присовокупить, что я, со своей стороны, полагал бы возможным удовлетворить их просьбу выдачею, вместо бумаги и карандаша, аспидной из папки доски с грифелем, что может отчасти удовлетворить их желание и вместе с тем отнимет возможность в попытке с их стороны злоупотребить бумагою и карандашом».

«Два последних заключенных»—это Нечаев и Мирский, который с 28 ноября 1879 года стал товарищем Нечаеву по равелину.

29 апреля Шмидт уведомил Майделя, что граф Лорис-Меликов признал возможным предоставить аспидную доску с грифелем арестанту под № 2 Нечаеву, но предоставление подобной льготы арестанту под № 3 Мирскому не нашел возможным. Но Нечаев реагировал на компромиссное изобретение барона Майделя неожиданным образом; он отправил коменданту обратно грифельную доску, написав на ней следующее заявление:

«Его высокопревосходительству г-ну коменданту Петропавловской крепости.

Генерал!

Излагая мою просьбу о позволении мне пользоваться новыми книгами и журналами, я просил ваше высокопревосходительство ходатайствовать о том, чтобы мне предоставлена была возможность заниматься серьезно и читать систематически сочинения по философии, истории и политике. Но подобное чтение может быть плодотворным только при возможности делать выписки из научных сочинений и заметки о прочитанном; если III отделению не угодно доставить мне письменных принадлежностей, которыми позволял мне пользоваться граф Левашев в первые годы одиночного заключения, то я просил, в крайнем случае, дать мне хотя записную книжку, куда бы я мог вносить самые краткие необходимейшие заметки для справок при дальнейшем чтении серьезной литературы.

Неделю тому назад я получил сочинение философа, профессора Ланге «Histoire du matérialisme» и другие сочинения 5 томов, а вчера, 3 мая, мне была прислана аспидная доска и грифель!

Принося искреннюю благодарность за доставление мне прекрасного сочинения Ланге, позволяя себе надеяться, что и впредь мне можно будет пользоваться не только новыми книгами, но и журналами, как я говорил о том графу Лорису-Меликову,—я прошу ваше высокопревосходительство довести до сведения III отделения, что присланную мне аспидную доску я возвратил смотрителю равелина, как вещь в моем положении совершенно не нужную, которая оставалась бы у меня без всякого употребления.

Примите уверение, генерал, в моем глубоком к вам уважении

4 мая 1880 г. Сергей Н...».

Майдель обиделся и, посылая текст заявления Нечаева в III отделение, присовокупил, что «в виду его нежелания пользоваться предоставленной льготой, он полагал бы настойчивость его о дозволении иметь при себе письменные принадлежности оставить до времени без внимания».

Нечаеву оставался прежний способ переписки—писать на стене, что он и сделал. 21 июля смотритель Филимонов списал со стены новое заявление Нечаева:

«Господину коменданту Петропавловской крепости.

Генерал!

Графу Лорис-Меликову при посещении меня перед Пасхой угодно было предоставить мне пользоваться новыми французскими книгами из магазина Мелье, по моему свободному выбору. К моему великому удивлению, это обещание первого, после императора, лица в государстве приводится в исполнение более чем небрежно.—Мне присылают по 4 и даже только по 3 тома в месяц; а так как их едва достает на 7 дней, то бо́льшую часть времени, в продолжении двух и даже трех недель в месяц, я остаюсь совершенно безо всякого чтения. Подобное отсутствие занятий в тяжелые длинные летние дни и на девятом году одиночного заключения становится положительно невыносимой пыткой.

Я прошу вас, генерал, при свидании с шефом жандармов, довести до его сведения о всей несообразности такого доставления книг и просить о том, чтобы заведывание доставкою оных было поручено управлению вверенной вам крепости. Если же управляющий III отделением считает нужным держаться того правила, чтобы всякая новая книга попадала ко мне только после того, как она пройдет через его руки, то пусть он в таком случае делает распоряжение, чтобы книги присылались ко мне в большем количестве, дабы их хватило для чтения в продолжение по крайней мере месяца. Если обмен книг связан с такими затруднениями и требует продолжительного времени, то присылать по три тома совершенно недостаточно.

Русских журналов я до сих пор никаких не получал, хотя генерал Черевин не находил препятствий для чтения периодических изданий за прошлый год и пребывал, кажется, в уверенности, что я ими уже пользуюсь.

Утро 21 июля 1880 года. С. Нечаев.

В тот же день комендант представил П. А. Черевину заявление Нечаева и при этом присовокупил: «Написанное известным арестантом таким же порядком на стене прежней камеры, о чем я передал вам, милостивый государь, вчера при свидании, заключалось в разных заметках из читанных им книг, которые, как не имеющие никакого значения, я приказал стереть и объяснить ему, чтобы на будущее время он не марал стен».

Под влиянием приставаний Нечаева и, надо думать, Мирского, барон Майдель довольно настойчиво проталкивал разрешение вопроса о книгах для Алексеевского равелина. Он лично доложил П. А. Черевину, в то время товарищу главного начальника III отделения, о неудовлетворительности равелинной библиотеки и добился от него разрешения

пополнить ее путем приобретения исторических и иных книг. 5 июня 1880 г. (№ 133) Майдель отправил каталог книг, которые, по его мнению, желательно было иметь в библиотеке равелина. В этом каталоге было поименовано книг на сумму, по тому времени, немалую,—на 677 р. 35 коп. Были классики, были произведения современных писателей, книги по истории, путешествия. Не дождавшись ответа, барон Майдель через месяц напомнил Черевину о своем ходатайстве и объяснил: «я дал заключенным в равелине надежду на возможность в близком времени пользоваться для чтения новыми книгами, вследствие чего они с нетерпением и ждут этих книг».

В конце июля книги были, наконец, присланы в крепость. Новые книги совсем не удовлетворили Нечаева, и 6 августа 1880 г. комендант крепости, возвращая прочитанные Нечаевым французские книги, уведомил, что: «несмотря на доставленные в библиотеку Алексеевского равелина новые книги, каталог которых был предъявлен ему, он все-таки просит не прекращать высылки для него книг на французском языке из помеченных им на возвращенном в III отделение собств. е. и. в. канцелярии каталоге».

В ответ на отношение коменданта директор департамента государственной полиции барон Велио отправил в крепость каталог французских книг книжного магазина Мелльe с отметками на нем Нечаева и предложил истребовать от него «собственноручную выписку на отдельном листе тех из числа отмеченных им в каталоге сочинений, которые он желает получить для чтения».

26 августа Майдель отослал вместе с каталогом выписку книг, сделанную Нечаевым, но вместе с этим отправил и прошение, которое Нечаев написал, воспользовавшись чернилами, пером и бумагой, которые ему дали для составления выписки.

«Господину директору департамента государственной полиции.
Барону Велио.

Генерал!

Каталог, доставленный мне новым учреждением государственной полиции империи, присылается сюда уже в т р е т и й р а з.—Накануне Пасхи, когда граф Лорис-Меликов, посетив меня, позволил мне пользоваться новыми французскими изданиями, я отметил в присланном каталоге около с т а сочинений. III отделение, доставив мне из оных только д е с я т ь томов в три месяца, в начале июля опять прислало тот же каталог. Я и отметил в т о р и ч н о те же произведения французской литературы. Но на этот раз из всех отмеченных мною книг мне не доставили даже и десятка, а прислали только о д н о сочинение (в 3 томах). По возвращении же его в отделение, после прочтения, я с нетерпением ждал около месяца и дождался не книг, а опять присылки того же самого каталога уже в т р е т и й раз.

Таким образом, обещание графа выполнялось, вероятно, вопреки его желанию, более чем небрежно: книги доставлялись мне крайне редко и неисправно, и я бóльшую часть времени, по три и по четыре недели, пребывал лишь в тщетном их ожидании. Тяжелые, длинные, летние дни я вынужден был влачить, на д е в я т о м году одиночного заключения, попрежнему в убийственной для тела и духа праздности, оставаясь без всяких занятий, так как письменные принадлежности были отобраны у меня генералом Мезенцевым еще в начале 1876 года, когда он приказал заковать меня в ручные и ножные кандалы. Хотя оковы и цепи, по истечении двух лет, и были с меня сняты, но бумаги и пера мне более уже не давали.

Я лично просил графа Лорис-Меликова позволить мне иметь хотя бы записную памятную книжку, в которую я мог бы вносить заметки о прочитанном; граф обещал прислать ответ, и я его пока еще все жду. Проводя скучные, мучительные дни в хождении из угла в угол по каземату, как зверь в своей клетке,—проводя еще более мучительные, бессонные ночи в слушании безумных воплей несчастного соседа, доведенного одиночным заключением до ужасного состояния,— содрогаясь при мысли, что и меня в будущем неизбежно ждет такая же участь, если не изменятся условия праздной жизни, расслабляющей физические и умственные силы,—я обращаюсь к г. директору департамента государственной полиции с просьбой довести до сведения г-на министра о вышеизложенном, — крайне неудовлетворительном и совершенно несообразном—способе снабжения меня е д и н с т в е н н ы м занятием,—чтением. Я уверен, что граф, разрешая мне пользоваться новыми сочинениями, не имел в виду, чтобы излишние стеснительные формальности и небрежность исполнителей ослабляли все живительное для меня значение этого позволения. Может быть, его сиятельству угодно будет, в видах облегчения доставки новых книг, поручить заведывание этим делом прямо канцелярии г. коменданта крепости. Если же это почему-либо найдено будет неудобным, если каждый том, от меня и ко мне, необходимо должен будет проходить чрез департамент государственной полиции, то в таком случае, пусть, по крайней мере, доставляются мне книги в большем противу прежнего количестве, дабы менять их приходилось реже, коль скоро этот обмен сопряжен с затруднительными формальностями и ожиданиями по целому месяцу. В виду последнего соображения я и самую выписку из каталога (прилагаемую здесь на отдельном листе) расположил, разделив отмеченные сочинения на отделы, содержащие по 10 томов.

Граф Лорис-Меликов точно также, как и шеф жандармов генерал Черевин, не находили препятствий для доставления мне периодических изданий з а п р о ш л ы й г о д; из объяснений с ними я заключил, что они оба пребывали в уверенности, что я этими изданиями уже пользуюсь. А между тем никаких п р о ш л о г о д н и х журналов сюда не доставляется с тех пор, как в 1876 году мне было запре-

щено брать их от смотрителя Трубецкой тюрьмы из общей крепостной библиотеки. Если это запрещение не может быть снято, то не будет ли позволено комендантскому управлению снабжать меня п р о ш л о г о д н и м и периодическими изданиями другим способом.

Обо всем этом я прошу вас, генерал, ходатайствовать пред господином министром внутренних дел. При сем, предполагая, что н о в о е учреждение проникнуто и духом н о в ы м, я льщу себя надеждой, что теперь все дозволенное мне высшей властью не будет уже ограничиваемо и парализуемо превратным пониманием и небрежностью исполнителей.

Заключенный в Алексеевском равелине Петропавловской крепости,

25 августа 1880 года. Сергей Нечаев.

Это обращение не дало осязательных результатов.

П. Щеголев.

(Окончание следует)

Отзвуки польского восстания 1863 г. в центральной России.

Воспроизводимые ниже документы распадаются на две группы. Первая относится к делу о подготовке в 1863 г. в Казани восстания и о распространении в связи с этой подготовкою подложных манифестов в Казанской и смежных с нею губерниях. Вторая группа документов (отношение оренбургского и самарского генерал-губернатора военному министру и копия с его же отношения шефу жандармов) касается распространившихся в Оренбургской губернии в начале 1864 г. слухов о том, что агенты Турции и народового жонда Польши подготовляют восстание местных башкир против русского правительства.

Расследование казанского дела и суд над его участниками проходили в большой тайне. Кроме четырех скупых на подробности официальных сообщений, в печать не проникло об этом деле никаких сведений [1]). Позднее, в 1866 году, одним из лиц, прикосновенных к делу,—бежавшим за границу М. Элпидиным,— в № 2 журнала «Подпольное Слово» были помещены воспоминания о казанском заговоре [2]); однако, эти воспоминания не только не давали сколько нибудь полной картины казанских событий, но, ограничиваясь только внешней стороною их, оставляли без ответа вопросы о возникновении заговора, его целях и руководящих им лицах. Еще более скудна фактическая сторона в воспоминаниях другого привлеченного по тому же делу И. М. Красноперова [3]). Только в 1913 году, когда на страницах «Голоса Минувшего» (№ 6 и 7) появилась обстоятельная, основанная на изучении следственного производства, статья А. Ершова «Казанский заговор 1863 г»., стала известна фактическая сторона этого дела. Однако, по свойству тех материалов, которые были в распоряжении Ершова, ему не удалось вполне выяснить основной вопрос в этом деле,—вопрос о том, от кого исходила инициатива заговора и в каких отношениях заговорщики находились к существовавшему в то время в России тайному революционному обществу «Земля и Воля». Некоторый свет на этот вопрос проливают примечания М. К. Лемке к XVI т. полн. собр. сочин. А. И. Герцена (стр. 333 и след.), заключающие в себе некоторые новые сведения и документы о казанском деле. Воспроизводимые ниже документы пополняют имеющиеся в литературе материалы об этом деле.

На основании всех материалов, которыми мы располагаем в настоящее время, возникновение казанского дела рисуется вкратце в следующих чертах:

---

[1]) Сообщения эти перепечатаны в т. I сбор. Богучарского «Государственные преступления в России в XIX в.», стр. 123—125, 126 и 130, и в № 6 заграничного «Былого» (перепечатано в «Рус. Истор. Библиотеке», № 5, Рост. на Д., 1906 г., стр. 138—141).

[2]) Воспоминания Элпидина перепечатаны в «Материалах для истории революционного движения в России в 60-х годах», под ред. Богучарского, стр. 134—147.

[3]) Воспоминания Красноперова напечатаны в журналах «Мир Божий», 1896 г., № 9 и 10; «Вестник Европы», 1905 г. № 12 и «Минувшие годы», 1908 г. № 12.

Инициатива заговора и изготовление подложного манифеста и прокламаций исходила от образовавшегося в Польше и руководившего восстанием Временного Народного Правительства, которое рассчитывало, подняв крестьянское восстание в Казанской и смежных с нею губерниях, отвлечь туда часть русских войск, действовавших в Польше, и тем самым несколько укрепить тяжелое положение польских повстанцев. Польское восстание 1863 года подготовлялось и организовывалось в значительной степени в расчете на поддержку его русскими революционными кругами. Разочарованные результатами реформы 19 февраля 1861 г., передовые круги русского общества возложили все свои надежды на повсеместное крестьянское восстание; по их мнению, это восстание должно было неизбежно вспыхнуть весной 1863 г.: к этому времени истекал срок составления уставных грамот, и, по расчетам русских революционеров, бывшие крепостные, убедившись на деле, насколько те ожидания, которые они возлагали на реформу, далеки от действительности, должны будут восстать, чтобы силой добыть себе ту землю и волю, которых они не получили от правительства. Вера в неминуемость восстания и в то, что это восстание примет всеобщий характер, была весьма распространенной и неоднократно совершенно ясно и открыто выражалась в прокламациях, выпускаемых русскими революционными организациями в заграничной русской прессе и в частных разговорах, которые велись представителями русских революционных кругов с поляками. В расчете на это восстание, для руководства им было основано и построено крупнейшее тайное общество 60-х годов «Земля и Воля». Польские революционеры учитывали возможность крестьянского движения в России и в связи с этим считали 1863 год временем, наиболее удобным и выгодным для восстания в Польше. Однако, когда срок ожидаемого восстания стал приближаться и когда польский народный центральный комитет в декабре 1862 года прислал в Петербург для переговоров с «Землей и Волей» своего члена Падлевского, то представители «Земли и Воли» (А. А. Слепцов и Н. И. Утин) заявили, что их организация еще недостаточно сильна и не имеет большого влияния в обществе, что в России во всяком случае нельзя ожидать революции раньше мая 1863 года, и что, наконец, полякам надлежит обождать с своим выступлением. Однако, было уже поздно; в Польше вспыхнуло восстание. После его начала польское революционное правительство вновь обратилось к «Земле и Воле» с просьбою о поддержке начавшегося восстания. Члены центрального комитета «Земли и Воли» ответили, что они ничем не могут помочь полякам, за исключением воздействия на русское общественное мнение. В связи с таким исходом переговоров, у польского революционного правительства явилась мысль взять на себя инициативу и подготовку восстания в России. Соответствующая работа была возложена на проживавшего в Москве французского подданного (поляка по происхождению) инженера Иеронима Станислава Кеневича. Кеневич, между прочим, вступил в сношения с казанским комитетом «Земли и Воли» через посредство поручика М. А. Черняка, бывшего членом этого комитета. Казанский комитет, считаясь с позицией, занятой центральным комитетом «Земли и Воли», отказался содействовать активному выступлению в Казанской губернии и предложил Черняку сложить с себя звание члена комитета. Черняк вышел из комитета, но продолжал дело, начатое им по соглашению с Кеневичем. Казанский комитет дал согласие не противодействовать его работе, взамен чего Кеневич обещал, что в случае успешного исхода восстания власть будет передана в руки местных комитетов «Земли и Воли». Черняку удалось привлечь к участию в заговоре ряд молодых людей, студентов и офицеров, часть которых и раньше принадлежала к «Земле и Воле» и, игнорируя постановление казанского комитета, была увлечена мыслью перейти от слов и разговоров к настоящему революционному делу. Еще

раньше переговоров с Черняком некоторые из этих молодых людей делали попытки связаться с крестьянами, отправляясь бродить по местному краю в роли «апостолов» (по их выражению). При этом они стремились, с одной стороны, подойти ближе к народу, ознакомиться с ним, а с другой,—распространять в его среде революционные идеи. Через этих-то лиц Черняк и надеялся распространить по деревням подложный манифест и прокламации. Таково было положение дел, когда предательство одного из привлеченных Черняком студентов, Глассона, дало в руки правительства нить для раскрытия заговора.

Расследование казанского заговора было сосредоточено в руках учрежденной в Казани комиссии под председательством члена совета министерства внутренних дел тайного советника Жданова. Полковник Слуцкий, рапорты и записки которого военному министру воспроизводятся ниже, был членом этой комиссии. О ходе работ ее и о достигнутых ею результатах он и доносил своему начальству.

Если казанское восстание было, таким образом, пресечено в стадии его предварительной подготовки, то башкирское восстание, к которому относится вторая группа воспроизводимых ниже документов представляло собою, насколько можно судить по имеющимся в нашем распоряжении данным, всецело выдумку доносчиков, которой местная администрация не преминула воспользоваться в целях выявления перед начальством своего служебного рвения и усердия в деле охранения общественного порядка и спокойствия. В этом убеждает приведенная ниже выдержка из отчета III отделения с. е. и. в. канцелярии за 1864 год.

Воспроизводимые ниже документы заимствованы из дела I отд. V секции Ед. Госуд. Архивного Фонда. № 180—«О мятежнических замыслах» 1863—1864 г.г.

В. Козьмин.

Отзвуки польского восстания 1863 г.

I. Восстание в Казани.

Рапорт полковника Слуцкого.

Военному министру.

В собственные руки.

Состоящего для особых поручений, полковника Слуцкого

Рапорт.

Расследованиями казанской следственной комиссии в настоящее только время достаточно уяснена степень виновности лиц, прикосновенных к делу о замышлявшемся в Казани вооруженном восстании и распространении возмутительных воззваний.

Имея таким образом возможность, с большею определительностию, указать, в чем именно заключается виновность прикосновенных к делу некоторых лиц военного ведомства,—спешу представить вашему превосходительству краткую об этом записку.

Полковник *Слуцкий*.

№ 14. 26-го сентября 1863 года, г. Казань.

Записка полковника Слуцкого.

О штабс-капитане Иваницком.

Четвертого резервного баталиона Охотского пехотного полка штабс-капитан *Иваницкий* обвиняется, как один из главных деятелей в заговоре произвести вооруженное восстание в Казани. С этою целью имелось намерение: захватить ружья у нижних чинов, опоив их предварительно опиумом, овладеть казначейством, выпустить арестантов и взять Казань, возмутить крестьян, захватить оружие на Ижевском заводе и затем распространить восстание в приволжских губерниях для отвлечения наших войск с театра военных действий в Польше.

Иваницкий, ограничивавшийся первоначально на допросах большею частью уклончивыми ответами, на-днях, в виду откровенного сознания своего соумышленника, поручика Мрочека, и показаний других прикосновенных к делу лиц,—в главных обстоятельствах сознал свое преступление.

О поручике Мрочеке.

Четвертого резервного баталиона Томского пехотного полка поручик *Мрочек* был соумышленник и ревностный помощник Иваницкого к приведению в исполнение его планов,—дал полное сознание в своей виновности.

Независимо указанных лиц, в замышлявшемся восстании принимали также весьма деятельное участие:

1. Поручик *Черняк* [1]), окончивший курс наук в Николаевской академии генерального штаба, приезжал из Москвы в Казань, как уполномоченный от комитета «Земля и Воля», для переговоров с обществом, склонявшимся к восстанию, и для обсуждения плана взятия Казани.

По его же поручению приезжал в Казань его агент, привозивший деньги, револьверы и возмутительные воззвания для распространения в народе.

2) Штабс капитан *Хамец* [2]) находился в близких сношениях с французским подданым Иеронимом *Кеневичем*, главным виновником в распространении подложных манифестов,—получал от сего последнего деньги для приведения в исполнение преступных замыслов и приглашал к тому других.

3) Подпоручик *Станкевич* [3]), принимавший также участие в замышлявшемся в Казани вооруженном восстании, обвиняется, между прочим, в сношениях с Черняком и еще в том, что у него на квартире собирались поляки для совещаний с преступною политическою целью.

Все вышеозначенные офицеры: *Черняк, Хамец и Станкевич* скрылись, и все меры, принятые комиссиею к их розысканию, по настоящее время не увенчались успехом.

О поручике Михайлове.

По оговору поручика Мрочека, оказывается прикосновенным к делу о предполагавшемся взятии Казани и о участии в подготовлении крестьян к восстанию поручик 6-го резервного стрелкового баталиона *Михайлов*.

По настоящее время, кроме показаний Мрочека, фактических доказательств к обвинению его еще не обнаружено.

О генерале Скалоне.

Бывший начальник дивизии генерал-лейтенант Скалон, обвиняется: в знании и скрытии преступных замыслов Иваницкого, жив-

---

[1]) *Черняк*—Одесского пехотного полка. Исключен из службы 18 июля сего 1863 г. за 4-хмесячную просрочку после отпуска.

[2]) *Хамец*—Украинского пехотного полка. Уволен со службы 15-го сентября 1862 года штабс-капитаном.

[3]) *Станкевич*—4-го резервного баталиона Азовского пехотного генерал-адъютанта графа Лидерса полка. Исключен из службы 9-го августа сего 1863 г.

шего у него в доме и находившегося в близких отношениях с семейством его и сестры г-жи Скалон, вдовы майора Миттерман.

Подозрение генерала Скалона в потворстве Иваницкому основано на показании однослуживца сего последнего, поручика Мрочека, которое однако штабс-капитан Иваницкий не подтвердил, а потому комиссия и не в праве привлечь генерала Скалона к ответам по одному оговору третьего лица, ничем не подкрепленному и не имеющему, по 2 п. 334 ст. II кн. XV т. зак. угол., никакой силы доказательств.

О капелане 4-го округа корпуса внутренней стражи Галимском.

Комиссия, получив твердое нравственное убеждение, что приобретение капсюлей ксендзом *Галимским* было делаемо не для отливки колокола, а с преступной целью, изыскивает все возможные средства к обнаружению юридических доказательств в виновности ксендза, или, по крайней мере, сколь возможно большего числа достоверных улик. В настоящее время ожидаются ответы на посланные из комиссии вопросы офицерам 6-й резервной пехотной дивизии поручику *Усциновичу* и подпоручику *Рашевскому*, передавшим ксендзу капсюли. Если и за сим дело останется в настоящем положении, то об определении степени взыскания с ксендза Галимского за участие в похищении казенной собственности, как военного капелана, будет передано через министерство внутренних дел военному начальству.

Полковник *Слуцкий*.

Рапорт полковника Слуцкого.

Военному министру.

В собственные руки.

Состоящего для особых поручений полковника Слуцкого

Рапорт.

При дальнейшем обследовании главною следственною комиссиею дела о предполагавшемся вооруженном восстании в г. Казани, оказался прикосновенным к этому делу студент здешнего университета *Алексей Щербаков*, сын офицера Астраханского казачьего войска, уроженец Ветлянинской станицы.

Студент Щербаков обвиняется, во-1-х, в том, что принимал участие в совещаниях кружка студентов о предполагавшемся вооруженном восстании в Казанской губернии по идее поручика Черняка, выдававшего себя агентом русского революционного комитета «Земля и Воля» и развивавшего в собрании того кружка, совместно с штабс-капитаном Иваницким, план к приведению в исполнение как этого замысла, так и взятия Казани,—и, во-2-х, что он, Щербаков, в половине минувшего апреля, по поручению студентов, ездил в Нижний-

Новгород с целью встретить на железной дороге Черняка, передать ему письмо от Иваницкого и отклонить от поездки в Казань по случаю принятых местным начальством усиленных мер предосторожности.

Донося об этом вашему превосходительству в дополнение рапорта моего от 26-го сентября за № 14-м, присовокупляю, что Щербаков—студент медицинского факультета—находился в последнем уже курсе, по окончании коего подлежал выпуску с званием лекаря. Из собранных мною, под рукою, сведений, Щербаков с отличным успехом проходил медицинский курс, занимался весьма усердно, обладает большим запасом сведений по медицине и вообще об нем отзываются, как о молодом человеке с замечательными умственными способностями.

Полковник *Слуцкий*.

№ 15. 7-го ноября 1863 года, г. Казань,

Рапорт полковника Слуцкого.

Военному министру.

В собственные руки.

Состоящего для особых поручений полковника Слуцкого

Рапорт.

Представляя вашему превосходительству очерк содержания главнейших дел, подлежавших расследованию главной следственной комиссии, по замышлявшемуся восстанию в Казани и распространению возмутительных воззваний,—с особым изложением степени виновности прикосновенных к делу лиц военного ведомства,—доношу, что комиссии разрешено возвратиться в Петербург, и члены ее, в том числе и я, по передаче дел в управление временного генерал-губернатора Казанской, Пермской и Вятской губерний, выезжают на-днях из Казани.

Полковник *Слуцкий*.

№ 18. 29 декабря 1863 г., Казань.

Записка полковника Слуцкого.

Записка о происшествиях, бывших в рассмотрении высочайше учрежденной в Казани главной следственной комиссии.

По свойству обнаруженных действий находившихся в Казани под следствием лиц, дела комиссии подразделены на следующие три отдела:

1) О замышлявшемся вооруженном восстании в Казани.

2) О распространении возмутительных воззваний в Казанской, Пермской и Вятской губерниях.

3) О распространении лжеманифеста, по поручению, как можно полагать, французского подданного Иеронима *Кеневича*, четырьмя студентами поляками.

I отдел.

О замышлявшемся, вооруженном восстании в Казани. Краткий очерк происшествия.

Мысль о возможности произвести в Казани вооруженное восстание возникла и производилась следующим образом:

Великим постом в 1863 г. штабс-капитан *Иваницкий* сообщил студенту Сергееву, что из Москвы приехал к нему его двоюродный брат поручик *Черняк*, агент московского революционного комитета, который желает передать сведения об этом комитете. При сем Иваницкий просил Сергеева пригласить некоторых студентов, на скромность которых можно положиться.

Новость эта, переданная Сергеевым студенту же Полиновскому, сказавшему: «посмотрим, что это за агент революционного комитета», подстрекнула любопытство их, и последним приглашены были на другой день, 15 марта, к себе на квартиру еще три студента: *Жеманов*, *Щербаков* и *Лаврский*.

В назначенный час, вечером, штабс-капитан *Иваницкий* явился с поручиком *Черняком*, который отрекомендовал себя агентом русского революционного комитета «Земля и Воля». После минуты молчания, Черняк вынул из кармана записку на клочке почтовой бумаги, писанной будто-бы рукою *Бакунина*, на которой значилось, что предъявителю этой записки можно доверять. Студенты молча посмотрели эту записку и возвратили ее Черняку. После этого он начал говорить в таком роде: «Приступлю прямо к делу. Я из Москвы и приехал сюда познакомиться с местностью и средствами Казанской губернии; в другие города посланы другие лица. Все мы, собравши необходимые сведения, должны возвратиться в Москву к 25 марта. В этот день члены комитета рассмотрят донесения всех агентов и решат, где начать восстание. Доказывать необходимость восстания совершенно лишнее. Скажу только о тех благоприятных обстоятельствах, которые существуют теперь и которые гарантируют верный успех: во-1-х, народ недоволен своим положением,—он тотчас готов восстать—это ясно из тех местных восстаний, о которых сообщали даже русские газеты, и, во-2-х, теперь в Польше восстание, войска все более и более туда стягиваются; следовательно, со стороны войска помехи быть не может. Дождемся ли мы когда-нибудь подобного стечения обстоятельств? Начинать, начинать надо! Я должен признаться вам, что в комитете нашем образовалось теперь собственно две партии: *одна* думает, что *нужно* год или два *вести пропаганду* и только ею одной ограничить свои действия; *другая* же партия убеждена в необходимости как можно скорее *начать восстание*. Первая партия никак не хочет верить донесе-

ниям агентов, что народ повсеместно недоволен своим положением, и что он восстанет тотчас, как только дан будет толчок. Я принадлежу ко второй партии,—партии необходимого начатия дела, и нахожу, что всего лучше начать с Казанской губернии».

После сего Черняк, заметив важность реки Волги и Камы в стратегическом отношении, продолжал: «Восстание должно начаться в Казанской губернии; отсюда оно пойдет вниз по Волге, перейдет на Урал и Дон, а с Дона его направят так, чтобы оно соединилось с восстанием в Польше». На предложенный ему Полиновским вопрос о времени начатия восстания Черняк ответил, что нужно начать до открытия крестьянских работ. Это время,—сказал Черняк,—представляет ту выгоду, что солдаты еще пока разбросаны по деревням и, следовательно, не могут служить помехой; если же медлить, то их соберут для учений, как это делается ежегодно.

Засим Иваницкий начал развивать план взятия Казани. «Взять Казань,—говорил он,—очень легко. Для этого *стоит только* обезоружить солдат, находящихся в городе; а это не представит особого затруднения: у каждой казармы стоит по два часовых,—один внутри, другой снаружи. Стоит только убить этих часовых, и спящие солдаты не услышат, как из казармы унесут ружья, которые стоят не в камерах, в которых они спят, а в других комнатах».

Когда Иваницкий высказал предположение о выпуске арестантов из тюрьмы, и Полиновский заметил, что это поведет лишь к грабежу и убийствам, Иваницкий возразил: что когда в Крымскую войну прибегли к этой мере, то никаких грабежей не было, а напротив, арестанты геройски действовали на батареях Севастополя: «Захватив из казарм ружья,—продолжал Иваницкий,—нужно в ту же ночь взять казначейство, и тогда Казань в наших руках. Взять же сначала ее необходимо потому, что это произведет сильное нравственное влияние на народ, который скажет тогда, что «если уж Казань взята, то значит сила»... Забрав Казань, сейчас же разослать людей по деревням, чтобы там вооружились кто косой, кто чем попало, и чтобы шли в Казань. Если же нас потом вытеснят из Казани, то мы без всякого препятствия отступим к Уральским заводам; а там такая местность, что и сам чорт не сыщет!» После этого Черняк спросил, сколько человек может найтись в Казани, готовых на выполнение такого плана. Полиновский сказал, что человек 50 найдется; кто-то из студентов заметил, что не пятьдесят, а *немного поменьше*. Черняк как будто обрадовался и сказал, что если каждая губерния даст такое число людей, то это отлично, и потом прибавил: «Я должен признаться вам, господа, что мы приготовляем дело восстания независимо и тайно от той партии, которая хочет ограничиться только одной пропагандой. Ее не дождаться! Она, пожалуй, десять лет будет вести пропаганду и все станет говорить, что еще не время».

Собираясь уйти, Черняк прибавил, что если присутствующие согласны принять участие, то для более верного успеха нужно вер-

бовать людей, и посоветовал не говорить об этом деле таким людям, у которых есть семейства и особенно, если эти семейства находятся в Казани. Когда студенты дали понять, что не имеют фактических данных, чтобы согласиться на предложение Черняка, то он сказал, что на пасхе, или никак не позже месяца, он привезет из Москвы все необходимые данные, которые будут представлены агентами комитета к 25 марта, и тогда от студентов будет зависеть принять или не принять участие. После сего он ушел вместе с Иваницким.

По уходе Черняка и Иваницкого возник вопрос, насколько заслуживают доверия сведения Черняка? Полиновский или Лаврский заметил, что хотя он и назвал себя агентом русского комитета, но акцент его польский, а не русский. Затем припомнили слово *плакат* и другие обороты в польском духе. Так как о восстании в Польше уже было известно, то само собою явился вопрос: нет ли связи между Черняком и этим восстанием? Кто-то из студентов даже сказал, что Черняк должен быть непременно поляк. Вследствие чего двое студентов ходили к Иваницкому для разъяснения общего подозрения о национальности Черняка, на что Иваницкий сказал им, что Черняк—русский, а не поляк; что он только уроженец западной губернии; что самая фамилия Черняк совсем не польская.

В тот же день Иваницкий просил Сергеева: не согласится ли он или кто-нибудь из студентов нанять квартиру, в которой мог бы остановиться Черняк на случай вторичного его приезда в Казань, после собрания в Москве, которое должно быть 25 марта. В эту квартиру, по словам Иваницкого, прибудут с Черняком вместе, а отчасти прежде и после него, от 50 до 100 вооруженных человек, которым опасно останавливаться в гостиницах. Спустя после того несколько дней, Иваницкий, встретившись с Сергеевым, объявил, что Черняк уже уехал, и что на случай вторичного его приезда квартира для него нанята, но у кого—Иваницкий не сказал. Впоследствии оказалось, что квартира эта была у подпоручика *Станкевича*. Затем сам Иваницкий уехал в Спасск.

Между тем, 25 марта, по распоряжению бывшего начальника губернии, был сделан обыск у подпоручика *Станкевича*, при чем однако же ничего противозаконного и подозрительного не оказалось. Поводом к этому было требование минского губернатора по случаю письма Станкевича к его матери, в коем были высказаны в высшей степени дерзкие мысли, противные долгу русского офицера.

Независимо сего, вследствие полученных правительством частным путем сведений о замышлявшемся в Казани заговоре, было дано знать в первых числах апреля местному начальству, телеграммою, принять негласные меры в охранении казначейства, казарм, порохового завода и погреба. По сему поводу, по распоряжению местных властей, все войска были поспешно стянуты на тесные квартиры; приказами по баталионам предписано было прочитать перед ротами быть готовыми к тревоге, раздать людям по 10 боевых патронов, обязать нижних чи-

нов ходить при аммуниции даже к обеду и ужину, не говоря уже об обходах, разъездах и ночных патрулях, которые поставили губернию чуть не на военное положение; были случаи, что ночные разъезды и патрули останавливали проходящих и приглашали их в полицию.

В это время на пасхе (30 марта—6 апреля) Иваницкий опять приехал в Казань, а с ним прибыл и поручик *Мрочек*, которому были известны все обстоятельства этого дела. Иваницкий, узнавши обо всем происходящем в городе, объявил, что за квартирою Станкевича следит полиция, и как Черняк ничего об этом не знает, то легко может случиться, что он, вместо квартиры Станкевича, попадает в руки полиции. Признано необходимым предупредить Черняка С этою целью 10 апреля два студента, под предлогом охоты, отправились за 120 верст от Казани по той дороге, по которой должно было ожидать Черняка, а двое условились дежурить в городе, т.-е. ходить вдоль той улицы, на которой находилась квартира Станкевича. Кроме того, студент Щербаков отправлен в Нижний-Новгород для встречи Черняка в вокзале железной дороги; на путевые расходы Иваницкий дал Сергееву 50 рублей, которые и были переданы Щербакову.

В то же время, именно 10 апреля, подпоручик Станкевич получил из Москвы телеграмму от Максимова (т.-е. Черняка), в которой сказано: «Я буду в Нижнем 14 апреля. Приезжай повидаться со мною. Максимов».

После сего 14 апреля, вечером, приехал в Казань агент Черняка, студент с.-петербургского университета Сильванд, называвший себя Ост-Сеньковским, остановясь на квартире подпоручика Станкевича; он привез с собою 10 револьверов, прокламации трех родов и 400 р. денег.

На второй день, т.-е. 15 апреля, поручик Мрочек, пришедши к Сергееву, передал ему о приезде Ост-Сеньковского и при этом вручил Сергееву два револьвера и два письма, привезенные Ост-Сеньковским от Черняка, одно на польском, а другое на русском языке.

Первое письмо под диктовку Мрочека было переведено Сергеевым на русский язык; содержание его было следующее: Черняк посылает *10 револьверов, прокламации* 3-х сортов, где какая понадобится, такую и распространять, и денег 400 руб., на которые закупить оружие в Казани. Сам приедет в Казань тогда, когда все будет готово, — иначе его долгое пребывание в Казани может возбудить подозрение.

Другое письмо Черняка, на русском языке, заключало в себе извещение, что русский революционный комитет в Москве, избрав его, Черняка, военным старшиною Казанской губернии, уполномочил его руководить восстанием в этой губернии; что все принимающие участие в этом деле должны беспрекословно, под страхом смерти, исполнять его приказания. Здесь же Черняк назначил своим помощником Иваницкого. Далее был изложен план завладения Казанью. Черняк приказывал, чтобы план этот держали в тайне, ибо чрез разглашение

его может произойти неудача при приведении его в исполнение. Между прочим, упоминалось, что Черняк будет называться «Максим Сокол».

Уходя от Сергеева, Мрочек объявил, что вечером того же дня Ост-Сеньковский будет у Полиновского.

Между тем, прежде нежели собрались у Полиновского, того же дня, после обеда, было собрание у Станкевича, на котором были: Станкевич, Ост-Сеньковский, Мрочек, студент Бирюков, Миттерман и еще несколько неизвестных личностей. Здесь Ост-Сеньковский роздал некоторым револьверы для хранения, при чем Бирюкову были вручены привезенные Ост-Сеньковским прокламации, который тогда же отнес их к Полиновскому. Спустя некоторое время, около 7 часов вечера, Ост-Сеньковский в сопровождении Мрочека и Миттермана отправился на квартиру Полиновского.

По доставлении Бирюковым в квартиру Полиновского прокламаций, вскоре пришли студенты Жеманов и Сергеев, кроме того был студент *Алеев* [1]), живший с Полиновским в одной квартире; — Сергеев прочел здесь сделанный Мрочеком перевод с польского письма Черняка, а о содержании русского письма передал на словах; над этими письмами, в особенности над угрозою смертью и присылкою 400 р., посмеялись, а затем явились Ост-Сеньковский, Мрочек и Миттерман, а впоследствии пришел студент Иван Орлов.

На вопрос, почему Черняк не приехал, Ост-Сеньковский отвечал, что Черняк приказал ему привести прокламации, револьверы и деньги, а больше он ничего не знает. Увидя же, что связка с прокламациями лежит на диване не спрятанная, заметил, что таким способом можно попасть в руки полиции. Полиновский попросил Миттермана взять эти прокламации, отнести к себе домой, сказав ему при этом, чтобы он более не возвращался, после чего Миттерман с прокламациями ушел. По уходе Миттермана заговорили было о прокламациях, но как содержание их никому не было известно, то и замолчали об этом предмете, а сказали Сергееву, чтобы он принес их на другой день по одному экземпляру.

Между тем Ост-Сеньковский несколько уже раз напоминал о том, чтобы поскорее решили что-нибудь и дали ему ответ для передачи Черняку; при этом он прибавил, что ему нельзя оставаться долгое время в Казани. Полиновский заметил, что они не могут дать благоприятного ответа Черняку. После этого Ост-Сеньковский, выразив надежду, что студенты, переговорив с Мрочеком, изменят свое решение, вышел из квартиры Полиновского погулять.

Затем Мрочек заметил, что хотя Черняк прислал распоряжение начинать дело в Казани, но это невозможно потому, что теперь в Казани 1.500 человек войска, да кроме того приняты меры предосторожности. После того Мрочек начал развивать другой план восстания, заключавшийся в том, чтобы восстание начать не в Казани, а с де-

---

[1]) Дворянин Астраханского казачьего войска.

ревень. «Для этого, — говорил он, — приедут из Москвы 100 человек и чтобы не возбудить подозрения, то они по 5-ти и 10-ти человек поместятся на разных пароходах и высадятся в разных местах. На первый раз нужно обезоружить роту солдат в Спасске, захватить там казначейство, раздать ружья крестьянам и потом направиться к Ижевскому заводу, где заготовлено до 30 т. ружей; в попутных городах следует забирать деньги из казначейства, по дороге раздавать прокламации, и крестьяне будут присоединяться». По возвращении Ост-Сеньковского опять в собрание, он вместе с Мрочеком просил бывших в собрании сказать о своем решении. Они обещали подумать. Тогда Ост-Сеньковский сказал студентам, чтобы прочли прокламации, подумали и завтра дали бы чрез Мрочека окончательный ответ. Затем он с Мрочеком ушел.

По уходе Ост-Сеньковского и Мрочека, студенты, оставшись одни, поговорили между собою о всех этих предложениях и окончательно убедились, что их подозрение относительно связи Черняка с восстанием в Польше было справедливо.

На другой день, 16 апреля, утром, Сергеев принес в квартиру Полиновского по одному экземпляру прокламаций, привезенных Ост-Сеньковским. Прокламации эти были трех родов:

а) Подложный манифест,

б) «Земля и Воля» — «Свобода вероисповедания» — и

в) «Земля и Воля» — «Временное народное правление».

Тогда же, в разное время, пришли к Полиновскому: Иван Орлов, Лаврский и Жеманов. Прочитав прокламации, одни выразили мнение, чтобы сжечь их, а другие предложили зарыть их за городом; и как Сергеев отозвался, что он не намерен держать долее у себя прокламаций, то Иван Орлов обещался прийти за ними и взять их. Затем под конец совещаний пришел Мрочек; Полиновский, прочитав прокламацию «Свобода № 1» и привезенные Ост-Сеньковским, заметил Мрочеку, что сии последние расходятся в принципах с «Свободой № 1», а потому каким же образом из одного и того же комитета выходят прокламации с принципами, уничтожающими друг друга,— между тем Черняк говорит, что он агент комитета «Земля и Воля». Мрочек старался снова доказывать необходимость немедленного начала восстания и легкость исполнения плана, накануне им изложенного. При этом он увлекся до того, что высказал следующее предположение: если он отправится в какую-нибудь деревню и поставит на улице несколько знамен, привеся к ним манифесты, то крестьяне, увидя это утром, сейчас же восстанут, и только стоит принять команду над ними и вести куда угодно.

После сего Полиновский от имени всех отвечал Мрочеку *решительным отказом на участие в деле*, объявив, что Черняк с своей стороны никаких данных не представил, что они ничего не знают ни о составе московского революционного комитета, ни о его средствах, а также не знают, кто выбрал Черняка в старшины. При этом Поли-

новский сказал: «прислали 400 рублей, да ничего не видя, уже грозят смертью; покорно благодарим, — мы несогласны».

Этим кончились сношения студентов с Ост-Сеньковским и Мрочеком. Сперва уехал в Москву Ост-Сеньковский, а затем вскоре и Мрочек.

Привезенные Ост-Сеньковским прокламации были переданы Сергеевым вольнослушателю Ивану Орлову с тем, чтобы он, согласно его вызова, уничтожил их. Несколько дней спустя Орлов сказал Полиновскому, что прокламации сожжены. Но какое именно Орлов сделал с ними употребление, об этом будет изложено в 2-м отделе этой записки.

18 числа Щербаков возвратился из Нижнего-Новгорода. Когда Ост-Сеньковский приехал в Казань и объявил, что Черняк не будет, тогда Полиновский послал Щербакову на имя учителя Нижегородского института Копиченко условную телеграмму, чтобы он возвращался в Казань. Телеграмма была следующего содержания: «Передайте Алексею Яковлевичу, чтобы ехал домой. Анна Ивановна при смерти».

II отдел.

О распространении возмутительных воззваний в Вятской, Пермской и Казанской губерниях.

Преступная деятельность некоторых лиц, занимавшихся распространением возмутительных воззваний в губерниях *Вятской*, *Пермской* и *Казанской*, была обнаружена по следующему поводу:

А) В Вятской и Пермской губерниях.

Учитель вятской гимназии *Рождественский*, прочитав случайно письмо одного студента к содержателю частной библиотеки в Вятке *Красовскому*, заключавшее в себе приглашение к какой-то пропаганде, счел нужным по поводу этого письма сказать ученикам 7-го класса гимназии на лекции русской истории несколько слов с целью предостеречь молодых людей от вредного влияния на них появляющихся в народе разных писем и воззваний, приглашающих к демократической пропаганде.

Вследствие дошедших до начальника Вятской губернии об этом сведений, был сделан осмотр библиотеки Красовского, при чем, действительно, было найдено письмо, полученное по случаю отъезда Красовского в Петербург заведывающим его библиотекою Захаровым.

Письмо это было писано вольнослушателем казанского университета *Иваном Красноперовым*, от 7-го марта, и было следующего содержания: «В виду имеющих совершиться для общего блага событий, сей человек взял на себя роль апостола-проповедника. Роль в высшей

степени прекрасная и полезная; прошу принять этого апостола радушно и исполнить те поручения, которые он на вас возложит... Время близко, старому свету приближается конец, и Россия воспрянет от сна. Верю, что вы примете в этом деле непосредственное участие... Да здравствует демократическая конституция!»

После сего вольнослушатель Иван Красноперов был немедленно арестован в Казани и доставлен в Вятку 21-го марта.

На допросе Иван Красноперов отказался указать, с кем именно было послано письмо его к Красовскому, отзываясь, что он считает бесчестным выдавать своего товарища. Смысл содержания письма он разъяснял обстоятельствами, относящимися до освобождения крестьян из крепостной зависимости, — что человек, принявший на себя роль апостола, хотел итти по разным местам, имея в виду единственно благо народа, рассуждая с ними сообразно с законами, в том убеждении, что в скором времени будет дана государем конституция.

После сего дело это, за запирательством Ивана Красноперова и по невозможности открыть то лицо, которому было вручено письмо Красноперова, считалось конченным.

Между тем еще до начатия этого дела было сообщено управляющим III отделения собственной его императорского величества канцелярии начальнику Вятской губернии о преследовании за появление в Вятке воззваний от русского центрального народного комитета «Земля и Воля».

Вследствие сделанных по сему предмету распоряжений, нолинский земский исправник 22 марта донес начальнику губернии, что около 12-го марта проехали по казанскому тракту в Вятку, повидимому, двое студентов, коими было передано на Ключевской станции ямщику письмо, оказавшееся впоследствии печатным воззванием.

Согласно расследований, признано было необходимым спросить, кто из студентов казанского университета уволен в последнее время в отпуск, на что получена ответная телеграмма, что взяли отпускные билеты и выехали *Иван Орлов* в Оренбург и *Николай Орлов*—в Вятку.

В то же время узнано было, что по сибирскому тракту из Вятки проехали два молодых человека, из коих один был сын глазовского мещанина Шулятникова, которого немедленно арестовали.

Так как по собранным сведениям оказалось, что Николай Орлов есть вятский уроженец, мать которого проживает в Вятке, и что сын ее еще не приехал из Казани, то должно было заключить, что если Шулятников ехал с одним из Орловых, то конечно *должен был ехать* не с Николаем, но с Иваном Орловым.

На основании этих соображений было сделано распоряжение при въезде Николая Орлова в Вятскую губернию сделать у него строгий обыск, — а между тем, 19 апреля, Шулятников был вновь передопрошен и в этот раз сознался, что с ним действительно ехал не Иван Яковлев, а Иван Орлов, который, условившись отправиться с ним вместе, просил не сказывать, с кем он, Шулятников, едет. При

этом Шулятников пояснил, что во время пребывания их в Вятке Иван Орлов имел свидание, прикрытое таинственностью, с одним неизвестным Шулятникову лицом. При дальнейшем расследовании эта личность была,—ученик семинарии *Егор Красноперов*, двоюродный брат Ивана Красноперова.

Вскоре после сего начальник губернии получил сведение, что 26-го апреля чрез Бийский завод проезжал из Казани татарин с лимонами и с ним было трое молодых людей. Один из них, войдя в избу крестьянина Рябова, оставил там печатный экземпляр воззвания: «Земля и Воля» — «Свобода вероисповедания», начинающегося словами: «Братцы! Царь дал вам волю, сказал, что вы свободны»... По представлении этого воззвания крестьянином в волостное правление, за неизвестными лицами была сделана погоня, которые и были настигнуты в Нолинском уезде и арестованы 28 апреля. Лица эти оказались студенты казанского университета *Николай Орлов*, московского университета *Липхард* и кончивший курс в вятской духовной семинарии *Дернов*.

При осмотре вещей, у Николая Орлова найдено 52 экземпляра вышеупомянутого воззвания: «Земля и Воля» — «Свобода вероисповедания», один экземпляр *подложного манифеста* и 7 экземпляров воззвания «Временное народное правление».

Из показания Николая Орлова обнаружено, что все вышеозначенные воззвания и подложный манифест он получил в Казани от вольнослушателя *Ивана Орлова*, с тем, чтобы 25 экз. передать вятскому семинаристу *Егору Красноперову*, 4 или 5 экземпляров дать Дернову, а остальные роздать, где представится возможность. Сам Николай Орлов еще ни одного экземпляра не имел случая отдать.

Дернов показал, что из полученных им 5 экз. воззвания он оставил два воззвания в крестьянских избах, а остальные 3 экз. бросил в лесу.

Студент московского университета Липхард, хотя ехал вместе с Дерновым и Николаем Орловым из Москвы в Вятку к родным на вакационное время, но по делу ни в чем не обвиняется.

Обнаружив из показаний Николая Орлова, что вольнослушатель Иван Орлов в Оренбург не уезжал, и что он находится в Казани, вятская следственная комиссия сделала распоряжение об арестовании Ивана Орлова, который вследствие этого был взят 6-го мая близ Казани, в с. Кулаевке, и 9-го мая доставлен в Вятку.

По показанию Ивана Орлова, он отправился с Шулятниковым из Казани в Вятку 10 марта. Во время пути он раздал двум крестьянам по одному экземпляру воззваний, начинающихся словами: «Долго давили вас, братцы»; передал 6 или 7 экземпляров тех же воззваний семинаристу Егору Красноперову для распространения между его товарищами и вручил письмо от Ивана Красноперова заведывающему библиотекою Красовского Захарову.

Из Вятки Иван Орлов отправился в Глазов, а оттуда в с. Святогоры к священнику Александру Чеснокову, к которому он также

имел письмо от Ивана Красноперова. Цель этой последней поездки была, чтобы , основываясь на рекомендации Ивана Красноперова, предложить Чеснокову принять участие в распространении воззваний между своими прихожанами, но Чесноков от этого отказался.

Далее Иван Орлов отправился в г. Оханск Пермской губернии, где он передал 10 экз. воззваний состоящему под надзором полиции уволенному из пермской семинарии *Илье Пономареву;* после уехал в Пермь, где он виделся с братом Пономарева, воспитанником семинарии, но давал ли ему воззвания, Орлов не помнит, — и затем возвратился чрез Оханск в Казань, куда прибыл 3 апреля.

Иван Орлов сознался, что пред отъездом Николая Орлова 22 апреля из Казани в Вятку он дал ему манифест и 50 экз. воззваний, с тем, чтобы из них 25 экз. передал вятскому семинаристу Егору Красноперову; при чем было поручено Николаю Орлову собрать в уездах приблизительные сведения о числе жителей из крепостных, и на какое число в случае восстания можно будет рассчитывать. Кроме того, Иваном Орловым в это самое время было послано еще до 50 экз. воззваний чрез отправлявшегося на вакационное время в Пермскую губернию студента *Третьякова* для передачи в Оханск Илье Пономареву.

Все эти воззвания Орлов получил от гимназиста *Рудольфа Миттермана*, о чем изложено в первом отделе.

При передопросе Ивана Красноперова он отозвался, что нелепо было бы с его стороны упорствовать, когда дело раз'яснилось помимо его объяснений и соображений, — что показанная им в прежних ответах фамилия Соловьева есть вымышленная, и что письмо он отправил к Красовскому с вольнослушателем Иваном Орловым. Чрез него же, Ивана Орлова, он отправил еще два письма того же характера к священнику Чеснокову и двоюродному брату своему Егору Красноперову; к брату он писал, чтобы старался по возможности распространять свои убеждения между семинаристами, а Чеснокову говорил в письме, что он, как священник, может принести много пользы своим крестьянам посредством своих проповедей, и что он должен быть тоже готовым к этому делу.

В заключение своего показания Иван Красноперов говорит: «Я жил и вырос между крестьянами; товарищами первых моих детских игр были всегда крестьянские мальчики, и я никогда не могу без слез смотреть на жалкую, несчастную жизнь крестьян, страдающих от деспотизма чиновничества. Бедный народ! Когда хотя сколько-нибудь облегчится твоя участь!..»

Касаясь появления возмутительных воззваний в Пермской губернии, необходимо в этом случае упомянуть здесь о студенте *Бирюкове*, явившемся с прокламациями «Свобода № 1» в г. Кунгуре Пермской губернии.

После масляной, когда в Казани ходили тревожные слухи о предстоящем весною крестьянском восстании, Бирюков говорил студенту

Лаврскому, что нужно бы самому послушать, что говорит народ,— ждет ли он чего-нибудь и как принимает толки о восстании. С этою целью Бирюков, взявши с собою евангелие, отправился по деревням Казанского уезда; по показанию его самого, он был в с. Царево и на обратном пути в одной из деревень подарил одному крестьянину евангелие. Возвратившись в Казань, рассказывал, что мужики слушают, но сами почти ничего не говорят, так что он, Бирюков, не знает, что они думают, но что им понравилось слушать евангелие. Кроме того, как известно, Бирюков во время великого поста ездил еще в с. Бездну к Иваницкому.

Чтобы Бирюков во время этих путешествий читал или распространял возмутительные воззвания между народом, произведенным расследованием не обнаружено. Непосредственное свое сближение с народом Бирюков объясняет желанием беседовать с крестьянами. Цель этих разговоров и рассуждений: ближе познакомиться с характером народа, с его верованиями и домашним бытом. Он прислушивался к каждому слову, к каждому разговору крестьян, надеясь найти в них материал для своих ученых наблюдений и в особенности для исследования о расколе, составлявшем специальный предмет его занятий. При долгом обращении с крестьянами он насмотрелся на труженическую жизнь мужика, и не мог не полюбить его, не мог не уважать народ. Случалось, что мужик высказывал свое горе, свои сомнения, свою нелюбовь к помещикам, чиновникам, но никогда не случалось, чтобы мужик говорил что-нибудь не в пользу правительства и, вернее, царя. В понятии мужика царь для него «надежа», — он карает и милует, — он один заботится обо всех, — и потому благоговение крестьянина к особе государя развито в высшей степени.

После путешествий своих в Казанский уезд и с. Бездну, Спасского уезда, Бирюков в мае месяце отправился в Пермь, а оттуда в г. Кунгур, куда прибыл 27 мая.

По пути Бирюков читал прокламацию со штемпелем «Земля и Воля», озаглавленную «Свобода № 1» в с. Кыласове диакону и священнику; потом, по приезде в Кунгур в дом священника Кроткова, он также читал прокламацию в присутствии некоторых лиц, при отворенном на улицу окне.

Бирюков в своих ответах изъяснил, что за несколько дней до его отъезда из Казани в Пермь он виделся со студентом казанского университета *Иваном Умновым*, который, узнав о предстоящей поездке Бирюкова, предложил ему, не хочет ли он взять с собою воззвание «Свобода». Бирюков изъявил на это согласие и получил от него 5 экземпляров. Единственная причина, почему он не отверг предложения Умнова, а согласился взять несколько экземпляров, состоит в том, что ему хотелось ее показать и прочитать своим знакомым из духовенства, хотелось пощеголять этим воззванием в *темном царстве, как диковинной редкостью*.

Б) В Казанской губернии.

В г. Лаишеве Казанской губернии в апреле месяце сего года появились возмутительные воззвания, начинающиеся словами: «Долго давили вас, братцы»...

Расследованиями обнаружено, что около половины апреля исключенный из университета и находившийся в г. Лаишеве на жительстве коллежский регистратор Михаил Элпидин, прийдя в дом к мещанину Степану *Булгакову*, отдал ему 6 запечатанных пакетов для раздачи крестьянам. По уходе Элпидина, Булгаков вскрыл один из пакетов и, прочитав в нем печатный листок, оставил у себя, а остальные 5 роздал в первое же воскресенье на базаре мещанину и 4-м крестьянам. После раздачи этих пакетов оставшийся у него шестой он вместе с печатным листком сжег.

По дошедшим до начальника губернии об этом сведениям, была назначена особая следственная комиссия, по распоряжению коей были арестованы коллежский регистратор Элпидин и лаишевские мещане Степан и Василий Булгаковы, из коих последний передал один экземпляр воззвания мещанину Круглову, сказав ему, что получил этот листок от неизвестного ему господина; при следствии же утверждал, что пакет с воззванием передан ему братом Степаном.

Степан Булгаков в этом не сознался; на вопрос же, почему он, зная о противузаконном содержании листков, решился их раздать, и что побудило его к тому поступку, Булгаков отвечал: что он никакого дурного умысла против правительства не имел, *а должно быть такой грех до него дошел, на что есть воля божия.*

Коллежский регистратор Элпидин показал: что, гуляя во время пасхи на Вознесенской улице, он присел на лавочке близ магазина Санина. Возле него сел незнакомый ему мужчина, который, спросив предварительно: «не вы ли Элпидин?», сказал: «кстати, у меня есть к вам поручение». После чего неизвестный отдал ему пакет. Возвратившись домой и вскрыв пакет, Элпидин нашел в нем: три маленькие конвертика, три печатные листка из серой бумаги и особо печатный лист на белой бумаге с синим штемпелем «Земля и Воля». Содержание этого листка заключало в себе приглашение Элпидина исполнить возлагаемое на него поручение.

Отправившись на фоминой неделе в Лаишев, *он передал три пакета* мещанину *Степану Булгакову, два листка* без пакетов одной крестьянке, последний же листок уничтожил.

При очевидной неправдоподобности и неискренности показания Элпидина о личности, снабдившей его воззваниями, комиссиею были приняты все меры, при священническом увещании, к убеждению его открыть истину, но он упорно оставался при своем прежнем пока-

зании, имеющем, очевидно, целью скрыть происхождение этой преступной прокламации.

Из данных студентом *Лаврским* показаний есть некоторые основания предполагать, что автором и издателем этой прокламации был исключенный из университета студент *Иван Умнов*, умерший в июле месяце сего года.

III отдел.

О распространении лже-манифеста.

В апреле месяце сего года в некоторых местностях замосковных губерний и преимущественно в селениях появились печатные экземпляры ложного манифеста, данного будто бы государем императором 31-го марта в Москве: о предоставлении всем и каждому полной свободы; об отдаче крестьянам земли в собственность без всякой за то платы; о распущении армии и возвращении солдат на родину с безвозмездным наделом их землею из казенных дач; об отмене личных податей и рекрутских повинностей и об учреждении представительного образа правления.

Кем составлен и где печатался этот манифест, — следствием не открыто; виновниками же в распространении его оказались мещанин *Маевский* и студенты: *Новицкий*, *Госцевич* и *Олехнович*.

Все они в преступлении этом сознались, показав, что получили манифесты, карты пути, по которому должны были его разбрасывать, деньги, револьверы и фальшивые паспорта от французского подданного *Кеневича*, и что, кроме того, в деле этом участвовали поручик Одесского пехотного полка *Черняк*, отставной штабс-капитан *Хамец* и студенты *Сильванд* и *Мацеевский*. Последние четверо скрылись и до сих пор не отысканы; Кеневич же, хотя и был уличаем Маевским и его товарищами, но положительно отрекся не только от участия в распространении лже-манифеста, но даже от всякого знакомства с лицами, сделавшими на него оговор.

Местом предварительного совещания всех вышеозначенных лиц и исходным пунктом распространения лже-манифеста была Москва.

Часть экземпляров, как сказано в I-м отделе, послана была 12-го апреля с *Сильвандом* в Казань для передачи студентам по случаю предполагавшегося при их содействии вооруженного восстания в том крае; и когда не удался этот замысел, тогда же решено было главными двигателями предприятия разбросать манифесты чрез означенных четырех лиц — Маевского, Олехновича, Госцевича и Новицкого, которые и отправились 22-го апреля из Москвы с 700 экземплярами.

Распространение манифеста не произвело в народе вредного влияния, а, напротив, вызвало в нем сильное негодование на злоумышленников.

По окончании следствия не обнаружено никаких юридических доказательств к признанию Кеневича главным зачинщиком, а потому комиссия сделала заключение о предании его, вместе с поименованными выше распространителями манифеста, суду в общем уголовном порядке.

О б в и н е н и я.

Из лиц военного ведомства, принимавших участие в противузаконных поступках по вышеозначенным делам, оказались виновными:

1) Штабс-капитан 4-го резервного баталиона Охотского пехотного полка Наполеон *Иваницкий*, 28 лет от роду; веры римско-католической.

2) Поручик 4-го резервного баталиона Томского пехотного полка Александр *Мрочек*, 31 года от роду; веры римско-католической.

3) Поручик 6-го резервного стрелкового баталиона Николай *Михайлов*, 20 лет от роду; веры православной.

4) Студент казанского университета, дворянин Астраханского казачьего войска Алексей *Щербаков*, 21 года от роду; веры православной, и

5) Дворянин того же войска Петр *Алеев*, 22 лет от роду; веры православной.

Обвинения помянутых лиц заключаются:

А) Ш т а б с - к а п и т а н а И в а н и ц к о г о п о с о б с т в е н н о м у с о з н а н и ю:

1) В желании войти в сношение с русским революционным комитетом.

2) В недонесении правительству о преступных замыслах поручика *Черняка*, выдававшего себя агентом московского революционного комитета, и в *предложении ему охотно своих услуг* к возбуждению в России революции, с целью домогаться от правительства уступок в пользу Польши.

3) В склонении студентаСергеева познакомить поручика Черняка, в качестве агента московского революционного комитета, с кружком студентов.

4) В принятии непосредственно участия в совещаниях, бывших в квартире Полиновского, в присутствии Черняка, где Иваницкий, развивая план восстания в Казани, указывал на необходимость приступить к делу ранней весной; при чем высказал мнение, что, пользуясь незначительностию находящегося здесь войска и недостаточным охранением порохового и оружейного заводов, денег, запасов продовольствия, если выбрать из молодежи человек 100, да выждать партию рекрут или польских повстанцев, затем выпустить арестантов, обезоружить войско, то можно завладеть Казанью беспрепятственно.

5) В принятии мер предупреждения Черняка от приезда в Казань, с целью, чтобы он за свои преступные действия не мог попасться в руки правительства.

6) По получении сведения о последствии пребывания в Казани Ост-Сеньковского, Иваницкий писал Мрочеку: «Нужно действовать там, где можно захватить оружие и боевые припасы; надо всем сосредоточиться в избранном месте, завладеть пароходами и потом можно будет действовать быстро и неожиданно на всем протяжении Волги и Камы».

7) В написании химическими чернилами письма к студенту Жеманову, в коем высказано его полное сочувствие к замышлявшемуся восстанию в Казани и сожаление по поводу встретившихся по сему делу затруднений.

По показанию других лиц:

а) В квартире дворянина Карпова вел разговор преступного содержания.

б) Указывая на существующий разлад в государственном строе и недовольство всех классов противу правительства, заявлял возможность изменить нынешний порядок к лучшему, дав для этого толчок народу, и тогда желание народа выскажется.

в) Развивая план восстания в Казани, признавал необходимым обезоружить солдат, взять Казань и разослать людей по деревням к возбуждению крестьян вооружиться косами и кто чем может.

г) Пригласил студентов сторожить приезд Черняка в Казань, а для поездки Щербакова в Нижний-Новгород дал 50 руб.

д) Говорил о необходимости сделать революционное знамя, при содействии коего надеялся возбудить народ к возмущению.

Кроме того, штабс-капитан Иваницкий обвиняется:

1) В откровенном , высказанном в дерзких выражениях, заявлении о сочувствии своем к польскому восстанию и готовности своей стать в ряды шайки возмутителей.

2) В приобретении химических чернил с целью вести переписку преступного содержания и в передаче их поручику Черняку.

3) В хранении у себя 4-х экземпляров возмутительных воззваний: а) «Земля и Воля» — «Свобода вероисповедания», — б) «Земля и Воля» — «Временное народное правление», — в) лже-манифест, — и г) «Свобода» № 1-й.

4) В хранении у себя двух подорожных бланков, из коих один, по собственному показанию, взял воровским образом у квартирмистра штабс-капитана Свенцицкого, а другой получил непрописанным от казначея штабс-капитана Старова.

5) В возбуждении крестьянина *Хорина* не платить помещику за землю, а лучше вооружиться десятому и пристать к знамени, которое поднимется в мае месяце.

Б) Поручика Мрочека.

1) Хотя он лично не участвовал в совещаниях, бывших в квартире Полиновского по случаю приезда *Черняка* в Казань, но он знал во всей подробности преступные замыслы Иваницкого и Черняка и о них не донес своевременно правительству.

2) Во время приезда *Ост-Сеньковского* в Казань, Мрочек принял его к себе на квартиру, зная, что он был агент Черняка, привезший от сего последнего письма преступного содержания, револьверы, прокламации и деньги.

3) В доставлении Сергееву писем Черняка для сообщения их студентам, в переводе одного из них на русский язык и в передаче Сергееву двух револьверов.

4) Участвовал лично в собрании у Станкевича, где велись совещания о восстании в Казани и были раздаваемы револьверы присутствовавшим там лицам.

5) В приглашении Ост-Сеньковского на квартиру *Полиновского*, в настоятельном домогательстве от студентов удовлетворительного ответа Черняку относительно замышлявшегося восстания и предложении плана начатия восстания не в Казани, а с деревень, как более удобнейшего.

6) В написании химическими чернилами письма Иваницкому о последствии пребывания Ост-Сеньковского в Казани и пересылке Иваницкому 3-х экземпляров возмутительных воззваний; — и наконец,

7) В прибытии в Москву без дозволения начальства и показании себя под вымышленною фамилиею Михайлова.

В) Поручика Михайлова по собственному его сознанию:

1) Узнав от поручика Мрочека о происшествиях в Казани, он, Михайлов, не донес об этом начальству, как бы следовало на основании 65 и 66 ст. части V кн. II устав Воен.-Уголовн., и

2) Допустил Мрочека производить у него в квартире опыт над химическими чернилами и сверх того взял от него таковые.

По оговору поручика Мрочека:

В передаче Мрочеку о существовании в Нижнем-Новгороде политических кружков; в совещании с студентом Щербаковым о предполагавшемся в Казани восстании; в принятии от Мрочека прокламаций; в отсылке в Казань прокламации «Свобода»; в знании, что по уездам Нижегородской губернии разосланы прокламации, и что будто бы некоторые уезды этой губернии приготовлены к восстанию, и в отсылке в Казань 5 п. свинцовых букв, что, впрочем, по силе ст. 370 кн. II част. V Уст. Воен.-Угол., как оговор подсудимого, приемлется доказательством несовершенным.

Г) Студента Щербакова.

1) В знании об умысле Черняка и Иваницкого и о действиях их, чтобы произвести в Казани вооруженное восстание.

2) Лично присутствовал в собрании студентов при обсуждении мер, какие следует принять для возбуждения восстания.

3) Принимал участие в суждениях в том же собрании, что при восстании должны стать в ряды все образованные люди, но не для прекращения восстания, а собственно, чтобы отвратить резню, необходимую спутницу всякого восстания в России.

4) Ездил в Нижний-Новогород для передачи письма Иваницкого Черняку и извещения его о мерах, принятых начальством в Казани.

5) Участвовал с прочими в обсуждении мер, какие следует принять относительно прокламаций, присланных Черняком чрез студента Сильванда, и

6) О всех этих преступных действиях своевременно не довел до сведения местного начальства.

Д) Дворянина Алеева.

1) В бытности и недонесении правительству о собрании в квартире Полиновского по случаю приезда в Казань Ост-Сеньковского, доставившего, по поручению поручика Черняка, деньги, револьверы и возмутительные прокламации.

2) В передаче Андрееву прокламации, озаглавленной «К офицерам», и

3) В намерении дать Андрееву прокламацию «Великорусс».

Из числа их назначены:

В первую категорию, для предания суду по полевым уголовным законам: штабс-капитан *Иваницкий* и поручик *Мрочек*.

Во 2-ю категорию, для предания обыкновенному военному суду: поручик *Михайлов*, студент *Щербаков* и дворянин *Алеев*.

Примечание: Бывшие в военной службе: поручик *Черняк*, подпоручик *Станкевич* и штабс-капитан *Хамец*—скрылись, и все принятые меры к их розысканию оказались безуспешными [1]).

Полковник *Слуцкий*.

---

[1]) Позднее все эти лица были схвачены. Поручик Черняк, после того, как он скрылся из Казани, принял на себя предводительство отрядом польских повстанцев в Виленской губернии и, под псевдонимом Лада, был революционным начальником Трокского уезда. В мае 1864 г. он был арестован в Динабурге на станции железной дороги, когда он с паспортом на имя крестьянина Быцана пытался уехать за границу. Станкевич в начале 1864 г. был захвачен в Могилевской губернии, где он скрывался под разными именами. Равным образом был задержан и штабс-капитан Хамец, вскоре умерший под арестом. Станкевич, вместе с Иваницким, Мрачеком и Кеневичем, по приговору полевого военного суда был расстрелян в Казани 6 июня 1864 года. Черняк также был расстрелян в Казани 11 октября 1865 года — *Б. К.*

Всеподданнейшее прошение студента Щербакова [1]).

Ваше императорское высочество,
августейший атаман!

Не так давно общественное внимание было возбуждено прокламациями, выходившими из тайных типографий, и разнообразными слухами о близких бедствиях, угрожающих нашему отечеству, а неопределенные газетные толки еще более усиливали раз возбужденное внимание. Сознанная же всеми важность великих реформ, совершенных августейшим родителем вашего императорского высочества и обещанных в будущем, противоречила возможности внутренних смут.

Под влиянием такого настроения общества, я не мог не стараться разъяснить себе слухи, возмущающие спокойствие России. Не сочувствие к нарушителям порядка, а желание увериться в справедливости слухов было единственной причиной моего преступного поведения. При всей законности моих убеждений, я должен сознаться, хотя это и горько мне, что моя прикосновенность к делу, исследуемому комиссией, высочайше учрежденной в Казани, невольно набрасывает тень на мои верноподданнические чувства. Совесть моя чиста, но юридически я виноват: тяжкая участь ожидает меня.

Я казак и разделяю общую с казачеством привязанность к августейшему дому; да и могу ли не разделять ее, бывши свидетелем восторга, с которым встречала ваше императорское высочество моя родина, Ветлянинская станица? Отец мой умер, старший брат за Кубанью и, может быть, не воротится домой; я оставался единственной опорой моему семейству. Будьте великодушны, ваше императорское высочество: отклоните несчастие от семейства; дайте докончить образование; при нем я буду полезен обществу! Через два месяца я получил бы диплом лекаря и посвятил [бы] себя службе в Астраханском казачьем войске.

Как не дерзка моя надежда на снисхождение вашего императорского высочества, но при глубокой вере в великодушие ваше, августейший атаман, я осмеливаюсь просить ваше императорское высочество об исходатайствовании у государя императора прощения казаку, который будущей верноподданнической службой загладит преступное увлечение его молодости.

Вашего императорского высочества,
августейшего атамана,
всепреданнейший,

Подлинное подписал: *Алексей Щербаков* [2]).

С подлинным верно: полковник *Слуцкий*.

---

[1]) Это прошение было препровождено военному министру полковником Слуцким при рапорте от 12 января 1864 г. за № 1.

[2]) Приговором Казанского уездного суда, утвержденным VI департаментом Сената, Щербаков был приговорен к лишению всех прав состояния и ссылке

Письмо полковника Слуцкого военному министру Д. А. Милютину.

Милостивый государь,
Дмитрий Алексеевич.

Представляя на благосклонное воззрение вашего превосходительства записку о происшествиях в Казани, долгом считаю доложить, что взгляды, в ней изложенные, обусловливаются единственно чистым и искренним желанием пользы обществу и теплым участием к русским студентам, хотя и впадшим в преступление, но чистосердечно в нем раскаявшимся и совершенно изменившим свой прежний образ мыслей, а никакое другое чувство и никакая другая мысль, — смею уверить ваше превосходительство, — не руководили мною при составлении этой записки.

С чувством глубокого почтения и искренней преданности имею честь быть

вашего превосходительства покорнейшим слугою.

12 января 1864 г. *Яков Слуцкий.*

Записка о происшествиях в Казани.

В последнее время в среде казанских студентов, по собственному их сознанию, утратилась привычка ко всяким серьезным научным трудам, а, вследствие того, место спокойного обсуждения научных вопросов заняли самые фантастические идеи и планы. Непонятная легкость, с которою появлялись в последние три года разного рода прокламации: «Великорусс», «Молодая Россия», «К молодому поколению», «Свобода» и проч., а также вредное влияние некоторых профессоров, искавших популярности и опоры в ложной либеральной и патриотической проповеди, чтобы прикрыть недостаток своих знаний и ученых трудов,— разжигали воображение молодежи, не сдержанное серьезным трудом и не находившее нигде и ни в чем себе отрезвления.

К концу 1862 года настроение умов большей части казанских студентов дошло до крайних пределов. Нелепым предположениям и ожиданиям не было границ; большая часть была убеждена, что все готово к какому-то перевороту в России, и что весною истекшего 1863 г. воображаемые комитеты, с массою деятелей, как сила энергичная и несокрушимая, выступят на свет со знаменем свободы в обширном смысле слова, что к ним примкнет народ, и все станут, как один человек.

в каторжные работы на 10 лет. Государственный Совет, считаясь с объявленной 17 мая 1867 года амнистией по делам, касающимся польского мятежа, постановил освободить Щербакова в числе ряда других привлеченных по делу лиц от следствия и суда. Соответствующее мнение Государственного Совета было утверждено царем. Однако Щербаков, не дождавшись конечного исхода дела, 21 ноября 1866 года вместе с студентом Жемановым бежал из тюрьмы и скрылся заграницу. — *Б. К.*

против настоящего порядка вещей в государстве... Не верится этому безумному ослеплению молодежи, но на деле, к сожалению, оно было так.

В это-то время польская партия, не упускающая из виду ничего, что может хотя сколько-нибудь принести пользу их делу, вознамерилась воспользоваться настроением умов казанских студентов и, со свойственным ей легковерием, решила произвести восстание в Казани и затем поднять народ в приволжских губерниях. Главным деятелем со стороны поляков в Казани был штабс-капитан Иваницкий, умевший уверить некоторых студентов, что он принадлежит к мнимому центральному русскому комитету, и представивший студентам, как агента этого комитета, своего двоюродного брата, поручика Черняка. Черняк, явившись в Казань, в небольшом кружке студентов держал речь, предлагал план взятия Казани, распространялся о комитете, о средствах его и объявил, что их партия отделилась от петербургского комитета и есть партия, намеревающаяся начать немедленно революцию. Нелогичность разных его доводов и глубокое отвращение студентов от кровавых замыслов, предлагавшихся Черняком и Иваницким, заставили тотчас заподозрить Черняка польским деятелем. Черняк, смущенный замечаниями присутствовавших в собрании студентов, обещал вскоре представить им осязательные доказательства того, что он действует от русского центрального комитета, и прислать им деньги и оружие. Сам, однако же, он не явился в Казань во второй раз, а прислал доверенного, петербургского студента Сильванда, с ложным манифестом, прокламациями и оружием — десятью револьверами и *400 руб.* денег... Манифест возбудил негодование студентов; прокламации, составленные нелепо и очевидно в польском духе, уяснили, откуда направлен замысел; а 10 револьверов, 400 руб., которые приказывалось беречь, и приказ Черняка, объявлявшего, что комитет назначил его казанским старшиною, а он выбирает себе помощником Иваницкого, и что неповиновение Черняку будет наказываться смертью, — окончательно уяснили студентам всю интригу и заставили их решительно отказаться от оскорбительных для них предложений Черняка с Иваницким.

Эти мечты о готовящемся будто бы повсеместном восстании и эти сношения с агитаторами,—сношения, в которых нельзя не видеть более легкомысленного любопытства, чем решимости на какие-либо злонамеренные действия,—можно ли серьезно назвать замыслом к вооруженному восстанию в Казани? Основательно ли было бы в праздных суждениях и легкомысленных поступках молодых людей, увлеченных пустыми фантазиями, видеть преступную волю, долженствующую обратить на них кару закона?

Справедливо, что несчастное настроение университетской молодежи в Казани не осталось без нѣкоторых, далеко неопасных, но более серьезных последствий. Некоторые из студентов, под влиянием мечты о готовящемся в государстве перевороте, покусились к распростране-

нию противуправительственных идей в народе, задумали пропаганду революционных идей. Но и этот замысел, если можно так назвать мечтательную и легкомысленную затею, не имел в себе, как это и обнаружилось в применении к делу, ничего, способного возбудить какие-либо опасения и потребовать особых правительственных мер, не заключая в себе никаких серьезных, злонамеренных и угрожающих спокойствию страны попыток и планов.

Вот обстоятельства, которые, подведенные под статьи уголовного закона, поведут эту отуманенную праздными мечтами молодежь на смертную казнь и каторжные работы...

Происшествия среди казанских студентов обличают существование действительного зла, которое должно быть искоренено настоятельными и энергичными мерами, должно обратить на себя самое деятельное внимание правительства. Но действительно ли замешанные в происшествиях в Казани особенно преступны? Действительно ли в их руках сосредоточен опасный замысел, если и допустить его существование? Кара, обращенная на нескольких молодых людей, увлеченных нелепыми мечтами под влиянием тлетворного брожения умов, принесет ли какую либо существенную пользу? В этих ли увлечениях корень зла? В них ли источник тлетворного влияния и действительная опасность? Сами эти молодые люди не суть ли жертвы заразы, требуя скорее помощи, чем кары, возбуждая более участия, чем действительного опасения? Возможно ли и справедливо ли считать их за злонамеренных преступников и за людей, потерянных для государства? Не значило ли бы это давать им значение, которого они никогда не могли иметь, и возбудить в обществе понятие о них, как о жертвах, избранных для устрашения действительной злонамеренности, и в такую минуту, когда целое общество с презрением относится ко всяким попыткам к разъединению народа с правительством, когда самая молодежь во всей силе сознает нелепость своего настроения и чувствует себя отверженною и осмеянною всеми?

По крайней мере, молодые люди, из числа обвиняемых по происшествиям в Казани, приведены были к чистосердечному сознанию своих заблуждений, стыдятся их и искренно желают на деле заявить свое раскаяние, с полнейшим убеждением, что истинно любящему свое отечество русскому человеку не остается другого пути, как итти за правительством, вместе со всеми честными людьми и истинными патриотами. Нельзя не принять притом в соображение, что эти молодые люди отличаются замечательными способностями, а в большинстве и примерною честностью и прямодушием. Не явная ли выгода правительства воспользоваться чувствами раскаяния этой молодежи, поддержать в них сознание своей виновности великодушием к ним и дать им средства, обращением на путь честного труда, примирить с собою возбужденное против них общественное мнение? Если даже предположить, что великодушие не принесет ожидаемого результата, то оно, без сомнения, не может причинить и никакого вреда.

Повторю, зло не в мечтательной молодежи, увлеченной нелепыми фантазиями, а в тех причинах, которые дали возможность и пищу этим праздным мечтаниям, этому брожению умов, так печально и естественно отразившемуся на молодежи. Весьма важно разъяснить эти причины для уничтожения зла в самом корне, и вот что, казалось бы, должно обратить на себя внимание правительства.

Нельзя не указать в особенности на распространившиеся заграничными и нашими домашними агитаторами идеи, которые вызывали только преследования, не встречая опровержений, и получали особое значение в запретных листках и намеках; преследования не помогали, намеки не разъяснялись, и обманчивый яд противуправительственных идей не переставал распространяться. Ясное доказательство того, как легко, переменой обстоятельств и влияний, отстранить возможность появления подобных преступников, каковы казанские студенты, может служить то благотворное действие, которое произвело на этих молодых людей действительное столкновение с правительственною средою, уничтожившее в них нелепые представления о правительстве, которым они простодушно верили в своих кружках.

Замечательно также, что почти все русские молодые люди, находившиеся под следствием казанской комиссии,—воспитанники семинарий и люди крайне бедные. Каким образом семинарское воспитание способно развивать такие болезненные и уродливые направления,—это должно обратить на себя особое внимание, как замечательный факт. Бедность, присоединяющаяся к семинарскому воспитанию, лишает молодых людей благотворного влияния общества, заставляя их образовывать кружки узкие, замкнутые, бессильные против влияния запрещенной литературы и тому подобных явлений; между тем как материальный достаток, следовательно, сближение с обществом и хорошее первоначальное воспитание спасает тех, кто ими обладает. Безусловно ли виноваты бедные семинаристы, если они сделались легкою добычею несчастного брожения умов? Великодушие и долг не заставляют ли позаботиться о средствах оградить эту способную, талантливую и энергическую молодежь от тлетворного влияния и заблуждений, жертвою которых делаются прежде всего они сами.

Полковник *Слуцкий*.

12 января 1864 г. С.-Петербург.

II. Слухи о волнениях среди башкиров.

Рапорт оренбургского и самарского генерал-губернатора.

Совершенно секретно.

Господину военному министру.

Начальник Оренбургской губернии от 14 и 17 сего февраля донес мне о слухах, будто бы башкиры, подстрекаемые агентами Турции и народного жонда Польши, намерены произвесть нынешнею весною восстание противу русских.

Хотя слухи эти и не заслуживают полного вероятия, ибо до сего времени получались мною сведения, что башкиры весьма довольны новым их положением, тем не менее я признал необходимым произвесть по настоящему предмету строжайшее дознание, для чего и командировал в Башкирию состоящего при мне для особых поручений полковника Кузьмина-Караваева, штаб-офицера расторопного.

Препровождая при сем к вашему превосходительству список с отношения моего по сему предмету шефу корпуса жандармов, из коего вы изволите усмотреть подробности этого дела, имею честь присовокупить, что о результатах дознания буду иметь честь сообщить вашему превосходительству по окончании оного.

Генерал-адъютант *Безак*.

22 февраля 1864 г. № 17 г. Оренбург.

Список с отношения Оренбургского и Самарского генерал-губернатора г. шефу корпуса жандармов от 22 февраля 1864 г. за № 16.

Оренбургский гражданский губернатор от 14 сего февраля за № 40 донес мне:

20 января один из числа полицейских агентов объявил уфимскому полицеймейстеру, что при разговоре с сосланным в г. Уфу дворянином Богинским сей последний, признавая в нем поляка, между прочим, высказался, что весною все города Оренбургского края должны быть подожжены, а войско перерезано поляками, служащими в батальонах, и что для поддержания сего предприятия учрежден в Уфе тайный комитет, который составляют три члена: граф Плятер, граф Моль и дворянин Бжезинский.

В последующее 21 число тот же Богинский встретился в водочном магазине Шипова с другим полицейским агентом, уроженцем Люблинской губернии, превосходно знающим польский язык, и здесь, познакомившись с ним за чаркою вина, просил сходить с ним к главному в Уфе голове татар, имея в виду завести с ним дружбу и влиянием его на своих собратов возмутить все магометанское население на Россию.

28 января вечером из числа сосланных Витвинский и Гробовский высказались, что, пока жива Бжезинская, у поляков не будет ни в чем недостатка, а при таком положении они здесь сделают то, что никто не ожидает.

3-го февраля было получено секретное сведение, что отставной рядовой Бардос и уфимский мещанин Прокантьев рассказывали в одном доме, что весною между башкирцами должно вспыхнуть возмущение, и что для сей цели они уже заготовляют тайно оружие, скрываемое ими в деревнях, лежащих по реке Деме.

Вызванные на разговор, Бардос и Прокантьев рассказали вышеизложенное гораздо подробнее, а именно:

Бардос: Башкиры будто бы имеют напасть на русских весною. Изготовленное оружие состоит из пик, сабель и пистолетов. Артиллерийские орудия и снаряды думают захватить при первом нападении на заводы; где хранится порох, он, Бардос, не знает, и все сказанное им узнал от Проклантьева.

Проклантьев старший: Занимаясь сбором золы по городу и возвращаясь домой, на пути заехал к своему крестному сыну и племяннику, тоже Проклантьеву. Сей последний объявил ему, что бывшие у него в гостях трое крестьян д. Нагаевой, хорошо знакомые с башкирцами деревень Бищаул и Емуран, слышали в дружеском разговоре с последними, что по первому сигналу из Польши или Турции вспыхнет все татарское население и обратится на русских. Эти же крестьяне говорили, что будто бы видели сами, как башкиры означенных деревень приготовляют оружие и на вопрос о причине,—получили в ответ: «нужно будет весною, а зачем,—узнаете тогда».

Проклантьев младший: Подтверждая все, сказанное дядею, присовокупил, что одного из бывших у него нагаевских крестьян зовут Николай Карнаухов.

11 и 12 сего февраля дворянин Евгений де-Валерн, прибывший в Уфу в одной из последних партий, между разговорами более нежели при 10-ти человеках, утверждая о готовящемся весною, при участии поляков, восстании, рассказывал кроме того еще следующее:

1) Что начало слухов и подговор к возмущению провез будто-бы по башкирскому войску в 1862 г. присланный из Турции хан, убеждавший магометан не повиноваться русским, которые хотят обратить их в государственных крестьян и брать в рекруты. Возмущение было предположено начать в 1863 г., но второй посланный из Турции и приезжавший в Оренбургский край распорядился отложить до весны 1864 г., на том основании, что турецкое правительство не окончило еще нужных для вспомоществования приготовлений.

2) Что как только началась высылка из Польши мятежников в Россию, то центральный комитет в то же время распорядился отправить по губернским городам своих тайных агентов, снабдив их деньгами и поручив действовать на татарское население. В числе членов комитета в г. Уфе указал на графа Моль.

3) Что по прибытии в Нижний-Новгород их партии, с ними было две женщины, которым военный губернатор разрешил ходить для покупок в город. Эти женщины приносили в тюремный замок от находящихся в Нижнем под надзором полиции поляков два письма, из которых в одном народовый жонд [1]) бывшего с ними в партии дворянина Эгерздорф начальником г. Челябы, и три нумера издающейся в Челябе же газеты «Восход Солнца». В этих нумерах убеждаются ссылаемые в Оренбургский край поляки из дворян ходатайствовать в Уфе всеми

---

[1]) В подлиннике, видимо, пропущено «назначил».

мерами, чтобы местом жительства для них была назначена Челяба, где весною прежде всех должно вспыхнуть возмущение.

4) Что присланный жондом академик Вацлав Милковский, скрываясь большею частью в Челябинском уезде и в то же время разъезжая по краю, снял подробную карту всей Оренбургской губернии. Снабженный деньгами от народового жонда, он в Челябе получил таковых еще значительное количество из суммы, украденной в варшавском уездном казначействе. На дороге под Казанью один из агентов жонда показывал партии список казаков Уральского войска, изъявивших готовность помогать полякам. Список этот подписал атаман Уральского войска Милковский; тут же видели у него список башкир, который подписал хан Казанский и Золотой орды.

5) Что по дороге от Казани до Уфы в каждой татарской деревне они постоянно имели разговор с башкирцами, которые, изъявляя полную готовность к восстанию, единогласно подтверждали, что они уже знают обо всем и к весне всем запасаются. Примером ревности башкир к делу возмущения де-Валери представил следующее: не доходя Бугульмы, они остановились ночевать в башкирской деревне и были расставлены по квартирам. Вечером, желая навестить товарища своего Эгерздорфа, он, де-Валерн, отправляясь к нему, надел фуражку конвойного солдата. Войдя в избу, он застал хозяина-башкирца в жарком разговоре со своими постояльцами, и как только первый увидел его, то в ту же минуту сорвал у него с головы солдатскую фуражку, бросил ее на пол и начал топтать ногами.

6) Что по прибытии в Белебей он с товарищами ходил к члену тамошнего комитета Пташковскому, от которого и получили наставление, по приходе в Уфу, немедленно явиться к г. Бжезинской.

7) Что когда партия пришла во двор уфимского полицейского управления, то к ней вышли навстречу содержащиеся при оном поляки. В числе сих людей он, де-Валерн, узнал пять жандармов-вещателей, да один жандарм-кинжальник пришел в одной с ними партии; и

8) Что место склада оружия у зауральских башкир, как он слышал во время дороги в партии, находится в уральских горах, около Златоустовских заводов.

Вее вышеизложенное де-Валерн повторил лично полицеймейстеру, а потом начальнику губернии.

При этом уфимский полицеймейстер объявил, что в Челябе кантонный начальник—польский татарин Кричинский, избравший себе помощниками двух башкир. Собранные под рукою сведения говорят, что все сосланные в Челябу поляки имеют с Кричинским большую дружбу, а де-Валерн рассказывает, что план Челябы и окрестности ее был снят во время охоты за зайцами. Все охоты в Челябе устраивает, как достоверно известно, помощник исправника де-Бомон, вероятно, в душе не очень преданный России, иначе вечерние собрания поляков, квартирующих в доме купца Попова, не ускользнули бы от внимания полиции.

Донося о вышеизложенном, начальник губернии объяснил: 1) что им послан надежный человек в указанные выше башкирские деревни для собрания надлежащих сведений; 2) что начальнику 10-го кантона лично даны наставления о наблюдении за башкирами вверенного ему кантона; 3) что высланный под надзор полиции де-Валери будет послан с особенным жандармом в Челябинский уезд для расследования и, сверх того, командирует туда адъютанта штаб-офицера корпуса жандармов Сапсжникова, и 4) что многие слухи, доходившие до него, при поверке оказывались неосновательными, и что едва ли возможно какое-либо восстание башкирцев, так как со всех сторон слышно, что они весьма довольны новым своим положением.

В дополнение к сему д. с. с. Аксаков от 17 числа за № 44 донес, что посланный в д. Нагаеву унтер-офицер Старостин для отыскания крестьянина Карнаухова, возвратившись, донес полицеймейстеру, что Карнаухов, он же Курунов, оказался далеко не таким человеком, которого можно было бы заставить проговориться хотя в одном слове. Хитрый и смышленный, он, и то уже вечером бывши почти совершенно пьяным, сказал: «действительно слух, что башкирцы хотят бунтовать,—есть, но где, не знаю; вероятно, не у нас, а в других кантонах. Познакомьтесь с Фахритдином Умитбаевым; он человек умный и ученый и крайне недоволен тем, что его, попрежнему, не назначили кантонным начальником». Вскоре после этого Карнаухов заснул, и жена его, слышавшая весь разговор, сказала: «нам, батюшка, говорить ничего нельзя; мы только башкирцами и живем: пашня их и луга их; чуть что, и они во всем нам откажут». На другой день Старостин разговаривал еще с 4 крестьянами, которые единогласно подтвердили о существовании выше объясненного слуха, отзываясь о подробностях незнанием, и только Федор Федоров высказал, что слышал, будто бы склад оружия находится у башкир, живущих около села Табынска Стерлитамакского уезда. Крестьянин Михаил Иванов Курлаков, принявший Старостина за заводчика, желающего устроить на башкирской земле поташное заведение, не советовал ему затевать дело, указывая на слух о восстании башкир и всей орды на Россию.

При этом уфимский полицеймейстер присовокупил, что 15 числа вечером был у него де-Валери и передал ему:

а) Что все поляки узнали, что он передался на сторону русских и на общем совете приговорили его к смерти.

б) Что в Нижнем-Новгороде большая часть поляков одной с ним партии бывшими там двумя ксендзами приведена была к присяге, которою они и обязались убивать всякого, на кого им будет указано, и что за принятием такой присяги они считают себя как бы мертвыми.

в) Что Милковский, по полученным им сведениям, уехал в Хиву для закупки оружия и каких-то переговоров — и

д) Что начальником башкир назначен будто бы жондом Кричинский.

Доводя об этом до сведения вашего сиятельства, долгом считаю присовокупить, что хотя и нет достаточных оснований давать полное вероятие слухам о готовящемся возмущении башкир, ибо, по имеемым до сего сведениям, они весьма довольны новым о них положением, введенным в действие в конце прошлого года, тем не менее я признал нужным о случаях этих произвесть строжайшее дознание, независимо от сделанных уже начальником Оренбургской губернии по сему предмету распоряжений, для чего и командировал состоящего при мне для особых поручений полковника Кузьмина-Караваева, штаб-офицера весьма расторопного. Я предписал ему предварительно явиться к начальнику губернии и, получив от него сведения, какие могли быть собраны им после означенных донесений его, а также узнав о результате дознания, произведенного Сапожниковым,—объехать указанные выше башкирские селения, а равно и другие, в коих быть по ходу дела окажется нужным; затем отправиться в Челябу и удостовериться в образе действий тамошнего кантонного начальника Кричинского и помощника уездного исправника де-Бомон об отношениях их к созванным туда на жительство полякам, и не оказывает ли им Кричинский какого-либо содействия к возбуждению башкир. При этом я поручил Кузьмину-Караваеву, если по ходу дознания он будет иметь достоверные сведения о справедливости означенных слухов, то принял бы тотчас же законные меры к преследованию виновных, передавая о том на дальнейшее распоряжение установленным властям и донося в то же время мне и начальнику губернии, не останавливаясь однако производством дальнейшего дознания; о результатах этого дознания буду иметь честь сообщить вашему сиятельству по окончании оного.

При этом не излишним считаю уведомить ваше сиятельство, что вместе с сим вновь строжайше подтверждено о неуклонном наблюдении со стороны баталионных командиров за нижними чинами из поляков и предожено начальнику Оренбургской губернии, не признает ли он нужным проживающих в Уфе графа Плятера, графа Моля и Бжезинского разлучить, выслав их в другие города губернии.

Генерал-адъютант *Безак*.

«Выписка из отчета III отделения с. е. и. в. канцелярии за 1864 г.

В г. Оренбурге, в начале года, разнеслись слухи, что башкиры, готовясь к возмущению, запасли оружие, порох и ожидают только сигнала из Польши и Турции. По сведениям, собранным местною полициею, началом возмущения имели быть поджоги поляками, служащими в тамошних баталионах, а для развития замысла существует будто бы комитет из трех членов: графа *Плятера*, графа *Моля* и дворянина *Бжезинского*.

В то же время прибывший в Уфу в партии польских преступников дворянин де-Валери разгласил, что центральный польский комитет, имея в виду значительное число ссылаемых в Россию поляков,

отправил агентов для возмущения жителей, назначив в Уфу графа Моля и в Челябу *Эгерсдорфа* и *Милковского;* что последний, сняв подробную карту Оренбургской губернии, склонял казаков и башкир к восстанию; наконец, что предводителем башкир избран челябинский кантонный начальник *Кричинский*, состоящий в близких сношениях с сосланными поляками.

Де-Валери подтвердил это и на допросе, объясняя, что узнал о том частию от своих товарищей, а частию от башкир тех селений, где партия останавливалась, и что в Нижнем-Новгороде партия их приведена двумя ксендзами к присяге на верность польскому делу в местах их ссылки.

Вследствие этих показаний, за сосланными туда политическими преступниками, равно за башкирами, было учреждено наблюдение: для секретных на месте розысканий был командирован офицер корпуса жандармов и, кроме того, генерал-губернатором поручено особому штаб-офицеру дознать вообще о расположении умов жителей.

Оказалось, что между поляками никаких подобных замыслов не было; складов оружия в указанных доносчиками местах не найдено; башкиры совершенно спокойны, преданы правительству и не расположены к сосланным полякам, опасаясь со стороны их поджогов, и что кантонный начальник Кричинский, по происхождению литовский татарин, пользуется общею любовью и вполне благонадежен.

Таким образом, розыскания эти привели к убеждению, что важное значение этому делу первоначально дано уфимским полицеймейстером, титулярным советником *Сысоевым*, который, несмотря на то, что пойманные в то же время дезертиры из польских уроженцев показали, будто бы они были подговорены к побегу одним из его агентов, не допустил возможности ложных показаний последних и представил начальству вышеизложенные их доносы, а также рассказы де-Валерна без всякой предварительной поверки их основательности, желая только выказать свою деятельность открытием мнимого заговора.

Упомянутый де-Валерн выслан по этапу для водворения в г. Верхне-Уральске, а полицеймейстеру Сысоеву за его опрометчивые действия, по распоряжению генерал-губернатора, сделано замечание.

Доклад цензора Матвеева о сожженном марксистском сборнике.

В 1895 году в Петрограде был напечатан сборник статей под названием «Материалы к характеристике нашего хозяйственного развития». Сборник привлек к себе внимание цензуры, усмотревшей в нем «вредное направление, клонящееся к потрясению существующего порядка и притом высказанное не в качестве отдельного личного мнения, а как бы в виде программы русских последователей учения Маркса». В числе сотрудников сборника мы видим Струве, в те годы считавшегося марксистом, П. И. Скворцова, А. Н. Потресова, Г. В. Плеханова, укрывшегося под псевдонимами Утиса и Кузнецова, и К. Тулина (В. Ленина). В нашем распоряжении находится доклад цензора Матвеева об этом сборнике писателей марксистов, который мы печатаем полностью. Чрезвычайно характерно, что цензор в своем докладе говорит почти исключительно о статье К. Тулина, представляющей, по мнению цензора, «наиболее откровенную и полную программу марксистов».

Сборник был сожжен в мае 1895 г. Из всего издания удалось спасти всего 100 экземпляров.

По поручению редакции «Красного Архива» В. М. Фриче обратился к А. Н. Потресову с просьбой поделиться своими воспоминаниями об издании «Сборника». По словам А. Н. Потресова, издание «Сборника» было задумано и осуществлено им, как составная часть той серии марксистских изданий, которая начата была выпуском книги Бельтова (Плеханова) в конце декабря 1894 г., продолжена книжкой Волгина (Плеханова) в начале 1896 г. и которая должна была завершиться серией периодических сборников. Первый сборник (т.-е. «Материалы») был сожжен. Второй сборник составлялся в конце 1896 г., (для него уже поступали материалы) и предполагался к выпуску в начале 1897 г., но выпуск не состоялся из-за ареста А. Н. Потресова в декабре 1896 г., когда были взяты собранные для сборника материалы.

Содержание первого сборника первоначально намечалось в разговорах с Г. В. Плехановым (сентябрь—октябрь 1894 г. в Лондоне) и с П. Б. Струве. В начале января 1895 г. Струве и Потресов познакомились на одном дискуссионном собрании с В. И. Ульяновым, который в то время написал или, вернее, писал свою статью, впоследствии в несколько измененном виде появившуюся в сборнике (под псевдонимом К. Тулина). В результате бесед с В. И. Ульяновым, в которых, кроме вышеназванных лиц, принимали участие Ст. Ив. Родченко, Вас. Вас. Смирнов и Роб. Эд. Классон, состоялось соглашение. Статья В. И. Ульянова в ретушированном виде, — она была направлена не только против народников, но и против книги Струве «Крит. заметки», — была принята, и В. И. Ульянов, с своей стороны, предложил в сборник статьи П. Скворцова «Итоги крестьянского хозяйства» и В. А. Ионова «Борьба общины с хутором», которые и появились в сборнике.

Кроме Ульянова, Струве и Потресова, в сборнике принял участие Р. Эд. Классон, он дал перевод статьи Эд. Бернштейна о третьем томе «Капитала». Г. В. Плеханов поместил в сборнике две статьи: одну под псевдонимом Кузнецов, другую—под псевдонимом Утис. Сборник начался печатанием сразу в двух типографиях в январе и был закончен печатанием в конце апреля 1895 г.

Доклад цензора Матвеева взят нами из дела о сборнике «Материалы к характеристике нашего хозяйственного развития», находящегося в Архиве б. Цензурного Комитета (1-ое отделение IV секции Е. Г. А. Ф.).

Ред.

Доклад цензора Матвеева

о сборнике статей под заглавием «Материалы к характеристике нашего хозяйственного развития».

Задача и направление настоящего сборника выражены в следующих словах статьи П. Скворцова «Итоги крестьянского хозяйства», которой начинается этот сборник: «показать, насколько совершается преобразование русских крестьян в пролетариев» (стр. 3).

Названный сборник состоит из двух отделов: первый посвящен разработке земского статистического материала по формулам теории Карла Маркса, и второй—полемике с народниками и сторонниками общинного землевладения.

Вообще рассматриваемая книга является органом русских марксистов, и в ней излагается доктрина этих последних. Во втором отделе сборника в первой из помещенных в нем статей за подписью К. Тулина под заглавием «Экономическое содержание народничества» на это категорически указано и объяснено, что цель ее—«сличение общих исходных пунктов народничества и марксизма и указание, в чем их коренное отличие». При этом автор статьи добавляет, что он берет для сравнения старое народничество, т.-е. семидесятых годов, как наиболее цельное и показывающее его лучшие стороны, к которым в некоторых отношениях примыкает и марксизм.

В первом отделе помещена переводная статья с немецкого, посвященная изложению недавно вышедшего на этом языке последнего тома «Капитала» Карла Маркса, изданного на основании посмертных бумаг автора Энгельсом, хотя этот том «Капитала» сам по себе, как чисто научный трактат, не заключает вредных социалистических тенденций, и комитет цензуры иностранной нашел возможным обращение его в публике, о чем и представил главному управлению по делам печати.

Но, допуская чисто научный характер трактата Карла Маркса «о Капитале», хотя два первые его тома до сих пор не дозволены у нас даже на немецком языке, нельзя не принять во внимание, что имя Маркса доселе является как бы знаменем социалистической пропаганды, и при оценке характера и направления настоящего сборника, выступающего органом марксистов, следует принять в соображение практические выводы, которые делал сам Маркс и его последователи из доктрин, изложенных в «Капитале», т.-е. иметь в виду вредную про-

паганду социализма и анархизма, которую вел Маркс в качестве основателя и председателя Интернационального Общества Рабочих. Эта последняя деятельность и создала особого рода культ Маркса, распространению которого желают служить издатели рассматриваемого Сборника.

Статья П. Скворцова «Итоги крестьянского хозяйства» обставлена рядом цифр и таблицами и снабжена всем аппаратом ученого исследования, что, конечно, делает ее мало доступной для большинства читающей публики. Она представляет как бы научный цифровой фундамент для всего Сборника, его тяжелую артиллерию, направленную к укреплению теории Маркса об естественном и неотразимом ходе капиталистического процесса, вполне приложимого и к нашей жизни, в которой по указанным Марксом законам экономического развития происходит отделение работника от собственности на условии труда (стр. 21). «Если мы станем рассматривать крестьянское хозяйство с точки зрения драгоценного блага экономической независимости (т.-е обладания землей и инвентарем для обработки ее), то получим на основании материалов, собранных земской статистикой, указание, что менее двух третей крестьянских хозяйств пользуются такой независимостью, а более трети ею не обладают» (37 стр.). Таким образом автор указывает суетность ожидания устранить развитие у нас капитализма и пролетариата, наличность которого очевидна и подтверждается непререкаемо статистическими цифрами. «Наша особенность в области экономической жизни,—объясняет он,—заключается лишь в том, что мы после других вступили на путь прогресса и эту особенность, со всеми ее последствиями, разделяют вместе с нами многие другие славянские и неславянские народы. Экономическое развитие Американских Штатов служит блестящим подтверждением верности историко-философской теории Маркса, высшее достоинство которой состоит в том, что она наисторическая, т.-е. одинаково приложима ко всем народам. Американский народ, несмотря на свою суверенность, на возможность самому делать свою историю, неизбежно проходит капиталистическую фазу развития «царство необходимости, чтобы осуществить царство свободы» (стр. 38).

Эта формула Маркса приводится во всех статьях сборника и с комментариями, придаваемыми ей особенно в статье К. Тулина, получает характер вредной доктрины, проводимой так называемыми русскими марксистами. Эта доктрина заключается в учении о борьбе классов, вследствие взаимной противоположности интересов,—борьбе, для которой нужна боевая организация рабочих, так как иначе невозможно оградить свободу труда от эксплуатации капитала. Разрешение этой задачи нелепо возлагать на государство, которое по самой природе своей на стороне капитала, угнетающего труд, и развитие капитализма—естественный продукт всего политического и экономического строя современной жизни.

Таков смысл учения русских марксистов, возведенного ими в своего рода экономический догмат, ключ к пониманию которого дает статья К. Тулина, представляющая наиболее откровенную и полную программу марксистов. Выписка из Энгельса в статье Кузнецова, почему крупная промышленность, отрывая работников от земли, служит целям прогресса, подготовляя и ускоряя социальный переворот, как нельзя более подтверждает это заключение. Изгнание рабочего из его собственного дома—необходимое условие для духовной эмансипации последнего, оно является началом серьезного движения рабочих, которое не могло возникнуть, пока рабочие жили замкнутою жизнью в своих собственных жилищах. Развитие капитализма, лишив рабочих собственного жилища, сомкнуло их в особый класс, выступивший в решительную борьбу. Только пролетариат, созданный современной крупной промышленностью, освобожденный от всех традиционных цепей и, между прочим, тех, которые привязывали его к земле, и собранный в больших городах, способен *совершить великое общественное преобразование, которое положит конец всякой эксплуатации одного класса другим и всякому классовому господству*». Приведя эти слова Энгельса, Кузнецов замечает: «Нашим народникам и субъективистам, ноющим о развитии у нас капитализма, полезно вдуматься в эти строки. (II отдел сборника, статья Д. Кузнецова «Пессимизм, как отражение экономической действительности», стр. 221—222.) Автор статьи «Экономическое содержание народничества» К. Тулин учит народников, «как заставить колесо вертеться в другую сторону», для чего надо, объясняет он, против таких личностей (представителей капитализма) обратиться тоже к таким личностям (рабочим), против класса обратиться тоже к классу. Для кого весьма недостаточно добрых и невинных пожеланий на счет ближайших путей, для этого нужно перераспределение социальных сил между классами (II отд. сборника, стр. 16). Тот же автор упрекает народников в непонимании действительных отношений, что доводит их до такой нелепости, как обращение к государству за помощью против капитализма.

В статье К. Тулина «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве» особенное внимание обращает первая глава («Подстрочный комментарий к народнической profession de foi», стр. 1—19 второго отдела сборника). В ней автор разбирает статью одного из народников под заглавием «Новые всходы на народной ниве», напечатанную в «Отечественных Записках» за 1879 г. (из первого тома журнала в отделе современного обозрения), объясняя различие между доктринами, приводящими к народничеству и марксизму, и различие их в понимании истории и действительности (стр. 4). Он говорит, что народники продолжают няньчиться с этим обществом, противоречия которого ими превосходно характеризованы, угощают изображением ужасов грядущего капитализма, грозящего зла, призывают его представителей сойти с неправильного пути, на который они уклонились, а марксисты обращаются исключительно к тем, кто отграничивает себя от об-

щества, кто не удовлетворяется и не может удовлетвориться «утробными процессами» (стр. 6 и 7). Хваля народника «Отечественных Записок» за верную характеристику деревни и гнетущих ее условий, К. Тулин замечает: «хороша характеристика, и как мелки выводы из нее, как верно подмечены факты, и как мизерно объяснение и понимание их». Мы видим тут гигантскую пропасть между desider'атами насчет защиты труда и средствами их осуществления (стр. 6). Народник «Отечественных Записок» видит, как капитализм подчинил себе не только все области народного труда, но даже и прогрессивную литературу, преподносящую буржуазные меры от имени народа и во имя народа, несмотря на это он, т.-е. народник, не хочет признать, что дело в особой организации нашего общественного хозяйства, и утешает себя мечтами, что это только грустное явление, созданное гнетущими условиями. А если-де не держаться теории невмешательства, тогда можно устранить эти условия. Да, если бы да кабы. Но никогда еще не бывало на Руси политики невмешательства, всегда было вмешательство... в пользу буржуазии, и только сладкие грезы послеобеденного спокойствия могут породить надежду на изменение этого без перераспределения социальной силы между классами (стр. 6).

Далее К. Тулин упрекает народников в подрумянивании истины, когда они утверждают, что наших представителей капитализма берет раздумье от доходящих до них голосов, что мещанство только наглый временщик, что наука его не выдерживает критики, а нравственный кодекс никуда не годится. Это-то русская буржуазия сожалеет о прошлом и раздумывает о будущем,—иронически восклицает он. Подлецы, хотите морочить самих себя, будто бы русская буржуазия смущена голосами о негодности мещанства. Не наоборот ли: не смутились ли эти голоса (т.-е. голоса народников), когда на них хорошенько прикрикнули, и не они ли это проявляют раздумье о будущем, намекая, что теперь сравнительно с семидесятыми годами народники посмирились (стр. 8). Беда в том, что превосходные намерения народников всегда оставались в области невинных пожеланий. Поэтому пускай они пеняют на себя, если теперь марксисты выдвигают требования действительности, требования полного разрыва с гражданской порядочностью российских порядочных буржуев (стр. 12 и 13).

«Мы переживаем в настоящее время чрезвычайно важный исторический процесс,—писал в 1879 г. автор статьи «Новые Всходы»,—процесс формирования третьего сословия. Перед нашими глазами совершается подбор представителей и происходит организация новой общественной силы, которая готовится управлять жизнью». Только еще готовится?—укоризненно спрашивает К. Тулин.—А кто же управляет? Какая другая общественная сила? Уж не народ ли, трудящиеся? Мы не в 1879 г., т.-е. не накануне диктатур сердца, когда на крайних консерваторов показывали на улицах пальцами и хохотали над ними во всю глотку. Мы в 1894 г., когда такие мечты непозволительны, когда сила, представляемая капитализмом, не готовится,

а давно уже приготовилась и давным давно управляет (стр. 13). Вслед затем автор упрекает народников в непонимании социального движения не только в России, но и на Западе. Наши народники не в состоянии понять, что с капитализмом можно бороться, не задерживая его развития и ускоряя его не сзади, а спереди» (стр. 14).

Буржуазия владеет такой материальной силой, что посылает народ на борьбу, и гнет в свою сторону политику; автор упрекает народников в абсолютной нелепости, каковая, по его мнению, заключается в обращении к государству за разрешением социального вопроса, как будто политические порядки не коренятся в экономических, не выражают их, не служат им (стр. 15). Плохо то, что народники не хотят видеть связи между государством и капиталистической организацией русского общественного хозяйства. Несколько ниже К. Тулин говорит: «Народники, считая буржуазию случайностью, не видят связей ее с государством и с доверчивостью простодушного мужичка обращаются за помощью к тому, кто именно охраняет его интересы», и т. д. (стр. 15). Будучи враждебно настроены против капитализма, народники не понимают, что неприятный им крупный капитализм не случайность, а прямой продукт всего современного экономического, социального, политического и юридического строя, сложившегося из борьбы взаимно противоположных общественных сил (там же). Сами же народники, представители интересов мелких производителей и потому обращаются за помощью к государству, которое всегда имеет капитал в его борьбе с трудом.

Сделав выписку из статей «Отечественных Записок», в которой говорится, что «наше третье сословие не станет прибегать ко всем прежним мерам насилия в своей борьбе с рабочим классом, а возьмет более подходящие по условиям места и времени средства и поэтому наши представители капитализма для обезземелия крестьян и создания фабричного пролетариата не станут, конечно, прибегать к грубой военной силе или не менее грубой прочистке поместий»—«не станут прибегать?!..—с негодованием восклицает К. Тулин.—Только у теоретиков слащавого оптимизма и можно встретить такое умышленное добывание фактов прошлого и настоящего, которые уже сказали свое «да» и розовое упование, что в будущем, конечно, будет «нет» (стр. 18)». Вообще К. Тулин осмеивает народников за розовые упования в будущем, невинные пожелания в настоящем и надежды, возлагаемые на меры содействия трудолюбию, трезвости и образованию, к которым так трогательно относится теперешняя либерально-народническая печать и «Русское Богатство» в том числе. Протест народников семидесятых годов против буржуазии был превосходен, но выводы мизерны. Видя, что буржуазия царит и в жизни, и в обществе, казалось бы, следовало отвернуться от общества и идти к антиподу буржуазии. Но они поступают иначе и проповедуют кредит для настоящих бедняков (стр. 18 и 10). Марксисту остается,—объясняет публицист сборника,—только подчеркнуть то, что говорили народники, и согласиться, что, дей-

ствительно, все это—не более как представительство 3-го сословия, и, следовательно, люди, пекущиеся об этом, — не более как маленькие буржуи (стр. 19). Это наш ответ современным народникам, которые из презрительного отношения марксистов к подобным мерам заключают, будто бы они хотят сидеть сложа руки, быть только зрителями. Да, конечно,—замечает К. Тулин,—марксисты никогда не вложат свои руки в буржуазную деятельность.

Сделав выписку из статьи «Отечественных Записок», в которой автор говорит, что армия, стоящая за интересы капитализма, образуется выходцами из народа, мелкой буржуазии, составляющей строевое войско этой армии, генеральный штаб которой состоит из публицистов, ораторов и ученых, К. Тулин в выписке объясняет: «Следовало добавить: администраторов бюрократии. Иначе указание состава «генерального штаба» грешит невозможной неполнотой, невозможной по русским особенно условиям» (стр. 19 и прим. к ней). Таково направление и характер первой главы статьи К. Тулина «Экономическое содержание народничества (отдел II, стр. 1 — 49). Следующая глава той же статьи, посвященной критике «народнической социологии» составлена хотя и в том же духе, но касается менее острых вопросов и в ней менее резко выражается вышеприведенное учение марксистов и их тенденции (стр. 49 — 74). То же самое следует сказать и о III главе этой статьи (стр. 74—97). Глава же IV «Объяснение некоторых черт пореформенной экономики в России» заключает в себе превратное и вредное суждение о крестьянской реформе и несправедливости выкупа крестьянами своей земли, как утверждает К. Тулин, повторяя рассуждения на эту тему — крайне предосудительные софизмы — г. Скворцова в статье I отдела сборника, под заглавием «Итоги крестьянского хозяйства» (стр. 43, 44 и 45). Скворцов вместе с Тулиным разглагольствует о вопиющей несправедливости выкупа земли, которая принадлежала крестьянам по праву, как удостоверяют они. Крестьян заставили,—пишет Скворцов,—выкупать свою собственную землю, на которую они имели такое же крепостное право, как и помещики. Выкуп крестьянами земли он называет ужасающим по своей несправедливости фактом, в котором народники мечтают видеть какой-то фантастический выкуп новинностей (первый отдел сборника, стр. 44), а К. Тулин объясняет: только буржуи способны затушевать этот факт выкупа и толковать о том, будто бы освобождение крестьян было сделано в России с землей (второй отдел сборника, стр. 98). В виду всего вышеизложенного необходимо признать:

1) что настоящий сборник имеет в виду распространение доктрины, направленной против существующего общественного и государственного порядка, при чем русские марксисты, выступившие в этом сборнике, в своих комментариях и выводах из экономической теории Карла Маркса в том виде, как она изложена в его трактате «О Капитале», заходят далее его самого, очевидно, руководствуясь не только научными и критическими исследованиями в области политической экономии,

но и агитаторскою деятельностию во главе Интернационального Общества Рабочих, основанного с целью возбуждения классовой борьбы между представителями труда, рабочими и представителями капитала, и под которыми русские марксисты, как это видно из статьи К. Тулина, разумеют буржуазию в самом широком смысле, причисляя к органам ее все установленные государством власти;

2) что в статье К. Тулина «Экономическое содержание народничества» государство выставлено пособником и союзником капитализма, угнетающего и эксплуатирующего народный труд, при чем осмеяны, как явная нелепость, невинные пожелания тех, кто ожидает разрешения вопроса о народных нуждах и удовлетворения социальных потребностей от государственной власти;

3) что как в названной статье К. Тулина, так и в статье Скворцова «Итоги крестьянского хозяйства» высказаны крайне вредные суждения о крестьянской реформе и допущены злонамеренные толкования правильности выкупа крестьянами земли;

4) что в статье Д. Кузнецова «Пессимизм, как отражение экономической действительности», содержится выписка из брошюры Энгельса, ученика и последователя Маркса, указывающая, что разрешение социального вопроса, т.-е. освобождение одного класса от эксплуатации другими, надо искать в рабочем движении, ибо только пролетариат, собранный в больших городах, освобожденный от традиционных цепей, способен совершить великое общественное преобразование, которое положит конец эксплуатации обездоленных классов, представителей труда;

5) что циркуляром главного управления по делам печати, от 14 января 1894 г., за № 280, указано, что по распоряжению г. министра внутренних дел воспрещена перепечатка вторым изданием первых двух томов русского перевода сочинения Карла Маркса «О капитале», между тем настоящий сборник статей не только распространяет изложенное в этом сочинении учение, но и тенденциозно применяет его к нашей общественной жизни, отрицая в принципе всякие мероприятия с целью улучшения экономического положения народа, исходящие от государства.

Посему, усматривая в сборнике статей под заглавием «Материалы к характеристике нашего хозяйственного развития» вредное направление, клонящееся к потрясению существующего порядка и притом высказанное не в качестве отдельного, личного мнения, а как бы в виде программы русских последователей учения Маркса, я, на основании 95 и 149 статей цензурного устава, представляю о сем комитету.

10 мая 1895 г.

Цензор Матвеев.

Письма К. П. Победоносцева к Александру III.

Письма К. П. Победоносцева к Александру III, обнимающие собою период от 3 марта 1881 г. до 4 мая 1881 г., представляют собою документы исключительной исторической ценности. Только знакомство с ними дает возможность читателю разобраться в той закулисной борьбе, которая велась между реакционными кругами с Победоносцевым во главе, с одной стороны, и умеренными либералами во главе с М. Т. Лорис-Меликовым — с другой. Письма ярко освещают нити внутренней политики в первые месяцы нового царствования, отчетливо отражая влияние и значение в этом направлении К. П. Победоносцева.

Переписка Победоносцева с Александром III началась с 1865 г., с момента, когда Победоносцев был назначен воспитателем нового наследника престола. С тех пор Победоносцев пользовался каждым удобным случаем для переписки с своим воспитанником. Особенно была значительна переписка в период 1876—1878 г.г., рельефно отражающая отношение Победоносцева к войне и правительственным настроениям того времени. Письма этого периода были резкой критикой и системы управления, и лиц, принимавших в нем участие. Представители «мнимо-либерального направления», во главе с в.к. Константином Николаевичем, подвергаются едкой критике Победоносцева, который считает, что вся система управления никуда не годится, что принятый правительством курс противоречит исконным государственным интересам России и расшатывает верховную власть, подрывая доверие к ней; только сильная власть может вывести страну из ее тяжелого политического состояния и спасти русскую государственность; только твердая власть будет общенародной, и никакая другая власть не будет пользоваться доверием русского народа. Высказывая в каждом письме одни и те же мысли и вскрывая политические ошибки, а иногда и опорочивая стоявших у власти лиц, Победоносцев заставлял своего корреспондента проникаться убеждением в том, что только переход к новой системе управления, охранительно-консервативной, может спасти Россию от революционных бурь и потрясений. Надо было только терпеливо ждать. Впрочем, терпение оказалось непродолжительным. Событие 1-го марта 1881 г.открыло наследнику Александру Александровичу путь к императорскому трону. Умный, осторожно-лукавый царедворец получил возможность свести счеты с своими политическими противниками и осуществить вполне сложившуюся реакционную политическую программу.

Победоносцев настойчив, но очень осторожен в своих советах и указаниях новому императору. Зато он беспощаден в характеристике своих политических врагов и не успокаивается до тех пор, пока все они добровольно или невольно должны были удалиться от государственных дел и уйти в неприятную для них отставку. Письма за указанный период вразвинают ту положительную политическую программу, которая отчетливо отражала реакционные вожделения дворянских общественных кругов.

Уже в письме от 3 марта Победоносцев спешит начертать свою программу и убедить нового императора в необходимости ее немедленного осуществления. Считая, что первые шаги нового императора будут иметь первостепенной важности политическое значение, Победоносцев убеждает Александра III «не упускать случая заявлять свою решительную волю». Нужно, чтобы все «слышали и знали» сакраментальные слова императора: «Я так хочу, или я не хочу и не допущу»...

Победоносцев не уверен в том, что новый император проникнется его убеждением и настроением. Из опасения, что его политические враги смогут подчинить своему влиянию Александра III, Победоносцев в письме от 6 марта, развивая те же мысли и указывая, что настал час «спасать Россию и себя», умоляет императора «не верить и не слушать» тех, кто «будет вам петь грустные песни сирены о том, что надо успокоиться, надо продолжать в либеральном направлении, надобно уступить так называемому общественному мнению». «Один только и есть верный, прямой путь,—думает Победоносцев,—стать на ноги и начать, не засыпая ни на минуту, борьбу, саму ю святую, какая только бывала в России. Весь народ ждет вашего властного решения, и как только почует державную волю, все поднимется, все оживится, и в воздухе посвежеет». Надо торопиться, так как народ возбужден, озлоблен, и если еще продлится неизвестность, можно ожидать бунтов и кровавой расправы. Так запугивал своего не совсем удачного воспитачника Победоносцев, в то же время стремясь опорочить тогдашних представителей власти, действия которых, по его словам, в глазах народа являются только изменой.

Оставлять у власти прежних лиц нельзя. Лорис-Меликов «фокусник и может еще играть в двойную игру... Он приведет вас и Россию к погибели. Он умел только проводить либеральные проекты и вел игру внутренней интриги. Он—не патриот русский...» Так характеризует Победоносцев главу своих политических противников. Сабуров, управляющий министерством народного просвещения, «не может быть долее терпим на месте: это совсем тупой человек, и тупость его наделала много бед и с каждым днем больше делает».

Заседание государственного совета 8 марта 1881 г. приободрило Победоносцева, сумевшего нанести тяжеловесные удары своим противникам и привлечь на свою сторону Александра III. Поэтому Победоносцев уже в письме от 20—21 марта действует увереннее и смелее, настоятельно рекомендуя барона Николаи на место Сабурова и предлагая в следующем письме вполне готовую программу реорганизации народного образования от университета до начальной школы. Тут впервые была высказана Победоносцевым мысль о милых ему «церковно-приходских школах», так как в первоначальном образовании министерству народного просвещения необходимо искать главной опоры в духовенстве и в церкви.

Правительственный курс в течение марта и начале апреля 1881 г. не получил достаточно отчетливого выявления. Победоносцев опять насторожился, почуяв какую-то грозившую ему опасность.

В письме от 15 апреля Победоносцев стал напоминать «о крайней необходимости установить как можно скорее в общем совещании те начала, которыми должно руководиться новое правительство в своей деятельности». Вопрос о созыве совещания был решен положительно. Победоносцев одержал победу. Это окрылило его надеждами и дало ему смелость высказать несколько мыслей в письме от 20 апреля относительно состава предположенного совещания.

Совещание состоялось 21 апреля. Победоносцев снова потерял почву под ногами. Письмо от 25 апреля 1881 г. может служить отражением охватившего Победоносцева волнения и беспокойства. В письме от 21 апреля Победоносцев, в сознании, что почва заколебалась под его ногами, выступает самым решительным образом против своих противников, указывая императору, что слова, сказанные в присутствии государя, будто «вся Россия ждет новых учреждений», являются «ложью», ненамеренной, по всей вероятности, но обнаруживающей незнание «вовсе России и народа». Необходима определенная формулировка воли и настроения правительства посредством публикации манифеста. Победоносцев взял на себя труд составить проект манифеста и изложить политическое credo нового правительства, начало политики твердой власти. Проект манифеста был одобрен и 29 апреля 1881 г. был опубликован в Петербурге. Опубликование манифеста—победа политических реакционеров во главе с Победоносцевым. Всем стоявшим за другой правительственный курс невозможно и лишне оставаться у власти. Политические противники Победоносцева оказались разбитыми. Они незаметно сошли с политической арены. На дороге Победоносцева уже никто не стоял. Наступила эпоха мракобесия Победоносцевщины...

В. Пичета.

Письма К. П. Победоносцева к Александру III.

I.

Ваше императорское величество.

Не могу успокоиться от страшного потрясения. Думая об вас в эти минуты, на кровавом пороге, через который богу угодно провесть вас в новую судьбу вашу, вся душа моя трепещет за вас—страхом неведомого, грядущего на вас и на Россию, страхом великого, несказанного бремени, которое на вас ложится. Любя вас, как человека, хотелось бы, как человека, спасти вас от тяготы в привольную жизнь; но на это нет силы человеческой, ибо так б л а г о в о л и л б о г! Его была святая воля, чтобы вы для этой судьбы родились на свет, и чтобы брат ваш возлюбленный, отходя к нему, указал вам на земле свое место.

Народ верит в эту волю божию,—и по его велению возлагает надежду свою на вас и на крепкую власть, богом врученную вам. Да благословит бог! Да ободрит вас молитва народная, а вера народная да даст вам силу и разум—править крепкою рукою и твердою волей.

Простите, ваше величество, что не могу утерпеть, и в эти скорбные часы подхожу к вам с своим словом: ради бога, в эти первые дни царствования, которые будут иметь для вас решительное значение, не упускайте случая заявлять свою решительную волю, прямо от вас исходящую, чтобы все слышали и знали: «я так хочу, или я не хочу и не допущу».

Гнетет меня забота о вашей безопасности. Никакая предосторожность—не лишняя в эти минуты. Не я один тревожусь: эту тревогу разделяют все простые русские люди. Сегодня было у меня несколько простых людей, которые все говорят со страхом и ужасом о Мраморном дворце. Мысль эта коренилась в народе.

Смею еще напомнить вашему величеству о Баранове [1]). Это человек преданный вам—я знаю, и умеющий действовать, когда нужно. Его ждут сюда из Ковно послезавтра.

Вашего императорского величества верноподданный

3 марта 1881 г. *Константин Победоносцев.*

---

[1]) Прим. см. в конце тома.

II.

Ваше императорское величество.

Измучила меня тревога. Сам не смею явиться к вам, чтоб не беспокоить, ибо вы стали на великую высоту. Не знаю ничего,—кого вы видите, с кем вы говорите, кого слушаете, и какое решение у вас на мысли. О, как бы я успокоился, когда бы знал, что решение ваше принято, и воля вашего величества определилась.

И я решаюсь опять писать, потому что час страшный, и время не терпит. Или теперь—спасать Россию и себя,—или никогда.

Если будут вам петь прежние песни сирены о том, что надо успокоиться, надо продолжать в либеральном направлении, надобно уступить так называемому общественному мнению,—о, ради бога, не верьте, ваше величество, не слушайте. Это будет гибель, гибель России и ваша: это ясно для меня, как день. Безопасность ваша этим не оградится, а еще уменьшится. Безумные злодеи, погубившие родителя вашего не удовлетворятся никакой уступкой и только рассвирепеют. Их можно унять, злое семя можно вырвать только борьбой с ними на живот и на смерть, железом и кровью. Хотя бы погибнуть в борьбе, лишь бы победить. Победить не трудно: до сих пор все хотели избегать борьбы и обманывали покойного государя, вас, самих себя, всех и все на свете; потому что то были не люди разума, силы и сердца, а дряблые евнухи и фокусники.

Нет, ваше величество: один только и есть верный—прямой путь, встать на ноги и начать, не засыпая ни на минуту,—борьбу, самую святую, какая только бывала в России. Весь народ ждет вашего властного на это решения, и как только почует державную волю, поднимется, все оживится, и в воздухе посвежеет.

Народ возбужден, озлоблен; и если еще продлится неизвестность, можно ожидать бунтов и кровавой расправы. Последняя история с подкопом приводит в ярость еще больше народное чувство. Не усмотрели, не открыли; ходили осматривать и не нашли ничего. Народ одно только и видит здесь—и з м е н у,—другого слова нет. И ни за что не поймут, чтоб можно было теперь оставить прежних людей на местах.

И нельзя их оставить, ваше величество. Простите мне мою правду. Не оставляйте графа Лорис-Меликова. Я не верю ему. Он фокусник и может еще играть в двойную игру. Если вы отдадите себя в руки ему, он приведет вас и Россию к погибели. Он умел только проводить либеральные проекты и вел игру внутренней интриги. Но в смысле государственном он сам не знает, чего хочет,—что я сам ему высказывал неоднократно. И он—не патриот русский. Берегитесь, ради бога, ваше величество, чтоб он не завладел вашею волей, и не упускайте времени.

А если не он, то кто же! Ваше величество—я их всех вижу и знаю, каких грошей они стоят. Изо всех имен имею назвать вам разве гр.

Николая Павл. Игнатьева. Он имеет еще здоровые инстинкты и русскую душу, и имя его пользуется доброю славой у здоровой части русского населения—между простыми людьми. Возьмите его на первый раз, но кого-нибудь в е р н о г о надобно взять немедленно.

Петербург надобно было с первого же дня объявить на военном положении: в Берлине после покушения тотчас сделали это и умели распорядиться немедленно.

Это—проклятое место. Вашему величеству следует тотчас после погребения в ы е х а т ь о т с ю д а—в чистое место, хотя бы в Москву, и то лучше, а это место бросить покуда, пока его еще очистят решительно. Пусть здесь остается новое ваше правительство, которое тоже надобно чистить сверху донизу.—Здесь в Петербурге люди найдутся, авось. Завтра сюда приедет Баранов: еще раз смею сказать, что этот человек может оказать вашему величеству великую службу, и я имею над ним нравственную власть.

Новую политику надобно заявить немедленно и решительно. Надобно покончить разом, именно теперь, все разговоры о свободе печати, о своеволии сходок, о представительном собрании. Все это ложь пустых и дряблых людей, и ее надобно отбросить ради правды народной и блага народного.

Сабуров не может быть долее терпим на месте: это совсем тупой человек, и тупость его наделала много бед, и с каждым днем больше делает. В приискании ему преемника было бы не так много затруднений. Из называемых кандидатов всех серьезнее барон Николаи; но в ожидании прочного назначения есть возможность немедленно поручить управление Делянову, которого знает все ведомство очень близко, и человек здравого духа.

Ваше величество. Простите меня за откровенную речь. Но я не могу молчать—долг мой говорит вам, если не ошибаюсь. Вам никогда не было неудобно слушать меня. Вы, конечно, чувствовали,—при всех моих недостатках,—что я при вас ничего не искал себе, и всякое слово мое было искреннее. Бог меня так поставил, что я мог говорить вам близко, но верьте, счастлив бы я был, когда бы не выезжал никогда из Москвы и из своего маленького домика в узком переулке.

Страх берет меня, когда думаю, что вы—одиноки, и не на кого вам опереться. Ради бога, если бы вы пожелали ближе поговорить о том, что я пишу, прикажите мне явиться,—я каждый час и каждую минуту на службе вашей. Сам собою я теперь не вправе явиться к вам. Позовите к себе старика гр. Строгонова: он человек правды, старый слуга ваших предков, свидетель и деятель великих исторических событий. Он на краю гроба, но голова его свежа, и сердце его русское. Нет другого человека в России, с кем было бы благоприятнее вам иметь совет в эту страшную минуту. Сегодня он приезжал ко мне, взволнованный, расстроенный, исполненный тревожной заботы об вас и об России.

Боже! Боже! Спаси нас.

Но мы люди божии и должны действовать. Судьбы России на земле—в руках вашего величества. Благослови, боже, вас сказать слово правды и воли, и вокруг вас соберется полк истинно русских здоровых людей—вести борьбу на жизнь и на смерть за благо, за всю будущность России.

Вашего императорского величества верноподданный

6 марта 1881 г. *Константин Победоносцев.*

III.

Ваше императорское величество.

С каждым днем больше убеждаюсь в основательности того, что писал вам 6-го марта, и вновь горячо прошу вникнуть в тогдашние слова мои. Именно в эти дни—нет предосторожности излишней для вас. Ради бога, примите во внимание нижеследующее.

1. Когда собираетесь ко сну, извольте запирать за собою двери—не только в спальне, но и во всех следующих комнатах, вплоть до выходной. Доверенный человек должен внимательно смотреть за замками и наблюдать, чтобы внутренние задвижки у створчатых дверей были задвинуты.

2. Непременно наблюдать каждый вечер, перед сном, целы ли проводники звонков. Их легко можно подрезать.

3. Наблюдать каждый вечер, осматривая под мебелью, все ли в порядке.

4. Один из ваших адъютантов должен бы был ночевать вблизи от вас, в этих же комнатах.

5. Все ли надежны люди, состоящие при вашем величестве? Если бы кто-нибудь был немного сомнителен, можно найти предлог удалить его.

Дней через десять, через пятнадцать многое может разъясниться; но до тех пор, ради бога, будьте осторожны на каждую минуту.

Бог да хранит вас со всем вашим домом. Много простых душ за вас молятся.

Вашего императорского величества верноподданный

11 марта 1881 г. *К. Победоносцев.*

IV.

Ваше императорское величество.

Исполнил сегодня приказание ваше, виделся и говорил с бароном Николаи, но застать его мог лишь в поздний час, так что не успел доложить об этом сегодня же вашему величеству.

Барон Николаи в откровенном разговоре изложил мне причины, не дозволяющие ему желать себе этого назначения.

«Он принадлежит к старому поколению и к школе и практике прежнего времени; хотя занимался постоянно педагогией, но отстал от требований нового времени и нового поколения. Управлял довольно долго учебною частью на Кавказе и был в течение одного года товарищем министра народного просвещения; но с той поры прошло много времени, и кавказские условия были особенные. Ныне в министерстве он не знает людей и должен мало-по-малу узнавать их; между тем силы его слабеют, и он, имея 60 лет от роду, не может рассчитывать на продолжительный период деятельности. Наконец,—он лютеранин, и в этом обстоятельстве может быть неудобство, хотя он религиозный человек и привык уважать все вероисповедания. Вдовый, одинокий, он имеет единственное утешение в том, что проводит лето в имении своем на Кавказе и рассчитывал даже провести там всю зиму».

Барон Николаи, объяснив все это, прибавил однакоже, что несмотря на все влечения свои в другую сторону, он считал бы священным долгом своим повиноваться призыву и приказанию вашего величества, если б вам угодно было к нему обратиться и дать ему твердые указания для деятельности.

Вот положение дела. Позволяю себе доложить вашему величеству, что я, по совести и разумению своему, не знаю другого лица, кого бы можно было серьезно назвать в настоящую минуту для этой должности, кроме барона Николаи. Кого не перебираю в памяти, никто не соответствует. Он слыл на Кавказе тяжелым человеком, особливо в отношении к великому князю и к его приближенным. Но он человек с достоинством, серьезных правил, в которых очень упорен, серьезных приемов, бесспорно умный и всесторонне образованный, и, сколько я знаю, человек с сердцем, хотя несколько сух в обращении. Для того, чтобы быть министром, требуется серьезная и спокойная постановка, которая у него есть, и которой не найдешь в других кандидатах.

Затем—необходимо сознаться, что в нынешнюю несчастную пору надобно быть очень легким человеком, чтобы желать звания министра ради почета и выгоды. Для серьезного человека—это великое бремя и жертва великая. Но ввиду того бремени, которое лежит на вашем величестве, и великих прав и обязанностей ваших по управлению государством вы имеете святое право требовать всякой жертвы от всякого, и никто не имеет права отказываться от вашего призыва на всякое служение, как бы оно ни было тяжко. Уклониться в это время было бы так постыдно, как офицеру уклониться от службы в военное время и в виду сражения. Весь вопрос в том, кого и к чему вы признаете годным и способным. Теперь особенно тяжело принять должность министра народного просвещения после того, как она принижена в лице Сабурова; но тем более настоит надобности возвысить ее, хотя бы пришлось потребовать нелегкой жертвы.

На случай, если бы вашему величеству благоугодно было спросить у меня ближайших объяснений о моем разговоре с бароном Николаи, я

буду иметь честь явиться в Аничков дворец завтра, в субботу, в 2 часа пополудни или в такое время, какое вам угодно будет назначить.

Вашего императорского величества верноподданный

20—21 марта, ночью, 1881 г. *Константин Победоносцев.*

V.

Посреди множества диких явлений в так называемой интеллигенции одно утешительно видеть и чувствовать, как народ (который иные готовы назвать лишь неразумною массою) относится к великому народному бедствию. Умилительно видеть, что происходит теперь с утра до вечера на месте катастрофы. Сегодня жена вернулась в слезах, простояв час посреди плачущего и молящегося народа. Деньги загребают пригоршнями; городовой ссыпает их в кружку на эстраде, и народ ропщет только, что сами не могут положить в кружку. Беспрерывно служатся панихиды.

А вот трогательный документ, только что привезенный мне кн. Хованским из Тамбовской деревни, где он сам был свидетелем, как крестьяне делали на сходке это постановление. Во многих местах слышится желание, как они говорят, поскорбеть, и вот этому чувству находят исход в установлении из рода в род ежегодного поста в день 1 марта. Люди, называющие себя образованными, станут, пожалуй, смеяться над этим; но—как это просто, искренно и трогательно!

Позволю себе выразить еще одну мысль, отвечающую общему желанию всех православных русских людей. Всему православному миру показалось очень горько и даже страшно распоряжение об открытии театров в великий пост. Народное чувство пришло в великий соблазн: добрые люди качали головами и говорили про себя: быть бедам.

Нынешнее страшное бедствие постигло Россию именно в начале великого поста, и пришлось закрыть театры. Не служит ли это новым указанием на то, что прилично было бы теперь, и в память этого страшного греха, освятить великий пост восстановлением закона о закрытии спектаклей в это время. Дирекция театров будет возражать уменьшением сборов и доходов,—но что значит денежная сумма в сравнении с народным соблазном.

22 марта 1881 г. *Константин Победоносцев.*

VI.

В министерстве народного просвещения всего важнее и всего затруднительнее в настоящую минуту вопрос об университетах.

Правительство пошло в последнее время, очевидно, фальшивым путем, предприняв узаконение сходок. Этого желала только худшая часть студентов и профессоров,—к несчастью, правительство думало

найти опору именно в этой худшей части. Напротив, большинство студентов никогда не желало этого, предвидя от этого беспорядки, мешающие только тишине, необходимой для занятия. Ныне университет стал местом постоянной сходки, которую ведет меньшинство (здесь, напр., около 250 человек из 2 тысяч), а масса приходит на сходку, как на зрелище, но не в силах прекратить беспорядок без содействия власти; а власть, к сожалению, почти всюду сосредоточена посредством выбора в руках у худших профессоров, которые или сами люди беспорядка, или запуганы дурными студентами.

Вот положение, которое надо прекратить во что бы то ни стало. Надобно только сосредоточить власть в твердых руках и прекратить сходки, предводимые всего дюжиною негодяев, за коими следуют прочие, как стадо. Масса студентов утомлена и раздражена владычеством этой кучки беспорядочных людей и будет рада всякой мере, способствующей водворению порядка.

Из университета смута начинает уже проникать и в гимназии. Остановить ее не трудно. Стоит только дать твёрдую опору людям порядка, которых везде много, но которые всюду обескуражены действиями министерской власти, обращавшейся по какому-то странному ослеплению всюду не к лучшим, а к худшим людям.

Власть попечителей повсюду намеренно расшатана или отвергнута вовсе министерством, так что серьезные люди отказываются занять должность попечителя. Необходимо восстановить и утвердить эту власть. Люди для нее найдутся немедленно, как скоро увидят, что правительство имеет твердую мысль и твердые основания для деятельности.

Необходимо обратить внимание на вопрос об устройстве средних школ, в коих люди низшего класса могли бы получать нехитрое, но солидное образование, нужное для жизни, а не для науки, которой не все могут посвятить себя. К несчастью нашему, все наши гимназии рассчитаны на то, чтобы проводить массу дальше и дальше к университетам: отсюда фальшивая тяга кверху, а отпадающие недоучки гибнут, отрываясь от среды своей. Давно уже все благомыслящие в России вопиют о прекращении этого зла. Еще на-днях депутаты, собравшиеся сюда по случаю несчастного события, на собрании у гр. Бобринского громко заявляли об этой нужде.

Этой мысли всегда держался, как мне известно, и барон Николаи. Он же обращал всегда особенное внимание на ошибки правительства в устройстве женского образования в так назыв. женских гимназиях и на женских высших курсах. Это дело великой важности, в которое положено много фальшивых начал. Бар. Николаи имеет об нем здравые понятия.

Народные школы—предмет великой важности. Здесь тоже прежнее министерство шло едва ли верным путем; умножая сеть школ и наполняя их учителями, подготовляемыми в учительских семинариях, оно не в силах было следить за этими учителями, которых само искусственно отрывало то крестьянской среды. Учительские семинарии—учреждение,

едва ли правильно поставленное и стоящее весьма дорого. В народном первоначальном образовании министерству народного просвещения необходимо искать главной опоры в духовенстве и в церкви. Эта именно мысль была заявлена и принята в последнем заседании комитета министров, и обер-прокурору синода предоставлено разработать вопрос о церковно-приходских школах с обещанием дать необходимые для того средства.

Хорошие люди есть всюду: одно требуется, чтоб они почувствовали, что их поддерживает крепкая власть и твердая мысль: тогда все они ободрятся, а дурные элементы ослабеют.

22 марта 1881 г.

VII.

Долгом почитаю доложить вашему императорскому величеству, что сейчас я говорил с Набоковым, вернувшимся из суда в 1 час ночи. Впечатления его совершенно расходятся с тем, что дошло до сведения вашего величества, и что было мне передано. Он вполне доволен ходом заседания и всем, что в нем происходило сегодня: по словам его, все присутствовавшие вынесли такое же впечатление. Председатель, по словам Набокова, был очень строг и не дозволял говорить ничего лишнего подсудимым, которые вообще держали себя прилично. Их нельзя было разобщить,—говорит Набоков,—потому, что прежде этого не делали, и что оказывалось всегда неудобным жандармам с и д е т ь между подсудимыми. Желябова оставили сидеть рядом с Перовскою, так как уже считают их за отпетых людей.

В 10 часов утра Набоков явится к вашему величеству.

Пятница 2 часа ночи. *К. Победоносцев.*

Марта 1881 [1]).

VIII.

Уезжая сегодня до пасхи в Сергиеву пустынь, позволяю себе представить вашему императорскому величеству стихотворение на кончину в бозе почившего государя императора, написанное кн. Н. П. Мещерским, бывшим попечителем университета. Его прислала из Москвы Екатерина Фед. Тютчева с просьбой обратить на него внимание вашего величества.

Простые люди так свято относятся к памяти усопшего государя, что иные приезжают сюда на сороковой день, чтобы помолиться на гробе. Сегодня был у меня крестьянин, приехавший для того из Павловского посада.

[1]) Последняя строка написана карандашем.

Дай боже вам, государь, со всем вашим домом в мире встретить святую пасху Христову, и да воскреснут в этот день все наши надежды, и наболевшая душа да утешится.

Вашего императорского величества верноподданный

7 апреля 1881 г. Петербург. *Константин Победоносцев.*

IX.

Имею честь представить вашему императорскому величеству всеподданнейшее письмо Бориса Чичерина с приложенною к нему запискою по важному вопросу, состоявшему ныне на рассмотрении государственного совета.

Кто-то позаботился прислать мне по почте номер газеты «Gaulois» с корреспонденцией из Петербурга. Почитаю не лишним обратить на нее внимание вашего величества. Она показывает, какие вздорные сплетни и слухи распространяются в обществе и принимаются на веру многими.

Вчера я провел целый вечер в объяснении с графом Лорис-Меликовым и рад, что мог, наконец, говорить с ним. Сегодня он, конечно, доложит вашему величеству вновь о крайней необходимости установить как можно скорее в общем совещании те начала, которыми должно руководствоваться новое правительство в своей деятельности.

Вашего императорского величества верноподданный

15 апреля 1881 г. *К. Победоносцев.*

X.

Ваше императорское величество.

Дозвольте еще утруждать вас следующим представлением.

Вашему величеству благоугодно было призвать завтра в Гатчину всех министров, с некоторыми исключениями.

Иные из этих исключений не покажутся удивительными: так, напр. Посьет, Сольский, по специальности вверенных им управлений, могут оставаться в стороне от общего совещания. Но есть министерство, представитель коего не может принять это исключение иначе, как за выражение высочайшего недоверия и неудовольствия. В таком положении министру нельзя и оставаться в своей должности. Смею думать, что исключение министра юстиции из совещания, в коем нельзя не коснуться судебных вопросов,—будет поистине ударом и для него, и для всего министерства. Доколе Набоков остается министром юстиции и будет продолжать ездить с докладами к вашему величеству,—нравственное положение его при таком исключении из общего совещания станет невыносимо, и, что всего важнее, авторитет его власти

относительно подчиненных будет разрушен, что должно отразиться вредом на действии целого ведомства, столь существенно важного в общем государственном механизме.

Я знаю, что в таком же смущении по поводу сего распоряжения находится и граф Лорис-Меликов, но он не решается беспокоить ваше величество новым представлением. Простите, что я решаюсь, ради достоинства власти и ради общего блага, умолять ваше величество: прикажите пригласить к совещанию и Набокова, на что телеграф дает полную возможность. Не ради Набокова я забочусь об этом, но ради самого дела.

Вашего императорского величества верноподданный

20 апреля 1881 г. Петербург. *Константин Победоносцев.*

XI.

Ваше императорское величество.

Спешу возвратить с глубокою признательностью письмо Е. Н. Карамзиной. Оно очень понравилось мне: написано горячо, ясно, просто и выражает собой, что чувствуют истинно русские люди, люди с сердцем и неиспорченною мыслью. Слава богу, таких осталось еще не мало; они ничего не могут, но ждут в волнении и страхе, в чем выскажется, куда направится новое правительство.

Заседание 21 апреля у вашего величества имело результатом покуда сближение между лицами. На первый раз я и этому радуюсь, что со мной говорят без принуждения те, которые до сих пор избегали меня. Обратное наше путешествие в вагоне было образцом непринужденного друг с другом обхождения, тогда как, ехавши в Гатчину, мы сидели по углам с угрюмым видом. Жду, когда мы соберемся для общего совещания. Великий князь Владимир Александрович заметил, что все бывшее доныне разногласие происходило от недоразумений; но я боюсь, что эти недоразумения глубже, чем кажется, и должны обнаруживаться всякий раз, когда придется не говорить только речи, а приступать к действиям и распоряжениям. Рассуждать между собою нетрудно, при чем для избежания разногласий сглаживаются посредством фразы резкие оттенки взглядов и мнений; но, когда надобно приступать к решительному деланию, тут обнаруживается рознь, и сила действия парализуется.

В публике ходили и продолжают ходить самые странные слухи и ожидания по случаю этого совещания. Многие были уверены, что 15-го, потом 17-го числа произойдет и объявится нечто необыкновенное. Поднялись вновь толки о представительстве,—авось теперь несколько стихнут. Но смущение не успокоится, я убежден в том, покуда правительство не заявит себя такими действиями, которые ни в ком не оставляли бы сомнения или раздвоенной мысли.

Смею думать, ваше императорское величество, что для успокоения умов в настоящую минуту необходимо было бы от имени вашего обратиться к народу с заявлением твердым, не допускающим никакого двоемыслия. Это ободрило бы всех прямых и благонамеренных людей. Первый манифест был слишком краток и неопределителен. Часто указывают теперь на прекрасные манифесты императора Николая 19 декабря 1825 и 13 июля 1826 года.

Вместе с тем продолжаю думать, что вашему величеству необходимо появиться в Петербурге. Безвыездное пребывание ваше в Гатчине возбуждает в народе множество слухов, самых невероятных, но тем не менее принимаемых на веру. Иные из народа уже спрашивают, правда ли, что государя нет, и что это скрывают от народа. Распространение и усиление таких слухов может быть очень опасно в России, и люди злонамеренные, которых ныне так много, пользуются ими, чтобы смущать народ.

Дела так много в России,—созидательного, великого дела для всех и каждого; и когда мы дождемся, что каждый может спокойно посвятить себя с в о е м у делу и сидеть у него! Я не обманывался, когда говорил, что ныне никто не может спокойно делать свое дело. От государственного человека до сельского дьячка и до последнего гимназиста все заняты толками о политических делах и государственных переменах, сплетнями и слухами, раздражающими и смущающими душу. Главная причина—я убежден в том—газеты и журналы наши, и не могу надивиться слепоте и равнодушию тех государственных людей, которые не хотят признать этого и не решаются на меры к ограничению печати. Я был всегда того мнения, что с этого следует начать, но никто не хочет согласиться со мною.

Боже мой! дождаться бы тихой поры и сказать: ныне отпущаеши раба твоего, владыко!

Вашего императорского величества верноподданный

23 апреля 1881 г. Петербург. *Константин Победоносцев.*

XII.

Ваше императорское величество.

Вчера получено мною из Лемберга письмо на польском языке, неизвестно от кого, так как подпись неполная. Письмо, к удивлению моему, очень разумного содержания; писал его, вероятно, кто-нибудь из польских изгнанников. Согласно желанию писавшего, имею честь представить перевод письма вашему величеству.

Сегодня суббота, а общего совещания у г. г. министров еще не было, доходит до меня слух, что хотят собираться в понедельник. С прошлого вторника я и не видал никого: знаю только, что видаются между собою и совещаются люди одной партии. Я знаю также, что на совещание

у вашего величества 21 числа Лорис-М. и Абаза ехали с волнением и страхом, которому я не видел основания, а вернулись из Гатчины с великим торжеством,—которому я тоже не вижу основания. Слышу, какое толкование дается результату совещания—будто правительство будет сосредоточено в совете министров, который будет решать вопросы большинством и докладывать силою большинства вашему величеству.

Итак, я с грустным и неловким чувством пойду в совещание, когда позовут меня. Чувствую, что меня не захотят понять и не будут слушать, а я не понимаю их. Между тем я не могу уступить им того, во что верую, как в истину. Столько раз еще при жизни покойного государя в долгих спорах с Лорис-Меликовым, когда он укорял меня в упорстве, я говорил ему: я верую в единого бога—вы поклоняетесь, по моему убеждению, и д о л а м, л о ж н ы м б о г а м: как же вы хотите, чтоб я с вами согласился?

Грустно мне и то, что в. к. Владимир Александрович—тоже, видно, не хочет серьезно объясниться со мною. Правда, он никогда не показывал мне искреннего отношения; но теперь, кажется, гр. Лорис-Меликов особенно усиливается действовать на него. Зная наши разногласия, вел. князь, если б имел ко мне доверие, конечно, ради общего дела искренне объяснился бы со мною, и ему, как всем, я, конечно, сказал бы все, что думаю. Не о себе, конечно, я забочусь, а об том, чтобы выяснилось прямое дело, и явилось бы правительство, основанное на ясной, искренней мысли и на твердой воле, а не на недоразумении, на какой-то лживой сделке, в которой каждый, не веря другому, оставляет при себе заднюю мысль свою.

Между тем вся Россия ждет, все честные люди в смущении. С другой стороны все безумные, которые ждали конституции, журналисты, профессора, чиновники-либералы—проклинают меня на всех перекрестках, так как пущен слух, будто я помешал конституции.

Вчера я писал вашему величеству о манифесте и не отстаю от этой мысли. Состояние нерешимости не может длиться—в таком случае оно будет гибельно. А если принять решение, то необходимо высказаться. Я сижу второй день, обдумывая проект манифеста, посоветуюсь с графом С. Г. Строгановым и представлю на ваше усмотрение. Да благословит бог решение ваше.

Вашего императорского величества верноподданный

25 апреля 1881 г. Петербург. *Константин Победоносцев.*

XIII.

В а ш е и м п е р а т о р с к о е в е л и ч е с т в о.

Вновь являюсь и всеподданнейше прошу не погневаться за настойчивость и ежедневную докуку. Не по своей воле и не по своему вызову стал я известен вашему величеству и увидел доверчивое ваше к себе рас-

положение. Итак, в нынешние часы, когда душа моя ежеминутно болит и трепещет за вас и за Россию, как могу я молчать или бездействовать и покоиться.

Спешу представить вашему величеству выработанную мною редакцию манифеста, в коей каждое слово мною взвешено. По моему убеждению, редакция эта совершенно соответствует потребности настоящего времени. Вся Россия ждет такого манифеста и примет его с восторгом, разумеется, кроме безумных людей, ожидающих конституции. Граф С. Г. Строгонов вполне согласен с этим и вполне доволен редакцией, которую я сегодня ему показывал. Кроме его, н и к т о не знает об этом.

Вы изволите усмотреть, что тут с намерением выражена твердая воля охранять самодержавную власть—самое существенное, после чего должны уже замолкнуть толки, что сегодня или завтра явится конституция; выражено желание—не творить еще новые учреждения, но водворить порядок и правду в существующих; выражена безвозвратность освобождения крестьян в опровержение злостных толков о том, что хотят отнять свободу.

И в России, и за границею этот манифест должен произвесть самое благодетельное действие. Я знаю, что и там ждут с нетерпением и удивляются—как ничего нет до сих пор. Т а к о е с л о в о вашего величества будет иметь решительное значение.

Постараюсь завтра утром представить вашему величеству другой экземпляр, переписанный не моей рукой, а рукой писца.

Итак, если ваше величество подлинно имеет,—в чем не сомневаюсь,—твердую волю не допускать учреждений безумных, гибельных для России,—умоляю вас, не остановитесь заявить свою волю всенародно: как изволите увидеть, в редакции нет ничего резкого.

Случай к этому представляется прекрасный. В среду вы изволите приехать в Петербург, на парад, в первый раз после погребения. Молчание, бывшее до сих пор, и уединение объясняются естественным впечатлением после такой катастрофы. Но в первый раз после погребения появляясь в столицу, вы являетесь с словом к народу, содержащим в себе как бы общую программу царствования и призыв к ободрению сил и к деятельности. Понятно становится, что в первую минуту манифест 1 марта был только формальным заявлением.

Смею сказать еще: нет надобности и советоваться о манифесте и о редакции. Дело ясное до очевидности само по себе. Я боюсь, что если призовутся советники, то многие из них скажут: зачем, не лучше ли оставить намерения государя в неизвестности, дабы можно было ожидать всего от нового правительства.

Но в этой-то неизвестности и состоит величайшее зло в настоящую минуту—и великое смущение для всех русских людей.

Ведь слышал же я, в присутствии вашего величества сказано было, что в с я Р о с с и я ж д е т новых учреждений, которые были предложены. Смею уверить ваше величество, что это л о ж ь,—ненамеренная,

по всей вероятности, но горькое, роковое самообольщение мысли, *не знающей новой России и народа*. От такого-то заблуждения в правительстве мы теперь шатаемся, как пьяные, и его может разрушить только слово вашего величества, не допускающее двоякого толкования.

Манифесту следует, кажется, быть данным из Петербурга 29 апреля.

Мне представляется дело так. Если вы изволите одобрить мысль и редакцию, благоволите накануне призвать к себе министра юстиции и вручить ему бумагу для изготовления манифеста к вашему подписанию.

Если бы вашему величеству было угодно спросить у меня личных объяснений по поводу редакции, я готов явиться во всякое время.

С волнением спешу отправить это письмо. Благослови, боже, мысль и решение вашего величества.

Верноподданный

26 апреля 1881 г. Петербург [1]). *Константин Победоносцев.*

XIV.

Спешу возвратить вашему императорскому величеству письмо неизвестного лица из Парижа: мне кажется, что это письмо писано женскою рукою. Печатное к нему приложение и я получил третьего дня, только не из Парижа, а из Вены, и сам был намерен представить его вашему величеству, но думал, что по всей вероятности, быв адресовано в ваши руки, оно и без меня было вам доставлено. Письмо весьма хорошо и разумно написано.

Слышу, что на сегодняшний вечер соберут нас к совещанию. По моему мнению, дело это ведется не так, как было предположено. Я ожидал, что мы соберемся немедленно и будем между собой объясняться и сговариваться, а выходит, что нас соберут и, вероятно, будут предлагать нам заранее приготовленные предположения, т.-е. вносить в совещание проекты. Говорят мне со стороны, что и сегодня будет предложено какое-то учреждение местных земских комитетов для обсуждения вопросов разного рода. Если так, то я принужден буду возражать — если не против существа меры, то против ее своевременности; потребность настоящей минуты совсем не та: теперь дело не в новых учреждениях, а в восстановлении нормального течения дел, в восстановлении порядка, в успокоении взволнованных умов. Всякое предположение о новых учреждениях в настоящую минуту будет только возбуждать

[1]) Далее в оригинале находится текст манифеста, того самого, который был дан 29 апр. 1881 г. (см. III Полн. Собр. Законов, т. I. СПБ. 1885 г.).

новые толки и даст пищу смущению, которое прежде всего необходимо успокоить. Когда оно успокоится, тогда можно будет обсуждать и эти вопросы.

Константин Победоносцев.

28 апреля 1881 г. Петербург.

XV.

Ваше императорское величество.

Вчера вечером Набоков принес в заседание министров манифест, который был прочитан по отъезде в. к. Владимира Александровича. Смущение было общее, но, кроме смущения, у некоторых явно высказывалась досада. Лорис-Меликов и Абаза прямо сочли себя обиженными,—они с Милютиным удивлялись, можно ли было после того заседания 21 марта, где государь «выразил доверие к ним» и, так сказать, вступил с ними в «соглашение», издать такой акт без совещания с ними. И Лорис и Абаза заявили свое намерение просить об увольнении.

Спрашивали, кто писал манифест. Разумеется, я сказал, что писал я, по приказанию вашего величества. Затем я молчал, пока они говорили,—не потому, что я не имел что сказать, но для того, чтоб они не подумали, что я говорю от вашего имени.

Но теперь хочу доложить вашему величеству, что нравственное ваше отношение к этому делу и к министрам совершенно незыблемо, и напрасно они хотели бы, может быть, выставить, что вы как будто нарушили какой-то мнимый завет наш с ними. Никакого завета в этом смысле, сколько я знаю, не было: он существует в их воображении.

Я сказал бы им: если вы столь легкомысленны, что обижаетесь, то вам же хуже. Вы не конституционные министры. Какое право имели бы вы требовать, чтобы государь обращался в важных случаях к народу не иначе как через вас или по совещании с вами. Он считает себя самодержавным государем и хочет иметь к народу прямую волю и прямое слово. Если б еще слово его противоречило ходу вашего управления и мешало вам делать ваше дело,—вы были бы в затруднении. Но что вы находите в этом обращении государя к народу, кроме того, что в народе само собою разумеется, что составляет связь его с государем и что в последнее время смущало всех русских людей под каким-то тяжким сомнением. Это слово государя—не может мешать вам, и вы можете только ему радоваться. Изъявлять претензию на то, что государь предоставляет в важных случаях самому себе держать слово к народу,—по меньшей мере странно.

Вот что сказал бы я им и что теперь хочу выразить вашему императорскому величеству. Только что встало утро 29 числа—многие за вас молятся, да сохранит вас господь и да благословит.

Верноподданный

Константин Победоносцев.

29 апреля 1881 г.

XVI.

Ваше императорское величество.

Опять берусь за перо, чтобы беспокоить вас, потому что всякую минуту об вас думаю.

После вчерашнего совещания не знаю, о чем будут совещаться Лорис-Меликов с Абазою, но они несомненно совещаются, что им делать. Вчера они совещались уходить, сегодня, может быть, придут к иному решению. Но я у б е ж д е н, что своей политики они не переменят, и отношение их к вашему величеству не станет искреннее. А теперь для вас, по крайнему моему разумению, всего важнее и всего дороже, чтоб у власти были люди, которым вы верите. Насильственное, натянутое продолжение тех же отношений поведет только к усиленному раздражению. Они чувствуют, что вы им не доверяете, и р а з д р а ж е н ы, а раздражение—плохой советник. Итак, если они заговорят о желании отойти от дел, ради бога, ваше величество, не удерживайте их: удерживая их, вы им сделаете уступку и тем ослабите нравственное свое положение. Если не будет на ту минуту готовых людей на их место, это не беда; можно подождать и удовольствоваться на первый раз временным состоянием... Важнее всего, чтобы поле было расчищено, чтоб не было людей с раздраженным и раздразненным самолюбием и властолюбием, преследующих свои цели; важно, чтобы прекратилась, наконец, эта глухая борьба ваша с министрами, и восстановилось, сколько можно, правильное и спокойное течение дел. Нельзя забывать, что в этой игре остается еще до сих пор еще человек с раздраженным властолюбием, в. кн. Константин Николаевич. А Лорис чувствует себя глубоко оскорбленным и раздражен сильно,—это видно по всему. Время, в которое мы живем, смутное время. Опасно оставлять у кормила правления людей, потерявших голову. Они вообразили себе теперь, что в заседании 21 марта вы связали себя с ними взаимным обязательством и что вы нарушаете его. Ссылка на самодержавие в манифесте представляется им обидою.

Останусь навсегда вашего императорского величества верноподданный и вернопреданный

29 апреля 1881. Петербург. *Константин Победоносцев.*

XVII.

Ваше императорское величество.

Позвольте мне еще раз обеспокоить вас по тому же делу.

От появления высочайшего манифеста доныне продолжается недоумение. На другой день мне стало известно, что ваше величество при-

няли просьбу Лорис-Меликова об увольнении и в том же смысле ответили на просьбу Абазы. И слава богу. Слух об этом распространился в городе,—но указы до сих пор еще не появились, чем поддерживается общее недоумение. Жаль, что они не появились тотчас же.

Сегодня, к удивлению моему, я видел Абазу в государственном совете, а потом узнал, что ваше величество, по просьбе Бунге, изволили согласиться, чтоб Абаза продолжал исполнять свои обязанности до закрытия сессии в государственном совете.

Простите, ваше величество, если я скажу, что это известие привело меня в крайнее смущение. Бунге мог не знать все предшествовавшие обстоятельства, но вашему величеству они были известны. По крайнему моему убеждению, н е о б х о д и м о было немедленное увольнение Абазы.

Ваше величество, не извольте обманываться. С 29 апреля эти люди—в р а г и в а ш и. Они хотят доказать во что бы то ни стало, что они были правы, а вы не правы,—и средства для этого не следовало никак оставлять еще на две недели в руках у Абазы. У него в руках биржа, и он стал с первого же дня действовать на падение курсов. Он поддерживает слухи, что партия, желавшая свободы и блага, проиграла, и что настает, хотя и временно, период реакции. А теперь он стоит в таком положении, как будто его просили из одолжения остаться.

Что касается до Милютина, то он, конечно, не покажет на лице своем знаков раздражения. Но он раздражен до крайности и озлоблен: я так и думал, но все, что слышу об нем от гр. Игнатьева, подтверждает мое предположение. Верьте, ваше величество, эти люди могут быть только опасны для вас в настоящую минуту.

В среде здешнего чиновничества манифест встречен унынием и каким-то раздражением: не мог и я ожидать такого безумного ослепления. За то все здравые и простые люди несказанно радуются. В Москве ликование—вчера там читали его в соборах, и было благодарственное молебствие с торжеством. Из городов приходят известия о всеобщей радости от появления манифеста. Слышно, что из Москвы готовится благодарственный адрес вашему величеству.

Лишь бы только не замедлили теперь явственные знаки той политики, которая возвещена в манифесте. Теперь подступили люди новые, во всяком случае с прямою и честною мыслью, которые не будут говорить одно, а думать другое. Гр. Игнатьева вы изволите знать, а Островский подлинно честный человек и с сердцем.

Еще у меня на душе мысль, которую осмелюсь высказать. По газетам вижу, что Скобелев должен быть на-днях. Я знаю, что он не нравился вашему величеству; лично я незнаком с ним, но мне кажется, что на него многое наговорили вам напрасно. Между тем Скобелев—с и л а в армии и в народе, и по всем отзывам—человек очень способный и одушевляющий людей. Мне думается, что преданное содействие и служение этого человека может еще во многих случаях понадобиться вашему величеству, и потому о ч е н ь в а ж н о, как он будет принят.

Смею сказать: пусть этот человек выйдет от вас довольный, с чувством не холодным, а с чувством горячей к вам преданности.

Время тяжкое. Я не успокоюсь, покуда здесь еще остаются и граф Лорис-Меликов, и Абаза, и великий внязь Константин Николаевич. Дай бог, чтобы все они ушли и разъехались как можно скорее. Толки в обществе улягутся, как скоро сделано будет решительное действие, не допускающее возврата. Но сегодня уже распространился слух в городе, что все вновь переделалось, что Л.-Меликов и Абаза остаются на своих местах. Надобно спешить, чтобы положить конец этой смуте.

Боюсь еще, как бы граф Игнатьев не разошелся с Барановым, если они не поймут друг друга. Это будет бедствие, и Игнатьев останется без рук в деле первой важности. Баранов в эту минуту необходим; к счастью, он, кажется, сошелся и с новым директором полиции Плеве. Трудно представить себе, чтобы кто-нибудь мог теперь заменить его.

Простите, ваше величество, за все мои писания. Они вызваны одною заботою о вас, не дающею мне покоя.

Вашего императорского величества верноподданный

Константин Победоносцев.

4 мая 1881 г. Петербург.

Из материалов о Л. Н. Толстом.

I.

Л. Н. Толстой в Астапове.

В Государственном Архиве РСФСР в настоящее время находится интересное дело московско-камышинского жандармского полицейского управления железных дорог с перепиской «о пребывании графа Толстого на станции Астапово». Дело содержит в себе переписку московско-камышинского жандармского полицейского управления с жандармским ротмистром Савицким и штабом отдельного корпуса жандармов за все время пребывания Л. Н. Толстого в Астапове.

2 ноября рязанский губернатор известил начальника жандармского управления г.-м. Львова о появлении больного писателя в станционном здании, «не предназначенном для помещения больных», а 3 ноября по распоряжению штаба отдельного корпуса жандармский ротмистр Савицкий из Ельца был командирован в Астапово и с тех пор безотлучно находился на этой станции, принимая необходимые с жандармской точки зрения меры к недопущению каких-либо «беспорядков» и изо дня в день информируя свое начальство о происходящем на станции.

Переписка заканчивается очень обстоятельным докладом г.-м. Львова в штаб корпуса жандармов, составленным на основании донесений ротмистра Савицкого.

Публикуемые документы красноречиво говорят о том огромном интересе, который был проявлен жандармскими сферами к Толстому в последние дни его жизни. Оказывается, в Астапове почти все время находился вице-директор департамента полиции д. с. с. Харламов, командированный из Петрограда для непосредственного руководства розыскной деятельностью ротм. Савицкого. Пребывание Харламова держалось в строжайшей тайне. Его сопровождал пом. нач. московск. охранного отделения Долгов. Помимо этих столичных жандармских «светил», на маленькую станцию ряз.-уральской ж. д. было брошено с соседних станций большое количество жандармских унтер-офицеров в распоряжение Савицкого.

Жандармы вели строгий учет всем приезжающим в Астапово. Особенным вниманием с их стороны пользовались журналисты, которых Савицкий считал «менее надежными лицами».

В осведомительных целях ротмистр Савицкий «заагентурил» одного из станционных телеграфистов, при помощи которого он знакомился со всей корреспонденцией. Повидимому, этим телеграфистом явился Мальгин, что можно заключить из рапорта Савицкого от 27 ноября 1910 г. за № 552.

Интересные сведения имеются в деле о попытках синода «примирить» Толстого с церковью. Эти сведения в значительной мере дополняют материал, опубликованный в № 1 журнала «Дела и Дни». Игумен Варсонофий, приехавший в Астапово, «по секрету» сообщил ротм. Савицкому, что он «привез с собой святые дары, и если бы Толстой сказал

одно слово «каюсь», то игумен, в силу своих полномочий, считал бы его отказавшимся от своего «лжеучения» и напутствовал бы его перед смертью, как православного». Архиепископ Парфений, приехавший в Астапово уже после смерти Толстого, оказывается, был командирован синодом «по личному желанию» б. царя Николая Романова.

Дело, из которого мы берем публикуемые нами материалы, имеет свою любопытную историю. Оно передано в Центрархив в числе других дел и документов, изъятых из московских сейфов. Одновременно с делом была передана памятная записка следующего содержания: «Это дело о Л. Н. Толстом—собственность Валентины Александровны Рябовой, живущей по адресу—Москва, угол Малой Никитской и Георгиевского переулка, д. № 28/3, ей прошу и передать его. А. Кузнецов. Москва, 19 ноября 1917 г.».

Из этой записки, найденной, правда, совершенно в другом месте, чем самое дело о Л. Н. Толстом, можно заключить, что дело положено в сейф в 1917 г. Каким образом дело жандармского архива сделалось личной собственностью гражданки Рябовой — остается невыясненным.

В примечаниях мы дополнили сведения дела моск.-камыш. жандарм. полиц. управления материалами петроградского революционного архива, извлеченными О. Власовой из дела 4-го делопр. 1910 г. № 338 и любезно предоставленными ею в распоряжение редакции «Красного Архива».

Вл. Максаков.

Из материалов о Л. Н. Толстом.

I.

Л. Н. Толстой в Астапове.

Телеграмма рязанского генерал-губернатора.

Москва-Уральская. Начальнику жандармского управления.

Благоволите сообщить, кем разрешено Льву Толстому пребывание Астапове станционном здании, не предназначенном помещения больных [1]). Признаю необходимым принять меры отправления лечебное заведение или постоянное местожительство.

2 ноября 1910 года. Губернатор кн. *Оболенский*.

Елец. Ротмистру Савицкому.

Телеграфируйте, кем разрешено Льву Толстому пребывание Астапове станционном здании, не предназначенном помещения больных. Губернатор признает необходимым принять меры отправления лечебное заведение или постоянное местожительство.

2 ноября 1910 года. Генерал-майор *Львов*.

Телеграмма начальника штаба из Петербурга.

Москва. Львову.

Предпишите ротмистру Савицкому немедленно прибыть Астапово, где и находиться безотлучно, собрать туда пять унтер-офицеров для порядка и посылать донесение штаб корпуса о положении больного.

3 ноября 1910 года. *Гершельман*.

Елец. Ротмистру Савицкому.

Предложение губернатора приведением исполнение приостановите, вслед за сим получите указание.

3 ноября 1910 года. *Львов*.

---

[1]) См. примечания ниже стр. 357 и сл.

Елец. Савицкому.

По приказанию начальника штаба вам безотлучно находиться Астапове, командировать туда пять жандармов и посылать донесения штаб о положении больного.

3 ноября 1910 года. *Львов.*

Елец. Савицкому.

До сего времени ни разу не получил никаких сведений, как бы следовало делать ежедневно подробно почтою, в экстренных случаях по телеграфу, о том, что происходит Астапове. Ставите трудное положение перед штабом.

Львов.

Москва. Львову.

После 2-го звонка поезду № 12 дочь Толстого ввиду заявления врача о крайне опасном его положении обратилась с просьбой к начальнику станции дать помещение. Таковое начальник станции предоставил в своей квартире за неимением другого.

3 ноября 1910 года. *Савицкий.*

Из Астапова Москва-Уральская. Генералу Львову.

Покорно просим ваше превосходительство разрешить нам, корреспондентам московских, петербургских газет и Петербургского Телеграфного Агентства, иметь пребывание в течение всего дня станционном помещении; ночью же вагоне, предоставленном нам управлением дороги. Поставлены безвыходное положение отсутствием других помещений. Корреспонденты «Нового Времени», «Петербурского официального Телеграфного Агентства», «Русского Слова», «Утра России», «Русских Ведомостей», «Петербургской Газеты» и других.

4 ноября 1910 года.

Астапово. Савицкому.

Разъясните только что полученную мною телеграмму от г. г. корреспондентов из Астапова. Ожидаю немедленно ответа.

4 ноября 1910 года. *Львов.*

Москва. Львову.

Фотографы просят разрешения снять здание станции, квартиры начальника станции и вагон, где помещается семья. Благоволите разъяснить, какой телеграмме сделан мне запрос.

4 ноября 1910 года. *Савицкий.*

Астапово. Савицкому.

Я просил разъяснений по содержанию телеграммы на мое имя г. г. корреспондентов. Сфотографировать для указанной вами в телеграмме цели с моей стороны препятствий не встречается.

4 ноября 1910 года. *Львов.*

Петербург. Штаб корпуса жандармов. Копия Москва генералу Львову.

Положение графа Толстого очень опасно, но небезнадежно; воспаление легких остановилось; деятельность сердца падает; никто из посторонних не допускается; рязанский губернатор сегодня отбыл; на станции и поселке полное спокойствие; выздоровление возможно не ранее двух-трех недель; корреспонденты помещены в отдельном доме, предоставлены возможные условия.

4 ноября 1910 года. *Савицкий.*

Москва. Львову.

Состояние здоровья без перемен. Предполагают возможность выезда дней через пять. К нему никто не допускается. Кроме корреспондентов, прибыл Чертков, член государственного совета Стахович и семья Толстого. Сегодня вечером донесу подробно в штаб и вам.

4 ноября 1910 года. *Савицкий.*

Балашов. Подполковнику Журавскому.

Прошу отправиться Астапово в помощь ротмистру Савицкому.

5 ноября 1910 года. *Львов.*

Петербург. Штаб корпуса жандармов. Копия Москва генералу Львову.

Толстой провел ночь плохо, к утру заметное улучшение. Пульс крепче, температура 37 четыре десятых. На станции и поселке полное спокойствие, нет надобности [в] принятии особых мер. Новых приезжающих к Толстому нет. Корреспонденты, фотографы удовлетворены. Рязанский губернатор до вечера остается на ст. Урусове.

5 ноября 1910 года. *Савицкий.*

Москва. Львову.

Последние сведения о состоянии здоровья Толстого: в 7 часов вечера температура 36 и шесть десятых; пульс 110 с перебоями; дыхание 36; сонливость, значительная слабость, сознание ясно.

Приехали сейчас из Оптиной пустыни игумен Варсонофий и иеромонах Пантелеймон, пока к больному не допущены. На станции находятся рязанский губернатор и 562,970,833,695,192,814,503,070,788,617,197,246 [2]). Новых посетителей нет. Прибыло еще 4 корреспондента, все спокойно.

5 ноября 1910 года. *Савицкий.*

Срочно поезд № 7. Генералу Львову.

Толстой скончался.

7 ноября 1910 года. *Савицкий.*

Петербург. Командиру корпуса жандармов.
Копия департамент полиции.

7 ноября граф Толстой скончался.

7 ноября 1910 года. Генерал-майор *Львов.*

Козлов. Подполковнику Гангардт.
Ряжск. Подполковнику Селиванову.
Раненбург. Ротмистру Лебедеву.

С первым отходящим поездом командируйте Астапово по пяти унтер-офицеров от каждого отделения при полном боевом вооружении.

7 ноября 1910 года. *Львов.*

Астапово. Савицкому.

Ваше распоряжение командированы пятнадцать унтер-офицеров. Кроме того, возьмите своих из Ельца.

Львов.

Москва. Львову.

Предание земле назначено в Ясной Поляне, завтра тело увозят. Население и служащие довольно безучастны [3]).

7 ноября 1910 года. *Савицкий.*

Белев. Ротмистру Бакину.

Безотлагательно стяните возможно большее число унтер-офицеров в Горбачево, взяв их с линии Горбачево—Сухиничи. Вам прибыть туда же немедленно, где находиться безотлучно до распоряжения. Усильте линию Волово—Горбачево.

7 ноября 1910 года. *Львов.*

Астапово. Савицкому.

Усильте линию Астапово—Волово.

Львов.

Срочно.
Секретно.

Его превосходительству Н. Н. Львову, — начальнику моск.-камыш. жанд. полиц. управления.

Милостивый государь Николай Николаевич.

Судя по газетным-статьям, особенно левых, по поводу болезни графа Толстого нужно ожидать больших манифестаций в случае его смерти и перевезения тела или в Москву или Ясную Поляну.

Прошу не отказать сообщить мне в скорейшем времени, имеются ли по сему поводу какие-либо распоряжения из Петербурга, так как желательно действовать во всех случаях вполне однообразно и солидарно.

В случае смертного исхода вы, вероятно, скорее других узнаете о возможном маршруте следования траурного поезда, т.-е. будет он экстренный, или будет только прицепка к обыкновенному пассажирскому, а также точный маршрут следования этого поезда по часам, а потому прошу немедленно мне сообщить для своих соображений.

Прошу принять уверение в совершенном почтении.

Начальник моск. жанд. полиц. управления ж. д. *Ю. Фрейберг.*

№ 7427. Г. Москва. 7 ноября 1910 года.

Москва. Львову.

Поручение, данное епископу тульскому, не могло быть выполнено, возвратился обратно. Перевезение тела [в] Ясную Поляну завтра, около 11 ч. дня, экстренным поездом; сопровождают часть семьи, корреспонденты. Здесь, с разрешения рязанского губернатора, допущено возложение венков, но без вызывающих надписей и желания произвести демонстрацию; служащие и окрестные жители ходатайствуют перед местной епархией разрешить панихиду. Никаких признаков использовать событие в нежелательном смысле. Число унтер-офицеров увеличено. Наружный порядок обеспечен. Приняты все меры к обеспечению быстроты перевозки с целью избежать скопления любопытных. Предание земле назначено 9 числа, в день прибытия на ст. Засеку.

7 ноября 1910 года. *Савицкий.*

Ю. Э. Фрейбергу. Нач. московского жандармского полицейского управления ж. д.

Милостивый государь Юлий Эдуардович.

Перевезение тела скончавшегося графа Льва Толстого последует со ст. Астапово 8 сего ноября на ст. Засеку экстренным поездом; отправление из Астапова около 11 час. дня.

Прошу принять уверение в совершенном почтении.

Начальник московско-камышинск. жанд. полиц. управления железных дорог. *Н. Львов.*

№ 3323, 7 ноября 1910 г., г. Москва.

Москва. Жандармскому генералу Львову.

Командир корпуса приказал на всех станциях следования особого поезда [с] телом умершего графа Толстого быть начальникам отделений с необходимым числом унтер-офицеров по охранению порядка. Действовать вполне согласно указаниям губернаторов.

7 ноября 1910 г. *Гершельман.*

Горбачево. Ротмистру Бакину.

На вас возлагается общее наблюдение за порядком [в] Горбачеве. По отходе поезда с телом графа Толстого распустите унтер-офицеров по домам и возвратитесь Белев.

8 ноября 1910 года. *Львов.*

Москва. Львову.

Дополнительный поезд для перевозки тела вышел из Астапова 1 ч. 20 м., приб. 7 ч. 30 м. в Горбачево, где вагон останется до 4 ч. 30 м. утра. Прибывает на станцию Засека в 6 ч. 50 м. утра [4]). В Астапове и в пути нарушения порядка не было, на станциях собирались любопытные в количестве нескольких десятков.

8 ноября 1910 года. *Савицкий.*

Москва. Львову.

При проследовании траурного поезда порядок не был нарушен.

9 ноября 1910 года. *Бакин.*

Москва. Львову. Елец. Начальнику жандармского отделения.

Согласно сообщенному вам лично предположению моему [и] полученному разрешению министра на ст. Астапово на доме, где скончался Лев Николаевич Толстой, устанавливается памятная доска.

9 ноября 1910 года. *Матренинский.*

В штаб отдельного корпуса жандармов.

Рапорт.

Управляющий рязанско-уральской ж. д. уведомил меня, что, с разрешения министра путей сообщения, устанавливается памятная доска на доме, где скончался граф Лев Толстой, на ст. Астапово.

Об этом доношу штабу корпуса.

Начальник моск.-камыш. жанд. полиц. управления ж. д.
Генерал-майор *Львов*.

№ 3346, 10 ноября 1910 года, г. Москва.

В штаб отдельного корпуса жандармов.

Рапорт.

Доношу, что по настоящее время как на ст. Астапово, так и в прилегающем к ней поселке никаких отступлений от обычного хода работ и жизни не замечается. Приезжающих для посещения места смерти графа Льва Толстого нет.

Подробное описание событий, происшедших на станции со времени приезда туда графа Толстого до отвезения тела его в Ясную Поляну, представляется дополнительно.

Начальник моск.-камыш. жанд. полиц. управления ж. д.
Генерал-майор *Львов*.

№ 3363, 12 ноября 1910 года, г. Москва.

Рапорт о пребывании гр. Толстого наст. Астапово.

В штаб отдельного корпуса жандармов.
Москва. Секретно.

Вечером 31 октября с. г. за несколько минут до отправления со станции Астапово рязанско-уральской ж. д. поезда № 12 к начальнику этой станции Озолину обратилась вышедшая из вагона 2 класса пассажирка с просьбою дать какое-либо помещение для больного графа Толстого, который, по заявлению врача, продолжать поездку не мог ввиду серьезности заболевания. Пассажирка эта, оказавшаяся Александрой Львовной Толстой, получила разрешение от Озолина поместить отца вместе с его спутниками Владимиром Чертковым, врачем Маковицким и некоей Варварой Михайловной в его, Озолина, квартире, так как иного подходящего помещения на станции не было, а поселок расположен сравнительно далеко; приемный же покой должен был оставаться свободным на случай экстренной надобности на участке дороги. Впоследствии, по поручению вице-директора департамента полиции Харламова, начальником отделения ротмистром Савицким было выяснено, что означенная Варвара Михайловна, по фамилии

Феокритова, вдова, уроженка г. Саратова, состоит при графе Толстом переписчицей и компаньонкой при дочери его Александре. Первое время относительно направления путешествия графа Толстого окружающие его лица не желали, повидимому, дать точных сведений, и Александра Толстая заявила, что билет был взят до ст. Новочеркасск, но затем было установлено, что билет был до ст. Ростов-Дон, хотя в то же время на ст. Волово был приобретен билет до ст. Дворики. При контроле Александра Толстая просила не оглашать, куда ехал ее отец, но это предупреждение запоздало, так как на всех станциях, а равно и в Астапове, было известно, что в числе пассажиров поезда № 12 находится Толстой, сопутствуемый указанными выше лицами. Первоначальную медицинскую помощь оказывали врачи Маковицкий и железнодорожный Стаковский; был вызван также врач данковской земской больницы Семеновский, но он приехал только через несколько дней. Все лица, окружавшие больного, безвыходно находились в квартире Озолина, и их никто до времени отъезда из Астапова, частью до 7-го, частью до 8-го ноября, не видел. К больному из посторонних никто не допускался, и некоторые попытки говорить с Толстым не увенчались успехом; такую попытку сделал и один местный житель-старообрядец, но не был допущен. Пребывание Толстого в районе станции скоро огласилось, но особого впечатления не произвело, и как среди постоянных жителей, так равно и пассажиров проходивших поездов не заметно было особого интереса к факту пребывания Толстого на станции.

Со 2 ноября стали прибывать близкие к Толстому лица, в числе которых находились доктор Беркенгейм, пианист Гольденвейзер. 3-го числа консультация, с участием прибывшего из Москвы врача Никитина, определенно высказала, что Толстой болен катарральным воспалением нижних частей обоих легких, при чем главную опасность для жизни представляло не воспаление, а слабая деятельность сердца, вследствие чего больной впадал временами в забытье. В ночь на 3 ноября с экстренным поездом прибыла семья Толстого: жена—Софья Андреевна, дочь—Татьяна, по мужу Сухотина, и сыновья—Андрей и Михаил и фельдшерица Скоробогатова. Вагон был поставлен на запасных путях около квартиры Озолина, но никто из членов семьи к больному не был допущен. При встрече экстренного поезда на платформе присутствовало несколько человек служащих из числа любопытствующих, которые, узнав, что никого из прибывших увидеть не удастся, очень скоро разошлись, и станция приняла обычный вид.

4-го ноября приехал и. д. рязанского губернатора князь Оболенский, который, расспросив начальника отделения ротмистра Савицкого о положении дела, приказал давать ему точные сведений обо всем, касающемся состояния здоровья Толстого, о приезжающих на станцию, а также о порядке и настроении среди публики.

Губернатору было доложено, что порядок не нарушается и что для усиления надзора, кроме имеющихся на станции постоянных

4 унтер-офицеров, командированы и находятся на месте еще 8 унтер-офицеров, и что особых мер для поддержания порядка пока не требуется ввиду самого незначительного количества посторонней публики. Что же касается отдельных лиц, менее надежных, т.-е. корреспондентов, то они, распоряжением управляющего дорогою инженера Матренинского, помещены в отдельном станционном здании, а на право входа в это здание им выданы именные билеты, без предъявления которых сторожу при здании или жандармскому унтер-офицеру приказано никого в здание не допускать. Таким образом достигалась возможность недопущения каких-либо собраний в помещении корреспондентов и проникновения туда лиц, не зарегистрированных на станции, на что именно и было обращено внимание губернатора. За все время пребывания корреспондентов на ст. Астапово не было оснований к каким-либо против них подозрениям.

Благодаря особым условиям, в которых по отношению к начальнику отделения ротмистру Савицкому находился один из телеграфистов, имелась возможность прочитывать телеграммы как входящие, так и исходящие и таким путем быть своевременно осведомленным о содержании почти всей переписки, касавшейся нахождения Толстого в полосе отчуждения; переписка эта освещала до некоторой степени отношение печати и почитателей Толстого ко всему происходившему в Астапове и не давала оснований предполагать, что там события эти будут использованы в нежелательном для внутреннего порядка смысле, хотя из числа корреспондентов было только трое русских, а остальные если не евреи, то еврейского происхождения. В первый день пребывания на станции корреспонденты потребовали, чтобы станционное здание и буфет в течение целых суток были открыты и предоставлены в их распоряжение; узнав, что то и другое открывается согласно правилам в определенное время, они обратились с телеграфною жалобою ко мне и в редакции своих газет, обвиняя губернатора и жандармскую полицию в желании очистить станцию от приехавших. Так как одновременно с указанным выше заявлением, сделанным корреспондентами, были приняты меры к подысканию им помещения, то к вечеру 4 ноября они были устроены, и впоследствии некоторые из них сочли нужным опровергнуть в газетах свои на губернатора нарекания, вызванные их поспешностью и превратным толкованием действий администрации.

К 5 ноября были на станции Астапово почти все лица, прибывшие туда по случаю болезни Толстого; в последующие дни приезд ограничивался лишь единичными личностями. Всех приехавших, считая членов семьи, их знакомых и корреспондентов, было около 35 человек; в числе вновь прибывших находились И. И. Горбунов, представитель издательской фирмы «Посредник», княгиня Оболенская, племянница Толстого, А. Прохоров, купец из Москвы, Владимир Философов, дочь которого замужем за одним из сыновей Толстого, и жена Андрея Толстого. Семья Толстого, за исключением дочери Александры, для чая,

обеда и ужина собиралась в станционном здании, где часто беседовала с кем-либо из своих родственников, знакомых или корреспондентов.

Графиня С. А. Толстая всегда ходила в сопровождении поддерживавшей ее фельдшерицы Скоробогатовой и производит впечатление очень больной, с трудом двигающейся, старухи; во время посещения столовой на станции она сидела преимущественно молча, почти не принимая участия в общем разговоре, лишь изредка можно было слышать ее сетования на то, что ее не допускают к мужу. Фамилия Черткова ею очень часто упоминалась и всегда связывалась с фактом недопущения; по отдельным фразам можно было составить вполне определенное заключение, что семья Толстого умышленно не допускается к больному по причинам, не имевшим прямого отношения к состоянию его здоровья. Впоследствии Андрей Толстой, в частных разговорах с ротмистром Савицким, высказывал, что изолирование Толстого от семьи, в особенности от жены, является результатом воздействия именно Черткова на врачей и дочь Александру; сама С. А. Толстая высказывала удивление, почему прежде, во времена болезни ее мужа, она и дети могли видеться с Львом Николаевичем, не причиняя ему беспокойства, не делая ущерба его здоровью, а теперь их удаляют от больного.

Ввиду того, что все распоряжения, касающиеся сношений Толстого с родными и знакомыми, как личные, так и письменные, исходили от дочери Александры и Черткова, которые не оставляли квартиру, постоянно там дежуря, Толстому не было известно о получении на его имя телеграммы митрополита Антония, призывавшего больного к примирению с церковью; эта телеграмма осталась без ответа. Вскоре была получена телеграмма, подписанная старцем Оптиной пустыни Иосифом, который спрашивал, может ли он 5 ноября вечером застать Толстого и видеться с ним. Телеграмма эта была передана Александре Толстой, от которой последовал ответ, что состояние здоровья больного не позволяет ему видеться ни с кем; в таком духе и было телеграфировано Иосифу.

Станция Астапово принимала более оживленный вид лишь в часы прихода утренних и вечерних поездов, а также в период времени обеда и ужина, т.-е. когда появлялись пассажиры и лица, столовавшиеся на станции. В остальное время лишь незакрытый буфет и беготня корреспондентов нарушали обычный вид станционного здания. Что же касается жителей поселка, то число их на станции не превышало обыкновенного числа посетителей в период прибытия поездов; заметно было, что любопытство, возбужденное приездом Толстого, скоро улеглось. Среди крестьян, приезжавших по своим делам на ст. Астапово, никто не имел понятия, как в этом лично убедился ротмистр Савицкий из расспросов, что такое Толстой: многие на вопрос, кто теперь находится на станции, отвечали: «граф Толстой», а некоторым он не был известен даже и по фамилии; ни один не мог сказать ничего определенного, и обыкновенно на вопросы, чем он прославился, отвечали: «А бог его знает». Время прибытия Толстого на станцию совпало с усиленным движением

воинских поездов с запасными нижними чинами, а также с движением новобранцев, которых всегда сопровождали их родные и знакомые. Хотя квартира Озолина находится на станционном дворе, где всегда толпятся около своих лошадей новобранцы и их провожающие, однако как те, так и другие очень редко подходили к квартире, а направлялись обыкновенно или в поселок, или в станционное помещение.

Вечером 4 ноября губернатор временно выехал на ст. Урусово, приказав в случае надобности в его личных распоряжениях доложить ему лично по телеграфу. Начальник рязанского губернского жандармского управления генерал-майор Глоба, прибывший вместе с губернатором, возвратился в Рязань ввиду отсутствия надобности в чинах наблюдательного состава, предложив ротмистру Савицкому доносить ему о появлении агитаторов, лиц, возбуждающих сомнение, или в случае необходимости усиления внутреннего наблюдения за прибывшими. Так как ничего этого не случилось, то 7 ноября ему была послана телеграмма лишь о смерти Толстого.

Приехавший 5 ноября на ст. Астапово управляющий рязанско-уральской железною дорогою инженер Матренинский принял деятельное участие в улучшении телеграфного сообщения станции с Москвою и оказывал всяческое внимание и услуги членам семьи и приехавшим на станцию по размещению их в полосе отчуждения и предоставлении им всевозможных удобств. Для корреспондентов потребованы были кровати, постельное белье и отведена для их занятий контора начальника станции, так как ранее начальником отделения предложено было не допускать корреспондентов в телеграфную контору, где они, проводя большую часть суток у аппарата, могли случайно, а то и умышленно просматривать телеграммы, которыми сносились чины администрации.

Вначале состояние здоровья Толстого в общем оставалось без перемены, но к вечеру оно настолько улучшилось, что стали появляться слухи о возможности его выздоровления. При ясном сознании, Толстой проявлял интерес к окружающим и, узнав по некоторым вещам, привезенным из Ясной Поляны, о приезде дочери Татьяны и сына Сергея, просил их к себе; несмотря на такое положение, жена и прочие дети к нему допущены не были, и их приезд в Астапово хранился в тайне.

В этот день приехал вице-директор департамента полиции д. с. с. Харламов в сопровождении ротмистра Долгова (помощника начальника московского охранного отделения); они были устроены в вагоне I класса, находившемся на станции на случай приезда лиц с высоким служебным положением, в котором также поместился рязанский губернатор по возвращении из Урусова. Вице-директор предложил начальнику отделения озаботиться о сохранении полной тайны его приезда, но начальник отделения тут же доложил, что в момент прихода поезда один из контролеров поезда справлялся у него, кто такой Харламов, о приезде которого, как оказалось, узнал из текста именного проездного билета вице-директора. Ответ начальника отделения, что Харламов — один из

членов министерства путей сообщения, вполне удовлетворил контролера, и впоследствии никто из проживавших на станции не знал о нахождении там вице-директора, и никаких по этому поводу толков не было. Узнав из доклада начальника отделения о получении телеграммы митрополита Антония на имя Толстого, вице-директор заинтересовался ее содержанием, почему тогда же телеграмма эта была добыта ротмистром Савицким и в подлиннике ему представлена. Тогда же было доложено о всем происшедшем ранее на станции, а также о приезде туда игумена Оптиной пустыни Варсонофия и иеромонаха Пантелеймона. Вице-директор поручил ротмистру Савицкому дознать, чем вызвано прибытие этих лиц на ст. Астапово, т.-е. прибыли ли они по собственному почину или кем-либо командированы. На вопросы корреспондентов по этому поводу игумен Варсонофий давал уклончивые ответы и лишь только корреспонденту «Нового Времени» объяснил, что приехал по собственному желанию для посещения Толстого, который, будучи в Оптиной пустыни, хотел видеться с самим Варсонофием, но не успел этого сделать. Ротмистр Савицкий, в частных беседах с игуменом Варсонофием, узнал от него по секрету, что приезд его в Астапово явился результатом командировки святейшим синодом и имел целью подготовить примирение Толстого с православною церковью. Как известно, задача эта не могла быть выполнена ввиду отказа в допущении игумена к Толстому, несмотря на личные переговоры С. А. Толстой и сына ее Андрея, которые, при всем их желании устроить встречу Льва Николаевича с игуменом, не могли побороть противодействия со стороны Александры Толстой и Черткова. К Александре Толстой игуменом было написано письмо, в котором она предупреждалась, что никаких способных волновать Толстого разговоров о религии не будет, и что игумен желал бы только «видеть Толстого и благословить его». По секрету игумен сообщил также, что он привез с собою святые дары, и если бы Толстой сказал одно слово «каюсь», то игумен, в силу своих полномочий, считал бы его отказавшимся от своего «лжеучения» и напутствовал бы его перед смертью, как православного. Указанное выше письмо вручено было Андрею Толстому, который через третье лицо переслал его Александре Толстой, но эта последняя на него ответа не дала. В разговорах о пребывании Толстого в Оптиной пустыни игумен передал, что Толстой два раза подходил к келье старца Иосифа, с которым был ранее в дружеских отношениях, но в келью не вошел и, будучи в келье у своей сестры, рассказывал, что не решился зайти, думая, что не будет принят как «отверженный». Свидетельницей этого разговора с сестрою была вдова Оболенская. Все эти сведения, по мере поступления их, докладывались ротмистром Савицким вице-директору департамента полиции.

В ночь на 6 ноября бюллетень о состоянии здоровья Толстого, подписанный в числе прочих прибывшими из Москвы врачами Щуровским, Усовым, указывал на серьезные опасения, вызываемые слабой деятельностью сердца больного, с которым в течение последних суток было несколько сердечных припадков. С этого дня состояние здоровья

стало заметно вызывать тревогу; сам больной большую часть времени проводил в забытье, лишь иногда приходя в сознание. Тогда просил к себе или дочь Татьяну, или сына Сергея, которые, конечно, не оставались без надзора со стороны дочери Александры и Черткова. В минуты сознания Толстой также просил читать ему что-нибудь из «Круга чтения» или разговаривал с окружающими, интересуясь теми лицами, которых раньше не видел около себя, как, например, с Щуровским и Усовым. Около часу дня, будучи в полном сознании, Толстой взял за руки находившуюся около него дочь Татьяну и сказал: «Ну, вот и конец». В течение этого дня и в ночь на 7 врачи несколько раз прибегали к впрыскиванию камфоры и морфия.

На станции и поселке время протекало обычным порядком. Вновь приехавших в этот день не было, и тревожные сведения о состоянии здоровья Толстого только выражались в деятельности корреспондентов и усиленных переговорах семьи с врачами; постоянные жители и служащие, за очень редким исключением, не проявляли особого интереса к сведениям, получавшимся из квартиры Озолина. Игумен Варсонофий, по его просьбе, около 6 часов вечера был приведен в вагон к графине С. А. Толстой, но так как Толстая спала, то игумен принят не был и виделся с нею позднее.

В ночь на 7 ноября в состоянии здоровья больного произошло заметное ухудшение, и часа в два ночи к нему были приглашены все члены семьи. После впрыскивания морфия, больной успокоился и заснул, почему Толстая и некоторые из сыновей удалились к себе в вагон. С этого времени до момента смерти Толстой в сознание не приходил, и когда около 5 часов утра вся семья вновь собралась около него, то он никого не узнавал и ничего не говорил и в 6 час. 5 мин. утра скончался.

Около квартиры Озолина в эту ночь, кроме членов семьи и корреспондентов, никого не было, и на станционной платформе против квартиры временами можно было видеть только начальника станции Озолина и начальника депо Устинова; что же касается проживающих в поселке и вообще лиц посторонних, то при обходах участка станции никого не оказалось. До 10 часов утра в комнату, где находилось тело Толстого, никто из посторонних не допускался, а потом уже стали появляться посетители, до которых дошел слух о смерти Толстого. В этот день, т.-е. 7 ноября, поездом № 8 прибыл на ст. Астапово архиепископ тульский Парфений, который через приехавшего с ним монаха пригласил к себе в купэ ротмистра Савицкого и, закрыв двери, сказал: «По личному желанию государя императора я командирован синодом для того, чтобы узнать, не было ли за время пребывания Толстого в Астапове каких-либо обстоятельств, указывающих на желание покойного графа Толстого раскаяться в своих заблуждениях, или, быть может, имеются какие-нибудь намеки на то, что Толстой не был против погребения его по православному обряду. Обо всем этом я желал бы получить сведения от кого-нибудь из членов семьи умершего; укажите, с кем из этих лиц я мог бы побеседовать по этому поводу». Так как Андрей Толстой про-

изводил впечатление человека, наиболее расположенного к чинам администрации, то он и был приглашен в купэ к епископу Парфению; беседа их продолжалась минут 10. После выхода Андрея Толстого, епископ вновь пригласил ротмистра Савицкого и, передав ему содержание переговоров с Андреем Толстым, попросил телеграфный бланк для отправления, как он сказал, донесения синоду о безуспешности своей командировки. По словам епископа Парфения, Андрей Толстой на вопросы об отношении его отца и других членов семьи к возможности погребения умершего по православному обряду отвечал, что определенных и ясно выраженных желаний отца он не знает, но, исходя из того, что покойный в последнее время более доброжелательно относился к высшим учреждениям и лицам православной церкви, он, Андрей Толстой, полагает, что отец его искал путей если не к примирению с церковью, то, по крайней мере, к устранению недоразумений, возможных по поводу его погребения. К этому же Андрей Толстой приводил слухи среди родных и близких покойного, что им якобы что-то написано по вопросу о его погребении, но никто не знает, написано ли желание быть погребенным по православному обряду, или же наоборот; о существовании указанной выше записки среди прочих бумаг в Ясной Поляне должна знать, по словам Толстого, и его сестра Татьяна Сухотина. Эта последняя, уезжавшая из Астапова в том же вагоне, в котором ехал епископ Парфений, знала о переговорах с братом Андреем, но сама говорить с епископом отказалась. Андрей Толстой высказал епископу, что если бы на основании его, Андрея, слов покойный был бы погребен по православному обряду, то прочие члены семьи будут против этого протестовать, так как на основании своих догадок и предположений не желают нарушить воли отца, который определенных заявлений о желании быть погребенным по обрядам православной церкви не высказал, а содержание записки, существование которой они не отрицают, они не знали и не могут ручаться, что православное погребение в этой записке не отвергается. Такой результат переговоров привел епископа Парфения к убеждению, что не имеется оснований считать умершего Толстого искавшим примирения с церковью и желавшим предания земле по православному обряду, почему, прощаясь, сказал начальнику отделения: «Я могу ехать и донести синоду о невозможности совершения христианского погребения Толстого».

7 же ноября, через несколько часов после смерти Толстого, выехали в Ясную Поляну Александра Толстая, Чертков и Феокритова, а врач Маковицкий уехал на другой день с семьей Толстого.

После 10 часов утра, по желанию семьи и вследствие разрешения губернатора, допущены были в комнату Толстого посторонние лица. Покойный был переодет в темно-серую блузу и оставался на кровати до следующего утра. Ничего обычного, принятого у православных покойников, т.-е. свечей, креста или образка в руках, не было; совершенно случайно у Озолина, как лютеранина, не было и икон. Кровать была украшена ветками ельника. Посетители являлись в очень ограни-

ченном количестве из числа служащих и жителей поселка; заметно было, что их влекло туда главным образом любопытство и желание быть очевидцами событий, описание которых наполняло газеты. В день смерти Толстого возникла мысль возложить венки от служащих рязанско-уральской железной дороги и отдельно от служащих станции Астапово. Распоряжения по приобретению первого венка делались управляющим дорогою инженером Матренинским, а второго —помощником начальника станции Виткевичем. Оба венка были привезены из Москвы 8 ноября утром и имели на лентах надпись: «Льву Николаевичу Толстому от служащих рязанско-уральской железной дороги» и «Великому Льву Толстому от служащих станции Астапово». Во главе депутации, возлагавшей венки, находился инженер Матренинский, и по его же распоряжению гроб, заказанный в Москве и отправленный оттуда 8 ноября вечером, был доставлен со станции Троекурово с особым высланным для этой цели паровозом. Вечером 7 ноября прибыли в Астапово из Ельца 18 гусарского нежинского полка штабс-ротмистр Бондарский и Кишкин для выражения соболезнования семье по случаю смерти графа Толстого. Того же числа вечером уехал в Тулу вице-директор Харламов. Игумен Варсонофий, не успевший с своим спутником в этот день уехать, был принят губернатором и 8 отправился в Оптину пустынь.

Посетители к телу Толстого допускались до позднего времени, и около квартиры был установлен наряд жандармов и стражников, а в течение ночи усилены обходы станционного участка и поселка; нигде порядок не нарушался.

Утром 8 ноября тело было положено в простой дубовый светлый гроб без всяких надписей и эмблем, принятых у православных, и покрыто белым кисейным покрывалом; тогда же прибывшим из Москвы художником были сняты две маски и несколько набросков с покойного. После окончания этих работ и возложения двух вышеупомянутых венков, часов около 11 дня вновь начался допуск желавших посетить помещение, в котором находилось тело Толстого; число таких желавших увеличилось благодаря прибытию из Москвы утреннего поезда. Большинство посетителей, подходя к гробу, задерживались там 5 — 10 секунд и выходили, но были и такие, преимущественно из числа деревенских жителей, которые крестились и делали земной поклон. Некоторые из числа студентов, а также рабочих типа «сознательных» целовали руку покойного; в начале 1-го часа дня доступ в квартиру посторонним был прекращен.

После прощания с телом членов семьи и знакомых, гроб с открытой крышкой был вынесен для постановки в вагон. В числе посторонних, принимавших близкое участие в церемонии, были: управляющий дорогою инженер Матренинский, начальник станции Озолин, его помощник Виткевич и начальник депо Устинов; этот последний принял на себя заботы по украшению вагона, в котором поместили гроб. При выносе тела из квартиры раздалось пение «вечная память» из группы

лиц, стоявших против входа, в каковой замечены были два студента и две девушки из числа приехавшей публики, повидимому, курсистки; по первому же требованию полиции пение прекратилось. По распоряжению управляющего дорогою в состав экстренного поезда, кроме вагонов с телом, для семьи, для управляющего дорогою, корреспондентов и бывших в поезде по службе, поставлено было три классных вагона для публики, желавшей провожать тело в пути. Число всех участвовавших в церемонии перенесения тела доходило до 350; из них человек около 100 — 120 поехали с поездом, а остальные, состоявшие из служащих и окрестных жителей, остались на станции; во время внесения гроба в вагон, упомянутые выше четыре человека вновь сделали попытку петь, но были удалены. Поезд отправился со станции Астапово в 1 час. 15 мин. дня. В момент отправления из публики, оставшейся на платформе, раздалось несколько голосов «ура».

Первая станция по пути следования, Данков, имела обычный вид, и, за исключением нескольких служащих, на платформе не было никого, лишь за оградой и около частных зданий при станции видно было десятка два лиц, наблюдавших за поездом во время его минутной остановки. На станции Куркино поезд остановился для набора воды, и багажный вагон был открыт; туда входило несколько человек, знакомых умершего Толстого и его семьи, прочие лица не допускались. Такая же остановка была на 10 м. на ст. Волово, которая была более оживлена вследствие скрещения там рязанско-уральской и сызрано-вяземской железных дорог. Большинство ехавших с поездом из Астапова почитателей Толстого на остановках не выходили ввиду их неосведомленности о времени продолжительности таковых; когда же, по просьбе корреспондентов, на станции Волово остановка была увеличена до 10 минут, то публика, вышедшая из вагонов, направилась не к вагону с гробом, а к станционному буфету. Дальнейший путь до Горбачева прошел также без всякого нарушения порядка, и лишь на этой станции заметно было большое количество публики, частью подъехавших с поездами московско-курской железной дороги, а частью случайно находившейся там, как на узловой станции. На многих маленьких промежуточных станциях поезд вовсе не останавливался.

Общее руководство по принятию мер к поддержанию порядка принадлежало рязанскому губернатору князю Оболенскому. Ближайшее распоряжение этими мерами на станции Астапово и в пути следования до станции Горбачево мною было поручено начальнику астаповского отделения ротмистру Савицкому, а на ст. Горбачево—вр. и. д. начальника белевского отделения ротмистру Бакину.

Для поддержания порядка на ст. Астапово, по прибытии туда графа Толстого и на время перевезения его тела до ст. Горбачево включительно, на всех попутных станциях полицейский надзор был усилен унтерофицерами от других отделений (15 человек), и, кроме того, по приказанию губернатора, в поселке Астапово находилась команда стражников данковского уезда в числе 30 человек. Никаких демонстраций, пений,

украшения зданий траурными флагами ни на одной из станций не было, вполне определенно в настроении публики оказывалось лишь любопытство. Порядок нигде нарушен не был.

Об изложенном доношу штабу корпуса.

Начальник моск.-камыш. жанд. полиц. управления ж. д.

Генерал-майор *Львов*.

№ 736 г. Москва. 23 ноября 1910 г.

Начальнику Управления.

Секретно.

Рапорт.

Доношу, что негласным путем дознано 12 сего ноября через правительственный телеграф в поселке Астапово передана была в редакцию газеты «Русское Слово» телеграмма в 120 слов от счетовода астаповского участка тяги Петра Стародубцева; служебная же телеграмма от 10 сего ноября с вызовом меня в Москву принята была в Астапове телеграфистом Сергеем Мальгиным (с 18 сего ноября он переведен на ст. Павелец), а передавалась с этой станции в Елец телеграфисткой Клавдией Огневой, которая находится в дружественных отношениях с названным выше Стародубцевым, почему с большой вероятностью можно считать, что содержание служебной депеши стало известным Стародубцеву от Огневой, так как телеграфист Мальгин по своему молчаливому характеру и строгому отношению к службе стоит вне подозрений.

Приложение: Вырезка из газеты «Русское Слово».

Начальник астаповского отделения москов.-камыш. жанд. полиц. управления ж. д. ротмистр *Савицкий*.

27 ноября 1910 г. № 552, г. Елец.

Вырезка из газеты, приложенная к делу:

В Астапове.

Астапово, 12, XI. Под окном комнаты, где умер Лев Николаевич, прибита доска с надписью:

«Здесь скончался Лев Николаевич Толстой 7-го ноября 1910 года.

Управляющий дорогой ходатайствует пред управлением общества рязанско-уральской железной дороги сохранить комнату в том виде, как она была, когда в ней жил Л. Н. Толстой, и поставить около дома бюст Л. Н. Толстого.

В настоящее время в комнате в числе нетронутой обстановки остались сапоги умершего, как утверждают, его работы.

Проезжающие Астапово пассажиры спешат к дому, интересуются его дальнейшей судьбой, расспрашивают о последних минутах Л. Н. Толстого, сожалеют, что доступ в дом закрыт.

На имя начальника станции поступают от разных лиц, обществ и корпораций со всех концов мира телеграммы с благодарностью за высказанное им отношение к Л. Н. Толстому.

Остаток денег, собранных на венок, служащие решили пожертвовать в фонд имени Л. Н. Толстого.

11 ноября выехал в Москву жандармский ротмистр Савицкий для доклада о событиях, связанных с пребыванием в Астапове Л. Н. Толстого.

ПРИМЕЧАНИЯ.

1) Сведения об уходе Л. Н. Толстого из Ясной Поляны губернские власти получили 30 октября. В тот же день в Ясную Поляну был командирован пом. нач. тульского сыскного отделения Жемчужников, который выяснил, что причиной отъезда Л. Н. Толстого является «обострение семейных отношений, ухудшившихся из-за денежных расчетов».

Здесь же Жемчужников установил, что Толстой выехал, взяв билет до ст. Горбачево, при чем интересовался, что ближе от Засеки — Козельск или Сухиничи. Согласно инструкции, Жемчужников направился для дальнейшего выяснения местопребывания Толстого, при чем 31 октября Жемчужников в Белеве выяснил, что Толстой проехал мимо обратно на Горбачево. «Здесь совершенно определенно им установлено, что Толстой поехал на восток, взяв билеты до Волово, а в Волове до Ростова-на-Дону. Следуя по этому маршруту, Жемчужников обнаружил, что Толстой, заболев, высадился на станции Астапово, вместе с врачом Маковицким и дочерью Александрой Львовной».

Ввиду отъезда в Астапово всей семьи Толстого и Черткова с «его единомышленниками», наблюдение за Ясной Поляной было тульским губернатором снято и посланный туда Жемчужников должен был вернуться в Тулу.

4 ноября калужский губернатор препроводил в департамент полиции донос, в котором подробно описывает путешествие Л. Н. Толстого.

По прибытии в Козельск 28 октября, Л. Н. Толстой переночевал в Оптиной пустыни и на другой день отправился на лошадях в Шамординский женский монастырь в Перемышльском уезде. «С ним вместе отправился прибывший в Оптину пустынь молодой человек по фамилии Сергеенко. В Шамординском монастыре граф Толстой и оба его спутника остановились в гостинице, при чем Сергеенко тотчас же выехал в Лихвин с тем, чтобы, по его словам, попасть на поезд железной дороги, а граф Толстой отправился в монастырь к сестре своей монахине Марии Николаевне, у которой и провел остаток вечера. На другой день утром граф ходил в расположенную близ монастыря деревню Шамордино, где пытался снять для себя квартиру, а затем вернулся в гостиницу. В этот же день приехала в гостиницу Шамордина монастыря дочь графа Александра Львовна в сопровождении личного секретаря графа девицы Варвары Михайловны, фамилия коей неизвестна [1]). В течение дня граф что-то писал [2]), а затем к вечеру вновь отправился к своей сестре, но пробыл у нее недолго. Ночью граф объявил окружающим его о своем решении утром уехать

---

[1]) Феокритова. *Ред.*

[2]) Статья «Действительное средство» помечена «Оптина пустынь. 29 октября 1910 г.», письмо к Софье Андреевне: «Шамордино. 31 октября 1910 г.».

в Козельск на поезде, что и привел в исполнение. Отъезд его из монастыря был настолько внезапным, что сестра его монахиня не успела прийти в гостиницу, чтобы проститься с ним. Граф, повидимому, был не совсем здоров, так как часто в течение дня, проведенного в монастыре, ложился в постель. По сведениям, добытым уездным исправником в монастыре, но за достоверность коих ручаться нельзя, граф Толстой уехал из Ясной Поляны вследствие семейных неприятностей, возникших по поводу составленного им духовного завещания, и, повидимому, вопреки газетным сообщениям, возвращение его в данное время в Ясную Поляну для лиц, его окружающих, является нежелательным. В Козельск он отправился к поезду, отходящему на Белев с тем, как надо предполагать, чтобы на какой-либо из промежуточных станций тайно свернуть в Москву. За время пребывания в Оптиной пустыни граф Толстой был у старца Иосифа, но затем никакого общения с братией монастыря или посторонними лицами не имел».

Этим и заканчиваются сведения калужского губернатора.

После возвращения Жемчужникова тульский губернатор телеграфировал на имя министра внутренних дел о происшедшем (2 ноября за № 3703). Губернатор сообщал, что Толстой вместе с Маковицким и Александрой Львовной находится на станции Астапово, что он болен, вызваны еще врачи, сейчас туда выезжает жена и два сына, указывая в заключение предполагаемые причины отъезда Толстого из Ясной Поляны.

На этой телеграмме рукою Столыпина синим карандашом сделана следующая резолюция: «Телеграфировать губернатору, чтобы принял меры к охранению порядка на случай кончины Толстого. Стянул бы достаточно полиции и не допускал, по соглашению с семьей, демонстраций». (Дело департамента полиции № 338, 4-е делопр. 1910 г., в Петроградском Историко-Революционном Архиве.)

2) Зашифровано, повидимому, имя и. д. вице-директора департамента полиции д. с. с. Харламова, приехавшего в тот же день в Астапово.

Харламов в первый же день приезда телеграфировал в департамент полиции. Первая телеграмма была следующего содержания: «Сегодня в 12 ч. дня температура 37,1, дыхание частое, пульс выше ста с частыми перебоями, сильная слабость, апатия, сознание ясное, хотя временами впадает в забытье. При больном безотлучно, в доме начальника станции, находятся Александра Львовна, ее компаньонка Варвара Михайловна, Маковицкий, Чертков; остальные, в том числе жена, другие дети, живущие в вагоне, не допускаются, дабы не волновать больного; всем в отношении больного распоряжается Александра Львовна; приезжающих мало, преимущественно корреспонденты московские, врачи Беркенгейм, Никитин, пианист Гольденвейзер, представитель фирмы «Посредник»— Горбунов - Посадов, московский купец толстовец Прохоров, литератор Сергеенко; духовенства никакого нет; на станции порядок, настроение совершенно спокойное, окрестное население не проявляет никакого интереса; телеграмма митрополита на имя графа с увещеванием примириться с церковью, по распоряжению Александры Львовны, графу не передана; старец Оптиной пустыни Иосиф допросил телеграммой начальника станции, застанет ли пятого вечером графа в Астапове; по распоряжению Александры Львовны старцу телеграфировали, что ввиду болезни графа он не может быть принят. Губернатор был вчера здесь, предполагает сегодня вечером вновь быть принят. Проездом в Москве я передал градоначальнику указания господина министра. По слухам, в случае смерти, похороны, согласно воле Толстого, будут в Ясной Поляне. Испрашиваю указаний, вступить ли в доверительные сношения с Александрой Львовной о допуске старца Иосифа; остальным родным говорить, повидимому, бесполезно. Мое инкогнито сохранить, очевидно, не удастся. Харламов».

На этой телеграмме есть резолюция Курлова: «Телегр. Харламову, чтобы в переговоры с Александрой Львовной о допуске старца Иосифа или др. автори-

тетного духовного лица, командированного синодом, он вступил через губернатора. Инкогнито надо сохранить до последней возможности».

В тот же день Харламов посылает еще одну телеграмму: «Доношу дополнительно. Семь вечера температура 36,6, пульс 110, ел очень мало, сонливость, слабость значительная. Завтра ожидаются московские врачи Щуровский, Усов. Сегодня вечером прибыл игумен Оптиной пустыни Варсонофий, иеромонах Пантелей. Дочь Александра находит невозможным сообщить об их прибытии отцу, опасаясь волнений. Остальные родные к больному не входят, опасаясь догадки о присутствии здесь и жены, свидания с коей он избегает. Вечером прибыл губернатор, здесь и остановился».

На следующий день, 6 ноября, Харламов доносит, что, по мнению приезжих врачей, положение очень серьезное, имеются опасения за сердце. Опасаясь ускорения развязки, семья отказалась допустить монахов; переговоры губернатора также были безуспешны. «Монахи пока здесь, всех приехавших сейчас членов семьи, корреспондентов, врачей не более 40 человек».

Задача Харламова окончилась, и он сообщает телеграммой Курлову: «Миссия преосвященного Парфения успеха не имела. Никто из семьи не нашел возможным удостоверить, чтобы умерший выразил какое-либо желание примириться с церковью. Члены семьи также не выражают желания церковного погребения. Преосвященный отбыл. Здесь полное спокойствие. Предполагаю вечером выехать в Тулу». (См дело деп. полиции № 338 1910 г.)

3) В тот же день губернатор Оболенский телеграфировал Курлову: «Шесть часов утра граф Толстой скончался без покаяния. Тело отправляют завтра днем особым поездом, предоставляемым начальником дороги до станции Засеки московско-курской через Горбачево. Прибытие Засеку утром; оттуда Ясную Поляну три версты. Семейству известно распоряжение синода лишении покойного церковного погребения. Сыновья заявляют, будут всячески противодействовать демонстрациям, если сюда будут прибывать депутаты или отдельные почитатели. Мною будут осматриваться венки, отбираться ленты неподходящими надписями. Никаких проявлений интереса местного населения не будет. Если почитатели из Москвы не возьмут особого поезда, они могут прибыть завтра утром. Тульскому губернатору Харламовым сообщено о вызове опытных чинов московской полиции для цензуры речей. Губернатор князь Оболенский» (ibid).

4) О встрече тела Л.Н. Толстого в тульской губернии подробно сообщает в своем докладе м. вн. дел тульский губернатор:

«Мною вызваны были в город Тулу, от которого Ясная Поляна отстоит по шоссе в 9 верстах, 35 конных стражников из ефремовского отряда и 25 из веневского отряда, которые прибыли 5 ноября в Тулу, где ими произведены были, совместно с тульским отрядом, учения для того, чтобы скрыть их истинную цель вызова. Сведения о ходе болезни Толстого мне сообщались по телеграфу графом М. Л. Толстым. В городе Туле известия об уходе Толстого и его болезни оживленно обсуждались, но почти исключительно в так называемых интеллигентных слоях, почему не было основания предполагать возникновения в Туле каких-либо осложнений в случае кончины Толстого. О необходимости противодействия противоправительственным и противорелигиозным выступлениям в случае кончины Толстого мной было дано по телеграфу знать уездным исправникам губернии. Известие о смерти Толстого получено было мною 7-го ноября около 8-ми с половиною часов утра от начальника Астаповского отделения жандармского полицейского управления железных дорог, и в два часа дня указанные выше стражники, с присоединением к ним стражников тульского отряда, всего в числе ста человек, отправлены были на станцию Щекино в распоряжение крапивинского уездного исправника и расположены в ближайших к Ясной Поляне деревнях. Туда же вызваны были 10 стражников чернского и богородицкого уездов под руководством надлежащих становых приставов; в тот же день мною был отправлен на станцию Щекино тульский полицеймейстер капитан фон-Вернер,

на которого возложено было общее руководство нарядом, для изучения местности и для выяснения точного места предания земле тела Толстого, а на станцию Засека—тульский уездный исправник с урядниками тульского уезда. По прибытии на место капитан фон-Вернер присутствовал при приходе поезда, на котором прибыли Александра Львовна, Чертков, зять Толстого Сухотин, Сергеенко, пианист Гольденвейзер и еще несколько единомышленников Черткова и немедленно отправились в усадьбу Черткова. Выяснить от этих лиц что-либо определенное не удалось, но из негласных сведений определились приблизительно как время прихода поезда, так и место погребения».

Ожидания, что место смерти Толстого явится исходным пунктом для демонстраций, не оправдались.

По прибытии в Тулу Харламов вступил в контакт с Кобеко, который отдавал свои приказания в его присутствии. Вместе с Харламовым он направляется на станцию Щекино, откуда, «выяснив положение и преподав надлежащие указания, отправился на станцию Засека. На последней собраны были распоряжением местной жандармской полиции достаточное число жандармских унтер-офицеров и по моему распоряжению сорок городовых тульской городской полиции. Общее руководство нарядом полиции возложено было мной, как указано выше, на капитана фон-Вернера, для содействия которому были командированы два уездных исправника—тульский и крапивинский, три становых пристава, два помощника пристава тульской городской полиции, три командированных московским градоначальником чиновника московской городской полиции и два офицера конно-полицейской стражи. Городовые находились на станции Засека и около нее, сорок стражников были заранее посланы к месту погребения, двадцать расставлены по пути от станции до Ясной Поляны и пятьдесят стражников сопровождали процессию».

Перед отъездом Харламов и губернатор Кобеко посылают телеграмму в департамент полиции следующего содержания: «Получены сведения, что из Москвы с ведома местной администрации девять вечера идет экстренный поезд с тысячью студентами. Здесь провожать тело будут крестьяне из ближайших деревень. Могила вырыта парке. Сейчас выезжаем Засеку, где останемся до окончания похорон и разъезда почитателей. Харламов. Губернатор Кобеко».

Подробные сведения о похоронах Льва Николаевича мы находим в вышеупомянутом докладе тульского губернатора: «Поезд прибыл в восемь часов утра, подан был к товарной платформе, при чем гроб был вынесен семьей Толстого, крестьянами и студентами. Часть студентов пели «вечная память», каковое пение продолжалось все время шествия, и при опускании тела в могилу никаких возгласов, выкидывания флагов не произошло, и толпа, состоявшая приблизительно из 3.500 человек, держала себя тихо и спокойно. Впоследствии, ввиду встретившихся на поле крестьян окрестных деревень, которые во избежание скопления большого количества народа, не были допущены на станцию, гроб был несен одними крестьянами. Во время прибытия поезда прибыли чины управления московско-курской железной дороги.

В 11 часов шествие прибыло в Ясную Поляну, где гроб был внесен в дом для прощания с телом семьи. После такового прощания, допущена была в дом публика и крестьяне, которые проходили непрерывной вереницей мимо гроба. При этом не было никаких инцидентов, лишь граф Сергей Львович Толстой, увидав поставленных в комнате, где находился гроб, чиновников полиции, заявил капитану фон-Вернер: «Я не позволю, чтобы в доме, где лежит отец, находились эти. . . . ». Требование об удалении означенного чиновника не было, однако, исполнено, и пребывание его не вызвало никаких осложнений, служа в то же время гарантией, что могущие быть речи и возгласы будут своевременно прекращены.

В два часа дня гроб был перенесен к могиле, вырытой за фруктовым садом, в парке, возле дороги, где и опущен; при этом стражники, ввиду тесноты

места, засаженного деревьями, были удалены, но находились вблизи наготове, и могила была оцеплена крестьянами. После опущения гроба в могилу проживающий недалеко от Ясной Поляны мелкий землевладелец толстовец Буланже произнес следующие слова: «Великий Лев умер, да исполнятся заветы его христианской любви, да будет земля легка нашему великому Льву»; засим присяжный поверенный и режиссер Художественного театра Сулержицкий в весьма корректной форме разъяснил причину избрания для погребения Толстого данного места. Толпа разошлась спокойно, пропев «вечная память», и без всяких происшествий возвращалась на станцию Засека, откуда последний экстренный поезд отправлен был в восьмом часу вечера. При следовании студенческого поезда и поезда с депутациями в Москву никаких демонстраций на попутных станциях не происходило. Ни ко мне, ни к заведывавшему нарядом полиции капитану фон-Вернер никаких заявлений о некорректном поведении полиции не поступало, и, по личному моему наблюдению, чины полиции исполняли свои обязанности образцово. За происходящим около могилы, в Ясной Поляне и в усадьбе Черткова и Александры Львовны Толстой мной установлено негласное наблюдение, о результатах коего я представлю дополнительно вашему высокопревосходительству».

II.

Вокруг чествования памяти Л. Н. Толстого.

Нижеследующая переписка имела место в конце 1910 г. в пределах тамбовской сатрапии в бытность здесь губернатором знаменитого в свое время «истинно-русского» камергера Муратова. Корреспонденты—Н. П. Муратов, моршанский предводитель дворянства граф К. А. Бенкендорф и его заместитель М. А. Хрущов. Предмет переписки, ее тон и глубоко комичная ситуация настолько характерны для последних лет старого режима, что мы считаем небесполезным огласить ее, как своеобразный исторический документ. Точную копию прилагаемых документов мы получили в 1919 году от покойного М. А. Хрущова (ум. 1922 г.), заведывавшего в то время моршанским архивом, вместе с согласием на ее опубликование; такое же согласие дал и К. А. Бенкендорф.

1.

Графу К. А. Бенкендорф.

Милостивый государь,
граф Константин Александрович!

По имеющимся сведениям, граф Л. Н. Толстой серьезно болен, и возможно ожидать смертельного исхода.

Смерть Толстого, особенно после удавшегося шума с похоронами Муромцева, вызовет в кадетско-жидовствующей интеллигенции и прессе желание пошуметь еще более. Конечно, будут чествовать не давно умершего уже великого писателя-художника, а Толстого, отлученного от церкви анархиста, автора глубоко возмутительных кощунственных и анархических произведений.

В целях использовать смерть Толстого для политических демонстраций будут, несомненно, подняты вопросы о чествовании его памяти вставанием в различных собраниях и другими способами.

Так как земские и городские собрания никогда и ни в каком случае орудием политических демонстраций быть не могут, и так как граф Толстой и его деятельность никакого отношения к вопросам, подлежащим обсуждению означенных собраний, не имеют, то имею честь предложить никаких вопросов, связанных с именем графа Толстого, к обсуждению в председательствуемых вами собраниях не допускать.

Покорный и преданный слуга *Муратов*.

2 ноября 1910 г. № 7731.

2.

Н. П. Муратову, г. тамбовскому губернатору.

Милостивый государь Николай Павлович! Секретно.

Секретное письмо вашего превосходительства от 2 ноября 1910 года за № 7731 на имя моршанского уездного предводителя дворянства о недопущении чествования памяти Л. Н. Толстого, переданное мне 15 ноября старшим заседателем дворянской опеки А. И. Семенихиным, временно исправлявшим должность предводителя, было препровождено мною графу К. А. Бенкендорф, но от последнего никакого ответа получено не было.

Ввиду того, что я в настоящее время продолжаю исполнять обязанности предводителя дворянства, считаю своим долгом высказать вашему превосходительству мой взгляд по настоящему делу.

По крайнему моему разумению я полагаю, что после слов государя на доклад г. министра внутренних дел о кончине Льва Николаевича не может быть речи о недопущении почтения памяти великого писателя земли русской вставанием в собраниях, находящихся под председательством предводителя, по его личному усмотрению. Мирового культурного значения покойного Толстого не признавать невозможно,—он составляет славу и гордость русского народа, а потому нет сил воздержаться от почтения памяти его, чтобы тем присоединиться к великому национальному горю,—и я позволяю себе думать, что ваше превосходительство после слов государя не написали бы вышеозначенного письма, ставящего предводителя в невозможные условия и стесняющего его самостоятельность, что не оправдывается ни законом, ни правительственными распоряжениями. Прошу принять уверения в совершенном почтении и преданности.

И. д. моршанского уездного предводителя дворянства

29 ноября 1910 г. № 275. *М. Хрущов.*

3.

Его высокородию М. А. Хрущову.

Милостивый государь
Михаил Александрович!

Из письма вашего от 29 ноября за № 275 видно, что вы распечатали секретное письмо мое от 2 ноября за № 7731, адресованное графу К. А. Бенкендорф, и даете на него ответ в виде каких-то рассуждений.

Так как, по моему мнению, никто чужих писем распечатывать не может, а тем более не может давать на них ответа, и так как такой ответ постороннего лица для меня представляется совершенно безразличной бумагой, которую я и не обязан читать, то благоволите получить ваше письмо обратно.

Покорный слуга *Муратов*.

14 декабря 1910 г. № 17121.

4.

Милостивый государь
Николай Павлович!

Признавая себя обязанным и впредь поступать именно так, как я поступал, замещая предводителя дворянства графа К. А. Бенкендорф, с чем, вероятно, согласится последний, я считаю долгом объяснить вашему превосходительству, что основное правило морали, выраженное в письме вашем: «никто чужих писем распечатывать не может»,—мне известно с детства, и в настоящее время, при моих пятидесяти слишком годах, я в повторении его нужды не имею.

Примите уверение в совершенном почтении и преданности.

19 декабря 1910 г. *М. Хрущов*.

5.

Н. П. Муратову, г. тамбовскому губернатору.

Милостивый государь Секретно.
Николай Павлович!

Приняв сего числа от моего заместителя М. А. Хрущова дела и вступив в исполнение своих обязанностей, я ознакомился с перепиской, возникшею за мое отсутствие по поводу письма вашего превосходительства от 2 ноября за № 7731, и по этому поводу считаю своим долгом сообщить, что М. А. Хрущов, замещая меня, не только имеет право, но и обязан ознакомиться со всякой, хотя бы и секретной, бумагой,

поступающей на имя предводителя дворянства, и дать ей надлежащий ход. Такой порядок, по моему мнению, и с формальной стороны правилен, и его требует самая польза службы.

Что же касается до выраженного в ответном письме моего заместителя М. А. Хрущова от 29 ноября за № 275 взгляда по существу вышеозначенного письма вашего превосходительства, то могу только сказать, что всецело присоединяюсь к этому взгляду.

Прошу принять уверение в совершенном почтении и преданности.

Моршанский уездный предводитель дворянства
К. Бенкендорф.

20 декабря 1910 г. № 298.

6.

Графу К. А. Бенкендорф.

Милостивый государь
граф Константин Александрович!

На письмо ваше, от 20 декабря за № 298, долгом считаю сообщить, что ваше утверждение о необходимости вашему заместителю знакомиться со всякой, даже секретной, бумагой, адресованной на имя предводителя дворянства, совершенно справедливо, но пакеты именные, с прописью на конвертах имени, отчества и фамилии адресата, должны вскрываться только этим последним, и для всякого другого они являются чужою корреспонденцией. Я полагаю, что это настолько очевидно, что не требует доказательств, но если вам угодно иметь одно из них, то могу сослаться на тот случай, когда в адресованном на ваше имя секретном пакете будет заключаться какой-либо вопрос о поведении г. Хрущова. Само собою разумеется, такой вопрос может быть затронут в таком письме, которое будет распечатано вами, а не самим г. Хрущовым.

Что касается последней части письма, где вы высказываетесь за полное ваше согласие с ответом г. Хрущова, последовавшим на мое письмо, то должен заявить, что с ответом Хрущова и с его рассуждениями я совершенно не ознакомился и вернул это письмо г. Хрущову, как бумагу, для меня совершенно безразличную, считая, что г. Хрущов не мог мне официально отвечать на письмо, ему не адресованное. Таким образом судить о вашем мнении по поводу письма моего от 2 ноября за № 7731 я не могу, не имея для того никаких данных.

Прошу принять уверение во всегдашней готовности к услугам.

Муратов.

24 декабря 1910 г. № 8969.

Сообщил *Г. О. Гордон.*

Два письма Ф. М. Достоевского к М. Н. Каткову.

Печатаемые ниже черновики двух писем Ф. М. Достоевского к М. Н. Каткову должны быть отнесены к 1865 г., так как в первом письме указывается, что оно написано в Висбадене, куда, как известно, Достоевский приехал летом 65 года; второе письмо относится к этому же году.

Анализ текста писем дает возможность указать приблизительно более точную дату написания каждого письма.

Указания для определения времени *первого* письма дают следующие слова из *первого* письма: 1) «Я пишу ее (т.-е. повесть) здесь уже 2 месяца» и 2) «Я выехал в начале июля за границу»—и из *второго* письма: «Получив... 300 руб. в октябре месяце»...

Последние слова указывают, что в октябре уже был получен ответ на первое письмо, следовательно, оно не могло быть написано позже октября. Приняв во внимание, что письмо было написано после двух месяцев работ над романом, а работа эта началась, вероятно, не раньше половины июля (так как в начале этого месяца Достоевский только приехал в Висбаден и трудно предположить, что он немедленно принялся за работу), следует отнесть написанное письмо не раньше как ко второй половине сентября. Таким образом, период, к которому относится первое письмо, будет заключаться между второй полóвиной сентября и первой половиной октября, и, вероятно, скорее к сентябрю месяцу.

Переходим к содержанию письма. Поводом для его написания было желание Достоевского найти орган для напечатания задуманного и уже находящегося в работе «Преступления и Наказания». Он решил напечатать его в «Русском Вестнике» и обратился с предложением своего романа к издателю этого журнала М. Н. Каткову. Но не в этой деловой стороне письма заключается, по нашему мнению, его значение. Наибольший интерес представляет значение историко-литературное.

В этом письме мы знакомимся с первоначальным замыслом знаменитого романа, в схематическом изложении его содержания и, что особенно интересно, с характеристикой героя произведения и указанием мотивов его преступления.

Отметим, прежде всего, одну любопытную черту, касающуюся Раскольникова, о котором Достоевский говорит: «Молодой человек... *мещанин* по происхождению» (курсив наш). Повидимому, эта мысль сделать героем своей повести мещанина скоро была оставлена Достоевским, потому что уже в черновых набросках романа мы читаем следующую фразу, вложенную писателем в уста матери Раскольникова: «Раскольниковы *хорошей* фамилии, хотя твой отец и учитель был, а Раскольниковы двести лет известны».

Не делая никаких заключений из этого, мы приводим эту черточку, которая нам представляется довольно характерной и заслуживающей внимания в глазах исследователя создания романа.

Наибольший интерес представляют те места из письма, где автор объясняет мотивы, толкнувшие Раскольникова на убийство старухи. Главная причина—это сделать счастливою свою мать и сестру, избавиться от нищеты и стать честным человеком, неуклонно исполняющим «гуманный долг к человечеству». Как известно, в окончательной редакции романа психология Раскольникова значительно усложнилась, и цели убийства был придан иной характер и иные побуждения, далеко не столь альтруистические. Убийство для героя романа является своеобразным испытанием, экзаменом на «великого человека». В одном из первых черновых набросков романа мы читаем в высшей степени характерные замечания: «В его (т.-е. Раскольникова) образе выражается в романе мысль непомерной гордости, высокомерия и презрения к этому обществу. Его идея: взять во власть это общество, (тут же *зачеркнуто*: «чтоб делать ему добро»). Деспотизм его черта». «Он хочет властвовать и не знает никаких средств. Поскорей взять во власть и разбогатеть. Идея убийства и пришла ему готовая».

И на той же странице рукописи, на полях, читаем следующие слова, очевидно, предназначенные Раскольникову: «Чем бы я ни был, чтоб я потом ни сделал,—был ли бы я благодетелем человечества, или сосал бы из него, как паук, живые соки,—мне (мы?) дело. Я знаю, что я хочу владычествовать, и довольно».

Эти черты Раскольникова: гордости, высокомерия, презрения к людям настойчиво повторяются в целом ряде черновых набросков романа.

Приведенное сопоставление дает основание предполагать, что в процессе работы Достоевский изменил «идею» своего романа, хотя указание в письме на то, что его герой поддался «странным» и «недоконченным» идеям, может быть, и имеет в виду именно этот другой мотив преступления.

Наконец, еще одно место в письме невольно останавливает на себе внимание своей загадочностью. Говоря о Раскольникове, что после его преступления исполнением гуманного долга к человечеству он надеется, конечно, загладить преступление, Достоевский продолжает: «если *можно назвать преступлением* этот поступок над старухой» и т. д. Подчеркнутые нами слова можно приписать и Раскольникову, и Достоевскому. И если эта мысль принадлежит самому Достоевскому,—а мы склонны думать именно так,—то это одно из многих доказательств необычайного субъективизма писателя.

Ограничившись этими замечаниями, перейдем ко второму письму.

Что касается времени его написания, то, повидимому, его следует отнести к ноябрю 1865 г. Достоевский спрашивает, пойдет ли печатанием с январьской книжки его роман. Очевидно, дело идет о январе 1866 г., так как «Преступление и Наказание» стало появляться в «Русском Вестнике» именно с этого месяца этого года. Принимая во внимание, что в начале письма Достоевский говорит о получении денег от Каткова в октябре, нужно думать, что письмо было писано не в этом месяце, это с одной стороны; с другой стороны, трудно думать, что в декабре Достоевский еще не знал, что его роман уже будет выпущен в январьской книжке. Все эти соображения убеждают нас в правильности датирования этого письма ноябрем 1865 г.

Что касается содержания этого второго письма, то оно представляет интерес в отношении биографическом.

Отметим, между прочим, одно место в самом конце, указывающее, как ревниво Достоевский оберегал свои авторские права, когда самым решительным образом воспрещал какие бы то ни было поправки в своем произведении. Однако наибольшее значение в наших глазах письмо это имеет в другом отношении.

Когда Достоевский в июле 1865 г. уехал в Висбаден, то его финансовое положение было очень тяжелым. Большой долг, благодаря неудавшемуся журналу «Эпоха», с одной стороны, и нравственное или родственное обязательство поддерживать семью умершего за год перед этим брата Михаила, при полном отсутствии каких бы то ни было регулярных источников дохода, делали его положение катастрофическим. Приходилось жить в долг. Тяжесть положения усугублялась еще тем, что, вероятно, желая хоть каким-нибудь необычайным способом добыть денег, Достоевский прибег к рулетке и, конечно, проигрался.

И вот отголоски того состояния, в котором находился Достоевский, и запечатлелись в его письмах, особенно во втором.

Уже первое письмо кончается указанием на «крайне стесненное положение» и просьбой выслать аванс. Второе же главным образом говорит о деньгах и о том невыносимом положении, в котором находился Достоевский. И это признание нищеты собственной, нищеты семьи покойного брата, обращение к Каткову, которого он «лично не имеет удовольствий знать», как к «благородному человеку», к его «человеческому чувству», униженные просьбы о скорейшем ответе—все это производит невыразимо тягостное впечатление. И когда читаешь это письмо, то сам собой вспоминается из того же романа Мармеладов с его рассуждениями о том, что «нищета—порок», или такая его фраза: «Позвольте, молодой человек, случалось вам... гм... ну, хоть *испрашивать деньги в займы безнадежно*».

И это опять-таки укрепляет в мысли о том, в какой степени автобиографичны произведения Достоевского, из «самого себя» создавшего не одно действующее лицо своих романов и во всяком случае многих из них наделившего собственными выстраданными переживаниями.

Проф. И. Гливенко.

Письма Ф. М. Достоевского к М. Н. Каткову.

1.

М. Г. М. Н.

Могу-ли я надѣяться помѣстить въ Вашемъ журналѣ Р. В. мою повѣсть?

Я пишу ее здѣсь, въ Висбаденѣ уже 2 мѣсяца и теперь оканчиваю. Въ ней будетъ отъ пяти до шести печатныхъ листовъ. Работы остается еще недѣли на двѣ, даже можетъ быть и болѣе. Во всякомъ случаѣ, могу сказать навѣрно, что черезъ мѣсяцъ [1]) и никакъ не позже она могла-бы быть доставлена въ редакцію Р. В-ка.

Идея повѣсти не можетъ сколько я могу предполагать нивчем [2]) противорѣчить [3]) Вашему журналу; даже напротивъ. Это—психологическій отчетъ одного преступленія. Дѣйствіе современное, въ нынѣшнемъ году [4]). Молодой человѣкъ, исключенный изъ студентовъ университета, мѣщанинъ по происхожденію, и живущій въ крайней бѣдности, по легкомыслію, по шатости въ понятіяхъ, поддавшись нѣкоторымъ страннымъ, «недоконченнымъ» идеямъ, которыя носятся въ воздухѣ, рѣшился разомъ выти изъ сквернаго своего положенія. Онъ рѣшился убить одну старуху, титулярную совѣтницу, дающую деньги на проценты. Старуха, глупа, глуха, больна, жадна, беретъ жидовскіе проценты [5]), зла и заѣдаетъ чужой вѣкъ, мучая у себя въ работницахъ свою младшую сестру. «Она никуда негодна», «для чего она живетъ?». «Полезна-ли она хоть кому нибудь?» и т. д.—Эти вопросы сбиваютъ съ толку молодого человѣка. Онъ рѣшаетъ убить ее, обобрать, съ тѣмъ чтобъ сдѣлать счастливою свою мать живущую въ уѣздѣ, избавить сестру живущую въ компаньонкахъ у однихъ помѣщиковъ [6]), отъ сластолюбивыхъ притязаній главы этого помѣщичьяго [7]) семейства—притязаній, грозящихъ ей гибелью, докончить курсъ, ѣхать за границу и потомъ [8]) всю жизнь быть [9]) честнымъ, твердымъ, неуклоннымъ въ [10]) исполненіи «гуманнаго долга къ человѣчеству», чѣмъ уже конечно [11]) «загладится [12]) преступленіе», если только можно назваться [13]) преступленіемъ этотъ поступокъ надъ старухой глухой, глупой злой и больной, которая сама не знаетъ для чего живетъ на свѣтѣ и которая черезъ мѣсяцъ можетъ сама собой померла бы [14]).

Не смотря на то, что подобныя преступленія, ужасно трудно совершаются—т. е. почти всегда до грубости [15]) выставляютъ наружу концы, улики и проч. и страшно много оставляютъ на долю случая,

который всегда почти выдаетъ винов..., [16]) ему совершенно случайнымъ образомъ удается совершить свое предпріятіе и скоро и удачно.

Почти мѣсяцъ онъ проводитъ послѣ того до окончательной катастрофы. Никакихъ на нихъ подозрѣній нѣтъ и не можетъ быть [17]). Тутъ-то и развертывается [18]) весь психологическій процессъ преступленія. Неразрѣшимые [19]) вопросы возстаютъ передъ убійцею, неподозрѣваемые и несжиданные чувства мучаютъ его сердце. Божія правда, земной законъ беретъ свое и онъ [20]) кончаетъ тѣмъ, что принужденъ самъ на себя донести. Принужденъ, [21]) чтобъ хотя погибнуть въ каторгѣ, но примкнуть опять къ людямъ; чувство разомкнутости и разъединенности [22]) съ человѣчествомъ которое онъ ощутилъ тотчасъ-же по совершеніи преступленія замучило его. Законъ правды и человѣческая природа взяли свое (неразобрано) убѣжд... [23]) Преступн... [24]) самъ рѣшаетъ принять муки, чтобъ искупить свое дѣло [25]). Впрочемъ трудно мнѣ разъяснить вполнѣ мою мысль [26]).

Въ повѣсти моей есть [27]) кромѣ того намекъ на [28]) ту мысль, что [29]) налагаемое юридическ(ое)[30]) наказаніе за преступленіе гораздо меньше устрашаетъ преступника, чѣмъ думаютъ законодатели, отчасти [31]) потому что онъ и самъ его нравственно [32]) требуетъ.

Это видѣлъ я даже на самыхъ неразвитыхъ людяхъ, на самой грубой случайности [33]). Выразить мнѣ это хотѣлось именно на развитомъ, на нового поколѣнія человѣкѣ, чтобъ была ярче и осязательнѣе видна мысль. Нѣсколько случаевъ, бывшихъ въ самое послѣднее время, убѣдили [34]), что сюжетъ мой вовсе не экцентриченъ. Именно что убійца развитой и даже хорош(ихъ) накл(онностей) м(олодой человек [35]). Мнѣ разсказывали прошлого года въ Москвѣ (вѣрно) объ одномъ студентѣ, выключенномъ изъ университета послѣ Московской студен(ческой) исторію—что онъ рѣшился разбить почту и убить почтальона. Есть еще много слѣдовъ въ нашихъ газетахъ о необыкновенной шатости понятій, подвигающихъ на ужасныя дѣла. (Тотъ семинаристъ, который убилъ дѣвушку по уговору съ ней въ сараѣ и [36]) которую взяли черезъ часъ за завтрак....и проч.). Однимъ словомъ, я убѣжденъ, что сюжетъ мой отчасти оправдываетъ современность.

Само собою разумѣется, что я пропустилъ въ этомъ теперешнемъ [37]) изложеніи идеи [38]) моей повѣсти—весь сюжетъ. За занимательность ручаюсь, о художественномъ исполненіи [39])—не беру на себя судить [40]). Мнѣ слишкомъ много случалось писать очень, очень [41]) дурныхъ вещей, торопясь, къ сроку и проч. Впрочемъ эту [42]) вещь я писал не торопливо и съ жаромъ. Постараюсь, хотя-бы для себя только, кончить ее какъ можно лучше.

Лѣтъ шесть тому назадъ [43]) я присылалъ въ Р. В-къ одну мою повѣсть, за которую получилъ отъ Васъ деньги впередъ. Но вышло недоразумѣніе, дѣло не состоялось и я взялъ назадъ мою повѣсть, заплативъ деньги [44]). Можетъ быть я былъ отчасти [45]) виноватъ, можетъ быть былъ [46]) отчасти и правъ. Всего вѣрнѣе что и то и другое было. Теперь же [47]) скорѣе готовъ обвинить себя въ капризѣ, и въ зано(счивости) [48]). Я забылъ

подробности этого дѣла [49]). Могу-ли я надѣяться, что и Вы многоув. Мих. Ник. [50]) не захотите ихъ теперь припоминать?

— Въ продолженіе послѣднихъ шести лѣтъ мнѣ случалось получать плату [51]) съ листа от 250 р. [52]) (За Мертвый Домъ котораго начало печаталось въ бывшей газетѣ русск. міръ) до 125 р. предложенныхъ мнѣ еще недавно въ одномъ изданіи. Отдаюсь совершенно, въ назначеніи мнѣ платы на Ваше усмотрѣніе по прочтеніи повѣсти. Я слышалъ что такъ дѣлаютъ многіе изъ литераторовъ, имѣющіе съ Вами сношенія. Но во всякомъ случаѣ я бы [53]) желалъ получить съ листа [54]) не меньше minimum'а платы [55]), который [56]) мнѣ предлагали до сихъ поръ, т. е. 125 р. Но повторяю полагаюсь во всемъ на Васъ и [57]) твердо увѣр(енъ) что для меня это будетъ выгоднѣе.

Извините [58]), что перейду къ дѣламъ, касающи(мся) меня лично. Теперешнія обстоятельства мои очень не хороши. Я выѣхалъ въ началѣ Іюля [59]) за границу совершенно больной для леченія и [60]) почти безъ денегъ. Я надѣялся въ скорости кончить одну работу, но увлекся другой работой (тѣмъ что теперь пишу) о чемъ и не жалѣю [61]). Тѣмъ не менѣе я принужденъ теперь попросить у Васъ триста рублей [62]) разумѣется въ такомъ случаѣ если Вы захотите взять мою работу [63]). Прошу Васъ, Многоуважаемый Михаилъ Никифор(овичъ) не считать эту просьбу о 300-х рубляхъ—чѣмъ нибудь, принадлежащимъ къ условіямъ, которыя-бы я предложилъ за мою повѣсть. Совсѣмъ нѣтъ [64]): Это просто просьба къ Вамъ помочь мнѣ въ эту весьма трудную для меня минуту,—разумѣется—опять повторяю, — просьба, могущая имѣть мѣсто только въ томъ случаѣ если Вы [65]) изъявите согласіе [66]) принять мою работу.

Адресъ мой здѣсь... [67]) Во всякомъ случаѣ убѣдительнѣйше прошу Васъ [68]), не оставлять меня долго безъ извѣщенія [69]) из редакціи журнала. Для меня, въ моемъ стѣсненномъ положеніи всякая минута дорога. Я полагаю [70]) хотя я и самъ черезъ мѣсяцъ надѣюсь возвратиться въ Россію, но полагаю возможнымъ черезъ три недѣли выслать вамъ мою работу.

2.

М. Г. М. Н.

Получивъ, въ отвѣтъ на письмо мое къ Вамъ изъ за границы [71]), 300 руб., въ Октябрѣ мѣсяцѣ, я счолъ себя вправѣ считать, что дѣло о напечатаніи моего романа въ Русскомъ Вѣстникѣ вполнѣ рѣшено, а вслѣдствіе того усердно принялся за продолженіе работы [72]).

Но занятый моей работой, я уже не имѣлъ никакой другой, а такъ какъ я совсѣмъ не имѣю денегъ и никого теперь [73]) у кого бы могъ я занять, для поддержанія меня во время работы, то и впалъ теперь въ совершенную нищету. Извините что вдаюсь въ большія откровен(ности) [74]). Я зналъ всегда что вы человѣкъ благородный хотя и не имею удов(ольствія) знать Васъ лично какъ человѣка и как [75]). Обращаюсь къ Вамъ

какъ литераторъ къ литературу и прошу Васъ вникнуть въ мое положеніе. Я не одинъ, отъ меня зависитъ отчасти семейство покойного брата моего, которое находится въ совершенной нищетѣ и съ которымъ я дѣлю послѣдній [76]) грошъ. Кромѣ того у меня есть другія, святыя обязанности, которыми я не могу пренебречь. Не имѣя ни малѣйшихъ средствъ содержать себя, изтощая добродушіе моихъ знакомыхъ безпрерывными займами[77]), бѣгая по три дни за какимъ нибудь рублемъ, но три дни[78]), я въ то же время долженъ работать усиленно и страдаю нравственно: я люблю мою[79]) теперешнюю работу, я слишкомъ много возложилъ надеждъ и положилъ свою (sic) на теперешній [80]) романъ мой[81]) которымъ занятъ, а между прочимъ безпрерывно отрываюсь отъ работы теряю золотое время и съ разстроеннымъ духомъ (а вы литераторъ [82]), вы сами занимались изящной литературой, вы поймете это!)—долженъ садится за вещь, прежде всего поэтическую, которая требуетъ и спокойствія духа и опредѣленного настроенія [83]). Я бы давно уже[84]) прислалъ Вамъ всѣ четыре части которыя у меня уже кончены на черно, въ обдѣланномъ видѣ, но не могу [85]) по безпрерывнымъ [86]) замедленіямъ въ работѣ и теперь кончаю [87]) только вторую...[88]) [89])

А между тѣмъ на всѣ письма мои въ редакцію и на вопросы А. Ѳ. Базунова черезъ меня къ Г. Цвѣткову секретарю Вашему о высылкѣ мнѣ сколько нибудь денегъ, для поддержанія меня, я не получилъ еще даже никакого отвѣта. Мало того: не знаю, когда будетъ напечатанъ мой романъ, и наконецъ будетъ ли еще онъ напечатанъ у Васъ? Находясь въ такомъ[90]) невыносимомъ положеніи, покорнѣйше прошу Васъ обратить [91]) вниманіе Ваше на нижеслѣдующія и убѣдительнѣйшія просьбы мои:

Во первыхъ прошу Васъ [92]) помогите мнѣ. Работая для Вашего журнала я не могу взять никакой другой работы, чтобъ содержать себя, и на содержаніе мое я не имѣю ни копѣйки [93]), и заложилъ даже платье мое. И потому прошу Васъ выдать мнѣ 1000 рублей [94]) впередъ. 300 руб. я уже отъ Васъ получилъ, такимъ образомъ теперь я прошу прислать въ дополненіе 1000 [95]) только 700. Из этихъ 700 четыреста 50 прошу Васъ прислать мнѣ, а 250 доставить А. Ѳ. Базунову, которому я ихъ задолжалъ. Достав(илъ)[96]) я въ редакцію Русского Вѣстника теперь, всего никакъ не менѣе 7 листовъ, а можетъ быть и восемь [97]). Это почти равно 1000 руб. [98]) по принятымъ Вами моимъ условіямъ, а можетъ быть даже и болѣе. На дняхъ вышлю окончаніе 2-й части и не замедлю съ третьей. (Однимъ словомъ за мной задержекъ не будетъ; въ этомъ отвечаю; да и самъ дорожу этимъ, потому что съ любовью занимаюсь моей работой и дорожу впечатленіемъ на публику и на эту (?) много разсчитываю.

Во 2-х прошу Васъ убѣдительнѣйше дать мнѣ знать: Начнете-ли печатать мой романъ съ январскаго [99]) нумера, и когда онъ кончится[100]). Это очень важно для моего спокойствія знать объ Вашемъ намѣр(еніи).

Въ третьихъ прошу Васъ[101]): Если романъ мой Вамъ не нравится или Вы раздумали печатать его — то пришлите мнѣ его обратно. Вы человѣкъ[102]) Михаилъ Никифоров(ичъ), и съ человѣческимъ чувствомъ[103]). Вы поймете, что мнѣ, потерявшему столько времени непроизводительно столько здоровья, столько[104])—надо поскорѣе вознаградить его хоть чѣмъ нибудь, ибо клянусь Вамъ у меня[105]) я продаю послѣднія мои книги и я не одинъ[106]). Триста же рублей которые долженъ честное слово даю возвращу Вамъ.

Въ четв(ертыхъ)[107]) Сдѣлайте одолженіе не думайте чтобъ я въ чемъ-нибудь обвинялъ Васъ и не обидьтесь чѣмъ нибудь изъ письма моего. Мнѣ только тяжело было не получать отвѣта и оставаться въ невѣденіи.

А въ пятыхъ убѣдит(ельно)[108]) прошу отъ Васъ отвѣта на это письмо мое[109]) скорого и ясного, чтобъ я могъ знать вполнѣ свое положеніе и что нибудь предпринять.

Еще прошу: Если Вы намѣрены печатать романъ мой то покорнѣйше прошу Редакцію Русского Вѣстника не дѣлать въ немъ никакихъ поправокъ. Я ни въ какомъ случаѣ не могу на это согласиться.

Вполне надѣюсь послѣ такихъ просьбъ моихъ, что Вы Михаилъ Никифоровичъ, не захотите оставлять[110]) меня въ невѣдѣніи.

Адрессъ мой

Примите увѣрен(ие)

Примечания.

[1]) Зачеркнуто: «она непремѣнн». Над строкой вписано и зачеркнуто: «она могл.».

[2]) Слова «сколько.....нивчемъ»—вписано над строкой.

[3]) Зачеркнуто: «мысли».

[4]) Эта фраза вписана над строкой.

[5]) Слова: «жадна ..... проценты»—вписаны над строкой.

[6]) Зачеркнуто: «гдѣ». Над строкой написано: «отъ». Затем вписано над строкой же: «сластолюбивых».

[7]) Слова: «этого помѣщичьяго»—вписаны над строкой.

[8]) Слово: «потом»—вписано над строкой.

[9]) Слово: «быть»—вписано над строкой.

[10]) Слово: «въ»—вписано над строкой.

[11]) Слова: «чѣмъ уже конечно»—вписаны над строкой.

[12]) Написано: «загладить», затем исправлено: «загладится»—далее зачеркнуто: «этот легкій» и над строкой написано: «преступленіе».

[13]) Сначала было написано: «можетъ назваться»,—затем «может» переправлено на «можно».

[14]) Слова: «сама не знает .... и котор.»—вписаны над строкой.

[15]) Слова: «почти всегда до грубости»—вписаны над строкой.

[16]) Слова: «и страшно много..... выдает винов.....» вписаны над строкой и частью на поле страницы.

[17]) Эта фраза вписана над строкой.

[18]) Зачеркнуто: «много».

[19]) Зачеркнуто: «непо»...

[20]) Зачеркнуто: «самъ». Следующие слова: «кончает.... самъ»—вписаны над строкой.

[21]) «Принужденъ и»—вписано над строкой.

[22]) Первоначально написано: «разомкнутость и разъединенность», затем над строкой вписано: «чувство» и соответственно этому изменены окончания указанных слов.

[23]) Фраза: «закон.....убѣжд»—вписана над строкой.

[24]) Зачеркнуто: «онъ». Под строкой написано: «преступн».

[25]) Между строк вписано: «даже безъ сопро...».

[26]) Эта фраза вписана на поле страницы. Далее идет не поддающаяся разбору фраза: «я» (зачеркнуто: «в этой мысли я не могу.... предать теперь (?) худож. форму, в которой она сложила..... а форма в...»)

[27]) Зачеркнуто: «таким образомъ», над строкой вписано: «кромѣ того».

[28]) Зачеркнуто: «одну».

[29]) Над строкой вписано и зачеркнуто неразобранное слово.

[30]) Слово: «юридическое»—вписано над строкой.

[31]) Слова: «законодатели, отчасти»—вписаны над строкой.

[32]) Слово: «нравственно»—вписано над строкой.

[33]) «На... случайности»—вписано над строкой. Далее зачеркнуто: «но».

[34]) «Убѣдили»—вписано над строкой взамен вычеркнутого: «утвердили меня в».

[35]) Слова: «именно..... человѣкъ»—вписаны между строк.

[36]) Зачеркнуто: «завтр».

[37]) Слово: «теперешнем»—вписано над строкой.

[38]) Зачеркнуто: «мысли»—и сверху вписано: «иден».

[39]) Первоначально написано: «за художественное исполнение»—затем исправлено.

[40]) Слова: «беру.... судить»—написаны над вычеркнутыми: «беру на себя руч.....»

[41]) «Очень, очень»—вписано над строкой.

[42]) Написано: «Эту же»—затем вычеркнуто «же» и над строкой перед «Эту» вписано: «впрочем».

[43]) Далее зачеркнуто: «между мною и», затем над вычеркнутым написано: «присылалъ въ».

[44]) Далее зачеркнута фраза: «Я забылъ обстоятельства». Над словом «обстоятельства» вычеркнуто: «подробности».

[45]) «Отчасти»—вписано над строкой.

[46]) Далее зачеркнуто: «нѣсколь...»—и сверху написано: «отчасти».

[47]) «Теперь же»—вписано позднее над строкой.

[48]) Зачеркнуто: «и в заносчивости».

[49]) Над строкой вписано и зачеркнуто: «знаю (?) так... что теперь бы велъ его не такъ, какъ тогда».

[50]) «многоув. Мих. Ник.»—вписано над строкой.

[51]) Зачеркнуто: «за повѣ...»

[52]) Зачеркнуто: «до I».

[53]) Зачеркнуто: «не».

[54]) «С листа»—вписано над строкой.

[55]) «Платы»—вписано над строкой.

[56]) Зачеркнуто: «я получалъ» и над строкой вписано: «мне предлагали»

[57]) Зачеркнуто: «надѣюсь»—над строкой вписано: «твердо увѣр...»

[58]) «Теперешнія» вписано над строкой.

[59]) «В началѣ Іюля»—вписано над строкой.

[60]) Слова: «совершенно... и»—вписаны сбоку и между строками.

[61]) Слова: «работой... пишу»—вписаны над строкой.

[62]) Зачеркнуто: «впередъ».

[63]) Далее зачеркнуто: «Эта про».

[64]) Зачеркнуто: «Я».

[65]) Зачеркнуто: «согласитесь».

[66]) Под строкой зачеркнуто: «взя» и вписано «принять».

[67]) Многоточие и написание следующего слова с заглавной буквы принадлежат редакции. В подлиннике после слова: «здѣсь»—пропуск, далее с новой строки написано: «Но во всякомъ» и т. д., затем «но» вычеркнуто.

[68]) Зачеркнуто: «не замѣшкать».

[69]) Зачеркнуто: «от Васъ», над строкой вписано: «из редакции журнала».

[70]) Зачеркнуто: «что недѣли чер...»

[71]) На поле страницы написано и зачеркнуто: «с предложеніемъ напечатать въ Р. Вѣстникѣ мой ром.....»

[72]) Далее написано: «Потомъ я еще разъ слышалъ подтвержденіе отъ А. Ѳ.»—затем вычеркнуто: «я» и слово «разъ» переправлено на «раза» и над вычеркнутым «слышалъ подтверждение отъ А. Ѳ.»—написано: «два мнѣ передавалъ» и далее «А. Ѳ. Базуновъ отъ секретаря Вашего Г-на Цвѣткова, что редакція Русскаго Вѣстника готова напечатать мое сочиненіе на условіяхъ мною предложенныхъ». Позднее вся фраза перечеркнута. Написано и зачеркнуто: «оба». На новой строке написано и зачеркнуто: «Если».

[73]) Слово: «теперь»—вписано над строкой.

[74]) Слова: «Извините... откровен...»—вписаны карандашом на поле страницы.

[75]) Слова: «хотя... человѣка и какъ»—вписаны между строк.

[76]) Написано: «последнее»—и исправлено на «послѣдній» и над строкой вписано: «грошъ».

[77]) Слова: «безпрерывными займами»—вписаны над строкой.

[78]) Слова: «на три дни»—вписаны над строкой.

[79]) Слова: «я люблю мою» вписаны над вычеркнутыми: «и безъ того уже».

[80]) Над словом «теперешній» карандашом вписано: «этотъ».

[81]) Слово: «мой» вписано над строкой.

[82]) Над словом «литераторъ» зачеркнуто «сами».

[83]) Далее зачеркнуто: «занимаясь однимъ».

[84]) Над словом «уже»—вписано «далъ».

[85]) Зачеркнуто: «ибо такъ».

[86]) Слово «безпрерывнымъ»—вписано над строкой.

[87]) Над строкой вписано: «отослалъ».

[88]) Далее вычеркнуто: «Всегда, когда я работалъ такимъ образомъ прежде, гдѣ».

[89]) На поле страницы написано: «Клянусь Вамъ, что я не преувеличиваю»; далее зачеркнуто «об этомъ» и одно неразобранное слово. Далее карандашом: «Клянусь Вамъ, что ровно п о л о в и н у м(оего) врем(ени), а может больше я теряю в хлопотахъ в пріисканіи денегъ и в дурномъ распол(ожениі) духа».

[90]) Зачеркнуто: «жестокомъ»—над строкой написано: «невыносимомъ».

[91]) Зачеркнуто: «мое».

[92]) Над этими словами карандашом: «я все время былъ сотрудникомъ Р. В—ка».

[93]) Далее зачеркнуто: «я в нищетѣ».

[94]) Слова: «ибо... задолжал» вписаны позднее карандашом.

[95]) Слова: «прислать... 1000» вписаны над строкой.

[96]) Зачеркнуто: «Послалъ».

[97]) Зачеркнуто: «Если».

[98]) Вынесено на поля: «Я конечно не считаю, что до окончанія романа имѣю право ихъ требовать».

[99]) Зачеркнуто: «мѣсяца». Над строкой вписано: «нумера».

[100]) Эта фраза написана над началом вычеркнутой фразы: «Я до сихъ поръ такъ расчитывалъ и ужъ конечно опоздаю». Здесь же на поле страницы и частью между строк вписано: «или Вы ждете окончанія его отъ меня. Последнее будетъ

непременно. Я и без того не замедлю и дѣломъ занялся серьезно, а не легкомысленно».

[101]) Далее вычеркнуто: «отвѣчать мнѣ» и над строкой вписано: «Если романъ».

[102]) Над: «человѣкъ»—вписано неразобранное, недоконченное слово.

[103]) Далее зачеркнуто: «человѣкъ». Здесь же на поле страницы написано: «изъ уваженія къ самому себѣ Вы вѣроятно не захотите заставить страдать мое человѣческое достоинство и не оставите безъ отвѣта».

[104]) Слова: «непроизводительно, столько здоровья, столько» написано над строкой.

[105]) Далее вычеркнуто: «гроша нѣтъ и».

[106]) Слова: «и я не одинъ» вписаны над строкой.

[107]) Слова: «В четв(ертых) вписаны сбоку текста на поле.

[108]) Слово «убѣдит(ельно) вписано над строкой.

[109]) Слова «на это письмо мое» вписаны над строкой.

[110]) Первоначально написано: «не оставите»;—«захотите» вписано над строкой.

Два письма И. А. Гончарова к К. Н. и Р. И. Посьет.

Предлагаемые ниже два письма Гончарова печатаются с копий, найденных случайно в бандерольном пакете, хранившемся в библиотеке барона Остен-Сакена и ныне находящемся в кабинете литературы и искусств при Социалистической Академии. На бандерольном пакете, где найдены копии этих писем, надпись: «Материалы к Гончарову». Материалов в пакете очень немного. Это, во-первых, книжка Суперанского—«Гончаров и новые материалы для его биографии»; во-вторых, книжка Соловьева—«Гончаров, его жизнь и литературная деятельность»; наконец, несколько вырезок из газет. Все это не представляет никакой ценности, но между страницами книги Соловьева оказались вклеенными копии писем, доселе не опубликованных и заключающих в себе нелишенную интереса самохарактеристику и ряд штрихов к еще ненаписанной картине последних годов жизни писателя.

Одно из писем, датированное 25 августа 1873 года, адресовано Константину Николаевичу Посьету, адмиралу и затем министру путей сообщения, выдающемуся бюрократическому деятелю. Знакомство Гончарова с Посьетом относится еще к 1853 году, когда Посьет в чине капитана вместе с Гончаровым был участником морской экспедиции в Японию на фрегате «Паллада».

Второе письмо, с датой 28 июня 1885 года, адресовано жене адмирала, Розалии Ипполитовне Посьет.

Оба письма относятся к тому периоду жизни Гончарова, когда он ушел от литературной и общественной работы, замкнулся в своей уютной раковине на Моховой, зажил отшельником, сторонясь людей, ревниво таясь от их внимания, сохраняя связь лишь с небольшим кругом интимно-близких друзей, перед которыми он не боялся открывать душу. К этому интимному кругу, судя по письмам, принадлежала и семья Посьетов. Знакомство, начатое на фрегате «Паллада», с годами окрепло и к концу жизни писателя превратилось в дружеское интимное общение.

Из двух писем более интересным является первое. Оно заключает в себе очень ценную самохарактеристику, подчеркивающую, в качестве доминирующей черты характера Гончарова, болезненную нерешительность. Письмо это дает важные данные для решения до сих пор окончательно нерешенного вопроса об автобиографичности Обломова, дает ключ к правильному пониманию Гончаровской апатии и консерватизма.

Знакомство с этими письмами заставит нас внести кое-какие поправки в ту в общем удачную характеристику Гончарова, какую мы находим в книге Ляцкого. Следующие, например, строки Ляцкого о Гончарове: «к людям его не особенно тянет, и, переживая в том кругу, где он бывал, привычные и милые сердцу ощущения, он сам не вносил в общество ни веселья, ни даже оживленья» (см. кн. Ляцкого, стр. 190, Стокгольм 1920 г.),

едва ли можно согласовать с эпитетом «красноречивый», которым награждает Посьет Гончарова и который сам Гончаров заменяет еще более ярким словечком «болтун». Круг людей, где он бывал, был не широк, с годами суживался, но в этот круг его очень тянет, и здесь он, несомненно, вносил и веселье, и оживленье.

Немалый интерес представляет для всех интересующихся последними годами жизни Гончарова и второе письмо. Оно написано с рижского взморья, куда Гончаров каждый год выезжал с петербургской квартиры на Моховой, чтобы провести там летние месяцы. Письмо 73-х летнего Гончарова дышит светлым юмором, живо напоминающим страницы его «Фрегат Паллада». Перед нами прекрасная миниатюра, рисующая старика Гончарова, благодушествующего на рижском взморье с «маленькой командой» взятых им на попечение детей вдовы его старого слуги Трейгульд.

Сообщ. *Переверзев.*
В. Ф.

Два письма И. А. Гончарова.

1.

Письмо к К. Н. Посьет.

Моховая, домъ № 3, Устинова. 25 Авг. 73. Суббота.

Изъ всѣхъ добродѣтелей, какими Вы, прекраснѣйшій Константинъ Николаевичъ, украсили меня въ Вашемъ письмѣ, я беру только одну: нерѣшительнѣйшій прозываете Вы меня—и совершенно вѣрно и мѣтко, дай Богъ Вамъ здоровья. Можно прибавить еще: «старый», «болѣзненный», «ипохондрикъ»—и «лѣнивый», особенно лѣнивый, почти такой, какъ Вы.

И эта лѣнь, какъ я напрасно стараюсь объяснять всѣмъ (не хотятъ понять!) не есть порокъ во мнѣ, и не добродѣтель конечно, даже скорѣе добродѣтель, нежели порокъ: ибо, будь я дѣятеленъ и прилеженъ—какихъ бы новыхъ глупостей натворилъ я еще въ добавокъ къ старымъ.

Но лѣнь моя, повторяю, ни-то, ни другое, а просто натура! А Ваша какъ?

Я про Вашу лѣнь (извините, голубчикъ!) поминаю не просто, съ-дуру, а потому что Вы сами однажды сдѣлали благородное и капитальное признаніе въ ней и великодушно прибавили, что «если на меня (т: на меня, И. А.) больше всего валится камней за лѣнь, такъ это потому только, что я написалъ Обломова».

Это такія золотыя слова, что я хочу Вамъ поставить гдѣ нибудь здѣсь на Моховой или на Сергіевской памятникъ и на ономъ начертать золотомъ эти правдивыя строки.

Вы справедливо поняли, что человѣкъ написавшій книгу, да еще и не одну, уже отрекся тѣмъ самымъ отъ обломовщины и сверхъ того, написавши такую книгу какъ Обломовъ, онъ—такъ сказать—какъ Авраамъ, даже больше Авраама принесъ въ жертву, не сына, а самого себя! Это ли еще не подвигъ! А вотъ подите же: есть люди, ничего не писавшіе, вокругъ свѣта не ходившіе, готовы бросать каменьями, когда имъ говорятъ или пишутъ объ Обломовѣ! Это все «Климычи, кивающіе украдкой на Петра».

И такъ Вы сами рѣшили, что и Вы лѣнивы,—мнѣ отъ этого сознанія стало гораздо легче, я даже сталъ немного гордиться съ тѣхъ поръ—«вотъ—молъ какіе люди бываютъ лѣнивы!»

Но между нашими л ѣ н я м и та разница, что Вамъ никакъ нельзя лѣниться—и отъ этого много выходитъ хорошаго, и для Васъ, и для другихъ!

Моя стезя темна и скромна—и даже можетъ быть, какъ я выше объяснилъ, лучше, что я лѣнивъ: поэтому куда я разъ упалъ камнемъ, тамъ и лежу, обростая мхомъ, начиная съ Моховой своей квартиры, гдѣ живу 18 лѣтъ, до сѣдого мха на подбородкѣ.

Вотъ к р а с н о р ѣ ч и в ы м ъ Вы обозвали меня совсѣмъ напрасно. К р а с н о р ѣ ч и в ы е—это особая порода, которая не прячется скромно въ тѣни, между камнями и мхами, она гнѣздится въ академіяхъ, на кафедрахъ, въ судахъ, имѣетъ свои пріемы, обычаи, цѣлую науку и извлекаетъ отъ этого тьму выгодъ.

Назовите меня просто болтуномъ, я смиренно приму и это на свои плечи, какъ принялъ многое, что судьбѣ угодно было взваливать на такого лѣнивого вола.

Я болтаю что на умъ взбредетъ—какое же тутъ краснорѣчіе? Въ томъ и разница между тѣмъ и другимъ, что (зачеркнуто: «одни») краснорѣчіе обдумываетъ, расчитываетъ и получаетъ вѣрно исчисленные проценты, а безпечная и безхитростная болтовня пріобрѣтаетъ безконечные и разнообразные толчки, которыми я и продовольствуюсь съ тѣхъ поръ, какъ сталъ помнить себя.

Теперь о письмѣ моемъ. Я ослышался: мнѣ казалось, что Вы день отъѣзда Вел. Князя назвали въ воскресенье, и я еще все думалъ, о томъ (зачеркнуто: «что»), какъ онъ выѣдетъ въ день коронаціи?—Въ пятницу же я собирался мысленно къ Вамъ, но прежде хотѣлъ (зачеркнуто: «как») «п р е д п о с л а т ь», какъ говорятъ «краснорѣчивые» люди, письмецо къ Вамъ, въ надеждѣ, что и Вы назначите этотъ день. (Тутъ я сохранялъ надежду представиться и В. К.) А пріѣхать такъ, самъ собою, или написать Вамъ, что вотъ-де я пріѣду въ такой-то день, хотя (зачеркнуто: «какъ») Вы мнѣ разрѣшили и то, и другое, я не отваживался по своей.... н е р ѣ ш и т е л ь н о с т и.

Вотъ и теперь: и погода, и Царское Село, а болѣе всего Вы сами—все это такъ прекрасно, что взялъ бы да сѣлъ въ 4 часа въ вагонъ и пріѣхалъ къ Вамъ и посидѣлъ бы до $7^1/_2$ часовъ, но храбрости не хватаетъ.

Завтра, въ воскресенье, тоже хорошо; только подумаю поѣхать, какъ вдругъ дернетъ меня за рукавъ мысль: «ну, а какъ пріѣдешь не въ попадъ, не въ свободный день, когда не до тебя?» и т. д. Условиться заранѣе—а тамъ вдругъ разверзутся хляби небесныя и потекутъ водные потоки» и т. п.

И такъ я, нерѣшительнѣйшій, погибаю всегда и всюду! Несчастный!

Если же бы мнѣ посчастливилось увидѣть Васъ еще до переѣзда, тамъ въ Царскомъ Селѣ, то прошу—не балуйте меня, по неизреченной добротѣ своей, ни чаемъ—хонь коу (sic), ни такими сигарами, какихъ дали четыре, хотя,—если я еще и наслаждаюсь чѣмъ-нибудь, такъ это (зачеркнуто: то) чаемъ да сигарами. Но я пью простой черный чай, а отъ тонкаго чаю затрепещутъ мои нервы, и безъ того до жалости разстро-

енные. А къ такимъ сигарамъ, какъ Ваши, опасно привыкать, ибо переходъ отъ нихъ къ своимъ, обычнымъ, слишкомъ чувствителенъ.

Поэтому я долженъ бы радоваться (два зачеркнутыхъ слова): (съ горемъ пополамъ), что мнѣ, бѣдному (зачеркнутое слово) [1]) некому было привезти гаванскаго гостинца—въ большомъ количествѣ, а между тѣмъ смѣло доложу (зачеркнуто: «Вамъ»), что именно Вамъ, многолюбимый адмиралъ, слѣдовало бы привезти мнѣ ровно 700 сигаръ—по числу разъ спасенной мною Вамъ жизни! Но гдѣ нынче искать благодарности!

Не сѣтуйте на меня за мое краснорѣчіе, но Вы сами въ письмѣ говорите, что съ удовольствіемъ видите мой почеркъ—и я, какъ видите, не поскупился—и заслужилъ и рюмку мадеры, и мою пятую и послѣднюю сигару! Обнимаю Васъ и кланяюсь дамамъ.

Вашъ *Гончаровъ*.

2.

Письмо к Р. И. Посьет.

Дуббельнъ близъ Риги. Домъ Поссель. 28 іюня 1885.

Вы, конечно, не замѣтили, Свѣтлая, Прекрасная, Благородная Розалія Ипполитовна, что я покинулъ Петербургъ, не простясь съ Вами и съ доблестнымъ, могучимъ Конст. Ник. И какъ Вамъ замѣтить: около Васъ тѣснится такъ много всякаго люда! А я замѣтилъ, и мнѣ въ вагонѣ будто чего-то недоставало; такъ я и провезъ это чувство сквозь Псковъ, Динабургъ, и Ригу—досюда!

Прощаться вообще—не весело: но какъ много есть людей, съ которыми все бы прощался, напротивъ съ другими, немногими, только бы все здоровался! Съ Вами обоими меня позываетъ здороваться—и я рѣшился сдѣлать это хоть издали, заочно: «авось, думаю, вспомнятъ, какой я!» И вотъ здороваюсь—письменно: не осудите!

Я—на лонѣ природы: зеленыя сосны, желтый песокъ, сѣрое море, жиды, латыши, нѣмцы,—словомъ природа! Изъ пернатыхъ преобладаютъ пѣтухи, изъ не пернатыхъ—собаки.

Ласточки, судя по газетамъ, боятся холеры и потому ихъ мало, и мухъ—тоже, по той же причинѣ. Обилія плодовъ земныхъ также незамѣтно; кромѣ укропа и молодого картофеля, да огурцовъ и луку—на рынкѣ ничего не видать.

Такая скудость, я полагаю, проистекаетъ отъ перемѣны министерства въ Англіи.

Если глубоко чтимый адмиралъ поинтересуется знать, какіе господствующіе вѣтры здѣсь, то имѣю честь донести—сквозные. Моя вилла построена изъ барочныхъ подержанныхъ досокъ, изъ коихъ

---

[1]) Слова так зачеркнуты, что нельзя разобрать.

гвозди проданы жидамъ, а черезъ оставшіеся щели Эолъ провѣтриваетъ больныхъ посѣтителей со всѣхъ сторонъ. Отъ этого въ иной день болятъ зубы и носъ въ полномъ цвѣту, въ другой—ломитъ плечи или ноги—смотря, съ которой стороны дуетъ—отъ N или отъ W.

Здѣсь борятся между собою разныя вѣянія: нѣмецкое, русское, латышское, жидовское: главныя изъ нихъ нѣмецкое и русское. Неизвѣстно, что одолѣетъ: русскій квасъ или нѣмецкое пиво, на это много времени уйдетъ, а пока преобладаетъ чеснокъ и другіе жидовскіе запахи.

Я купаюсь въ морѣ: да жаль, соли въ немъ нѣтъ, и воды тоже мало. Идешь чуть не до ос. Эзеля все по колѣно, а чтобъ добраться до настоящей глубины—надо идти почти до Швеціи.

Пить тоже нечего: рѣка *Аа* или, по просту, Муха загажена фабриками, а воду для питья берутъ изъ колодезей, съ примѣсью желѣза. Вина я не пью, да оно, говорятъ, то же (sic) загажено подмѣсями.

Если бы простояла такая погода, какая стоитъ недѣли три, то можно бы благодушествовать: но я не вѣрю русской прекрасной погодѣ, какъ не вѣрю всякой красавицѣ. Неожиданно измѣнитъ и пойдетъ терзать дождями, градомъ, вѣтрами и грозами!

Но теперь пока хорошо. Ко мнѣ, на дырявую веранду, доносится морской вѣтерокъ, съ примѣсью запаха отъ сосенъ, который многіе находятъ пріятнымъ и полезнымъ: полезнымъ можетъ быть, но пріятности я не нахожу; по-моему, отъ сосны пахнетъ просто сапогами. Какая же тутъ пріятность!

Моя маленькая команда бѣгаетъ, купается, визжитъ, хохочетъ—словомъ, около меня жизнь въ миніатюрѣ.

Знакомыхъ здѣсь у меня мало—и хорошо: я не жалуюсь, не мѣшаютъ мнѣ сидѣть дома, жить по своему, свершать обычныя прогулки.

А кто позоветъ къ себѣ—я обижаюсь.

Когда минуетъ хорошая погода, буду вздыхать о Вашей прочной, роскошной верандѣ, о гостепріимныхъ хозяевахъ—и надѣюсь, въ концѣ августа, посидѣть на ней, среди Васъ, въ вечерніе часы и не однажды.

Въ ожиданіи этого прошу Васъ и добраго друга, Конст. Ник. принять мой дружескій, сердечный поклонъ. *И. Гончаровъ.*

От редакціи.

Опубликованные выше письма, как указывалось в предисловии, найдены в библиотеке бар. Остен-Сакена. В конце копии этих писем имеется приписка Остен-Сакена нижеследующего содержания.

Примечание для потомства.

Гончаровъ крайне опасался появленія своихъ частныхъ писемъ въ печати и неоднократно просилъ Р. И. Посьетъ принять мѣры, дабы

письма его не попали въ руки безтактныхъ и безсовѣстныхъ издателей разныхъ «Архивовъ» и «Старины».

И такъ прошу и я свято чтить волю покойного литератора.

Остенъ-Сакенъ.

4 октября 1902.

Редакция в интересах русской историко-литературной науки сочла себя обязанной, вопреки желанию самого Гончарова и подтверждающего его свидетельства Остен-Сакена, опубликовать эти забытые и затерявшиеся письма и тем сберечь их от утраты.

Из материалов о Ф. И. Тютчеве.

I.

Биография Тютчева до сего времени изобилует совершенно почти неразработанными периодами жизни поэта. Прежде всего к таким периодам относятся детство и в особенности юность Тютчева. Из его жизнеописания, составленного И. С. Аксаковым, мы узнаем только, что Тютчев получил воспитание под руководством поэта С. Е. Раича; что 14-ти лет он перевел стихами «Послание Горация к Меценату», которое было прочитано в «Обществе любителей российской словесности», почтившем юношу-переводчика званием своего сотрудника; наконец, что в 1818 г. он познакомился с Жуковским и тогда же поступил на словесное отделение московского университета, который и окончил «отлично» в 1821 г... В. Я. Брюсов в своих биографических разысканиях несколько дополнил эти слишком скудные сведения материалами, извлеченными, главным образом, из монументальной работы Н. Барсукова «Жизнь и труды М. П. Погодина». В опубликованных там выдержках из дневников Погодина, бывшего университетским товарищем Тютчева, есть ряд записей о Тютчеве-студенте, довольно отчетливо вырисовывающих степень его развития, круг интересов и т. п. На основании этих записей, кстати, переданных Барсуковым, по его обыкновению, далеко небезукоризненно, Брюсов пытался, между прочим, опровергнуть сообщение Аксакова об университетских успехах Тютчева, отмечая, что выпускные экзамены он сдал не сразу, а был допущен к ним осенью 1821 г., вторично, по особому ходатайству. Современному исследователю к тому немногому, что сообщено Аксаковым и Барсуковым-Брюсовым, прибавить почти нечего, если не считать нескольких прочувствованных и лестных слов о молодом Тютчеве в автобиографии его воспитателя Раича, да любопытного, правда, шутливого замечания профессора московского университета, поэта и критика А. Ф. Мерзлякова, о существовании при нем «академии стихотворства», в которой, вместе со своими университетскими товарищами, принимал участие и студент Тютчев [1]). К этому можно добавить только, что данные отчетов московского университета, из которых мы узнаем, что Тютчев за «отличные успехи и поведение» был награжден в 1820 г. похвальным листом, свидетельствуют скорее в пользу Аксакова, нежели Брюсова, между тем как, наоборот, протоколы заседаний «О-ва любителей российской словесности» позволяют исправить некоторую неточность в показаниях Аксакова: первым стихотворением

---

[1]) «Тютчев в деревне. Маленькая моя академия расстроилась. Пиесы его также не читаны и по той же причине лежат у меня до будущего своего воскресения». Письмо А. Ф. Мерзлякова к П. А. Новикову. «Рус. Стар.» 1879 г., т. XXVI, стр 350.

Тютчева, доставленным в Общество в 1818 г. и послужившим поводом к избранию автора сотрудником, было не «Послание Горация к Меценату», прочитанное в Обществе и напечатанное в трудах его год спустя, а недошедшее до нас подражание Горацию же «Вельможа». Исследование материалов архива московского университета, равно как проверка записей Погодина по хранящимся в Румянцевском музее дневникам его, также, можно почти наверное сказать, в свод наших сведений о Тютчеве-студенте ничего особенно существенного не внесут. Словом, «школьные годы» Тютчева, повидимому, образуют как раз один из тех «пробелов во внешних биографических данных», о которых первый биограф его отзывался, что их «пополнить нет теперь почти никакой возможности».

Тем значительнее поэтому нижеследующие восемнадцать писем и записочек Тютчева к своему университетскому товарищу, впоследствии известному историку, профессору московскаго университета М. П. Погодину, оригиналы которых хранятся в рукописном отделении московского Румянцевского музея [1]) и опубликованы до сих пор не были.

Правда, нового фактического материала записочки почти не дают. Мы узнаем из них кое-что о характере чтения молодого Тютчева, о ходе его университетских экзаменов и т. п., но все значение записочек не в этом.

Западные писатели XVIII и начала XIX века самые обыкновенные частные свои письма разрабатывали, как своего рода художественные произведения (отражение этого см. хотя бы у нашего Пушкина с его тщательной выработкой языка писем, обязательными черновиками и проч.); существовала особая, тонко развитая, эпистолярная поэтика, о которой, конечно, самое слабое представление могут составить старинные письмовники, улавливавшие живую, причудливо-пеструю зыбь современности в несколько традиционно-закаменелых схем-форм. Записочки Тютчева Погодину, по большей части, набрасывались на-спех, кое-как. Но в самом стиле их, в манере письма, с ее легкой иронией ко всему сущему со стороны познавшего жизнь и пресытившегося ею, в данном случае, в буквальном смысле, «философа в осьмнадцать лет», с великолепной небрежностью тона в отношении к самому себе и столь же изысканно-грациозными словесными росчерками и pointe'ами в адрес своего корреспондента,—чувствуется не только своеобразный charme эпохи, но содержатся и определенные черты для установки внутреннего портрета юного Тютчева, материалом для коего мы до сих пор совершенно не располагали. И характерно, что на этом портрете в сущности, еще школьника, с которого, как только наступают экзамены, мигом спадает вся его «взрослость» (см. записочки IX, X, XI), мы уже в состоянии различить ту тонкую и мечтательно-насмешливую улыбку остроумца скептика и поэта, к которой мы так привыкли впоследствии на лице шестидесятилетнего Тютчева.

Большинство записочек не датировано, но содержание и ряд внешних признаков позволяют безошибочно отнести их все ко времени от конца лета 1820 г., когда, незадолго до того, встретившиеся в университете Тютчев и старший его тремя годами и одним курсом Погодин жили под Москвой,—первый с родителями в селе Троицком, а второй в Знаменском у княгини Трубецкой на кондиции,—до отъезда Тютчева в Петербург на службу в начале 1822 г. Сопоставление же с записями Погодинского дневника дает

---

[1]) Шифр 3516, см. отчет москов. Публич. и Румянцевского музеев за 1909 г., стр. 25.

возможность установить и их последовательность внутри этих хронологических рамок [1]). Написаны они чернилами, реже карандашом, на небольших клочках белой, желтой, серой и синей бумаги, иногда с водяными знаками, чаще без оных; на некоторых из них проставлены даты, видимо, впоследствии, по памяти, рукой самого Погодина. Печатаем их с сохранением всех особенностей подлинника.

---

[1]) В отчете Публичного и Румянцовского музея 1909 г. указано, что письма Тютчева относятся к 1829 г. Однако это не так. На приложенном к папке 3516 и, видимо, писаном рукою самого Погодина перечне своих корреспондентов, записочки упомянуты в самом конце после писем 1828 и 1829 г.г., непосредственно следуя за письмами Трубецких от 1819—1820 г.г. и совсем не датированы.

I.

Письма Ф. И. Тютчева к М. П. Погодину.

Троицкое 8 авг(уста.)

Обстоятельства, любезнѣйшій Михайло Петровичъ, эта самодержавная власть въ нашемъ бѣдномъ мірѣ, не позволили мнѣ все это время видѣться съ вами. Я прожилъ недѣли полторы, въ Москвѣ по случаю сестриной болѣзни и только на-дняхъ мы воротились въ деревню. Сердечно сожалѣю, что ваше сосѣдство болѣе, до сихъ поръ, для меня удовольствіе отвлеченное чѣмъ положительное. Надѣюсь однако что не замедлю пріятную мысль превратить въ пріятную существенность.

Если вы кончили Исторію Инквизиціи, то пожалуста пришлите мнѣ ее. Эта книга абонированная и я долженъ ее немедленно возвратить книгопродавцу. Смѣю также напомнить вамъ и о другихъ вами мнѣ обѣщанныхъ, особенно о вашемъ сочиненіи—если не могу имѣть васъ самихъ, то буду очень радъ имѣть вашъ силуэтъ [1]). *Ѳ. Тютчевъ.*

На оборотѣ: «Милостивому Государю Михайлѣ Петровичу Погодину въ Знаменское».

2.

Смѣю ли, любезнѣйшій Михайло Петровичъ, напомнить вамъ обѣщаніе ваше. Вотъ уже болѣе трехъ недель какъ я, ежедневно, ожидаю удовольствія васъ видѣть и до сихъ поръ—безуспѣшно.

Если завтра вы найдете часокъ или два, коими бы могли подарить меня, то позвольте предложить вамъ экипажъ, который пріѣдитъ за (неразб.) Вы конечно не можете сомнѣваться въ удовольствіи которое вы этимъ доставите вашему преданному *Ѳ. Тютчеву.*

На оборотѣ: «Милостивому Государю Михайлѣ Петровичу Погодину въ село Знаменское».

3.

Отсылаю къ вамъ, любезнѣйшій Михайло Петровичъ, съ моею полною благодарностію томъ Мерзлякова и два Жуковскаго и съ покор-

---

[1]) Речь идет, повидимому, о незадолго до того написанном Погодиным «Рассуждении о нравственных качествах прекрасного пола», посвященном им княжне Трубецкой, в имении родителей которой он жил в это время на кондиции.

нѣйшею просьбою одолжить меня, если можно, присылкою слѣдующаго тома его сочиненій. Остальныя ваши книги не замедлю Вамъ доставить.

Вы, шуткою, просили у меня стиховъ. Я, чтобы отшутиться, посылаю вамъ ихъ. Они, какъ увидите, довольно вздорны, но я утѣшаюсь, по крайней мѣрѣ тѣмъ, что это послѣдніе [1]). Впредь ограничюсь (!) прозою, тѣмъ охотнѣе, что она весьма достаточна для изъявленія вамъ моей преданности и уваженія съ коими пребываю вашъ покорной слуга.

Ѳ. Тютчевъ.

На обороте: «Милостивому Государю Михайлѣ Петровичу Погодину».

4.

Вотъ вамъ и Тикъ и Русланъ [2])... Сдѣлайте одолженіе пришлите завтра съ Древностями [3]) и Pensées de Pascal буде вы ихъ кончили.

Прощайте—смотрите, не возненавидьте красотъ. *Тютчевъ.*

На обороте: «Милостивому Государю Михайлѣ Петровичу Погодину».

5.

Душевно благодарю васъ, любезнѣйшій Михайло Петровичъ—и отпускаю вамъ всѣ грѣхи, которые вы намереваетесь (!) сказать священнику на исповѣди—отпустите мнѣ мои—и примите увѣреніе моего уваженія и преданности къ вамъ, съ коими пребываю вашъ покорной

Ѳ. Тютчевъ [4]).

6.

Абдеритовъ [5]) посылаю къ вамъ на двѣ, три, четыре недѣли и еще больше—Листики Древностей прислать теперь не могу—надо рыться въ

---

[1]) Небрежный тон в отзывах о своих стихах был присущ Тютчеву в течение всей его жизни. «Бумагомарание», «довольно ничтожные вирши», «пустозвонное безделье»—обычные определения им своей поэзии.

[2]) Эта записочка может быть приблизительно датирована записью в дневнике Погодина от 1 ноября 1820 г. О разговоре с Тютчевым: «восхищались некоторыми описаниями в Пушкинском Руслане». Одновременное чтение Пушкина и Тика, можно думать, было вызвано желанием сравнить две однородных попытки художественного претворения народных сказок.

[3]) «Древности», упоминаемые в дальнейшем как «Листики древностей», видимо, являются либо «Журналом Общества Истории и Древностей Российских—Русские Достопамятности» кн. I, 1815 г. (*Лисовский*, Библиография русской периодической печати, Петр. 1915, № 226), или сборником «Записки и труды Истории и Древностей Российских при императорском московском университете (ibid. № 221a).

[4]) Датируется, видимо, весной 1821 г. В отношении религии Тютчев и Погодин обнаруживали уже к тому времени известный скептицизм. См., напр., запись в дневнике Погодина от 6 декабря 1821 г. и др.

[5]) Роман Виланда (1733—1813) «История Абдеритов», переведенный в 1793—95 гг. на русский язык проф. М. Г. Гавриловым.

бумагахъ, гдѣ онѣ (!) навѣрно. Но страшная боль въ горлѣ мнѣ сковываетъ руки—извините и пожалѣйте обо мнѣ

Тютчевъ.

7.

Древности возвращаю вамъ, любезнѣйшій Михайло Петровичъ съ моею благодарностью. На счетъ билетовъ—если 15 рублей кажется инымъ нѣсколько дорого—то посылаю къ вамъ 3 билета по 8 рублей.

Къ вашимъ услугамъ *Θ. Тютчевъ.*

На обороте: «Милостивому Государю Михайлѣ Петровичу Погодину».

8.

Извините меня, любезнѣйшій Михайло Петровичъ, что я такъ долго мѣшкалъ прислать къ вамъ книгу и тетрадь. Вчера воротились мы отъ Черепанова [1]) чрезвычайно поздно.

Смѣю попросить васъ о Введеніи и рѣчи Давыдова [2]). Пребуду на всегда васъ моего благодѣтеля покорной слуга и постоянной проситель *Θ. Тютчевъ* [3]).

На обороте рукой Погодина: «Въ іюнѣ 1821».

9.

Забылъ у Васъ, любезной Михайло Петровичъ, мои крючковатые каналы и несмысленныя промышленности. Да еще если вамъ не нужны вопросы, то принесите ихъ къ Гаврилову [4]) пожалуста, а я вамъ сообщу слѣдующіе.

Vale и помни (неразб.) и экзамены *Тютчевъ.*

10.

Давыдовъ Vindicta capiti imposta [5]), сказалъ мнѣ и Бычкову: [6]) Vos non amplius morate, т.-есть обѣщалъ экзаменовать насъ завтра, т.-е. съ латин(ского) и такъ послѣдній актъ вашего

---

[1]) Черепанов, Никифор Евтропиевич (1763—1823), профессор московского университета по кафедре истории, географии и статистики.

[2]) Давыдов, Иван Иванович (1794—1863), профессор московского университета по кафедре философии и латинской словесности. «Введение»—это, видимо, или «Опыт руководства к истории философии», М. 1820, или «Начальные основания логики», М. 1821. «Речь» эта, очевидно, «речь» о духе философии греческой и римской», произнесенная Давыдовым в торжественном собрании московского университета 6 июля 1820 г.

[3]) Эта записочка, равно как и две следующие, датируется экзаменационной страдой весны 1821 г.

[4]) Гаврилов, Александр Матвеевич (1795—1867), сын проф. М. Г. Гаврилова, с 1818 г. магистр московского университета, преподаватель русского языка в московском университетском пансионе.

[5]) Формула римского права. Vindicta—палочка, коей претор касался головы раба, отпускаемого на волю. Смысл употребления ее Тютчевым выясняется из следующей приводимой им фразы Давыдова. Vos non amplius morate и поясняющего ее контекста.

[6]) Университетский товарищ Тютчева и Погодина.

милосердія и сердолюбія, пришлите мнѣ если можно съ вопросами Череп(анова) также I т. Шрека [1]) и то что онъ отвѣтилъ. Еще же и Гаврилова вопросы. За симъ остаюсь, васъ милостиваго государя и черезъ 10 часовъ кандидата покорной слуга

Тютчевъ.

Приписка рукой Погодина: «июнь 1821».

11.

Что скажете о моемъ неугомонствѣ? Вмѣсто того чтобы благодарить васъ, любезнѣйшій Михайло Петровичъ, я къ Вамъ съ новыми просьбами. — Дайте, ради Бога, что-нибудь Гавриловскаго [2]). Такое время пришло что и Гаврилова надо.

Вашъ *Тчв.*

12.

Рѣдко можно быть такъ кругомъ виноватымъ и имѣть такъ мало извиненій какъ я имѣю.

Ваши книги держу такъ долго—и вмѣсто того, чтобы скорѣе прислать вамъ ихъ, прошу Васъ, ссудить меня еще разъ первою частію—и второю, если такое баловство покажется вамъ не выходящимъ изъ предѣловъ... Есть еще другое которое и больше и пріятнѣе для меня бъ было, а именно—пожаловать ко мнѣ...но вы рѣшились не заставать меня дома—и такъ я долженъ буду васъ подкарауливать у васъ, если вы еще не перемѣнили квартиры.

Вашъ покорной *Тютчевъ.*

На обороте: «Милостивому Государю Михайлѣ Петровичу Погодину»

13.

Услышавъ сегодня что вы въ Москвѣ, тотчасъ поѣхалъ къ вамъ, любезной Михайло Петровичъ. Но какъ поймать удовольствія съ перваго разу довольно трудно а должно напередъ за ними гоняться то и не удивляюсь что я не засталъ васъ дома.—Пріѣзжайте, сдѣлайте одолженіе сегодня если вамъ можно, и если Вамъ хочется одолжить вашего покорнаго

Тютчева.

---

[1]) Шрекк И. М. «Учебная книга по всеобщей истории на немецком языке, тисненная 6-м изданием, исправленная, дополненная и доведенная до новейших времен Г. И. Пельцом, пер. Е. Константиновым с присовокуплением синхронистических таблиц к каждому периоду и особенной краткой Российской истории» 5 частей 1819 г. Рассказывая впоследствии о своем знакомстве с Тютчевым, Погодин вспоминал: «вот я пишу ему ответы на экзамен к Черепанову из истории Шрекка о Семирамиде и Навуходоносоре» («Моск. Ведом.» 1873, № 190).

[2]) Гаврилов, Матвей Гаврилович (1759 — 1829), профессор московского университета, декан словесного отделения, автор многочисленных руководств по немецкому языку.

14.

Покорно благодарю васъ за «Элоизу»—и прошу (у) васъ Confessions [1])... Какой томъ лексикона [2]) нуженъ вамъ?—Что знаете объ этомъ сочиненьи Свиньина Петербургъ и его окрестности?..[3])

15.

Посылаю къ вамъ любезнѣйшій благодѣтель мой какъ вы назначили мнѣ (одно слово зачеркнуто) за Confessions Руссо. Отчего жъ не скажите Вы мнѣ—какой томъ нуженъ вамъ изъ моего лексикона?

Онъ и я, какъ вы должны быть увѣрены всегда къ вашимъ услугамъ.

Тютчевъ.

Не знаете ли вы, гдѣ бы можно было достать это сочиненье Свиньина,—которое, по вашимъ словамъ, желалъ бы очень прочесть.

Внизу приписка: «12 по утру».

16.

Говорилъ я, любезнѣйшій Михайло Петровичъ,—о Горацiѣ съ Раичемъ. Онъ согласенъ уступить вамъ свою часть. И когда вамъ будетъ время, зайдите къ нему—живетъ онъ, какъ вы, я думаю, знаете въ домѣ Муравьева на Дмитревкѣ [4]). Сдѣлайте одолженіе—утолите мою жажду. Пришлите продолженіе Исповѣди. Никогда съ такимъ рвеніемъ и удовольствіемъ не читывалъ.—Сочиненіе это всякому должно быть занимательно. Ибо, поистиннѣ (!) Руссо правъ: кто можетъ сказать о себѣ: я лучше этого человѣка?

Вашъ покорной *Тютчевъ.*

17.

Посылаю къ вамъ, любезнѣйшій Михайло Петровичъ, вожделѣннаго Горацiя. Этотъ Горацiй стоитъ Раичу 5 рублей.

---

[1]) Сочинения Ж. Ж. Руссо (1712—1778)—«Новая Элоиза» (1761) и «Исповедь.»

[2]) «Новый лексикон на немецком, французском, латинском и итальянском языке», проф. М. Г. Гаврилова (М. 1781—1789).

[3]) Павел Свиньин. «Достопамятности Санкт-Петербурга и его окрестностей», на русском и французском языках, 3 части. СПБ. 1816. Книга Свиньина, видимо, заинтересовала Тютчева в связи со сборами его на службу в Петроград, куда он и уехал в начале февраля 1822 года.

[4]) В начале 1819 г. воспитатель Ф. И. Тютчева, С. Е. Раич, покинул своего воспитанника и перешел в дом Н. Н. Муравьева для воспитания его младшего сына.

Не можете ли вы побывать на сихъ дняхъ у меня? Имѣю сообщить вамъ нѣчто до васъ касающееся [1]).

Вашъ *Тютчевъ*.

18.

Какъ вы решились съ Булыгиными, любезнѣйшій Михайло Петровичъ. Они предлагали вамъ по часамъ—согласились ли вы?

Я по крайней мѣрѣ желалъ бы этого и то, признаюсь, болѣе для себя нежели для васъ.

Такимъ образомъ васъ чаще можно бы было видать.

Если вамъ мой нѣмецкій лексиконъ не нуженъ, то я бы просилъ васъ—мнѣ его прислать.

Вашъ *Тютчевъ*.

II.

Эпиграмма на Каченовскаго.

Среди хранящихся в Румянцовском музее записочек Тютчева Погодину имеется один, руки Тютчева, сложенный вдвое полулист синей бумаги, первые две страничк и которого исчерканы вдоль и поперек именами русских и иностранных писателей, подобранных в столбики либо по начальной букве (напр., Дант, Драйден, Державин), либо по национальности (Клопшток, Гете, Виланд, Шиллер, Кальдерон, Лопвега, Сервантес и т. п.). Около каждого имени проставлена цифра (напр., 15—Карамзин, 10—Платон, 8—Сперанский, 51—Муравьев и т. д.). Столбики цифр большей частью сложены, внизу под чертой подписан итог. Такие же столбики цифр разбросаны то там, то здесь по листу и отдельно от имен писателей. На третьей страничке выписано три строфы Оды Вольности, содержащие описание убийства Павла и последующее увещание «царям» (от — «О стыд, о ужас наших дней».... до—«и станут верной стражей трона народов вольность и покой»). Наконец, на четвертой находится черновой набросок эпиграммы на известного профессора Каченовского. Явившийся такой благодарной мишенью для бесчисленных эпиграмм Пушкина и его друзей, Каченовский, видимо, и своих студентов неспособен был настраивать на слишком серьезный лад. Погодин как-то записывает в своем дневнике, что на лекции Каченовского он, вместо того, чтобы слушать, разговаривал с Тютчевым столь оживленно, что лектор «посмотрел в их сторону самыми косыми глазами». В другой раз, по воспоминаниям того же Погодина, Тютчев на лекции Каченовского «строчил» эпиграммы на этого последнего. В своем некрологе Тютчева Погодин писал, что эпиграммы эти хранятся у него; но до настоящего времени дальнейшая судьба их была неизвестна. Все это дает основания думать, что в данном случае мы как раз и имеем дело с одной из таких, писанных Тютчевым во время лекции, эпиграмм. Это предположение объясняет

---

[1]) «Нечто до вас касающееся» это, видимо, предложение Погодину места учителя в родственной Тютчеву семье Булыгиных, чему посвящено и следующее письмо. Сличение с записями Погодинского дневника позволяет датировать оба письма первыми числами декабря 1821 г.

и странный вид нашего полулиста и пестрый характер его содержания. Не зная, чем занять себя на скучной лекции, уже в то время тяготевший к литературе Тютчев сперва механически выписывал имена известных писателей, складывал случайные цифры, вспомнил и переписал несколько строф из Оды Вольности, которая тогда сильно занимала его (написал на нее около этого времени ответ), и, настроившись на стихотворный лад, набросал, наконец, эпиграмму на виновника снедавшей его скуки. Не далась ли ему эпиграмма, или, просто, после лекции он забыл о ней думать, но набросок так и остался незавершенным: последние две строки даже не рифмуются. Тем не менее не безостроумная по замыслу эпиграмма имеет значение, как первый образец эпиграмматического творчества знаменитого впоследствии остроумца.

Вот текст ее:

Харонъ и Каченовскій.

Харонъ. Не ужъ то братъ изъ царства ты живыхъ—
Но ты такъ сухъ и тощъ. Ей, ей готовъ божиться
Что духъ нечистый твой давно въ аду томиться (!)!
Каченовскій. Такъ, другъ Харонъ. Я сухъ и тощь (!) — отъ книгъ...
Притомъ (что долѣе таиться)
Я полонъ желчи былъ—отмстителенъ и золъ—
Всю жизнь свою я пробылъ спичкой.

Сообщил *Д. Д. Благой*.

Из записной книжки архивиста.

Несостоявшийся журнал М. Е. Салтыкова-Щедрина «Русская Правда».

Как свидетельствует А. Н. Пыпин, наблюдавший в начале 60-х годов особенно близко напряженную работу М. Е. Салтыкова-Щедрина в редакции «Современника», трудно сказать, что больше и чаще возбуждало его писательскую деятельность,—потребность художественного воспроизведения образов, создаваемых богатой фантазией, или чисто публицистическая потребность отзываться на волнения своего времени и карать те бессмысленные явления, которые возмущали в нем гражданское чувство [1]). Этот яркий—не укрощенный и впоследствии самыми тягостными ограничениями нашей подцензурной печати—темперамент политического публициста совершенно естественно должен был в годы «великих реформ» искать путей наиболее полного проявления, прежде всего—независимой журнальной трибуны. В старых органах передовой общественной мысли—«Русском Вестнике» и «Современнике»—М. Е. Салтыков, обогащенный опытом своей работы в только что раскрепощенной провинции и одинаково поэтому несклонный ни к отрешенным от жизни утопиями, ни к столь же доктринерским по существу компромиссам, не мог не чувствовать себя очень часто стесненным: в первом—все резче определявшимися оппортунистическими тенденциями М. Н. Каткова, во втором—идеологической диктатурой (в некоторых отношениях, правда, и близкого ему) Н. Г. Чернышевского. Обстоятельства эти, казалось, обусловливали необходимость скорейшего выявления с 1861 г. проектированного им в кругу тверских пионеров будущего земского движения нового органа кристаллизующейся буржуазной демократии, — с трезво обоснованной программой неотложных изменений расшатанного крестьянской эмансипацией старого государственного уклада, с ответственными заданиями строгого и непредвзятого учета всех последствий происходящей ломки традиционных хозяйственных и бытовых отношений или, как эзоповским языком должно было обозначаться в официальной декларации журнала, «добросовестного изучения жизненных явлений, устраняясь, насколько это возможно, от области отвлеченных теорий», «совершенно неприложимых (рефлекс, очевидно, не совсем изжитых славянофильских увлечений) [1]) к разрешению насущных вопросов, возникающих в среде русского народа, которого быт еще не определился окончательно и представляет много новых элементов», — якобы—«непредвиденных господствующими теориями» обществен-

---

[1]) А. Н. Пыпин, «М. Е. Салтыков», СПБ. 1899, стр. 21. Замечания А. Н. Пыпина об этой поре литературной деятельности М. Е. Салтыкова должны быть распространены и на позднейшие этапы творческой его работы. Ср., напр., интереснейшие материалы о Салтыкове в книге В. Розенберга, «Журналисты безвременья», М. 1917, стр. 37—191).

[1]) «Признаюсь—писал М. Е. Салтыков 23 августа 1857 г. И. В. Павлову—я сильно гну в сторону славянофилов и нахожу, что в наши дни трудно держаться иного направления. В нем одном есть нечто, похожее на твердую почву, в нем одном есть залог здорового развития». («Рус. Стар.» 1897 г.). Ср. характеристику славянофильских настроений М. Е. Салтыкова в труде Вл. Кранихфельда «М. Е. Салтыков» («Мир Божий», 1904, VII, 216—222).

ного устройства [1]). И действительно, обеспечивая себе заранее полную свободу действий, как руководителю оппозиционного политического издания, М. Е. Салтыков оставляет 9 февраля 1862 г. государственную службу в Твери и, не выезжая некоторое время из последней, при активнейшей поддержке вождей местных общественных сил — известных опальных деятелей крестьянской реформы А. М. Унковского и А. А. Головачева [2]),—переходит к практическому осуществлению вдохновлявших его планов.

В последних числах марта определились общие положения программы «Русской Правды» и круг особенно желательных в ней участников [3]) (помимо упомянутых нами выше—Н. Г. Чернышевский, А. Н. Плещеев, А. И. Европеус): официальным соиздателем и, вероятно, секретарем редакции приглашен издавна близкий организатору дела, литератор А. Ф. Головачев [4]); местом выхода нового журнала в свет намечена Москва и, наконец, 21-го апреля все необходимые для официального его разрешения материалы были сданы в московский Цензурный Комитет.

I. [1])

Въ Московскій Цензурный Комитетъ

Статскаго Совѣтника Михаила Евграфова Салтыкова и Коллежскаго Регистратора Аполлона Филиппова Головачева

Прошеніе.

Желая издавать в г. Москвѣ литературный и политическій журналъ подъ названіемъ «Русская Правда» и представляя при семъ программу этого изданія и два свидѣтельства о нашей благонадежности, выданныя намъ надлежащимъ мѣстнымъ Начальствомъ,—имѣемъ честь покорнѣйше просить Московскій Цензурный Комитетъ изходатайствовать намъ разрѣшеніе на изданіе вышеупомянутаго журнала.

Марта дня 1862 года

Статскій Совѣтникъ
Михаилъ Евграфовъ Салтыковъ.

Коллежскій Регистраторъ
Аполлонъ Филипповъ Головачевъ [2]).

II

Программа журнала «Русской Правды».

Съ 1-го января 1863 года будетъ издаваться въ г. Москвѣ литературный и политическій журналъ подъ названіемъ «Русская Правда».

Это изданіе имѣетъ главною цѣлью знакомить читающую публику съ разнообразными потребностями нашего оте-

---

[1]) Н. А. Белоголовый, не располагавший, очевидно, никакими сведениями об этом начинании М. Е. Салтыкова, допустил в своем известном рассказе о пребывании сатирика в Твери совершенно произвольное утверждение, что он «вышел в 1861 г. в отставку и переехал в Петербург, чтобы посвятить свои силы исключительно литературе, и именно «Современнику». (Н. А. Белоголовый, Воспоминания и др. статьи, изд. 3-е, М., 1898, стр. 204).

[2]) Принятие М. Е. Салтыковым политической платформы вождей тверской оппозиции не подлежит сомнению. К сожалению А. М. Унковский, фактический соиздатель «Русской Правды», ограничился в своих воспоминаниях о Салтыкове (точнее, в конспекте лекции, предположенной им вскоре после смерти сатирика, но не разрешенной полицией) лишь двумя строками об этом интереснейшем эпизоде из истории русской журналистики 60-х годов: «В конце 1862 г. было у нас с ним намерение издавать вместе ежемесячный журнал под названием «Русская Правда». Мы подавали об этом прошение, но разрешения не получили». («Русские Ведомости», 1894, № 115. Ср. Г. Джаншиев, «А. М. Унковский и освобождение крестьян», М., 1894, стр. 9).

[3]) Все эти имена устанавливаются нами по цитируемому ниже письму М. Е. Салтыкова к Н. Г. Чернышевскому; других сведений о предполагаемых сотрудниках «Русской Правды» до сих пор в печати не появлялось.

[4]) В 1865 году А. Ф. Головачев редактировал вместе с Ю. Г. Жуковским радикальный орган «Народная Летопись», приостановленный министром внутренних дел на двенадцатом номере.

[1]) Архив Цензуры и Печати (I ПБГ, отдел IV сек. Гос. Арх. Фонда). Дело особенной канцелярии министерства народного просвещения по представлению московского Цензурного Комитета об испрашиваемом статск. сов. Салтыковым и кол. рег. Головачевым дозволении издавать журнал «Русскую Правду». Нач. апреля 27 дня 1862 г. Оконч. мая 4 дня 1862 г. № 85.

[2]) Дата на оригинале прошения не проставлена; регистратурная отметка—21 апреля 1862 г.

чества и съ тѣми способами ихъ удовлетворенія, которые являются плодомъ всесторонняго разсмотрѣнія народныхъ нуждъ. Въ рѣшеніи общественныхъ вопросовъ «Русская Правда» будетъ руководствоваться подробнымъ и добросовѣстнымъ изученіемъ жизненныхъ явленій, устраняясь, насколько это возможно, отъ области отвлеченныхъ теорій. Издатели полагаютъ, что существующія теоріи общественнаго устройства, выведенныя изъ явленій, чуждыхъ нашей жизни, совершенно неприложимы къ разрѣшенію насущныхъ вопросовъ, возникающихъ въ средѣ русскаго народа, котораго бытъ еще не опредѣлился окончательно и представляетъ много новыхъ элементовъ, непредвиденныхъ господствующими политическими теоріями. Поэтому «Русская Правда» будетъ имѣть направленіе болѣе практическое, нежели теоретическое, и издатели употребятъ всѣ усилія къ тому, чтобъ сдѣлать этотъ журналъ самостоятельнымъ органомъ русской мысли.

«Русская Правда» будетъ выходить два раза въ мѣсяцъ книжками не менѣе 10 печатныхъ листовъ. Въ нихъ будутъ заключаться слѣдующіе отдѣлы:

I. *Изящная словесность*, въ который будутъ входить романы, повѣсти, разсказы, стихотворенія, драматическія произведенія, очерки, путешествія и т. п.

II. *Ученыя статьи* (или наука). Въ этомъ отдѣлѣ будетъ представляться, въ возможно полномъ и общедоступномъ видѣ, современное положеніе главныхъ вопросовъ по всѣмъ отраслямъ человѣческихъ знаній. Въ него будутъ входить и нѣкоторыя ученыя изслѣдованія.

III. *Критическое обозрѣніе*. Разборъ замѣчательныхъ русскихъ и иностранныхъ сочиненій и журнальныхъ статей.

IV. *Современное обозрѣніе*. Отдѣлъ этотъ раздѣлится на двѣ части: а) *Внутреннее обозрѣніе*, въ которомъ будутъ представляться періодически общій и систематическій обзоръ всѣхъ замѣчательныхъ явленій нашей жизни, какъ-то: движенія русскаго законодательства, правительственныхъ распоряженій и всѣхъ событій, имѣющихъ какое-нибудь значеніе въ нашей государственной и общественной жизни. Въ этой части также будутъ помѣщаться корреспонденціи изъ разныхъ мѣстъ Россіи, небольшія статьи, относящіяся до мѣстныхъ провинціальныхъ интересовъ или имѣющія временное значеніе, полемика по этимъ предметамъ и т. п. и б) *Политическое Обозрѣніе*.

V. *Смѣсь*. Фельетоны, статьи юмористическаго содержанія и т. п.

Цѣна этому изданію еще не опредѣлена, но издатели постараются сдѣлать его доступнымъ большинству читающей публики [1]).

Статскій Совѣтникъ
Михаилъ Евграфовъ Салтыковъ.

Коллежскій Регистраторъ
Аполлонъ Филипповъ Головачевъ.

III.

Свидѣтельство.

Дано сіе свидѣтельство проживающему въ г. Твери отставному Статскому Совѣтнику Михаилу Евграфовичу Салтыкову въ томъ, что къ изданію, на законныхъ основаніяхъ, журнала, который предполагается Г. Салтыковымъ къ выпуску въ будущемъ 1863 году, со стороны Тверскаго Губернскаго Начальства никакихъ препятствій нѣтъ.

Тверь. Марта 22 дня 1862 года.

Военный Губернаторъ г. Твери и Тверской Гражданскій Губернаторъ (подпись).

Начальникъ Канцеляріи (подпись).

IV.

Свидѣтельство.

Дано, вслѣдствіе прошенія отставному Коллежскому Регистратору Аполлону Филиппову Головачеву, для представленія въ Цензурный Комитетъ, при исходатайствованіи дозволенія

---

[1]) На оригинале программы сделана (в особенной канцелярии?) отметка: «Есть политика и полемика по мѣстнымъ вопросамъ». Соотвѣтствующие отделы отмечены в связи с этим.

издавать журналъ подъ заглавіемъ «Русская Правда», въ томъ, что онъ, Г. Головачевъ поведенія хорошаго и ни въ чемъ предосудительномъ замѣченъ не былъ.

Въ чемъ удостовѣряю подписомъ моимъ съ приложеніемъ казенной печати.

Апрѣля 16 дня 1862 г.

Московскій Оберъ-Полицеймейстеръ
Свиты Его Величества Генералъ-майоръ
(подпись).

Правитель Канцеляріи (подпись).

Программа «Русской Правды» не встретила в Москве никаких возражений и при благоприятном для издателей заключении Цензурного Комитета препровождена была 24 апреля 1862 г. в Петербург «на благоусмотрение и разрешение» управляющего министерствомъ народного просвещения А. В. Головнина. Не сомневаясь в положительном ответе последнего, М. Е. Салтыков еще 14 апреля счел необходимым точно осведомить о своем начинании редакцию «Современника». «Верятно вам известно, — писал он Н. Г. Чернышевскому,—что я вместе с Унковским и Головачевым задумал издавать с будущего года в Москве журнал, который будет выходить два раза в месяц. Независимо от официальной программы, уже поданной в московский Цензурный Комитет, мы предполагаем с августа приступить к печатанию объявления, в котором с большою ясностью выразится как цель издания журнала, так и самое направление его. Препровождая при сем проект этого объявления, мы просим вас сообщить нам ваше искреннее мнение об нем и не оставить нас вашими советами. Глубоко ценя и уважая вашу частную и общественную деятельность, мы заранее можем ручаться, что замечания ваши будут приняты с величайшею благодарностью» [1]).

Письмо заключалось выражением надежды, что «хотя по отношениям своим к «Современнику» Н. Г. Чернышевский и не сможет принять деятельного участия в новом журнале, но все же не откажет ему в сотрудничестве».

Между тем, в высших сферах, давно встревоженных «неблагонамеренными» тенденциями периодической печати обеих столиц, проект двухнедельника М. Е. Салтыкова должен был произвести весьма неблагоприятное впечатление. Официальная в это время репутация автора «Губернских Очерков» может быть очень точно определена по известной хотя бы характеристике его в секретном издании министерства внутренних дел.—«Собрание материалов о направлении различных отраслей русской словесности за последнее десятилетие—1855-1865 г.г.», где правительственным рецензентом прямо обозначалось, что произведения Щедрина, «несмотря на бывший огромный успех их в публике», имеют «большое значение бойкого, легкого и юмористического фельетона во вкусе отрицания» и особенно выделяются тем, что в них «нигде не заметно никакого идеала и ничего положительного» [1]). Эти официально установленные дефекты писаний будущего редактора «Русской Правды» не оставляли никаких сомнений в направлении руководимого им издания, тем более нежелательного, что программой его предусматривались и такие ответственные в органе радикальной общественности в момент осуществляемых сверху «реформ» отделы, как «политика и полемика по местным вопросам». С одной стороны, в виду этого, с другой, во избежание излишних осложнений с министерством внутренних дел накануне предрешенной уже передачи в последнее всех цензурных установлений, А. В. Головнин

[1]) «Былое», 1906, II, 250. М. К. Лемке, опубликовавший это интереснейшее обращение М. Е. Салтыкова к Н. Г. Чернышевскому, отмечает, что проект объявления о журнале при письме, к сожалению, не сохранился.

[1]) Отзыв этот принадлежал, как известно, чиновнику главного управления по делам печати П. И. Капнисту (op. cit, 185). В III отделении, в котором М. Е. Салтыков продолжал и в 60-ые годы состоять на особом учете, сохранилась характернейшая «справка», относящаяся к 13 сентября 1862 г.: «Статский советник Салтыков и коллежский регистратор Головачев принадлежат к кружку Каткова и в тесной дружбе с сотрудником «Русского Вестника» Пановским и князем Кугушевым; Головачев же слывет крайним либералом» («Рус. Мысль», 1906, I, 37—38).

отказался санкционировать представление московского Цензурного Комитета и 4 мая 1862 г. осведомил его председателя, что «по случаю пересмотра в высочайше учрежденной комиссии постановлений по делам книгопечатания» он «не признает возможным разрешить статскому советнику Салтыкову и коллежскому регистратору Головачеву издание журнала «Русская Правда» [1]).

Запрещение проектируемого М. Е. Салтыковым журнала было настолько неожиданно, что некоторое время сам писатель формальную ссылку А. В. Головнина считал единственным реальным основанием разрушившего все его планы отказа. В бумагах М. Е. Салтыкова сохранились относящиеся к концу 1862 года наброски его замечаний на труды как раз той «комиссии для пересмотра, изменения и дополнения постановлений по делам книгопечатания» [2]), утверждения выработанных которой законоположений официально предлагалось ему ожидать, как будущему издателю. Беспощадно в своих «замечаниях» обнажая ее тенденции «заменить произвол беспорядочный, существовавший до сих пор, произволом систематическим и формально узаконенным», М. Е. Салтыков подкрепил свой разбор сводящегося к безапелляционному административному усмотрению порядка разрешения новых периодических изданий едкой ссылкой на судьбу своей недопущенной к выходу в свет «Русской Правды». «Каждое новое издание увеличит количество труда, лежащего на министерстве; отсюда вероятность неосновательных отказов, а, между тем, отказ равносилен сопричислению просителя к разряду людей неблагонамеренных. Пишущий эти строки на себе испытал неудобство такового порядка вещей. В апреле настоящего года он просил, через московский Цензурный Комитет, разрешения на издание в Москве двухнедельного журнала, но г. министр народного просвещения не счел нужным дать просимое разрешение на том основании, что так как рассматриваются новые законоположения о книгопечатании, то и принято за правило до окончания этого дела не разрешать новых журналов. Законоположения эти до сих пор не рассмотрены, а между тем с тех пор разрешено не мало-таки новых журналов. Что означает этот факт? Не то ли, что просто-напросто хотели отказать в издании журнала именно Салтыкову; но почему же Салтыкову, который четырнадцать лет служил по министерству внутренних дел и из них четыре года был вице-губернатором? Салтыков мог, на общем законном основании, принести жалобу сенату; но почему же он не воспользовался этим правом? А потому, просто, что в то время, когда вышел отказ, он думал, что и в самом деле существует какое-то правило о временном неразрешении журналов; когда же он впоследствии убедился, что такого правила нет или что оно нарушается, то срок на подачу жалобы прошел» [1]).

Весьма характерно, что все это автобиографическое изъяснение пришлось в печати из статьи исключить, ибо самое запрещение М. Е. Салтыкову издавать журнал признано было цензурой не подлежащим огласке. И действительно, благодаря определенным мероприятиям в этом направлении, несколько десятилетий удавалось не допускать никаких упоминаний о тверском начинании, особенно нежелательном, быть может, и потому, что одним

---

[1]) Архив цензуры и печати, op. cit. с. 7.

[2]) Деятельность этой комиссии, официально руководимой председательствовавшим в ней кн. Д. А. Оболенским, освещена в монографии М. К. Лемке, «Эпоха цензурных реформ». СПБ, 1904.

[1]) К. К. Арсеньев, «Материалы для биографии М. Е. Салтыкова» (Полн. собр. соч. М. Е. Салтыкова-Щедрина, т. I, СПБ, 1905, стр. 72—73. Воспроизводится без перемен в отд. изд. «Салтыков-Щедрин». (Литер.-обществ. характеристика». СПБ, 1906, стр. 25—26). Совершенно несомненно, что анонимная статья Салтыкова в «Современнике», 1863 г., I—II, стр. 1—16, «Несколько слов по поводу замечаний, помещенных в октябрьской книжке «Русского Вестника» за 1862 г.»— должна рассматриваться, как сокращенная цензурная редакция «Набросков», опубликованных К. К. Арсеньевым.

из ближайших последствий крушения «Русской Правды» был столь знаменательный в истории нашей оппозиционной печати факт, как вхождение великого сатирика в официально «неблагонамеренную» редакцию красного «Современника».

Ю. Г. Оксман.

К пребыванию Ф. М. Достоевского в г. Твери.

Кратковременное пребывание Ф. М. Достоевского в г. Твери, где он прожил в 1859 году всего лишь около 3-х месяцев, следует признать в его многострадальной жизни тем этапом на пути к лучшему, чрез который ему пришлось пройти, оставив позади себя угнетающе-суровую жизнь в ссылке, и имея впереди свободное пребывание в столице с возможностью всецело отдаться литературному творчеству.

О пребывании его в Твери мы располагаем пока слишком ничтожными сведениями, которые ничего не говорят ни об условиях его жизни, ни об его творческой работе в этот период, но, во всяком случае, надо полагать, что среда, в которой он здесь вращался, и новая обстановка жизни губернского города не могли быть им не использованы для последующих своих произведений, и потому возможно допустить, что именно жизнь Ф. М. в Твери получила отражение в его романе «Бесы».

До прибытия в г. Тверь Достоевский, как известно, отбыл 4-летний срок каторжных работ в г. Омске и после этого, в 1854 году, был зачислен рядовым в Сибирский № 7 линейный батальон, находившийся в то время на квартирах в г. Семипалатинске. Здесь он прожил до 1859 года, продолжая во все время испытывать различные невзгоды судьбы бывшего каторжанина; улучшение его участи последовало лишь в 1856 году, когда, благодаря содействию генерал-адъютанта Тотлебена и принца Ольденбургского, хлопотавших за него в Петербурге, Ф. М. был произведен в прапорщики. Однако мечтой Ф. М. была не военная служба, — наоборот: покинуть ее, возвратиться в Европейскую Россию, где было бы возможно быстрее добиться разрешения печатать свои произведения и без помех продолжать творческую работу. С этой целью он подал прошение об увольнении его от службы, и при содействии того же генерала Тотлебена в 1859 году высочайшим приказом был уволен за болезнью в отставку.

В прошении своем об отставке Ф. М. просил разрешить ему иметь жительство в г. Москве, но в этой просьбе ему, как бывшему политическому ссыльному, было отказано, и ему было указано местожительством—г. Тверь.

Для проезда из г. Семипалатинска до г. Твери Достоевскому был выдан временный билет 30 июля 1859 года, после чего вскоре он и покинул место своей ссылки.

Из печатаемых ниже документов, составляющих дело № 3 за 1859 год канцелярии военного губернатора г. Твери и тверского гражданского губернатора (на 9 листах),—имеющее оглавление: «по предписанию г. министра внутренних дел об учреждении секретного надзора над прапорщиком Достоевским»,—прежде всего узнаем, что первое сведение о том, что Достоевский будет иметь жительство в г. Твери, было получено в канцелярии тверского губернатора еще в апреле месяце 1859 года от штаб-офицера корпуса жандармов тверской губернии, который сделал об этом губернатору следующее донесение:

«Военному губернатору г. Твери и тверскому гражданскому губернатору графу Баранову от штаб-офицера корп. жандармов тверской губ.

Секретно.

Г-н начальник 2-го округа корпуса жандармов, от 3 сего апреля, за № 40 сообщил мне, что сужденный по делу Буташевича-Петрашевского прапорщик Сибирского линейного № 7 батальона Федор Достоевский уволен ныне от службы с награждением следующим чином и обязался по отставке иметь жительство в г. Твери.

Доводя об этом до сведения вашего сиятельства, имею честь покорнейше

просить приказать меня уведомить, как о времени прибытия г. Достоевского в тверскую губернию, так и о месте, где он водворится.—

Подполковник *Симаковский.*

Апреля 8 дня 1859 г. № 128. Тверь.

На этом донесении, поступившем в канцелярию губернатора 9-го апреля 1859 года, имеется резолюция: «Ожидать предписания М. В. Д.»

Официальное уведомление по этому вопросу из министерства внутренних дел с указанием тех мер, какие должны быть приняты по отношению к Достоевскому по прибытии его в Тверь, было получено канцелярией губернатора 7-го мая.

«Секретно.

Господину начальнику тверской губернии.

Военный министр сообщил мне, что высочайшим приказом, в 18 день марта сего года состоявшимся, сужденный в 1849 г. по делу преступника Буташевича-Петрашевского прапорщик Сибирского линейного № 7 батальона Федор Достоевский уволен за болезнью от службы, с награждением следующим чином, и что офицер этот обязался жительствовать в отставке в г. Твери.

Вследствие сего, на основании высочайшего повеления, изъясненного в циркулярном предписании от 23 апреля сего года за № 80, прошу ваше сиятельство учредить за Достоевским секретный надзор, с воспрещением въезда в столицы и столичные губернии.

Министр внутренних дел *С. Ланской.*

28 апреля 1859 г. № 128.

Директор (подпись).»

В тот же день, 7 мая, канцелярией губернатора было отдано распоряжение тверской городской полиции, в коем предписывалось, чтобы, тотчас же по прибытии в Тверь Достоевского, учредить за ним секретный надзор и представлять о нем своевременно установленные сведения.

Однако скорое прибытие Ф. М. в Тверь чем-то задержалось еще в Семипалатинске: канцелярия губернатора, не будучи осведомлена об этом, вновь запрашивала 25 мая городскую полицию о том, прибыл ли на жительство в г. Тверь Достоевский.

Из дальнейшей переписки дела видно, что Ф. М. прибыл в г. Тверь спустя почти уже 2 месяца с того времени, как ему был выдан проездной билет в Семипалатинске,—так, лишь 22 сентября 1859 г. городская полиция делает губернатору следующее донесение:

«Военному губернатору Твери и тверскому гражданскому губернатору.

Тверской городской полиции

Донесение.

Во исполнение предписания вашего сиятельства от 7 мая сего года за № 3538, городская полиция имеет честь донести, что уволенный за болезнью от службы прапорщик Сибирского линейного № 7 батальона, Федор Достоевский, в г. Тверь прибыл, и об учреждении за ним секретного надзора, с воспрещением въезда в столицы, предписано приставу 1 части. Установленные же сведения о Достоевском будут представлены вашему сиятельству своевременно.

В должности полицмейстера (подпись)

Секретарь *Троицкий.*

Столоначальник *Плетнев.*

Сентября 22 дня 1859 г. № 2505».

О прибытии в Тверь Достоевского канцелярия губернатора 28 сентября поставила в известность штаб-офицера корпуса жандармов, и, таким образом, жизнь Ф. М. здесь была установлена на положении поднадзорного.

Никаких подробностей о личной жизни Ф. М. в Твери документы разбираемого дела нам не сообщают, но устанавливается лишь тот факт, что местная администрация не имела с ним никаких недоразумений и отношение к нему со стороны губернатора, графа Баранова, было самое благожелательное. Это видно из того, что через месяц по прибытии в Тверь Ф. М. подал прошение на имя царя с просьбою разрешить ему переехать на жительство в Петербург; губернатор Баранов отнесся к его ходатайству сочувственно, и со своей стороны особо возбудил хода-

тайство об удовлетворении просьбы Ф. М. перед главноуправляющим III отделением канцелярии, генерал-адъютантом князем Долгоруковым. В деле имеется по этому вопросу копия письма графа Баранова к князю Долгорукову следующего содержания:

«Милостивый государь
Князь Василий Андреевич.

Сужденный по делу преступника Петрашевского отставной подпоручик Достоевский, проживающий ныне в Твери под секретным надзором, обратился к его императорскому величеству с всеподданнейшей просьбой о дозволении ему переехать на жительство в Петербург для удобнейшего пользования от болезни и воспитания своего сына.

Входя, с своей стороны, в положение г. Достоевского, который, по роду своей болезни, действительно, не может здесь найти ни того медицинского пособия для себя, ни тех средств для воспитания своего сына, как в С. Петербурге, имея в виду, что в течение всего времени пребывания своего в Твери г. Достоевский вел себя отлично хорошо, я имею честь покорнейше просить сильного содействия вашего сиятельства к удовлетворению означенного ходатайства г. Достоевского.

С глубочайшим почтением и совершенною преданностью имею честь быть вашего сиятельства (подпись).

Верно: управляющий столом (подпись). 3 ноября № 7441».

Это ходатайство губернатора Баранова имело весьма благоприятный для Ф. М. результат. Не получив еще поданного Достоевским прошения на высочайшее имя, князь Долгоруков доложил государю о его просьбе, согласно письма графа Баранова, на что и последовало повеление разрешить Достоевскому проживать в Петербурге, но лишь с обязательством продолжать за ним иметь секретный надзор. Об этом высочайшем повелении тверской губернатор был поставлен в известность секретным уведомлением из III отделения, содержание коего здесь приводится:

«Секретно.

Господину начальнику тверской губернии.

Получив отношение вашего сиятельства за № 7441, в котором—сообщая мне, что отставной подпоручик Достоевский подал на высочайшее имя прошение о разрешении ему жительства в г. С.-Петербурге—вы, милостивый государь, просите моего ходатайства по этому предмету, я входил о сем с всеподданнейшим докладом, вследствие коего государь император на означенную просьбу всемилостивейше соизволил, с тем, однако, чтобы учрежденный за Достоевским секретный надзор продолжаем был и в С.-Петербурге.

Уведомляя о сем ваше сиятельство для зависящих распоряжений, считаю долгом присовокупить, что упоминаемая вами всеподданнейшая просьба г. Достоевского в вверенное мне управление не поступала.

Генерал-адъютант князь *Долгоруков*.

23 ноября 1859 г. № 2126.»

Получив приведенное выше уведомление, губернатор немедленно сообщил об этом с.-петербургскому военному генерал-губернатору, а также поставил в известность и тверскую городскую полицию.

При этом Ф. М. было отправлено графом Барановым следующее официальное письмо:

«Милостивый государь
Федор Михайлович.

Г. главноуправляющий III отделением собственной его императорского величества канцелярии уведомил меня, что по всеподданнейшему докладу ходатайства моего о разрешении вам жительства в С.-Петербурге государь император изъявил на это всемилостивейшее соизволение свое. Долгом считаю уведомить об этом вас, милостивый государь.

Примите уверения моего к вам почтения. (Подпись)

25 ноября 1859 г. № 7983».

Сведений с указанием времени выезда Ф. М. из Твери в деле не имеется, но можно полагать, что выехал он не

ранее середины декабря 1859 года, так как в деле хранится приводимая ниже сего копия уведомления тверского губернатора штаб-офицеру корпуса жандармов о последовавшем повелении разрешить Достоевскому иметь жительство в С.-Петербурге:

Секретно.

Г. штаб-офицеру корпуса жандармов тверской губернии.

Г. главноуправляющий III отделением собственной его императорского величества канцелярии уведомил меня, что государь император всемилостивейше соизволил разрешить проживающему в г. Твери под секретным надзором подпоручику Федору Достоевскому иметь жительство в С.-Петербурге.

Долгом считаю уведомить об этом вас, милостивый государь, в дополнение к отношению моему от 28 сентября сего года за № 6572.

14 декабря № 33. (Подпись).

В указанном уведомлении, написанном 14 декабря, имеется выражение: «соизволил разрешить п р о ж и в а ю щ е м у в г. Твери», следовательно, из этого видно, что в момент отправления уведомления за № 33, т.-е. 14 декабря, Ф. М. проживал еще в г. Твери.

Приведенным выше документом переписка в деле и оканчивается.

Сообщил *В. П. Олисов.*

Забастовка крепостных суконщиков [1]).

Одним из наиболее ранних известных нам проявлений рабочего движения в костромской губ. является забастовка крепостных рабочих на суконной фабрике в селе Шухомоши Нерехотского уезда в 1813 г. Забастовка эта представляла собою естественную реакцию крепостных суконщиков на невыносимые условия труда и жизни и, в качестве таковой, заслуживает описания. К сожалению, сведения о ней, которыми мы располагаем, имеют отрывочный характер, но и в таком виде они, думается нам, представляют интерес.

Фабрика, о которой идет речь, так же, как и имение, включавшее в себя, помимо названного села Шухомоши, еще село Середу-Упину (ныне известный фабричный центр и уездный город иваново-вознесенской губ.) и дер. Попадьину, принадлежала ранее генерал-лейтенанту князю Ивану Сергеевичу Барятинскому, затем по купчей перешла к Бибиковой, а по смерти Бибиковой — к опекунам ее, в управлении которых находилась и в 1813 г., когда произошли волнения рабочих. Впрочем, кр-не с. Середы с давнего времени, еще при Барятинском, были уволены от работ на Шухомошской ф-ке, и в 1813 г. на ней работали лишь кр-не с. Шухомоши и дер. Попадьиной.

Во главе фабричной администрации в описываемое время стояли приказчик Яков Никитин и мастер Егор Тимофеев. С марта 1813 г. [1]) крепостные суконщики с женами и детьми стали чинить им ослушание и не выделывать в положенное время задаваемых им уроков. 5 июня приказчик и мастер вызвали в контору вотчинного бурмистра Сергея Петрова, принесли ему жалобу на суконщиков. Бурмистр, в свою очередь, призвал суконщиков и учрежденного над ними старосту кр. с. Шухомоши Семена Ларионова и начал последнему выговаривать: «Чего он дал волю суконщикам, что они делают во всем остановку и положенных на них уроков не вырабатывают?» Староста оправдывался, ссылаясь на то,

[1]) Материал для настоящей заметки взят из дела канцелярии костромского губернатора за 1813 г. (№ 645): «Об ослушании кр-н села Шухомоши в производстве сукон», состоящего в сущности из одной бумаги-рапорта нерехотского земского исправника от 16 июня 1813 г. костромскому гражданскому губернатору об ослушании кр-н с. Шухомоши и дер. Попадьиной «в произвождении работы» на суконной фабрике.

[1]) Как об этом было письменно заявлено (в июне) приказчиком и мастером исправнику Линеву, командированному губернатором ордером от 2 июня «по случаю ослушания» кр-н для «удержания их от всяких противузаконных беспорядков» и для «приведения к должному послушанию пред начальником, над ними определенным».

что суконщики его не слушаются. «Вопреки чего, — сказано в рапорте исправника,—говорил ему бурмистр Сергей Петров: «Как! Прежде слушали, и отчего такая перемена сделалась?» за что и хотел бурмистр его (старосту) наказать». Увидев это, суконщики заявили бурмистру, что они «больше на фабрике работать не хотят, потому что не знают, кто у них будет господин и для кого они будут производить сию работу, с таковым дополнением, «что им есть нечего».[1]) «И так все пошли по домам своим,—эпически сообщает исправник в своем рапорте,—и по сие число на фабрике не явились». «По какой же причине не имеют они (суконщики) пропитания,—добавляли в своем письменном заявлении приказчик и мастер,—им неизвестно.»

Расследование на месте (опрос приказчика, мастера и самих суконщиков), произведенное исправником, вскрыло самую беспощадную эксплоатацию, которой подвергались суконщики на Шухомошской фабрике. Самое широкое и беззастенчивое употребление детского труда в самом нежном возрасте, применение системы «брат на брата», при которой всегда половина крестьян должна была работать на фабрике, «неимение дневного пропитания», вследствие чего суконщики вынуждались побираться, нищенствовать,—вот что обнаружил исправник, едва ли заинтересованный в сгущении красок.

Вот в его изложении показания, полученные им от приказчика и мастера. Они показали, что «при фабрике, вверенной управлению их, находятся люди обоего пола с осьми лет и до семидесяти; постановления же на лета рабочих людей от господ они не имеют, а употребляют в оную по возможности без всякого изнурения; на работу же ходят по половинному числу обоего пола, кроме детей, которые до двенадцатилетнего возраста бывают на фабрике без смены обоего пола; совершенных же лет ткачи и пряхи переменяются чрез сутки или как они захотят; вместо же заболевших рабочих людей, действительно, требовали они от бурмистра их работников, дабы не было остановки (в работах), нанимать же вместо себя новых никогда не принуждали и наказания за то никакого им не делали, а бывали наказываемы или за невыставление на срок данных им уроков, и то понемногу, а не так, как они (суконщики) показывают,—бесчеловечно». Мы видим, таким образом, что, по словам самой фабричной администрации, дети в возрасте 8—12 лет бессменно, т.-е. день изо дня, работали на фабрике.

Были опрошены исправником и крестьяне. «Оные крестьяне,—говорится в рапорте,—с женами ж и детьми единогласно показали и письменно ж утвердили, что никогда они противу начальников суконной их фабрики, на коей они находятся, ослушания никакого не делают, как-то у приказчика Якова Никитина, равно и у мастера Егора Тимофеева, и всегда при оной находятся безотлучно, и уроки, даваемые им, вырабатывают в положенное время; а сего июня 5-го числа отлучились они с оной фабрики, на которую и поныне не бывали, п. ч. не имеют дневного пропитания. Причина тому следующая: прежде всего, с самого начатия суконной их фабрики сделано от господ их навсегда постановление ходить на работу как из села, так и из деревни половинному числу людей обоего пола, а другая половина остается в домах для обрабатывания пашни и сенокосу; смены их таковые бывают по воле их иногда чрез сутки и более, как случится. Ныне же приказчик Яков Никитин и мастер Егор Тимофеев притесняют их тем, что вместо случившихся больных забирают (на работу) последних от домов или вместо оных принуждают нанимать работников, и тем домы их остаются без всякого призрения. В работе ж при суконной фабрике находятся малолетние дети их обоего пола от шестилетнего возраста, все старики и старухи до осмидесяти лет, а господское постановление—от 10 лет, а старикам до шестидесяти,

[1]) Разрядкой набраны как здесь, так и ниже места особенно важные. — *Е. Д.*

от каковых притеснений и наймов вместо себя работников не только лишились, но даже и земля не обработана, да и запахать нечем и времени на то не имеют, а изотдали всю оную в кортому; по той причине и на фабрику итти не могут для того, что ходят для собирания милостыни и тем себя кормят; больше ж всего вынуждены были оставить оную от несносных побой, чинимых им приказчиком и мастером за то, что вместо больных не выставляют работников, а нанимать оных им нечем; в рассуждение чего просили о том, куда следует, представить, а до приезду наследников их (т.-е. наследников умершей Бибиковой) дать им свободу для пропитания, дабы не помереть с голоду».

В приведенных строках ярко обрисованы те результаты, к каким приводила фабричная барщина. Отрывая от земли и домашнего хозяйства не только зрелую рабочую силу, не только полурабочих подростков, но даже детей с 6-летнего возраста и глубоких стариков до 80 лет, система эта оказывалась в корне несовместимой с ведением собственного земледельческого хозяйства: для земледельческих работ не хватало времени, земля оставалась необработанной, запахать ее было нечем, приходилось сдавать ее в аренду, а сами злосчастные суконщики, так как фабрика не обеспечивала их, превращались в нищих, вынужденных по окрестным деревням побираться, чтобы не умереть с голоду.

М. Н. Покровский [1]) говорит, что плантационное хозяйство на уральских заводах было правилом: «приписной» крестьянин все больше и больше обращался в безземельного раба, которого хозяин кормил и одевал, эксплоатировал за то и его, и его семью (случаи применения детского труда уже встречаются), как ему заблагорассудится. То, что мы находим на Шухомошской суконной ф-ке, представляет собою не менее классическое выражение плантационной системы, чем порядки на уральских заводах. Более того, некоторые черты ее выражены здесь гораздо ярче: детский труд применяется систематически, с самого юного возраста; вместе с тем не пренебрегают и трудом дряхлых стариков; крестьянское хозяйство разрушается в конец, фабрика не дает рабочему даже минимума средств существования, обрекая его на голод и нищенство. Выжать все силы и соки из рабочего и его семьи, не давая ничего или почти ничего взамен,—это основное правило плантационного хозяйства проникает собою все отношения между фабрикой и рабочими.

Помимо фабричной администрации и суконщиков был «спрашиван» исправником также и вотчинный бурмистр села Середы-Упиной—Сергей Петров. Показание его в изложении исправника заключалось в следующем: «Сего июня 5 числа призван он был в контору суконной фабрики, при селе Шухомоши состоящей, приказчиком Яковом Никитиным и мастером Егором Тимофеевым, которые требовали от него вместо заболевших ткачей из другой половины, дабы в работе остановки не было, почему он, призвав учрежденного над ними старосту Семена Ларионова, и требовал от него оных; также говорил ему, почему он дал волю рабочим людям, что делают они на фабрике во всем остановку и положенных на них уроков не вырабатывают, на что он (староста) ему отвечал, что они его не слушают и говорят, что не имеют пропитания, почему хотел он (бурмистр) его наказать; в то самое время, увидев (это), работники суконной фабрики закричали ему, Петрову, что больше они работать не будут, не имея пропитания и не зная, для кого продолжать будут сию работу, ибо неизвестно им, кто у них господин, и так все пошли по домам своим и по сие время на оную не явились. По какой же причине пропитания они себе не имеют, ему неизвестно, и посеян ли у них хлеб, или нет,—не знает; о побоях же, чинимых им приказчиком и мастером, ни

[1]) «Русская история с древнейших времен» т. 4, стр. 129.

от кого из них он не слыхал, а также чтобы нанимать вместо заболевших у них работников,—о том они никогда не объявляли».

Опросив стороны, исправник «по соображению всех открытых обстоятельств», подтверждал крестьянам с. Шухомоши и дер. Попадьиной, «дабы они, не отвергая прежнего владельца их постановления без особенного определенных ныне опекунов распоряжения, повиновались во всем приказчику Никитину и прочим определенным над ними начальникам, дабы чрез продолжение в сем неповиновении временно существующая уже в поставке в комиссариат сукна остановка не могла далее продолжиться».

Сделал исправник также попытку склонить крестьян с. Середы оказать помощь шухомошским суконщикам в производстве работ на фабрике. «А между тем,—пишет исправник,—склонял и крестьян села Середы-Ушиной, дабы они, по описываемому крестьян шухомошских чрез работу на фабрике доведению их до лишения дневного пропитания, оказывали им в той работе или в доставлении нужного пропитания каковое-либо пособие, но как сии последние ото всего оного отказались тем что они по воле прежних господ своих от работы на сей фабрике отменены и другого по сей части повеления от определенных опекунов не имеют, а вносят положенный на них оброк бездоимочно,—почему и означенные села Шухомоши крестьяне за многими моими подтверждениями работы никакаковой на сей фабрике не производят».

Таким образом миссия исправника, повидимому, была безуспешна. Чем кончилась в дальнейшем эта история [1]), к сожалению, в деле об этом сведений не имеется. Известно только, что костромской губернатор ордером от 17 августа 1813 г. предписал тому же исправнику Линеву отправиться в село Шухомоши «и по прибытии туда удостовериться, выполняют ли поселяна по приказанию господ их или наследников свою обязанность». Донесения исправника по исполнению этого поручения в деле не сохранилось.

В заключение не мешает упомянуть, что о волнениях шухомошских суконщиков сохранились среди местного населения рассказы, записанные в 1900 г. учителем середского начального народного училища А. А. Тихоновым. «В конце XVIII и начале XIX ст.,—рассказывает Тихонов,—с. Середа входило в состав шухомошской волости, и село Шухомоши (в 4 в. от Середы к юго-востоку) было не меньше с. Середы. Села эти со многими окрестными деревнями принадлежали князю Барятинскому, бывшему поставщиком сукна на русскую армию, и в с. Шухомоши была суконная фабрика (место ее и теперь заметно), на которой работали крепостные крестьяне поурочно. Фабрика эта, говорят, была жестокой тиранией для населения, страшно терпевшего от тяжести налагаемых на народ уроков. Страдавшее под бременем работ население долго придумывало, как бы от этих работ избавиться, и, когда владельцем фабрики (в начале XIX ст.) стал некто Темерин, купив или заарендовав ее у князя Барятинского, шухомяне придумали сжечь фабрику и этим избавиться от работы (середяне избавились от работ почему-то раньше). Чтобы удачнее привести свой замысел в исполнение, надо было сначала украсть с фабрики крест, бывший в корпусе фабрики вместо иконы, а иначе, как думали они, поджог не удастся, да и будет большим грехом. Крест украли. Началась порка, искали виновных, перепороли почти всех рабочих, но виновника кражи креста с фабрики не нашли. Вскоре фабрику сожгли, и работы прекратились. Украденный с фабрики 8-конечный крест цел и находится в церкви села Шухомоши. Бывший на фабрике вместо свистка колокол висит на колокольне середовской церкви, как вечерний (набатный) колокол. Кроме креста и колокола, свидетелей минувших дней, осталось и невещественное доказательство: в с. Середе жил мастер суко-

[1]) См. материалы костр. арх. комиссии по этнографической анкете 1900 г., а также Дюбюк Евг.: «Основные черты в развитии крупной промышленности в костр. губ. в дореформенное время». Труды костр. научного об-ва, вып. I, стр. 69.

ной фабрики, в Середе же и дер. Вощинках были конторы, и, как память об этом, в с. Середе и Вощинках существуют фамилии «Мастеровых» и «Конторщиковых» [1]).

Сообщил *Евгений Дюбюк.*

В 50-х годах.

В III отделении Госархива Р. С. Ф. С. Р. хранится любопытное дело секретного отделения канцелярии московского военного генерал-губернатора за 1850 г., № 53, о стихах преступного содержания, найденных у воспитанника гимназии Жохова, и об учреждении надзора за кандидатом Агеевым. Передаем вкратце содержание этого дела.

В январе 1850 г. [1]) в руки одного из преподавателей первой московской гимназии, Цемирова-Лебедева, попали рукописные стихи, автором которых оказался воспитанник этой гимназии 14-летний мальчик Жохов. Среди найденных стихов одно оказалось «столь преступного содержания», что оно немедленно было «представлено» директору гимназии, тот—попечителю округа, а последний вынужден был сделать «о сем» целый доклад «его сиятельству г. московскому военному генерал-губернатору графу А. А. Закревскому».

Как название, так и самое содержание стихотворения было настолько необычно для тех времен, что Закревский, ознакомившись с ним, всполошился и забил тревогу.

Это стихотворение мы приводим по новой орфографии с сохранением синтаксических и других особенностей подлинника.

«Воззвание к любителям вольности и равенства.

Теперь вопрос мне разрешите
Чем недостойней мы царя,
Чем хуже мы его? скажите!
Пора одуматься, пора.

Мы долго, долго преклонялись
В пыли и прахе пред царем
И долго, долго наслаждались—
Тем что ходим под ярмом.

Пора ребята! иго свергнем,
Мы все равны и раб и царь
Сенат, начальство ниспровергнем
Мы люди все, все божья тварь!

Не признаем мы власти Николая
Романов нам теперь не царь
Ура!!! да здравствует свобода золотая—
Романов подлая бессмысленная тварь!

---

[1]) Умышленные поджоги крепостными, доведенными до отчаяния безмерной эксплоатацией их труда, суконных фабрик случались, вероятно, нередко. Нам встретился в одном из земских изданий рассказ о поджоге суконной фабрики в с. Пестяках Гороховецкого у. владимирской губ., который мы и воспроизводим, так как он рисует условия, сходные с шухомошскими: «Говорят, что более 100—120 лет тому назад в Пестяках, когда крестьяне еще были вотчины Хованских, существовали суконные фабрики... По рассказам стариков, слышавших от своих отцов о фабриках, пожар их, объясняемый злостным поджогом, можно считать около 1780 г. Весьма вероятно, что возникновение этих мануфактур, представлявших из себя не что иное, как простые более или менее обширные светелки, где работа производилась исключительно руками, обязано своим происхождением покровительственной системе Петра I, тем более, что, по словам крестьян, сукна там ткались лишь армейские. Говорят, что крестьян заставляли работать на фабриках по 3 дня в неделю, оставляя, таким образом, для собственных крестьянских работ лишь $^1/_2$ недели. Тяжелая принудительная работа не обеспечивала собою процветания этих промышленных предприятий, и, сожженные крестьянами, они больше не восстанавливались» («Материалы для оценки земель влад. губ., т. V. Гороховецкий уезд. Вып. III. «Промыслы крест. населения». Владимир на Клязьме. 1901 г., стр. 14). В другом месте этой работы (стр. 4) говорится, что фабрики эти «сгорели как раз перед переходом крестьян вотчины Хованских к кн. Щербатовой. Новая владелица так и не восстановляла этих заведений... Память об этих фабриках жива еще в воспоминаниях крестьян до сих пор; жива эта память по тем ужасным рассказам, какие передаются о существовавших трудностях принудительной работы на них. Самый пожар объясняют поджогом, так как крестьянам не под силу стало терпеть трех- и четырехдневную барщину на них с раннего утра и до поздней ночи».

[1]) Излагаем по «делу секретного отделения канцелярии московского военного генерал-губернатора за 1850 г. № 53-й о стихах преступного содержания, найденных у воспитанника гимназии Жохова и об учреждении надзора за кандидатом Агеевым»; ныне хранится в III отделении Историко-революционного Госархива.

Шпионов всюду рассылает
И поймать желает нас,
Но верно он того не знает
Что век его уже угас.

Он упадет под нашими ножами
Ему дадим мы знать себя —
Растопчем мы его ногами
Свободу равенство любя.

Кто недоволен Николаем
Ступай теперь за мной вослед
Он ищет нас, мы это знаем,
Но поймает ли? Нет! Нет!»

Ознакомившись с этим произведением юного автора, Закревский немедленно распорядился уполномочить на производство следствия двух своих чиновников для особых поручений и обер-полицеймейстера.

Допрошенный генерал-губернатором, Жохов показал, что найденные у него стихи, в том числе и «Воззвание к любителям вольности», действительно, его собственного сочинения. Закревский потребовал производства следствия и опроса учеников с целью выяснения действительного автора этих стихов. Ученики единогласно показали, что автором этих «преступных» стихов не может быть Жохов, ибо он никогда «вредных» уклонов мысли не обнаруживал, хотя сочинением стихов занимается давно. С целью обеления Жохова, на вопрос начальства,— кому бы, по их мнению, могло принадлежать авторство этих стихов?—они дружно ответили, что автором их мог бы быть вышедший уже из гимназии воспитанник Михальский. По книгам такого ученика не оказалось, а был найден по фамилии Михалков, вышедший из 5 класса гимназии и в 1850 г. служивший юнкером в лейб-гвардии конном полку в Петербурге.

По получении этих сведений Закревский сообщил особым отношением III отделению о производимом им следствии, препроводив при нем копию стихов.

Начальник III отделения граф Орлов «всеподданнейше донес» об этом Николаю I, который распорядился немедленно разыскать и арестовать юнкера Михалкова, возложив производство следствия по этому делу непосредственно на Орлова.

Михалков был обыскан и арестован. Граф Орлов «лично его увещевал и допрашивал» и вынес убеждение, что автором этих стихов Михалков быть не мог, так как сочинительством стихов не занимается. Среди родственников Михалкова оказались князья Голицыны, и вращался он в кругах благонамеренной аристократии; отзывы начальства о нем получились благоприятные, и он был немедленно освобожден. Граф Орлов сообщил Закревскому о том, что «государь император, желая знать, каким образом, из какого источника дошло до меня стихотворение... изволил повелеть, чтобы я продолжал строжайшее розыскание по означенному предмету».

К этому времени Закревский выяснил, что Жохов «14 лет, поведения хорошего, учится хорошо и способностей хороших, характера пылкого», родных в Москве не имеет, в гимназии живет на полном пансионе, даже по праздникам в город не отлучается и только несколько раз бывал у кандидата прав московского университета Агеева. Обыском у Агеева, состоявшего преподавателем коммерческой академии, были обнаружены стихи: «Вольный»—стих. Растопчиной, «Насильный брак» и ответ на него тоже в стихах, затем собственные стихи Агеева «Московские новости», в которых «осмеивались бывший обер-полицеймейстер Цынский, бранд-майор Воробьев и доктор Иноземцев», а среди разных бумаг у Агеева было найдено сочинение: «сравнение республик Македонской и Римской», как объяснил Агеев, написанное им на «университетскую тему».

Допрос Агеева ничего для обнаружения автора стихов не дал, поэтому, как доносил III отделению Закревский, «и видя в Агееве наклонность к порицанию начальствующих лиц, я признал неудобным иметь его наставником юношества и потому удалил из практической коммерческой академии», учредив за ним секретный полицейский надзор.

За следствие принимается сам Закревский. Вызывает Жохова, доводит его до слез, но Жохов упорно твердит, что стихи писал он сам. Но Закревский не верит Жохову; он не может допустить мысли, что такие стихи могут быть написаны 14-летним мальчиком. Это обстоятельство побуждает его «предложить попечителю московского учебного округа заставить Жохова сочинить другие стихи, под строгим наблюдением инспектора». Жохову были даны две темы: «раскаяние» и «размышление». Жохов стихи написал в присутствии училищного начальства, которое и представило их Закревскому, сообщая в препроводительной, что «в исполнение сделанного вашим сиятельством поручения воспитаннику Жохову, имею честь представить написанные им сегодня в присутствии инспектора стихи, как доказательство способности его писать оные».

В своем отношении на имя начальника III отделения гр. Орлова (№ 326, от 12/III 1850 г.) Закревский принужден был констатировать, что Жохов «на самые тщательные и осторожные расспросы о сочинителе оных, показал, что писал и сочинял те стихи сам. По невероятности этого показания, обращено было внимание на лица, с которыми Жохов находился в сношениях и через которых, следовательно, мог получить стихотворения». Но таким оказался только Агеев, о результате обыска у которого мы уже упоминали.

Убедившись в способности Жохова писать стихи, училищное начальство распорядилось его высечь розгами и до окончания следствия посадить на 2 недели на хлеб и воду.

Неудовлетворенный этим, Закревский, как он доносил III отделению в указанном отношении, «признал нужным вторично потребовать к себе Жохова и, повторив убеждения, заставил его, в присутствии генерал-адъютанта Назимова, написать у меня стихи на заданную мною тему о необходимости повиновения начальству».

Жохов и в этот раз стихи написал и написал, очевидно, недурно, хотя Закревский и на этот раз не уверовал, что авторство воззвания принадлежит Жохову. Об этом он так писал графу Орлову:

«Хотя Жохов, повидимому, был доведен мною до раскаяния, ибо много плакал, и из последних трех стихотворений в нем видны хорошие способности, но как стихи эти далеко уступают присвояемому им себе стихотворению под заглавием «Воззвание к любителям вольности и равенства», то я все еще не убежден, чтобы сочинитель их был сам Жохов, тем более, что вложенная в них мысль не может принадлежать ребенку»...

Николай I потребовал исключения Жохова из гимназии и высылки его из Москвы, но эта мера показалась нецелесообразною III отделению, и Орлов «всеподданнейше представлял государю императору, что для вящшего наблюдения за Жоховым гораздо удобнее оставить его в гимназии, в виду правительства, нежели поручить надзору родителей». Убежденный в нецелесообразности указанного решения, Николай одобрил предложения Орлова: «его императорское величество во всемилостивейшем внимании к молодым летам помянутого воспитанника и по уважению того, что он, вследствие найденных у него стихов, подвергнут был наказанию своим начальством, высочайше повелеть соизволил: оставить Жохова, согласно моему мнению, в гимназии, но иметь строжайший надзор за его образом мыслей и поведением» [1]).

Сообщил *В. К.*

Речь А. П. Щапова после панихиды по убитым в с. Бездне крестьянам.

Бездненская трагедия 12 апреля 1861 г. и последовавшая за ней 16 апреля 1861 г. политическая демонстрация казанской учащейся молодежи в виде публичной панихиды по убитым в Бездне крестьянам—хорошо известны в литературе и подробно рассказаны на основании не только воспоминаний современников, но и по архивным

[1]) См. отношение III отделения на имя Закревского от 21 марта 1850 г., за № 568.

THIS CHART

FIFTH CHAR

AT THE END

T WILL BE THE

ART APPEARING

D OF THIS FILM.

материалам [1]). Но в истории этой панихиды один момент оставался не вполне выясненным. Это—речь, произнесенная после панихиды профессором казанского университета А. П. Щаповым.

Речь Щапова была, конечно, центральным моментом демонстрации особенно, если принять во внимание подъем, с которым она была произнесена и который передался слушавшим его демонстрантам. Вполне понятно поэтому, что правительство прежде всего заинтересовалось именно речью, ее содержанием. В частности содержание речи пожелал узнать Александр II. Между тем текста речи в распоряжении казанских властей не оказалось. Было известно из показаний самого Щапова, что у него имелся черновой набросок речи, но, по его же словам, этот набросок, будучи отдан кому-то из студентов, уничтожен. И за ненахождением подлинного текста речи пришлось казанскому начальству донести в Петербург лишь приблизительное содержание ее, что и сделал казанский губернатор Козлянинов. Именно, 20 апреля 1861 г. он сообщил: «Мне речь известна отрывками, что учение Христа демократическое, умер за свободу, как умирают теперь наши братья-труженики, удобрившие своею кровью нивы, которые полили своим потом; скоро настанет момент освобождения России, и что-то о конституции» [2]).

После Щапов, уступив настойчивому требованию казанского архиепископа к правлению академии, где он состоял преподавателем, изложил содержание речи.

«Я говорил,—сказал Щапов: Христос бог наш, возвещая истинную свободу и братство, от Пилатова суда умер на кресте, искупив своею кровию всех нас. Вы, други, увлеклись ложною свободою, возвещенною вам ложным пророком. Тут я вкратце говорил об историческом происхождении ложных пророков в России, как в первой половине XVIII века являлись в России и называли себя христами. Потом из этого я вывел, что убитые увлеклись ложною свободою потому, что мы не уяснили им истинной свободы, не заботясь почти нисколько об их просвещении. Я заключил: «вы пали по невинному неведению жертвой за то, что мы, служа просвещению народа, не просветили вас, заблудших сынов отечества. Простите нас. Мир праху вашему и вечная память» [1]).

Наконец следователям, тоже усиленно старавшимся установить подлинный текст речи Щапова, был доставлен список речи казанским полицеймейстером и инспектором училищ одинаковой редакции без ручательства, однако, за верность его.

Этот список заключает в себе следующий текст: «Други, нечеловеколюбиво убиенные. Сам Христос возвещал народу искупительную свободу, братство и равенство во времена римской империи и рабства народов и по Пилатову суду кровию своею запечатлел свое демократическое учение. В России за 160 лет стали являться, по причине отсутствия просвещения, среди сельских общин свои мнимые христы, которые по-своему возвещали свободу от своего рабского страдальческого положения в государстве. С половины XVIII века эти мнимые христы стали называться пророками, искупителями сельского народа; вот явился новый пророк и также возвещал во имя божие свободу, и зато много невинных жертв пострадало, не поняв ограниченного государственного положения, по причине недарованного им просвещения. Мир праху вашему, бедные страдальцы, и вечная память. Да успокоит господь ваши души и да здравствует общинная свобода, даруемая вашим живым собратьям» [2]).

Таким образом оказывалось три варианта речи Щапова: один—в редакции

---

[1]) Смотри лит. вопроса у А. А. Шилова: «Что читать по истории русского революционного движения», стр. 83.

[2]) «Голос Минувшего», 1917 г. № 9—10, стр. 90 В таком же духе была речь Щапова и по донесению казанского попечителя учебного округа кн. Вяземского (Попельницкий, «Панихида по убитым в Бездне крестьянам», стр. 98).

[1]) Соч. Щапова, т. III, стр. XLI—XLII.

[2]) Соч. Щапова, т. III, стр. 38.

самого оратора, другой—в редакции полицеймейстера и инспектора и третий—в редакции губернатора. При сличении их нетрудно заметить между ними разницу: даже два первых варианта при всей близости между собой все же отличаются один от другого. Редакция Щапова мягче и, так сказать, невинна по содержанию, тогда как в редакции полицеймейстера более оттенена и подчеркнута политическая сторона речи: «демократическое учение Христа», «общинная свобода». А в редакции губернатора уже прямо говорится о конституции и обагрении крестьянкой кровью той земли, которую они обрабатывали и поливали своим потом.

За неимением подлинного текста речи Щапова исследователи склонны были за более близкий к нему считать вариант первый, т.-е. изложение речи, сделанное им самим, тем более, что она в некоторой степени совпадает со списком полицеймейстера [1]).

В настоящее время проф. А. И. Яковлевым передан через М. Н. Покровского в Государственный Архив Р. С. Ф. С. Р. тот черновой набросок речи, который был сделан Щаповым перед выступлением на панихиде и который он считал уничтоженным. Таким образом в нашем распоряжении имеется подлинный текст речи Щапова.

Сравнивая его с приведенным выше, можно сделать очень любопытное наблюдение. Как ни сходен он со списком полицеймейстера и изложением речи самого Щапова, тем не менее содержание его ближе к содержанию, переданному Козляниновым в Петербург. В оригинале именно ярко выступает политический мотив речи.

Доставленный нам подлинник речи Щапова мы воспроизводим с полной точностью, т.-е. сохраняя его орфографию и пр., в неприкосновенности. Слова, зачеркнутые в подлиннике, взяты нами в прямые скобки.

Кроме того, мы даем и фотографический снимок речи.

---

[1]) Сочинения Щапова, т. III, стр. XI—XII.

Рукопись, по словам проф. А. И. Яковлева, сохранена была одним из участников панихиды 16 апреля 1861 г. непосредственным слушателем речи—преподавателем симбирской классической гимназии. Сберегая собственноручный набросок речи своего учителя, как лучшее воспоминание молодости, он перед смертью передал его одному из своих сослуживцев по учебному ведомству, а от последнего рукопись уже перешла к проф. А. И. Яковлеву.

Редакция «Красного Архива» выражает свою благодарность проф. Яковлеву за предоставленную им возможность опубликовать этот чрезвычайно интересный документ эпохи 60-х годов.

Подлинный текст рѣчи А. П. Щапова.

Други, за народъ убитые! (Миѳическій) Демократъ—Христосъ, доселѣ миѳическій,—боготворимый европейским человѣчествомъ, страданіямъ котораго, вотъ люди будутъ поклоняться на предстоящей страстной (седмицѣ) недѣлѣ,—возвѣстилъ міру общинно-демократическую свободу, во времена ига Римской Имперіи и рабства народовъ,—и за то военно-пилатовскимъ судомъ пригвожденъ былъ ко Кресту, и явился всемірно-искупительной жертвой за свободу. Въ Россіи, за полутораста лѣтъ стали являться среди (темныхъ) горько-страдавшихъ темных массъ народных, среди Васъ—мужичковъ свои Христы—демократическіе конспираторы. Съ половины прошлаго столѣтія, они стали называться **пророками**, и народъ вѣрилъ въ нихъ, какъ въ своихъ **искупителей** освободителей. Вотъ снова явился такой Пророкъ,—и вы, други, первые, по его воззванію, пали искупительными жертвами деспотизма за давно-ожидаемую всѣмъ народом свободу. Вы первые нарушили нашъ сонъ, разрушили своей иниціативой—наше несправедливое сомнѣніе, будто народъ нашъ не способенъ къ иниціативѣ политическ. движеній. Вы громче Царя (сказали) и бла-

городнѣе (помѣщика) дворянина сказали Народу: нынѣ отпущаеши раба твоего... (Миръ праху Вашему, вѣчная историческая память Вашему самоотверженному подвигу, и—свобода всему народу. Земля) Земля, которую Вы воздѣлывали, плодами которой—питали насъ, которую теперь желали пріобрѣсти въ собственность и которая приняла Васъ мучениками въ свои нѣдра,—эта земля воззоветъ народъ къ возстанію и къ свободѣ... Миръ праху Вашему и вѣчная историческая память Вашему самоотверженному подвигу. Да здравствует демократич. конституці..!

Письмо В. Я. Стефановича к В. К. Плеве.

Печатаемое ниже письмо Стефановича найдено среди бумаг, случайно сохранившихся в бывшей квартире Н. В. Плеве, сына В. К. Плеве, и поступивших в отделение частных архивов при петроградском Отделении Центрархива. При письме находилась печатная брошюра Я. В. Стефановича под заглавием: «Злоба дня. Действующим и готовым действовать сотоварищам моим мое дружее послание». Ноябрь 1880 г. стр. 22. [1]).

Содержание письма Стефановича к Плеве очень несложно. Отбывши «полняком», как выражается Ст-ч, восьмилетнюю каторгу на Каре и отправленный затем в 1890 году на поселение в Якутскую область, он с пути, именно из Читы, до которой ему пришлось добираться 2½ месяца, обратился с письмом к Плеве, ч то время бывшему товарищем м-ра внутр. дел, в котором просил Плеве оказать ему содействие в том, чтобы его оставили на поселении в Забайкальской области, а не посылали в «Якутку», на которую, по его выражению, у него не хватит здоровья после тяжелой 8-летней каторги на Каре. Кроме того, писал С., жизнь в Якутке, бессмысленная и бессодержательная, очень пугает его и ему хотелось бы пожить с какой-нибудь пользой, для какой-нибудь, хотя бы скромной, цели.

Такою целью ему представляются, например, этнографические исследования, устройство музея.

Какой ответ последовал на это письмо неизвестно. Повидимому, никакого, так как из позднейших (печатных) сведений о Стефановиче видно, что он все же попал в Якутскую область, и там пришлось ему осуществлять свои мечты об этнографических исследованиях.

Письмо, как сказано нами выше, дает немного новых фактов для биографии Я. В. Стефановича, но оно представляет ценность ввиду возникшей в печати полемики между Н. С. Тютчевым и В. Засулич по поводу поведения его автора во время заключения после ареста (6 февраля 1882 г.) и до суда (апрель 1883 г.), а также и ввиду появившейся в печати записки Ст-ча «о положении революционной, русской эмиграции», написанной им для Плеве во время заключения [1]). Из письма Ст-ча можно констатировать только один факт, говорящий за Ст-ча, а именно, что во время 8-летней каторги он не имел сношений с Плеве.

Приводим здесь найденное письмо.

1891 г. Февраль.
Чита.

Милостивый Государь
Вячеслав Константинович.

В настоящее трудное для меня время я вспомнил о вас и решился обратиться к вам с этим письмом.

---

[1]) Брошюры этой не оказалось в библиотеке революционного архива; можно думать поэтому, что найденный при письме Стефановича экземпляр этой брошюры и был единственным экземпляром, затребованным Плеве по получении письма от Ст-ча и не возвращенным в деп-т полиции.

[1]) Приведем для желающих ознакомиться с печатным материалом о Я. В. Ст-че имеющиеся под руками справки: 1) Большая Энциклопедия, т. XXII (дополнительный): статья «Стефанович Я. В.» (стр. 549 — 550); 2) «Былое» № 10—11 (1918 г.). Н. С. Тютчев, «Здание у Цепного моста»; 3) «Былое» № 13. В. Засулич: «Правдивый исследователь старины»; 4) «Былое» № 16. Н. С. Тютчев: К характеристике Я. В. Стефановича; 5) Там же, Ф. Покровский: «Русская революционная эмиграция». Записка Я. В. Стефановича; 6) Дневник Карийца (Стефановича); 7) Я. Стефанович: «Злоба дня». Упомянутая выше брошюра.

Я отбыл каторгу поляком.

Распоряжение о сбавке трети пришло слишком поздно (по манифесту 1883 г.), так что я пересидел в заключении на Каре 2 года и 8 месяцев. С одной стороны, это обстоятельство, а с другой — последняя «реформа», уравнявшая положение государственных преступников с положением уголовных, давали основание надеяться на поселение в Забайкальской области, куда и водворяются все общеуголовные арестанты, окончившие срок каторги.

Тем более можно было на это рассчитывать, что сам генерал-губернатор заявил нам, что с «уравнением» никаких уклонений ни в лучшую, ни в худшую сторону допускаемо не будет.

Насчет лучшей стороны обещание соблюдается пока весьма точно, но о худшей этого сказать нельзя.

Вот я назначен в Якутскую область и в данное время нахожусь в пути уже 2½ месяца, хотя успел добраться лишь до Читы. На Каре я оставил слишком много здоровья, чтобы хватило еще и на Якутку. Бессмысленная, бессодержательная жизнь, на какую обречен там ссыльный, сильно пугает меня. Хотелось бы пожить с какой-нибудь пользой, для какой-нибудь, хотя бы скромной, цели.

Позвольте же просить вашей помощи.

Я удовлетворюсь немногим: если меня оставят в Забайкалье, буду избавлен прежде всего от бесконечного, трудно выносимого мною этапного пути, а затем смогу найти себе здесь дело. Какое? — спросите вы. — Займусь этнографическими исследованиями, устройством музея, например. Это для души, а для тела еще ничего не придумал. Через три года, по окончании моего бесправия, я, вероятно, буду пользоваться хотя ограниченными правами передвижения,—так или иначе устроюсь.

Извините, что запросто обращаюсь к вам с этим письмом. Вы занимаете теперь высокий пост, но в моей памяти вы остаетесь таким, каким я знал вас.

Остаюсь с добрым воспоминанием о вас

Яков Стефанович.

P. S. Пребываю ныне в Читийской тюрьме, где хочу остаться на некоторое время, отчасти по нездоровью, отчасти в ожидании прекращения тифа, свирепствующего в Верхнеудинском Замке. Пишу через Буха, который отправляется вольным порядком на житье в Томскую губ.

Сообщил *П. Шафранов.*

К истории манифеста 17 октября.

М. А. Ушаков—достаточно известная фигура. Граф Витте характеризует его в своих воспоминаниях так: «В октябрьские дни Ушаков не пристал к партии анархической, руководившей всей забастовкой (Носарь, Троцкий, и пр.) и образовал малочисленную партию, которая по тем временам считалась крайне консервативной, а потому она преследовалась, так называемым, советом рабочих, который в октябрьские дни держал в руках взбунтовавшихся рабочих на всех почти фабриках» [1]).

Мы теперь хорошо знаем, что такое М. А. Ушаков и что за общество он возглавлял. Рабочий «Экспедиции заготовления государственных бумаг», Ушаков был настоящим агентом охранки, ибо не может быть по существу никакой разницы между агентом, оставившим всякую иную работу, и агентом, получающим «воспособления» и субсидии на дело, инспирируемое охранкой. А таким именно и был Ушаков. Ученик и агент Зубатова, этого «великого провокатора», Ушаков осенью, на деньги, данные ему правительством, открыл «С. Петербургское общество взаимопомощи механическим рабочим». Несмотря, однако, на помощь, которая щедро расточалась зубатовскому ученику, его организации успехом среди рабочих не пользовались. «Независимая социальная рабочая партия» и «центральный союз рабочих», две организации, образовавшиеся из первоначального ушаковского общества, являлись настоящими отделами охранки, передовыми ее форпостами в рабочей массе. Известно, какую бешеную борьбу вел Уша-

[1]) С. Ю. Витте. Воспоминания, т. II, стр 34.

городнѣе (помѣщика) дворянина сказали Народу: нынѣ отпущаеши раба твоего... (Миръ праху Вашему, вѣчная историческая память Вашему самоотверженному подвигу, и—свобода всему народу. Земля) Земля, которую Вы воздѣлывали, плодами которой—питали насъ, которую теперь желали пріобрѣсти въ собственность и которая приняла Васъ мучениками въ свои нѣдра,—эта земля воззоветъ народъ къ возстанію и къ свободѣ... Миръ праху Вашему и вѣчная историческая память Вашему самоотверженному подвигу. Да здравствует демократич. конституці..!

Письмо В. Я. Стефановича к В. К. Плеве.

Печатаемое ниже письмо Стефановича найдено среди бумаг, случайно сохранившихся в бывшей квартире Н. В. Плеве, сына В. К. Плеве, и поступивших в отделение частных архивов при петроградском Отделении Центрархива. При письме находилась печатная брошюра Я. В. Стефановича под заглавием: «Злоба дня. Действующим и готовым действовать сотоварищам моим мое дружее послание». Ноябрь 1880 г. стр. 22. [1]).

Содержание письма Стефановича к Плеве очень несложно. Отбывши «полняком», как выражается Ст-ч, восьмилетнюю каторгу на Каре и отправленный затем в 1890 году на поселение в Якутскую область, он с пути, именно из Читы, до которой ему пришлось добираться 2½ месяца, обратился с письмом к Плеве, в то время бывшему товарищем м-ра внутр. дел, в котором просил Плеве оказать ему содействие в том, чтобы его оставили на поселении в Забайкальской области, а не посылали в «Якутку», на которую, по его выражению, у него не хватит здоровья после тяжелой 8-летней каторги на Каре. Кроме того, писал С., жизнь в Якутке, бессмысленная и бессодержательная, очень пугает его и ему хотелось бы пожить с какой-нибудь пользой, для какой-нибудь, хотя бы скромной, цели.

Такою целью ему представляются, например, этнографические исследования, устройство музея.

Какой ответ последовал на это письмо неизвестно. Повидимому, никакого, так как из позднейших (печатных) сведений о Стефановиче видно, что он все же попал в Якутскую область, и там пришлось ему осуществлять свои мечты об этнографических исследованиях.

Письмо, как сказано нами выше, дает немного новых фактов для биографии Я. В. Стефановича, но оно представляет ценность ввиду возникшей в печати полемики между Н. С. Тютчевым и В. Засулич по поводу поведения его автора во время заключения после ареста (6 февраля 1882 г.) и до суда (апрель 1883 г.), а также и ввиду появившейся в печати записки Ст-ча «о положении революционной русской эмиграции», написанной им для Плеве во время заключения [1]). Из письма Ст-ча можно констатировать только один факт, говорящий за Ст-ча, а именно, что во время 8-летней каторги он не имел сношений с Плеве.

Приводим здесь найденное письмо.

1891 г. Февраль.
Чита.

Милостивый Государь
Вячеслав Константинович.

В настоящее трудное для меня время я вспомнил о вас и решился обратиться к вам с этим письмом.

---

[1]) Брошюры этой не оказалось в библиотеке революционного архива; можно думать поэтому, что найденный при письме Стефановича экземпляр этой брошюры и был единственным экземпляром, затребованным Плеве по получении письма от Ст-ча и не возвращенным в деп-т полиции.

[1]) Приведем для желающих ознакомиться с печатным материалом о Я. В. Ст-че имеющиеся под руками справки: 1) Большая Энциклопедия, т. XXII (дополнительный): статья «Стефанович Я. В.» (стр. 549 — 550); 2) «Былое» № 10—11 (1918 г.). Н. С. Тютчев, «Здание у Цепного моста»; 3) «Былое» № 13. В. Засулич: «Правдивый исследователь старины»; 4) «Былое» № 16. Н. С. Тютчев: К характеристике Я. В. Стефановича; 5) Там же, Ф. Покровский: «Русская революционная эмиграция». Записка Я. В. Стефановича; 6) Дневник Карийца (Стефановича); 7) Я. Стефанович: «Злоба дня». Упомянутая выше брошюра.

Я отбыл каторгу полняком.

Распоряжение о сбавке трети пришло слишком поздно (по манифесту 1883 г.), так что я пересидел в заключении на Каре 2 года и 8 месяцев. С одной стороны, это обстоятельство, а с другой — последняя «реформа», уравнявшая положение государственных преступников с положением уголовных, давали основание надеяться на поселение в Забайкальской области, куда и водворяются все общеуголовные арестанты, окончившие срок каторги.

Тем более можно было на это рассчитывать, что сам генерал-губернатор заявил нам, что с «уравнением» никаких уклонений ни в лучшую, ни в худшую сторону допускаемо не будет.

Насчет лучшей стороны обещание соблюдается пока весьма точно, но о худшей этого сказать нельзя.

Вот я назначен в Якутскую область и в данное время нахожусь в пути уже 2½ месяца, хотя успел добраться лишь до Читы. На Каре я оставил слишком много здоровья, чтобы хватило еще и на Якутку. Бессмысленная, бессодержательная жизнь, на какую обречен там ссыльный, сильно пугает меня. Хотелось бы пожить с какой-нибудь пользой, для какой-нибудь, хотя бы скромной, цели.

Позвольте же просить вашей помощи.

Я удовлетворюсь немногим: если меня оставят в Забайкалье, буду избавлен прежде всего от бесконечного, трудно выносимого мною этапного пути, а затем смогу найти себе здесь дело. Какое? — спросите вы. — Займусь этнографическими исследованиями, устройством музея, например. Это для души, а для тела еще ничего не придумал. Через три года, по окончании моего бесправия, я, вероятно, буду пользоваться хотя ограниченными правами передвижения,—так или иначе устроюсь.

Извините, что запросто обращаюсь к вам с этим письмом. Вы занимаете теперь высокий пост, но в моей памяти вы остаетесь таким, каким я знал вас.

Остаюсь с добрым воспоминанием о вас

Яков Стефанович.

P. S. Пребываю ныне в Читийской тюрьме, где хочу остаться на некоторое время, отчасти по нездоровью, отчасти в ожидании прекращения тифа, свирепствующего в Верхнеудинском Замке. Пишу через Буха, который отправляется вольным порядком на житье в Томскую губ.

Сообщил *П. Шафранов.*

К истории манифеста 17 октября.

М. А. Ушаков—достаточно известная фигура. Граф Витте характеризует его в своих воспоминаниях так: «В октябрьские дни Ушаков не пристал к партии анархической, руководившей всей забастовкой (Носарь, Троцкий, и пр.) и образовал малочисленную партию, которая по тем временам считалась крайне консервативной, а потому она преследовалась, так называемым, советом рабочих, который в октябрьские дни держал в руках взбунтовавшихся рабочих на всех почти фабриках» [1]).

Мы теперь хорошо знаем, что такое М. А. Ушаков и что за общество он возглавлял. Рабочий «Экспедиции заготовления государственных бумаг», Ушаков был настоящим агентом охранки, ибо не может быть по существу никакой разницы между агентом, оставившим всякую иную работу, и агентом, получающим «воспособления» и субсидии на дело, инспирируемое охранкой. А таким именно и был Ушаков. Ученик и агент Зубатова, этого «великого провокатора», Ушаков осенью, на деньги, данные ему правительством, открыл «С. Петербургское общество взаимопомощи механическим рабочим». Несмотря, однако, на помощь, которая щедро расточалась зубатовскому ученику, его организации успехом среди рабочих не пользовались. «Независимая социальная рабочая партия» и «центральный союз рабочих», две организации, образовавшиеся из первоначального ушаковского общества, являлись настоящими отделами охранки, передовыми ее форпостами в рабочей массе. Известно, какую бешеную борьбу вел Уша-

[1]) С. Ю. Витте. Воспоминания, т. II, стр 34.

ков и его сподручные на страницах своего органа («Рабочая Газета») против революционного рабочего движения; известно также, как безнадежны были и эти попытки задушить это движение.

Печатаемый ниже документ интересен не с этой точки зрения. Деятельность наемника охранки лучше всего охарактеризована его же бывшими поклонниками, разгадавшими, наконец, всю низость своего учителя. «И узнали мы все, что наш «честный борец» — провокатор и вор, негодяй и подлец». Так характеризует своего вождя один из бывших ушаковцев летом 1906 г. в специальном листке под названием «Гимн Ушакову».

Не с этой точки зрения интересен печатаемый документ. Интересно в нем то, что он вскрывает, как задолго еще до расцвета распутинщины в 1905 году гниение проникало весь правительственный механизм сверху до низу. В самом деле, факт, описываемый Ушаковым—встреча и беседа с в. князем Николаем Николаевичем—не измышление досужего охранника, а самый настоящий, реальный факт, происшедший, можно сказать, накануне 17 октября и засвидетельствованный Витте. Вот как этот сановный, весьма респектабельный, но все же лакей, рассказывает о свидании зубатовца Ушакова с.... принцем крови. «Когда в 1907 году пришел ко мне Ушаков, то я его спросил, правда ли, что в октябре 1905 г. это он повлиял на великого князя Николая Николаевича, чтобы он настаивал на немедленном введении конституции. Ушаков мне ответил, что это, действительно, так было; тогда я его попросил написать мне, как именно это происходило и кем он был побужден к такой роли» [1]).

Верно или нет то, что говорят оба лакея самодержавия,—один высокопоставленный, другой просто охранник,—но весьма возможно, что дело так и происходило: Ушакова свели с великим князем авантюрист князь Андронников и просто прихлебатель Нарышкин.

[1]) Там же, стр. 34.

Обоих этих господ Витте характеризует далеко не лестными эпитетами. Об Андронникове он говорит: «Он не занимает никакого положения, имеет маленькие средства, неглупый, сыщик—не сыщик, плут—не плут, а к порядочным личностям, несмотря на свое княжеское достоинство, причислиться не может». Нарышкин же «... дворянский» «jeune premier», промотавший свое состояние, ничего в жизни не делавший, человек петербургского общества, спортсмен-охотник, и по охоте компаньон, а потому и близкий Николаю Николаевичу».

Но не только эти господа были близки великому князю; он, как известно, довольно близок был и к Дубровину и прочей человеческой пыли, которая не только засоряла революционное движение, но и окутывала его кровавым туманом погромов.

Если сопоставить записку Ушакова, составленную им для своего высокого покровителя, и отвлечься от того влияния, какое себе невольно приписывал Ушаков; если сопоставить этот документ с другими — воспоминаниями Витте, записками Курлова, воспоминаниями Белецкого и множеством других, то получается два вывода: во-первых, что разложение и материализм проникал правящую клику еще задолго до февральской катастрофы (в том числе, конечно, и Витте) и, во-вторых, что разлагающаяся и умирающая власть, включительно до великого князя и царя, смотрела на манифест 17 октября не только как на уступку, а как на уступку и ошибку, которую можно исправить и которую,—и это самое важное,—можно превратить в огромный провокационный акт по отношению к рабочему классу и крестьянству.

Смешно, конечно, предполагать, что манифест 17 октября был подписан царем потому, что Ушаков убедил дядю царя, а этот последний убедил своего венценосного племянника. Это, так сказать, последний удар, характерный эпизод, штришок. Не Ушаков,—так другой зубатовец, не зубатовец,—так какой-нибудь странник или проходимец, все равно водил бы рукой слабоум-

ного царя, подписавшего манифест. Дело не в этом, а в общей картине: слабоумный, порочный убийца-царь, гнусные черносотенные деспоты-родственники вроде Николая Николаевича, глупые министры, послушный велениям буржуазии Витте, авантюристы и жулики и, наконец, охранники—вот та среда и обстановка, из глубины которой выходили такие документы, как предлагаемая вниманию читателя записка Ушакова.

Не подлежит ни малейшему сомнению, что 1905 год есть результат огромных классовых битв, какие дал пролетариат умирающему режиму, но вне сомнения также и то, что та линия, какую вело правительство, те попытки возвратиться к старому, какие делал Николай II, его родные и министры, нюансы этой политики, тон, их закулисная сторона—почти вся целиком стояла под знаком охранки, т.-е. провокации, предательства, лжи, грязи, крови и авантюризма.

Отметим еще только одну интересную черту. Даже в документе охранника сказалось влияние эпохи «бури и натиска». Конечно, Ушаков—охранник, черносотенник, монархист; конечно, он наемный агент Зубатова; без сомнения, он расписывает свои верноподданнические чувства, восхваляет вместе с тем Витте... и в то же время пишет: «... к монархическому управлению России народ уже привык в течение сотен лет и уважает своего монарха, но не уважает существующего управления Россией»...

Ушаков писал не Дубровину, не нач. департамента полиции, откуда он ждал всегда милостей, а либеральному Витте... и потому Ушаков говорит о конституции, которая спасет Россию.

Ни сам Ушаков, ни тем более такой реакционер, как вел. князь, ни минуты не сомневались в сущности и характере нашей «конституции», но таково уж было время: даже агенты охранного отделения подражали в своей фразеологии либералам и демократам.

В. Невский.

Воспоминание о беседе с великим князем [1])

1) Почему произошло свидание? 2) как и где? 3) что говорили.

15 октября 1905 г. [2]).

Волнение народа и общая политическая забастовка невольно наталкивали каждого благоразумного человека, любящего свое отечество и желающего добра рабочим,—на мысль... что может успокоить народные массы? Чем приостановить массовые политические забастовки, которые приносили вред как правительству, промышленности, а также своим частым безрассудным повторением и рабочему классу?

Для этого нужно было знать, на что главное народ выражал свое негодование и чего он желал?

Выражал же он негодование на существующий образ правления России и людей, которые отделяли царя от народа, окружая его бюрократическим средостением. Народ не принимал никакого участия ни в законодательстве, ни в обсуждении государственных вопросов.

Следовательно, требовалось введение нового государственного управления и упразднение старого, что и могло бы успокоить взволновавшиеся народные массы и улучшить их жизнь, а тем самым приостановить политические забастовки, вредно отзывающиеся на государственном бюджете, что и явилось бы спокойствием для страны и благоденствием для народа, и явилось бы актом великой мудрости, как для монарха, так и для правительства...

Эти мысли не выходили у меня из головы... Я видел, как рабочих везде и всюду старались натолкнуть на революцию и убедить их, что только грубой физической силой рабочие могут улучшить свое положение... Свергнуть существующую власть, — после чего народ будет управлять собою сам, через посредство своих выборных правителей...

---

[1]) Подлинник—в Госархиве Р. С. Ф. С. Р.

[2]) Вероятно, это было 14, а не 15. С. Ю. Витте. Воспоминания.

С этой идеей я был несогласен и считал, что это принесет рабочему классу страшный вред, ибо восстановится буржуазная республика.

Я стал противодействовать этим разрушительным стремлениям, которые могли бы принести рабочим только вред, но не пользу. Я обратился к товарищам-рабочим с убеждением и стал им разъяснять, что если будет произведена революция и свергнута монархия, то будет восстановлена буржуазная республика, которая закрепит весь рабочий класс и трудовое крестьянство.

Так как трудящие массы народа у государственной власти быть не могут, благодаря своему необразованию, а захватят власть господа буржуазные интеллигенты, которые в большинстве или сами вышли из среды капиталистов, или каждый хочет сделаться им, так как серой жизнью крестьянина или рабочего, а также и пролетарской пищей их не удовлетворишь, ибо они захотят лучшей жизни и волею судьбы они должны будут защищать интересы капиталистов.

Кроме того, революция потребует бесчисленные жертвы... огромное количество которых будут рабочие. Между тем к монархическому управлению России народ уже привык в течение сотен лет и уважает своего монарха, но не уважает существующего управления Россией... А для этого должна быть конституционная монархия, и народу, в лице его представителей-выборных, было бы предоставлено право принимать участие в выработке законов и решении государственных дел. Эти слова и мысли мною высказывались на разных собраниях и митингах как рабочих, так и не рабочих. На собрании знаменитого совета депутатов, где председательствовал Носарь (Хрусталев), я был лишен им слова, при чем Носарь назвал мою речь «провокацией», не дав ее договорить до конца. Про меня шел разговор и распространялись различные слухи (иногда чересчур преувеличенные) как среди рабочих, так и среди интеллигентного общества. Меня стали приглашать разные лица высшего круга, интересуясь мною, желающие поговорить о рабочих и их стремлениях и узнать мое мнение.

На одном из собраний «о-ва для содействия русской промышленности и торговли» после моей речи, когда я сходил с кафедры, ко мне подошел человек и представился князем Андроникиовым, вручил карточку и убедительно просил меня притти к нему для переговоров. В этом же о-ве я познакомился с господином Беловым, который в скором времени прислал ко мне своего человека с просьбою приехать к нему на квартиру, где, пришедши, я познакомился с несколькими лицами, фамилии которых я позабыл, при чем в то время по телефону князь Андроников просил Белова мне передать, чтобы я зашел бы к нему. Через некоторое время я зашел к князю и имел с ним продолжительную беседу, во время которой было вспомянуто про графа С. Ю. Витте, который только что приехал в то время из Портсмута после заключения мира. Я восторженно отзывался о С. Ю. Витте и говорил, что большинство рабочих благодарят его, что он приостановил никому ненужную кровопролитную бойню, при чем просил князя передать С. Ю. Витте от рабочих благодарность, и если можно, то устроить рабочим разных заводов (возможность) выразить личную благодарность и преподнести за его труды рабочий благодарственный адрес. Аудиенция состоялась, которую рабочие не забыли по сие время.

После этого мне часто случалось бывать у князя Андроникова по делам экспедиции и безработных рабочих, на которых графом Витте было пожертвовано 5.000 рублей. И там я случайно познакомился с Д. К. Нарышкиным, с которым довольно долго говорил о рабочем движении и о своей идее.

Нарышкин с Андроникиовым бывали часто в «клубе рабочих независимой рабочей партии», где они близко ознакомились с нашими стремлениями создать рабочую партию.

Однажды Д. К. Нарышкин сообщил мне, что сегодня (15-го октября 1905 г.) приехал великий князь Николай

Николаевич, который вызван в Петербург государем. Князь сильно интересуется всем происходящим движением, а в особенности рабочим, и что князю говорили обо мне, на что князь просил познакомить его со мною и что он желает говорить лично о текущих событиях.

После чего я с ним сейчас же поехал к князю во дворец... И в 3 часа дня я встретился с великим князем у него в кабинете, куда провел меня его адъютант и Д. К. Нарышкин.

Беседа велась с князем наедине, хотя разговор был почти что весь слышен Д. К. Нарышкину и свите князя, ожидавшей его у кабинета.

Поздоровавшись со мною князь сказал, что он очень рад меня видеть и говорить лично, так как обо мне он слышал от ближайших ему лиц очень хороший отзыв и просил меня рассказать ему о происходящих событиях в Петербурге, что творится среди рабочих и что рабочие хотят, так как он только что приехал в Петербург и должен ехать к государю, а между тем не знает подробно что творится среди рабочих, о которых ему, наверно, придется говорить с государем, и вообще он мало знаком с рабочей жизнью, их требованиями и стремлениями...

Я объяснил о творившихся в Петербурге событиях и объяснил, что среди рабочих и народа происходит сильное озлобление, которое может разразиться восстанием народа и произойти кровопролитие...

Князь задал мне вопрос, чего же хотят рабочие и весь народ? Я ответил ему, что рабочие и весь народ требуют улучшения своей жизни и недовольны все существующим строем. Народ требует уничтожения самодержавия. И самое лучшее, что сделать в настоящее время,—так это ввести конституционный образ управления Россией, который может принести успокоение для всей России и даст благо русскому народу... и что его высочество, как самый близкий человек к государю, должен ему это сказать немедленно и убедить государя, чтобы он дал народу конституцию, и что этим он сделает великое благо для России и для народа, успокоит страну, поднимет престиж царского рода и будет любимейшим императором для народа, после чего имя его будет для народа священно...

Князь заспорил и стал доказывать, что он старый солдат и верный слуга императора и верит, что только самодержавный образ правления России принесет пользу, и он будет верен данной им присяге, несмотря ни на что. Войско всегда готово грудью защищать своего императора. Князь был сильно возбужден. Я видел в нем решительного человека, не останавливающегося ни перед чем и сильно преданного слугу—брата государя. Он с сердцем кинул стул и с раскрасневшимся лицом громко мне сказал: «Это ввести в России сейчас невозможно».

Я ответил, что его высочество забывает, что вода в реке не стоит на одном месте, а течет вперед, так и прогресс движется вперед. Как против сильного напора воды ничто не устоит, так и против желания и воли народа устоять трудно. Народ же партийная интеллигенция наталкивает на революцию с требованием республики, которой большинство народа не желает, а желает конституционной монархии, которая принесет пользу и спокойствие народу.

Надеяться же на силу солдат и штыков довольно трудно, так как были случаи, когда солдаты тоже волновались и не подчинялись начальству. Так же и офицеры, которые идут в большинстве против самодержавия царя. И что я хорошо знаю и слышал от солдат, что они недовольны существующим строем и начальством.

А посему, как человек, любящий свою родину и уважающий государя императора, я убедительно прошу его высочество передать государю желание народа, сказать государю откровенно, что народ хочет, чтобы было конституционное управление Россией, и чтобы государь отрекся от самодержавия для своей же пользы, за что народ ему будет вечно благодарен.

После некоторого молчания князь ответил, что это хорошо говорить, но не так это легко сделать. И где те

люди, которые способны и все могут это устроить? Это все сразу не дается, а дается годами, и что он только что приехал и еще не разобрался с происходящим.

Я спросил князя, могу ли высказать смело свою мысль? Когда он позволил, я сказал: для этого великого дела, самою, верно, судьбою назначен начать это дело он сам, и что у него может быть энергичный и сведущий знаток государственного дела, который, я глубоко уверен, с удовольствием во всем ему окажет содействие и все устроит, раз это идет для блага государя и России, и что с этим человеком, вы, ваше высочество, сделать можете очень много доброго дела. Этот человек есть граф Сергей Юльевич Витте, с которым я просил бы его высочеству сойтиться ближе и сообща сделать благо и счастье для народа и России и славы государю императору. И если вы совместно начнете делать это великое дело, то я свято верю в успех и благополучие...

После этого князь сказал, что он рад служить царю и отечеству и переговорит об этом с графом Витте и что только будет возможно—сделает. Притом дает честное слово солдата, что он передаст все важное государю и лично будет его об этом просить... Меня же он благодарит за беседу, и в чем только будет у меня нужда, он всегда готов оказать свое содействие. Затем он просил меня съездить к Д. Трепову и познакомиться с ним, обо мне он ему сообщит по телефону. И что Трепов человек либеральный, и что он желает сделать народу добро.

Затем мы попрощались, и я вышел из кабинета великого князя, с надеждой на успех великого будущего России.

После этого я заезжал во дворец еще один раз, но, к глубокому сожалению, не застал его дома.

Затем, благодаря движению и волею судьбы, я был сильнее занят делом рабочих, хотя до смерти буду помнить нашу беседу, не переставая восторженно отзываться о его высочестве.

Жизнь идет вперед—и я слепо верю, что скоро наступит момент введения в России полной конституции... Улягутся споры и успокоится страна, и русский народ благополучно будет жить под управлением конституционного монарха.

P. S. Между прочим, злые языки людей, вредящих правильному течению государственной жизни и лично вредящих графу Витте,—распускают слухи, не основанные на фактах и противоречащие сами себе.

Глупее того, что «октябрьское движение 1905 года и волнение среди рабочих устроено было графом Витте»,—едва ли может быть?

Господа из «союза русского народа» распространяют такую ложь: что «граф Витте вел переговоры с Носарем и с Ушаковым и давал деньги на поддержку революции».

На это я должен сказать по справедливости, что граф Витте ни октябрьского движения среди рабочих, ни революции не поддерживал. Денег ни мне, ни Носарю не давал. Кроме того, никаких переговоров как со мною, так и с Носарем не вел. С Хрусталевым-Носарем (как это была распущена молва), не виделся...

Это я знаю из достоверных источников и всегда могу подтвердить фактами, так как Хрусталев-Носарь говорил то же, что и я здесь, при свидетелях, *что он у графа Витте никогда не был—и не пойдет* [1]).

Я же был у графа Витте не один, а с рабочими, сразу по его приезде из Портсмута.

Посещение наше никакого политического характера не носило,—и разговора о политике не было никакого.

Был только поднесен ему адрес от имени рабочих Петербурга некоторых петербургских заводов.

Высказана была наша благодарность о приостановлении вредной для России войны.

С этого дня я больше у графа не был до возникновения забастовки в Экспедиции заготовления государственных бумаг, по случаю которой я был у графа вновь 30-го октября 1905 г. вместе с депутатами по делу Экспедиции.

---

[1]) Слова, напечатанные курсивом, приписаны другим почерком.

Беседа и наше посещение касались исключительно только экономического вопроса улучшения рабочих Экспедиции.

В период времени приезда графа из Портсмута и до начала забастовки рабочих Экспедиции, которая была окончена 10 ноября (переговоры и ходатайства о которой велись после опубликования манифеста 17-го октября), я не видал и не вел даже никаких письменных заявлений.

О том же, что я был у великого князя, граф Витте не знал.

Это свидание произошло совершенно случайно—волею судьбы и течением жизни.

СПБ. *М. А. Ушаков.*

Революционное движение в войсках во время мировой войны.

I.

Настроение армии перед Февральской революцией.

Во время империалистической войны 1914—1917 г.г., как известно, все письма, идущие в действующую армию и обратно, просматривались военными цензорами. Принято думать, что эта перлюстрация производилась в целях воспрещения сообщений военных сведений, которыми может воспользоваться неприятель во вред армии противника. Но мало кому известно, что военно-цензурное отделение при штабе армии, на которое была возложена задача перлюстрации, обязано было периодически, на основании прочитанных писем, давать подробный отчет не только о настроении армии, но и о настроении тыла и сообщать вообще о всех выдающихся жалобах, или сведениях, встречающихся в письмах как военных, так и частных лиц. Такие сводки и документы не всегда, однако, совпадали с реальной действительностью. Военно-цензурное отд. в печатаемом нами докладе и сводке указывает, напр., что к концу 1916 г. «настроение армии стало заметно уклоняться в лучшую сторону» и называет его даже «повышенным».

Но, очевидно, чины военно-ценз. отделения не сумели уловить настоящего состояния боевого настроения, боевого духа армии. Меньшее число или отсутствие жалоб в солдатских письмах на тяжелые материальные условия боевой жизни, каковые были в предыдущую зиму 1915—1916 г.г., давали основание военно-ценз. отделению вывести заключение о повышенном, к концу 1916 г., настроении армии.

Между тем фактическое положение боевого дела на фронте в то время указывает на явления противоположного характера.

Это видно из печатаемых документов и заметки «К материалам по истории разложения русской армии в мировую войну». Такой авторитетный источник, как секретное письмо от 8/II—1917 г. за № 1341 главнокомандующего армиями северного фронта ген. Рузского на имя командующего XII армией ген. Радко-Дмитриева, свидетельствует о том, что случаи отказа итти в бой нижних чинов «некоторых полков» не сокращаются, а расширяются и захватили новые дивизии и корпуса, в том числе и 21-й армейский корпус, именно тот корпус, настроение которого, по сводке военно-ценз. отделения, якобы склонилось в лучшую сторону.

Публикуемые документы заимствованы из дела № 36 — 1917 г. контр-разведывательного отделения штаба главнокомандующего армиями северного фронта под заголовком «О пропаганде в войсках с целью склонения армии к восстанию в пользу ниспровержения в России существующего строя». Публикуемый доклад и сводка относятся ко времени за месяц до февральской революции.

Доклад военно-цензурного отделения штаба XII армии.

О настроении армии.

Как видно из просмотренных писем и прилагаемой при сем таблицы, настроение армии за последний период времени, примерно с 15 ноября прошлого года, стало заметно уклоняться в лучшую сторону. Отмеченное улуч-

шение настроения армии может быть объяснено: 1) прекрасным и своевременным снабжением армии теплой одеждой и бельем; 2) улучшенной постановкой продовольственного дела; 3) заботами по оборудованию землянок; 4) организацией солдатских лавочек; 5) устройством развлечений для нижних чинов и проч.

Из всех перечисленных главной причиной является несомненно прекрасное и своевременное снабжение армии теплыми вещами. В эту зиму нижние чины совершенно не страдают от холодов и морозов, как это было, например, в прошлый зимний период. Жалобы на недостаток теплой одежды и холод являются в настоящее время весьма редкими исключениями. Наоборот, огромное количество писем свидетельствует, что армия не мерзнет, что все части в изобилии снабжены теплыми вещами. О том, насколько хорошо одеты нижние чины, достаточно привести в пример письмо фейерверкера 110 тяжелого дивизиона, автор которого собирается отослать домой «лишнее» теплое белье.

Таким образом, обильным снабжением теплой одеждой и улучшением продовольственного дела одни из существенных причин, влиявших на настроение войск, были устранены, что не замедлило резко на нем отразиться.

Замеченное повышение настроения тем более характерно, что оно просочилось, так сказать, сквозь целый ряд неблагоприятных влияний, отражающихся на настроении войсковых частей духом. К числу последних относятся: продолжительное окопное сидение, закончившееся только 23 декабря, тревожные вести из дому—о тягостях дороговизны, упадке сельского хозяйства, о развратном поведении оставшихся жен, оживленные толки о мире—очевидно, в связи с мирными предложениями Германии и выступлением Вильсона и проч., и все-таки, несмотря на сумму перечисленных причин, настроение армии все время повышается, и к 1 января, после декабрьских боев, дает увеличение бодрых духом на целых 2 процента.

Интерес к политике.

Из интересных явлений последнего отчетного периода надлежит отметить:

а) Крайне чуткое отношение нижних чинов и офицеров к политическим событиям в России и столице (к правительственной деятельности, государственной думе и к немецкому влиянию в некоторых кругах).

Дороговизна.

б) Недовольство неорганизованностью глубокого тыла, следствием чего явилась потрясающая и совершенно необъяснимая дороговизна.

Жалобы на непроизводство в чины.

В частности обращают на себя внимание:

1) Жалобы офицеров осадной артиллерии на запоздалое, в сравнении с офицерами полевой артиллерии, производство в следующие чины. Например, офицер осадной артиллерии пишет, что несмотря на 16-месячное пребывание в боевой линии он «до сих пор» не может попасть в поручики, тогда как офицеры полевой артиллерии, остающиеся нередко по целым месяцам в далеких резервах, производятся без всяких затруднений.

Жалобы на невозможность попасть в отпуск.

2) Жалобы нижних чинов на невозможность дождаться скорой очереди в отпуск.

«В прошлом году,—пишет рядовой,—я вытащил очередной номер 14 и ждал почти год, теперь вытянул номер 26,—придется ждать два года, но я все-таки не так обижаюсь, как, вероятно, те, у которых номера очереди 46 и 47; интересно, когда они поедут в отпуск?»

Вредное влияние военнопленных.

3) Разлагающее влияние военнопленных, выполняющих казенную работу, на наших нижних чинов. Вот что пи-

ТАБЛИЦА

настроения армии в процентном отношении бодрых, угнетенных и безразличных писем за период с 15 октября 1916 г. по 1 января 1917 г.

Наименование частей.	К 15 октября 1916 г.				К 15 ноября 1916 г.				К 1 декабря 1916 г.				К 1 января 1917 г.			
	% бодрых.	% угнетен.	% безразл.	Средний % бодрых.	% бодрых.	% угнетен.	% безразл.	Средний % бодрых.	% бодрых.	% угнетен.	% безразл.	Средний % бодрых.	% бодрых.	% угнетен.	% безразл.	Средний % бодрых.
2-й Сибирский корпус	7,0	2,0	91,0		6,4	1,3	92,5		6,1	1,3	89,8		8,1	1,3	90,6	
6-й » »	3,6	1,1	95,3		4,2	0,7	95,1		4,0	0,8	95,2		8,3	2,2	89,5	
21-й армейский корпус	6,0	1,5	92,5		5,8	2,6	91,6	4,8	8,9	1,3	89,8	5,7	7,8	1,4	89,8	7,4
48-й » »	5,0	0,8	94,2		5,5	2,2	92,3		4,0	3,3	92,7		6,1	2,6	91,3	
Латышские бригады	0,6	0,7	98,7		2,5	0,6	96,9		3,3	—	96,7		6,9	1,2	91,9	

Старший Адъютант

Подполковник *Соколов*.

шет по этому поводу неизвестный автор на имя генеральши Невиат-Даниловой в г. Смоленск:

«У нас в районе м. Яунпильс работает 2000 чехов, которые строят полевую железную дорогу. Влияние их на наших солдат крайне вредно: чехи открыто хвастаются, что они единственные на свете умные люди, так как с самого начала войны отказались драться, вот почему у них и одежда в прекрасном порядке, между тем как другие гниют в окопах. Наших солдат, которые дерутся, они называют ослами. Наши слушают с любопытством и находят чехов чрезвычайно умными людьми».

Полагал бы необходимым принять самые энергичные меры к возможно полному изолированию военнопленных от наших солдат и ввести более строгий режим в командах военнопленных.

Частные письма.

В письмах частных жителей, помимо обычных и настойчивых пожеланий мира, попрежнему красной нитью проходит жалоба на дороговизну, на недостаток продуктов первой необходимости, а также боязнь за участь оставленных сельских хозяйств.

Письма немецкой интеллигенции.

Характерной особенностью настроения местных немцев являются их полное уныние и подавленность войной. Буквально нет ни одного письма, в котором хотя бы немного отражалась радость или бодрая надежда на скорое улучшение положения.

Страшная дороговизна заставляет изобретательных немецких хозяек прибегать к всевозможным уловкам. Так, например, не желая покупать за дорогую цену мясо и сливочное масло, они в широких размерах стали употреблять конину и подсолнечное масло. Однако, как только рынок почувствовал большой спрос на упомянутые продукты, цены на конину и подсолнечное масло немедленно взвинтились до небывалых размеров.

Последнее время злобой дня немцев Прибалтийского края было закрытие старого богословского факультета в Юрьеве. Богословский факультет ликвидировал свои занятия потому, что профессора-немцы отказались читать лекции на русском языке и подали в отставку, все, за исключением профессора практического богословия Гана; таким образом факультет без профессоров должен был естественно приостановить занятия.

Закрытие богословского факультета, это—«смертный удар нашей евангелическо-лютеранской церкви»,—заключают немцы.

Наши успехи в период декабрьских боев, вызывавшие в населении г. Риги энтузиазм и ликование, на немцах отразились мало. Большинство писем о боях (около 100) ограничивалось сухой передачей фактов.

Приложение: Выдержки и таблица настроения.

Генерал квартирмейстер генерал-майор (подпись).

Старший адъютант подполковник *Соколов.*

Января 19 дня 1917 г. № 186 ц.

II.

К материалам по истории разложения русской армии в мировую войну.

В реакционной печати считается непреложной истиной, что разложение русской армии, нежелание солдат драться и продолжать войну вызвано революцией и, в особенности, революцией Октябрьской.

Печатаемые ниже документы указывают, что задолго до революции, уже на второй год войны, массовые отказы солдат, а не единичные, случаи итти в атаку—явление не редкое. Монархический режим сумел быстро отрезвить отуманенные солдатские головы от патриотического в начале войны энтузиазма, и уже в 1915 году, задолго до революции, целые полки отказывались выходить из окопов в бой или, выйдя всей массой, бежали в тыл.

Печатаемые ниже документы заимствованы из дел контр-разведывательного отдела штаба главнокомандующего армиями северного фронта: № 67 — 1915 года—«Переписка со ставкой», из дела № 116—1915 года—«О брожении среди нижних чинов в Сибирских корпусах» и дела № 36—«О пропаганде в войсках с целью склонения армии к восстанию в пользу ниспровержения существующего строя».

Начальнику штаба главнокомандующего армиями северного фронта.

Секретно.

По приказанию начальника штаба верховного главнокомандующего настоящая выписка из письма, поступившего на имя его высокопревосходительства, препровождается для доклада главнокомандующему армиями фронта.

Вместе с сим сообщается и нижеследующая резолюция его высокопревосходительства начальника штаба на означенном письме:

«Ответ частям, если это верно: удирающим, один—свой артиллерия и пулеметы до полного уничтожения негодяев».

(Следуют подписи).

«Ваше превосходительство.

...Появился еще новый вид агитации между солдатами—разбегаться полками с позиций—в то время, когда нужно итти в атаку и в то время, когда идет артиллерийский обстрел—и стараться—ранить себя в палец, в щеку и затем всем стараться попасть «массой» на поезд санитарный, чтобы таким путем «массой» избежать наказания. Этот путь агитации рекомендуется как средство попасть домой. Агитация эта имеет успех: на-днях 2 полка применили эту тактику, чем внесли путаницу позиции, поставили в тяжелое положение артиллерию, которая, чтобы спасти людей и артиллерию, снялась и уехала. Это, в свою очередь, поставило в тяжелое положение и те полки, которые пошли в атаку; следовало бы предписать санитарным поездам не брать солдат в санитарные поезда без перевязочного свидетельства полкового врачебного персонала или свидетельства коменданта этапа или станции. К виновным необходимы репрессии — дабы убить эту агитацию».

Верно: Полковник *Сазонов.*

Секретно.

Отношение и. д. помощника начальника разведывательного отделения штаба главнокомандующего армиями западного фронта.

Начальнику контр-разведывательного отделения штаба главнокомандующего армиями северного фронта.

По полученным непроверенным агентурным сведениям, среди нижних чинов Сибирских корпусов, под влиянием антиправительственной пропаганды, намечается отсутствие духа, нежелание солдат ходить в атаки и что, вообще, как офицерские, так и нижние чины стоят за прекращение войны независимо от результатов таковой.

Об изложенном сообщаю.

Полковник (подпись неразборчива).

15 октября 1915 г. № 4426.

Его высокопревосходительству Радко-Дмитриеву, командующему XII армией.

Секретно.

Милостивый государь
Радко Дмитриевич.

Во время последних боев под Ригой, как известно, имели место крайне прискорбные и нетерпимые в армии случаи уклонения и даже отказа нижних чинов некоторых полков итти в бой.

Случаи эти, как уже отмечено в письме за № 547/Б, указывают, что в среде нижних чинов, несомненно, велась и ведется интенсивная пропаганда пацифических идей, своевременно не обнаруженная и не ликвидированная мерами ближайшего военного начальства.

Результаты преступной пропаганды наиболее резко выразились в войсковых частях 2 Сиб. армейского корпуса и 14 Сиб. стр. дивизии, а в последнее время стали проявляться признаки такой же пропаганды также в частях 21 армейского корпуса, охватывая, таким образом, именно ту группу войск, которая расположена в непосредственной близости гор. Риги и имеет с ней наиболее тесное и постоянное общение. Последствия преступной пропаганды, как вам известно, обнаружились и в 7 Сибирском армейском корпусе, ранее находившемся также в районе Риги.

Имея в виду трудность проникновения населения в войсковые части и почти полное отсутствие до последнего времени случаев обнаружения пропаганды путем корреспонденции, как равно и то, что ни в запасных войсковых частях, ни в составе маршевых ротонд не было зарегистрировано массовой распропагандированности нижних чинов, естественно напрашивается вывод, что первопричину появления пацифических стремлений, по крайней мере до настоящего времени, едва ли следует искать в повысившемся революционном настроении широких групп тылового населения, и более вероятным представляется тесная связь таковых идей с массовым и частным общением воинских чинов с населением гор. Риги и ее окрестностей.

Если же принять во внимание, что в составе населения гор. Риги находятся элементы, не сочувствующие успеху нашего оружия, то, казалось бы, надлежит притти к выводу, что преступная пропаганда искусно вносится в войска именно той частью населения гор. Риги и ее окрестностей, которая сознательно стремится оказать этим услугу Германии и, быть может, руководствуется в этом случае определенными директивами противника.

Изложенное обязывает принять самые решительные меры к организации планомерной борьбы с отмеченным явлением, основывая эту борьбу на раскрытии и изучении тех источников, из коих идет преступная пропаганда, путем тщательной проверки связей уличенных и заподозренных в пацифизме нижних чинов, а равно сократив до пределов крайней необходимости посещение нижними чинами города Риги и обязав ближайшее строевое начальство, при помощи бесед и более тесного общения с подчиненными нижними чинами, разъяснить им враждебное происхождение пропаганды мира.—

О последующих распоряжениях вашего высокопревосходительства, как по письму № 547/Б, так и по настоящему письму, прошу меня уведомить в ближайший срок.

Уважающий вас *Н. Рузский.*

8 февр. 1917 г. № 1341.

III.

Ген. Алексеев и общественные организации.

В II томе «Красного Архива» в отд. «Из записной книжки архивиста» в ст. «Ген. Алексеев и Врем. К-т гос. думы», стр. 284, приведено письмо председ. Гос. думы Родзянко, от 18/III—1917 г., ярко характеризующее ген. Алексеева, как политического деятеля и «революционера», объявленного впоследствии спасителем родины и революции от «контр-революционеров»-большевиков. В настоящее время мы имеем возможность дополнить эту характеристику, показав отношения того же ген. Алексеева к современной ему общественности в бытность его начальником штаба верховного главнокомандующего.

Воспроизведенные ниже документы заимствованы из дела № 67 штаба главнокомандующего армиями северного фронта: «Переписка со ставкой».

Генерал-квартирмейстеру при верховном главнокомандующем.

Совершенно секретно.

В собственные руки.

При сем препровождаю, по миновании надобности, отчеты о состоявшихся 12—14 марта сего года в Москве собраниях членов общеземского и обще-

городского союзов с относящимися к ним приложениями [1]).

Приложение: 6 документов.—

(Следуют подписи.)

23—25 июня 1916 г. К-Р № 9613.

Секретно.

«12, 13 и 14 марта с. г. в Москве происходили заседания членов общеземского и общегородского союзов, с первого же момента принявшие вполне определенную политическую окраску. Выступившие на собраниях ораторы подвергли резкой критике правительственные мероприятия по организации фронта и тыла и, придя к выводу о полной несостоятельности правительственной работы, указывали на необходимость передать дело в руки общественных организаций. На ряду с тем ораторы выставили требования о замене нынешнего правительства ответственным министерством, о прощении всех политических преступников и об уравнении в правах всех граждан, без различия национальности и вероисповедания. Были сделаны также указания на необходимость сплотиться, дабы тем не только победить врага, но и «победить врагов народа вообще» и повести страну к полному возрождению. Развивая ту же мысль, один из ораторов заявил, что в целях организации общественных сил необходимо еще более тесное сплочение военно-промышленных комитетов, городского и земского союзов, ибо, по его выражению, это те ячейки, вокруг которых, в конце концов, объединится все русское общество. Для достижения подобного объединения необходимо, по мнению другого оратора, создание целого ряда новых всероссийских союзов: рабочего, кооперативного, торгового и др., которые вместе с всероссийским городским и земским союзами должны выделить из своей среды высший орган, являющийся для всех этих союзов «единым направляющим координирующим центром». Это будет,—сказал тот же оратор,—как бы штаб общественных сил всей России.

Из обмена мнений членов обоих съездов выяснилось, что намечаемый центральный орган является как бы «Союзом союзов», с теми же целями и заданиями, какие он имел в 1905 году. Политическую сторону деятельности военно-промышленных комитетов осветил один из ораторов, сказавший, что «под флагом военно-промышленных комитетов возрождаются рабочие организации, и что на предстоящем рабочем съезде родится всероссийский союз рабочих, который будет как бы советом рабочих депутатов».

Из частных бесед членов съезда вытекает, что дело не ограничится созданием и общим объединением городского и земского союзов, военно-промышленного комитета, всероссийского рабочего союза и других организаций. Ко всем этим союзам присоединяются еще национальные организации. В этом направлении уже многое сделано: под флагом помощи беженцам сформировалась чисто политическая польская организация; такой же характер носят организации латышей, литовцев и кавказских народностей.

В духе указанных выше пожеланий, требований и надежд были выработаны резолюции, сводившиеся к необходимости заменить нынешний состав правительства людьми, пользующимися доверием страны, к амнистии политических преступников и к уравнению перед законом всех граждан, без различия национальности и вероисповедания.

На письме за министра внутренних дел генерал-майора Климовича, при котором были препровождены к начальнику штаба верховного главнокомандующего отчеты об указанных собраниях, генерал-адъютант Алексеев наложил следующую резолюцию: «*Интересный материал. Ознакомить главнокомандующих: они должны быть осведомлены, что в различных организациях мы имеем не только сотрудников в ведении войны, но получающие нашими трудами и казенными деньгами внутреннюю спайку силы, преследующие*

[1]) Отчеты были получены от зам. мин. вн. дел г.-м. Климовича при отношении от 18/III 1916 г. за № 102850 на имя нач. штаба верх. главнокомандующего.

весьма вредные для жизни государства цели. С этим нужно сообразовать и наши отношения.»

Об изложенном, по приказанию главнокомандующего, сообщаю вашему высокопревосходительству.

Подписали: Генерал-майор *Сиверс.*
Генерал-квартирмейстер, Генерал-майор *Бредов.*

23—25 июня 1916 г. № 9620».

Сообщил *В. Дзюбинский.*

К истории убийства Григория Распутина.

Ниже печатаются три документа, которым в свое время не пришлось фигурировать в следственном деле об убийстве фактического вершителя судеб России в последние годы романовского режима—«старца» Григория Распутина. В сущности, мы до сих пор не имеем достоверной картины уничтожения в юсуповском дворце «злой, дьявольской силы», позорившей «Россию и весь мир» (?!), которая персонифицировалась, по мнению князя Юсупова, б.-вел. кн. Дмитрия Павловича и Пуришкевича, в лице Распутина. Дневник Пуришкевича, книга Бориса Алмазова [1]) и др.,—особенно первый,—представляют собой явно тенденциозные произведения, дающие фальсифицированное изображение убийства Распутина с целью, повидимому, снять упрек в пролитии крови с одного из Романовых, б. в. кн. Д. П. Романова.

Первое из печатаемых здесь двух писем одного из заговорщиков—молодого князя Ф. Ф. Юсупова графа Сумарокова-Эльстон, именно письмо к б. царице А. Ф. Романовой, явно продиктовано желанием скрыть правду. Очевидно, страх кары, с одной стороны, и уверенность, что все концы преступления надежно спрятаны в воду (буквально!), продиктовали Ф. Ф. Юсупову этот ответ, последовавший на приказание б. царицы сообщить, что произошло у него во дворце в ночь с 16 на 17 декабря. Но А. Ф. Романову, как видно из ее писем и телеграмм к мужу, напечатанных выше, нельзя было обмануть: она уже 17-го знала, что в «исчезновении нашего Друга» замешаны Пуришкевич, Юсупов и Дмитрий Павлович; и она надеялась только, что они не убили, а лишь увезли старца куда-то. Вместе с тем, ей откуда-то было известно, что Юсупов и Дмитрий Павлович «затевают нечто еще более ужасное». Из всего этого ясна вся безнадежность лжи, к которой убийцы решили прибегнуть, и вместе с тем ясно, что «непонятной, нечеловеческой силы и спокойствия духа» им хватило лишь на меньшую часть дела—устранение с политической арены «старца», но не на гласное, открытое признание перед «родиной и царем» своей роли в этом «поступке». Кажется, можно предположить далее, что Юсупов не ограничился этой элементарной самозащитой, какою является его письмо от 17 декабря. Записка А. Ф. Романовой, датированная 30 декабря, представляет собой, повидимому, ответ на какое-то новое письмо Юсупова. В пользу такого предположения говорит не только двухнедельный промежуток между этими письмами, но и заключительная фраза б. царицы об удивлении перед обращением к ней. Такое удивление не могло бы иметь места, если б эта записка была ответом на письмо от 17 декабря, начинающееся словами: «Спешу исполнить ваше приказание» и т. д. Но, к сожалению, о характере второго обращения Юсупова к А. Ф. Романовой можно только догадываться.

Письмо Юсупова от 2 января 1917 года написано им в его курском имении «Ракитное», куда он был выслан вскоре после убийства Распутина, и адресовано теще его, б. вел. княгине Ксении Александровне, жившей тогда в Крыму. По конспиративным соображениям, он говорит здесь о себе в третьем лице, но не считает нужным уверять тещу в своей непричастности к

[1]) Борис Алмазов. «Распутин и Россия.» Прага 1922. Эта книга полна грубых ошибок и поражает, между прочим, тем, что автор, рисуя картину убийства Распутина, как он уверяет, по дневнику Пуришкевича, дает, однако, изображение расправы со старцем, совершенно не похожее на то, какое мы находим у Пуришкевича.

уничтожению «старца». Напротив, это письмо носит характер откровенной исповеди, расчитанной на сочувствие и признание правильности его поступка. В данном случае автор письма мог быть спокоен: члены семьи его тестя—б. вел. князя Александра Михайловича, судя по их переписке, без подобающего пиэтета относились к своим царственным родственникам, правившим Россией под руководством сибирского «старца». Александр Михайлович в письмах к жене не прочь был побранить Николая Романова за отвращение к конституционному режиму Англии и за пребывание под башмаком «Аликс, которая считает себя всех умнее».

Письмо из Ракитного, таким образом, вводит в атмосферу предреволюционных настроений, предчувствий и страхов в среде многолюдной романовской фамилии.

Редакция.

Письмо кн. Ф. Ф. Юсупова графа Сумарокова-Эльстон А. Ф. Романовой [1].

17-го декабря 1916 г.

Ваше императорское величество.

Спешу исполнить ваше приказание и сообщить вам все то, что произошло у меня вчера вечером, дабы пролить свет на то ужасное обвинение, которое на меня возложено. По случаю новоселья ночью 16-го декабря я устроил у себя ужин, на который пригласил своих друзей, несколько дам. Вел. князь Дмитрий Павлович тоже был. Около 12 ко мне протелефонировал Григорий Ефимович, приглашая ехать с ним к цыганам. Я отказался, говоря, что у меня самого вечер и спросил, откуда он мне звонит. Он ответил: «Слишком много хочешь знать» и повесил трубку. Когда он говорил, то было слышно много голосов. Вот все, что я слышал в этот вечер о Григории Ефимовиче. Вернувшись от телефона к своим гостям, я им рассказал мой разговор по телефону, чем вызвал у них неосторожные замечания. Вы же знаете, ваше величество, что имя Григория Ефимовича во многих кругах было весьма непопулярно. Около 3-х часов у меня начался разъезд и, попрощавшись с великим князем и двумя дамами, я с другими пошел в свой кабинет. Вдруг мне показалось, что где-то раздался выстрел. Я позвонил человека и приказал ему узнать, в чем дело. Он вернулся и сказал: «слышен был выстрел, но неизвестно откуда». Тогда я сам пошел во двор и лично спросил дворников и городового, кто стрелял. Дворники сказали, что пили чай в дворницкой, а городовой сказал, что слышал выстрел, но не знает, кто стрелял. Тогда я пошел домой, велел позвать городового и сам протелефонировал Дмитрию Павловичу, спрося, не стрелял ли он. Он мне ответил смеясь, что выходя из дома, он выстрелил несколько раз в дворовую собаку и что с одною дамою сделался обморок. Когда я ему сказал, что выстрелы произвели сенсацию, то он мне ответил, что этого быть не может, т. к. никого кругом не было.

Я позвал человека и пошел сам на двор и увидел одну из наших дворовых собак убитой у забора. Тогда я приказал человеку зарыть ее в саду.

В 4 часа все разъехались, и я вернулся во дворец вел. князя Александра Михайловича, где я живу. На другой день, т.-е. сегодня утром, я узнал об исчезновении Григория Ефимовича, которое ставят в связь с моим вечером. Затем мне рассказали, что, как будто, видели меня у него ночью и что он со мной уехал. Это сущая ложь, т. к. весь вечер я и мои гости не покидали моего дома. Затем мне говорили, что он кому-то сказал, что поедет на днях познакомиться с Ириной [1]. В этом есть доля правды, т. к., когда я его видел в последний раз, он меня просил познакомить его с Ириной и спрашивал, тут ли она. Я ему сказал, что жена в Крыму, но приезжает числа 15-го или 16-го декабря. 14-го вечером я получил от Ирины телеграмму, в кото-

[1]) Печатаемые письма хранятся в Госархиве Р. С. Ф. С. Р.

[1]) Ирина Александровна, дочь б. вел. кн. Александра Михайловича и Ксении Александровны,—жена автора письма.

рой она пишет, что заболела и просит меня приехать вместе с ее братьями, которые выезжают сегодня вечером. Я не нахожу слов, ваше величество, чтобы сказать вам, как я потрясен всем случившимся, и до какой степени мне кажутся дикими те обвинения, которые на меня возводятся.

Остаюсь глубоко преданный вашему величеству

Феликс.

Записка А. Ф. Романовой кн. Ф. Ф. Юсупову графу Сумарокову-Эльстон [1])

Никому не дано право заниматься убийством, знаю, совесть многим не даст покоя, т. к. не один Д. П. в этом замешан. Удивляюсь вашему обращению ко мне.

30 декабря 1916 г.

Письмо кн. Ф. Ф. Юсупова графа Сумарокова-Эльстон к б. вел. кн. К. А. Романовой [2]).

Ракитное, 2 января 1917 г.

Доротая Мамаша.

Очень благодарю тебя за письма. Мне запрещено писать, поэтому не мог этого сделать раньше. Боялся, что перехватят по дороге. Меня ужасно мучает мысль, что императрица М. Ф [3]). и ты будете считать того человека, который это сделал, за убийцу и преступника, и что это чувство у вас возьмет вверх над всеми другими.

Как бы вы не сознавали правоту этого поступка и причины, побудившие совершить его, у вас в глубине души будет чувство—«а все-таки он убийца!».

Зная хорошо все то, что этот человек чувствовал до, во время и после и то, что он продолжает чувствовать, я могу совершенно определенно сказать, что он н е у б и й ц а, а был только орудием провидения которое дало ему ту непонятную нечеловеческую силу и спокойствие духа, которые помогли ему исполнить свой долг перед родиной и царем, уничтожив ту злую, дьявольскую силу, бывшую позором для России и всего мира, и перед которой до сих пор все были бессильны.

Ирина на это смотрит так же, как и я. Это большое утешение. Мы живем тут тихой деревенской жизнью, и если бы те, кто нас сюда сослал, знали, как нам тут хорошо, то наверно бы не оставили. Конечно, Ирина [4]) уже успела простудиться и лежала несколько дней в кровати. Я нашел, что она очень поправилась и, несмотря, что очень худа, имеет здоровый вид. Погода довольно.... Мама [2]) простудилась и лежит уже второй день. Ужасно скучно без бэби, говорят — она все время болтает. Так хотелось бы ее послушать и вас всех повидать. Бог знает, когда попаду в Крым. Мы много читаем. Я пишу свои записки и теперь ими совсем поглощен.

Андр. и Феод. [3]) меня глубоко тронули своим отношением ко мне, а Папаша (А. М.) все, что он для меня сделал, я никогда не забуду и люблю его всей душей [4]).

Ты, пожалуйста, о нас всех не беспокойся. Мы довольны нашей судьбой и живем мирно и хорошо в Ракитном.

Крепко, крепко тебя целую, а также всех детей, бэби и Папочку.

Феликс.

Материалы к истории живописи в России.

I.

Письма Н. К. Пимоненко.

Николай Корнильевич Пимоненко (1862—1912) принадлежит к видным представителям реализма в русской

---

[1]) Записка написана карандашом на секретк без адреса.

[2]) На конв рте, в котором было послано письмо, след. адрес: Е е и м п е р а т о р с к о м у в ы с о ч е с т в у в е л и к о й к н я г и н е К с е н и и А л е к с а н д р о в н е. А й-Т о д о р.

[3]) Мария Федоровна Романова обычно жила с семьей б. вел. кн. Александра Михайловича.

[1]) Вер., дочь Ф. Ф. Юсупова и Ирины Александровны—Ирина.

[2]) Кн. З. Н. Юсупова, жена ген.-адъютанта Ф. Ф. Юсупова (старшего).

[3]) Андрей и Федор, сыновья б. вел. кн. Александра Михайловича.

[4]) Тесть Ф. Ф. Юсупова—б. вел. кн. Александр Михайлович.

живописи. Изобразитель Украйны, ее природы и быта, он большую часть своих произведений посвятил сценам из жизни малорусских крестьян.

Печатаемые ниже письма Пимоненко были получены в ответ на просьбу доставить материал для помещения в «Русских Ведомостях» статьи по случаю наступавшего в 1910 году его 25-летнего юбилея.

1.

Милостивый государь
Н. В.

Получив ваше любезное письмо, присланное мне из Киева в Петербург, где я временно нахожусь, спешу исполнить ваше желание и прилагаю здесь мой биографический очерк, как сырой материал, из которого вы можете взять сведения, интересующие вас. Если вам понадобятся какие-нибудь фотографии с моих картин, а может быть, и мой портрет, то все это можно получить у г-на Фишера в Москве, Кузнецкий мост, № 15, который как раз теперь занят изданием альбома моих картин по случаю 25-тилетия моей деятельности.

Принося вам искреннюю благодарность за оказанную мне честь, покорнейше прошу вас принять уверение в совершенном к вам уважении и готового к услугам вашим

Н. Пимоненко.

P. S. В Петербурге я пробуду еще только до 26—27 февраля и уеду в Киев.

Приведенное письмо даты не имеет, но было получено на месте 24 февраля 1910 года. Упоминаемый в письме биографический очерк опубликован с ничтожными изменениями в «Альбоме картин академика живописи Н. К. Пимоненко», изданном ко дню 25-тилетия его деятельности художественно-графическим заведением К. А. Фишера в Москве. Подписи Пимоненко под опубликованным очерком нет; нет также и в альбоме каких-либо указаний, что этот очерк составлен самим художником.

2.

Киев, 3 марта 1910 г.

Многоуважаемый
Н. В.

Возвратясь сегодня из Петербурга получил ваше письмо, на которое спешу ответить вам.

Приурочиваю начало своей 25-летней художественной деятельности к 9 марта потому, что первая моя самостоятельная картина «Галерко» в 1885 году была окончена в это время и ее окончание и продажа совпали с днем моего рождения.

Примите уверение в совершенном к вам уважении

Н. Пимоненко.

Так как в первом письме художника не было указано, к окончанию какого из его произведений приурочивается начальный момент его деятельности, то второе его письмо последовало на письменный по этому поводу запрос.

3.

Киев, 6/IV—1910 г.

Многоуважаемый
Н. В.

Я очень сожалею, что не успел своевременно прислать вам свой альбом и тем ввел вас в непроизводительный расход.

Статью вашу получил и приношу вам свою сердечную признательность.

По интересующему вас вопросу прилагаю вам объявление журнала, который, хотя и не совсем аккуратно, выходит в Киеве. Больше у нас ничего нет, хотя и приложенный здесь не отражает правильно и полно текущую художественную жизнь даже Киева, а о юго-западном крае и говорить нечего. А участие в этом журнале Алекс. Бенуа еще больше суживает его рамки и делает его узко-партийным, как и все писания строгого критика (только не к самому себе), т.-е. не к своей партии.

Свидетельствую вам свое совершенное почтение и уважение

Н. Пимоненко.

Статья, о которой упоминается в письме, помещена в номере «Русских Ведомостей» от 9 марта 1910 года, под заглавием «Н. К. Пимоненко. (К 25-летию его деятельности.)» Источников, какими пользовался ее автор, не указано. Тот журнал, на который ссылается Н. К. Пимоненко, называется «Искусство и печатное дело»; в числе других его сотрудников состоял и Александр Николаевич Бенуа: в 1910 г. была напечатана в журнале его статья—«Задачи графики» (стр. 41—48).

II.

Письма В. Е. Маковского.

Владимир Егорович Маковский родился в 1846 году, передвижник и известный жанрист. Его творчество лучшей поры относится, главным образом, к 70—90-м годам прошлого столетия.

Ниже приводятся два его письма. Написаны они по следующему поводу: 4 декабря 1908 г. исполнялось 10 лет со дня кончины П. М. Третьякова. Этот день был отмечен: 9 декабря обществом преподавателей графических искусств и 19 декабря московским обществом любителей художеств — торжественными собраниями, на которых был поднят вопрос о постановке в Москве монумента Павлу Михайловичу. [1]) Одним из лиц, его возбудивших, был В. Е. Маковский, и в его письмах находятся данные, имеющие значение для истории этого вопроса.

1.

«Петербург, 30 декабря 1909 г.

Многоуважаемый
Н. В.

Получил ваше письмо от 28 дек., на которое и спешу вам ответить. Прошлый год на собрании передвижников 11 дек. 1908 г. мною было сделано предложение почтить память П. М. Третьякова постановкой ему памятника в Москве, и чтобы это предложение и первая лепта на это дело шло бы именно от передвижников; а так как на другой день 12 дек. предполагался вечер, посвященный памяти П. М. Третьякова, в обществе любителей художеств, на который мы все, передвижники, получили приглашение, то и было решено единогласно, на нашем собрании принять мое предложение и всем составом передвижников явиться на другой день на вечер, устроенный в память П. М. Третьякова, в общество любителей художеств, и сделать с нашей стороны заявление по поводу постановки памятника П. М. Третьякову, а также и о решении нашем, чтобы каждый передвижник дал (как первую лепту) свою картину, что мною и было заявлено на этом вечере. Вскоре по возвращении моем из Москвы в Петербург я выслал в моск. общ. любит. художеств свою картину «Пастушки», как посильную лепту на памятник П. М. Третьякову; я знаю, что то же самое сделал и И. Е. Репин и друг. передвижники. Как обстоит в настоящее время дело по постановке памятника П. М. Третьякову, к сожалению, мне неизвестно. Желаю от всей души, чтобы идея о памятнике П. М. Третьякову как можно скорее осуществилась.

Вот все, что я могу вам ответить по этому поводу, а засим позвольте вам пожелать всего наилучшего.

Уважающий вас *В. Е. Маковский*».

В письме ошибочно указано 12 декабря, как тот день, когда состоялся вечер в о-ве любителей художеств. Этот вечер был 11 декабря (см. предыд. прим.). Очевидно, собрание у передвижников было несколькими часами раньше, чем вечер в о-ве любителей.

Члены товарищества передвижных выставок проживали тогда, кроме Москвы, и в других городах: из бывших на вечере в о-ве любит. художеств В. Е. Маковский — в Петрограде, И. Е. Репин—в Куокале (Финляндия), Н. К.

---

[1]) См. «Известия о-ва преподавателей графических искусств» за 1908 г. № 10, стр. 346, и издание о-ва любителей художеств—«Вечер в память П. М. Третьякова 11 декабря 1908 г.» Кратко об этом вечере упоминается в отчете о-ва за 1908 г.

Пимоненко — в Киеве, Н. И. Нилус — в Одессе, но в то время они находились в Москве ввиду того, что тут открывалась 14 декабря 1908 г. XXXVII их выставка [1]).

2.

Многоуважаемый
Н. В.

Простите, если не точно пишу ваше имя и отечество. Статью вашу о Павле Мих. Третьякове, присланную вами мне, я прочел с большим интересом, и только пожалел об одном, что вы так мало были лично знакомы с покойным Пав. М. Третьяковым, тогда личность П. М. вышла бы у вас гораздо живее и рельефнее. Но во всяком случае, как чтущий память и глубоко уважавший покойного, приношу вам мою глубокую благодарность за вашу сердечную и правдивую статью о П. М. Третьякове. Преданный и искренно уважающий вас

Владимир Егорович Маковский.

Петербург. 1910 г. 22 сентября.

P. S. Не имея сведений по поводу постановки памятника П. М. Третьякову, очень был бы вам благодарен, если бы вы сообщили мне, в каком положении находится это дело».

Упоминаемая в письме статья напечатана в № 1 «Известий о-ва преподавателей графических искусств» за 1910 г. под заглавием—«К постановке памятника П. М. Третьякову». В статье относительно В. Е. Маковского говорится, что этот вопрос им поднят у передвижников и в московском о-ве любителей художеств, при чем—в о-ве любителей Маковский призывал художников жертвовать свои произведения, а затем объявить всероссийскую подписку на памятник. По поводу самого памятника в статье проводится мысль о желательности его сооружения на одной из площадей или скверов Москвы на средства, собранные всероссийской подпиской.

О положении этого дела сообщено В. Е. Маковскому в письме от 18 октября 1910 г.

В общем оно приняло нижеследующий оборот: московское о-во любителей художеств взяло его в свои руки. Были получены от многих художников картины, как жертвы на памятник, для их продажи. На годичном общем собрании о-ва 17 апреля 1911 г. было постановлено возбудить через комитет о-ва вопрос о всероссийской подписке. Затем, ввиду выяснившейся трудности получить на нее разрешение,—на экстренном собрании членов о-ва 18 сентября того же года постановили ходатайствовать о местной подписке, т.-е. по городу Москве. К концу, однако, дело приведено не было, и памятник П. М. Третьякову остался не сооруженным (см. отчеты московского о-ва любителей художеств за 1908 г. и следующие.).

Слова письма Маковского «Вы так мало были лично знакомы с покойным Пав. М. Третьяковым» относятся к другой статье того же автора: «П. М. Третьяков. Из личных воспоминаний» опубликованной в вышеупомянутом номере «Известий».

III.

Материалы к биографии К. А. Савицкого.

Константин Аполлонович Савицкий (1844—1905 г.)—один из видных русских художников, реалист. Его кисти принадлежат замечательные картины: «Ремонтные работы на железной дороге», «Встреча иконы», «Панихида на 9-й день на кладбище». (Все три в Третьяковской галлерее.)

Помещенные ниже письма были присланы, как материал для его биографии, которая по разным причинам осталась не составленной, и письма использованы не были.

[1]) См. адреса участников тов. передвижн. выставок в каталоге XXXVII выставки, изд. К. А. Фишером 1909. Об открытии выставки см. публикацию в «Русских Ведомостях» от 14 декабря 1908 г.

1.

Милостивый государь
Н. В.

Сообщаем вам то, что мы знаем о покойном Константине Аполлоновиче Савицком.

К. А. Савицкий—дворянин по происхождению, род. в г. Таганроге в 1844 году. По смерти отца (мать умерла еще раньше), оставившего большую семью, К. А., 14 лет от роду, был взят на воспитание своим дядей, жившим в западном крае, и помещен в один из пансионов в м. Биркенру в Лифляндии, откуда, через некоторое время, сбежал и уехал в Петербург, где и поступил в императорскую академию художеств.

Первоначальное художественное образование он получил под руководством матери художника Ив. Ив. Прянишникова («Парижского»). Пробыв немного времени в академии, К. А. по некоторым причинам вынужден был ее оставить и поступить в рисовальные классы, устроенные на бирже, откуда два года спустя вновь вступил в число учеников и. а. х. Два года упорного внеакадемического труда не могли оказать влияния на развитие его недюжинного таланта, и потому по вторичном поступлении в академию уже считался в ряду лучших и талантливых учеников. Получив две серебр. медали: малую в 1869 г. и большую в 1870 г., а также две малых золотых медали в 1871 году, К. А. одновременно с другими протестантами устарелых академических порядков должен был оставить академию. С этого времени начинается его настоящая художественная деятельность, о которой вы, надеемся, напишете соответственно ее значению, так как со смертью К. А. русский художественный мир лишился одного из лучших художников, представителей чистого и идейного искусства, одного из учредителей т-ва перед. выставок, внесшего своей многолетней плодотворной деятельностью в родное искусство многоценную художественную ленту.

К. А. Савицкий умер 31 января 1905 года от паралича сердца, так, по крайней мере, определил причину смерти один из пользовавших покойного местных врачей. К. А. был подвижной, живой человек, не любивший сидеть сложа руки даже в конечный период своей болезни. Забота об училище, в котором он состоял директором и которое он называл своим «детищем» и заботы об учащихся, к которым он относился, как отец и товарищ, не давали ему время подумать о себе и своем здоровье. Училищное дело было для него, как он говорил «живым делом», и в это живое дело он вкладывал всю свою душу, жертвуя собою всем без остатка. Можно сказать совершенно уверенно, что К. А., как любящий отец, обожавший детей и относившийся ко всем одинаково любовно и заботливо, оставался таким же и по отношению учащейся молодежи, которую он любил и жалел. Безгранично любя созданное им училище и отдаваясь ему и учащимся, он начинал и не оканчивал картины. Но он был художник, а художнику оторваться от любимого дела уже есть жертва, вызывающая нравственные страдания и муки. Он и страдал, но молча, скрывая от всех. Когда ученик приходил к нему (а дверь его всегда и для всех была гостеприимно открыта), чтобы показать свое произведение: картину, портрет, образ или другую какую-нибудь работу, К. А. оставлял писать свою картину (а он работал и в квартире, и в мастерской), давно начатую и ожидающую последних ударов кисти, ставил перед собою работу ученика, указывал и исправлял ошибки и нередко исполнял ее заново, а в особенности, если работа ученика ответственная, заказная. А такие случаи повторялись весьма часто.

Как преподаватель, К. А. не был рутинером, но и не сочувствовал новым путям к искусству. Ко всякому ложному взгляду на чистое искусство, к представителям новых путей и их подражателям он относился строго критически, разбивая на всех пунктах их обновленные ходульные принципы. Кротко и сердечно он старался убедить ученика в его заблуждении, если он, увлекающийся, не мог удержаться

против нового течения современного искусства и тонул в этом мутном потоке отвлеченных форм и красок. Но всякое лучшее проявление индивидуальной способности ученика или хотя незначительная попытка его к художественному творчеству вызывали в нем искренний восторг и похвалу по адресу начинающего автора.

Быв отзывчивым ко всяким нуждам учащихся, К. А. относился не менее добросердечно и внимательно ко всем служащим училища до низшего включительно.

С половины сентября 1904 года по 15 января 1905 года покойный К. А. лечился и жил в Крыму, в Ялте у доктора Зевакина. Незадолго до выезда из Ялты К. А. написал небольшой рассказ, или, лучше сказать, описал свое впечатление, вынесенное из разговора с малороссом-фельдшером, ухаживавшим за ним в период осложнившейся болезни, в то время, когда К. А. вынужден был оставаться в комнате и не покидать постели несколько дней. Рассказ написал довольно жизненно, не без остроумия и юмора. Раньше К. А. никогда литературой не занимался, и вместе с этим здесь является некоторое совпадение с последним годом жизни покойного профессора-художника В. Г. Перова, который, подобно К. А., незадолго до смерти, в то время, когда он совершенно оставил кисть, взялся за перо, из-под которого вылилось несколько симпатичных и трогательных рассказов.

С почтением имеем честь быть

П. Коровин.

П. Грандковский.

24 февраля 1905 г., г. Пенза.

Авторы письма художники Петр Иванович Коровин и Николай Карлович Грандковский (1864—1907) принадлежат к представителям реалистического течения в русской живописи. Оба—преподаватели в пензенском художественном училище в бытность К. А. Савицкого его директором.

В письме ошибочно сказано—«Ив. Ив. Прянишников». Это Иван Петрович Прянишников, — первоклассный рисовальщик, очень известный за границей, особенно в Америке, жил в Париже [1]).

Грандковский и Коровин указывают, что К. А. Савицкий, получив две малых золотых медали, в 1871 г. одновременно с другими протестантами устарелых академических порядков должен был оставить академию. Очевидно, здесь имеется в виду простое недовольство ее порядками, уцелевшими, несмотря на известный демонстративный отказ от конкурса на большую золотую медаль 13 учеников, окончивших в ней курс в 1863 г. Сам К. А. Савицкий ушел из академии без всякого открытого протеста [2]).

К. А. Савицкий в письме неверно назван создателем пензенского художественного училища. Училище основано на средства, пожертвованные бывшим пензенским губернатором Н. Д. Селиверстовым, а главным руководителем в деле создания и организации училища был почетный член академии художеств П. П. Семенов-Тянь-Шанский, Савицкий же был первым директором училища [3]).

Был ли напечатан и уцелел ли рассказ Савицкого, осталось неизвестным.

Письмо Коровина и Грандковского приведено с выпуском некоторых мест, не имеющих существенного значения для биографии К. А. Савицкого.

1906 года 7 декабря.

2.

Милостивый государь!
Н. В.

Извиняюсь, что не могла ответить на ваше письмо, так как была в Петербурге. Постараюсь дать вам нужные сведения об Константине Аполлоновиче. К. А. был большим другом всего нашего семейства; воспоминаний о нем у меня

---

[1]) Ф. И. Булгаков, «Наши художники на академических выставках последнего 25-летия». (1890, т. II, стр. 113.)

[2]) «Санктпетербургская академия художеств 1764—1914», т. I, стр. 46 и 150 и т. II, стр. 173 и 174.

[3]) Ibid., т. I, стр. 227—228.

масса, но собирать и излагать их систематически был бы слишком большой труд, потому я вперед извиняюсь, что дам сведения отрывочные и неполные.

Я познакомилась с К. А. в 1895 г., он преподавал тогда в училище живописи и ваяния в Москве; у него была мастерская, где К. А. давал частные уроки, и куда принял и меня.

Половина учеников его была бесплатная—это были, большею частью, молодые люди, приехавшие издалека и мало осведомленные о том, как трудно попасть по конкурсу в училище. Один из них—мальчик, фамилии которого я не помню, звали его Федя,—пришел пешком в Москву, не выдержал экзамена и остался без средств существования. К. А. взял его к себе, дал помещение, стол, занимался с ним и в следующем году Федя поступил в училище также, как и многие другие; из них помню фамилию некоего г. Кофтоненко, который впоследствии писал Конст. Апол.—Г. Бударина я не помню, думаю, что он занимался у К. А. в 1896 или в 1897 году, когда меня уже не было в мастерской.

К. А. очень серьезно относился к искусству и не любил, когда замечал, что другие интересы заставляют манкировать живописью. Сам он часто работал в мастерской, занимался офортом, лепил что-нибудь или перебирал свои эскизы, рассказывая, что и как он думает писать. Последние работы мало удовлетворяли К. А. Чувствовалось, что что-то большое бродит в нем, волнуя и не находя исхода. Им была начата большая картина «Гурт быков». Ему сильно хотелось ехать на юг России, чтобы там сделать нужные этюды, но расстроенное здоровье, хлопоты о пензенском училище, где он сделался директором, об учениках мешали ему осуществлять свои планы. К ученикам К. А. относился с редкою добротой—он болел их нуждами, постоянно хлопотал о ком-нибудь, до мелочей входил во все их интересы; вообще—вполне осуществлял понятие преподавателя-друга.

Многое в новом направлении искусства не находило сочувствия у К. А. Он любил все искреннее в искусстве и страшно возмущался, если восхищались в его присутствии вещами, по его мнению, написанными ради моды или для скорого сбыта. К. А. говорил, что понимает, что старые формы могут не удовлетворять, что ищут новых, и он уважал это, но не любил людей, которые бегут за всякой новинкой, подражают всякой удаче и на этом строят свой успех.

К. А. не принадлежал к числу обеспеченных художников и, имея большую семью, часто нуждался, но никогда не брался за художественную работу, если она его не могла заинтересовать. Многие работы он передавал ученикам. *О. Чахрова.*

При XXXVI выставке товарищества передвижных выставок была устроена посмертная выставка К. А. Савицкого, как члена т-ва. На ней находилась среди других произведений художника картина «Гурт быков». Фототипия с последней помещена в иллюстрированном каталоге помянутой выставки, изд. К. А. Фишера 1908.

3.

29 декабря 1906 г.

Многоуважаемый
Н. В.

Буду вам очень благодарна, если вы мне пришлете ваш труд.

Вы пишите, что вам мало понятно отношение Конст. Апол. к новым направлениям искусства. Он говорил, что в погоне за модой, за условной манерностью, художники переходят в ту же рутину, в которой обвиняют произведения старой школы, что эта манерность вредит непосредственности и искренности, которые он считал самым ценным в художественном произведении. Конст. Апол. ценил, если в произведениях художника отражалась широкая, чуткая душа, способная отразить жизненные и общественные явления.[1]) Он часто употреблял эпитет «живая душа, живое дело».

[1]) Подчеркнутое, по моему, сильнее всего определяет отношение К. А. к искусству. (*Прим. Чахровой.*)

Ко всем новым приемам техники он не относился враждебно, если стиль техники был в связи с целым построением художника, словом ему казалось, что манера должна исходить от настроения художника, а не обратно. Если же исключительное внимание отдавалось манере, писанью яркими штрихами, точками, он находил, что это вредит свежему непосредственному впечатлению натуры и делает вещь малоценной.

О. Чахрова.

Чахрова — Ольга Владимировна — ученица К. А. Савицкого. Ее второе письмо приведено с некоторыми сокращениями. Удалены те места, которые не имеют отношения к взглядам Савицкого на искусство.

Помещенные в комментариях даты, касающиеся художников Пимоненко, Маковского, Грандковского и Савицкого, взяты из «Перечня художественных произведений Цветковской галлереи в Москве 1915».

Сообщил *Н. В. Некрасов.*

Алфавитный указатель.

I.

Указатель к статье: „Поденная запись б. министерства иностранных дел".

(См. выше, стр. 5—62).

Бельдиман, румынский посланник в Берлине в 1914 г.

Братиано, румынский премьер и министр по военным делам в 1914 году.

Гизль, барон, австрийский посланник в 1914 году.

Клейнмихель, Мария Эдуардовна, графиня, урожд. Келлер, имевшая в Петербурге политический салон германофильского направления.

Монкевиц, Николай Августович, пом. 1-го обер-квартирмейстера гл. упр. ген. штаба в 1914 году.

Нератов, Анатолий Анатольевич, товарищ министра иностранных дел в 1914 году.

П шич, сербский премьер-министр и министр иностранных дел в 1914 г.

Татищев, Илья Леонидович, генерал-майор свиты. С декабря 1905 г. состоял при императоре германском.

Фахрэддин, турецкий посол в Петрограде в 1914 г.

Циммерман, германский помощник статс-секретаря по иностранным делам в 1914 г.

Шебеко, Николай Николаевич, русский посол в Австро-Венгрии в 1914 г.

Шиллинг, Маврикий Фабианович, барон, начальник канцелярии министра иностранных дел в 1914 г.

II.

Указатель к статье: „Дневник А. А. Половцева".

(См. выше, стр. 63—128).

Абаза, Александр Агеевич, госуд. контролер; в 1880 г. мин. финансов; в 1881 г. вышел с Лорис-Меликовым в отставку и был назначен председателем деп. гос. эк., умер в 1895 г.

Акимов, Михаил Григорьевич, д. т. с., сенатор, с 16 дек. 1905 г. мин. юстиции; 24 апр. 1906 г. вышел в отставку и назначен член. гос. совета; в 1907 г.—председ. гос. совета.

Александра Федоровна, кор. англ., жена Эдуарда VII, кор. английского.

Александра Федоровна, жена б. царя Николая II.

Александр I, имп. (1801—1825 г.г.).

Александр II, имп. (1855—1881 г.г.).

Александр III, имп. (1881—1894 г.г.).

Александр Михайлович, вел. кн., сын в. к. Михаила Николаев., председатель совета торгового мореплавания при министерстве финансов.

Алексей Александрович, вел. кн., брат Александра III, управл. морским министерством.

Алексей Михайлович, царь (1645—1676 г.г.).

Алексей Николаевич, сын Николая II.

Андрей Владимирович, в. к., флиг.-адъют., сын Владимира Александров., брата Александра III.

Антоний, митр. петроградский.

Арсеньев, Алексей Александрович, тульск. губ. предводитель дворянства.

Арсеньев, Константин Константинович, публицист, литер. критик и юрист, чл. консультации при мин. юстиции, тов. об.-прок. гражд. кассац. деп. сената.

Багалей, Дмитрий Иванович, проф. харьк. унив. по русс. истории; в 1906 г. избран членом гос. совета от академии наук и университетов; после роспуска 1-й государ. думы сложил полномочия.

Балета, балетная артистка.

Бахтин, Николай Иванович, госуд. деятель эпохи «велик. реформ», умер в 1869 г.

Бенкендорф, Мария Сергеевна, графиня, жена П. К. Бенкендорфа.

Бенкендорф, Павел Константинович, граф, гофмаршал.

Бирилев, Алексей Алексеевич, адмирал, морской министр (1905—1907 г.г.).

Бисмарк, кн., прусский мин.-президент, мин. иностр. дел и имперский канцлер.

Бобринская, Надежда Александровна,—урожд. Половцева,—гр., жена Алексея Александровича Бобринского; три дочери у ней: Екатерина (р. 1883 г.) за офиц. кавалергардск. полка Ильей Михайл. Миклашевским; Домна (р. 1886 г.) за офицер. того же полка гр. Дм. Александр. Шереметевым и София (р. 1887 г.) за кн. Петр. Александров. Долгоруким (сын Ал-дра Сергеев.).

Боткин, Михаил Петрович, академик художественной живописи, художник.

Бракенье, антикварий.

Бударов, вероятно, Владимирский-Буданов, Михаил Флегонтович, проф. киев. унив. по истор. рус. права.

Будберг, Александр Андреевич, бар., шталмейстер, главноуправл. канцел. прошений, чл. гос. совета.

Булыгин, Александр Григорьевич, гофмейст., с 20 января 1905 г. мин. вн. дел, был во главе особого совещания по выработке проекта о государ. думе; в октябре 1905 г. получил отставку и был назначен чл. гос. сов.

Бюлов, кн., мин.-президент, мин. ин. дел, госуд. канцлер Германии.

Ванновский, Глеб Михайлович, полковн. генер. штаба.

Васильчиков, Илларион Васильевич, кн., ген. от кавалерии; председатель комитета министров и гос. совета с 1838 до 1847 г., умер в 1847 г.

Вернадский, Владимир Иванович, проф. минералогии моск. унив., чл. гос. сов. в 1906 г. от академии наук и университетов.

Верховский, Владимир Владимирович, т. с., член департамента государ. экономии госуд. совета.

Вильгельм, принц мекленбургский, сын кор. Густава V.

Вильгельм II (1888—1918 г.г.), имп. германский.

Винавер, Макс. Моисеевич, цивилист, член 1-й гос. думы от Петрограда.

Витте, Матильда Ивановна, жена С. Ю. Витте.

Витте, Сергей Юльевич, гр., ст.-секрет., в 1892 г. мин. путей сообщения, в том же году мин. фин. и член гос. совета, в 1903 г. председатель комитета министров, председ. совета министров.

Владимир Александрович, вел. кн., брат Александра III, главнокоманд. войсками пет. воен. округа, получил отставку в 1905 г.

Воронцов-Дашков, Илларион Иванович, гр., ген.-адъют., чл. гос. сов., мин. импер. двора, в 1905 г. назначен наместником на Кавказе.

Всеволожский, Иван Александрович, директор имп. Эрмитажа, б. директор имп. театров.

Вышнеградский, Иван Александрович, б. мин. финансов, умер в 1895 г.

Георгий Михайлович, вел. кн., директор музея Александра III.

Герард, Николай Николаевич, сенатор, председат. департ. гражд. и духовн. дел гос. сов., ген.-губ. Финляндии.

Гессен-Дармштадтский, Эрнст-Людвиг, вел. герцог., женат на принц. Виктории, дочери в. к. Марии Александр., герц. Эдинбургской; Эрнст Людвиг развелся с женой в 1902 г.

Гидель, американский посол.

Глазов, Владимир Гаврилович, ген., в 1904 г. мин. нар. просвещ., в 1905 г. в октябре получил отставку и вернулся к военной деятельности.

Голицын, Михаил Михайлович, гофмейстер двора в. к. Влад. Ал-дров., ген.-лейт., поч. опекун.

Голубев, Иван Яковлевич, д. т. с., член департ. гражд. и духовн. дел гос. сов., с 1906 г. тов. председ. гос. сов.

Гончаров, Сергей Сергеевич, д. т. с., сенатор, чл. гос. сов.

Горемыкин Иван Логинович, д. т. с., сенатор, в 1895—1899 г.г. мин. внут. дел, чл. гос. сов., в апреле 1906 г.—председатель сов. мин.

Гортензия (Евгения Богарнэ), жена Людовика Бонапарта, мать Наполеона III.

Гринвальд-фон, Артур Александрович, обершталмейстер.

Гудович, Василий Васильевич, гр., шталмейстер, предводитель петроградского дворянства.

Гурко, Владимир Иосифович, д. с. с., в 1906 г. тов. мин. внутрен. дел.

Густав V, король шведский.

Гучков, Александр Иванович, гласный моск. гор. думы, один из организаторов союза 17 октября, член I, III и IV гос. думы и в 1910 г. ее председатель.

Данилов, Владимир Николаевич, участ. в камп. 1877—1878 г.г.; в войну 1904 — 1905 г.г. начальств. 6-м вост.-сиб. стр. див.; в войне с Германией команд. 23-м арм. корпусом, команд. гвард. корпуса, ген.-адъют.

Долгорукая, Ольга Петровна, кн., урожд. гр. Шувалова, жена кн. А. С. Долгорукого.

Долгорукий, Александр Сергеевич, кн., об.-гофмаршал.

Долгорукий, Николай Сергеевич, кн., ген.-адъют.; пом. команд. гл. импер. квартирой с 1905 по 1908 г.; посол в Италии в 1909—1912 гг.

Долгорукий, Павел Дмитриевич, кн., камергер, уездн. предвод. дворянства, губ. гласный, видный член партии к.-д.

Дубасов, Федор Васильевич, ген.-адъют., адмирал., стоял во главе карат. экспедиции для подавления аграрного движения и затем был назначен моск. ген.-губернатором. В 1906 г. член гос. совета.

Дурново, Петр Николаевич, т. с., сенатор; в 1905 г. назнач. мин. вн. дел; 19 окт. т. г. уволен от должности министра; с 1905 г. чл. гос. сов.

Дурново, Петр Павлович, ген. от инф., член гос. сов.; с 15 июля по 24 ноября 1905 г. б. моск. ген.-губернатором.

Евреинов, Григорий Александрович, об.-прокур. 1-го департ. сената, тов. мин. пут. сообщения, сенатор.

Екатерина II, имп. рус. (1762—1796 г.)

Елачич, вероятно, пом. ст.-секр. госуд. совета Елачич, Николай Александрович.

Елизавета Алексеевна, жена имп. Александра I.

Елизавета Федоровна, вел. кн., сестра имп. Александры Федоровны, жена вел. кн. Сергея Александровича.

Екшапар (точнее—Эшапарр-Дюбрейль), **Федор Владимирович,** ген.-м., и. д. управляющего двором в. к. Георгия Михайлов.; но всего вероятнее в соответ. месте текста предположить — Экеспарре, Оскар Рейнгольдович, гофмейстер, в 1906 г. избр. от двор. обществ в гос. совет.

Ермолов, Алексей Сергеевич, д. т. с., ст.-секр., мин. земледелия и гос. имущ. до 1905 г., член гос. совета.

Зарубаев, Николай Платонович, ген.-адъют., команд. 1-го сибирск. корпуса; начальн. 9-й пехотн. дивиз. в 10 корп.; ген.-инспектор пехоты, пост. чл. совета госуд. обороны.

Игнатьев 2-й, Алексей Павлович, гр., ген.-лейт., чл. департ. законов гос. совета.

Игнатьев, Николай Павлович, гр., дипломат, мин. внутр. дел.

Извольский, Александр Петрович, д. с. с.,камерг., посланник в Копенгагене; с 1897 г. по 1902 г. посланник в Японии; в 1906—1910 г. г. мин. иностр. дел и затем посол в Париже.

Икскуль-фон Гильдебранд, Юлий Александрович, бар., ст.-секр., сенат., в 1904 г. назнач. госуд. секретарем.

Ито, маркиз, председатель тайного совета в Японии.

Комура, японск. мин. иностр. дел.

Касаткин-Ростовский (в «Дневнике»: Косаткин), **Николай Федорович,** кн., камергер; в 1906 г. курским губ. земством избран в чл. гос. сов.

Катков, Михаил Никифорович, публицист, редакт. «Московских Ведомостей» и др. изданий реакц. направления.

Кауфман-фон, Петр Михайлович, сенат., в 1906 г.—мин. нар. просвещения.

Каханов, Михаил Семенович, чл. гос. сов.; в 1883 г. присутствовал в департ. госуд. экономии; умер в 1900 г.

Кирилл Владимирович, вел. кн., сын в. к. Владимира Александровича, фл.-адъют., кап. 2-го ранга.

Ключевский, Василий Осипович, проф. моск. унив. по рус. ист., изв. историк.

Кобеко, Дмитрий Фомич, д. т. с., член департ. гос. экономии гос. совета; директор Публичной Библиотеки, председат. комиссии о печати в 1905 г.

Коковцев, Владимир Николаевич, гр., д. т. с., сенатор, ст.-секр., мин. финансов, член гос. совета.

Кони, Анатолий Федорович, юрист, оратор и писатель; об.-прокурор угол. кассац. департ.; сенатор, с 1906 г. чл. гос. совета.

Константин Константинович, вел. кн.,—сын в. к. Константина Николаевича,—президент академии наук, главн. нач. военно-учебных заведений, поэт и переводчик.

Константин Николаевич, вел. кн., брат Александра II, адмирал, был управл. морск. министерством, председ. гос. сов., наместник Царства Польского.

Корвин-Милевский, Ипполит Оскарович, избран в члены гос. сов. в 1906 г. от землевлад. виленской губ.

Корф, Модест Андреевич, бар., граф, сотрудн. Сперанского, с 1831 г. упр. делами ком. министров, с 1834 г.—госуд. секр., с 1843 г.—чл. гос. сов.; с 1849 г. по 1861 г. директ. Спб. Публичн. Библиотеки; в 1861 г.—главноупр. II отд. соб. е. в. канцелярии; в 1864 г. председат. деп. законов гос. совета.

Корф, Павел Леопольдович, бар., избран от земства в члены гос. совета в 1906 г.

Котов, Григорий Иванович,—чл. особ. отделения ученого комитета мин. нар. просвещ. по техническому и профессиональному образованию.

Кочубей, Василий Аркадьевич, с. с., камерг., поч. мир. судья кролевец. и глуховск. уездов, кролевец. у. предв. дворянства.

Кочубей, Николай Васильевич, корнет л.-гв. конного полка, женился 27 марта 1908 г. на фрейлине, княжне Варваре Александр. Долгорукой.

Красовский, Михаил Васильевич, председатель петербургской городской думы.

Кривенко, Василий Силович, делопроизвод. наградного комитета, потом управл. канц. мин. имп. двора.

Кугушев, Вячеслав Александрович, кн.,—в 80-х г.г. был арестован по делу «Группы освобождения труда»; в 1902 г был арестован по подозрению в участии в уральском союзе, сидел в предварительном заключении 1½ года и был сослан в олонецкую губ.; в 1906 г. был избран уфимским земством в чл. гос. совета.

Куломзин, Анатолий Николаевич, ст.-секр., чл. гос. совета, управляющий делами комитета министров.

Куракин, Анатолий Александрович, кн., чл. совета мин. земледелия и госуд. имуществ.

Куропаткин, Алексей Николаевич, участв. в кампании 1877—1878 г.г., нач. закасп. обл. и ком-щий ее войсками; в 1898 г. воен. мин.; в 1904—1905 г.г. ком-щий Манчжурской армией и главноком. всеми силами против Японии. В войну с Германией — команд. гренад. корпуса, главноком. сев. фронтом; после — член александр. комитета о раненых и ком-щий войсками туркест. округа.

Кушелев-Безбородко, Александр Григорьевич, гр. (1800—1855).

Ламздорф, Владимир Николаевич, граф (1841—1907), в 1880 г. директор канцелярии мин. ин. дел, в 1897 г.—тов. мин. ин. дел, с 1900—1906 г.г. мин. ин. дел, с 1906 г. чл. гос. сов.

Лейхтенбергский, Николай Максимилианович, герцог.

Линевич, Александр Николаевич, сын главком. в японскую войну Н. П. Линевича, полк. л.-гв. кон. артиллерии, фл.-адъют.

Линевич, Николай Петрович, ген.-адъют., участник кампаний 1860—1864, 1877—1878, 1900—1901 г.г.; в 1904 г. ком-щий войск. Приамур. окр.; в войне с Японией главноком. всеми силами против Японии. Уволен от посл. должн. 3 февр. 1906 г.; был под следствием за непринятие мер против революционного движения в действ. армии и в Сибири; умер 10 апр. 1908 г.

Лобанов-Ростовский, Алексей Борисович, кн., был послом в Константинополе, Лондоне, Вене; с 1895 г. мин. иностр. дел.

Лобко, Лев Львович, ген. от инфант., госуд. контрол., чл. гос. сов., умер в 1905 г.

Лорис-Меликов, Михаил Тариелович, гр., мин. внутр. дел при Александре II; умер в 1888 г.

Лукьянов, Сергей Михайлович, сенат., патолог, тов. мин. нар. просвещен. в 1902—1905 г.г.; в 1906 г. назнач. чл. гос. совета.

Манухин, Сергей Сергеевич, сенатор, до 1905 г. был тов. мин. юстиции, чл. гос. сов.

Мария Александровна, вел. кн., дочь Александра II, герцогиня Саксен-Кобург-Готская.

Мария-Антуанета, кор. франц., жена кор. Людовика XVI.

Мария Георгиевна, вел. кн., жена в. к. Георгия Михайловича, дочь Георга I, короля греческого.

Мария Павловна, вел. кн., дочь в. к. Павла Александровича, жена шведского принца Вильгельма.

Мария Павловна, вел. кн., жена вел. кн. Владимира Александров., урожден. герцогиня Мекленбургская.

Мария Федоровна, имп., жена Александра III.

Мартенс, Федор Федорович, т. с., непремен. чл. сов. министр. иностр. дел., проф. международного права.

Мейендорф, Александр Георгиевич, ген.-адъют.

Мейер, американский посол.

Микадо, титул имп. японского; относится к имп. Муцухито.

Миклашевский, Илья Михайлович, офицер кавалергард. полка.

Милица Николаевна, дочь черногор. короля Николая I, жена вел. кн. Петра Николаевича.

Милюков, Павел Николаевич, проф. москов. унив., историк и публицист, соучастник «Союза Освобождения» и один из учредителей к.-д. партии.

Милютин, Дмитрий Алексеевич, граф, ген.-фельдмаршал, с 1861 г. воен. мин., деятель эпохи «великих реформ», чл. гос. сов.

Михаил Николаевич, вел. кн., брат Александра II, председатель гос. сов.

Михаил Федорович Романов, царь (1613—1645 г.г.), родонач. б. династии.

Муравьев, Николай Валерианович, ст.-секр., мин. юстиции с 1894 по 14 января 1905 г.

Муромцев, Сергей Андреевич, юрист, проф. моск. унив., публицист, председатель I госуд. думы.

Мышлаевский, Александр Захарович, ген.-лейт., т. председ. совета имп. рус. военно-историч. общества, проф. Никол. акад. генер. штаба, нач. главн. штаба.

Набоков, Владимир Дмитриевич, проф. уголовного права, чл. I гос. думы от Петрограда.

Нарышкин, Александр Алексеевич, сенатор, чл. гос. сов.

Нарышкина, Елизавета Алексеевна, урожд. кн. Куракина, статс-дама, жена Анат. Дм. Нарышкина.

Невилль, Альфонс, франц. живописец-баталист (1836—1885).

Нелидов, Александр Иванович, д. т. с., посланник в Париже.

Немешаев, Клавдий Семенович, инж. пут. сообщ., в 1905 г. полгода б. мин. пут. сообщ., начальн. ю.-зап. железн. дорог, в 1912 г. чл. гос. совета; в 1916 г. пом. верховн. начальника санитарной и эвакуационной части.

Нессельроде, Анатолий Дмитриевич, гр., волынск. предводитель дворян., кам.-юнк., лишен придворного звания в 1905 г.

Нецлин, Эдуард, директор банка de Paris et des Pays Bas.

Никитин, Федор Платонович, т. с., тов. мин. земледелия.

Николай II (род. 1868 г., ум. 1918 г.).

Николай Михайлович, вел. кн., сын в. к. Мих. Николаев., председ. рус. геогр. общ., чл. гос. сов.

Николай Николаевич (младший), вел. кн., сын. в. к. Ник. Ник. (старшего), ген-инсп. кавалерии; в 1905 г. назн. главнокоманд. войсками петр. воен. округа и председат. совета национ. обороны; в войне с Германией верх. главнокоманд.

Оболенский, Александр Дмитриевич, кн., шталмейстер, сенат., чл. департам. промышл. наук и торговли гос. совета.

Оболенский, Алексей Дмитриевич, кн., сенатор, в 1897—1901 г.г. т. мин. внутр. дел, в 1902 г. был назначен т. мин. финанс., в 1905 г. чл. гос. сов. и об.-прокур. синода.

Оболенский, Дмитрий Александрович (род. 1882), кн., внук А. А. Половцева; женат на гр. Ел. Дм. Бобринской.

Оболенский, Николай Дмитриевич, кн., свиты е. в. ген.-майор, завед. контролем мин. имп. двора.

Оболенский, Платон Сергеевич, кн., д. т. с., поч. опекун.

Олсуфьев, Александр Васильевич, гр., ген-адъют., ген.-лейт., команд. импер. главн. квартиры, заведыв. дворц. частью в Москве.

Олсуфьев, Дмитрий Адамович, гр., чл. гос. сов. от саратовск. губ. земства, октябрист.

Олсуфьева, графиня, вероятно, Татьяна Васильевна, фрейлина.

Ольденбургский, Александр Петрович, принц, ген. от инфант., ген-адъют., чл. гос. сов.

Орлов-Давыдов, Анатолий Владимирович, граф, обер-шталм. (1837 г.—ум. 19/XII 1905 г.).

Островский, Михаил Николаевич, ст.-секр., мин. госуд. имуществ в 1901 г.

Павел I, имп. рус. (1796—1801 г.г.).

Павел Александрович, вел. кн., брат Александра III, ген.-лейт., ген.-адъют., командир гвард. корпуса.

Пален, Константин Иванович, гр., министр юстиции.

Пален, Петр Петрович, гр., ген от кавал., ген.-адъют., ген.-инспект. кавалерии, член воен. сов., чл. гос. сов.

Пантелеев, Александр Ильич, участв. в войне 1877—1878 г.г., в 1897—1900 г.г. пом. шефа жандарм., в 1898 — 1900 г.г. командир отд. корп. жандармов, в 1900 — 1903 г.г. иркутск. воен. ген.-губ., в 1903 г. чл. гос. сов.

Петр I, имп. рус. (1689—1725 г.г.).

Петр II, имп. рус. (1727—1730 г.г.).

Петрункевич, Иван Ильич, чл. гос. думы от тверской губ., член «Союза Освобождения» и к.-д. партии.

Пихно, Дмитрий Иванович, проф. киевск. унив. по политич. экономии и статистике; ред. газ. «Киевлянин». В 1907 г. чл. гос. сов. по назначению.

Платонов, Сергей Федорович, проф.-истор. петроград. унив.

Плевако, Федор Никифорович, адвокат.

Плеве-фон, Вячеслав Константинович, ст.-секр., сенат., мин внутр. дел., ст.-секр. вел. кн. финляндского, шеф жандармов.

Плеве, Павел Адамович, ген.-лейт., в камп. 1877—1878 г.г. капит.; в войне с Германией ком-щий V армией, главноком. V армией, умер в 1916 г.

Победоносцев, Константин Петрович, ст.-секр., об.-прокур. синода, чл. гос. сов.

Покотилов, Александр Дмитриевич, заведыв. дел. жел.-дорожн. пенсион. комитета.

Поливанов, Алексей Андреевич, ген.-лейт., пом. воен. мин., воен. мин.

Половцев, Александр Александрович, д. т. с., сенат, чл. гос. сов., автор «Дневника».

Половцев, Андрей Петрович, полк., пом. нач. военно-походн. е. в. канцелярии, двоюрод. брат автора «Дневника».

Поляков, Лазарь Соломонович, банкир.

Потемкин-Таврический, Григорий Александрович, светл. кн., деятель эпохи Екатерины II.

Потоцкий, Иосиф Альфредович, гр., председ. сел.-хоз. общ. групп зап. окр.; избран в I гос. думу от волынской губ.

Протасов-Бахметьев, Николай Алексеевич, гр., астрах. губ., наказн. атам. астр. каз. войска, главно-упр. учрежд. имп. Марии.

Радолин, кн., германск. посол во Франции.

Рейтерн, Михаил Христофорович, ст.-секр., мин. финанс. в 1867—1878 г.г.; в 1881 г. назнач. председат. комит. министров и председат. главн. ком. по устройству сельск. населения; умер в 1890 г.

Рихтер, Оттон Борисович, ген. от инф., ген.-адъют.

Родичев, Федор Измайлович, адвок., чл. «Союза Освобождения» и к.-д. партии, чл. I гос. думы от тверской губ.

Ромер, Владимир Эмилиевич, избран. в члены I гос. думы в 1906 г. орловск. губ. земством.

Рооп, Христофор Христофорович, ген. инф., чл. гос. совета.

Ростовцев, Яков Иванович, гр. деятель эпохи реформ.

Рувье, франц. мин. финансов.

Рузвельт, президент Соед. Штатов.

Сабуров, Андрей Александрович, ст.-секр., сенатор, б. мин. нар. просв. (1880—1881 г.), чл. гос. сов.

Салтыкова, Анна Сергеевна, княг., урожд. княжна Долгорукая, вдова об.-шенка светл. кн. Никол. Иван. Салтыкова.

Самарин, Федор Дмитриевич, чл. гос. сов. от моск. дворянства.

Самсонов, Александр Васильевич, ген.-лейт., нач. штаба варшав. воен. округа.

Семенов-Тянь Шаньский, Петр Петрович, сенат., чл. гос. сов., географ, статистик, автор многр. трудов, чл. рус. геогр. о-ва.

Сергеевич, Василий Иванович, проф. петр. унив., историк права.

Сергей Александрович, вел. кн., брат Александра III, ген.-губ. Москвы, ком-щий войсками моск. воен. окр.

Сергей Михайлович, вел. кн., ген.-м. свиты е. в., ген.-инсп. артиллерии.

Сипягин, Дмитрий Сергеевич, шеф жандарм., мин. внутр. дел.

Скальковский, Константин Павлович, т. с., дир. горн. департамента, сотрудн. «Нового Времени» и «Петерб. Ведомостей».

Соломон, Александр Петрович, шталмейст., чл. консультации при мин. юстиц., директ. Александр. лицея.

Сольский, Дмитрий Мартынович, гр., председ. департ. госуд. эконом. гос. сов., предс. гос. сов., умер в 1910 г.

Стана, Анастасия Николаевна, дочь черногор. кор. Николая I, жена герц. Георга Лейхтенбергского, с которым развелась в конце 1906 г. и в 1907 г. вышла замуж за в. к. Николая Николаевича (младшего).

Стасюлевич, Михаил Матвеевич, общест. деятель, публицист и историк, редакт. журн. «Вестник Европы».

Стишинский, Александр Семенович, б. тов. мин. внутр. дел, главноупр. землеустр. и земледел.

Столыпин, Петр Аркадьевич, д. с. с., гофмейстер., до 1906 г. был сарат. губернатор.; в 1906 г. был назнач. мин. внутр. дел; чл. гос. сов., председат. совета министров.

Струков, Ананий Петрович, гофмейстер, в 1906 г. чл. гос. сов. от дворянства.

Сухотин, Николай Николаевич, ген. от кавал., засл. проф., поч. чл. Николаев. воен. акад. и Михайл. артиллер. академии.

Таганцев, Николай Степанович, сенатор, проф. учил. правоведения, в 1905 г. назнач. чл. гос. сов.

Танеев, Сергей Александрович, чл. гос. сов., управл. соб. е. и. в. канцелярией, ум. в 1889 г.

Тарле, Евгений Викторович, проф. петроград. унив., историк.

Татищев, Илья Леонидович, полк. лейб.-гус. пол., адъют. вел. кн. Влад. Александр., с 1905—1914 г.г. был причислен к русскому посольству в Германии в качестве состоящего при имп. Вильгельме II.

Тернер, Федор Густавович, сенатор, чл. гос. сов., экономист, оставивший несколько работ по земельному вопросу, умер в 1906 г.

Тимашев, Сергей Иванович, т. с., управляющ. гос. банком.

Тимирязев, Василий Иванович, с 1902 г. б. тов. мин. фин. и заведывающ. отд. торговли и промышленности, в 1905 г. б. назначен мин. вновь учрежденного м-ва торговли и промышленности.

Толстой, Иван Иванович, мин. нар. просвещения.

Толь, Сергей Александрович, гр., егермейст., чл. гос. совета.

Трепов, Владимир Федорович, в 1899—1902 г.г. б. вице-директ. деп. общ. дел мин. внутр. дел, в 1902—1905 г.г. таврич. губернатор.

Трепов, Дмитрий Федорович, ген.-м., моск. об.-полицеймейстер, в 1905 г. назначен ген.-губ. Петрограда.

Трубецкой, Георгий Иванович, кн., свиты е. в. ген.-м., командующ. соб. е. в. конвоя.

Трубецкой, Евгений Николаевич, проф. моск. унив.

Трубецкой, Петр Николаевич, кн., моск. губ. предводитель дворянства.

Тютчева, Софья Ивановна, фрейлина.

Унтербергер, Павел Федорович, сенат., инж.-ген., войск. наказн. атаман амурск. и уссур. казач. войска, ком. войск. прнам. воен. окр. и прнам. ген.-губернатор.

Урусов, Сергей Дмитриевич, кн., член гос. думы от калужск. губ. в 1905 г.; до того мир. судья, губернат. в Твери и Кишиневе, в госуд. думе принадлеж. к партии дем. реформ., позднее к.-д.

Фальер,—президент франц. республики.

Философов, Дмитрий Александрович, д. с. с., шталм., с 1901 г. тов. гос. контролера, в 1905 г. госуд. контролер.

Фредерикс, Владимир Борисович, гр., мин. импер. двора и уделов.

Фриш, Эдуард Васильевич, ст.-секр., председ., департ. гражданских и духовных дел, председ. гос. совета, умер в 1907 г.

Хилков, Михаил Иванович, мин. пут. сообщ.

Харитонов, Петр Алексеевич, ст.-секр.*, т. с., в 1904 г. тов. гос. секр.; в 1906 г. сенат. и член гос. сов.; в 1907 г. гос. контролер.

Чечулин, Николай Дмитриевич, проф. петр. унив., историк, пом. библиот. в Публичной Библиотеке.

Чихачев, Николай Матвеевич, адмир., б. упр. морск. министерством, председ. департ. промышленности, наук и торговли, чл. гос. совета.

Шамшин, Иван Иванович, д. т. с., сенат., чл. гос. сов.

Шауфус (полностью: Шаффгаузен-Шенберг-Эк-Шауфус), **Николай Константинович,** воен. инжен., ген-лейт., мин. пут. сообщ. в 1906 г.

Шванебах, Петр Христианович, с 1903 г. был тов. мин. землед. и госуд. имуществ, в 1905 г. назнач. главноупр. земледел. и землеустройством.

Шварц, Александр Николаевич, чл. гос. сов., сенат., заслуж. проф., мин. пар. просв.

Шевич, Иван Георгиевич, сенат., чл. гос. сов.

Шереметев, Сергей Дмитриевич, гр., член гос. сов.

Шестаков, Иван Александрович, адмир., ген.-адъют., управл. морск. министер. (1882—1888 г.г.).

Шидловский, Михаил Владимирович, ст.-секрет. гос. совещ.; чл. департ. промышленности и торговли.

Шипов, Дмитрий Николаевич, земск. деятель, чл. гос. совета от моск. земства.

Шипов, Иван Павлович, управл. гос. банком, дир. общ. канцел. мин. фин.

Ширинский-Шихматов, Алексей Александорович, кн., об.-прокур. синода.

Шмеман, Николай Эдуардович, сенат., ст.-секр., управл. межевой частью мин. юст.

Щеглов, Василий Васильевич, д. с. с., библиотекарь собствен. е. в. библиотеки.

Щегловитов, Иван Григорьевич, д. с. с., в 1906 г. мин. юст.

Эдуард VII, король англ. с 1901 г.

Юрьевская, Екатерина Михайловна, княгиня.

Юсупов, Феликс Феликсович, кн., граф Сумароков-Эльстон, сын Фел. Никол. Эльстона и Елены Серг., урожд. Сумароковой; женат на Зинаиде Никол. Юсуповой, фамилию которой и принял; полковн. кавалерг. Марии Федоровны полка.

Юсупова, Зинаида Николаевна, кн., гр. Сумарокова-Эльстон, жена Ф. Ф. Юсупова.

III.

Указатель к статье: „Семейная переписка Романовых".

(См. выше, стр. 159—121).

А.—См. Аня.

Адлерберг (Дудель), Алекс. Алекс., ген. от инф. в отставке.

Акилина, сестра, монахиня одного из сибирских монастырей, приверженица Григ. Распутина.

Алексеев, Михаил Васильевич, ген.-адъют., ген. от инф., до войны командовал 13 арм. корп. с начала войны — нач. штаба юго-зап. фронта; с весны 1915 г. ком. сев.-зап. фронтом; с августа 1915 г. начальник штаба верх. главноком.; после февральской революции до мая 1917 г. верховный главнокомандующий.

Алексей—Алексей Николаевич (Бэби, Солнечный Луч), сын Николая II.

Алексей, епископ тихвинский, викарий новгородской епархии.

Анастасия—Анастасия Николаевна, четвертая дочь Николая Романова.

Анастасия Николаевна (Стана), жена вел. кн. Николая Николаевича, дочь короля черногорского Николая, по первому мужу герц. Лейхтенбергская; в 1914—1915 г.г. жила в Киеве, а затем с мужем на Кавказе.

Андрей, Андрей Владимирович, вел. кн., ген.-майор свиты, ком. л.-гв. конной артил. с 7 мая 1915 г.

Андрюша—Андрей Александрович, старш. сын вел. кн. Александра Михайлов. и Ксении Александровны.

Аня—Анна Алекс. Вырубова, урожденная Танеева, фаворитка Николая и Александры Романовых; горячая поклонница Распутина.

Апраксин, Петр Николаевич, гр., в должн. гофмейстера, состоявший при Александре Федоровне; б. таврический губернатор.

Арсений, архиепископ новгородский и старорусский, член синода.

Багратион, Дмитрий Павлович, кн., ген.-лейт., до войны состоял помощником нач. офицерской кавал. школы; во время войны командовал первоначально бригадой кавказской туземной конной дивизии, а затем и самой дивизией (с февраля 1916 г.).

Багратион-Мухранский, Александр Ираклиевич, кн., ген.-майор свиты; числ. по гвард. кав., бывш. ком. 44 драг. полка (Нижегородского) и л.-гв. конного п.

Балашев, Николай Петрович, обер-егермейстер высоч. двора, член гос. сов.

Батюшин, Николай Степ., ген.-майор, во время войны состоял при штабе сев.-зап. фронта, где выдвинулся в роли военного следователя (дело Мясоедова и др.).

Безобразов, Влад. Мих., ген.-адъют., ген. от кав., ком. гвард. корп. с 1912 г. до июня 1915 г., когда был устранен от командования; в декабре 1915 г. был вновь назначен на фронт, причем ему доверен был особый гв. отряд, сформированный из 1-го и 2-го гв. корп., после неудачных ковельских боев в июле 1916 г. был окончательно смещен.

Беляев, Михаил Алексеевич, ген. от артилл.; в июне 1915 г. назначен помощником военного министра; на этом посту оставался до осени 1916 г., когда был назначен членом военного совета. В январе 1917 г. сменил генерала Шуваева в должности военного министра.

Бенкендорфы, Павел Константинович, гр., ген.-адъют., ген. от кавалерии, обер-гофмаршал, и жена его **Мария Сергеевна,** урожд. кн. Долгорукая, б. фрейлина.

Бэби,—наследник Алексей Николаевич.

Бобринский, Алексей Александрович, член гос. совета, сенатор, обер-гофмейстер, тов. мин. внутр. дел (25 марта—21 июня 1916 г.), министр земледелия и землеустройства (21 июня—14 ноября 1916 г.).

Бойсман, полк., в 1917 г. назначен таврическим губернатором вместо ген.-майора свиты его вел. Н. А. Княжевича.

Борис—Борис Владимирович, вел. князь, генерал-майор свиты, во время войны командовал лейб-гв. атаманским полком, затем состоял походным атаманом при Николае Романове.

Боткин, Евгений Сергеевич, лейб-медик.

Брусилов, Алексей Алексеевич, ген.-адъют., ген. от кавалерии; до войны ком. 12 арм. корп.; во время войны командовал 8 армией, юго-западным фронтом; в мае 1917 г. сменил ген. Алексеева на посту верховного главнокомандующего.

Бурдюков, Николай Федорович, в должности шталмейстера, сост. при министре внутр. дел.

Бьюкенен, сэр **Джорджи Уильям,** английский посол при русском дворе (1910—1917 г.г.).

Валуев, Федор Михайлович, инженер путей сообщения, гофмейстер, нач. северо-западных железных дорог.

Васильчикова, София Николаевна, княгиня, урожденная кн. Мещерская, жена кн. Б. А. Васильчикова.

Васильчиков, Борис Александрович, князь, шталмейстер, член гос. сов., член верхов. совета по призрению семей лиц, призванных на войну.

Виктория, принцесса Баттенбергская, урожденная герцогиня Гессенская, жена принца Лудвига Баттенбергского, сестра б. имп. Александры Федоровны.

Вильямс, Г., бригадный генерал, глава английской военной миссии при ставке.

Витте, Сергей Юльевич, бывший председатель совета министров, знаменитый русский государственный деятель (умер 18 февраля 1915 г.).

Воейков, Владимир Николаевич, генерал-майор свиты, дворцовый комендант.

Волх. Володя—Волконский, Владимир Михайлович, князь, в должности егермейстера, тов. мин. внутр. дел (при А. Н. Хвостове, Штюрмере и Протопопове), б. тов. председателя III гос. думы, деп. IV гос. думы от тамбовской губ.

Воронцова — Воронцова-Дашкова, графиня, урожденная гр. Шувалова, статс-дама, жена б. наместника на Кавказе.

Воронцов—Воронцов-Дашков, Иллар. Иванович, граф, ген.-адъют., ген. от кав., член гос. совета, наместник его вел. на Кавказе, умер в январе 1915 г.

Воронцов Ларька—Воронцов-Дашков, Илларион Иллар. граф, полк. лейб-гв. гусарского полка, адъютант вел. князя Михаила Александровича.

Врангель, Николай Алекс., ген.-майор, сост. при вел. кн. Михаиле Александровиче, или Петр Николаевич, флигель-адъютант, полковн., офицер лейб-гвардии конного полка, в апреле 1916 г. произведен в ген.-майоры, назначен состоять при вел. кн. Михаиле Александровиче.

Георгий—Георгий Михайлович, вел. князь, ген.-адъютант, ген.-лейт., состоял при ставке верховного главнокомандующего.

Гиббс, Сидней Иванович, гувернер наследника.

Голицын, Николай Дмитриевич, князь, сенатор, председатель комитета по оказанию помощи русским военнопленным, находившимся во вражеских странах; в январе 1917 г. был назначен председателем совета министров.

Голицын, Алекс. Дмитр., князь, церемониймейстер, член III государственной думы, б. харьковский предводитель дворянства, член гос. сов. по выборам на 1916 г. от харьковской губ.

Головин — вероятно, **Николай Николаевич,** б. ком. 20-го драг. финляндского полка, генерал-квартирмейстер, позднее нач. штаба 7-ой армии, ордин. профессор Николаевской военной академии, после февральской революции начальник назв. академии.

Головина Муня—вероятно, **Мария Евгениевна,** дочь камергера.

Горяинов, Алексей Алексеевич, ген. от кавалерии, член совета министра внутренних дел, б. пензенский губернатор.

Граббе, Александр Николаевич, ген.-майор свиты, командир собств. его вел. конвоя.

Грамотин—вер., офицер собств. его вел. конвоя.

Григорович, Иван Констант., генерал-адъютант, адмирал, член госуд. совета, морской министр (1911—1917 г.г.).

Грюнвальд—(**Гринвальд**)—фон, **Артур Артурович,** ген.-адъют., ген. от кав., обер-шталм., завед. придворной конюшенной частью.

Гротен, Павел Павлович, ген.-майор свиты, в октябре 1915 г. назначен ком. л.-гв. конно-гренад. полка.

Гурко, Вас. Осипович, ген. от кав., ком. «особой армией»; во время болезни М. В. Алексеева исправлял должность начальника штаба верх. главнокомандующего.

Да..и,—Виктория Федоровна, урожденная принцесса Саксен-Кобург-Готская, по первому мужу вел. герц. Гессенская, жена вел. кн. Кирилла Владимировича.

Ден, Карл Акимович, кап. 1 ранга, в 1916 г. получил командов. крейсером «Варяг», перекупленным у Японии.

Деревенько, Владимир Николаевич, доктор мед., почетный лейб-хирург.

Джорджи,—Георг V, король английский.

Джорджи,—Георг, принц Баттенбергский, племянник Александры Федоровны, лейтенант крейсера «Нью-Зиланд».

Диаманд.., румынский посол в России с 1 окт. 1913 г.

Дмитрий—Дмитрий Павлович, вел. кн., флигель-адъютант, штаб-ротмистр лейб-гвардии конного полка, принимал участие в убийстве Григ. Распутина, после чего был отправлен в Персию.

Добровольский, Николай Алекс., егерм., 20 дек. 1916 г. был назначен управл. мин. юстиции.

Дрентельн, Алекс. Александр., ген.-майор, ком. Преображенского полка.

Дубровин, Александр Иванович, председатель союза русского народа, издатель газеты «Русское Знамя».

Евг. Серг.—Боткин (см. выше).

Елена—Елена Петровна, урожденная королевна сербская, жена кн. Иоанна Константиновича (Иоанчика).

Жевахов, Николай Давидович, кн., в звании камер-юнкера; в сентябре 1916 г., в связи с учреждением второй должности тов. обер-прокурора синода, был назначен исправляющим эту должность.

Жильяр, Пьер, (Жилик), воспитатель наследника и преподаватель французского языка.

Жук, повидимому, служитель или фельдшер царскосельского лазарета.

Зизи—Елизавета Алексеевна Нарышкина, урожд. кн. Куракина, вдова Ан. Дм. Нарышкина, гофмейстерина двора, статс-дама.

Иванов, Николай Иудович, ген.-адъют., ген. от арт., член гос. сов., до марта 1916 г. был главнокомандующим армиями юго-западного фронта; позднее состоял при Николае в ставке.

Игнатьев, Павел Николаевич, граф, министр народного просвещения.

Иза—Бу..гевден, Софья Карловна, баронесса, фрейлина Александры Федоровны.

Ильин, Алексей Алексеевич, гофмейстер, член гос. совета, председатель общества Красного Креста, член совещания по продовольственному делу империи.

Иоанчик, Иоанн Константинович, флигель-адъютант, штаб-ротмистр л.-гв. конного полка.

Ирен—Ирина, принцесса Прусская, урожденная принцесса Гессенская, жена принца Генриха Прусского, сестра Александры Федоровны.

Ирина—Ирина Александровна, княгиня Юсупова, графиня Сумарокова-Эльстон, жена кн. Ф. Ф. Юсупова, участника убийства Распутина, дочь вел. кн. Александра Михайловича и Ксении Александровны.

Ислави́н, Михаил Владимирович, новгородский губернатор.

Калинин—Протопопов (см. ниже).

Катуся, В.—Екатерина Петровна Васильчикова, б. фрейлина.

Кауфман, Петр Михайлович (Туркестанский), обер-гофмаршал, сенатор, член госуд. совета, главноуполномоченный Красного Креста при ставке.

Кедринский—Керенский, Алекс. Фед., член госуд. думы.

Кирилл Владимирович, вел. кн., контр-адм. свиты его величества, ком. гвард. экипажа и нач. морского батальона в действ. армии с февр. 1915 г.

Княжевич, Александр Антон., камергер, чин. особых поручений при иверской общине сестер милосердия.

Княжевич, Дмитрий Максимович, ген.-майор свиты, ком. уланским Александры Федоровны полком, затем отдельными бригадами 1-й и 2-й гвард. кавал. дивиз.

Княжевич, Николай Антон., ген.-майор свиты, таврический губернатор с конца 1914 г., б. командир Крымского конного Александры Федоровны полка.

Кожевников, Лев Матвеевич, старший лейтенант гвард. экипажа.

Коковцев, Владимир Николаевич, граф, статс-секретарь, член гос. сов., б. министр-председатель (1911—1914 г.г.) и министр финансов (1904—1914 г.г.).

Комар.—Комаров, Владимир Александрович, ген.-лейт., нач. петрогр. дворцового управления, бывший командир лейб-гвардии собственного его вел. сводного полка.

Коленкин, Александр Николаевич, ком. 5-го гусарск. Александрийского Александры Федоровны полка.

Корф, Павел Павлович, барон, обер-церемониймейстер.

Крессон, Е. Е., франц. доктор, долгое время находившийся в германском плену.

Кривошеин, Александр Васильевич, гофмейстер, статс-секретарь, член государственного совета, главноуправляющий землеустройством и земледелием (1908—27 окт. 1915 г.).

Ксения—Ксения Александровна, сестра Николая Романова, жена вел. кн. Александра Михайловича.

Кублицкий, Александр Иванович, ст. лейтенант гвард. экипажа.

Кутайсов, Конст. Павлович, граф, флигель-адъютант, полк. лейб-гвардии конной артиллерии.

Лелянов, Павел Иванович, бывший петербургский городской голова.

Лили—Юлия Александровна Ден, жена К. А. Ден.

Линевич, Александр Николаевич, флигель-адъютант, полк. лейб-гвард. конной артиллерия.

Лихтенштейн, кн., австрийский посол при рус. дворе в конце 90 г.г. XIX в.

Лоло кн.—**Долгорукая Ольга Петровна,** светл. княгиня, урожд. графиня Шувалова, вдова св. кн. А. С. Долгорукого, обер-церемониймейстера, члена государственного совета.

Львов, Георгий Евгеньевич, князь, главноуполномоченный всеросс. земского союза, гласный московской городской думы.

Макаров, Александр Александрович, член государственного совета, с 7 июня 1916 г. министр юстиции, в декабре 1916 г. заменен Н. А. Добровольским.

Маклаков, Николай Алексеевич, гофмейстер, министр внутренних дел (1912—1915 г.г.); б. черниговский губернатор.

Максимович, Константин Клавдиевич, ген.-адъют., ген. от кавал., помощник командующего импер. главной квартирой с 18 дек. 1915 г.

Малама, Александр Васильевич, член консультации при министерстве юстиции.

Мануилов-Манасевич, б. агент министерства иностр. дел; шталмейстер; дело о нем слушалось в петроградском суде в конце 1916 г., но было прекращено по требованию Григ Распутина и придворных кругов.

Мари—Мария Павловна, дочь вел. кн. Павла Александровича, по мужу герцогиня Зюдерманландская, с которым разошлась в марте 1914 г.; работала сестрой милосердия на фронте и в Пскове.

Мария—Мария Николаевна, третья дочь Николая Романова и Александры Федоровны.

Медем, Николай Николаевич, барон, бывший псковский губернатор по 18 мая 1916 г., когда был назначен сенатором.

Милица Николаевна, дочь Николая I, короля черногорского, жена вел. кн. Петра Николаевича.

Милюков, Павел Николаевич, член IV государственной думы, лидер конст.-дем. партии.

Мин, Екатерина Сергеевна, урожденная кн. Волконская, вдова ген. майора Г. А. Мин, б. ком. л.-гв. Семеновского полка, прославившегося усмирением рабочих на Пресне во время дек. московского восстания 1905 г.

Мисси,—Мария, королева румынская.

Михень,—Мария Павловна, вдова вел. князя Владимира Александровича, урожденная принцесса Мекленбург-Шверинская.

Миша—Михаил Александрович, вел. князь, брат Николая Романова, женат на Н. С. Шереметьевской, получившей титул графини Брасовой.

Мосси,—Маргарита, принцесса Гессенская, урожденная принцесса Прусская, жена принца Фридриха-Карла Гессенского.

Н. П.—Саблин (см. ниже).

Нандо—Фердинанд, король румынский.

Нарышкина Лиля—Нарышкина, Елена Константиновна, урожд. гр. Толь, жена Дм. К. Нарышкина, проживала во Флоренции. Имя ее упоминается в связи с именем австрийского посла в России кн. Лихтенштейна, с кот. Е. К. Нарышкина была близка.

Настенька—Гендрикова, Анастасия Васильевна, графиня, фрейлина Александры Федоровны.

Неандер, шведский пастор, объезжавший русских военнопленных в Германии и Австрии.

Никодим, епископ, живший на покое в Юрьевском новгородском монастыре.

Николай Михайлович, вел. кн., генерал-адъютант, ген. от инфантерии, историк.

Николаша, вел. кн. Николай Николаевич, ген.-адъют., ген. от кавал., верховный главнокомандующий по 23 авг. 1915 г.; потом наместник на Кавказе.

Нина Воейкова,—Евгения Владимировна, урожденная баронесса Фредерикс, жена В. Н. Воейкова, б. фрейлина.

Оболенская Сандра—Александра Николаевна, урожденная Торонина, вдова ген.-ад. кн. И. М. Оболенского, б. фин яндского генерал-губернатора.

Оболенский, Александр Николаевич, кн., петроградский градоначальник до 25 окт. 1916 г.

Озерова Катя—Екатерина Сергеевна Озерова, камер-фрейлина имп. Марии Федоровны.

Озеров, Сергей Сергеевич, генерал-майор свиты его вел., б. командир л.-гв. Преображенского полка.

Ольга—Ольга Александровна, вел. кн., сестра Николая Романова, была замужем за принцем П. А. Ольденбургским, с которым развелась в 1916 г.

Ольга—Ольга Николаевна, старшая дочь Николая Романова.

Ольга Евгеньевна Бюцова, фрейлина Александры Федоровны; в 1915 г. вышла замуж за Г. Н. Папафедорова.

Ольга тетя—вдова короля греческого Георга I, убитого в 1913 г. в Салониках, сестра вел. кн. Константина Константиновича—(поэта К. Р.).

Орлов, Владимир Николаевич, ген.-лейт., заведывал военно-походной канцелярией Николая II; с назначением вел. кн. Николая Николаевича на Кавказ перешел на службу в управление наместника, где занял место помощника по гражд. части.

П. В.—Петров (см. ниже).

Павел—Павел Александрович, вел. кн., ген.-ад., ген. от кав.; 28 мая 1916 года был назначен командиром гвард. корпуса, позже инспектором войск гвардии.

Петров, Петр Васильевич, (П. П. В.)—учитель наследника по русскому языку.

Паша Дивеевская, юродивая Дивеевской женской обители, возле Саровского монастыря. Во время открытия мощей Серафима Саровского имела беседу с Николаем и Алек. Фед., приезжавшими тогда в Саров (1904 г.).

Питирим, б. экзарх Грузии, с 23 ноября 1916 г. митрополит петербургский и ладожский, член синода.

Погуляев, Сергей Сергеевич, контр-адмирал свиты; начальник 1 бригады линейных кораблей Черного моря.

Поливанов, Алексей Андреевич, ген. от инфант., член гос. совета, был военным министром с 13 июня 1915 г. по 15 марта 1916 г.

Протопопов, Александр Дмитриевич (Калинин), симбирский губернский предводитель дворянства, тов. председателя IV гос. думы, 16 сент. 1916 г. был назначен управляющим министерством внутренних дел; утвержден в этой должности 20 дек. 1916 г.

Пуришкевич, Владимир Митрофанович, член IV гос. думы, монархист; принимал участие в убийстве Распутина.

Пустовойтенко, Михаил Саввич, ген.-лейт., ген. квартирмейстер ставки верх. главнокомандующего при ген. Алексееве; осенью 1916 г. получил в командование пехотную дивизию.

Распутин-Новых или Новый, Григорий Ефимович («Наш Друг»), сибирский крестьянин, старец, убит в ночь с 16 на 17 дек. 1916 г. во дворце князя Ф. Ф. Юсупова.

Ратнев (Ратаев), Иван Дмитриевич, кн., гв. подполк., заведывал полиц. охраной Зимнего дворца.

Ресин, Алексей Алексеевич, ген.-м. свиты, командир соб. его вел. сводного полка.

Риттих, Александр Александрович, гофмейстер, 29 ноября 1916 г. назначен управляющим министерством земледелия.

Родионов, Николай Николаевич, ст. лейтенант гвардейского экипажа.

Родзянко, Михаил Владимирович, председатель IV гос. думы.

Ростовцев, Яков Николаевич, граф, личный секретарь Александры Федоровны и управл. делами императорских детей; член верховного совета по призрению семей лиц, призванных на войну и др.

Рузский, Николай Владимирович, ген.-адъют., ген. от инфантерии, главноком. армиями сев.-зап. и северного фронтов; в его ставке (Псков) был подписан Николаем акт об отречении.

Рухлов, Сергей Васильевич, статс-секретарь, член гос. сов., был министром путей сообщения (1909 г.—27 окт. 1915 г.).

Саблин, Николай Павлович (Н. П.), флигель-адъютант, кап. 1 ранга, с 1916 г. ком. морским бат. гвард. экипажа, а затем был назначен командиром «Штандарта».

Сазонов, Сергей Дмитриевич, гофм., член гос. сов., б. министр иностранных дел (1910—7 июня 1916 г.).

Самарин, Александр Дмитриевич, член гос. сов., московский губ. предвод. дворянства, был обер-прокурором синода с 5 июля по 25 сент. 1916 г., вел борьбу с Распутиным.

Сахаров, Владимир Викторович, ком. II армией, ком. группой войск, действ. на румынском фронте.

Сергей—Сергей Михайлович, вел. кн., ген. от артилл., в январе 1916 г. был назначен полевым генерал-инспектором артиллерии при верх. главнокомандующем.

Сергей Петрович—Федоров, (см. ниже).

Соловьев—вероятно, офицер собств. его вел. конвоя.

Солнечный Луч—наследник Алексей Николаевич.

Софья Ивановна Тютчева, б. фрейлина Александры Федоровны, пробовала бороться с влиянием Распутина, но была принуждена оставить придворную должность. Член Елизаветинского благотвор. общ. и московского комитета российского общества Красного Креста.

Столыпин, Петр Аркадьевич, председатель совета министров, убит осенью 1911 г. в Киеве Богровым.

Сухомлинов, Владимир Александрович, ген.-адъютант, ген. от кав., был военным министром до 13 июня 1915 года, когда был отрешен от этой должности и предан суду; по настоянию Александры Федоровны дело по обвинению его в государственном преступлении было прекращено. Приговор состоялся при временном правительстве.

Танеева, Надежда Иллар., урожд. Толстая, жена А. С. Танеева, мать А. А. Вырубовой.

Танеев, Александр Сергеевич, статс-секретарь, обер-гофмаршал, член гос. сов., главноуправляющий собств. его вел. канцелярией, член верховного совета по призрению семей лиц, призванных на войну,—отец А. А. Вырубовой.

Татьяна—Татьяна Николаевна, вторая дочь Николая Романова и Александры Федоровны.

Тутти—Александр Карлович Ден, сын К. А. и Ю. А. Ден.

Толь, Александр Александрович, гр., полк. л.-гв. уланского Александры Федоровны полка; во время войны назначен ком. 2-го гусарского Павлоградского полка.

Трепов, Александр Федорович, статс-секретарь, член гос. совета, сенатор, егермейстер; с 10 ноября по 27 дек. 1916 г. был председателем совета министров (и министром путей сообщения).

Трина—Шнейдер, Екатерина Адольфовна, гоф-лектриса Александры Федоровны.

Федоров, Сергей Петрович, лейб-хирург, с осени 1915 г. состоял при царской ставке.

Феликс—кн. **Юсупов,** граф **Сумароков-Эльстон, Феликс Феликсович,** муж кн. Ирины Александровны,—принимал участие в убийстве Григ. Распутина и был выслан в декабре 1916 г. в свое имение «Ракитное» курской губ., где проживал под надзором до февральской революции.

Филипп—французский авантюрист, спирит и мистик,—сильно влиявший на Александру Федоровну до появления Григ. Распутина.

Фредерикс, Владимир Борисович (старик, старый граф), граф, ген.-адъют., ген. от кав., министр двора и уделов.

Хабалов, Сергей Сергеевич, с 13 июня 1916 г. главный начальник петербургского военного округа.

Хвостов, Алексей Николаевич (толстый), б. нижегородский и вологодский губернатор, член IV гос. думы от орловской губ., упр. минист. вн. дел с 26 сент. 1915 г. по 3 марта 1916 г.

Хвощинский, Василий Владимирович, лейтенант гв. экипажа.

Шаховской, Всеволод Николаевич, кн., с февраля 1915 г. управляющий мин. торгов. и промышленности.

Шведов, Николай Константинович, ген.-лейт., вице-президент практич. вост. академии, председатель имп. общ. востоковедения, сост. при импер. главн. квартире.

Штакельберг—вероятно, бар. Николай Карлович,—церемониймейстер, или Рудольф Александрович, церемониймейстер.

Штюрмер, Борис Владимирович, обер-камергер, член гос. сов., министр-председатель с 20 янв. по 10 ноября 1916 г., одновременно министр внутренних дел с 3 марта по 7 июля, министр иностранных дел с 7 июля по 10 ноября того же года.

Шуваев, Дмитрий Савельевич, ген. от инф., с 15 марта 1916 г. военный министр; в январе 1917 г. заменен М. А. Беляевым.

Шульгин, Василий Виталиевич, член IV гос. думы от волынской губ.

Щегловитов, Иван Григорьевич, статс-секретарь, сенатор, член гос. сов., министр юстиции (с 1906 г. до июля 1916 г.), председатель гос. сов. с января 1917 г.

Щеголь,—вероятно, Николай Григорьевич, подпрапорщик лейб-гвардии Преображенского полка, б. полковой фельдфебель собств. его вел. сводного полка. Умер 16 дек. 1916 г.

Эверт, Алексей Ермолаевич, ген.-ад., ген. от инфантерии, главноком. западным фронтом.

Элла—Елизавета Федоровна, вел. княгиня, сестра Александры Федоровны, вдова вел. князя Сергея Александровича.

Эмма—Фредерикс, Эмма Владимировна, гр., фрейлина, дочь министра двора В. Б. Фредерикса.

VI

Указатель к статье: „Письма К. П. Победоносцева".

(См. выше стр. 320—337.)

Абаза, Александр Аггеевич (1821—1895), в 1871—1874 г.г. государственный контролер; в 1874 г. председ. департамента экономии госуд. совета. С 1880 по 1881 г. министр финансов.

Баранов, Николай Михайлович (1837—1901), ген.-лейт. и администратор. Во время войны 1877—1887 г.г. командовал пароходом «Веста». За неправильные реляции о ходе боя по суду уволен от службы. После 1 марта 1881 г. СПБ-ский градоначальник.

Бобринский, Александр Алексеевич (1823—1903), граф, камергер. С 1869—1872 г.г. СПБ-ский губ. предводитель дворянства.

Бунге, Николай Христианович (1823—1895), проф. университета. В 1880 г. товарищ министра финансов. В 1881 г. управляющий министерством финансов. В 1882—1886 г.г. министр финансов.

Владимир Александрович (1847—1909), вел. князь, третий сын Александра II.

Делянов, Иван Давыдович (1818—1897), граф, госуд. деятель. В 1866 г. тов. министра нар. просвещения. В 1882—1897 г.г. министр народного просвещения.

Желябов, Андрей Иванович (1851—1881), революционер, член партии «Народная Воля»; организовал покушения на жизнь Александра II: 18 ноября 1879 г., 5 февраля 1880 г. и 1 марта 1881 г.; 3 апреля 1881 г. был казнен по делу 1 марта.

Игнатьев, Николай Павлович (1830—1908), граф, госуд. деятель. Принимал участие в заключении Сан-Стефанского договора (19 февраля 1878 г.). С мая 1881 по май 1882 г. мин. внутр. дел.

Карамзина, Елизавета Николаевна (1821—1891), дочь Н. М. Карамзина, фрейлина.

Константин Николаевич (1827—1892), вел. князь, ген.-адмирал, второй сын Николая I. С 1865 г. председатель госуд. совета. В 1881 г. был уволен от всяких должностей.

Лорис-Меликов, Михаил Тариелович (1825—1888), граф, ген.-адъютант, главный начальник Верховной Распорядительной Комиссии (12 февр.—6 авг. 1880 г.), министр вн. дел (6 авг. 1880 г.—7 мая 1881).

Мещерский, Николай Петрович (1829—1901), попечит. моск. учебного округа.

Милютин, Дмитрий Алексеевич (1816—1912), граф, ген.-фельдмаршал. В 1861—1881 г.г. военный министр.

Михаил Николаевич (1832—1909), вел. князь, четвертый сын Николая I. В 1862—1881 г.г. наместник Кавказа и главнокомандующий кавказск. армией. С 1878 г. ген.-фельдмаршал. С 1881 по 1905 г.г. предс. госуд. совета.

Набоков, Дмитрий Николаевич (1826—1904). С 1876 г. чл. гос. совета. В 1878—1885 г.г. мин. юстиции.

Николаи, Александр Павлович (1821—99), барон, д. с. с. В 1881—1882 г.г. мин. нар. просвещения.

Перовская, Софья Львовна (1853—1881), член партии «Народная Воля», принимала активное участие в покушениях 19 ноября 1879 г. и 1 марта 1881 г. Была казнена 3 апреля 1881 г.

Посьет, Константин Николаевич (1819—1899), ген.-ад. и адмирал. В 1874—1888 г.г. мин. путей сообщения.

Сабуров, Андрей Александрович (1838—1916). С октября 1880 г. по март 1881 г. управлял мин. народн. просвещения.

Скобелев, Михаил Дмитриевич (1843—1882), ген.-ад., известный полководец, участник русско-турецкой войны 1877—1878 г.г.

Сольский, Дмитрий Мартынович (1833—1910), граф. д. т. с., предс. госуд. совета.

Строганов, Сергей Григорьевич (1794—1882), гр., госуд. деятель. Был главным воспитателем в. кн. Николая, Александра, Владимира и Алексея Александровичей.

Тютчева, Екатерина Федоровна (1835—1882), дочь поэта Ф. И. Тютчева, фрейлина имп. Марии Александровны.

Хованский, может быть, Николай Николаевич (1836—1886), князь; женатый на Екатерине Александровне Безобразовой.

Чичерин, Борис Николаевич (1828—1908), изв. юрист; до 1868 г. проф. госуд. права в московск. университете; в 1862—1863 г.г. московский городской голова.

От редакции.

(К «Докладам б. м-ра ин. дел С. Д. Сазонова».)

В т. III «Красного Архива», в приложениях к докладу С. Д. Сазонова от 4 ноября 1910 г. о Потсдамском свидании (см. «Доклады С. Д. Сазонова», стр. 9—13) имеется неоговоренное нами несоответствие даты записки С. Д. Сазонова и даты немецких предложений. Таковое несоответствие имеется и на подлинных документах, приложенных к докладу от 4 ноября. Повидимому, сохранившийся текст второй записки немецких предложений был вложен в дело в министерстве ин. дел позднее, так как переговоры русского и германского правительств по данному вопросу продолжались в 1911 году и закончились подписанием соглашения 6/19 августа 1911 г. (Текст соглашения и дата совпадают с содержанием второй записки, вложенной в собственноручную записку С. Д. Сазонова.)

Редакционно-издательская Коллегия Центрархива.
Ответственный редактор **Вяч. Полонский.**

ПЕЧАТАЕТСЯ И В ДЕКАБРЕ ВЫЙДЕТ В СВЕТ

СЕДЬМАЯ КНИГА

ЖУРНАЛА ЛИТЕРАТУРЫ, ИСКУССТВА, КРИТИКИ и БИБЛИОГРАФИИ

„ПЕЧАТЬ и РЕВОЛЮЦИЯ"

под общей редакцией:

А. В. Луначарского, Н. Л. Мещерякова, М. Н. Покровского, В. П. Полонского и И. И. Степанова-Скворцова.

Содержание:

СТАТЬИ и ОБЗОРЫ: **А. В. Луначарский**.—Лев Давыдович Троцкий о литературе. **А. Дивильковский**.—Разложение меньшевизма. **И. Звавич.**—Уптон Синклер и американские университеты. **Я. Зунделович.**—О современной польской литературе. **П. Эттингер.**—Из мира графики на Западе. **П. Эттингер.**—Новый иллюстратор Достоевского. **Б. Арватов**.—Язык поэтический и язык практический. **ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ**: **М. Лиров.**—Об упростительстве и попустительстве. **К. Локс.**—Современная проза. **В. Брюсов.**—Среди стихов. **Р. Головин.**—Лишние люди. **Ю. Соболев.**—Чеховиана. **М. Рейснер.**—Обзор литературы о религии и церкви. **В ПОРЯДКЕ ДИСКУССИИ: Синеира.**—Заключительное слово к дискуссии об элементах бланкизма в марксизме. **Б. Горев.**—Письмо в редакцию. **Н. Гарелин.**—Выставка немецкой книги.

ОТЗЫВЫ О КНИГАХ: М. Зеликмана, Б. Горева, В. Невского, М. Брагинского, И. Звавича, М. Павловича, Ц. Фридлянда, Ю. Вильдо, Г. Эльяшева, В. Цигульского, Р. Гальперина, Фина, В. Дитякина, В. Кряжина, П. Лепешинского, А. Слуцкого, М. Клевенского, М. Рафеса, Н. Кашина, Н. Щербакова, М. Мебеля, Г. Лелевича, Ф. Кона, И. Волковичера, В. Виленского (Сибирякова), С. Пионтковского, К. Добраницкого, Б. Козьмина, К. Злинченко, П. Преображенского, К. Грасиса, Н. Григорьева, С. Геллерштейна, П. Стучки, А. Пионтковского, Н. Чехова, Б. Жеребцова, М. Слуховского, Л. Хавкиной, Н. Орлова, Н. Здобнова, В. Адарюкова, М. Гремяцкого. М. Виноградова, Н. Андреева, Б. Андреева, В. Михельсона, Ф. Капелюша, И. Евдокимова, В. Фриче, И. Гливенко, Н. Фатова, В. Переверзева, Л. Розенталя, Э. Бика, Д. Благого, Ю. Соболева, М. Эйхенгольца, В. Волькенштейна, И. Аксенова, А. Юрлова, И. Кубикова, Д. Фурманова, С. Бугославского, Л. Сабанеева, А. Сидорова, М. Горбунова, А. Некрасова, Г. Жидкова, Б. Арватова, Н. Тарабукина, А. Греча, С. Милеева, А. Хавина, С. Обручева.

В номере свыше 35 иллюстраций.

Адрес редакции: Москва, Никитский б., дом № 8 („Дом Печати").

Заказы направлять в Отдел Подписки Госиздата: Москва, Никольская ул., дом № 3.

ВЫСШИЙ ВОЕННЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

МОСКВА, Смоленский бульв., 53. Тел. 2-15-20.

Головкин, В. К. Опыт методики строевой и полевой подготовки пехоты. Курс лекций, прочитанных в Высшей Стрелк. Школе в 1922-1923 уч. г.г. 86 стр. с приложением 1 схемы. Ц. 1 р.

Горлов, Н. П. Чего хочет от нас панская Польша? 38 стр. с 2 отд. картами.

Гражданская война. Материалы. Т. II. 226 стр. Ц. 2 р. 20 к.

Дюпон. Высшее германское командование в 1914 г. (с германской точки зрения). С предисловием Жоффра. Пер. с франц. М. Брагинского. 92 стр. с 2 схемами. Ц. 75 к.

Жоффр. 1914-1915 г.г. Подготовка войны и ведение операций. Перев. с франц. М. Брагинского. 66 стр. с 1 схемой.

Зигель, П. Пособие для разведки в артиллерии. (Маневренная война.) 74 стр. Ц. 40 к.

Красная конница. Сборник трудов Кавалерийской секции ВНО при Военной Академии и Отд. ВНО при Высш. Кавалер. Школе. 122 стр. с 26 схемами, 6 черт. и 6 таблиц. Ц. 1 р. 25 к.

Куль, Г. Воспитание мирного времени и опыт войны. Перевод А. Таубе, под ред. проф. А. Е. Снесарева. 39 стр. Ц. 40 к.

Кюльман, Ф. Курс общей тактики по опыту великой войны. Ч. II. Перев. с 2-го франц. изд. под ред. проф. А. Е. Снесарева, с 4 рис. в тексте. 304 стр. Ц. 2 р. 75 к.

Ле-Энаф и Борнек. Французские железные дороги и война. Перев. с франц. Серебренникова с предисловием Гаскуэна. 284 стр. с 24 схемами. Ц. 2 р. 50 к.

Морозов, Н. Тактика пехоты. 2-е переработан. изд., согласно программ и указан. Гувуза. 280 стр. с 96 черт. Ц. 1 р. 75 к.

Саджент, Г. Х. Стратегия на западном фронте (1914-1918 г.г.). Перевод с англ. под ред. проф. В. Ф. Новицкого. 152 стр. с 2 схемами на отд. листах. Ц. 1 р. 50 к.

Сведения по военно-химическому делу. 164 стр. с 58 рис. в тексте. Ц. 1 р. 25 к.

Фрейтаг-Лорингофен. Выводы из мировой войны. Пер. с немецк. под ред. Мартынова. 80 стр. Ц. 60 к.

Фрайс, А. и Вест, К. Химическая война. Пер. с англ. М. Н. Собелева. 506 стр. 121 рис. в тексте. Ц. 3 р. 50 к.

Физическая подготовка Р. К. К. А. и допризывной молодежи.

Кн. 1. Гимнастика. 224 стр. с 245 рис. и 10 схем в тексте. Ц. 1 р., в перепл. 1 р. 60 к.

Кн. 2. Ходьба и бег. 25 стр. с прилож. таблицы-плана занятий. Ц. 20 к.

Кн. 6. Владение холодным оружием. 134 стр. с 36 рис. в тексте. Ц. 75 к.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА НОВОЕ ИЗДАНИЕ:

Л. ТРОЦКИЙ

КАК ВООРУЖАЛАСЬ РЕВОЛЮЦИЯ.

В трех томах (четыре книги), всего около 100 печ. лист. по 400-450 стр. в каждой книге, с многокрасочными схемами.

Том I (434 стр., 6 схем) вышел из печати и поступил в продажу.

Том II (в двух книгах) выйдет в свет в декабре-январе.

Том III—в феврале 1924 г.

Принимается подписка до 1 февраля 1924 г. Подписная плата на все издание (4 книги)—11 р. черв., в переплете 13 р. черв.

При подписке выдаются вышедшие тома.

Цена I тома в книжных магазинах—4 руб.

Деньги и заказы адресовать в В.В.Р.С.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА — ПЕТРОГРАД

ВОСПОМИНАНИЯ и ИСТОРИЧЕСКИЕ ДОКУМЕНТЫ

Авдеев, Н. Революция 1917 г. Ч. I. Ц. 60 к. Ч. II. Ц. 3 р.
Бисмарк, О. Вильгельм II. Воспоминания и мысли. Предисл. М. Павловича. Ц. 75 к.
Белов, В. Белое похмелье. Русская эмиграция на распутьи. Ц. 60 к.
Его же. Белая печать. Ц. 30 к.
Бройде, С. В советской тюрьме. С предисл. Н. Л. Мещерякова. Ц. 80 к.
Большевистские тайные типографии в Москве и Московской области. Ц. 50 к.
Борьба за Петроград. 15 октября—6 июля 1919 г. Ц. 2 р.
Вильсон Вудро. Мировая война. Версальский мир. Пред. М. Павловича. Ц. 1 р. 50 к.
Вилльям, Г. Распад добровольцев («Побежденные»). Из материалов белогвардейской печати. Ц. 45 к.
Витте, С. Ю. Воспоминания. Царствование Николая II. Т. I. Ц. 2 р. 25 к. Т. II. Ц. 2 р. 25 к.
Гуль, Р. Ледяной поход (с Корниловым). Предисл. Н. Л. Мещерякова. Ц. 25 к.
Курлов, П. Конец русского царизма. Воспоминания бывшего командира корпуса жандармов. Ц. 75 к.
Лемке, Мих. Политические процессы 1860 г. Ц. 3 р.
Лепешинский, П. На повороте. Воспоминания. Ц. 45 к.
Лопухин, А. А. Отрывки из воспоминаний (по поводу воспоминаний С. Ю. Витте). Предисл. М. Н. Покровского. Ц. 40 к.
Людендорф, Э. Мои воспоминания о войне 1914—1918 г.г. Перев. с 5-го нем. изд. Под ред. Я. Свечина. Т. I. Ц. 4 р. 50 к.
Максаков, В. и Нелидов, М. Хроника революции. Вып. I. Ц. 70 к.
Мартынов, А. Мои украинские впечатления и размышления. Ц. 20 к.
Мемуары германского кронпринца. Предисл. В. Кряжина. Ц. 75 к.
Моризэ, А. У Ленина и Троцкого. Ц. 70 к.
Ногин, В. На полюсе холода. Ц. 80 к.
Носке, Г. Записки о германской революции. От восстания в Киле до заговора Каппа. Ц. 60 к.
Ольминский, М. Три года в одиночной тюрьме. Ц. 60 к.
Его же. Из прошлого. Сборник статей. Ц. 25 к.
Палеолог, М. Царская Россия. Перев. и предисл. М. Павловича. Ц. 1 р. 60 к.
Переписка Николая и Александры Романовых. 1914—1915 г.г. Т. III. С предисл. М. Н. Покровского. Ц. 5 р.
Победоносцев, К. П. и его корреспонденты. С пред. М. Н. Покровского. Ц. 9 р.
Троцкий, Л. 1905 год. Ц. 2 р.
Федосеев, Н. Один из пионеров революционного марксизма в России (сборник воспоминаний). Ц. 40 к.
Чернин, О. В дни мировой войны. Ц. 1 р. 40 к.
Шелгунов, Н. В. Воспоминания. Ред., вступит. статья и примеч. А. А. Шилова. Ц. 1 р. 75 к.
Эрцбергер, М. Германия и Антанта. (Воспоминания бывшего германского министра финансов). Ц. 1 р. 50 к.

Цены обозначены в червонцах.

Торговый сектор Государственного Издательства:

Москва, Ильинка, Биржевая пл., Богоявленский, 4. Тел. 47-35.

Петроград, проспект 25 Октября (Невский), 28. Тел. 5-49-32.

ОТДЕЛЕНИЯ: Вологда, площадь Свободы; **Воронеж**, проспект Революции, 1-й Дом Советов; **Казань**, Гостинодворская, Гостиный двор; **Киев**, Крещатик, 38; **Кострома**, Советская, 11; **Краснодар**, Красная, 35; **Нижний-Новгород**, Б. Покровка, 1; **Одесса**, ул. Лассаля, 12; **Пенза**, Интернациональная, 39/43; **Пятигорск**, Советск. пр., 48; **Ростов н/Дону**, ул. Фридриха Энгельса, 106; **Саратов**, ул. Республики, 42; **Тамбов**, Коммунальная, 14; **Тифлис**, пр. Руставели, 16; **Харьков**, Московская 20.

МАГАЗИНЫ ТОРГСЕКТОРА: Москва: 1) Советская площ. (под гост. б. „Дрезден"), тел. 1-28-94; 2) Моховая ул., 17 (под гост. б. „Националь"), тел. 1-31-50; 3) ул. Герцена (Б. Никитск.), 13 (вд. консерватории), тел. 2-64-95; 4) Никольская ул., д. 3, тел. 49-51; 5) Серпуховская пл., 1/43, тел. 3-79-65; 6) Кузнецкий Мост, 12, тел. 1-01-35; 7) Лялин пер., 11, тел. 81-94; 8) М. Харитоньевский, 4, тел. 1-81-84; 9) Ильинка, Богоявленский пер., 4, тел. 47-36.

Петроград: 1) Проспект 25-го Октября (Невский), 28. 2) Проспект Володарского (Литейный), 31. 3) Проспект 25 Октября (Невский), 13.

ИЗДАНИЯ ИСТПАРТ.

МАТЕРИАЛЫ ПО ХРОНИКЕ РЕВОЛЮЦИИ.

Авдеев, Н. Революция 1917-го года (январь—март). Т. I.
Максаков и Нелидов. Хроника революции (1917-й год). Вып. I.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И СБОРНИКИ.

Ольминский, М. С. Из прошлого. Сб. статей.
Невский, В. И. Николаевский Южно-Русск. рабочий союз.
Аркомед. Рабочее движение и соц.-демокр. на Кавказе.
Большевистские тайные типографии. Ц. 50 k.
Из эпохи „Звезды и Правды" (1911—1914 г.г.). Сб. I. Ц. 30 k.
„ „ „ „ „ „ „ „ „ II. Ц. 40 k.
Шляпников, А. Канун 1917-го года. Ч. I (2-е издание).
„ „ „ „ „ Ч. II (3-е изд.).
„ 1917-й год. Кн. I (2-ое изд.).
Лелевич, Л. В дни Самарской Учредилки.
Павлович, М. (Вельтман). Россия и капиталистическая Англия.
„ „ „ Россия и капиталистическая Франция.
Бубнов, А. Основные моменты в развитии коммун. партии в России.
К 25-летию I съезда партии. (Сб.).
25 лет Р. К. П. Иллюстриров. юбилейный сборник.

ПЕРИОДИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ.

Пролетарская Революция. Журнал №№ 1—19.

БИОГРАФИИ, АВТОБИОГРАФИИ И МЕМУАРЫ.

Сборник воспоминаний о Федосееве.
Старый товарищ А. П. Скляренко. 1870—1916 г.г.
Революционная деятельность Конкордии Ник. Самойловой. Сб. воспоминаний.
Рябинин, А. Семенчиков, Р. М. (Из истор. раб. движ. в Иван.-Вознесен.).
Александрова. Артем.
Фурманов, Д. Чапаев.
От группы Благоева к союзу борьбы (1885—1894). Сборн., ч. I.
Шаповалов, А. И. По дороге к марксизму (воспом. раб. революционера, ч. I до лета 1896 г.).
Фишер. В Англии и России (воспоминания).
Лепешинский, П. Н. На повороте. Воспом. (1890—1905 г.г.).
Бобровская. Записки рядов. подпольщика (1894—1895). Ч. I.
„ „ „ „ „ „ Ч. II.
Самойлов, Ф. Н. Воспоминания об Иваново-Вознесен. раб. движении (1903—1905 г.г.).
Сверчков, Д. На заре революции. Воспоминания 1903—1905 г.г.
Деготь. В свободном подполье.

МАТЕРИАЛЫ, СПРАВОЧНИКИ И ДР.

Соц.-демократ. издания (указат. соц.-дем. литер. на русск. яз. 1883—1905 г.г. под ред. Л. Б. Каменева). Ц. 30 k.
Р. К. П. в постановлениях ее съездов и конференций, под редакцией Л. Б. Каменева. Ц. 50 k.
Отчет Р. С.-Д. Р. П. VIII межд. соц. конгрессу в Копенгагене, перевод с французского. Ц. 45 k.
Протоколы VII съезда Р. К. П. Ц. 1 р.
Памятник борцам революции. Т. I. Ц. 1 р.
Бюллетень Истпарта № 1. Ц. 1 р. 6 k.

АДРЕС: Москва, Воздвиженка, 10, кв. 4. ИСТПАРТ.

ПЕЧАТАЕТСЯ ПЯТЫЙ ТОМ
ИСТОРИЧЕСКОГО ЖУРНАЛА
„КРАСНЫЙ АРХИВ“

под общей редакцией:

В. В. АДОРАТСКОГО, В. В. МАКСАКОВА, В. И. ПИЧЕТА, М. Н. ПОКРОВСКОГО, В. П. ПОЛОНСКОГО, В. М. ФРИЧЕ.

Бьеркский договор. Письма Николая Романова к П. А. Столыпину. К истории карательных экспедиций в Сибири 1905 г., С. Г. Нечаев (продолж.). Материалы о Ширяеве. Из переписки участников процесса 193-х. Письма Победоносцева к С. А. Романову (1906 г.). Новые материалы о декабристах.

Письма славянофилов. Литерат. жизнь 60-х годов в оценке III Отделения. Письма Григоровича Шереметеву. Письма П. А. Вяземского.

ИЗДАНИЯ
ОБЩЕСТВА БЫВШИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ КАТОРЖАН И ССЫЛЬНО-ПОСЕЛЕНЦЕВ.

РЕДАКЦИЯ и СКЛАД ИЗДАНИЙ: Москва, Петровка, 7. Книжный магазин „Маяк“. Телефон 1-48-92.

„Историко-Революционный Бюллетень“ № 1. Распродан.
„ „ „ № 2—3. 1922 г. 100 стр. 35 к. з.
„ „ **Вестник** № 1 (4) 1922 г. 110 стр. 40 к. з.
„Каторга и ссылка“. Сборник № 1 Распродан.
„ „ „ 2 1921 г. 100 стр. 35 к. зол.
„ „ „ 3 1922 г. 208 стр. Распродан.
„ „ „ 4 1922 г. 208 стр. Распродан.
„ („Истор.-рев. вестн.“) № 5 1923 г. 260 стр. Распр.
„ „ „ 6 1923 г. 328 стр. 2 р. з.
„ „ „ 7 1923 г. 306 стр. 2 р. з.
Г. Сандомирский. „В неволе“. Очерки и воспоминания. 3-е исправл. издан.

ПЕЧАТАЮТСЯ и ВЫЙДУТ в ЯНВАРЕ 1924 г.

„Каторга и ссылка“. № 8.
М. Ю. Ашенбреннер. Сборник воспоминаний.
По современной Москве. Историко-революционный, художественный и культурный путеводитель.

ГОТОВЯТСЯ К ПЕЧАТИ:

Е. Сазонов. Письма.
М. Ф. Фроленко. Сборник воспоминаний.

ИЗДАНИЯ ЦЕНТРАРХИВА Р. С. Ф. С. Р.

ЦЕНТРАРХИВОМ выпущены следующие книги:

1) **Русско-германские отношения** (сборн. секретных документов). С предисловием М. Н. Покровского.
2) Достоевский. **Исповедь Ставрогина** (неизданные главы из ром. **„Бесы“**) и **Житие великого грешника** (план романа). Под ред. В. М. Фриче и Н. Л. Бродского.
3) **Письма русских писателей.** Из архива Достоевского. Под редакцией Н. К. Пиксанова.
4) **Дневник А. Г. Достоевской.**
5) **Письма Ф. М. Достоевского к жене.**
6) **Сборник материалов и статей.**
7) **Красный Архив.** Т.т. 1, 2, 3, 4. Под редакцией В. В. Адоратского, В. В. Максакова, В. И. Пичета, М. Н. Покровского, В. П. Полонского, В. М. Фриче.
8) **Лейтенант Шмидт.** (Письма. Воспоминания). Под редакцией и с предисловием Вл. Максакова.
9) **И. С. Тургенев** (новые материалы).
10) **Крестьянские движения 1902 г.** Вып. III. Под редакцией Б. Б. Веселовского, В. И. Пичета и В. М. Фриче.
11) **Архивное Дело.** Вып. I.
12) **Письма Скрябина.** Под редакцией Л. Сабанеева.
13) Чехов. **Неизданная пьеса.**
14) **Дневник П. А. Кропоткина.** С предисловием А. А. Борового.
15) **Политические процессы 60-х годов.** Вып. I. Под ред. Б. П. Козьмина.
16) **Переписка Вильгельма II с Николаем II.** С предисловием М. Н. Покровского.
17) **Переписка Николая и Александры Романовых.** Т. III. С предисл. М. Н. Покровского.
18) **Декабристы.** Дело Рылеева и др. Под редакцией М. Н. Покровского.
19) **Бакунин.** (Материалы для биографии). Под редакцией В. П. Полонского.
20) **Дело совета министров по аграрному вопросу** (1906 г.). Под редакцией Б. Б. Веселовского, В. И. Пичета и В. М. Фриче.

НАХОДЯТСЯ В ПЕЧАТИ:

1) **Переписка Николая и Александры Романовых.** Т. IV.
2) **Письма Победоносцева к Александру III.** С предисловием М. Н. Покровского.
3) **Южно-русские рабочие союзы.** С предисловием В. И. Невского.
4) **Декабристы.** Вып. II. (Дело Трубецкого и др.).
5) **Материалы к роману „Идиот“.** Под редакцией П. Н. Сакулина.
6) **Морозовская стачка 1885 г.** С предисловием В. И. Невского.
7) **Русско-Японская война.** По дневн. А. Н. Куропаткина и Н. П. Линевича. С предисловием М. Н. Покровского.
8) **Минувшие дни.** Вып. I. Сборник статей и материалов.
9) **Архивное Дело.** Вып. 2.
10) **Письма И. С. Тургенева к П. В. Анненкову.** Под ред. П. Н. Сакулина.

ПОДГОТОВЛЯЮТСЯ К ПЕЧАТИ:

1) **Дело 1-го марта 1887.**
2) **Политические процессы 60-х годов.** Вып. II.
3) **Политические процессы 70 и 80 г.г.** Под редакц. В. В. Максакова, В. И. Невского и П. Е. Щеголева.
4) **Крестьянские движения до 60-х г.г. XIX стол.**
5) **Матер. к ром. „Преступление и наказание“.** Под ред. И. И. Гливенко.
6) **Материалы к роману „Бесы“.** Под редакцией Н. Л. Бродского.
7) **Материалы к роману „Подросток“.** Под ред. В. Ф. Переверзева.

Склад изданий ЦЕНТРАРХИВА: Воздвиженка, 8. (Против ЦК РКП).

Кроме указанных изданий на складе имеются издания **ИСТПАРТА:** книги по социализму, истории, археологии и искусству. **Книгопродавцам скидка.**

Книжный склад берет поручения по подбору библиотек для советских, партийных, культурно-просветительных учреждений и частных лиц, в особенности для провинции.

Приложение 2.

annexe à la convention militaire conclue à St Pétersbourg ce 24 Avril / 6 Mai 1873.

Les Soussignés Feldmaréchaux en signant la convention militaire conclue aujourd'hui, sont d'accord qu'il est entendu qu'à partir du jour auquel l'armée de secours aura franchi la frontière de son pays, les frais de nourriture des hommes et des chevaux et ceux des hôpitaux seront à la charge de la puissance secourue.

St Petersbourg ce 24 Avril / 6 Mai 1873

Comte Berg. Gr Moltke

[redacted] nous ratifions.

Alexandre. Guillaume

См. выше стр. 28.

S. M. l'Empereur de toutes les
Russies
et S. M. l'Empereur d'Autriche, Roi
de Hongrie:
Désirant donner une forme pratique
à la pensée qui préside à leur
entente intime;
Dans le but de consolider l'état
de paix qui existe actuellement
en Europe, et ayant à cœur d'éloigner
les chances de guerre qui pourraient
la troubler,
Convaincus que ce but ne saurait
être mieux atteint que par une
entente directe et personnelle entre
les souverains, entente indépendante
des changements qui pourraient
se faire dans leurs administrations,
Sont tombés d'accord sur les
points suivants:
1° Leurs Majestés se promettent
mutuellement, lors même que
les intérêts de leurs États présenteraient
quelques divergences à
propos de questions spéciales,
de se concerter afin que ces
divergences ne puissent pas
prévaloir sur les considérations
d'un ordre plus élevé qui les
préoccupent. Leurs Majestés sont
décidées à empêcher qui que ce
soit de réussir à les séparer
sur le terrain des principes
qu'elles considèrent comme seuls
capables d'assurer et s'il le
faut d'imposer le maintien de
la paix de l'Europe contre
tous les bouleversements de
quelque côté qu'ils viennent

См. выше стр. 30.

Секретно.

МИНИСТЕРСТВО ИМПЕРАТОРСКАГО ДВОРА

Канцелярія.

Отдѣленіе

Въ С.Петербургѣ 17 Іюня 1881 г.

№ 1110

Милостивый Государь,

Николай Карловичъ.

При разборѣ бумагъ въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра Николаевича, находившихся въ кабинетѣ Его Величества въ Зимнемъ Дворцѣ, между оными оказались пять извѣстныхъ Вашему Высокопревосходительству секретныхъ

/.

Его Высокопре[illegible] М. К.
Гирсу

См. выше стр. 63.

записокъ Тайнаго Совѣтника Сабурова съ собственноручными на четырехъ изъ нихъ помѣтками Покойнаго Государя и письмо къ Его Величеству Генералъ Адъютанта Князя Орлова.

По Высочайшему повелѣнію имѣю честь препроводить у сего означенныя бумаги къ Вашему Высокопревосходительству, покорнѣйше прося Васъ, Милостивый Государь, о полученіи ихъ меня увѣдомить.

Примите увѣреніе въ совершенномъ моемъ почтеніи и преданности

Гр. А. Адлерберг

См выше стр. 63.

Protocole additionnel et très secret.

Afin de compléter les stipulations des Articles II et III du traité secret conclu à cette même date, les deux Cours sont tombées d'accord sur les points suivants:

I.

L'Allemagne prêtera, comme par le passé, Son concours à la Russie afin de rétablir en Bulgarie un Gouvernement régulier et légal. Elle promet de ne donner en aucun cas Son consentement à la restauration du

См. выше, стр. 150.

du Prince de Battenberg.

2.

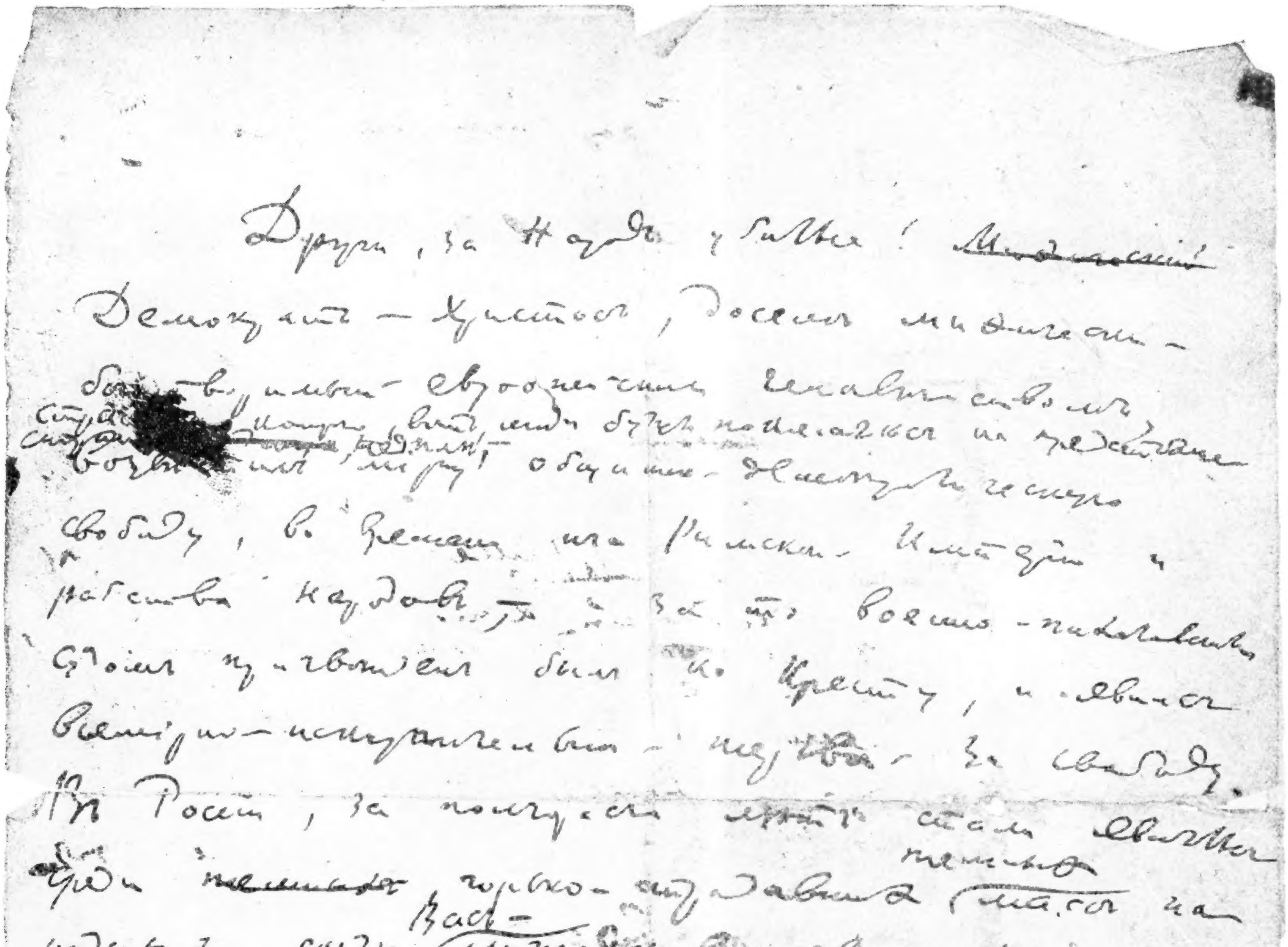
Dans le cas où Sa Majesté l'Empereur de Russie se verrait dans la nécessité d'assumer Lui-même la tâche de défendre l'entrée de la Mer Noire pour sauvegarder les intérêts de la Russie, l'Allemagne s'engage à accorder Sa neutralité bienveillante et Son appui moral et diplomatique aux mesures que Sa Majesté jugerait nécessaire de prendre pour garder la clef de Son Empire.

3.

Le présent protocole fait partie intégrante du traité secret signé en

xx

См. выше, стр. 150.



Други, за народъ убiенные! ~~[illegible]~~

Демократъ — Христосъ, доселѣ многостра-

дальный, [illegible] человѣчествомъ

[illegible] когда будетъ поставленъ на представленiе

возвѣстилъ мiру общинно-демократическую

свободу, во времена Римской Имперiи и

рабства народовъ, — за что вожаки-представители

своихъ привилегiй били ко кресту, и явился

всемiрнымъ искупителемъ — искупителемъ за свободу.

В Россiи, за [illegible] стали являться

люди ~~[illegible]~~ горько-оплакивавшiе темноту на-

рода, люди ~~[illegible]~~ свои христiан-

демократическiя конституцiи. Съ послѣднихъ

прошлаго столѣтiя, они стали называться

пророками, и народъ видѣлъ въ нихъ, какъ

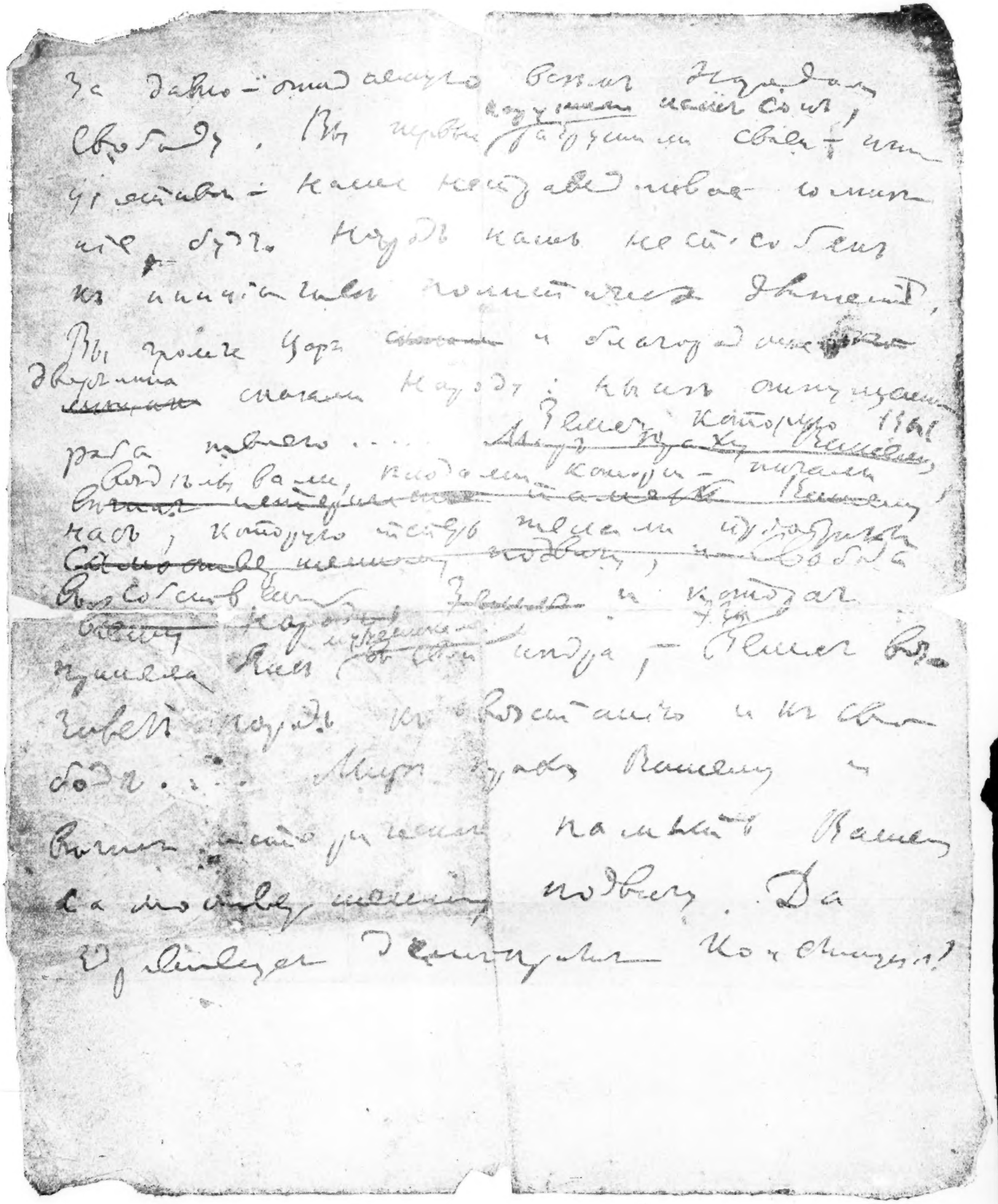
въ своихъ искупителей, освободителей.

Вотъ снова являются такiе — пророки, —

и вы, други, первые, по ея возстанiю,

пали искупительными жертвами деспотизма

Автограф речи А. П. Щапова (см. стр. 409).



Автограф речи А. П. Щапова (см. стр. 410).